ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА МОСКВЫ
«МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Шаповал Виктор Васильевич

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ВЕРИФИКАЦИИ СЛОВАРНЫХ ДАННЫХ НА ОСНОВЕ ИСТОЧНИКОВ

Специальности: 10.02.01 – русский язык,
10.02.19 – теория языка

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант:
доктор филологических наук,
профессор А. В. Григорьев

МОСКВА 2016

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....5
ГЛАВА 1. ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ КРИТИКИ.....21
1.1. Лексикографическая критика в системе современной лексикографии.....21
1.2. Основные категории и понятия источниковедения в приложении к лексикографии.....47
1.3. Проблемы верификации описания редких лексических единиц.....65
ГЛАВА 2. МЕТОДИКА ВЫЯВЛЕНИЯ И ИСПРАВЛЕНИЯ СЛОВАРНЫХ ОШИБОК. ПРОЦЕДУРА ПРОЦЕДУРА ВЕРИФИКАЦИИ ДАННЫХ СЛОВАРЯ 80
2.1. Общие вопросы теории ошибок.....80
2.2. Процедура выявления словарной ошибки.....92
2.3. Стратегии критической проверки и исправления сомнительного описания слова.....105
ГЛАВА 3. ОШИБКИ ПРОЧТЕНИЯ И КОПИРОВАНИЯ КАК ОБЪЕКТ ГРАММАТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И СИСТЕМАТИЗАЦИИ.....130
3.1. Грамматологические основы текстологического анализа сомнительных записей слабо документированных слов.....131
3.2. Опыт статистического анализа сомнительных записей слабо документированных слов.....159
3.3. Опыт текстологического анализа сомнительных записей слабо документированных слов в отечественной лексикографической критике 187
ГЛАВА 4. ОПЫТ ТИПОЛОГИЗАЦИИ ОШИБОК ПРОЧТЕНИЯ И КОПИРОВАНИЯ ЗАГЛАВНЫХ СЛОВ.....202
4.1. Смешение букв и групп букв как главный источник ошибок прочтения 204

4.2. Опечатки в заглавном слове.....235
4.3. Ошибки идентификации заглавного слова 262
ГЛАВА 5. ВЫЯВЛЕНИЕ И ИСПРАВЛЕНИЕ ОШИБОЧНЫХ КОМПОНЕНТОВ В СЛОВАРНОЙ СТАТЬЕ..... 272
5.1. Принципы исправления толкования слабо документированного слова273
5.2. Грамматические пометы как объект критического анализа и верификации.....309
5.3. Неточности, возникающие при выборе ограничительных помет, и приёмы их верификации..... 333
ГЛАВА 6. ВЫЯВЛЕНИЕ ИСТОЧНИКОВ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ ЗА ПРЕДЕЛАМИ СЛОВАРЯ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИМИ МЕТОДАМИ.....347
6.1. Помеченный и непомеченный слои компиляции.....347
6.2. Помеченный слой компиляции как носитель сведений об источниках словарной статьи..... 359
6.3. Непомеченный слой компиляции как носитель сведений об источниках словарной статьи..... 376
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....420
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....434
1. Научные труды.....434
2. Лексикографические источники и справочные издания.....488
3. Текстовые источники.....511
ПРИЛОЖЕНИЯ..... 519
Приложения к 1.1.....519
Приложения к 1.3.....525
Приложения к 2.1.....527
Приложения к 2.3.....530
Приложения к 3.1.....531
Приложения к 3.2.....533
Приложения к 3.3.....540

Приложения к 4.1.....544
Приложения к 4.2.....582
Приложения к 4.3.....585
Приложения к 5.1.....587
Приложения к 5.2.....596
Приложения к 5.3.....597
Приложения к 6.1.....601
Приложения к 6.2.....602
Приложения к 6.3.....604
ХАРАКТЕРИСТИКА ВАЖНЕЙШИХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ.....621
ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ К ПРИЛОЖЕНИЯМ.....640
1а. Научные труды.....640
2а. Лексикографические источники и справочные издания.....647
3а. Текстовые источники.....652
Указатель примеров.....657
Список рисунков и графиков.....682
Список таблиц и схем.....684

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено верификации словарных данных на основе источников, разработке системы источниковедческой критики словаря: теоретическому и методологическому обоснованию её необходимости в условиях современной культурной ситуации, систематизации традиционных и разработке новых методик работы с источниками при составлении словаря, описанию соответствующих верификационных техник и процедур и обобщению и обогащению опыта практического применения предлагаемой системы в целях повышения филологической достоверности словаря.

Исследование опирается на традиции отечественной лексикографии и критики словарей, представленные в трудах А.Е. Аникина, Л.Ю. Астахиной, В.И. Беликова, В.Д. Бондалетова, В.Б. Быкова, В.В. Веселитского, А.С. Герда, М.А. Грачёва, И.Г. Добродомова[1], В.С. Елистратова, А.Ф. Журавлёва, Л.Я. Костючук, С.И. Коткова, В.В. Краснянского, Л.Л. Крючковой, Д.С. Лихачёва, О.М. Медушевской, В.М. Мокиенко, С.А. Мызникова, Т.Г. Никитиной, И.А. Пильщикова, М.Н. Приёмышевой, А.Б. Страхова, Н.В. Счётчиковой, Н.И. Толстого, Н.С. Трубецкого, В.И. Чернышёва, М.И. Чернышёвой, а также и зарубежных учёных: Х. Вальтера, В.В. Дубичинского, В. Маньчака, В. Махека, Ф. Оттена, М. Фасмера, В.К. Щербина, Х. Яхнова и др. Основы критики словаря как источника закладывались в XIX веке В.И. Далем, И.И. Срезневским, Ф.И. Буслаевым, Р.Ф. Брандтом и др.

Источниковедческая критика словаря как главный инструмент верификации словарных данных по своему объекту и целям принадлежит лексикографии, но одновременно по происхождению тесно связана с источниковедением, включаемым чаще в комплекс вспомогательных (специальных) исторических дисциплин, но заметно представленным и в

1 И.Г. Добродомов является нашим первым наставником по теме диссертации.

филологии, в частности, в сфере лингвистического источниковедения и текстологии. Знание и использование критики источников необходимо при составлении любого современного словаря. «Современное языкознание разделилось на множество рукавов или даже ручейков» [Солнцев 1999: 14]. Думается, в этом углублении специализации находится и место для лексикографической критики.

Системность представления источниковедческой критики словаря как отдельной дисциплины основана на обобщении работ по научной критике словаря, с одной стороны, и экспликации методов работы с лингвистическими источниками, с другой; разработана на графемном, лексическом, словарном и интертекстовом уровнях; содержит описание возникновения ошибки на этапах восприятия и порождения, выявления возможной ошибки, её обоснования и исправления; включает теоретическую и практическую части. Для наименования дисциплины, систематизирующей различные аспекты «осмысления лексикографических ошибок», предлагался латинско-греческий термин *эрратология* [Добродомов, Шаповал 2011: 97]. Систематизацией ошибок переводчика занимается дисциплина, также именуемая *эрратологией* [Иеронова 2007: 6]. Термины из греческих основ *сфал(ь)матология* и *латология* (λαθολογία) закрепились за теорией ошибок в медицине.

Сверхзадачей настоящей работы является восстановление единого историко-филологического контекста в деле подготовки современного лексикографа[2], возрождение идей и принципов источниковедения, демонстрация использования методов и приёмов источниковедения при верификации словарных данных.

Словарь является уникальным феноменом культуры, поскольку концентрирует информацию, накопленную обществом на определённом этапе

2 Уже указывалось на необходимость и успешные попытки «ввести в план вузовской подготовки славистов и русистов новый учебный курс «Славянская лексикография» (рабочая версия уже используется в качестве учебного пособия в России и в других славянских странах)» [Чернышёва 2013: 8].

своего развития, и предоставляет к ней удобный доступ, чем выполняет важные социальные функции – когнитивную, информационную и др. Словарь обеспечивает понимание между разными людьми и социальными группами, поскольку содержит толкования слов «иных языков», не вполне знакомых читателю, коль скоро он обращается за помощью к словарю. Кроме коммуникативной, словарь выполняет и важную нормативную функцию: описывает те или иные значения, употребления слов, грамматические правила и т. п., в том числе закрепляет их de jure: так, Постановление Правительства Российской Федерации от 23 ноября 2006 г. № 714 «О порядке утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации» утвердило ряд справочников в качестве эталонных, Приказ Минобрнауки России № 195 от 8 июня 2009 г. «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации» утвердил в данном качестве четыре словаря. Основы государственной культурной политики Российской Федерации указывают следующую задачу: «Организация и поддержка работ в области научного изучения русского языка, его грамматической структуры и функционирования, исследования древних памятников письменности, создания академических словарей русского языка и электронных лингвистических корпусов» [Основы 2014: 11-12]. В свете этих задач несомненна и важность повышения научной корректности лексикографических изданий.

Использование словаря в культуре как авторитетного справочного издания задаёт особое читательское восприятие его текста: наблюдается своего рода «презумпция преднамеренности», когда любое отступление от читательских стандартов или представлений об искомом предмете воспринимается как осознанная кодифицирующая позиция лексикографа, что снижает возможности коррекции и повышает требования к достоверности информации, приводимой в

словаре.

Концентрированность информации, являющаяся отличительным признаком словаря, и компактность его формы достигаются за счет использования сокращений и условных символов и шрифтовых выделений; гипертекстовый принцип построения (отсылки к другим частям словаря) предполагает нелинейное чтение; информация извлекается в том числе из распределения функций между структурными частями словарной статьи (так, примеры употребления слова обычно располагаются за его толкованием и проч.) [Шаповал 2009k; 2009*l*]. Перечисленные особенности предполагают наличие определённого навыка в восприятии подобных текстов у читателя и особых требований к филологической квалификации автора-составителя[3].

3 В данной работе речь идёт об исправлении ошибок базового уровня, поэтому невозможно в полной мере осветить подход к словарю как тексту, включённому в определённые типы коммуникативного взаимодействия, но следует подчеркнуть, что мысль о необходимости такого подхода является одной из фоновых идей, обусловивших выбор аспектов и инструментария верификации конкретного словарного материала на данном этапе исследования. Необходимость обучать искусству понимать конкретный словарь и словарь вообще следует из представления о специфике структуры ожиданий языковой личности при воспрятии сообщения: «С другой стороны, есть всегда какой-то социально принятый норматив культурного поведения в герменевтической ситуации, общественное представление о недопустимой мере непонимания. Поэтому вопрос о некоторых деталях интенциональности и интендирования превращается в социально-педагогический вопрос о способах выведения реципиента к техникам, помогающим ему освоить социально адекватный уровень герменевтических готовностей языковой личности: ведь при обсуждении этих задач на реципиента приходится смотреть как на представителя родовой языковой личности» [Богин 2001: 84]. Стереотипы восприятия сообщения (см. [Николаева 1999: 704]) в словаре также являются перспективным объектом исследования.

Актуальность исследования прямо обусловлена общей современной коммуникативной и социокультурной ситуацией и её отражением в словарном деле, когда всё более и более ощутимым становится дефицит качества лексикографических изданий, публикуемых как в традиционной бумажной, так и в разнообразных электронных формах. Ускоряются темпы переиздания старых и составления новых словарей, а новые технические возможности вызывают появление как более эффективных способов работы, так и не существовавших ранее типов ошибок, для которых необходимы новые приёмы верификации. Кардинально меняются некоторые принципиально важные характеристики словаря (так, для бумажных изданий важен выбор наиболее экономного способа представления информации, электронные же формы позволяют многократно копировать информацию, что создаёт новые проблемы) и т. п. Коммерциализация и изменения в технике книгоиздания определяют растущую потребность в совершенствовании профессиональной и объективной критики и оценки лексикографической продукции. Эти проблемы активно изучаются научным сообществом. Критика словарей в последние годы является одной из главных тем на авторитетных встречах лексикографов, заседаниях Комиссии по лексикологии и лексикографии при Международном комитете славистов в Гродно (2010), Харькове (2011), Киеве (2012), Санкт-Петербурге (2015), в тематике докладов XV Международного съезда славистов (Минск, 2013) и др.

С лингвистической точки зрения **актуальность** работы определяется необходимостью дальнейшего развития теории лексикографии в аспекте разработки критериев верификации словарей русского языка; системного обобщения практики использования методов источниковедения в области критики словарей; создания целостной системы выявления и исправления словарных ошибок в процессе источниковедческой критики словаря и потребностью в подготовке отсутствующей сегодня необходимой базы для обучения молодого поколения лексикографов корректной работе с источниками.

В настоящее время источниковедческая критика словаря развивается как не вполне обособленная область научной лексикографической критики, использование же инструментов источниковедения и текстологии пока относится к области индивидуальной квалификации учёного, проявляющейся преимущественно в исторической лексикографии.

Лексикографическая критика, или научная критика словарей, рассматривается как составная часть лингвистики (лексикографии) и реализуется преимущественно в формах словарных рецензий разнообразных жанров (журналистских, исследовательских и др.). В мировой науке лексикографическая критика (dictionary criticism, etc.) занимается изучением и исследованием всех аспектов создания и использования словарей. По мере развития научной специализации критика словарей всё чаще выделяется как особое направление, решающее задачи оценки словаря и верификации словарных данных, и развивается сегодня в нескольких перспективных направлениях, в том числе междисциплинарных.

Со второй половины XX века в отечественной исторической лексикологии наблюдается рост внимания к описанию редких и слабо документированных слов, к приёмам проверки данных источников, в которых они зафиксированы, к вопросам достоверности описания слова в словаре. Проблема достоверности словарного описания сегодня выходит на первый план также в связи с изменением общекультурных условий производства словарей, однако ни сама лексикография, ни даже понимаемая узко критика словарей не имеют ясных эксплицитных правил обеспечения корректности словарного описания. Критическая проверка словарных данных, так или иначе осуществляемая на стадиях подготовки словаря и его использования, является обычной для лексикографа процедурой, но при этом прямо зависит от многих субъективных параметров и пока всё ещё не вполне обеспечивается на этапе обучения лингвиста лексикографическому делу.

Критика источников словаря по комплексу приёмов является частью

более общей дисциплины, условно называемой критикой источников и являвшейся обязательной частью историко-филологического образования в России в XIX веке. Источниковедение как предмет университетской программы входило в подготовку всех ведущих лингвистов и словарников; и даже в начале XX века критика источников вполне совпадала по текстологическим приёмам у историков и филологов. Вынужденное разделение этого единства привело к тому, что филологи оказались лишены источниковедческой подготовки[4].

С другой стороны, современное источниковедение отвечает на общемировую тенденцию усиления «доказательности» исследований, то есть применения стратегий, основанных не на авторитетных мнениях, а на всестороннем анализе собранной информации. Формально оставаясь прикладной исторической дисциплиной, источниковедение расширяет сферы своего применения: выделяют источниковедение культуры [Каравашкин, Юрганов 2005], не вполне совпадающее с текстологией литературное источниковедение [Бельчиков 1983], объединение литературного источниковедения и текстологии [Жураев] и др. Специфику лингвистического источниковедения, его целей и методов обосновывал С.И. Котков, исходя из интересов историков языка при публикации памятников письменности [Котков 1964: 3-13; Котков 1980]. Его концепцию применительно к лексикографии продолжают развивать Л.Ю. Астахина [Астахина 2006] и мн. др.

4 Надо особо подчеркнуть, что и историки отмечают проблемы в источниковедческой подготовке в своей области: «Действительно, сегодня многие из тех наших специалистов, которые пытаются критиковать версии альтернативной истории, дают волю эмоциям и вовсю бичуют дилетантов, вольно обращающихся с источниками и занимающихся “искажениями и извращениями”. Разумеется, их возмущение имеет свои основания, и нынешнее небрежное обращение с историческими источниками отчасти объясняется падением уровня образования и в особенности пренебрежительным отношением к источниковедению» [Шнирельман 2011: 18].

Методы работы с источниками универсальны, но осваиваются они при работе с конкретным материалом. Наряду с текстологией и палеографией памятников прошлого сегодня требуются аналогичные инструменты для современных, в том числе рукописных и электронных источников. Это позволит учесть все последствия изменения социокультурной ситуации, влияющей как на формы создания и бытования текстов, так и на качество словарей и потому настоятельно требующей изменения методов работы с источниками.

Для целей описания и сохранения русского языка использование источниковедческого инструментария в лексикографии сегодня весьма востребовано. Оно накопило достаточно большой опыт, чтобы с полным правом претендовать не только на осмысление и описание специфики своих задач и инструментария, но и на представление источниковедческой критики в лексикографии как инструмента верификации словарных данных, чему и посвящено настоящее исследование.

Необходимо подчеркнуть, что диалектный и жаргонный материал XIX-XX вв., на котором базируется исследование, является лишь незначительной частью *слабо документированной лексики*. Её массив сегодня стремительно расширяется, миллионы людей вовлечены в создание неформальных текстов, которые являются источником и объектом актуальной лексикографии. Таким образом, настоящее исследование в области верификации описаний *слабо документированной лексики* направлено не только в прошлое, но и в будущее.

Лексикографическая работа сегодня, с одной стороны, проще технически, с другой – сложнее стало обрабатывать большие массивы, обеспечивая при этом выполнение формализованных процедур и фиксируя дефициты в необходимых случаях. Это требует и значительного совершенствования процедур критики и верификации лексикографических источников.

Объектом исследования являются словарные описания слабо документированной лексики, представленные в диалектных и жаргонных словарях русского языка, толковых словарях русского литературного языка и

других источниках.

Предметом исследования является верификация сомнительного лексикографического описания слова – как возможной ошибки в подаче *слабо документированного слова*, а также категория *ошибки* лексикографического описания в гносеологическом, генеалогическом, типологическом, структурном и прикладном педагогическом аспектах.

Цель работы – на основе обобщения и систематизации существующего опыта изучения словарных ошибок теоретически обосновать и системно представить источниковедческую критику словарей как самостоятельное прикладное направление в научной лексикографии и продемонстрировать практическое применение верификационной процедуры, направленной на повышение филологической достоверности лексикографического описания. Указанная цель предполагает решение следующих частных **задач**:

1) определить место источниковедческой критики как ресурса верификации словарных данных среди других направлений лексикографической критики, основные категории и понятия источниковедения в приложении к лексикографии, уточнить круг проблем и причины ошибок при описании слабо документированных слов в словарях;

2) рассмотреть общие вопросы теории ошибок, проанализировать процедуру выявления словарной ошибки, включающую стратегии критической проверки и исправления сомнительного описания слова;

3) описать ошибки прочтения на основе грамматологического и статистического анализов, обобщить опыт выявления ошибок прочтения отечественными учёными;

4) разработать типологию ошибок, приводящих к возникновению записей несуществующих (фантомных) заглавных слов; а также описать новые типы ошибок, возникающие в связи с широким применением современных технических средств (ошибок сканирования и кодирования);

5) предложить типологию ошибок в толковании слова и при

интерпретации иллюстративных контекстов, а также представить пути верификации грамматических и основных ограничительных помет (стилистических, географических, хронологических) в словарной статье;

6) разработать и апробировать применение комплекса текстологических критериев вычленения помеченного и непомеченного слоёв компиляции (массива цитат из словаря-предшественника) с целью оценки оригинальности и достоверности отдельной словарной статьи с учётом её возникновения в определённой линии преемственности;

7) представить репрезентативное собрание словарных ошибок и материалы для учебного пособия по подготовке лексикографов в области верификации словарных данных средствами критики источников.

Материалом исследования послужило 79 словарей социальных, территориальных диалектов и др. описаний лексики ограниченного употребления. Всего привлечено более 180 словарей и около 120 текстовых источников. Поскольку все словари охватить физически невозможно, решено было остановиться на отдельных диалектных словарях преимущественно южных и сибирских регионов, позволяющих проследить возникновение неточностей в ряде источников СРНГ, а также на некоторых жаргонных словарях, на материале которых первоначально проверялись и оттачивались приёмы источниковедческой критики[5]. Репрезентативность охваченного материала доказывается частными выводами работы, которые получили разностороннее обоснование. Рассмотрено более 2192 уточнённых и исправленных описания малоизвестных слов, из которых более 1370 предложены или кардинально уточнены автором настоящего исследования.

Методы исследования. В исследовании применялись сравнительно-сопоставительный, сравнительно-исторический, лингвостатистический методы, а также методы дистрибутивного, источниковедческого, текстологического,

5 Это ни в коей мере не означает, что словарь социальных диалектов воспринимался и использовался как corpus vile, но объясняется более простой текстологической историей жаргонных словарей.

этимологического, графологического анализа и приём графической реконструкции, взятый из традиционной палеографии и текстологии и дополненный при опоре на современную палеографию и почерковедение и методику обучения письму, применялся также метод *чёрного ящика*. Новое применение нашли принципы полевой теории в лингвистике, методы верификации данных полевой описательной лингвистики, базовые понятия теории перевода, в частности, классификации ошибок в переводах. Оптимизированы процедуры выборки по электронной версии словаря.

Научная новизна. В исследовании впервые

1) обобщён и обогащён опыт обнаружения и исправления ошибочных и призрачных словарных фиксаций из широкого круга современных словарей; опыт критики исторических словарей систематически адаптируется к верификации материалов современных лексикографических источников по территориальным и социальным диалектам.

2) создана типология ошибок записи и прочтения заглавного слова и предложены стратегии их выявления; новизна предлагаемой нами типологии ошибок состоит в том, что (а) она опирается на значительный объём эмпирического словарного материала в форме рукописных картотек и печатных изданий; (б) всемерно учитывает опыт предшественников как при работе с древним, так и с новым материалом; (в) детализирует существовавшие ранее классификации очиток на основе причин их ошибочного восприятия и порождения; (г) рассматривает ошибки сканирования и кодирования;

3) обобщена практика выявления и обоснованного исправления ошибок лексикографического описания (толкования, помет);

4) разработана процедура вычленения слоя компиляции (совокупности цитат из одного словаря-предшественника), продемонстрировано приложение полевой теории к новому материалу;

5) разработаны и обоснованы принципы оценки словарной статьи с точки зрения текстологической преемственности;

6) дополнен и уточнён значительный фактический материал, важный для русской лексикологии, особенно диалектной и исторической;

7) представлено репрезентативное собрание словарных ошибок и материалы для подготовки лексикографов в области верификации словарных данных.

Теоретическая значимость. Работа вносит значительный вклад в разработку методологии источниковедческой критики словаря, развивая традиции отечественной текстологии и источниковедения, дополняя традиционную классификацию описанием актуальных типов ошибок. В итоге создаются предпосылки для алгоритмизации процедуры верификации описания на уровне отдельных элементов словарной статьи и её связей. Нами обоснована и продемонстрирована применимость при верификации словарных данных понятий графическая реконструкция, графические дублеты, непомеченный и помеченный слой компиляции, прерывистая цитата, стратегия цитирования и др. Убедительно показана необходимость изменения методов работы с источниками лексикографических изданий с целью повышения её эффективности.

Практическая значимость. Результаты исследования имеют значение для исторической лексикологии, диалектологии и диалектной лексикографии, а также для истории русского языка и этимологии. Репрезентативное собрание словарных ошибок может быть использовано в исследованиях по фольклору, этнологии, культурологии, переводоведению, этно- и социолингвистике, при составлении словарей, исследовании слабо документированной лексики, а также для обучения лексикографов.

На материалах исследования были разработаны спецсеминары «Актуальные проблемы социолингвистики» (Международный Славянский Университет им. Г.Р. Державина в Москве, 1999 г.) и «Проблемы источниковедческой критики русских словарей» (Московский педагогический государственный университет, 2004-2006 гг.), новые типы заданий на

лексикографическом материале для Всероссийской олимпиады школьников по русскому языку (с 2005 г. по настоящее время) и др. учебно-методические разработки для общеобразовательной и высшей школы.

Формулировка гипотезы. Верификация словарных данных на основе источников является обязательным условием научности и объективности описания слабо документированной лексики, роль верификации как ресурса для повышения филологической достоверности словаря возрастает по ряду объективных причин.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Главной причиной ошибок как при прочтении слова, так и при понимании его лексикографического описания является пониженная избыточность словарного текста, её повышение снизит риск появления ошибок.

2. Позиция заглавного слова, если речь идёт о записи слабо документированного слова, особенно подвержена искажениям, поскольку лишена опоры на контекст. Заглавное слово следует дублировать в другом шрифтовом оформлении.

3. Исправление ошибочного прочтения слова представляет собой последовательный перебор и оценку всего множества вероятных чтений «тёмного места», для оптимизации которых полезен учёт статистики выявленных ошибок.

4. Классификация некорректных записей заглавного слова и других частей словарной статьи при описании малоупотребительных и слабо документированных слов не зависит от их принадлежности к конкретному территориальному или социальному диалекту, а также к литературному языку, а определяется условиями фиксации и копирования.

5. Уточнение написания слова и состава словарной статьи создаёт предпосылки для исправления ошибок в различных компонентах словарного описания (толкованиях, пометах) на основе более строгой процедуры верификации.

6. Вычленение слоя компиляции (массива цитат из словаря-предшественника) при помощи системы текстологических критериев позволяет более объективно оценить достоверность словарной статьи с точки зрения текстологической преемственности.

7. При анализе ошибок разного уровня и масштаба необходимо различение ошибок восприятия и порождения, что позволяет разделить ошибки по причинам их возникновения и выработать более эффективные стратегии их обнаружения и исправления.

Положения 8 и 9 относятся к специальности 10.02.19 – теория языка:

8*. Выявление значительного числа слов цыганского происхождения, включенных в жаргонные словари из научных описаний без достаточных оснований, позволяет заключить, что роль цыганского фактора в формировании лексического состава русских и других жаргонов заметно переоценивалась.

9*. Возвращение к традиционным приёмам критики источников, как и выработка новых приёмов верификации, настолько востребованы в лексикографии, что могут претендовать не только на осмысление специфики задач и инструментария в рамках особого направления, но и на представление источниковедческой критики в лексикографии как инструмента верификации словарных данных.

Апробация работы осуществлялась в форме докладов на 27 международных научных конференциях «Этническое и языковое самосознание» (Москва, 1995), «Кирилло-Мефодиевские чтения» в Международном славянском университете (Москва, 1995-1999), VI и VIII Международные конференции в Московском открытом педагогическом университете (1998, 2001), «Проблемы эволюции текста в традиционных и современных культурах» (Коломна, 2002), «Художественный текст и культура. (Владимир, 2003), «История и культура славян в зеркале языка: славянская лексикография» (Москва, 2005), «Русская академическая неография» (Санкт-Петербург, 2006), «Słowo. Tekst. Czas» (Szczecin, 2008), «Международная

научно-практическая конференция, посвящённая юбилею д.ф.н., проф. А.М. Мелерович» (Кострома, 2008). «International Conference on Romani Linguistics» (Санкт-Петербург, 2008; Хельсинки, 2010), «Наследие Д.С. Лихачёва в культуре и образовании России» (Москва, 2007), «Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании» (Москва, 2009-2012), «Сравнительно-историческое языкознание. Алтаистика. Тюркология» (Москва, 2009), «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» (Екатеринбург, 2009), «Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium» (Гродно, 2009), «Поливановские чтения» (Смоленск, 2003, 2005, 2009, 2011), «Перевод Библии как фактор сохранения и развития языков народов России и стран СНГ» (Москва, 2008), «Русский язык XIX века: эпоха новаций в русской языковой культуре» (Санкт-Петербург, 2008), «Виноградовские чтения» (МГПУ, Москва, 2009, 2011), «Роми України: із минулого в майбутнє» (Київ, 2008), Расширенные заседания Комиссии по лексикологии и лексикографии Международного комитета славистов (Гродно, 2010; Киев, 2012, Санкт-Петербург, 2015), «Понимание в коммуникации» (Москва, 2009, 2011), «Українська і слов'янська тлумачна та перекладна лексикографія: теорія, практика, перспективи» (Киев, 2012), XLIII и XLIV Международные филологические конференции СПбГУ (Санкт-Петербург, 2014, 2015), международная конференция «Современные проблемы лексикографии» (Санкт-Петербург, 2015) и др.

Содержание диссертации, отдельные её аспекты, проблемы методологии, основные положения и результаты исследования отражены в 113 публикациях автора общим объёмом 150,13 п. л. Из них **21** статья по теме исследования суммарным объёмом **15,62** п. л. опубликована в рецензируемых научных изданиях, рекомендуемых ВАК РФ. В них же были опубликованы **11** рецензий на словари и другие описания лексики общим объёмом **5,56** п.л.

Объём и структура работы. Диссертация объёмом 686 с. состоит из Введения, шести глав, Заключения, Списка использованной литературы,

Приложений, включающих характеристику основных лексикографических источников, дополнительный список литературы к Приложениям и словоуказатель основных проанализированных слов на 654 позиции.

Список использованной литературы включает 722 позиции (из них 115 позиций – на иностранных языках). Ещё 151 позиция дополнительно использована в материалах Приложений.

ГЛАВА 1. ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ КРИТИКИ

1.1. Лексикографическая критика в системе современной лексикографии

Первые три главы посвящены рассмотрению теоретических принципов верификации словарных данных на основе критики источников словаря с целью повышения их (данных) филологической достоверности.

Задача первой главы – дать общее представление об объекте исследования: определить место источниковедческой критики как ресурса верификации словарных данных среди других направлений лексикографической критики, основные категории и понятия источниковедения в приложении к лексикографии, уточнить круг проблем и причины ошибок, возникающих при описании слабо документированных слов.

1.1.1. Направления в лексикографической критике

Лексикографическая критика, или научная критика словарей, рассматривается как составная часть лингвистики (лексикографии) и развивается сегодня в нескольких перспективных направлениях, в том числе междисциплинарных. Одним из них является усиление роли лингвистического источниковедения в исторической и диалектной лексикографии как проявление тенденции к общему росту «доказательности» и эксплицитности научных исследований.

В своём исследовании мы придерживаемся концептуального противопоставления системы как «совокупности взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов» и структуры, не обладающей вторым качеством. Это положение, закрепившееся в отечественном языкознании и

обоснованное А.С. Мельничуком [Мельничук 1970: 19], развивается в современной когнитивистике [Лукин, Черкасов 2012: 114]. Как определяет А.Ю. Бабайцев, система – это «категория, обозначающая объект, организованный в качестве целостности», а также, что в особенности важно для подхода, обосновываемого в исследовании, «задающая онтологическое ядро системного подхода» [НФС 1998: 619], поскольку в рамках данной методологической парадигмы «задачей системного исследования становится изучение специфически системных свойств объекта» [НФС 1998: 619-620].

Таким образом, элементом системы может выступать и процедура, интеллектуальная операция, включенная в критический анализ некоторой лексической модели, например, словарного источника прошлого или настоящего. «Системный подход представляет собой методологическую ориентацию на изучение сложных явлений как целостных систем с помощью концептуального аппарата, включающего в качестве основных такие понятия, как система, элементы, связи, отношения, функции, уровни, иерархии, структура, целостность, управление, регуляции, развитие, динамика, организация и т. п.» [Семёнов 1983: 27]. В этом смысле только корректно, последовательно и полно проведённая критика источников – системна, и только такая критика источников обеспечивает верификацию данных.

Как возвращение к традиционным приёмам критики источников, так и выработка новых приёмов верификации, обусловленных применением современных технических средств, настолько востребованы в лексикографии, что для осмысления специфики задач и инструментария данного направления требуется представление источниковедческой критики в лексикографии как инструмента верификации словарных данных.

В течение многих веков считается, что составитель словаря берёт на себя проверку материалов, а качество труда оценивается затем рецензентами и читателями. При этом критическая проверка, протекающая параллельно с созданием словаря, и критическая оценка словаря как продукта не обязательно

осознаются как особое направление в обеспечении словарного дела.

Характерно, что даже само словосочетание «критика словарей» не встречается в некоторых изданиях и учебных пособиях по лексикографии [Дубичинский 2008; История 2001; Козырев, Черняк 2004]. Эта ситуация не является специфической для отечественной лексикографии: термин «критика» отсутствует в международном словаре по лексикографии [Wörterbücher 1991] и классической монографии [Hartmann 1998].

Однако этот термин широко представлен как в отечественном языкознании (напр.: [Грищенко 2013: 147; Шестакова 2011: 231] и мн. др.), так и в славистике: белорусское *лексікаграфічная крытыка* [Сіплівеня 2013: 86], болгарское *лексикографска критика* [Кювлиева-Мишайкова 1996: 97], польское *krytyka leksykograficzna / krytyka słowników* [Kiesz 2012: 103; Piotrowski 2001: 31-32], сербское и хорватское *kritika rječnika* [Dukat 1931; Hrvatski 1967] и *kritika rečnika* [Hartmann 2005: 208; Letsch 1982: 332], словацкое *kritika slovníka* [SLEX], украинское *лексикографічна критика* [Гордієнко 2011: 72], чешское *kritika slovníků* [Buzek 2012; Buzek 2012a]. (См. Прил.[6] 1.1-1.)

Научная критика словарей, будучи всё ещё не вполне формализованной междисциплинарной областью, рассматривается и оценивается по-разному. В.К. Щербин в связи с постановкой всего круга проблем оценки и верификации словарных материалов, опираясь и на зарубежный опыт, говорит о научной критике словарей как о направлении металексикографии [Щербин 2005а; 2007; 2009; Шчэрбін 2011]. «Так, немецкий учёный Г. Виганд, наряду с уже упоминавшимися выше направлениями металексикографии (общая теория лексикографии и история лексикографии), выделяет и такие направления, как исследование словарного использования и критика словарей (criticism of dictionaries) [Wiegand 1983: 15]» [Щербин 2009а: 297]. Такие направления в отечественной науке ранее не выделялись особо, например: [Морковкин 1987:

6 Таким образом оформляются отсылки к разделам Приложения, имеющим тот же начальный двузначный номер, что и соответствующий параграф работы: Прил. 1.1-, Прил. 1.2- и т. п.

39]. См. таблицу 1 (ниже) и Прил. 1.1-2, 1.1-3 и 1.1-4.

***Таблица* 1. Структура металексикографии** (по: [Wiegan 1983: 15])

История лексикографии	Общая теория лексикографии	Исследование использования словарей	Критика словарей
A. Общий раздел: 1. цели словаря 2. отношение к другим теориям 3. принципы истории лексикографии.	B. Теория организации: организация работы в трёх областях (A, C, D).	C. Теория лексикографического исследования языка: 1. сбор данных 2. обработка данных 3. компьютерная поддержка.	D. Теория лексикографического описания языка: 1. типы словарей 2. текстология словарных текстов.

Однако сегодня многие авторы, говоря о критике словарей, прежде всего имеют в виду словарные рецензии разнообразных жанров (краткие рецензии-аннотации, обзорные, исследовательского характера, авторецензии и др.) [Чернышёва 2011: 7]. Маргиналии к «Этимологическому словарю славянских языков» В.Б. Крысько доказывают возможность словарной критики в области исторической реконструкций [Крысько 2014: 100-119]. Видимо, могут возникнуть и другие новые объекты рецензирования, коль скоро появляются новые типы словарей. В.К. Щербин указывает в качестве образца аналитического обзора «опубликованных словарных рецензий за достаточно длительный период времени» работу Р. Чапмана [Щербин 2005а: 143], охватившую британские словарные рецензии за 75 лет [Chapman 1977: 143-162]. Это может быть и критический обзор практики лексикографического книгоиздания целой страны (напр., Нидерланды [Geeraerts, Janssens 1982]). Монография Марты Рипфель также была посвящена эмпирическому анализу

немецких словарных рецензий [Ripfel 1989]. К. Накамото в своей диссертации рассматривал установление критериев в формате листа-инструкции для рецензента одноязычного учебного английского словаря [Nakamoto 1994]. В.К. Щербин проанализировал 76 словарных рецензий акад. О.Н. Трубачева [Щербин 2005а: 145; Щербин 2007: 3-21]. В образцовом по методике и обстоятельном исследовании немецких словарных рецензий М. Рипфель рассматриваются в том числе и журналистские рецензии [Ripfel 1989: 298-299]. Марта Рипфель путем эмпирического анализа выделяет ряд компонентов, содержащих оценку тех или иных характеристик или параметров словарного издания [Ripfel 1989: 300-307], они составляют план идеальной словарной рецензии. Детализация характера лексикографической критики (по признакам: научный – ненаучный, объективный – субъективный, конструктивный – деструктивный) представлена у М.И. Чернышёвой [Чернышёва 2011: 7-9]. Следует отметить, что критерии оценки словарного описания систематически разрабатываются польскими учёными [Bielińska 2007; Żmigrodzki 2005]. Кроме того, спорадически публикуются ответы на рецензии, что позволяет говорить о формировании традиции проблемного диалога в славянской лексикографии [Мокиенко 1998; Экхофф 2004; Witczak 2010].

Наряду с практическими вопросами критики словарей решается и методологический вопрос о месте лексикографической критики в структуре науки о языке. Мирослава Подгаецка отмечает двойственность положения металексикографии по отношению к практической лексикографии: «Металексикография, как было подчеркнуто В. Хюлленом (Hüllen 1999: 3), не идёт рука об руку с практической лексикографией, потому что “никогда и не было лексикографии без словарных списков или словарей, но были долгое время (и есть до сих пор) списки слов или словари без лексикографии»[1]. <[1] Несколько неожиданно, это замечание явно контрастирует с мнением Франца Й. Хаусманна, что “металексикография столь же стара, как и сама лексикография” (цитата по: Hartmann 2001: 28)> [Podhajecka 2009: 153].

В. Хюлен, исследовавший английские словари за девять столетий, объясняет специфику лексикографии, и, кстати, феномен лексикографической инерции (см. 1.1.3.2), противоречием в использовании языка одновременно как объекта описания и как инструмента описания [Hüllen 1999: 3].

Решение вопроса о соотношении научной критики словарей и практической лексикографии не входит в задачи настоящей работы; затронем лишь один важный аспект. В.К. Щербин вслед за рядом учёных указывает на практический характер факторов, обусловивших развитие критики словарей [Щербин 2009а: 298-299]. В англоязычной и мировой традиции термин dictionary criticism (словарная критика) означает оценку словаря прежде всего с точки зрения интересов пользователя [Карпова 2010: 16], «user's needs» [Влавацкая 2013: 32], оценивается дружественное отношение к пользователю («przyjazność wobec użytkownika») [Żmigrodzki 2005: 14]. В этой традиции «выделяются три критерия оценки словарного труда, которые определяют "прицел" лексикографической критики: количество информации, качество информации (здесь выделяются разные критерии, в том числе – критерий надёжности, т. е. степень проверенности описываемого материала и т. д., мы в этом смысле говорим о *достоверности – В.Ш.*), эффективность представления информации в словаре. Как видим, под критикой словарей понимается решение широкого круга как прагматических, так и теоретических вопросов. В целом соглашаясь с этим, следует добавить также критерий оценки концепции словаря, поскольку именно изъяны недостаточно разработанной или изначально неудачной концепции могут привести к полным или частичным провалам в решении поставленных задач, – отмечает М.И. Чернышёва [Чернышёва 2011: 8], дополнительно подчёркивая, что это тоже задачи словарной критики: «Наиболее ценными для научного лексикографического сообщества оказываются рецензии, содержащие развернутую исследовательскую часть, т. е. рецензии исследовательского характера» [Чернышёва 2011: 8]. Критика двуязычного словаря стала предметом монографического исследования

Е. Ривелиса, где термин *критика* трактуется именно как разбор концептуальных оснований словаря [Ривелис 2007: 147]. (См. также Прил. 1.1-5.)

Однако глубокие исследовательские рецензии вряд ли могут найти своего читателя за пределами академических изданий. Примечательно, что в популярном пособии для словарников авторы особо пишут о том, как учесть читательские ожидания и запросы [Atkins, Rundell, 2008: 35], характер предполагаемого адресата («charakter przewidywanego adresata») учитывается при оценке словаря П. Жмигродским [Żmigrodzki 2005: 14]. Вопросы практической лексикографии также оцениваются через призму интересов пользователя [Henriques 2010: 170-173]. Эти и многие другие критики при оценке словаря выдвигают на первый план пользовательские и даже коммерческие (маркетинговые) критерии.

Данное направление критики словарей в связи с активизацией международных связей и утверждением болонской системы в образовании завоёвывает всё большую популярность и в России: «Таким образом, методика анализа словарей должна быть рабочим инструментом не только лексикографов, но и пользователей словарей,» – заключает В.Г. Будыкина свой анализ словарей педагогических терминов [Будыкина 2011: 10]. Однако в отечественной лексикографической традиции существует и развивается практически независимо ещё одно направление критики словарей. См. об этом ниже 1.2.1.

Для этого направления, как и для настоящего исследования, основным ресурсом, который служит целям верификации лексикографических данных, является критика источника. При этом источником признаётся как словарь-предшественник, так и тексты, в которых слово представлено. Этот подход смыкается с текстологией, поскольку использует такие понятия, как история текста, линии преемственности, выявление компиляций, реконструкция протографа, классификация разночтений и ошибок как их частной разновидности.

Необходимо обратить внимание на то, что наиболее разработана

текстология рукописных источников, а типографский текст и (не столь обязательно) машинопись вторичны по отношению к рукописному автографу. Текстология текста, созданного и хранящегося в электронной форме, (от)меняет прежнее представление об автографе[7]. Она находится в стадии разработки и технически не может опираться только на старое представление о редакциях исходной рукописи. Таким образом, настоящее исследование лишь отчасти может опираться на традицию, сложность и новизна реальной ситуации вынуждает прибегать к обоснованиям, в заметной мере опирающимся на непосредственные наблюдения и обобщения.

1.1.2. Типы словарей и другие объекты лексикографической критики

В сферу теоретической лексикографии входит разработка общей типологии словарей и словарей новых типов. Классический для отечественной лексикографии труд Л.В. Щербы «Опыт общей теории лексикографии» начинается с тезиса об отсутствии «общей лексикографической теории» [Щерба 1974 (2004): 265]. Попыткой восполнения этого пробела и является его этюд о типах словарей, описываемых на пересечении шести дихотомий. Таким образом, намечается потенциально 64 типа словарей, однако реально их меньше. Например, трудно представить **академический* по жанру и *энциклопедический* по типу подачи материала *тезаурус* с «*идеологическим*» расположением материала, но в форме *переводного* словаря и с *историческими* данными. Так что эта и многие другие ячейки остались пустыми. Или были заполнены позднее, как в случае с [Деулино 1969; Вершининский-1/7; Полный-1/4], где представлен полный лексический состав говора. Однако, с другой

7 Невероятное для традиционной текстологии исчезновение черновиков, истории текста и автографа (как материального и юридического феномена), разумеется, должно привести и к выработке новых приёмов критики в лексикографии, обусловливающих и возникновение грядущей текстологии «электронных» источников.

стороны, довольно частые оговорки о размытости критерия затрудняют иногда выделение чистых типов и увеличивают число переходных случаев.

Работа Л.В. Щербы о типах словарей послужила основой для лексикографических типологий. Они в заметной мере учитывают изменения в технике создания и использования новых типов словарей: словари грамматический, семантический, сочетаемости, словообразовательный, морфемный, обратный, фразеологический, частотный, «контактологический» [Бурыкин 1998], электронные и др. Это группировка типов словарей по 8 классификационным схемам [Цывин 1978: 100-108], фасетная классификация типов словарей по 8 параметрам [Роменская 1978: 181-188], линейная восьмичастная классификация [Кобрин 1985: 70-85], классификация филологических словарей по трем основаниям: «что-основание», «как-основание», «для кого основание» [Морковкин 1994: 13-23], учёт новых типов словарей [Лейчик 1999: 7-10; Лейчик 2006: 205-206], оценка группировок словарей с различением типологии как метода и классификации как системы понятий [Табанакова, Сивакова 2000], словарная типология (точнее: различные типологии) в сравнении [Дубичинский 2008: 64-80] и мн. др. Трудно развести решение задачи разработки и описания новых типов словарей и дополнения существующих типологий. Различные группировки типов словарей становятся уже самостоятельным объектом сопоставления, критики и дополнения, напр.: [Кузнецова, Сороколетов 2003: 378-381; Лукьянова 2005: 20-45; Мартынюк 2005: 105-107; Мокиенко 2013: 76–93; Попова 2012: 106-113].

Наряду со словарями в круг профессиональных лексикографических источников включаются как особый вид «словоуказатели» [Творогов 1975: 57], словарные приложения и лексические комментарии и примечания к публикациям памятников литературы и фольклора. Маргинальная глосса в памятнике письменности типа «Соломонъ, миръ» [Ковтун 1963: 22], к которой и восходят наши нынешние подстрочные примечания, является старейшим типом лексикографического текста. В этой области традиционно сильна связь с

источниковедением и критикой источников: «Современные словоуказатели развивают прежде всего традиции “Критики текста” – выявляя, отмечают искажения первоначального текста» [Бахтурина 1975: 55].

Л.Л. Шестакова указывает, что «авторский словарь, в виде словаря языка писателя, как отдельный словарный тип обычно не выделяется, а включается в состав многочисленных разновидностей справочников, описывающих ограниченный (по каким-либо признакам) круг лексики» [Шестакова 2012: 15]. Более дробное выделение типов словарей можно дополнять и далее.

Нас интересуют и другие словарные источники. С конца 1980-х гг. началась публикация непрофессиональных словарей, мало связанных с академической традицией. Любопытно, что созвучный Далю критический пафос свойствен и современным образчикам народной лексикографии.

«Кубанский говор. Опыт авторского словаря» военного журналиста Петра Ивановича Ткаченко был задуман как альтернатива практике необъективных, как считает автор, академических описаний кубанского говора, игнорирующих украинскую составляющую [Ткаченко 1998: 30].

Челябинский писатель Борис Павлович Прибытов, другой представитель народной лексикографии, пишет: «Подавляющая часть существующих словарей дает свои определения, исходя из принципа “как это должно быть”. В итоге наша жизнь предстает в виде, угодном верхам» [Прибытов 2008: 13].

Наивная лексикография реализуется не только в словарях, но и в пояснениях слов в прессе, в телепередачах, в художественных текстах, например: «олигарх – дословно богач» [Вепрева 2004: 58]. Это также законный, но пока очень слабо охваченный объект лексикографической критики. В.В. Веселитский отмечал, что и в литературе XVIII века новые слова нередко вводились с текстовыми пояснениями и комментариями, например: «начальная порошинка (атом)» [Веселитский 1972: 132]. Так что этот малый жанр в лексикографии имеет давние традиции.

Потенциальная открытость списка типов словарей создаёт проблему

отбора объектов для анализа. В заключение раздела необходимо остановиться на различении лексикографических источников, наметившемся в настоящем исследовании. Словарные ошибки обнаруживаются не во всех словарях одинаково. Если воспользоваться терминологией Л.В. Щербы, то можно сказать, что интересующие нас источники в меньшей степени характеризуются тенденцией к нормативности и в большей – тенденцией к «тезаурусности». Если речь идёт о диалектной или жаргонной лексике, то противопоставление нормативности и «тезаурусности» проявляется как стремление отразить либо бесспорную часть материала, либо нетривиальный редкостный лексический материал. Так, толковый словарь русского общего жаргона [Ермакова, Земская, Розина 1999] содержит всего около 450 слов, «с которыми мы все встречались» [Мокиенко 2013: 76]. Документированность этих слов не оставляет заметного пространства для ошибки. При отборе только надёжно документированного материала фантомы просто отсеиваются, например, при анкетировании [Hermanová 2011: 7, 85]. Более «перспективны» (в плане обнаружения ошибок и неполных описаний) словари, в которых отражён материал, оставшийся экзотикой и для составителя. Это обычно небольшие дифференциальные словари, составленные с целью зафиксировать необычную лексику.

Кроме того, далеко не случайно то, что довольно часто авторы интересующих нас словарей не являются лингвистами, этим обусловлено наличие ошибок, которые специалист не допустит, да и вряд ли ожидает встретить в словаре. Последним обусловлена и сложность их исправления.

1.1.3. Качество словарей и причины ошибок

1.1.3.1. Критерии достоверности, используемые самими лексикографами

Показательна история борьбы самих лексикографов со своими и (чаще) чужими ошибками. Хрестоматийным стало высказывание В.И. Даля: «Всѣ словари наши преисполнены самыхъ грубыхъ ошибокъ, нерѣдко основанныхъ на недомолвкахъ, опискахъ, опечаткахъ, и въ этомъ видѣ они плодятся и множатся» [Даль$_1$-I: IXX (=XIX)]. Симптоматично, что именно на этой странице римский номер страницы набран с ошибкой. Более подробно фонетически неприемлемые *ошибки прочтения* охарактеризованы в начале 4 главы, но здесь важно подчеркнуть, что ошибки прочтения в местных словах как из народных говоров, так и из условных языков при их публикации отмечались давно: «Макаровъ приводитъ примѣры опечатокъ въ собранныхъ имъ словахъ, въ родѣ *кампошка, пмогавить, пмогавый*, вмѣсто *каплюшка, плюгавить, плюгавый*» [Булич 1904: 985-986; Макаров 1822: 290, прим.]. Ранее, кстати, с другими ошибками: рязанское *пмогавить* ‘бездельничать, шиканить, подличать’ наряду с *плюгавный* ‘бездельник, шикан, подлец, мерзавец’ в источнике 1820 года [Макаров 1820: 19]. Схожие ошибки отмечены и в ранних украинских словарях [Гринченко-I: XI]. См. Прил. 1.1-6.

Методы верификации словарных источников всё чаще описываются в словарях. Достоверность слова подтверждается образцами устной речи. Отсюда важность «слухового принципа фиксации арго» [Елистратов 1994: 4-5; 2000: 3-4; 2005: 3-4], опоры на «реальное речевое употребление» [Быков 1994: 3; Югановы 1997: 11], проверки в «речевом поле» [Мокиенко, Никитина 2000: 7].

Существенно наличие независимых фиксаций в словарях. Так, В.Б. Быков при проверке материала использовал в качестве критерия свидетельство минимум двух независимых источников [Быков 1994: 4]. У В.С. Елистратова

среди градаций документированности слова наличие двух фиксаций также являются достаточным для включения в словник [Елистратов 1994: 5-6]. Условным критерием реальности слова считал свидетельства минимум двух авторов также и В. Махек [Machek 1957: 7; 1968: 7]. О.Н. Трубачёв, характеризуя манеру автокритики В. Махека, писал о [Machek 1968], что «Махек работает над 2-м изданием Sl. etym. j. č. a sl., как всегда – много “odvolává” <отзывает>, причём, как потом заметил, старается делать это «без большого шума» [Трубачёв 2009: 484]. Такая стыдливая позиция негласных самокоррекций чрезвычайно распространена, но не очень удобна для пользователя словаря.

В настоящее время выработка критериев оценки различных свидетельств по шкале достоверности становится, пожалуй, главным вопросом критики источников, поскольку позволяет *определить уровень достигнутого знания и дефициты в описании редкого слов*а. Методы, используемые для проверки материала, всегда предполагают поиск и привлечение альтернативных источников и требуют дополнительного времени и усилий. В современной ситуации (описанной во Введении) традиционные меры по повышению качества словарей и методы борьбы с ошибками часто оказываются не вполне эффективными. На фоне масштабного сетевого текстопорождения, не охваченного инструментами кодификации, словарям не хватает оперативности и аналитического инструментария. Анализ социальных сетей сегодня является объектом разнообразных лингвистических исследований [Толдова, Ляшевская 2014: 136]. См. также: [Шаповал 2015с: 308-311].

1.1.3.2. Причины возникновения ошибок в русских словарях

Выделим как социальные, так и собственно лингвистические причины, по которым в ряде словарей возникают и сохраняются неполные и неточные описания некоторых слов[8].

8 Уже после завершения и обсуждения диссертации вышла наша статья,

1. Лексикографическая инерция. До некоторой степени полемически заостряя проблему критериев истины в языкознании, Витольд Маньчак показывает лингвистическую специфику проверки гипотезы на истинность: «Если <лингвисты> обнаруживают, что данное утверждение высказано одним из нескольких авторитетов, то приходят к выводу, что утверждение является истинным» [Mańczak 2009: 75-76]. См. Прил. 1.1-7.

Запоздалое отражение словарями постепенных изменений в лексике порой связано с эффектом, который можно назвать *лексикографической инерцией*. Описание слова, уже закрепившееся в словарях, конкурирует с обновленной реальностью, часто небезуспешно. Это возможно даже тогда, когда практически все говорящие уже приняли новшество. Достаточно напомнить запоздалую словарную фиксацию нового ударения *йо́гурт* [Крысин 2003: 325-326; 2008а: 305], или значения ‘поступающий в вуз’ у слова *абитуриент*, поскольку в течение полувека на первый план в словарях выдвигалось устаревшее значение ‘выпускник учебного заведения’ [Добродомов 1963: 20-23]. Как подчёркивал В.В. Виноградов, «словарный состав языка быстрее и шире, чем другие стороны языковой структуры, реагирует на изменения во всех сферах общественной жизни» [Виноградов-Ia: 70], так что анахронизмы в словаре возникают постоянно, если в нём ничего не менять. Пётр Жмигродский приводит такой источник анахронизмов в польских словарях, который имеет вероятные аналогии и в словарях других языков: «definiowania nazw urządzeń technicznych przez opis ich budowy, czy zasady działania, które nie są dane raz na zawsze i mogą ulegać zmianom (przykładem – definicja hasła *telefon* w polskich słownikach, opisująca go jako system łączności przewodowej)» [Żmigrodzki 2005: 19] <определения наименований технических устройств через описание их конструкции или принцип действия, которые не являются данными раз и навсегда и могут изменяться (пример – определение слова *телефон* в польских словарях, описывающее его как систему проводной

отражающая содержание данного раздела [Шаповал 2015: 78-84].

связи)>.

Вопрос о релевантных, необходимых и достаточных элементах описания слова должен ставиться с учетом истории слова. Представленный в черновиках Пушкина «*Винегрет/vinaigrette*» интересен и как пример лексикографической инерции: «только в новых изданиях большого академического словаря в дефиниции современного *винегрета* оговорена обязательность свёклы» [Добродомов, Пильщиков 2008: 81; Шаповал 2009n: 142]. Этот дифференциальный маркер винегрета в ряду других салатов ныне является постоянным. Поразительно, как долго этот факт не отражался в словарях.

Принципиальным для корректной работы со слабо документированным словом является точное цитирование источника и запрет на неоговариваемые исправления. Это тоже своеобразное проявление инерции: правка по словарям и нормам литературного языка. Запись калужского *занемо́гнуть* ‘заболеть’ была прочитана как *заничогнуть*, а затем «исправлена» в *заничёгнуть*, что затруднило её настоящее исправление [Шаповал 2009e: 177]. Иногда высокая квалификация автора провоцирует его на машинальное исправление. В словаре полонизмов *чапка* ‘фуражка’ (пол. *czapka*) иллюстрируется цитатой из романа Богомолова: «“чапки”, что по-польски означает фуражки» [Шетэля 2007: 252; 2008: 255], но там печатается ошибочно “гапка” [Богомолов 1974: 45], см.: [Шаповал 2007d: 70]. (Указано Л.Н. Черенковым.)

Инерция обусловливает отсутствие критического взгляда на печатное свидетельство, авторитет которого абсолютизируется и блокирует проверку.

2. Цензура или политкорректность в обработке источника. О цензуре и самоцензуре как источнике редакций древнерусской рукописи писал Д.С. Лихачёв [Лихачёв 2001: 93]. Приведём пример действия цензуры в словаре. В.В. Виноградов упрекнул составителей проекта «Словаря древнерусского языка XI – XIV веков» [Сл. XI-XIV. Пр. 1966]: «В проекте словаря приведены слова *браконеискусомужьный* и *браконеискусьный.* Их значение формулируется

так: «*Только жен*. Не испытавшая брачной жизни» (стр. 234). На самом деле эти прилагательные – только эпитеты богородицы, “приснодевицы” Марии. Они не применялись вообще к женщинам, которые не знали брачной жизни, замужества, т. е. к “старым девам”» [Виноградов 1968: 17]. В первом томе этого словаря в 1988 году это замечание учтено [Сл. XI-XIV-1: 303]. Однако ранее, когда в 1975 году вышел первый выпуск другого словаря, опирающегося частично на ту же картотеку и традицию, оказалось, что таких слов нет, см.: [Сл. XI-XVII-1: 314]. Трудно сказать, что тому было причиной: невозможность найти безопасную формулировку (автоцензура) или пожелание цензора. Всё это не отменяет того факта, что далёкие от лексикографии люди вмешиваются в работу составителей словаря, и такие примеры можно множить quantum satis.

В связи с такого рода искажениями объективной картины в словарях нельзя не вспомнить и утверждение более общего науковедческого характера: «В определённые исторические периоды именно внешние по отношению к собственным задачам языковедения факторы – как это уже неоднократно было в истории науки – превращаются в главную движущую силу, определяющую развитие не только самой лексикографии как отдельной области лингвистики, но и науки о языке в целом» [Широков 2004: 338]: напр., поиск вредительства и буржуазного национализма в учебных изданиях [Лубянка 2011: 376]. Во «вредители» часто попадали словарники: «З початком 30-х рр. <XX в.> значну частину наукової продукції провідних мовознавчих центрів України й Білорусі квалификовано як “шкідницьку” та вилучено з наукового обігу» [Скопненко 2007: 16-17]. Также и В.К. Щербин констатирует: «К сожалению, на смену “словарному буму” 1920-х гг. пришел мрачный период необоснованных политических репрессий (1930 – 1950-е гг.), от которых пострадали многие белорусские лексикографы» [Щербин 2013: 40]. Цензура и автоцензура жёстко или мягко, но всегда принуждают к искажениям. Севернорусско-цыганское *курко́* ‘воскресенье’ [ЦРС 1938: 65] объявлялось *уст*<арелым>, поскольку словарь составлялся в годы кратковременного введения в СССР особого

календаря: семидневную неделю в 1930-1931 гг. сменили пятидневки-непрерывки, а с 1 декабря 1931 года по 26 июня 1940 года – шестидневки. Как в этом советском словаре, так потом и в венгерском, некоторые употребительные слова цыганского языка получают ту же помету «устарелое», на последнее указывает проф. М. Стюарт [Stewart 1997: 130, 268].

Этот внешний фактор приходится учитывать при чтении словарей, несущих печать своего времени. Например, сходным образом оценивается словарная статья **«Неневе́стный,** ая, ое. Невеста неневе́стная. Девушка, не имеющая жениха, не готовящаяся идти замуж. Мышк. **Яросл.,** Костоловский» [СРНГ-21: 97], которая получает справедливый упрёк А.Б Страхова: «Вообще говоря, *неневестная* – это популярный эпитет Богородицы в церковной гимнографии, калька греч. ἄνυμφος» [Страхов 2004: 292-293]. Думается, составители тоже понимали, о ком именно идёт речь («богородица» дважды допущено в иллюстративных контекстах этого выпуска), тем не менее учли требования времени (в 1986 году всякий намёк на религию ещё подвергался строгой дозировке).

Отдельные слова, как бранные, так и просто неприличные, не пропускались в словари, поэтому нарушение этого запрета обусловило популярность 3-го и 4-го изданий словаря Даля [Даль$_3$-I/IV], а также словаря А. Флегона [Флегон 1973] и др. Неопределённость границ прюдерии убедительно иллюстрируется вторым изданием «Толкового словаря» Даля в перенаборе 1956 года, откуда было выпущено слово *жидъ* с производными, что воспроизводится поныне [Даль$_6$-I: 541]. Третье издание было чохом отвергнуто из-за нескольких непечатных дополнений редактора проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ. Пермский крестьянин А.Н. Гладких, описывая разговор матери с младенцем, из соображений приличия шифрует слово *титька*: «мы вѣдь попу т....у не дадимъ, не дадимъ! на тибѣ ди-тко!» [Гладких 1913: 67] (если это не инициатива редактора).

П.Н. Рыбников комментирует строку песни: «Побѣжала на горку на

Вшивую*)» – «*) Извѣстная мѣстность въ Москвѣ, нынѣ *Швейная горка*. - *Изд*.<атель>» [Рыбников-1: 385, строка 70]. Из этой замены по созвучию ясно, что неприличности топонимии периодически изгонялись начальственной волей. *Швивая* (также *Вшивая*) горка – это не только Таганский холм у Библиотеки иностранной литературы в Москве, но и целый ряд других мест по России.

Главная особенность табуирования – невозможность достичь внятности правил, обсуждение которых равно блокируется, потому что также входит в зону табу. По этой причине произвольно расширяются границы эвфемизации, когда обозначения «представляются говорящему нежелательными» [Шаповал С.А. 2005: 223-224]. По поводу принципиальной неразделимости дисфемизации и эвфемизации см.: [Флоря 2013: 282], а также: «Эвфемизм не столько способ говорить пристойно, сколько способ говорить непристойности, не столько скрывая их, сколько обостряя» [Шкловский 1961: 23; 1966: 14]. Ограничимся двумя примерами, между которыми имеется широчайший спектр переходов: дама в интернете пишет «затра*али», употребляя в переносном смысле ‘надоели, утомили’ глагол *затрахали*, который является «эвфемистической заменой нелитературных глаголов коитальной семантики» [Крысин 1994: 30]; в русской коммуникации, акцентирующей принадлежность пишущего к иудейству, исполнение третьей заповеди приводит к написанию «Б-г» (*Бог*), «Г-сподь» (*Господь*), что не согласуется с правилами употребления дефиса.

Всё это создаёт трудности при лексикографировании и изучении табуированных слов и формул, напр.: [Беликов 2005: 47; Ковалев 2005: 264-283; Шаповал 2008d: 510-513]. См. также: 4.3.1.

3. Парметры профессиональной компетенции. Трудно заподозрить в оригинальности утверждение, что специалисту надо знать свой материал. В.В. Виноградов в связи с осмыслением проблем исторической лексикографии сформулировал требования к профессиональной компетенции составителя словаря: «Составление словаря древнерусского языка невозможно без знания

древнерусской литературы и без глубокой и всесторонней начитанности в её памятниках»; «Составление древнерусского словаря требует основательной историко-литературной подготовки, глубокого знакомства с исторической лексикологией и семасиологией и широкого этимологического кругозора» [Виноградов 1968: 9, 22]. Все эти требования, mutatis mutandis, применимы и ко всякой иной области лексикографии.

Иногда ошибка при понимании слова объясняется непредсказуемым пробелом в опыте специалиста. Так, слова литературного языка *душеприка́зчик, душеприка́зчица* иногда понимаются как якобы ‘тот, кто приказывает кому-то’ (*стоит над душой*) [Андреев 1989: 178]; алтайское *накуряться* значит ‘намокнуть, накупаться, погружаясь в воду с головой’ [Шелепова 2003; Воробьева 2002: 51, 58], а не якобы ‘накуриться’ [Елистратов 2001: 194].

Вызывает вопросы и толкование ‘блюдечки’: «**Зарки?**, *мн.* Блюдечки. □ ***В сравн.*** *Глаза расширились, зарки-та, так мы молоком его отпаивали.* Чулым. **Новосиб.**, 1969» [СРНГ, 10, с. 384]. Эти вопросы снимаются новосибирским и общим сибирским диалектными словарями, где толкование ‘зрачки’ [СРГНО 1979: 183; СРГС-1(2): 212]. Ошибочное толкование могло возникнуть по неосторожной аналогии с метафорой: *большие глаза = блюдца* [Шаповал 2009g: 124-125; 2012b: 198].

Априорно нельзя предсказать, какой именно опыт и знания об обозначаемых предметах и явлениях окажутся решающими для лексикографа, когда понадобится выход за пределы контекста на карточке, что позволит скорректировать рабочую интерпретацию (см. об энциклопедических компонентах толкования 1.3.2). «Для достижения целей лексикографической критики недостаточно воспользоваться возможностью “обработки текстов с помощью ЭВМ”: нужна широкая филологическая эрудиция, тщательная подготовка и проверка материала, способность учитывать достижения и недочёты предшественников. Слова и обороты, не понятные большинству современных носителей языка, сложные контексты, “тёмные места” – вот с чем

пришлось работать лексикографам» [Пильщиков 1998: 13].

Требовать для решения этой задачи простой и снимающей с исполнителя всякую ответственность инструкции – нереально. «Напротив, хороший текстолог обязан широко “охватывать” предмет своего изучения. Чем больше он привлекает данных из области палеографии, археографии, литературоведения, истории, искусствоведения и пр., – тем более убедительные выводы он получает, тем неопровержимее его построения. История текста не изолирована от общих проблем культуры и “человековедения” в целом. Умение сопоставлять, объединять явления, объяснять один ряд явлений другим, принадлежащим другой области изучения человека и человеческого общества, становится всё более и более необходимым» [Лихачёв 2001: 36]. В этом лексикографу может помочь систематизированный опыт исправления ошибок.

4. Интерпретационные установки лексикографа. Среди интерпретационных установок (не только лексикографических) мы выделяем две противоположные. По одной из них при встрече с незнакомым словом человек стремится «упростить» ситуацию и увидеть за этим словом что-либо привычное. По другой – наоборот выбирается «усложнённое» объяснение. Процессы первого типа хорошо известны в лингвистике, например, под названием «народная этимология», для процессов второго типа термин «экзотизация» позаимствован из теории перевода.

Известный словацкий теоретик перевода Антон Попович (1933-1984), обобщая характеристики изменений художественного текста по отношению к оригиналу, называет их «интерпретационной позицией переводчика» и выделяет экзотизацию как противоположность адаптации или натурализации: «*Экзотизация* в переводном тексте – необычность, нетрадиционность тематических, языковых, стилистических элементов оригинала, перенесённых в перевод <...> может фигурировать в тексте оригинальной литературы» [Попович 1980 (2000): 197]. Задача перевода – найти равновесие между

экзотизацией и натурализацией («nájsť pravú mieru medzi exotizáciou a naturalizáciou») [Fifikova 2012: 92]. «Е.В. Гарусова расширила типологию интерпретационных позиций переводчика, предложенную А. Поповичем» [Голубкова 2011: 27], она дополнила описание взаимодействия культуры оригинала и культуры перевода [Гарусова 2008: 6]. Подобные трактовки характерны и для нитрийской школы переводоведения, к которой принадлежал Антон Попович, с акцентом на сохранении связи с культурой оригинала: «prekladový text je vždy neoddeliteľne prepojený i so spoločensko-kultúrnym kontextom prostredia vysielajúceho a vždy „odráža cudziu kultúru a odlišné vnímanie sveta" [Vilikovský 1984: 62]» [Janecova 2012: 19], – <текст перевода всегда неотделимо связан и с социально-культурным контекстом создавшей его среды, всегда «отражает чужую культуру и иное восприятие мира»>. Лексикограф, как и переводчик, может ориентироваться как на принимающую культуру, так и на культуру оригинала. Количественная оценка роли экзотизации в возникновении ошибок прочтения дана ниже (3.2.2 – 3.2.5).

Экзотизация как интерпретационная установка может выходить из-под контроля в том случае, когда лексикограф описывает культуру «другого». Рассмотрим в качестве примера хорошо документированное жаргонное слово: «**Эйнгер** – висячий замок» [Потапов 1927: 194]. Источник – идиш, где הענגער [h]*э́нгэр* – ‘вешалка’ [РЕС 1989: 64]. Ср. нем. *Hanger* ‘шкентель, конец снасти’, сюда же исторически и *Henker* ‘палач, вешатель’. Потенциально *э́нгэр* – это и всякая *висюлька/висячка, например, ‘висячий/навесной замок’. Позднее с опечаткой: «**Эйгер** – замок» [Воривода 1971: 99], что косвенно свидетельствует о забвении слова. Последнее, в свою очередь, провоцирует усиление *экзотичности* толкования: «**ЭЙГЕР** – замок сложной конструкции» [ББИ 1992: 298]. Без дополнительного подтверждения толкование нельзя считать достоверным, а слово актуальным для конца XX века, но в начале века *эйнгер* (*эйгер*) – это тривиальный навесной замок, жаргонное – *калач* или *серьга* [Мокиенко, Никитина 2000: 238, 535].

Иногда ошибка вызвана завышенным ожиданием экзотичности, поэтому некритично принимается и необычное написание/прочтение.

Так, в олонецком плаче невесты читается малоизвестное слово *чарома*: «Пропиваетъ онъ <отец невесты> мою вольну-ту волюшку, | Что на винную ту ча̀рому*), | На хмѣльные на напиточки...»; «*) *Ча̀рома* – чарка, рюмка» [Агренева-Славянская-II: 33]. Скорее всего, экзотическое *чаро<u>м</u>а* усмотрено в тривиальном +чаро<u>чк</u>а[9]. (О переразложении типа *м – чк* см. ниже п. 4.1.3.1.) Дополнительный пример ошибки прочтения, вызванной завышенным ожидания экзотичности см. в Прил. 1.1-8.

Сама по себе тенденция к усилению экзотичности глубоко закономерна. Она касается не только диалектной лексики в восприятии носителя «городской» статусно доминирующей культуры или жаргонной лексики в восприятии противника жаргона, но и прямо связана с интерпретацией культуры «другого». Противоположностью экзотизации является натурализация, то есть различные механизмы освоения, адоптации и адаптации, включая народную этимологию.

5. Народная этимология и сходные интерпретационные установки лексикографа. Бытование слова связано с обязательным осмыслением его структуры и связей. Народная этимология, возникающая на основе ассоциаций или аналогии, часто понималась учёными прошлого просто как ложная этимология. Однако уже Эрнст Фёрстеманн (1822-1906) при рассмотрении народной этимологии обращал внимание на то, что в ней содержатся зачатки научной этимологии [Förstemann 1852: 2]. Ф. де Соссюр указал, что народноэтимологические сближения и трансформации слова являются «истолкованиями непонятых форм посредством форм известных» [Соссюр 1977: 209]. Другой представитель женевской школы Анри Фрей включал её в проявления омонимической аттракции [Фрей 2006: 34]. Народная этимология по неполному (паронимическому) созвучию чрезвычайно распространена в

9 Графическая реконструкция помечается так: «Исправленное слово сопровождается знаком +, проставляемым слева от него» [Аникин 2000: 16].

устной коммуникации в разных языках. Например, при цыганско-уэльском билингвизме: «*Pont Senni* / *Sennybridge* (over river Senni) bekomes k'ameskero p'urǰ "sunny bridge," as if *Senni* = Eng. *sunny*» [Fowkes 1977: 82] <уэльское *Pont Senni* / англ. *Sennybridge* (на реке *Senni*) передаёт цыганское k'ameskero p'urǰ "солнечный мост", на основе сближения *Senni* и англ. *sunny* 'солнечный'>. «Значение народной этимологии не исчерпывается мнемонической поддержкой иноязычных слов, хотя и эта её роль весьма ощутима. В ситуации устных контактов народная этимология способствует семантической, фонетической и грамматической адаптации заимствования, а иногда и маскировке, полному растворению его в исконном словаре» [Шаповал 2009m: 52]. По этим причинам феномен народной этимологии заслуживает глубокого изучения не только в истории литературного языка, где существует давняя традиция её исследования.

Так, народная этимология при освоении грецизмов в традиции славянской книжности отмечалась В.В. Виноградовым на примере славянских слов, созвучных с греческими эквивалентами: *полоумный* (παλαβώμενος 'сумасшедший, дурашливый'), *проныра* (πονηρός 'злой, лукавый') [Виноградов 1968: 18, 20]. Характерно при адаптации редкого, изолированного, заимствованного слова стремление присоединить его к гнезду с более частотным корнем: а) **бурбон** II 'грубый, невежественный и властный человек; солдафон (офицер, выслужившийся из нижних чинов – из кантонистов и сдаточных)' [Аникин-5: 150], по объяснению И.Г. Добродомова: из *барбон*, к латинск. *barba* 'борода' [Добродомов 2003: 103-110]; б) «**Голоко́ст**, а, *м.* Свеча перед иконою. «Слово не везде и не всеми там употребляемое, означает свечку, поставляемую перед иконою». **Новг.**, Макаров [с пометой *«старин.»*], 1827, **Новг.**, 1852» [СРНГ-6: 318]. А.Б. Страхов отмечает: «Слово отсутствует в *Новгородском областном словаре,* вып. 1-12 (Новгород, 1992-1995). Редкость его будет особенно наглядна и понятна, если предположить, что оно, пережив сближение с *голый* и *кость,* восходит к греч. ὁλοκαύστος 'полностью сожжённый (о жертве)'. Вероятно, из речи духовенства» [Страхов 2004: 268]. Это верное

предположение. Это слово единичной фиксации у Макарова помечено как услышанное от странников, то есть лиц, приближенных к духовенству: «ГолокостЪ (стрн. Нвг.), слово, не вездѣ и не всѣми, *по Новгородчинѣ*, нынѣ употребляемое; оно означаетъ, свѣчку поставленную, или *затепленную* предъ Св. Иконою» [Макаров, 1847, № 9, отд IV: 7]. Таким образом, широко известный ныне грецизм *холокост* (библ. ‘жертва всесожжения’) ранее локально заимствовался в русский язык в виде *голокост*.

Сближение созвучных слов *фаршированный* и *шевровый* в порядке народной этимологии показывает, что критерии подобия могут быть довольно нестрогими: брянское «хваршировai башмаки – шевровые» [Пруссак 1921: 20].

Народная этимология влияет порой и на собирателей диалектного материала, однако об этом редко можно судить с уверенностью, поскольку эта связь не всегда проявляется в записи слова. Так, в условном языке ремесленников «Б*а*риться – нѣжиться, флиртовать. Б*а*риться на стинури – нѣжиться на печкѣ» [Добровольский 1916: *1*], правильно: +стипу́ри! Точнее: не ‘лежать барином’, а ‘бездельничать, запаздывать’, ср. украинское *бари́тися* ‘медлить, мешкать; прохлаждаться’. Здесь трудно различить выбор автора словаря и мнение информанта, но видно вторичное обоснование значения глагола через представление о барском поведении и образе жизни.

Исследование народноэтимологических трансформаций столь же важно, как и научная этимология, поскольку это составная часть реальной истории диалектного и вообще народного слова. Здесь изучаются как результаты активного словотворчества (*прихватизация*) [Костючук 2001: 145], так и хронологически более глубокие «мотивирующие контексты, данные носителями народной топонимики» [Березович 2014: 91].

Выбор стандартного написания предполагает выяснение морфемного состава слова, однако в этой сфере практические решения порой далеки от науки. Ограничимся двумя примерами.

1. От итал. *borsa*, уменьш. *borsetta* произведено русск. *борсетка* (103 тыс.

в Яндексе), более популярно в написании *барсетка* (1 млн.), подкрепляемое, как будто, мифической связью с *барсом.* Именно такое написание выбрано в «народном» любительском словаре: «БАРСЕТКА [*от лат. bursa – кошелек*] – небольшая мужская сумка» [Прибытов 2008: 7].

2. Новое украинское слово оформлено так, словно в его составе имеется приставка *під-* ‘под’: «**підка́стінг**, -у. Спосіб розміщення аудіо- та відеопередач в Інтернеті» [Нові 2008: 184], но это английское слово, возникшее на основе *IPod* (плеер фирмы Apple) и *Broadcasting* (радиовещание), хотя словарь идёт по правильному пути, фиксируя реальное словоупотребление, где массой говорящих выбрано *під-* под влиянием усмотренного русского *под-*.

Иногда написание слова невозможно выбрать без знания этимологии. «**Ве́тер**, **ветр**, -а, *м. устар*. Солдатский ранец. СВ <сухопутные войска>: пех<ота>.: 1796+» [Коровушкин 2000: 59]. Слово *вѣтръ* нормально пишется через «ять» [Суворов 1809: 17-18], однако думается, что здесь представлено другое диалектное слово с этимологическим кратким *е*: «**2. Ве́тер**, *м*. Рыболовный снаряд, «малый вентерь». **Нижегор.**, Даль» [СРНГ-4: 192].

Как показывает Ж.Ж. Варбот, порой требуются целенаправленные усилия, чтобы докопаться до первичной производности, приведшей к возникновению слова, например, «селигер. *мерзу́лька* ‘мерная стопка’ <...> (народная этимология – из *мензурка*) объясняет просторечн. и жарг. *мерзавчик* ‘маленькая бутылочка водки’» [Варбот 2009: 42].

Варианты реконструкции словообразовательных отношений обусловлены в заметной мере тем, что запись слова не связана с обязательным «графическим обозначением морфологической делимости слов» [Бодуэн-2: 234]. Сходные с народной этимологией интерпретационные установки приводят к вариативности отношений производности. Например, кардинально отличаются по словообразовательной структуре чисто литературное *окоём* – якобы ‘горизонт’, «или, говоря по-старинному, все то, что “емлет око”» (Паустовский), и народное *окоём* (видимо, *о-каём*) ‘отщепенец’ [Леонтьев 1964: 164-171;

Зубова 1998: 151-164; Шаповал 2012а: 100]. Таким образом, наряду с исторически обоснованными словообразовательными связями у слова могут возникать различные новые связи по созвучию, актуальные для ряда говорящих.

Как видно из анализа причин ошибок, среди них нет каких-либо «чисто» лингвистических: ни одна ошибка не появляется в словаре без участия человека и общества. Таким образом, «человеческий фактор» оказывается решающим, и задача подготовки современного лексикографа в области верификации словарных данных выдвигается на первый план. Источниковедческая подготовка в обучении словарному делу должна включать формирование таких установок, как

– критическое отношение к любым (первичным или вторичным) источникам, полагаемым в основу словаря;

– понимание культурной значимости лексикографической работы и исторической ответственностиучёного за результаты его деятельности.

В параграфе 1.1 были рассмотрены направления развития лексикографической критики, уточнено понимание системности критики источников словаря как верификационной процедуры, типы словарей и другие объекты лексикографической критики оценены применительно к задачам исследования, освещены критерии достоверности лексического материала, используемые лексикографами, причины возникновения ошибок в словарях. На основе вышеизложенного можно перейти к вопросам взаимодействия источниковедения и лексикографии.

1.2. Основные категории и понятия источниковедения в приложении к лексикографии

Задачи и возможности источниковедческой критики словаря определяются длительной европейской и отечественной традицией работы с древними (в первую очередь) текстами, но и текстология современных источников заметно расширяет инструментарий проверки данных словарей.

1.2.1. Критика в отечественной исторической лексикографии как область междисциплинарного взаимодействия с источниковедением

Термины (*научная*) *критика словарей* или *лексикографическая* (*словарная*) *критика* в последние годы находят всё более широкое применение в отечественной лексикографии. (См. 1.1.1.) Это не в последнюю очередь заметно в области исторической лексикографии, поскольку оценка достоверности материала прошлого требует особых процедур, как это показывает М.И. Чернышёва на материале «Словаря русского языка XI-XVII вв.» [Чернышёва 2011а: 134-138].

На данном этапе инструменты для работы с источниками исторических словарей, можно сказать, «лежат в другой комнате», т. к. формально источниковедение относится скорее к области исторической науки (см. [Данилевский и др. 1998]), что обязывает нас дать краткое рассмотрение данной области расширяющегося междисциплинарного взаимодействия. Для этого есть все основания: «Источниковедение со своим методом также существует в общем пространстве гуманитаристики и также занято поиском конкретных ответов на общие требования времени» [Медушевская 1996: 6][10].

Историко-филологическое образование в России формировалось как

10 С запозданием порой ставится вопрос о степень достоверности доказательств и в отечественной истории XX века [Поликарпов 2009: 245].

единство в XIX веке, источниковедение как предмет университетской программы входило в подготовку авторов словарей: в начале XX века критика источников вполне совпадала по приёмам у историков и филологов, поэтому и текстологическая школа русских историко-филологических факультетов была единой. Вопросы критики словарных материалов всегда занимали заметное место в подготовке словарей [Срезневский 1867: 37]. В контексте традиционного источниковедения И.И. Срезневский размышлял над вопросом, «уже ли вносить въ словарь напр. Полабскія слова въ тѣхъ разныхъ видахъ, какъ ихъ записали люди, незнавшіе по-Славянски и тугоухіе» [Срезневский 1867: 15-16]. (Этот материал позже проанализировал Н.С. Трубецкой [Трубецкой 2004: 78; Troubezkoy 1926: 326-364].) Даже в начале XX века лингвисты не ощущали необходимости в выделении особой источниковедческой критики для словарей, как и лингвистического источниковедения, поскольку на практике включали её в критику источников. Единство базовых методов работы с источниками у филологов и историков до сих пор не вызывает сомнений, см., например: [Добродомов 2002а: 5-20; Медушевская 1996: 6; Трубачёв 1993: 8]. В то же время постепенно накапливается дефицит в подготовленности филологов в области источниковедения. А.В. Исаченко в рецензии на пионерскую монографию П.Я. Черных [Черных 1956] обратил внимание на этот аспект: «Автор не всегда критически пользуется источниками» [Исаченко 1957: 124]. А.В. Исаченко здесь представлял старую школу критики источников, как и в беседе с О.Н. Трубачёвым о хрестоматии [Бархударов, Обнорский-I/II], когда сетовал, «что всё более приходит к печальному убеждению, как много нужно проверять заново. Переводы др.-русск. текстов Бархударова-Обнорского кишат ошибками, неточностями» [Трубачёв 2009: 487].

О предмете лингвистического источниковедения как о заслуживающем самостоятельного изучения и определения его специфических целей и методов впервые заговорил С.И. Котков [Котков 1964: 3-13]; для нас особенно важен его тезис, справедливый и в отношении словарей: «Данные многих рукописей,

которые не подвергались источниковедческому анализу в лингвистическом аспекте, получают иногда неправильное истолкование» [Котков 1964: 5]. Развитием идей С.И. Коткова в приложении к лексикографии на материале XI – XVII веков является монография Л.Ю. Астахиной [Астахина 2006].

Специалисты по исторической лексикологии и лексикографии давно осознали эту проблему и указывали, что «...специфика словарного дела, связанного с осмыслением очень большого материала, которым составитель владеет далеко не в одинаковой степени, не исключает возможности ошибок, обнаруживающихся как в словнике, так и в пояснительной части» [Добродомов 1975: 29]. В первую очередь речь идёт о слабо документированной лексике отдалённого исторического периода. Но и в словарях, отражающих лексику современную, но малоизвестную, напр., арготическую, искажение как формы, так и смысла слова приводит к невозможности этимологического анализа: «L'étymologie argotique, difficile en elle-même, devient inextricable, si l'on opère sur des formes mal transcrites et sur des sens imaginaires» [Sainéan 1907: 18].

Проблемы реальности слова и достоверности и полноты его описания неизбежно возникают и при использовании широкого круга современных лексикографических источников, при том что «источниковедения, обслуживающего специально нужды лингвистики, во всяком случае отечественной, пока не существует» [Котков 1964: 3]. В науке до сих пор отсутствует систематическое изложение методов источниковедения применительно к проблемам верификации лексикографического описания.

Сегодня вопросы критики источников объединяют представителей разных гуманитарных дисциплин в стремлении не оказаться жертвой обмана или самообмана. Однако современные лексикографические источники в силу своей жанровой специфики воспринимаются как эталонные справочные издания, изрекающие истину, поэтому в стандартной коммуникативной ситуации их критический анализ не предполагается. Историк же языка, напротив, может и должен учитывать культурно-историческую обусловленность всякого

лексикографического источника и не чураться его критической проверки.

Другой стороной того же процесса – возвращения критике словарей необходимой научной обоснованности и доказательности – является использование рецензентом или критиком словаря своей источниковедческой подготовки «по умолчанию». В исторической лексикологии и этимологии вопросы достоверности данных и «проверки материала» традиционно всегда были на первом месте, напр.: [Трубачёв 2009: 482-483, 485, 503]. На основе анализа работ ведущих современных критиков словарей специфика этих подходов рассматривается далее (см., напр., ниже: 3.3.).

Сверхзадачей настоящей работы, как уже говорилось выше, является восстановление единого историко-филологического контекста в деле подготовки современного лексикографа, возрождение идей и принципов источниковедения, демонстрация методов и приёмов источниковедения при верификации словарей русского языка. (Решение этой двуединой задачи потребовало не только исследования успешных практик критики словаря, но формирования подготовительных учебно-методических материалов, составивших заметную часть Приложения.) Для этого необходимо описать задачи и возможности источниковедческой критики словаря как инструмента верификации словарных данных, рассмотреть основные категории и понятия источниковедения в приложении к лексикографии.

Источниковедение как предмет подготовки специалиста традиционно включает типологию источников, правила работы с источниками разных типов и т. п. В соответствии с разными типами источников (и типами словарей как источников) на первый план будут выдвигаться разные проблемы, поэтому прежде всего необходимо принимать во внимание по-разному понимаемое различение внешней и внутренней критики.

1.2.2. Понятия внешней и внутренней критики

Критика источников и источниковедение как особая научная дисциплина за несколько столетий обросли терминологией, которую нельзя не принимать во внимание и при обсуждении специфики лингвистического источниковедения и, в частности, критики словарей[11]. Можно обнаружить несколько трактовок различения *внешней критики* и *внутренней критики,* при том что отмечается и трудность описания терминологических пар с прилагательными *внутренний – внешний* [Падучева 2001: 65].

Первое различие, которое часто актуализируется в представлении наших современников, – это противопоставление между «внешней» критикой и самокритикой, совпадающее с различением «внешних» и «внутренних отзывов» или рецензий [Чернышёва 2011: 8, 9]. Надо отметить практическую важность этого различения: авторский коллектив владеет более мощными ресурсами для верификации описания отдельных слов, чем сторонний критик, и может использовать их до издания словаря.

Если обратиться к традиции исторического (а на этапе возникновения и развития – общегуманитарного) источниковедения, то обнаруживается несколько иное содержание пары *внутренняя критика – внешняя критика*. Историк акцентирует текстологические аспекты критики источников: «принцип сличения и систематизации списков с их внешней и внутренней критикой в XIX веке вполне прижился в России» [Бердинских 2009: 342]. Под внешней критикой понимается атрибуция (определение места и времени создания, авторства) документа или памятника и оценка степени его сохранности. Внутренняя критика даёт интерпретацию сообщения и оценивает его достоверность, учитывая исторический контекст, жанр и намерения автора. В филологии задачи, которые обеспечивает *внешняя критика*, решаются в рамках

11 Уже после завершения диссертации вышла статья, отражающая содержание данного раздела [Шаповал 2014b: 125-129].

палеографии, графологии, частные вопросы – в рамках ряда других технических дисциплин. *Внутренняя критика* – в рамках археографии, текстологии, истории текста и т. п. Иногда справедливо говорят, что она близка по задачам к интерпретации источника. Можно вспомнить в связи с этим и антитезу, более привычную для филологов: *памятник / документ* как физическая копия и *источник* как текст.

Важно и различение этих двух аспектов критики по целям: 1) *подлинность* источника как материального памятника доказывает *внешняя* критика; 2) содержательную *достоверность* источника – *внутренняя* критика. И подлинное свидетельство может быть тенденциозным. Критика словаря тоже направлена на достижение этой двоякой цели. Рассмотрим пример. Ряд жаргонных словарей включает лексическую единицу «**Не́буди** (*м<ежду>н<*ародное>.) – кровный враг» [Мильяненков 1992: 177; ББИ 1992: 153]. *Подлинность* материального свидетельства о наличии слова в русских словарях жаргона можно доказать обращением к отечественному изданию 1992 г., оформленному в виде книги в твёрдой обложке, не имеющей следов замены страниц, подчисток и вклеек. Однако *достоверность* данного свидетельства о том, что такое слово существует, находится под вопросом. Проведенный нами источниковедческий (или текстологический, в данном случае их различение неважно) анализ позволяет установить немецкий прототип: «*Nebudy* Blutsfreunde» – ‘побратимы’ [Polzer 1922: 61] и, следовательно, зафиксировать превращение толкования ‘побратимы’ в толкование ‘кровный враг’ – т. е. констатировать возникновение ошибки в процессе работы с толкованием, включающим нем. *Blut* ‘кровь’ и *F**r**e**u**nd* ‘друг’, а не *Fe**i**nd* ‘враг’. Исследование всех искажений данного лексикографического казуса [Шаповал 2011d: 77-78] позволило нам реконструировать гипотетическую запись *Nebudy* = $^{+}$*Národy* – ‘друзья цыгана из местных’ [Шаповал 2007a: 59; 2008: 52]. Попутно заметим, что значительное количество уникальных ошибок в немецком источнике и копиях его русского перевода с

большой степенью надёжности позволяет определить путь письменного заимствования данного слова, см. [Шаповал 2008: 49-77]). Позднее удалось подтвердить точность нашей реконструкции обращением к вероятному промежуточному источнику: «*Nebudy* Blutsfreunde» [Polzer 1922: 61] – ‘побратимы’, связав его с формой ед. ч.: «*Narodos* Freund» – ‘друг’ [там же].

Как видим, источниковедческий анализ позволил установить, что запись «**Не́буди** (*м<ежду>н*<ародное>.) – кровный враг» в жаргонном словаре возникла в результате нескольких этапов ошибочного переосмысления чешского слова со значением ‘народ’, бытовавшего в локальном цыганском диалекте в значении ‘друг’. Таким образом, подлинность (и искренность) того или иного свидетельства не гарантирует его достоверности.

Внутренняя (содержательная) критика также может иметь дальнейшие градации. Для критики словаря в целом и его отдельных словарных статей иногда релевантно разделение привлекаемых данных, в свою очередь, на “внутренние” (обнаруживаемые в том же словаре) и “внешние” (взятые из других словарей и иных источников). Кавычки специально поставлены, чтобы не получить отповедь на такое еретическое терминоупотребление со стороны источниковедов. Это противопоставление позволяет различать внутренние содержательные противоречия в словаре и разнобой трактовок в разных лексикографических источниках. Противоречие внутри словаря может устраняться при опоре на внутренний анализ. Противоречие между разными словарями – на основании каких-то третьих “внешних” источников. Рассмотрим примеры:

А. Разные источники дают сходную, но противоречивую информацию: «**Страуси́ть** [?], *несов.*, *неперех*. *Страуси́ть над собой*. Беречь себя. *Вы не страусите над собой*. Жиздр. **Калуж.,** Добровольский, 1898» [СРНГ-41: 290] и «**2. *Стражи́ть над собой***. Беречься, остерегаться. *Вы не стражите над собой*. Жиздр. **Калуж**., 1905-1921» [СРНГ-41: 278]. Видимо, следует принять только вариант написания *стражить*, а изолированное *страусить* считать

призрачным словом. (О регулярности разложения *ж* с продлённой вниз центральной мачтой в *ус и гр* при чтении записей В.Н. Добровольского свидетельствуют: *обвагривать* < +*обваживать* ‘обвешивать’, *васьминуса* < +*восьминжа* ‘восемь’, см.: [Шаповал 2008b; Шаповал 2010d: 165, прим. 4]. На *-жа́* дополнительно указывают параллель из условного языка шаповалов: *семжа́* ‘7’; *восемжа́* ‘8’; *девя́нжа* ‘9’ [Николайчик 1889: 128].)

Б. Один источник даёт наряду с ординарным *лупить* ещё и уникальный вариант слова: **«Лупа́ть,** а́ю, а́ешь, *несов., сов., перех.* Снимать кожицу с плодов. **Яросл.,** 1929» [СРНГ-17: 199]. Есть глагол *колупать*, но глагол *лупа́ть* – слабо документирован. В единственном источнике *лупать* выглядит как возможная опечатка, в составе словарного гнезда с описанием *лупить* и вслед за ним идёт иллюстративное речение с *лупить* (расстановка кавычек в издании дополнительно даёт представление о качестве корректуры):

Лупи'ть – 1. снимать кожу. Водога <с. Колодино>, Югск<ой>. в<олости>.; Серед<ина>. Дан<иловского>. у<езда>. – лупать картофель; не почем не лупится;» Корега Буйск<ого>. у. – о картошке; 2. Яросл<авской губернии>. Вят<ская>. в<олость>. – бить; в городе: пропиши ему лу'пку; Мышк<инский уезд>.: В<ерхнее>. Куб<енское>. – колотить. «Отлупи его» [Копорский 1929: 138]. Во втором примере *лупать картофель* видно, что внутренние противоречия словарной статьи позволяют заподозрить неточность, но в то же время нельзя исключить однократно зафиксированный вариант *лупать*. Неопределённость однократного свидетельства для данного говора не снимают и дальние параллели: македонское *лупам (компирите, јаболкото)* ‘чищу картошки, яблоко’. Сомнения могут быть сняты дополнительными данными.

Как видим, достоверность лексикографических описаний глаголов может быть подвергнута сомнению: *страусить* с большей надёжностью исправляется установлением прототипа *стражить*, а *лупать* остаётся под вопросом (в пределах доступных источников). Но и постановка вопроса лучше, чем некритичное принятие сомнительного материала. Этот вид критического

анализа (при опоре на данные того же словаря) также может именоваться *внутренним* (пусть и не в строго терминологическом смысле) в противоположность *внешнему*, когда обнаруживаются и анализируются противоречия между разными словарями. Ошибки словаря, обнаруживаемые и исправляемые на основе внутренних противоречий, удаётся обосновать обычно с большей степенью надёжности. Например, однократно зафиксированное шубрейское *мета́тка* ‘рубаха’, весьма вероятно, возникло как неверное прочтение более известного слова *мана́тка* ‘рубашка’ [Добровольский 1897: 348], в результате переразложения *ан – ет*. Характерно, что оба слова описаны в одном и том же словаре на одной странице, что позволяет обосновать предлагаемое исправление без конъектур.

***Таблица* 2. Сравнение трактовок понятий внутренняя *и* внешняя критика**

	внутренняя критика	***внешняя критика***
В традиции исторического источниковедения	определяет смысл и достоверность данного сообщения с учётом контекста, жанра и намерения автора	определяет место и время создания, авторство документа и степень его сохранности, а также подлинность
В практике отечественной лексикографии начала XXI века	развивается внутри авторского лексикографического коллектива	представляет реакцию на завершенный словарь со стороны научного сообщества
При верификации словарной статьи	опирается на данные анализируемого словаря	привлекает данные других словарей и иных источников

В итоговой таблице 2 выше показано, какие наиболее существенные различия в понимании терминологических сочетаний *внутренняя критика* и *внешняя критика* обнаруживаются в исследовательской практике в различных

гуманитарных дисциплинах.

Эти различия представлены в слабо пересекающихся сферах исследовательской деятельности (источниковедение и историческая лексикография), но должны учитываться в словарной критике, которая оказывается междисциплинарным мостом, призванным соединить эти две искусственно разделённые области познания.

1.2.3. Проблема достоверности разных типов источников в источниковедении и лексикографии

Д.С. Лихачёв в «Текстологии» исчерпывающе определил связь между задачами текстологии и её инструментарием, опирающимся на критику источника: «В известной мере то же определение задач текстологии, или иначе “критики текста”, находим мы и у проникновенного исследователя текстов, от которого в значительной мере пошли новые современные методы в текстологии памятников нового времени, – Б.В. Томашевского: «Решение вопроса о подлинности и соответствии документа во всех его частях тому, что он передаёт, называется **критикой текста**. Реальные результаты критики текста – устранение погрешностей документа, а потому в узком смысле критикой текста называют разыскание и установление ошибок документа и восстановление в подлинном виде переданного документом ошибочно [Томашевский 1959: 162]» [Лихачёв 2001: 30].

И.Г. Добродомов ещё с 1970-е годов неоднократно обращает внимание на заметно недооцениваемую проблему филологической достоверности слова в словарях [Добродомов 1974; 1982; 1983; 1986; 1988; 1999а; 2002а; 2010]. С.А. Мызников говорит о научной достоверности [Мызников 2006: 256-264]. А.Е. Аникин – о надёжности словарных данных (статья в печати).

Предварительная оценка источника и критика его данных осознаётся как обязательный исходный пункт в работе лексикографа. Об этом прямо

свидетельствуют декларации многих, в том числе российских, авторов словарей. Анализ диалектного материала начинается с вопроса, не являются ли данные недостоверными (unglaubwürdig) [Boretzky 2012: 89]. Учёт недостоверных лексем требуется в этимологии [Маковский 1968: 264]. В частности, и в этимологии арготической, как указывал Лазар Сенеан [Sainéan 1907: 18]. Вацлав Махек при формировании словника этимологического словаря видел серьезную проблему в неравноценной достоверности фиксаций редких слов [Machek 1957: 7; 1968: 7]. В. Хлебда указывает на важность достоверности результата лексикографического обобщения: «Анализ эмпирического материала завершается, как правило, извлечением выводов обобщающего характера, поэтому вопрос о достоверности взятых для анализа образцов материала является вопросом исключительной важности» [Хлебда 2005: 152], а также предлагает определение самого понятия применительно к лексикографии, основывая его на репрезентативности доступного материала: «Под “достоверностью” я подразумеваю здесь репрезентативность собранной фактографической документации по отношению к общему массиву текстов, образующих общественный дискурс данного места и времени, причём такая репрезентативность представляется мне обязательным условием как для составления словников и дефиниций в любых лексикографических разработках, так и для определения эмпирической базы для любых теоретических обобщений» [Хлебда 2005: 153]. Ср. также понятие *адекватности* описания в словаре, по Петру Жмигродскому: «Przez analogię do adekwatności gramatyk, adekwatność opisu leksykograficznego proponujemy definiować jako jego zgodność z „rzeczywistością językową”, tzn. kompetencją językową przeciętnego użytkownika danego języka naturalnego, który jest przedmiotem opisu. Mówiąc prościej, byłaby to zgodność informacji zawartej w słowniku z danymi, które można wywnioskować z (wielorako interpretowanego) empirycznego materiału językowego, tj. przede wszystkim użycia języka poświadczonego w tekstach» [Żmigrodzki 2005: 18]. – По аналогии с адекватностью в грамматике адекватность лексикографического

описания мы предлагаем определять как его соответствие „языковой реальности”, т. е. языковой компетенции среднего пользователя данного естественного языка, который является предметом описания. Проще говоря, это было бы соответствие информации, содержащейся в словаре, с данными, которые можно вывести из (разносторонне интерпретируемого) эмпирического языкового материала, т. е., прежде всего, использования языка, засвидетельствованного в текстах.

Надёжность словарных данных составляла предмет особой заботы О.Н. Трубачева, что выявил и анализ его словарных рецензий, проведённый В.К. Щербиным, где акцентируется внимание на критериях «количественной полноты информации» и «качества информации» в этимологических и исторических словарях [Щербин 2007: 9; 2009а: 307]. В частности, особо следует выделить параметр количественной надёжности или учёт независимых свидетельств, о чём речь уже шла выше (1.1.3).

Достоверность нередко снижается при копировании материала. Л.Ю. Астахина, говоря о классификации источников по исторической лексикологии и лексикографии, применительно к древнему материалу различает памятники как *первичные* источники и картотеки, лексиконы, словоуказатели, словари как *вторичные* источники с заданными свойствами, рассматривая публикации памятников не как первичные источники, а как особый *промежуточный* тип источников, уступающий по своей достоверности памятникам и заслуживающий особой проверки [Астахина 2006: 55-59, 143, 145]. Источниковедческому противопоставлению *первичных* и *вторичных источников* в лексикографии до некоторой степени соответствует противопоставление на ином уровне: (условно) «*первичных*» словарей отдельных памятников и говоров – по непосредственным наблюдениям – и опирающихся на них *сводных* словарей. Однако здесь будут и источники смешанного типа. Например, таковым следует признать словарь [Дилакторский 2005], где есть как свои, так и чужие материалы.

Повторение и копирование материала в словаре является предметом особого внимания при критике словаря как источника. Распространённое заблуждение касательно оценки источников по количественным параметрам историк И.Н. Данилевский раскрывает так: «Во-первых, любое описание одного и того же события, явления, процесса признаётся источником для его (т. е. самого события) изучения. При этом не важно, описывает изучаемое событие его очевидец или участник, либо перед нами – в сотый раз переписанное (и, естественно, в сотый раз несколько изменённое, искажённое переписчиком или интерпретатором) одно и то же информационное сообщение» [Данилевский 1999]. Без решения проблемы оценки независимости разных источников вообще нельзя ответить на вопрос, что считать одной фиксацией слова. Понятно, что если два издания словаря Д.С. Балдаева дают описание редчайшего слова *таубеное* ‘краденое’ (искажение историзма *татебное),* то это одна и та же фиксация, даже если позднее она повторена в сводных словарях, а также в десятках копий критической статьи автора настоящего исследования о фантоме *таубеное*, постепенно распространившихся в Интернете (www.philology.ru/marginalia/shapoval6.htm). См. также 2.2.3.

Словари, отражающие слабо документированную лексику, среди которых жаргонные занимают особое место, обладают своеобразными количественными характеристиками. В жаргонной лексикографии «словари для служебного пользования, как правило, превосходят по объёму те, что составлены филологами <...> Но на этом, пожалуй, их преимущество и заканчивается», – заключает В.Б. Быков анализ источников своего словаря [Быков 1994: 6]. С ним солидарен немецкий русист Х. Яхнов, который отмечает недостаточность лингвистической подготовки многих составителей жаргонных словарей [Jachnow 1991: 17]. Следуя принципу количественного сохранения словника предшественников, они не всегда соотносили материал словаря с действительностью или, наоборот, правили толкования уже забытых жаргонизмов в духе современных представлений. На необходимость гибкой

оценки количественных характеристик словаря указывают и исследователи авторской лексикографии: «Опыт авторской лексикографии показывает, что полнота словника как абсолютный принцип вступает в противоречие с реальной словарной практикой. Значительная часть авторских словарей носит дифференциальный по словнику характер, и целесообразность такого подхода в них, как правило, не вызывает серьезных возражений» [Шестакова 2012: 20]. Как при сборе жаргонных слов, так и при отборе особого писательского словаря уже на этапе формирования словника проявляется неэффективность сугубо «объективной» регистрации материала. Руководящая концепция будущего словаря для получения достоверного материала необходима уже на этом этапе. В более общем методологическом смысле: «Изучение языка-объекта без ясно сформулированной цели вряд ли может быть эффективным» [Кибрик 1972: 67].

К характеристикам (первичных) словарей, влияющим не только на их принадлежность к тому или иному типу, но и на качество, следует отнести способ сбора информации и платы информантам. Отличаясь от современной практики оплаты по листажу, пословная оплата XIX в. тоже имела свои несовершенства. Так, в «Русско-нищенском» словаре Ф. Сцепуро порой видно, как информант набирал количество слов по стандартным моделям: «часто – ку́часто. часть – кума́точекъ. часъ – ку́годзина» [Сцепуро 1881: 197], ср. белорусское *ча́сто*, *шмато́чак*, *гадзі́на*. Учёт количества слов тогда был характерен и для диалектной лексикографии [Обозрение 1855: 5; Даль$_6$-I: XVI]. С точки зрения достоверности материала этот подход чреват явными рисками, поскольку информант был прямо заинтересован в количестве, а не в качестве описания предлагаемых им слов.

Большой осторожности требует использование в качестве источников для словаря – текстов художественной литературы. Детектив как лингвистический источник для жаргонного словаря ни в коей мере не является одномерным и естественным (первичным) источником для иллюстрации функционирования криминального арго. Детектив строится скорее в русле литературных традиций

и аллюзий (ср.: [Ганапольская 2007: 256]), поэтому и привлекаемые элементы криминального арго отбираются, во-первых, в соответствии с эстетической концепцией автора, а во-вторых, берутся зачастую из вторичных печатных изданий, напр., в романе Б. Акунина слово *кальмот* ‘кусок’ взято в речь предреволюционных преступников из повести «Республика ШКИД» Г. Белых и Л. Пантелеева 1927 г. [Шаповал 2003b: 196-201]. Реально оно для питерских беспризорников середины 1920-х, а вот ранее да ещё во вторичном значении ‘тысяча’ не фиксируется. Что не снижает качества литературной стилизации.

Региональный иранизм *вайдот/войдот* толкуется как ‘плач’, откуда и фантастическое толкование ‘палач’ в ряде словарей и работ по криминологии [Шаповал 2008a: 453-456]. В русле активизации фантомного слова возникает изображение *войдота* или *вой-дота* [www.zivag.com]. В 2011 г. в сериале «Товарищи полицейские» (1-й сезон, серия 3) слово употребляется в качестве клички киллера *Костя Войдо́т*. Это интересно для истории заблуждения, но не отменяет того факта, что это название палача – фантом служебных словарей.

В повести А. Солженицына «Матренин двор» имеются образцы речи героини, владимирской крестьянки: «Но в тот же день началась мятель – *дуель*, по-матрениному»; «И решила вся деревня, что в Матрене – порча. – *Порция* во мне! – убежденно кивала и сейчас Матрена» [Солженицын]. Автор лукаво каламбурит, привлекая внимание читателя в первом случае к паронимии с галлицизмом *дуэль*, а во втором – к омонимии с *порция*. Ср. от *дуть*: «**Дуе́ль**, и, *ж.* Сильный ветер со снегом; метель. *Экая дуель задувает.* **Самар.**, Потанин [с примеч. «речение, употребляемое более степным крестьянином»], 1854» [СРНГ-8: 251]. Второе слово можно интерпретировать как *порца* ‘порча’, твёрдое цоканье островами представлено южнее и восточнее г. Владимира, а Мильцево, где жила героиня, находится южнее Владимира [Шаповал 2012a: 99]. Разумеется, для самой героини ни каламбурные связи с книжными паронимами *дуэль* и *порция*, ни экзотическое восприятие этих слов не были актуальны. Т.Г. Винокур отмечала, что «цель, с которой Солженицын изучал словарь Даля,

была именно проверить действительное существование услышанного слова, его значение, а не выискать слово “почудней”» [Винокур 1965: 25]. Но реальность этой пары слов не отменяет того факта, что их отбором выполнялась определённая художественная задача.

Другой крайностью является литературная мистификация, создание неологизмов, почти не отличаемых от реальных слов: «Я как-то заглянул в мои книги того времени («Неправдоподобные истории», «Жизнь и гибель Николая Курбова», «Шесть повестей о легких концах») и удивился: запутанные или оборванные фразы, переставленные или придуманные слова; а когда я так писал, подобный язык казался мне естественным» [Эренбург-3/4: 68-69]. (Подчеркнуто мною. – *В.Ш.*)

Повествователь творит свой мир [Krzyżanowski 1980: 51]. Как показал В.И. Санаров, проводя параллели между быличками и рассказами об НЛО, готовая нарративная рамка (определённая повествовательная схема) обладает такой властью, что «не имеет значения, что в действительности видел рассказчик» [Санаров 1979: 52]. Любая ссылка на художественный текст для доказательства бытования редкого слова в территориальном или социальном диалекте требует индивидуальной критической и эстетической оценки, поскольку для писателя это материал, выполняющий специфическую задачу, почти никогда не тождественную целям диалектологии.

Сегодня в неформальном письменном общении, активно отражаемом и в художественных текстах, публицистике и рекламе, используется приём, который заключается в том, что при сохранении фонетического облика слова нарушаются орфографические нормы: «ОРФО-арт как пример карнавального общения в виртуальной реальности» включает, например, такие типы написаний: *понравица, красавчег, креатифф* [Шаповалова 2008: 292]. Первоисточник: Блогер Пробежий предложил термин *орфо-арт* (*орфоарт, ОРФО-арт*) в 2003 г.: «Линкси назвал это “L-текст”, а я предпочитайу термин “орфо-арт” (ц) моё» [Минаев 2003: 3]. Распространённость этого и подобных

приёмов трансформации слова делает проблему опознания и квалификации подобных новообразований частью актуальной лексикографии.

Понятие достоверности в самом общем виде связано с верификацией как «логико-методологической процедурой установления истинности научной гипотезы (равно как и частного, конкретно-научного утверждения)», проводимой теоретическими или эмпирическими средствами [НФС 1998: 114-115]. В трактовке термина *достоверность* в различных областях знания обнаруживается значительный разброс.

В теории вероятностей, статистике, теории информации достоверность события – это оценка вероятности события, например, возникновения ошибки при передаче информации: «Вероятность достоверного события всегда равна единице» [Васильева 2012: 100]. Это понимание является развитием понятия объективной эмпирической верификации путём повторного эксперимента в естественных науках. Юридическая трактовка *достоверности*, устанавливаемая судом, также противопоставляется *вероятности*: «*Достоверность* – это характеристика доказательства, отражающая точность <соответствия> установленных обстоятельств дела фактическим обстоятельствам, имевшим место» [Коваленко 2008: 100]. Достоверность филологическая также имеет отношение к установлению истины. Она может устанавливаться путём эксперимента, например, путём уточнения гипотез [Кибрик 1972: 75]: «Когда исследователь уже имеет некоторую гипотезу, он может строить в соответствии с ней некоторое высказывание на языке-объекте и проверять его правильность» [Кибрик 1972: 89]. Можно прибегать к коллективному мнению, изучая его методом «анкет и тестов» [Кибрик 1972: 31].

Однако для слабо документированного слова критично то, что зачастую невозможно расширение материала. При этом, поскольку словарь является вторичным источником, возникновение ошибки или искажения информации вероятно на разных этапах его создания. Д.С. Лихачёв писал: «Он <Б.А. Ларин> считал, что ошибки в словарях начинаются уже на первых этапах работы – при

выписке цитат» [Лихачёв 1977: 8].

В меньшей степени мы могли сосредоточиться на влиянии словарей на позднейшие тексты. (См. выше *войдот.*) Словарный призрак *лешога* ‘волосы’ [ББИ 1992: 127], по нашему мнению, возник из нищенского *ленюга* ‘вода’ [Тиханов 1899: 93, 95], см.: [Шаповал 2002b: 39-41]. Его наличие периодически проверялось нами в Интернете, пока не обнаружился контекст в частной переписке. Удалось связаться с автором письма и выяснить, что для него источником слова *лешога* послужил проанализированный нами словарь 1992 года [Шаповал 2009d: 248-253]. Так употребление слова-фантома было объяснено.

В параграфе 1.2 были уточнены основные понятия источниковедческой критики словаря, трактовки внутренней и внешней критики первичных и вторичных источников, понятия подлинности и достоверности. Доказано, что словарные ошибки – это один из параметров словаря, их обнаружение и исправление является сложной источниковедческой задачей. Особенно остро проблема оценки достоверности стоит при описании редких слов, слабо документированной лексики.

1.3. Проблемы верификации описания редких лексических единиц

В настоящем параграфе рассматриваются различные термины, служащие для всё более точного обозначения объекта исследования, а также проблемы лексикографирования слабо документированных слов и связанные с ними неполнота данных и объективная неопределённость при описании отдельных компонентов словарной статьи.

1.3.1. Термины для обозначения объекта исследования

Прежде всего необходимо уточнить терминологию. В исторической лексикологии для слов уникальной фиксации используется термин *га́пакс* (греч. ἅπαξ λεγόμενον «только раз сказанное») – слово, встретившееся один раз; менее строгим является понятие *лексический раритет*. В том же значении употребляется термин *уникализм* [Антропов 2004: 137]. (См. Прил. 1.3-1.) Если употреблений несколько, но они не дают полной информации о слове или часть из них вызывает сомнение, используется условное обозначение *слабо документированное слово*.

Следует различать уникальность (единичность) фиксации слова в словаре и уникальность (редкость) слова самого по себе. Во втором случае слово может быть редким, неизвестным широкому кругу, малоизвестным, входить в пассивный запас и т.п. (ср. контекстуальные синонимы: *забытое*, *диковинное* слово, *одиночное словоупотребление* и др.). Популярны словари редких слов, например: [Макаров, Матвеева 1993; Редкие сл. 1997; Гаева-I/III (2014)], полузабытых слов [Байбурин, Беловинский, Конт 2004], редких и забытых слов [Сомов 1996; 2001; 2008] и проч. Иногда для авторских раритетов используется термин *атопон* [Ружицкий 2014: 56], от греч. наречия ἄτοπον ‘неверно, мимо’. М. Фасмер изолированные слова неясного происхождения именует *тёмными*

[Фасмер III: 438]. Использовал этот термин В.И. Чернышёв, включая сюда и словосочетания с неясной внутренней формой [Чернышёв 1970: 303].

Объект исследования (слова, которые обычно неизвестны лексикографам или которые часто подвергаются ошибочным трансформациям в словарях) не может быть чётко определён при посредстве устоявшихся терминов. Формулировка «лексика, применение которой ограничено определёнными типами речи, определёнными условиями речевого общения» [Шмелев 1977: 9], безусловно, может считаться в самом первом приближении перспективным, но очень широким описанием интересующего нас объекта. Очевидно, что внутри этого множества наше внимание привлекают низкочастотные слова. Сложность состоит в том, что для большинства таких слов нет частотных словарей. То есть градации «редкости» – субъективны. Этот аспект заострен в термине *агнонимы* – лексический массив, составляющий «разность между словарным составом современного русского литературного языка и словарным запасом личности» [Морковкины 1997: 7]. Изучение периферии лексики настолько актуально, что возникают новые термины, отражающие те или иные аспекты явления. Например: *таронимы* (от греч. ταράττω ‘привожу в замешательство’ и ὄνυμα ‘имя’) – «единицы лексической системы, которые непроизвольно смешиваются в речи вследствие их формального, семантического или тематического сходства» [Мандрикова 2008: 44]. Символично, что и сам этот термин оказывается таронимом и легко смешивается с *паронимами.* А главное, критерии для их выявления остаются вероятностными и всё ещё уточняются.

Основная проблема в практике лексикографирования редких слов заключается в том, чтобы на первом этапе отличить реально существующие в языке слова от несуществующих (чтобы потом не тратить на них время). К сожалению, вопрос этот зачастую требует значительных усилий и времени. Поэтому необходимо обсудить также терминологию, касающуюся несуществующих слов, чрезвычайно неустойчивую в этой области лексикологии. «Такие псевдолексемы (а иногда и словосочетания)

квалифицируют с помощью различных терминов и терминоидов, например: «несуществующие», «фантастические», «призрачные», «слова-фантомы», «мнимые слова», «лексикографические фикции», «псевдонеологизмы». Л.Ю. Астахина предпочитает для обозначения подобных феноменов термин «псевдогапаксы»» [Васильев, Захарова 2008: 118] (См. Прил. 1.3-2.). Мы здесь тоже пользуемся термином призрачное или фантомное слово, когда ошибка в словаре уже доказана и ясно, что такого слова не существует.

Призрачные слова являются объектом изучения во многих языках, например, в английской лексикографии [Карпова, Счётчикова 1997], в частности, лексикографии сленга [Lighter]. Президент Лондонского филологического общества Вальтер Уильям Скит (Skeat, 1835-1912) в 1885 году обнародовал включающий 103 позиции список английских слов-призраков: «a list of non-existent words or ‘ghost-words’» [Skeat 1887: 373-374]. Видимо, это и есть первое употребление термина *ghost-word*, судя по кавычкам и пояснению в препозиции. Как-то надо называть и слово, в котором ошибка только подозревается. Мы обозначаем его описательно как *сомнительное* слово.

Зарубежная терминология в основном демонстрирует зависимость от английского термина *ghostword*, хотя есть указания и на латинскую традицию, в которой фантомы именовались *vox nihili* ‘голос ничто (пустоты) / die Stimme des Nichts’ [GW]. Ср. созданные на основе той же метафоры, что и английский, французский термин *le mot fantôme* [Merk 1980; 1981; Rocher 1961], испанский *la palabra fantasma* [Álvarez; Puig 2012] и др. Кальки европейских терминов представлены и в славянских языках: хорватское *prividna riječ*, сербское *fantom* [Loma 2003: 142]. В словенском языке используется несколько терминов, калькирующих английское *ghostword*, *fantomska beseda* ‘фантомное слово’ = *dozdevnica* = *dozdevna beseda* ‘иллюзорное слово’ [Gjurin 1987: 363]. Существует и ряд русских терминов, отражающих закрепление в словарях ошибочного прочтения: *ложные слова, слова-призраки* [Ахманова 1969: 222, 425], *мнимые слова, призрачные слова, словарные фантомы, фиктивные*

лексемы [Пильщиков 1998: 13]. А.Ф. Журавлёв также пишет о словах-фантомах [Журавлёв-1: 183]. Так же, напр. [Сл. XI-XVII-25: 4; Боброва 2014: 94-103]. Нередко на призрачность слова указывается описательно: «Диалектного слова *волкодлак* не существовало» [Страхов 2004: 261]. Так же: *несуществующее слово* [Сл. XI-XVII-26: 5]. Таким образом, имеющаяся терминология разнообразна и постоянно пополняется, что не добавляет ей компактности и однозначности.

1.3.2. Проблемы лексикографирования слабо документированных слов

Описание малоупотребительной, некодифицированной, в частности, слабо документированной лексики имеет свою специфику. Говоря о ней, выделим три особенности: одна имеет отношение к позиции исследователя, другая – к объёму словарной статьи, а третья – к границам объекта описания.

Позиция исследователя по отношению к слабо документированному слову. Есть такие области лексикографирования, в которых даже профессионал чувствует дефицит необходимого опыта употребления тех или иных слов в речи, поскольку низкочастотных слов даже русского литературного языка больше, чем частотных. При анализе уникального слова мы выступаем почти в роли иностранца или инофона, наш собственный богатый и обширный опыт при отсутствии конкретного знания о данном слове может оказаться препятствием или навязать неправильные ассоциации. По этой причине по возможности все малоупотребительные слова должны быть отражены в словаре, но это не означает, что по поводу каждого из этих слов будут часто справляться. При описании таких слов в словаре или их проверке критическая установка лексикографа определяется тем, что вероятные ошибки могли возникнуть как из-за неполноты описания слова, известного в прошлом и не требовавшего особых пояснений (как, например, слово *супир* – название перстня, терявшего в течение XIX столетия свою социальную значимость и статусность [Добродомов 2009а: 92-104]), так и из-за неточности понимания

нами пояснений лексикографов прошлого.

Не всегда речь идёт о сложных случаях. Например: «**Виж**, а, *м.* Короткий, издали слышимый визг. **Север.,** Ончуков» [СРНГ-4: 277]. Здесь смешение *и́здали* и *изда́ли* [Шаповал 2009l: 335]. Междометие (а не существительное) *виж* («двери – вижъ!», как *скрип!, стук!, бух!*) и самому собирателю Н.Е. Ончукову показалось необычным, он включил его в «Словарь областных слов» с пояснением, подходящим для подстрочного примечания, но неясным в алфавитном ряду в конце книги: «Вижъ – изда́ли краткій визгъ» [Ончуков 2008: 57, 595]. (Подчёркивание и ударение мои. – *В.Ш.*)

Объём словарной статьи. Слабо документированная лексика представлена в считаном числе источников, часто даже в одном контексте, не фигурирует в обыденной речи, не может быть проверена путём привлечения дополнительных иллюстративных контекстов, но требует значительного объёма описания. Пока истина не выяснена, приходится держать в словарной статье все вероятные решения, все нюансы обсуждения и все точки зрения. Искать или дожидаться дополнительных сведений приходится порой десятилетиями. Вот почему неполнота и фрагментарность наших знаний о редком и сомнительном слове не позволяют отбросить эти крупицы сведений. (См. Прил. 1.3-3.)

Объём словарной статьи возрастает и по другой причине. В лексикографии большое внимание уделяется вопросу соотношения лингвистической и внелингвистической (энциклопедической, страноведческой и др.) информации в словаре, см.: [Щерба 1974: 278]. Проблема границ между ***энциклопедическим*** и ***лингвистическим*** в словарном толковании при описании слабо документированных слов обостряется.

Реальное содержание толкования, описание предмета, обозначенного словом, не является очевидным для читателя, а порой и составителя словаря. Дефицит знаний о специфическом фрагменте внеязыковой действительности, как будет неоднократно показано далее, является одной из главных причин словарных ошибок. По мере необходимости при оценке словарного описания

такого слова приходится привлекать различные сведения.

Например, толкование можно уточнить, если учесть устройство колёсной прялки: «**ПРИВЁРТОК**, тка, м. *Видимо, подножка* <...> поставила ногу в черевике на приверток и, посунув колесо, пустила прялку» [Гаева-III: 37], точнее: ‘педаль (которой вращают колесо прялки)’, см. о развитии технической стороны устройства [Виргинский, Хотеенков 1993: 212]. В условиях дефицита данных о слове любые сведения о предмете или явлении, им обозначаемом, могут понадобиться для исправления или дополнения словарного описания.

Ещё один красноречивый пример недоучёта реальных данных о предмете встретился в современном издании исторического романа середины XIX века о периоде Смуты. В контексте «двигались стрелки на *ползегару*» выделенное курсивом слово получило пояснение современного комментатора: «* *Ползегар* – середина часов» [Вельтман 1992: 350], – которое трудно признать прозрачным и осмысленным. Собственно, это полонизм *półzegar* (циферблат с привычными нам цифрами от 1 до 12, расположенными по кругу), что буквально значит ‘получасы’, эта новая в начале XVII века модель циферблата всё ещё противопоставлялась собственно полному *zegarowi* ‘часам’ (с цифрами от 1 до 24 по кругу, как изначально на циферблате солнечных часов). В названии сборника виршей Ивана Величковского 1690 г. «Зеґар з полузеґарком» встречаются оба термина именно в этом противопоставлении: первая часть – «Зéґар цѣлый, содержащ в себѣ часóв 24» и вторая часть – «Полу́зеґарик, содержáщ в себѣ осóб часы̀ днéвныя, а осóбно часы̀ нóщныя» [Величковський].

Трудность состоит в том, что при толковании редких слов «необходимо учитывать не только собственно языковые, но экстралингвистические данные, так называемые “фоновые знания”, опирающиеся на известную собеседникам картину ситуации и “общий фонд знаний” отправителя и получателя сообщения» [Вольф 1979: 109][12].

12 Перекликается с этим утверждением вывод о том, что «с точки зрения пользователя **в двуязычном словаре никакая информация не избыточна** (ни на каком этапе обработки слова нельзя рассчитывать на то, что “носитель

Покажем на примере, насколько необходимо знание ситуации. В жаргонном словаре читаем *овриг* ‘проход, путь’ [ББИ 1992: 159]. При таком бедном толковании это может быть и **овраг*, но скорее региональное (в горах Средней Азии) *оври́нг* – участок горной тропы, который проходит по искусственным висячим карнизам, устроенным на неприступных склонах [Поляков 1960: 7], *овренг* [Шапошников 1974: 178], см.: [Шаповал 2012h: 421].

Проблема границ объекта. Каковы границы объекта, именуемого «слабо документированной лексикой»? В языке есть определённые законы распределения слов по употребительности, одна часть лексики (несколько тысяч слов) занимает одну половину словоупотреблений, другая же часть (все остальные десятки и даже сотни тысяч) – другую половину.

Словарный состав по частотным характеристикам распределяется неравномерно и в народных говорах, как показал Г.Г. Мельниченко [Мельниченко 1962: 249]. На материале социальных диалектов такие подсчёты ещё ждут своего часа. Таким образом, значительная часть полного словаря будет посвящена раритетам, поскольку редких слов оказывается столько же, сколько обычных общеизвестных слов, или даже больше. Именно редкие слова больше интересуют людей, обращающихся к словарю. Но слабо документированные слова редко получают завершённое описание. Рентабельность их исследования требует особого рассмотрения. (См. 2.4.4.)

Указанные характеристики в совокупности ещё раз доказывают, что в словарях редких слов, словарях диалектов и т.п. словарные ошибки – это не статический объект, а один из динамических параметров словаря, требующий не только постоянных и значительных усилий по их обнаружению и устранению, но и выработки особых приёмов контроля корректности различных компонентов словарного описания слова.

и так это знает”)» [Паликова 2007: 105]. Но реализовать такой принцип полномасштабно можно только в электронном гипертекстовом словаре, где ограничения объёма не так строги.

1.3.3. Проблема неполноты данных

Верифицировать доступную запись или описание редкого слова иногда не позволяет дефицит данных. Возникновение такого дефицита объясняется несколькими причинами, в том числе психологическими.

Во-первых, трудность первичной фиксации диалектного или жаргонного слова, а также вообще лексического раритета, связана с тем, что человеку, с детства знакомому с этим редким словом, оно отнюдь не кажется чем-то особенным, поэтому у него и нет внутренних мотивов его фиксировать. При ответе на чей-то вопрос по поводу такого слова носитель редко способен дать полную информацию, обычно он ограничивается формальным комментарием к актуальному контексту, в котором слово встретилось и обратило на себя внимание постороннего. Это в конечном счёте отражается на словарном описании редкого слова.

Во-вторых, не все информанты готовы идти на сотрудничество с исследователем: «при записяхъ приходилось прятать отъ моихъ собесѣдниковъ и карандашъ и бумагу, которыя ихъ такъ пугали» [Поликарпов 1911: 311].

В-третьих, сотрудничество информанта даёт порой не столь адекватный материал, как наблюдение за его естественным речевым поведением [Шаповал 2005: 68-69]. В.Н. Бабаян отмечает, что «наблюдение уже само по себе создает речевую ситуацию, влияющую на стилевой регистр и тезаурусы общающихся, побуждающую коммуникантов стремиться к “(не)корректности” речи и стимулирующую значительно большую (меньшую) ориентацию на литературный стандарт в зависимости от характеристики молчащего наблюдателя» [Бабаян 1997: 32]. Как информант, так и собиратель даже при готовности к сотрудничеству не всегда достигают понимания: потенциальная неполнота может обусловливаться давлением неподобающей обстановки [Hübschmannová 1996: 71; Озаровская 1928: 411]. Но и при идеальных условиях

полнота выборки недостижима, ибо, как пишет В. Хлебда, «по очевидным причинам фразеолог не может охватить наблюдением весь фактографический материал» [Хлебда 2005: 152]. Например, время, затрачиваемое на анализ всех или почти всех контекстов заданного типа, потенциально обнаруживаемых в речи, слишком велико, чтобы можно было таким путём успеть создать идеальный словарь в разумные сроки.

Таким образом, неполнота данных – это не недостаток работы собирателя, а постоянная характеристика определённой части материала. Так, например, целенаправленное лексикографирование в «Словаре современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)» только той лексики, которая «находится в реальном употреблении у всех носителей данного говора», привело к решению отражать даже «потенциальные слова», образованные по «регулярным словообразовательным моделям» [Деулино 1969: 5, 16-17]. Так было описано около 8000 слов, подтверждаемых, в частности, цитатами. С точки зрения полноты документированности эти слова вполне благополучны, вопросов не вызывают. Но непонятно, сколько слов содержал шлейф малочастотного материала, отброшенного по причине слабой документации. На важность фиксации последнего для истории языка указывает Л.Я. Костючук [Костючук 2009].

Лексическая нестабильность народной речи отмечалась Д.К. Зелениным. Информант при повторе часто меняет высказывание, поэтому часть материала трудно зафиксировать: «При переспрашиванiи (повторенiи вопроса по недослышкѣ отвѣта etc.) крестьянинъ очень рѣдко отвѣтитъ тѣми же самыми словами, что́ въ первый разъ, а всегда новымъ оборотомъ речи» [Зеленин 1904: 15]. Недолгая жизнь характерна и для большинства арготизмов [Лихачёв 1935/93: 72]. Современный исследователь В.С. Елистратов констатирует: «Грань между узусом и случайным, индивидуальным в арго установить трудно» [Елистратов 1994: 5]. Вариативность исходного материала, на наш взгляд, обусловливает неполноту описания слабо документированной лексики.

Подобную же неуловимость слова отмечал В.И. Даль: «А я записываю сказанное вами слово, которого нет ни в одном словаре. Никто из собеседников не может вспомнить этого слова, никто ничего подобного не слышал, и даже сам сказавший его, первый же и отрекается <...> а третий дивится: чего тут записывать? слово обиходное, всякому известное!» [Даль$_6$-I: LXXXVII]. И здесь открывается ещё одна грань проблемы достоверности словаря. Если бы не нашёлся «третий» собеседник, то отличить реальное слово от неосознанно созданного самим увлечённым собирателем было бы невозможно. Но этот «третий» самостоятельно на данное слово никогда не обратит внимание. Диалектологический опыт автора настоящего исследования, бывавшего в подобной ситуации, свидетельствует о том, что зачастую «третий» компетентный собеседник раздражается по причине задержки на очевидном и необходимости переформулировать одно и тоже несколько раз. Это приводит к утрате интереса и к сбою в обсуждении, или же к лакунам в объяснении.

В полевой лингвистике в процессе работы с информантом неизбежно возникают ошибки записи и интерпретации, выявить и исправить которые помогают методы верификации данных [Кибрик 1972: 86-90], имеющие только ограниченное применение к словарному материалу диалектов. В частности, А.Е. Кибрик указывает, что «чем больше исследователь знает о языке, тем легче ему заметить ошибку в данных и не допустить её самому» [Кибрик 1972: 90].

Таким образом, неполнота данных о редких словах – это постоянная характеристика материала. Устраняя дефицит сведений об одном слове, исследователь расширяет список новых слов с неполным описанием. Особенно это характерно для бесписьменной коммуникации. Проф. Т. Актон отмечает подобную неопределённость и открытость границ потенциальных номинаций в англоромани [Acton 1985: 1]. Кроме того, по мере освоения материала растёт риск некритического создания собственных интерпретаций. Единственный способ получить относительно «ровную» выборку, которая «соответствует всем требованиям современной лексикографии» [Мокиенко 2013: 87], –

пожертвовать материалом с неполным и противоречивым описанием. Альтернатива – оставить слова с лакунами и вопросами в описании. Нам интереснее словари второго типа.

Лексикографирование уникальных фиксаций слов, для которых имеется лишь один безальтернативный источник, представляет собой особую проблему. В подобных случаях нет стандартных средств, чтобы отличить ошибку от сознательного искажения, игры слов. Каждый случай требует индивидуального изучения. Даже при самом добросовестном исследовании не всегда гарантирован однозначный и окончательный итог.

1.3.4. Словарный дискурс о слабо документированном слове как зона неопределённости

В ситуации нормальной и успешной словарной коммуникации адресат или пользователь получает информацию, позволяющую восполнить дефицит знаний о некотором слове. При этом следует подчеркнуть активную роль читателя словаря. Во-первых, читатель всегда выбирает, обратиться ли ему к словарю или соотнести непонятое слово с каким-то рядом: *тожественный* – это опечатка в *торжественный* или вариант написания прилагательного *тождественный*? Обращение к словарю также предполагает выбор: дочитывать словарную статью до конца или ограничиться началом или фрагментом, дающим толчок для собственных выводов. Л.В. Щерба замечал: «Все сказанное целиком объясняет практическое требование к составителям словарей: не мудрствуй лукаво, а давай как можно больше разнообразных примеров. Я слышал такие суждения от первоклассных филологов. И действительно, каждое мало-мальски сложное слово в сущности должно быть предметом научной монографии, а следовательно, трудно ожидать скорого окончания какого-либо хорошего словаря. А словари нужны, и надо находить какой-то компромисс» [Щерба 1974: 285]. Таким образом, Л.В. Щерба прямо

говорит о необходимости активного читательского сотрудничества при пользовании словарём.

Но и лексикограф при описании малознакомого или неизвестного слова находится в ситуации активного выбора: признать своё поражение или, исходя из доступных сведений, завершить картину, опираясь на свой опыт и при этом рискуя ошибиться. Следующий компактный пример призван показать, что даже большое старание не защищает от ошибок. Это пример добросовестной фиксации, видимо, реальной реплики, прозвучавшей где-то в макароническом разговоре в 1920-е годы. Наблюдатель не знал по-французски, но старательно записал то, что уловил. Это было отражено в словаре жаргона уголовников: «**Монтреза** – мать» [Потапов 1927: 130]. Разумеется, это скопированная с графическим переразложением *о+г* > *а* запись $^{+}$мон трез*о́г*, отразившая франц. *mon trésor* ‘моё сокровище’, в переносном употреблении – ‘моя мать’. Толкование выведено из контекста, позволившего идентифицировать мать говорящего с французским выражением, воспринятым как единое слово.

Часто в такой же ситуации оказываются и профессиональные лексикографы. При работе со слабо документированным словом всегда происходит активный поиск или реконструкция недостающих сведений, проверка ряда гипотез, однако далеко не всегда имеется возможность диагностировать ошибку в материале или рассуждениях. Словарный дискурс о слабо документированном слове балансирует на грани реального и должного, составитель постоянно оказывается перед дилеммой признать свою несостоятельность, дополнить описание слова по интуиции (положенными или предписанными компонентами) или продолжить поиск источников. «Было бы ошибкой считать, что всё изучено в лингвистике» [Солнцев 1999: 15]. Это верно и по отношению к слабо документированному слову, без ошибок или лакун в описании которого обойтись почти невозможно. Это одна из граней лингвистического принципа неопределённости, постулируемого Войцехом Хлебдой применительно к фразеологическому словарю [Хлебда 2005: 152-165].

В параграфе 1.3 были освещены проблемы лексикографирования *слабо документированных*, в частности, призрачных *слов*. В словаре тезаурусного типа эти слова могут преобладать количественно. Граница между *энциклопедическим* и *лингвистическим* в условиях дефицита данных о слове оказывается зыбкой, поскольку для исправления или дополнения словарного описания слова могут применяться любые сведения об обозначаемом предмете или явлении. Трудность фиксации лексического раритета обусловливает неполноту данных как постоянную характеристику материала, что повышает и риск некритического создания собственных интерпретаций.

Итоги главы первой

В главе первой «Традиции и современные тенденции в развитии лексикографической критики» заданы общие рамки объекта исследования и определены базовые понятия и подходы.

В параграфе 1.1 были проанализированы направления развития лексикографической критики: *научная критика словарей* понимается как часть лексикографии или металексикографии, цель которой – оценка словаря, в особенности – с точки зрения *пользователя*.

Уточнено понимание системности критики источников словаря как процедуры, направленной на верификацию словарных данных. *Для возвращения к традиционным приёмам критики источников и выработки новых приёмов необходимо представление источниковедческой критики в лексикографии как инструмента верификации словарных данных*.

Типы словарей и другие объекты лексикографической критики охарактеризованы применительно к задачам исследования. Описаны критерии достоверности лексического материала, используемые самими лексикографами.

Нами детализированы причины возникновения ошибок в русских словарях: лексикографическая инерция, цензура и политкорректность, параметры профессиональной компетенции лексикографа, интерпретационные установки лексикографа, народная этимология.

В параграфе 1.2 были уточнены основные понятия, задачи и возможности источниковедческой критики словаря, обоснована правомерность её распространения на лексику территориальных и социальных диалектов.

Нами рассмотрены различные трактовки внутренней и внешней критики, представленные в отечественном научном дискурсе (историческом и филологическом). Охарактеризовано различение первичных, промежуточных и вторичных источников, выработанное в лингвистическом источниковедении.

Разведены понятия подлинности и достоверности.

Нами доказано при опоре на анализ материала русских словарей что словарные ошибки – это не статический объект, а один из динамических параметров словаря, обнаружение и исправление которых является сложной источниковедческой задачей, а оценка достоверности сведений о слове обнаруживает слабые места в его описании.

В параграфе 1.3 было детализировано понятие *слабо документированные слова*. Ошибки в них трудно выявлять в силу неполноты сведений. Такое слово может оказаться окказионализмом, результатом народной этимологии или даже ошибки, то есть призрачным словом. Граница между *энциклопедическим* и *лингвистическим* в толковании слабо документированного слова стирается, поскольку любые сведения могут оказаться необходимыми для исправления описания. Неполнота данных – это постоянная характеристика малочастотного лексического материала, при анализе которого велик риск создания ложных интерпретаций. Доказано, что словарные ошибки как один из динамических параметров словаря требуют не только постоянных усилий по их обнаружению и устранению, но и выработки особых приёмов контроля корректности различных компонентов словарного описания слова.

При этом проблема оценки достоверности сведений о слове для эффективного выявления и исправления ошибок имеет первоочередное значение, **поскольку позволяет определить уровень достигнутого знания и дефициты в описании слабо документированного слова.** Привлечение лексикографией инструментов критики источников особенно необходимо в области описания малоупотребительной и слабо документированной лексики.

Таким образом, объект исследования был определён с учётом специфики понимания важнейших его аспектов. Это создаёт методологическую основу для уточнения сущностных параметров предмета исследования в следующей главе.

ГЛАВА 2. МЕТОДИКА ВЫЯВЛЕНИЯ И ИСПРАВЛЕНИЯ СЛОВАРНЫХ ОШИБОК. ПРОЦЕДУРА ПРОЦЕДУРА ВЕРИФИКАЦИИ ДАННЫХ СЛОВАРЯ

В данной главе проанализированы общие вопросы теории ошибок, основные принципы их классификации, способы выявления ошибок и стратегии их исправления. Показано, как научная критика словарей оперирует понятием исследовательской гипотезы, проиллюстрированы этапы её выдвижения и доказательства. Комплексное рассмотрение феномена словарной ошибки призвано заполнить явно ощутимую лакуну в методологии современной источниковедческой критики словарей как верификационного ресурса словарных данных.

2.1. Общие вопросы теории ошибок

2.1.1. Виды классификаций ошибок

Джеймс Ризон формулирует весьма продуктивное противопоставление двух подходов к изучению ошибки: «Проблема человеческой ошибки может рассматриваться двумя способами: при опоре на индивидуальный подход или на системный подход» [Reason 2000: 768]. Словарные ошибки рассматриваются нами в двух этих пересекающихся плоскостях: как индивидуальные ошибки и как системное явление, свойственное человеческой природе вообще и всегда вызываемое с известной степенью вероятности определённым сочетанием факторов. При этом свою задачу мы видим не просто в том, чтобы найти и исправить допущенную кем-то частную ошибку. Специфика настоящего исследования требует тщательного и точного документирования каждого случая сомнительного описания слова, но в целом задача состоит в изучении всей

системы «доказательной лексикографии» и в предложении способов работы с ошибками – работы по их предупреждению, выявлению и исправлению.

В России и в мире исследование ошибки как явления когнитивной и поведенческой природы было вызвано тем, что по мере накопления результатов научно-технического прогресса несоизмеримо выросла ответственность отдельного исполнителя и, соответственно, социальная цена ошибки. Надо сказать, что и прежде ошибки такого рода оценивались негативно и реалистично: «Конечно, к этим чисто словарным ошибкам мы должны относиться с величайшей строгостью, ибо неисчислимы бедствия, которые порой может принести переводимому автору неверная интерпретация одного-единственного иноязычного слова» [Чуковский 2012: 13]. Это привело к созданию различных обобщающих теорий. Одной из самых востребованных теорией является учение профессора психологии Манчестерского университета Джеймса Ризона. Истоки этой теории лежат в области безопасных стратегий действия, что видно и по некоторым общим определениям, например: «Ошибки исполнения – это небезопасные действия, совершаемые людьми» [Reason 2000: 769]. Понятно, что словарные ошибки не столь очевидно опасны, как ошибки пилота пассажирского лайнера, однако в основе своей это тоже ошибки выбора, пусть и приводящие только к отложенным и обычно не столь масштабным отрицательным последствиям.

В российской науке идеи этого ведущего мирового специалиста по теории ошибок стали особенно популярны после выхода в свет книги, где она была подробно представлена [Дормашев, Романов 1995].

Дж. Ризон с самого начала разработки своей типологии ошибок опирался на схему человеческой деятельности, включающую целеполагание, планирование и контроль результата [Reason 1984: 533]. В принципе ошибки могут возникать на каждом из этих этапов. В соответствии с этим можно строить более или менее детализированную типологию. Одна из них и была представлена им ещё в 1984 году (см. Прил. 2.1-1).

На этой модели основаны многие прикладные типологии учебных ошибок в педагогике, например, в преподавании иностранных языков [Кочай 2012: 9]. В частности, отличительной позитивной особенностью этой теории является то, что многие факторы, которые ранее рассматривались как случайные проявления индивидуальных недостатков, получили своё место в системном описании ошибок [Дормашев, Романов 1995: 24]. На базе этого удаётся совершить важный шаг к конструктивной трактовке ошибок, который кратко формулируется следующим образом: «Мы не можем изменить человеческий фактор, но мы можем изменить условия, в которых он реализуется» [Reason 2000: 769]. Это весьма актуально и для сегодняшней лексикографии.

М. Дебренн ключевую идею этой теории компактно формулирует так: «В фундаментальном исследовании Дж. Ризона “Человеческая ошибка” ошибка отделена от неудачного планирования и неудачной реализации. Под ошибкой понимается в общем виде “любая ситуация, при которой некая цепочка ментальных или физических действий не достигает желанной цели и эта неудача не может быть приписана случаю” [Reason 1993: 31]. В своей “модели ошибочной деятельности» автор различает три типа ошибок”» [Дебренн 2006]. Собственно ошибки Дж. Ризон относит к уровням правил и знаний, а пробелы и оплошности – к уровню умелого выполнения [Дормашев, Романов 1995: 257]. При переводе оригинальных терминов Дж. Ризона на русский язык наблюдаются определённые колебания, что не слишком удобно. Эти разночтения представлены нами в виде обобщающей таблицы (Прил. 2.1-2, табл. 29).

Надо сказать, что сложность состоит не только в не вполне устоявшейся терминологии. Дело ещё и в том, что учение Дж. Ризона сложилось не сразу и до сих пор развивается [Reason 2000: 769], однако мы остановимся на базовой версии с классической триадой типов ошибочных действий.

Более детальная классификация, применявшаяся, например, при обучении

медиков, включала 5 позиций: slips, lapses, fumbles, mistakes, and procedural violations <условно: промахи, пропуски, оплошности, ошибки, процедурные нарушения> [Reason 2000: 769]. На практике, в силу того, что процесс совершения ошибки не дан нам в наблюдении, а только реконструируется, зачастую с большими вариациями в допущениях, различение промахов и оплошностей нереально. Кроме того, ошибки в узком смысле для словаря как формализованного сообщения – это практически всегда результат ошибочно расширенного или суженного применения или нарушения правильной процедуры по причине дефицита информации. Таким образом, первоначальные три типа ошибочных действий вполне исчерпывают проблему описания, а их дальнейшее искусственное уточнение в нашем случае малоэффективно.

Для тех, кто предпочитает «фонологическую» по стилю систему описания через релевантные признаки и привативные оппозиции, удобнее для восприятия такая схема. Отсутствие ошибки – это результат корректного действия (+) в подходящей ситуации (+). К *промаху* (*slip*) приводит некорректное действие (–) в подходящей ситуации (+). К *пропуску* (*lapse*) приводит корректное действие (+) в неподходящей ситуации (–). К *ошибке* «в узком смысле» (*mistake*) приводит некорректное действие (–) в неподходящей ситуации (–).

Одним из применений этой типологии может быть её использование при анализе рукописных и других ошибок. Для упорядочивания и систематизации ошибок, обнаруживаемых в словаре, классификация Дж. Ризона также весьма полезна. Ограничимся отдельными иллюстрациями.

«Промахом» (англ. *slip*) в буквальном смысле является клавиатурная ошибка, приводящая к написанию «**Пите́льи<u>й</u>е**» в качестве заглавного слова [СРНГ-27: 53] вместо правильного *пите́льи<u>ц</u>е* ‘питьецо’, представленного там же в иллюстративном примере [Страхов 2008: 243]. Такая подмена может быть вызвана ошибочным нажатием на клавишу «Й» вместо соседней «Ц».

«Пропуск» (англ. *lapse*) появляется в результате безупречного исполнения вполне корректного плана в том случае, если его применение было основано на

неточных данных. Например, так возникло якобы латинское *calixrama*: «**КАЛИШКА** | **Стопка водки*. | АНДРЕЙ ПЕЧЕРСКИЙ: “Выпьем по **калишке**, да и спать.” (*На Горах*) | Польск. **kielich**, **kieliszek**; нем. **Kelch**; лат. **calixrama.**» [Сомов 1996: 175]. Псевдолатинское слово *calixrama* появилось в объяснении происхождения полонизма *калишка* ‘рюмка’, но на его месте следует читать <латинское> *calix ‘чаша’. Латинское -*rama* на месте *чаша* прочитано по причине опознания кириллических букв как латинских, что было спровоцировано утратой пробела между толкуемым и толкованием, смешением начертаний *r* и *ч*, *ш* и *т*. (В двух позднейших изданиях исправлено на *calix* [Сомов 2001 (2008): 153], испорченное толкование латинского слова снято.)

«Ошибки в узком смысле» (в данном понимании; англ. *mistake*) охватывают всю оставшуюся область, их объединяет дефицит информации. Например, основанием для ложного вывода о значении служит паронимия толкуемого и другого слова: «* *Барма дьябельска!* – Врата дьявольские!» [Вельтман 1992: 106]; этот ложный комментарий взят и в другое издание, где и имя комментатора уже не указано [Вельтман 1993: 62]. Комментатор не учёл, что польск. *barma* и русский историзм *бармы* обозначают предмет одежды, как и *бекеша* и фамилия героя: «Барма дьябѐльска! прошипѣла одна изъ *набожныхъ,* намекая на то, что Бѐкешъ принадлежалъ къ злой сектѣ *антитринитаріумовъ»* [Вельтман 1867-1: 50], ср. слово с другой последовательностью букв: «*** *Брама* – ворота» [Вельтман 1992: 88], которое и спровоцировало ложное отождествление.

Для краткости были взяты обозримые примеры в основном из области оформления текста словаря. Содержательные ошибки потребовали бы большей площади, но и их в принципе можно квалифицировать по указанным принципам. Таким образом, самые общие типологии ошибочных действий применимы к анализу различных ошибок рукописных и других словарей.

2.1.2. Основные речевые ошибки

Сузим фокус рассмотрения ошибки и предпримем короткий обзор представления об ошибке в частных гуманитарных областях.

В психологии и психолингвистике речевые ошибки определяются как различные явления разного происхождения, объединяемые «признаком неадекватности речевого воздействия по тем или иным параметрам» [Леонтьев 1970: 78-79]. А.А. Залевская исследует речевые ошибки с позиций моделей речемыслительного процесса [Залевская 2008: 6-22], опираясь на фундаментальные исследования Г.В. Ейгера [Ейгер 1989; 1990], в которых предлагалось «описание механизма контроля языковой правильности высказывания на основных этапах производства речи как в процессе саморегуляции (т. е. в ходе регулятивно-оценочной деятельности), так и в процессе становления этого механизма при овладении иностранным языком» [Залевская 1999: 226-227]. Важным для целей настоящего исследования является различение ошибок в процессе программирования и процессе реализации программы [Там же], подробнее см. Прил. 2.1-3 и 2.1-4.

Давно разрабатывается в силу практической востребованности классификация речевых ошибок в лингводидактике [Фоменко 1994: 3, 20]. Обычно указывают пионерские работы А.Н. Греча в форме словаря [Греч 1839; Греч 1843]. Учёные в этой сфере весьма активны и ныне, напр.: [Еднералова 2006] и мн. др. Эта классификация в большинстве случаев, квалифицируя реальную ошибку в речи, позволяет однозначно и непротиворечиво определить её тип. Однако чёткая терминология иногда трансформируется под влиянием смягчающих эвфемистических переименований, что не способствует её однозначности. По этой причине Ю.В. Фоменко настаивает: «Слово *ошибки* нельзя подменять словом *недочеты*» [Фоменко 1994: 10, 22].

Как показывает опыт работы со словарными ошибками, «нормальные»

ошибки, охватываемые и объясняемые орфограммами и пунктограммами, в лексикографии встречаются редко. Они довольно надёжно выявляются при редактуре и корректуре, в отличие от сущностных ошибок лексикографического описания, которые интересуют нас и которые не нарушают формальных правил грамотного текста.

«Кроме ошибок, в речи могут иметь место оговорки и описки. Оговорка – это слово (или фраза), нечаянно, по ошибке сказанное вместо другого; описка – это ошибка в письменном тексте, сделанная по рассеянности, невнимательности» [Фоменко 1994: 22]. По причине пониженной избыточности исправление не проверяемых по правилам орфографии описок (опечаток) в тексте словарной статьи идёт труднее. Приходится преодолевать презумпцию осмысленности каждого отклонения в написании слова в словаре, о которой было сказано выше во Введении. К ошибкам такого типа в современных текстах прибавились новые – ошибки сканирования и ошибки кодировки (см. п. 4.2.4).

«К числу причин речевых ошибок можно отнести также сходство, подобие различных языковых единиц – слов, форм, фразеологизмов и т. д., объясняющее смешение слов типа *опять – обратно, эскалатор – экскаватор, абонент – абонемент* и т. п.» [Фоменко 1994: 23]. Многие (например, калужане) медицинский страховой *полис* ныне именуют, смешивая с паронимом, *полюс* и даже образуют сходную форму множественного числа *полюса́*. (Новое слово, нет в СРНГ.) Этот фактор приводит к появлению и в диалектном лексиконе вариантов общеизвестных русских слов, обычно книжных заимствований.

Последнее наблюдение позволяет заострить проблему различения непривычного употребления слова и «ошибки». Покажем сложность её решения на ещё одном примере. Так, С.Н. Цейтлин (на материале детской речи) выделяет 4 разновидности «системных» ошибок: 1) ошибки типа «заполнения пустых клеток» (напр., форма родительного падежа «мечт» [Цейтлин 1982: 7], 2) ошибки типа «выбор ненормативного варианта из числа предлагаемых

языковой системой» (напр., «раскрашать», «украшивать» [Цейтлин 1982: 8-9], 3) ошибки типа «устранение фактов, чуждых языковой системе» (напр., «ехали метром», «одна качель», «киса кашу едит», «человеки» [Цейтлин 1982: 9], 4) ошибки типа «устранение идиоматичности»: (напр., «Когда я вырасту, буду *спасателем*: буду всех от войны спасать» [Цейтлин 1982: 9-10]. Однако в диалектах подобные альтернативные решения в рамках той же общенародной языковой системы возможны и образуют специфический диалектный узус. Более того, если лексикограф неосознанно навязывает литературную норму диалекту, то он оказывается нарушителем не освоенной им нормы говора, а словарная статья – некорректной. Например, соответствующее литературной норме ударение на окончании представляется ошибочным в описании новосибирского диалектизма: «**Казаки́**, о́в, *мн.* Киргизы... <имеются в виду ‘казахи’ – *В.Ш.*> Чулым. **Новосиб**.» [СРНГ-12: 308; СРГС-2: 17], ср. для этого значения в новосибирских русских говорах исключительно ударение *каза́ки* [СРГНО: 209], в соседствующих с ними украинских говорах – *коза́кы*, как и в русском литературном *каза́хи* и устар. *кайса́ки*.

Области изучения ошибок постоянно расширяются, отметим новое исследование специфики ошибок в «унаследованном» русском языке зарубежных потомков [Выренкова, Полинская, Рахилина 2014]. О.В. Кукушкина предложила классификацию речевых неудач, основанную на их функционально-семантическом анализе [Кукушкина 1998: 63]. При всей перспективности, приложение её в данном исследовании объективно ограничено тем, что нас в первую очередь интересует проблема филологической достоверности, а не проблема правильности как таковая, формулируемая с позиций нормы определённого времени, ареала и социума. По этой причине «языковая номинация как процесс кодирования смысла» [Кукушкина 1998: 40] и ряд других процессов речемыслительной деятельности оказываются слишком тесно связанными с экстралингвистической составляющей анализа речевых неудач, а потому лишь ограниченно могут быть

объектом нашего интереса в рамках решения частных задач работы.

Таковы теоретические основания, на которых базируется применяемое в данном исследовании понимание словарной ошибки. При этом априори понятно, что в разных словарях ошибки будут встречаться с разной частотой. Наименьшая вероятность – у очередного стереотипного издания массового словаря. Более пристального внимания заслуживают словари, включающие слабо документированную лексику. О них речь шла выше (1.1.2).

2.1.3. Общая схема верификационного процесса и её отражение в критическом дискурсе исследователя

Словарная ошибка – это несоответствие между описанием слова или фразеологической единицы, с одной стороны, и языковой реальностью и речевой практикой, с другой стороны, обнаруживаемое в том или ином компоненте словарной статьи. Например, в русско-немецком словаре 1723 г. П.Я. Марпергера обнаруживаем «Sſteaul, Dinte» (стол – ‘чернила?’) и ещё несколько подобных рассогласований, которые квалифицируются нами как ошибка [Шаповал 2012ее: 166, 179], благодаря знанию русской лексики. Вероятно, имел место пропуск строк при копировании черновика.

В том случае, когда описано слабо документированное слово, ошибка часто не может быть квалифицирована на основе знаний и опыта лексикографа. Обнаружение и исправление словарной ошибки в таких случаях понимается как исследовательская задача, требующая привлечения и оценки данных дополнительных источников. Место вероятной ошибки обычно опознаётся по противоречию, обнаруживаемому между двумя словарями или иными свидетельствами о слове. На этом этапе важнейшей задачей становится объединение разрозненных написаний одного слова. Иногда они мало похожи, например: «**Ловь**, и, *ж*. Олово. Бобр. **Ворон.**, 1852. Лебед. **Тамб.**» [СРНГ-17: 103], «**Лоорь** [удар.?]. Олово. Бобр. **Ворон.**, Кремер.» [СРНГ-17: 130]. По

нашему мнению, за второй записью скрыто фонетически корректное +лофь.

Такое доказуемое противоречие между двумя словарными описаниями из одного уезда, обнаруживаемое как в записи слова, так и в любом другом компоненте словарной статьи, предварительно выделяется для более тщательной дальнейшей проверки. Этот подход позволяет рационально ограничить анализируемый материал и сосредоточиться на верификации конкретных случаев, помеченных как сомнительные.

Сопоставление и оценивание двух альтернативных описаний одного слова позволяет по-разному их квалифицировать: а) принять оба как приемлемые варианты (*идти* и устарелое написание *итти*), б) отвергнуть одно как ошибочное (напр., смоленское якобы *во́чник* ‘сыпь на губах и лице’ [СРНГ-5: 166] и правильное *о́гник* ‘род сыпи’ [СРНГ-22: 330], как доказывает А.Б. Страхов [Страхов 2004: 265]), в) наконец, в редких случаях приходится отвергнуть оба варианта как ошибочные и предложить свой (например, «жаргонное» *окиган* и *ишчан* = +*жига́н*). «**Окиган** – игрок» [Потапов 1927: 106], правильно +*жиган*, ср.: «Не смотря на нищету, голодъ и проигрыши, онъ не падалъ духомъ и жилъ отъ игры до игры. Такихъ игроковъ въ острогѣ называютъ *жиганами*. *Прогорѣлые*, т. е. проигравшиеся, они играютъ на пайки хлѣба, на порцію казенныхъ щей» [Ядринцев 1872: 234]. *Ишча́н* ‘опытный вор’ [ТСУЖ 1991: 79]; ранее без ударения: [Бронников (1990): 18], ошибочно прочитано вместо +*Жига́н* ‘вор’ (общеизвестное). При этом привлечение других источников может менять картину, открывая новые возможности для критического анализа уже известного и приближая нас к истине.

Намеченная здесь схема обнаружения ошибки будет детализирована и рассмотрена далее на конкретных примерах. Мы не можем наблюдать, как у исследователя возникает сомнение в корректности описания слова и проводится его проверка. В текстах статей и других публикаций иногда встречается описание признаков, вызвавших подозрение в неточности описания слова, а также критериев, позволивших это подозрение подтвердить или

опровергнуть. На такие указания мы и опираемся, проводя обобщение. Это образцы критики словарных фиксаций, представленные в работах А.Ф. Журавлёва (около 456 случаев [Журавлёв-1/7]), А.Б. Страхова (97 случаев [Страхов 2004; 2008]) и др.

Как уже говорилось, критический дискурс труден для восприятия в силу большой плотности изложения, требует квалифицированного участия читателя в оценке приводимых доводов. Труден он и для структурирования, однако ниже на основе образцов плодотворной критики предпринята попытка вычленить и обобщить наиболее применимые стратегии выявления ошибок и способы аргументации. Покажем это на двух примерах.

Достаточно часто материал для анализа авторы вводят через сокращение «ср.», полагая, что читатель-профессионал способен самостоятельно восстановить логику их рассуждений. Иногда за этим «ср.» может скрываться не одна логическая связь, а две или более, например, указание на этимологическую связь, на ряд производных или на наличие нескольких авторитетных фиксаций для правильного прочтения, предлагаемого критиком. Однократная фиксация считающегося неправильным слова нередко также противопоставлена многократно документированным правильным записям, представленным в виде внушительного списка, только при помощи «ср.»[13]:

«**Закурт<u>е</u>веть** <...>. Заиндеветь. Тобол. [<СРНГ> вып. 10, с. 180]. Несомненное *закур<u>ж</u>еветь,* с чтением рукописного *ж* как трехлинейного *т*. <u>Ср</u>. севернорус., сиб. *заку́ржа́ве́ть, заку́ржаять, заку́ржевать(ся), заку́рже́ве́ть, заку́ржевить, заку́ржить* ‘покрыться инеем, заиндеветь’ [вып. 10, с. 177-178], соответствующие бесприставочные формы – *ку́ржеветь, куржа́к* ‘иней’ и под. [вып. 16, с. 123-125]» [Журавлёв-1: 190].

«**Кля́<u>н</u>ец** <...> [?]. Капкан. Оят. **Ленингр**. (<СРНГ> вып. 13, 330). Знак

13 Однократная фиксация нередко оценивается как вероятный признак фантомного слова, например, при этимологизации албанского *inj* ‘up to’ [Orel 1998: 153].

вопроса к заголовочной форме, при единичной её фиксации, оправдан: ср. многочисленные названия ‘капкана’»: *кляпец* и мн. др. [Журавлёв-2: 96].

В другом варианте тот или иной довод может подразумеваться и вводиться при помощи слова «явно» / «несомненно»:

«**Кириц** <...> [удар.?]. Таракан. Опоч. **Пск**. (<СРНГ> вып. 13, 221). Несомненное *киргиз* с чтением последних трех букв в ручной записи как *иц,* ср. пск. *киргиз* ‘род тараканов <...>‘» [Журавлёв-2: 96].

«**кала́ум** ‘охотничья сумка’ енис. (СРНГ 12: *336*) // Явно +кала́уш, см. *кала́уз*» [Аникин 2000: 238]. В эксплицитном виде критическая аргументация для последнего примера выглядит следующим образом: 1) наличие ряда вариантов слова с сибилянтами *-ш, -з* (*-с*) в исходе является для них взаимным подтверждением их реальности, 2) выпадающий из ряда вариант с *-м* расценивается как фонетически недостоверный; 3) следовательно, это очитка: «*ш* воспринято как *м*» [Аникин 1997: 19; Журавлёв-3: 279]. Как видим, слова «явно» / «несомненно», как и «см.», также являются расплывчатыми логическими операторами, содержание которых читатель реконструирует, исходя из своего опыта и общего контекста словарной статьи и жанра словаря.

В параграфе 2.1. «Общие вопросы теории ошибок» проанализированы виды классификаций ошибок, применимые при анализе словарей; основные типы речевых ошибок, выявляемые в психолингвистике и лингводидактике; общая схема верификационного процесса сомнительного словарного описания и её лаконичное отражение в критическом дискурсе исследователя. Обратимся к детализации процедуры выявления ошибки (принципиально, что она не совпадает с процедурой исправления ошибки).

2.2. Процедура выявления словарной ошибки

Особенности современной социокультурной ситуации накладывают свой отпечаток как на общие способы словарной работы, так и на частные приёмы подготовки и издания словарей; сегодня необходимо уделять внимание обеспечению корректности словарного издания. Где же (будущий) лексикограф мог бы научиться критическому взгляду на источник или повысить свою квалификацию, «наметать взгляд» на ошибки и «ошибкоопасные» ситуации? Во-первых, как уже говорилось, такую подготовку могут дать источниковедение (историческое, лингвистическое и др.) или текстология; во-вторых, повышение квалификации достигается чтением работ по научной критике словарей. В данной главе опыт ведущих специалистов в указанной области нами проанализирован, обобщён и представлен в виде операционализированной схемы работы современного профессионального лексикографа.

2.2.1. Сомнение в достоверности словарной фиксации

Выявление сомнительной фиксации является первым этапом работы по исправлению словарной ошибки, а знание примет и признаков сомнительности – средством профилактики ошибок в следующих изданиях словаря.

Как уже говорилось в главе первой (1.3.2) критическая установка лексикографа во многом определяет успешность выявления ошибки. Однако этот же этап представляет и наибольшую трудность, в особенности для лексикографа с небольшим опытом, не получившего источниковедческой подготовки или не специализирующегося в области текстологии.

В связи с проблемой верификации подозрительно близких словарных описаний вводится понятие *графические дублеты*. Графические дублеты – это слабо документированные слова в словарях территориальных и социальных диалектов, которые представлены в двух (и более) альтернативных написаниях.

Слабо документированное слово вне контекста в записи от руки не всегда прочитывается однозначно. «Часть из них <записей > заведомо не похожа ни на фонематические варианты одного слова, ни на синонимичные паронимы. Зазор между этими решениями, с высокой долей вероятности, заполняют ошибочные написания редких слов» [Шаповал 2010d: 158]. По этой причине рентабельно сосредоточиться в первую очередь на проверке таких пар (реже – троек и т. д.).

Как было показано выше, на основе анализа примеров критического разбора словарных статей, принадлежащих ведущим специалистам, мы можем конкретизировать критерии выявления сомнительного описания слова для более тщательной проверки и стратегии его критической проверки.

Мы исходим из того, что именно вербализация в тексте исследователя данного критерия/признака является показателем его важности. Сомнение в достоверности фиксации слова возникает, если есть хотя бы один признак:

– принадлежность к группе слабо документированной лексики (агноним, экзотизм, неологизм, архаизм, раритет и т. п.);

– однократная фиксация;

– отсутствие примеров употребления в речи (иллюстративного контекста);

– изолированность (словообразовательная);

– очевидные нарушения формы (формата) словарной записи, например, лакуны (отсутствие ударения, грамматической характеристики и др.). Исчерпывающий список «очевидных нарушений» невозможен.

Приведём пример использования в качестве признака ошибки нарушение алфавитного порядка слов.

«*Буерагг* '1. Овраг' (в заголовке статьи опечатка – *буергга* – что устанавливается местом статьи в алфавитном списке)» [Журавлёв-1: 185] (между *буера* и *буерага* [СРНГ-3: 251]).

Подробному рассмотрению вопроса об ошибках в написании заглавного

слова посвящена глава четвертая. В настоящей главе не стоит задачи полной технологизации процедуры – здесь реконструируется её логика; для этого выбраны самые наглядные примеры, которые позволяют понять сущность источниковедческой критики как инструмента верификации словарных данных.

В дополнение к рассмотренным ранее проанализируем ещё несколько примеров лексикографической критики, чтобы продемонстрировать их логику.

В.И. Чернышёв, осмысляя исправление П.В. Шейна в песенном обращении сына к матери «На что *шупова* оженила?» на «Почто меня, молодца, оженила?», начинает с вопроса «Неясно, откуда взята эта поправка?» [Чернышёв 1970: 314], в котором содержится скрытый упрёк издателю, подвергшему фольклорный текст правке на уровне соавторства. Корректирующая гипотеза касается графического оформления слова: «Очевидно, что слово *шупова* получилось из небрежного изображения и неосмысленного чтения начальных букв «г» и «л» [Там же]; аргументация для обоснования чтения *глупова* ‘глупого’ привлекается внутренняя («содержание песни» о женитьбе) и внешняя («известные варианты» той же песни) [Там же].

Обычно же исследователи не дают даже такой весьма скромной детализации этапов верификации, полагая, очевидно, что логическая канва и цель критического дискурса известна солидарному читателю. Поэтому автор считает важным для себя представить материал и вывод, опуская аргументацию. Возможно, потому, что обоснование сводится к тривиальному перебору вероятных корректирующих чтений, а чаще – к догадке, например:

«Тебе полно коня томить,

Тебе полно ковра *полетить* (<Киреевский> I, 35, № 87).

Описка или опечатка. Очевидно: *полстить* – сбивать, мять ковер (войлочный)» [Чернышёв 1970: 315]. Это место исправлено и в списке опечаток издания [Киреевский-I: 356]. Однако то, что «очевидно» выдающемуся лингвисту, нуждается в расшифровке для читателей. Уже зная правильный ответ, можно предположить, что аргументы учёного могли быть следующими:

1) синтаксический параллелизм и требования стихотворного размера указывают на двусложный глагол, 2) на месте скопления согласных (-*лсти*-) обычно ошибочное чтение дополнительного слога простой структуры (-*ле-ти*- = ТА-ТА). Ср., однако, и «обратную» очитку *е* → *с*: *сполстично* ‘удобно, прилично’ [СРНГ-40: 214], вм. +*сполетично*, ср. *сполитично* ‘удобно, сподручно’ [СРНГ-40: 207], как доказывает А.Б. Страхов [Страхов 2008: 269]. Наконец, последнее: 3) разумеется, Чернышёв знал глагол *полстить* и узнал его в непривычной записи; без этого знания грош цена и интуиции.

В критических пассажах далеко не всегда выдерживается и формальная последовательность этапов, автор располагает материал так, как удобнее, не придерживаясь раз и навсегда заданной схемы, как это принято в доказательстве теоремы. В следующем примере:

«Забайк. *ачи́н* ‘плечо’ (*...на твоих ачинах*, *товарищи рабочие*, *капиталисты прокатятся в ад,* (Эл.<иасов 1980>: *56*) очень похоже на «тюрк. *äгін* ‘плечо’» (Пек.<арский 1958>: *895*). Едва ли можно всерьёз считать забайк. *ачи́н* подлинным словом (тюркизмом), где, кстати, ожидалось бы -г-: +*агин*» [Аникин 2000: 21] –

автор вначале осторожно выражает сомнение в возможности заимствования («очень похоже на «тюрк. *äгін* ‘плечо’»), но сразу же переходит к категоричному отрицанию реальности слова: «Едва ли можно всерьёз считать забайк. *ачи́н* подлинным словом (тюркизмом)», попутно указывая на смешение *г–ч* в качестве исключающего устное заимствование аргумента («где, кстати, ожидалось бы -г-: +*агин*»). Подчеркнем: признак, указанный «кстати» и в последнюю очередь, в действительности является ключевым для вывода.

Предлагаемый пересказ позволяет сделать более очевидным для читателя вывод А.Е. Аникина о фонетически несостоятельном написании слова и, следовательно, его фантомности. Кроме того, в данном пассаже есть и не выраженный прямо вывод о том, что приведенная автором словаря иллюстративная цитата в свете фантомности слова становится уликой,

доказывающей фальсификацию. Лексикограф, не заметивший смешения *г–ч,* не воспринимается как профессионал («едва ли можно всерьез...»).

По причине лаконизма и синкретизма изложения обычно обнаруживаются и вычленяются лишь отдельные эксплицитно выраженные компоненты. Приведём примеры.

Три варианта одного (судя по сходству написания и толкования) слова сопоставляются при помощи «сравни»: «**Безреше́нье** <...>. То же, что безременье. Кунгур. Перм. [<СРНГ> вып. 2, с. 198]. Ср. перм. *безреме́нье* ‘несчастье’ <...> [там же], перм. *безврем́енье* ‘беда, несчастье или болезнь’ [вып. 2, с. 183]» [Журавлёв-1: 184], анализируя этот ряд, квалифицированный читатель заключает, что на первую позицию вынесен фантомный (в соответствии с темой статьи) вариант написания слова (этот вывод подтверждается автором: «рукописное *м* прочитано как *ш*»), второй вариант фонетически достоверен, а третий – ещё и прозрачен с точки зрения производности от *время*.

Здесь нелишним будет изложить практическое наблюдение, которое доказывает, что вышепредставленный лаконичный способ изложения является естественным. Опыт обнаружения и исправления ошибок прочтения показывает, что правильное чтение как гипотеза часто приходит в голову совершенно неожиданно, а обоснование и проверка решения следуют уже пото́м и могут занять значительное время. Этот этап формализации заметно менее увлекателен, поскольку решение уже получено. Он требует усилий, которые часто оказываются напрасными, поскольку не всегда удаётся найти решающий аргумент. Конъектура почти всегда остаётся гипотезой.

В общем можно сказать, что выявления и исправление сомнительного описания слова обычно излагаются и обосновываются довольно схематично, потому что они адресуется подготовленному читателю.

2.2.2. Проверка документированности или употребительности слова

Учёт количества и качества фиксаций позволяет предварительно противопоставить фантомное написание (для накопления повторов которого в процессе копирования из одного источника требуется время) и реальное слово, которое может иметь несколько источников фиксаций. Независимое возникновение одной и той же ошибки прочтения – случай редкий, трудно документированный (см. в Прил. 4.1-4 сомнительное новгородское и новосибирское *тамка* ‘сумка’ вместо *ташка* ‘то же’).

Обычно в доказательство употребительности перечисляются фиксации этого слова и однокоренных без очевидного объяснения, что много свидетельств – это подтверждение достоверности: **«Гамо́ка** <...>. Ветка дерева. Курск., 1848 [<СРНГ> вып. 6, с. 132]. Ошибочное чтение слова *галюка,* ср. курск. *галюка* ‘ветка дерева’, 1848 [вып. 6, с. 123; возможно, из того же источника <рукопись Робуша? [СРНГ-1: 114] – *В.Ш.*>, если принимать во внимание дату фиксации], белор. диал. (рогачев. гомель.) *галю́ка* ‘то же’, – слова, принадлежащие гнезду праслав. **gołъ(ьj)* (см. [ЭССЯ, 4, с. 14-15]), ср. далее южнорус. *го́лька* ‘ветка дерева’, белор. *галіна* ‘сук. ветка’, *галлё* ‘сучья’, укр. *гілка* 'ветка’, *гілля* 'ветки, сучья’ и т. д.» [Журавлёв-1: 187].

Количество приведенных фиксаций на *гал-/гол-* не оставляет сомнений в том, что вариант *гамо<u>м</u>ка*, отражённый в СРНГ, недостоверен. Определённое значение для уточнения ценности фиксаций имеет их распределение по хронологии и по географии. В случае с *галюка* ограничений по этим параметрам практически нет (общеславянское, исконное). Таким образом, уже на данном этапе критики можно сделать вывод, что фиксация *гамо<u>м</u>ка* – ошибка.

Примеров с единственной фиксацией, однозначно свидетельствующей об ошибке в исходной записи, немного. Гораздо чаще словарных фиксаций несколько, что создаёт (ложное) впечатление о распространённости или

известности слова. В таком случае лексикографу приходится искать дальше.

Рассмотрим запись: «**Буером**, а, *м.* [удар.?]. То же, что буераг (в 1-м знач.). **Дон.**, 1929» [СРНГ-3: 252]. Запись сомнительна, она вызывает вопросы: «Ср. *буераг* ‘1. Овраг’ (в заголовке статьи опечатка – *буерга,* – что устанавливается местом статьи в алфавитном списке). Рукописное начертание *аг* (или *ак!)* воспринято как *ом*» [Журавлёв-1: 185]. Сомнения А.Ф. Журавлёва подкрепляются ещё и тем, что учёный обнаруживает показательный ряд примеров с ошибками, вызванными неопознанием слов с редкой основой *буерак-/буераг-*: 1) псковское *бу<u>с</u>ра́га* ‘сильный ветер, вьюга’ [СРНГ-3: 307]; 2) псковское *бу<u>ф</u>а́га* ‘сильный ветер, вьюга’ [СРНГ-3: 307] < псковское *бу<u>ер</u>а́га* ‘сильный ветер’ и проч. [СРНГ-3: 251]; 3) «**Буфо́н** <...>. Влажный ветер. Стариц. **Твер**.» [СРНГ-3: 317]. «Ср. *буераг*, *буерак* (см. выше). По-видимому, эксплоратор отличался чрезвычайно небрежным или корявым почерком. В чтении записи сделаны две ошибки: *ер* прочитано как *ф*, а *аг* (менее вероятно *ак*) – как *он*» [Журавлёв-1: 185]. (Показателен разброс «правдоподобных» чтений, выбранных в однотипных затруднительных ситуациях; подробнее о типичных «цепях ошибок прочтения» см. п. 4.1.2.1.)

Для того чтобы решить, является ли запись *буером* ошибкой (искажением *буерак*), необходимо найти источник, координаты которого в СРНГ указаны как «дон.» и «1929». Донское (?) *буер<u>ом</u>* ‘буерак, овраг’ впервые описано А.В. Миртовым по «Донским рассказам»: «Буер**а**к – см. боерак <...> Буер**о**м – то же, что буерак. V-3 ▲ *Ярами, буер<u>ом</u>ом, густыми терновниками шли, ползли...* Ш. 67» [Миртов 1929: 29]. Помета «V-3» = станица «Вёшенская <...>» [Миртов 1929: XIII], выбрана по месту жительства Михаила Шолохова.

Ранее при характеристике различных типов источников (1.2.3) мы указывали на проблемы, могущие возникнуть в том случае, если употребление того или иного слова в художественном тексте приравнивается к его бытованию в живой речи. Иногда описание диалектизма, отражённое даже в нескольких словарях, оказывается опечаткой, возникшей в издании художественного

произведения. В рассматриваемом нами случае источник цитаты: «**Ш**. – Шолохов. «Донские рассказы». 1926. Москва» [Миртов 1929: XVII].

Миртов цитировал второе издание рассказа «Бахчевник», которому предшествовала журнальная публикация, и **только** в этих двух ранних изданиях присутствует *буером*: «Ярами, буеромом, густым терновником шли, ползли, продирались» [Шолохов 1925: 28; Шолохов 1926: 67]. По тем или иным резонам форма *буером* не была исправлена ни автором, ни редактором. Кто допустил ошибку, не так легко сейчас понять: машинистка, наборщик, или коллективный редактор журнала «Комсомолия» в лице всего Московского горкома комсомола.

Важно, что уникальная номинация была с самого начала тщательно документирована Миртовым, а автором не замечалась более 10 лет. В 1937 году в сталинградском альманахе кто-то поправляет по догадке: «Ярами, буреломом, густым терновником шли, ползли, продирались» [Шолохов 1937: 177]. Эта редакция и стала окончательной, см. то же в [Шолохов 1956: 74]. Возникает вопрос, почему столь яркий диалектизм *буером* был утрачен, а ‘овраг’ как объект микрорельефа речного берега без явного ущерба для художественности заменён на ‘участок леса, заваленный сломанными или поваленными бурей деревьями’.

На фоне столь непростой истории потенциального фантома *буером* вызывает вопросы ещё одна лексикографическая трактовка, предложенная в 1991 г. [СлРДГ-1: 55] и позднее повторённая в «Большом толковом словаре донского казачества» уже в новом тысячелетии: «**БУЕРО́М** [буиро́м], а, ы, *м*. Небольшой овраг. *Буиром меньшы яруги, положыстый, как балка* (Кчт. <=Кочетовская>) Веш. <=Вёшенская> М. <=Миртов> ◊ *Ярами, буеромом, густыми терновниками шли, ползли* (М. Ш. <=Шолохов>)» [БСДК 2003: 58]. Второй контекст из станицы Коче́товской практически идеален. Но нет ли здесь ошибки, возникшей под влиянием авторитета Миртова?

Проверка показывает, что не все донские словари дают *буером*: только *буера́к* [буйира́к] в том же значении в 1-м изд. [Словарь дон.-1: 41], также

между *бу́дя* и *бу́здать* не даёт никаких слов ещё один словарь [Ремчуков 2007: 16], «Словарь языка Михаила Шолохова» также не даёт *буером* [СЯМШ 2005: 198]. Ожидаемо вслед за двумя изданиями словаря *буером* упоминается как наименование значительных углублений рельефа «буерак, буером» в автореферате диссертации [Флягина 2004: 7]. Таковы 5 фиксаций *буерома.* В то же время *баярак, боарак, буярак* и проч. ‘овраг’ – давно и широко известное слово, даже в Сибири [Панин 1991: 10, 11, 14; Вершининский-1: 132] и др.

Ранее 1991 г. более полувека гапакс *буером* формально базировался только на одном единственном свидетельстве Шолохова, от которого тот (совместно с редактором?) вскоре отказался. По этой причине серьёзные сомнения в реальности раритета *буеро́м* так и не развеяны. Исследование остановлено на стадии: есть несколько фиксаций, но только от одного информанта, который менял свои показания, так что *буеро́м* трудно не считать фантомом, пока не получены дополнительные данные. Наши корреспонденты из станицы Кочетовской неоднократно повторённый вопрос о наличии слова *буером* проигнорировали. Думается, авторитет писателя или словаря 1929 г. мог спровоцировать повторное прочтение *буером* вместо *буерак* в словаре 1991 г.

При обращении к источнику не следует упускать из виду того, что не каждое знаменательное слово обладает лексическим значением. Так, слово *мучелка*, имеющее замены *Подчучелка, Пачучилка, Мачучелка* (ср. вятское: «Чу́челка, и. Сущ., общ. Запачканый, грязнушка» [Васнецов 1907: 346]), Корючелка, выступающее в роли сказочного имени собственного вряд ли следует понимать как ‘мученица’ (или ‘мучительница’): «“**Му́челка**, и, *ж.* Мученица [?]. *Как на горке против солнышка жила-была лиса красна, у ней было три дочери: одна была чучелка, а другая мучелка, а третья – подай челнок.* Тихв. Новг., Невинский” (<СРНГ> вып. 19, 40). Имена дочерей лисы, встречающиеся в других вариантах этой сказки, совершенно исключают догадку составителей СРНГ» [Страхов 2004: 290].

Разумеется, в таких (и подобных случаях, например, условное

отождествление слов в загадках и эпитетах типа *ермак = яблоня* [Страхов 2008: 219]) нет речи о фантомных словах, но лексическое значение оказывается весьма размытым и переменным.

2.2.3. Определение степени изолированности или наличия словообразовательных связей слова

Если слово общеизвестное, например, *цунами* (японск. 津波, букв.: ‘портовая волна’), то даже его словообразовательная изолированность и неясность производности воспринимается нейтрально. Мы доверяем написанию слова, которое подтверждено сотнями контекстов из нашей речевой практики. Словообразовательная изолированность необычного и малоизвестного слова даёт основание проверить корректность его написания.

Реальное слово обычно имеет несколько однокоренных, в частности, производных, а также нередко само является производным, фантом же возникает изолированно. Поэтому на следующем этапе анализа (сомнительной) записи учёт такого фактора, как богатство словообразовательных связей подозрительного слова, является важным средством верификации.

А.Б. Страхов, сомневаясь в достоверности одного из вариантов записи слова, обращается к анализу словообразовательного гнезда: «**Огуня́ть**, я́ю, я́ешь, *сов., неперех.* [удар.?]. Поправиться. Петрозав. **Олон.,** Куликовский, 1885-1898» [СРНГ-22: 364]. «Заглавное слово – результат неправильного чтения письменного *ч* как *г*. Надо: *очунять.* Ср. новг. *очуну́ть,* Курск. *очуне́ть,* смолен, *очуня́ть* ‘выздороветь’, вологод. *очуна́ться* ‘очувствоваться’ (Даль$_3$ 3, стлб. 2022) и статьи: **Очуна́ться, Очуне́ть, Очу́нивать, Очу́ниться, Очуну́ть, Очуну́ться, Очуня́ть, Очуня́ться** в СРНГ (<СРНГ> 25, 72-73)» [Страхов 2004: 296]. «Петрозаводское» *огунять* [Куликовский 1898: 69] описано без ударения и иллюстративного примера, что настораживает, а на фоне богатого гнезда с основой *очун-* его изолированность особенно заметна.

Иначе *огунять* оценивается как праславянский архаизм в нерегулярном преобразовании *-*gut*- ‘гнуть’: «С определённой долей сомнения производным от основы **obgutnǫti > **obgunǫti можно счесть рус. диал. олон *огунять* ‘поправиться’ (СРНГ 22, 334)» [Варбот 2012: 166].

Словообразовательная изолированность, дающая основание заподозрить наличие ошибки, противостоит вхождению правильного слова в словообразовательное гнездо. Разберем пример: *Лупе́ликой* – слово непрозрачное, оно может (п)оказаться производным от *лупить* и от *лик*, а грамматически – прилагательным в форме имен. пад. муж. р., ед. ч. (в архаическом или диалектном оформлении), а не только прилагательным в форме творит. пад. жен. р., ед. ч. Исправление по более прозрачному варианту слова помогает снять неясности: подмосковное *лупе́ликой* ‘о картошке в мундире’ < *нелупе́шкой* ‘то же’. Как пишет А.Ф. Журавлёв, «деривационная затемнённость формы *лупе́ликой* и её изолированность, отсутствие в русском языке (в народных говорах в том числе) лексических образований с подобным строением <...> заставляют отнестись к обсуждаемой диалектной форме с некоторой насторожённостью – как к сомнительному свидетельству, нуждающемуся в дополнительной проверке» [Журавлёв-1: 183-184]. В результате принимается чтение *лупешкой*, ср. *лупить* (‘чистить’, например, о картошке [СРНГ-17: 201]).

В следующем примере: «**Вы́ватия**, и, *ж*. Женщина, которая выводит невесту на смотр жениху. Обоян. **Курск.**, 1859» [СРНГ-5: 252] – частичная ясность морфемного состава слова базируется на созвучии *вы́ватия* и слова *выво́дит* в толковании, однако его не удаётся прояснить окончательно. (Пример обсуждается в п. 2.3.1 про выдвижение и проверку гипотез.)

В источниковедческой работе не следует безоговорочно доверять интуиции, которая может указывать в одном направлении, в то время как словообразовательные связи могут оказаться совершенно иными. В следующем примере наименование действия убегающего соотнесено с глаголом *дремать*,

поиск альтернативы приводит к более убедительному прочтению: «**Дрёмово** <...>. *Дрёмово задать*. Испугавшись убежать. Кашин. **Твер**., Смирнов, 1904 [СРНГ-8: 184]. Ср. кашин. твер. *дра́лово задать* ‘убежать от кого-либо’ (Смирнов, 1897) <это рукопись с говором с. Ченцы>, покр. и александр. влад. *дра́лова* ‘то же, что *драле* («употребляется по смыслу глаголов удрать, убежать» [СРНГ-8: 171]. Сочетание рукописных букв *ал* воспринято как *ем*, диакритика к *е*, по-видимому, добавлена составителем словарной статьи» [Журавлёв-1: 188]. Иван Тимофеевич Смирнов, учитель и краевед, отметил в г. Кашине и с. Ченцы *дра́лово задать*: «**Дра́лово зада́ть, тя́гу зада́ть** – испугаться и убѣжать» [Смирнов 1901: 39]. Ошибка возникла при чтении рукописной карточки.

Обратимся к такому показателю, как количество слов, производных от сомнительного слова. Этот фактор имеет ограниченное распространение как по причине малой продуктивности многоморфемных слов, так и по причине недостаточности материала, не всегда дающего возможность установить отношения производности.

Деривационные связи фантомного слова – это нонсенс. Словообразовательная же активность словарного раритета позволяет судить о том, насколько слово (было) распространено в речи. (Производные второго и третьего порядка – это ещё более существенный показатель широкой известности слова. См., например: [Шаповал 2009b: 105-117].)

Однако изредка возникает и отфантомное производное. Например, только в одном словаре наряду со словом «ТАУБЕН (ин<оязычное>) – счастье» описано и производное прилагательное «ТАУБЕНОЕ – краденое» [ББИ 1992: 242; повтор: Балдаев 1997-II: 74]. В принципе, это могло бы свидетельствовать об определённой известности заимствованного слова. Производное первого порядка, возникшее на русской почве, дано без пометы «ин.», что формально правильно. Однако в другом словаре, возникшем на базе той же картотеки, данного производного нет: «**Таубен** (*м*<ежду>*н*<ародное>) – счастье; **Татебное** – краденое» [Мильяненков 1992: 246]. С учетом того, что *таубен* – ‘счастье’ –

это осколок переводной цитаты из немецкого словаря («**tof** [5849] gut <хороший> … *Tauben haben* Glück haben <счастье иметь>» [Wolf 1956: 330], букв.: ‘голубей иметь’, но для мн. ч. *Tauben* не указано такого значения вне данного выражения [Polzer 1922: 90]). Вопреки уникальным данным двух новых словарей нет оснований считать, что слово *таубен* присутствует в русском жаргоне. Производное же от него *таубеное* – это оптическая иллюзия, фантом второго порядка, возникший при копировании материалов в одном из русских словарей на месте архаизма *татебное* ‘краденое’ [Мильяненков 1992: 246]. Строго говоря, в процессе источниковедческого анализа здесь происходит перераспределение пар слов: на месте первоначального восприятия связи *таубен – таубеное* возникает связь *татебное – таубеное*; гипотеза о наличии словообразовательной активности у редкого жаргонного (?) слова *таубен* сменяется выводом об ошибке прочтения.

В параграфе 2.2 процедура выявления словарной ошибки была представлена в виде следующих этапов: сомнение в достоверности словарной фиксации, проверка документированности и употребительности слова, определение степени изолированности и наличия словообразовательных связей. После рассмотрения процедуры выявления ошибки перейдём к процессу её исправления.

2.3. Стратегии критической проверки и исправления сомнительного описания слова

2.3.1. Выдвижение и проверка гипотезы

Выдвижение и проверка гипотезы включает обращение к узкому контексту, поиск противоречия, поиск вспомогательной гипотезы о смешении (на уровне букв или слов-омонимов), при необходимости (неясности) обращение к широкому контексту.

2.3.1.1. Обращение к узкому контексту (толкованию, иллюстративному контексту)

1. Гипотеза подсказана толкованием: «**Вы́ватия**, и, *ж*. Женщина, которая выводит невесту на смотр жениху. Обоян. **Курск.**, 1859» [СРНГ-5: 252]. Может быть, слово должно читаться как **выводня* (существенно менее вероятно **вывотня,* с утратой внутренней формы), ср. арх. *выводница* ‘одна из двух женщин, большей частью ближних родственниц невесты, выводящая невесту из угла к жениху’ [СРНГ-5: 256], *выводнюха* ‘икона, предназначенная для невесты при её отъезде в дом жениха (мужа)’ [АОС-6/7: 143]. Впрочем, Даль даёт курск. *вы́водчея* ‘женщина, выводящая невесту на смотренье жениху’ [Даль-I: 281], что, для нашего случая, более приемлемо: можно представить себе почерк, написание которым буквенного сочетания *одче* допустит ошибочное прочтение *ати* (хотя, нужно заметить, структура далевского *выводчея* едва ли не уникальна <...>)» [Журавлёв-1: 187]. Как видим, колебания учёного в выборе одной из альтернативных корректирующих версий вызваны уникальностью более приемлемого по ряду причин свидетельства Даля.

К анализу А.Ф. Журавлёва можно добавить несколько существенных

деталей. Алексей Степанович Машкин (1816–1904) в весьма близком по времени к фиксации слова *выватия* сочинении именно об обоянских крестьянах не даёт похожего однокоренного слова, хотя и подробно описывает в свадебном действе очень близкую по функционалу фигуру: «Поздняя или повивальная сваха: она убираетъ голову молодой въ женскій уборъ и сопровождаетъ ее къ вѣнцу и отъ вѣнца» [Машкин 1862: 42]. Вряд ли в пределах уезда вариативность свадебной терминологии была столь широка, что целенаправленный опрос не выявил подобного слова. Это косвенно понижает шансы на подтверждение слова *выватия*.

Можно к вышесказанному добавить, что далевское *вы́водчея* равно *вы́водчая (женск. по типу *кравчий, ловчий, певчий*). В разделе «Еще дополненіе» в «Дополнении к Опыту» находим также обоянское: «**ВЫ́ВОДЧАЯ**, ей, с. ж. Женщина, которая выводитъ невѣсту на смотръ жениху и сватамъ. Кур. *Обоян.*» [Опд. 1858: 318]. Почему вместо 1858 в СРНГ стоит 1859, остается непрояснённым. Вариативность объяснительных версий вряд ли может быть снята с полной надёжностью: *вы́ватия* < +вы́водчая, +вы́водчея, или +вы́водня, менее вероятно +вы́вотня.

2. Наличие одного толкования у разных по написанию слов позволяет предположить, что изначально это было одно слово. О забвении слова говорит накопление ошибок, удаляющее его от этимологически подтверждённого вида: тюркизм *капчук, капшук* ‘мешок, кошель’, фигурально – ‘100 рублей’; в речи конных барышников: «**Капчи́гъ** – 100 руб<лей>» [Патканов 1900: 148] приобрел следующие варианты: «**Капчук** – сторублевый кредитный билет» [Потапов 1927: 65], а также с ошибкой прочтения: *кайгук* ‘100 руб.’ [Потапов 1927: 63], позднее с новой ошибкой: *кайгу́н* ‘сто рублей’ [Бронников (1990): 18; ТСУЖ 1991: 80], через сто лет уже с половиной неправильно опознанных букв: «КАЙГУН (устар.) – сто рублей» [Дубягина, Смирнов 2001: 60].

3. Обсудим ситуацию, когда два одинаковых иллюстративных контекста сопровождают разные варианты слова. В словарях «обычных» слов такие

примеры бывают по недосмотру, техническая природа ошибки очевидна, и никаких специальных разысканий проводить не требуется.

Если имеется два дублета с одинаковым иллюстративным контекстом, то возникает необходимость решить, ошибка это или цитирование (примера предшественника или вообще прецедентного текста).

А.Б. Страхов, рассматривая прилагательное **Ди́кенький** «3. Несколько помешанный. *Как ему помлилось, стал какой-то дикенький*. **Вят**., 1907» и (на той же странице) «**2. Диконький** «2. Несколько помешанный. *Как ему помлилось, стал какой-то диконький*. **Вят**., 1907» [СРНГ-8: 56, 64], ставит вопрос, «какая же форма была в источнике» [Страхов 2004: 271]. В источнике: «Ди́конькой. 1) Диковатый. 2) Нѣсколько помѣшанный. “Какъ ему помлилось, сталъ какой-то диконькой”. 3) Навязчивый, надоѣдающій» [Васнецов 1907: 58]. Видимо, к двоению написания слова привело приближение к литературной орфографической норме при цитировании в словаре.

Однако повтор слова в иллюстративном примере и отсутствие варианта *ди́кенький* в словаре-источнике указывают на правильность варианта *ди́конький*. Вариант *дикенький* в источнике не описан.

2.3.1.2. Гипотеза о смешении (графем, омонимов)

Сомнительная фиксация прошла проверку на предыдущих этапах, то есть слово есть в других источниках, это не изолированное слово, оно имеет ряд производных. На следующем этапе перед исследователем стоит вопрос: а действительно ли все фиксации принадлежат одному слову, нет ли омонимии. *Если в рамках критического анализа многозначного слова выявляются (нередко географически разнесённые) слабо связанные значения, то они проверяются на предмет разного происхождения*.

Выявление омонимов и собирание из частей прежних статей нового гнезда однокоренных слов можно проиллюстрировать на примере того, как

А.Б. Страхов работает со словами *пуг-а, пуж-к-а:* доказывает ошибочность значения ‘то, что пугает, внушает страх’ и достоверность значения ‘кнут’: «Вторая иллюстрация для статьи “**1. Пу́га́,** *ж.* То, что пугает, внушает страх” подобрана ошибочно: “*В одну минуту над ими як свиснет – и уши ажно заклало. Спужались обое, стали утекать.. Бегим мы, а ен снова нагибает <набега́ет* (?) ‘настигает’, в этом диалекте обычно *нагина́е(т)* ‘нагибает’ – *В.Ш.> и над нами пугою.* Смол.” (вып. 33, 104). Рассказчиков испугала не мифологическая «пуга», а кто-то, вооруженный реальной *пу́гой* ‘кнутом’. Ср. статью **4. Пу́га** ‘кнут, плеть, хлыст’ с «юго-западными» пометами: “Калуж., Орл., Курск., Брянск., Смол., Твер., Пск.”. Имеется смоленское выражение: *бросить пугу* ‘отказаться от должности пастуха’ (ibid.). Комментарием к этому ошибочно понятому смоленскому рассказу может служить «юго-западная» поговорка: *умный слова боится, глупый пуги* (ibid.) <...> В статье **1. Пу́шка** (вып. 33, 174) наряду со значениями ‘пушка; корма лодки; круглая коробка’ отмечено: “3. Кнут. *Да встает, будто уж и за пушку примается, хотит троху поучить меня.* Смол., 1914” <В источнике оба варианта: *пу́жка* и *пу́шка* [Добровольский 1914: 348, 355] – *В.Ш.>* и “6. Тупой конец яйца. Осташк. Твер., 1820. Сарат.”. Оба слова восходят к *пужка,* уменьш. от *пуга.* Этимология слова *пуга* со значением ‘кнут’ (ср. статью **4. Пу́га** в СРНГ) неясна, сближение его с *пугать* вряд ли достоверно; в то время как связи *пуга* ‘тупой конец яйца’ (ср. статью **2. Пу́га́)** и его праформа *pǫga известны довольно хорошо (ср. Фасмер II, 399)» [Страхов 2004: 214-215]. Также без окончательного выбора этимологической версии обходятся позднейшие словари: «звычайна звязваюць з *пуга́ць*,.. што сустракае пярэчанне...» [ЭСБМ-10: 193-194] <обычно связывают с *пугаць*,.. что встречает возражения>; «не цілком ясне» [ЕСУМ-4: 625] <не вполне ясно>; «Origin uncertain» [Rudnyckyj-2: 934] <происхождение неясно>. Так из состава описаний других пар омонимов вычленяются однокоренные *пу́г-а* и *пу́ж-к-а (пушка)* в значении ‘кнут’.

Совпадение в одном написании двух разных слов достаточно часто является результатом смешения – графического или фонетического. Омонимия

– частный случай смешения вообще, то есть того, что, по выражению В.И. Чернышёва, «получилось из небрежного изображения и неосмысленного чтения» [Чернышёв 1970: 311]. Для рассмотрения всего многообразия подобных случаев потребовалась целая 3-я и почти вся 4-я глава. В связи с большим количеством ошибок записи, её прочтения и понимания, ошибок смешения графем, на первом этапе исследователю необходимо держать под подозрением любые непривычные сочетания букв, а также сочетания элементов, которые подвержены смешению (см. гл. 3).

Так, заслуживает проверки выбор уникального буквосочетания, вероятно, по причине неопределённости чтения записи: «**Тро<u>с</u>нка**, *ж*. Лодка. **Пск**., Максимов, 1957» [СРНГ-45: 134], ср.: «**Троёнка**, *ж*. … 2. Небольшая промысловая лодка. **Пск**., 1912-1914...» [СРНГ-45: 109], смешение ***е*** – *с*. В обратных словарях -*снк*- не встретилось ни в одном слове. Правильное чтение прозрачно и с точки зрения производности.

Чтобы обнаружить и доказать смешение, проводится графический анализ. Основные положения графического анализа и его применение в виде приёма графической реконструкции рассматриваются в 3-й и 4 главах, но и в общем ряду стратегий и приёмов внесения исправления этот приём должен быть упомянут. Этот приём называется реконструкцией, исследователь прибегает к нему в том случае, когда не располагает рукописью, но есть основания предполагать, что в печатном тексте отражено смешение букв, произошедшее ещё в рукописи. Рассмотрим предварительно пример, в котором предполагается смешение строчных букв ***н*** – *п* или *п* – строчного ***ѣ*** *(ıъ)*: **Гус<u>п</u>е́лый** ‘заплесневевший’. В данном случае вероятнее смешение именно строчных рукописных, прописные ***Н*** – *П* и *П* – ***Ѣ*** противопоставлены более надёжно. (См. с анализом источников: 2.4.3).

Если в рамках графической реконструкции имеется две гипотезы, то сначала проверяется более простая, построенная на одном допущении, а потом уже более сложная. Пример «**Лурта** <...> Вьюга, метель. Обоян. **Курск**.,

Машкин (<СРНГ> вып. 17, 204). Почти несомненное *пурга,* с подменой в чтении диалектологической записи букв **п** (/**П**) на **л** (/**Л**) и **г** на **т**» [Журавлёв-3: 271] содержит два допущения: произошло смешение *л* – ***п*** (?), **г** – «одномачтового» т (?) одновременно: *лурта́* ‘вьюга, метель’ [СРНГ-17: 204], «Почти несомненное *пурга*, с подменой в чтении диалектологической записи букв *п (/П)* на *л(/Л)* и *г* на *т*. Сомнения, в сущности, касаются лишь подлинно народной природы этого слова в курских материалах: слово заимствовано из прибалтийско-финских языков <...> и на Курщину вряд ли могло попасть без посредничества литературного языка <...> Ср. ещё сенг.<илеевское> симб. (Архив РГО) *кутра* ‘метель, пурга; непогода’ [СРНГ-16: 145], которое можно заподозрить в том же “патологическом” происхождении» [Журавлёв-3: 271], т. е. во втором случае допускается смешение *к* – ***п*** (?) и **г** – т. Здесь можно предложить альтернативную гипотезу: восходит к южному *хурта́* ‘вьюга, метель’, более простое одинарное смешение *к* – ***х*** или *л* – ***х*** в начальной букве однотипно объясняют оба случая. (В картотеке СРНГ уточнить не удалось.)

Выбор между двумя прочтениями – ответственное решение. Так, сибирское *сонъ* ‘сладкое или почечное мясо’ [Даль$_6$-4: 270], «со знаком “?”», исправляется на *сок*: «Скорее всего,.. $^{+}$*со<u>к</u>* = сиб. *сок* ‘сладкое мясо’» [Аникин 2000: 503, *сон* I].

В поисках конъектуры иногда приходится учитывать и более широкую рамку потенциальных прочтений, большая часть из которых отбрасывается на первом этапе критического анализа, хотя к некоторым из них случается возвращаться при пересмотре решения (курсив условно обозначает рукописные начертания): *соп, гоп, гон, юк, юн, юп, чок, чоп, чон*, а также: *СОП, ЮК (?), ЮН, ЮП, ЧОК, ЧОП, ЧОН* и др.

Таким образом, *исправление неправильного прочтения слова представляет собой последовательный перебор и оценку всего множества вероятных чтений «тёмного места»*, для оптимизации которых полезен учёт статистики выявленных ошибок.

Если учесть, что в данном случае речь идёт всего лишь о сегменте, образованном горизонтальной последовательностью из четырёх простых элементов (*ı о ı ı = сок*), то станет ясно, что главной проблемой графической реконструкции оказывается не нахождение возможного прочтения, а обоснованный выбор наиболее достоверного решения из обширного и потенциально открытого ряда правдоподобных прочтений.

2.3.1.3. Обращение к широкому контексту

Уникальное написание слова оспаривается, поскольку другое написание того же слова в альтернативных словарях и других источниках даёт основание заподозрить наличие ошибки:

«**Ерхаку́к** <...>. Оболочка. Ветл. Костром., 1907 [<СРНГ> вып. 9, с. 36]. <...> Заголовочная вокабула вызвана к жизни ложным чтением рукописного *л* как *к*. Ср. ветл. костром, *ерхалу́к* ‘одежда’, 1905-1921, ‘плохонькая верхняя одежда’, 1911 [там же], преобразованное в диалекте *архалук*» [Журавлёв-1: 189].

Слово «оболочка» в толковании употреблено в диалектном значении (одежда, в неё «оболока́ются»), что затруднило соотнесение с *архалук* и исправление. Слово в таком виде опубликовано известным ветлужским краеведом Дмитрием Аркадьевичем Марковым (1879-1968) [Марков 1907: 133]. Других источников для данного слова (слова ли?) нет ни в СРНГ, ни в картотеке. Следовательно, это ошибочное прочтение слова *ерхалук* из материалов Маркова, допущенное неизвестным казанским наборщиком в 1907 г. и (что типично) не исправленное в последующие десятилетия.

«Никакое лингвистическое исследование не может ограничиться лишь специально извлечёнными изолированными предложениями» [Кибрик 1972: 93]. Если говорят о широте привлекаемого контекста, то имеется в виду как широкий по отношению к словарю, так и по отношению к опыту исследователя контекст. В первой главе уже говорилось о важности широкой филологической

подготовки. Так, иногда необходимо привлекать знания диалектной фонетики: *если выяснение происхождения слова затрудняется в связи с невозможностью морфемного анализа, то запись проверяется на предмет закрепления в ней специфических фонетических* процессов.

Порой достаточно и регулярного изменения в записи, отражающего диалектное произношение, чтобы затруднить связь слова с общенародным корнем (*зелен-*): **«Ожеле́нщица,** ы, *ж*. [Знач.?]. *Тут живе(т) курва Маринка Игнатьевна. Она отравщица да ожеленщица, отравила она много добрых молодцев, Еще сильних могучих богатырев.* **Олон.**, Гильфердинг» [СРНГ-23: 75]. Это *озеленщица, то есть ‘знающая зелья’, но «с диал. *-ж-* на месте *-з-* перед передней гласной *(*озеле́нщица)* восходит к сущ. типа смолен. *озеле́нье* ‘ошибка, заблуждение; утомление’, а далее – к *озе́лить, озелять* ‘околдовывать знахарским зельем’, ‘обманывать’, ‘одурманивать’ (см. с пометами: «Смол.» и «Зап.-Брян.» – ib., 89)» [Страхов 2004: 297]. Такая трактовка согласуется с контекстом. В былине «Добрыня и Маринка» читаем (с некоторыми расхождениями в оформлении текста): «Она отравщица да ожеленщица, | «Отравила она много добрыхъ молодцовъ, | «Еще сильнихъ могучихъ богатыревъ» [Гильфердинг 1873: 1326, № 216].

Если в рамках иллюстративного контекста не обнаруживается достаточной информации для реконструкции значения слова, следует обратиться к полному тексту источника.

При наличии единичной фиксации изолированного слова окончательный выбор и обоснование написания невозможны без выяснения происхождения. О слове *санечкар* ‘саночник’ писалось: «Это весьма любопытное по структуре слово: первая часть его – славянская (ср. русск. *сани,* польск. *sanie,* чеш. *sané*), а вторая – интернациональная (ср. англ. *car* ‘тележка’ <...>» [Крысин 2004а: 182, прим. 155]. (Указано И.Г. Добродомовым.) Экзотическая этимологическая версия (неопределённость славянского языка-источника, уникальность модели наложения основ из неродственных языков) заслуживает дополнительного

подтверждения. В качестве альтернативы можно предположить, что это славянское окказиональное заимствование во время зимней Олимпиады в Инсбруке 1964 г. для названия любителей санного спорта. Похоже на чешское *sáňkař* от *sanĕ /sánĕ*, однако от уменьшительного *sáňičky агентив *sáňičkař не обнаруживается. В южнославянских языках подходящего слова тоже нет. К счастью, цитата у Л.П. Крысина имеет почти полный точный адрес, это позволяет прочесть продолжение и восстановить более пространный контекст: «Авиационные виды спорта занимают <...> особое место. Именно полет в воздухе развивает у спортсменов чувство смелости, решительности, обостряет их ощущение воздушных потоков, помогает быстро ориентироваться в сложной обстановке» [Сани 1964: 5]. В заметке от «нашего спецкора» речь идёт о польской команде. Это помогает понять, что в статье употреблено адаптированное польское агентивное имя существительное *saneczkarz* от уменьшительного *saneczki* < *san-ъč-ьk-y.

В самом общем виде стратегии и приёмы обоснованного исправления чрезвычайно соблазнительно разделить чисто источниковедчески на те, которые опираются на общеизвестные факты, и те, которые опираются на факты, привлечённые из источников. Однако анализ показывает, что подобное разделение не только нестабильно по причине различий в опыте работы исследователей с периферийной лексикой, но и малосодержательно с точки зрения задач верификации. Проверять надо и собственную память. А иногда и важнейший довод в пользу исправления лежит на виду.

Рассмотрим несколько примеров, которые показывают, что для уточнения и дополнения словарной статьи бывает достаточно привлечения извне довольно обычного лексического материала.

«**Анте́ки** мн. ‘жители под одним с нами полуденником <меридианом>, но в разных полушариях’ … // Начальное *ант*- связано с греч. ἀντι- (см. *анти*-), но точный источник заимств. неясен, как и возможное посредство» [Аникин-1: 228]. Неясно, из какого именно западноевропейского языка взят термин, однако

почему-то не указано происхождение второго корня -*эк*- из греч. οἶκος ‘дом, жилище’, ср. *метеки, периэки, эколог* и проч. [Шаповал 2015d: 24].

«**Башенный** [?], ая, ое. [Знач.?]. *Мне-ка съездить прокатиться Со подружками со милыми, Со башенной дорогой волей.* Пудож. **Олон.**, 1903» [СРНГ-2: 163]; А.Б. Страховым предполагалось смешение *ш* – ***щ***: причастие **башённая* от глагола **бащиться*, от прил. *баской* ‘красивый’ [Страхов 2008: 218]. Двойная реконструкция здесь логически безупречна. Добавим сюда и свердловское *уба́щивать* ‘украшать’ [СРНГ-46: 112]. Однако стоит учесть, что в плачах невеста обычно прощается с *бажо́ной* волей («бажона моя волюшка» [В. 1896: № 31, 4]; «И въ дорогой волѣ божоной»; «И по бажоной стой вѣдь вольной моей волюшкѣ»; «И мнѣ-ка систь да со бажоной дорогой волей»; «И угостилася съ бажоной дорогой волей»; «И отъ разлукушки бажоной вольной волюшки» [Барсов-III: 161, 178, 181, 183, 199]. Мы можем выдвинуть **другую** гипотезу: вероятнее здесь не смешение *ш* – ***щ***, а смешение ***ж*** – *ш* и прочтение +ба<u>ж</u>ён<н>ый. Вятское: «Бажо́ный – милый, любезный. Употребляется въ томъ же значенiи и въ Арханг. губ.» [Слова вят. 1847, № 42: 274] и др.

Предположение о смешении букв *в* – *с* в записи *волдат* ‘солдат’ («**Волда́т**, а, *м*. 1. Солдат. **Ряз**., 1858. 2. Сорванец, своевольник. **Ряз**., 1858» [СРНГ-5: 37]) высказывалось ранее [Журавлёв-1: 186]. Смешение *в* – *с* встречается, но в данном случае противоречит офенскому материалу, неоднократно подтверждавшему реальность слова: «Попали арготические (офенские) слова и в <...> “Дополнение к Опыту областного великорусского словаря” <...> *волдат* – Ряз. (? <этот вопрос выражает мнение В.Д. Бондалетова, что это офенское слово, то есть социальный, а не территориальный диалектизм>) “солдат” (ср. *булда́т* <...> *булда́н* <...>)» [Бондалетов 2004: 201].

Автор этих строк, рассматривая жаргонное (?) «**Цу́лей** (*мн*.) – мужчина» [Мильяненков 1992: 271; ББИ 1992: 276; Балдаев 1997-II: 136], предлагал связь с нем. *Kollege* ‘коллега’, опираясь на отмеченное Е.Д. Поливановым в речи рижских школьников нач. XX в. слово *куле́й* ‘приятель’ [Шаповал 2003c: 158-

161], но игнорируя при этом поначалу недооценённое указание З.А. Вольфа на цыганский источник: «**Chulei** [901] *m* Mann <мужчина>: 1922 Po. – *Chulai m, Cholei* Mann, Wirt <мужчина, хозяин>: 1845 Po. – Zig.» [Wolf 1956: 75] <= «*Chulei* Mann» [Polzer 1922: 16]. Цыганское ‘хозяин’ читается [хулáй] [Pott-II: 170-171]. Хотя оба источника этой словарной статьи были перед глазами, блокирующим фактором стала аномальная русская транслитерация (ц = *ch*) и сокращение толкования до расплывчатого ‘мужчина’. (См. также Прил. 2.3-1.)

Таким образом, иногда правильное решение может не обнаружиться, даже если у исследователя имеются все необходимые факты.

2.3.2. Различение конъектур по степени доказанности

Обнаружение ошибки или недостоверности и исправление записи, внесение конъектуры требуют обоснования. Доказательство может быть разным по силе и добыто разными путями:

«**Еле** [удар.?]. Нечистая сила. **Костром**., Буслаев, 1852» [СРНГ-8: 339]. По причине разительных семантических различий вопрос о связи омонима наречием *еле* ‘едва’ никем не ставился. Симптоматично и отсутствие грамматической информации. Это всегда настораживает и заставляет искать причину пропуска обязательного компонента описания слова. А.Ф. Журавлёв обратил внимание на это слово и усомнился в корректности записи: «Вне всяких сомнений, *с* в исходе слова прочитано как *е*, чем и обусловлено недовольство составителя отсутствием знака ударения в «двухсложном» слове. Нас скорее должно смущать отсутствие диакритических точек над начальным *е (ё)*. Ср.: кинеш., солигал., костром. костром., углич. яросл. *ёлс* ‘леший, черт’, *елсóвка* ‘чертовка’, иркут. *елёсиха* [вып. 8, с. 348; Даль, т. I, с. 518; Фасмер, т. II, с. 17], см. также [8]*. Слово и его

* Д.К. Зеленин. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Часть 2. Запреты в домашней жизни // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1930, т. 9, вып. 2, с. 99; Загадки / Издание подготовила В.В. Митрофанова. Л., 1968, с. 22; В.В. Иванов, В.Н. Топоров. Исследования в области славянских

производные связываются с *Велес* (Зеленин, Фасмер, Иванов – Топоров, Успенский; вряд ли надежно), с эст. *õelus* ‘черт’ (Черепанова; неудовлетворительно по лингвогеографическим причинам)» [Журавлёв-1: 189]. Таким образом, А.Ф. Журавлёв подтвердил свою корректирующую гипотезу привлечением ряда слов с тем же значением и созвучным корнем. Следовательно, это *еле* следует читать с исправлением двух букв записи (66,67%) как заведомо более основательно документированное *ёлс*: «**Ёлс**, а, *м*. Леший, черт. Кинеш. **Костром**., 1846» (и др.) [СРНГ-8: 348].

Критику фантома *еле* можно дополнить данными источников. Какой текст Буслаева цитируется в обсуждаемой записи, выяснить удалось далеко не сразу. Обращение к первоисточнику по отсылке «Буслаев, 1852» даёт нам ещё одно подтверждение вывода о первичности конечного *с*: «Наконецъ вотъ еще нѣсколько названій злаго духа въ различныхъ мѣстностяхъ и различнаго происхожденія: *лембой* въ архангельской, *ди́манъ* въ костромской, новгородской, *шишъ* въ костромской, новгородской, *елсъ* въ костромской, *шишига* въ костромской, *дёдеръ* въ тверской, *шишко̀* въ тверской, *а́редъ* въ курской, *садоломъ* въ курской, орловской, *мардуй* въ смоленской, *шиликунъ* въ иркутской» [Буслаев 1852: 43-44]. Этих доказательств достаточно самих по себе, но в верификацию можно включить и выписку, по которой создана словарная статья. Ниже рисунок 1 представляет выписку 1962 г., прочитанную неправильно как *еле*, хотя почерк Натальи Тимофеевны Бухаревой отличается учительской чёткостью.

Рис. 1. Выписка из [Буслаев 1852: 43-44]

древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М., 1974, с. 200; Б.А. Успенский. Филологические разыскания в области славянских древностей. (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М., 1982, с. 47; О.А. Черепанова. Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983, с. 86. [Прим. А.Ф. Журавлёва.]

Ошибка возникла при перепечатке этой рукописной карточки.

Это тот случай, когда проблема может быть закрыта: 1) безусловное исправление доказано многократно и выяснена история ошибки (обнаружена карточка, прочитанная неправильно). Но не всегда удаётся дойти до сути, поэтому далее рассматриваются ещё два типа возможных варианта решения: 2) продолжение исследования и поиска доказательств, 3) остановка на этапе сомнения в достоверности.

2.3.2.1. Необходимая и бесспорная конъектура и не до конца подтверждённая конъектура

Пример со словом *елс* – это тот случай, когда слово должно быть исправлено без дополнительных вопросов. Это было доказано тремя способами (с опорой на альтернативные источники – А.Ф. Журавлёвым, а нами – приведением исходной цитаты и анализом промежуточной выписки).

При встрече с уникальным словом, напоминающим слово общеизвестное, сомнительное написание слова оспаривается, что позволяет на основе сближения с подобным по форме синонимом восстановить правильное написание того же слова, опознаваемое как лучше документированное, а иногда и как *общеизвестное* и употребительное слово.

А.Ф. Журавлёв так исправляет однократно зафиксированное написание вологодского слова: «**Домона́льно** <...>. Обстоятельно, точно. **Волог**. <1853> [<СРНГ> вып. 8, с. 123]. Сочетание рукописных букв *ск* в слове *досконально* прочитано как *м*» [Журавлёв-1: 188].

Можно добавить, что ошибку допустил наборщик газеты «Вологодские губернские ведомости» в 1853 году (см. рис. 2). (Несколько ранее в этой же газете выступал с этнографическими заметками П. Воронов [Воронов 1853]. Не исключено, что он имел отношение и к этому анонимному словарику.) Других источников для данного описания нет ни в СРНГ, ни в картотеке.

Рис. 2. «*Домонально* – обстоятельно» [Несколько 1853: 330]

Домонально — обстоятельно.

Лексикограф СРНГ в данном случае отразил материал предшествующего словаря буквально, хотя корректирующая параллель тоже была бы здесь кстати.

Любопытно, что само наречие *досконально* в СРНГ не вошло как общерусское и известное слово, а потому, по правилам, даже и не отражаемое в дифференциальном словаре говоров. Ср. пропущенное в СРНГ вятское: «Доскана́льно. Подлинно, подробно, до-точности» [Васнецов-2: 139]. В СРНГ есть только однократно фиксировавшиеся варианты *досконал* и не вполне ясное *досконату*: «**Досконал**, *нареч.* [удар.?]. Точно, подробно, основательно. **Сиб.**,1854»; «**Доскона́ту**, *нареч.* До конца, окончательно. *Досконату все догоним* (о корме) – окончательно все издержим. **Вят.**, Зеленин, 1903» [СРНГ-8: 139]. (Чем вызван сбой в дате 1903 на 1 год, остаётся загадкой. На клавиатурах в верхней строке цифры 3 и 4 находятся рядом. Может быть, в этом и причина ошибки в дате.) Последнее опубликовано в 1904 году: «*Доскона́ту* (Юрьево). До конца, окончательно. *Доскона́ту всё догóнимъ* (о кормѣ) – окончательно все издержимъ» [Зеленин 1904: 48]. Следовательно, к появлению призрачного слова *домонально* привело смешение *м – ск* в газетной публикации. Таким образом, диалектизм XIX века, позднее ставший общеизвестным словом, остался в диалектном словаре только благодаря опечатке.

Не все конъектуры удаётся обосновать так, как рассмотренное выше наречие +*досконально*.

В тех случаях, когда первичный источник содержит явную ошибку, автор словаря может взять на себя ответственность и предложить конъектуру. «Авторитетное» исправление всегда связано с личной ответственностью автора словаря, которому и адресуются все вопросы. Кроме того, такие исправления должны помечаться, поскольку с течением времени они могут уточняться и опровергаться. Так, имеется далевская конъектура *трунца* ‘рысца’ < +грунца

(«Въ Облстн. Слв. Акд. и въ Дополн. находимъ *труни́ть* и **трунца́** [ж.] въ знчн. рысить и рысь: безъ сомнѣнія составители словаря прочли въ рукописи *т* вм. *г*; читай: *груни́ть* и *грунца́*» [Даль$_3$-IV: 854]). Даль здесь очередной раз от частного примера переходит к общей эмоциональной оценке академических словарей: «Такихъ примѣровъ множество, а в Дополненіи еще и бездна опечатокъ». Это ещё и личный выпад независимого исследователя Даля в адрес академического «Сизифа» Востокова. Эта конъектура была позднее подвергнута пересмотру Ж.Ж. Варбот на фоне широкого славянского материала с целью получения положительного ответа на вопрос, «возможно ли, чтобы глагол *трунить*... в диалектах употреблялся в значении ‘бежать рысью’» [Варбот 2012: 558]. Получает дополнительное подкрепление и оспариваемая Далем *трунца* ‘рысца’. Но это не значит, что вопрос о *трунце* как сомнительном или несомненном синониме *грунцы* ‘рысцы’ окончательно снят. Можно представить за *трунцой*, например, и исходное $^{+}$*трусьца* как попытку отражения специфического произношения. Список конъектур не закрыт, однако чрезвычайно трудно представить, что появится материал середины XIX века, который решит эту дилемму. Вспомним, что Даль целенаправленно занимался народными названиями аллюров (кои предлагал именовать *побѣжками*), однако *трунцу* и *трунить* в таком значении не отметил: «7. Грунь или рысца; въ притруску» [Даль 1845: № 1, 14]. Однако вятское «Тренька́. Ѣхать “въ треньки́” – трючкать, ѣхать легонькой рысцой» [Васнецов 1907: 320, 321], как и простое *трюха́ть* ‘бежать рысцой’, дают некоторые надежды. Так, имеется вариант: «**Трунса́**, *ж*. Мелкая рысь, трусца (о лошади). Белояр. **Свердл**., 1952» [СРНГ-45: 164], а также: «**Трунько́м**, *нареч*. Мелкой рысью. Малмыж. **Вят**., 1987» [СРНГ-45: 165]. «**Трюньки**, *нареч*. Ехать в трюньки. Ехать не очень быстро и не тихо. Малмыж. **Вят**., 1986» [СРНГ-45: 183]. Вероятно, сюда же: «**Тре́нка**, *ж*. [Знач.?]. **Вят**., Жив. стар., 1894 [СРНГ-45: 31], возможно, ‘трусца?’, ср. ранее упомянутое вятское *тренька́*. Ссылка проверена: «Живая старина» за 1894 г. содержит рец. на «Календарь Вятской губернии на 1894 г.

(Вып. 2. – С. 285) и заметку с упоминанием вятских песен: Истомин Ф. К народному словарю в области песенного искусства (Вып. 1. – С.124-125). *Тренка* не встретилось. Но дилемма между *трунцой* и *грунцой*, как видим, остаётся. Ряд примеров в пользу *трунцы* уже вырос настолько, что принять солидарную очитку **т** вместо **г** для разных независимых источников просто невозможно. Даль, похоже, в данном сложном случае не во всём оказался прав.

2.3.2.2. Конкурирующие и неподтвердившиеся гипотезы

По собранию орловских песен 1905 года цитируется святочная песня с неясным выражением *на пришади*: «**При́шадь,** *ж.* [Знач.?] *Вишенье – орешенье И яблочка садовая На пришади стояла* (песня). Дмитр. **Орл.**, Добровольский, 1905» [СРНГ-32: 64]. Транскрипция приближена к орфографической норме и прочитана не вполне точно: «Вешанья-арѣшанья | И ябланка садовая | На пришади стыяла, | И на при солнушку зрѣла» [Добровольский 1905: 341]. *На пришади* в фонетической записи В.Н. Добровольского допускает также и прочтение *на пришадѣ (не только от *пришадь – женского рода, но и от *пришадь, *пришад – мужского рода, или от *пришада, *пришадя – женского рода). Ещё более примечательно продолжение цитаты, где как бы два предлога следуют подряд: *на при*. Для объяснения этого предлагается следующее прочтение: *(й)на при садѣ стояла, ина при солнушку зрѣла, где *йна* и *ина* – варианты местоимения *она* (ср. смоленск. *ин* ‘он’ [СРНГ-12: 195]). «Касательно произношения *шад* вместо *сад*, ср. прозвище «Шарычка (Сара)» [Добровольский 1905: 323], *прата<u>ш</u>куить* ‘протоскует’: «...А хатя заначуить <муж-солдат>, уже ночъ праташкуить, Всіе ночъ па горинки праходить» [Добровольский 1905: 405], среди эпитетов «<u>ж</u>аботушка – сухота» ‘заботушка’ [Добровольский 1905: 310; СРНГ-9: 51]» [Шаповал 2011g: 250].

К сходной стратегии прибегает А.Б. Страхов, обращаясь к песенным текстам подобной тематики и близкой локализации: «В поисках значения слова *пришадь* кажется перспективным обратиться к статье, базирующейся на

песенном примере, записанном тогда же, в тех же местах (и, возможно тем же собирателем): “**Причаде́ть**, *сов.*, *неперех*. Обгореть, закоптиться <...> *береза причадела* (песня). Дмитров. **Орл.**, 1905” (ib., 54). В слове *пришадь* допустимо видеть фонетическое (или иное) преобразование сущ. **причадь* ‘пожарище, кострище’ – от *причаде́ть*» [Страхов 2008: 250]. Эти песни, как верно предположил А.Б. Страхов, из одного и того же собрания, а цитата взята из опубликованной В.Н. Добровольским в составе той же коллекции масленичной песни «Шли казаки съ–падъ Изо́ру́» [Добровольский 1905: 347]. (Два ударения призваны, вероятно, отразить песенное удлинение слогов.)

Думается, в данном случае учёт более широкого контекста всё же позволяет принять предлагаемое нами чтение *при саде* и *она*.

Достаточно часто просто недостаточно сведений, чтобы решить, что перед нами не вариант реального слова, а фантом. Приведём пример. Внимание исследователя привлекли относительно сходные по написанию-звучанию и сопоставимые по значению слова: «**Навли́хк**, а, *м.* Пахотное поле на низменной местности. Запечор. **Арх.**, 1885»; «**На́влок**, а, *м.* Мягкая земля, вспаханная в прошлом году» [СРНГ-19: 170]. «Исход слова для русского языка морфонологически совершенно невозможен. Естественно сравнение с севернорусск. *на́воло́к* ‘низменное поёмное место на берегу реки’, ‘наносы на берегу реки, образующие полосы, бугры плодородной земли’, ‘луг’, ‘поле’ и др. (там же: 178-179). Понятно, что нужно исходить именно из этой широко известной формы (ср. ещё синкопированное *на́влок),* однако хотя объяснение буквенной последовательности *-лих-* неверным чтением графической группы *-оло-* и допустимо, для полной уверенности требуется сличение с оригиналом. Кроме того, возникают, как и в некоторых ранее затронутых случаях, сомнения насчет акцентуаций: не делаются ли они составителями СРНГ иной раз, прости господи, наобум?» [Журавлёв-4: 266].

Часть этих предположений можно уточнить. Первое слово уникально и известно из одного единственного словаря, где дано с тем же ударением:

«**Навли́хкъ** (слово зырянское) – пахатное поле на низменной мѣстности. Запечорск.», ср.: «**На́волокъ** – <...> 2) <...> прибрежный лугъ, сѣнокосная земля» [Подвысоцкий 1885: 96], – где есть важное указание «слово зырянское». Это по крайней мере позволяет поставить вопрос о заимствовании из русского слова *нав(о)лок*. Однако вопрос о причинах такого искажения записи требует дополнительного исследования уже в области языковых контактов.

2.3.2.3. Остановка на этапе сомнения в достоверности

Рассмотрим пример, который доказывает приведённое выше утверждение, что верная локализация ошибки не всегда сопровождается бесспорным её исправлением: «“**Гуспе́лый**, ая, ое. Заплесневевший. Олон. Барсов” (<СРНГ> вып. 7, 245). Как мне представляется, -*п*- в этом слове маловероятно, скорее -*н*-, т. е. *гусне́лый»* [Страхов 2004: 271]. Реконструкт *гуснелый* в словаре не представлен [СРНГ-7: 245]. У Е.В. Барсова в словарике ко второму тому «Причитаний»: «*Гусѣ́лый* (хлѣбъ) заплѣсневшій» [Барсов-2: 320], довольно хорошо документируемое. Вставку «п», по нашему мнению, можно было бы объяснить как клавиатурную ошибку, поскольку диагонально вправо и вверх располагаются клавиши С – **П** – Е, а случайное нажатие промежуточной клавиши вероятно. Однако следует учесть, что седьмой выпуск СРНГ был издан в 1972 году, в докомпьютерную эпоху, когда число корректирующих читателей машинописи словаря было больше, поэтому нарушение алфавитного порядка в гипотетическом протографе *гуселый, гуспелый, гусёлушка с большой вероятностью было бы поправлено, а два соседствующих варианта прилагательного были бы объединены. Поэтому вероятнее, что ошибка возникла на карточке или при чтении/копировании карточки: это ошибочное прочтение строчного *ѣ (ıъ)* – то ли сразу как *пе*, то ли же как *п* с последующим восстановлением *е* (то ли из знака акута при *ѣ*, то ли иным путём). Ясно, что цитируется Е.В. Барсов, установлено, что́ именно цитируется. Цитируется явно

неправильно. Суть ошибки – вставка буквы. Чем именно вызвана ошибка, до конца и с полной определённостью не устанавливается.

Ситуация принципиальной неразрешимости порой раздражает. Особенно неприятно, когда в источнике все буквы напечатаны отчётливо, а ясности нет.

Принципиальная неразрешимость появляется там, где слово встречается в неожиданном употреблении. Показать, это позволяет пример из творчества Даля: «Позвольте намъ, многоуважаемые читатели, примкнуться въ уголкѣ этого листка со *словцомъ*» [Даль 1845: № 1, 14]. Это *примкнуться* по значению соответствует современному *приткнуться*, но установить, ошибка здесь или авторское употребление, не помогает даже авторский словарь: на *примкнуться, примыкаться* и *приткнуться, притыкаться* эксплицитного указания на такое употребление нет [Даль$_3$-III: 1112, 1115-1116; 1182, 1189], ср.: «**Примкну́ться**, *сов*. 1. Присоединиться. Кирил. **Волог**., 1896-1920» [СРНГ-31: 296]. Вопрос остаётся открытым. Напомним, что принципиальные трудности в различении «ошибки» и «приёма» связаны с художественными текстами. Здесь текст публицистический, а Даль тонко чувствовал стиль.

2.3.3. Оценка рентабельности обнаружения ошибки

Выше были показаны различные варианты возможности внесения конъектуры – от таких ситуаций, в которых её необходимость безупречно доказана, до таких, где исследователь (пока) ничем не может обосновать свои подозрения. Работа по выявлению и объяснению ошибок и реконструкции правильной записи носит перманентный характер и (нередко) не может быть закончена, так как сами ошибки возникают и выявляются в словарях постоянно в силу условий, в которых создаётся современный словарь. Нередко требуется второе и третье обращение к источникам, чтобы дойти до вывода. С другой стороны, возникает проблема рентабельности поисков, о чём упоминалось выше в главе 1 (п. 1.3.2) в связи с проблемой неполноты данных.

Попытка оценить рентабельность обнаружения ошибки методом сплошного просмотра предпринималась нами в связи с поисками путей алгоритмизации проверки словаря. В СРНГ читаем: «**Пошура́ть,** *сов., перех.* Потер<u>я</u>ть. Трубч. **Орл.**, 1858» [СРНГ-31: 39]. Мнимо очевидное «уравнение» *пошурать* = ‘потерять’ напоминает некоторые арготизмы с маскирующим *шу-* (*<u>шу</u>ровать* = ‘воровать’) и привлекает внимание несоответствием между мягким *р* толкования и твердым *р* толкуемого в исходе корня. «1858 г.» часто указывает на «Дополнения к Опыту», как и оказалось в этом случае: «**ПОШУР<u>А</u>́ТЬ**, *гл. д. сов*. Потереть. *Пошурай*! потри. О р л . *Трубч.*» [Опд. 1858: 208]. Трансформация «потер<u>е</u>ть» в «потер<u>я</u>ть» является ошибкой, возникшей после удаления иллюстрации «*Пошурай*! потри». Было решено проверить, насколько возможно и эффективно обнаружение ошибки методом фронтального просмотра по данным параметрам. Имеется в виду поиск по электронной версии, ибо новые способы хранения данных изменили рамки применения статистики, ср.: [Березович 2014: 92]. Для этого было решено определить, нет ли другой ошибки, возникшей по типу ошибки смешения толкования

«потер<u>е</u>ть» и «потер<u>я</u>ть», то есть насколько вероятно смешение глаголов *тереть(ся)* и *терять(ся)* и их приставочных производных в толкованиях к диалектным глаголам в СРНГ. Были рассмотрены их употребления в выпусках 1-41. Второго случая смешения «-терять» и «-тереть» не выявлено, несмотря на многочасовые поиски по электронной версии словаря.

Таблица* 3. Количество глаголов *тереть(ся)* и *терять(ся) и их приставочных производных в толкованиях к диалектным глаголам в СРНГ(1/41)

	--	в	вы	за	на	ис	об	от	пере	по	под	при	про	рас	с	у
те-ря<u>я</u>ть	98			27						**287**				9		1
– -ся	5			6						16				34		
те-ре<u>е</u>ть	**42**	3	20	7	**40**		7	7	5	18	5		15	10	17	5
– -ся	8	3	7	1	2	1	5	1	6	1		1	11	1	2	2

Итого: 736 случаев.

Таким образом, попытка обнаружения ошибки по заранее заданным параметрам методом сплошного просмотра оказалась безрезультатной. Наш вывод: обнаружение ошибки по заранее заданным параметрам (неправильно прочитанная буква в изолированной словоформе) возможно, но нерентабельно. По затратам времени такой подход абсолютно неэффективен. Если бы использовалось бумажное издание, просмотр 41 выпуска занял бы многие дни. Кроме того, внимание при такой монотонной работе очень быстро рассеивается. Приходится работать с перерывами. Можно предполагать, что искать ошибки по бумажной версии таким способом ещё менее продуктивно.

Как видим, сплошной просмотр с целью поиска ошибок не даёт гарантированного результата. Иногда кажется, что нахождение убедительного исправления определяется интуицией или удачей. Корректнее утверждать, что для успешной верификации сомнительного или недостаточного словарного описания слова намного важнее чисто количественных характеристик привлечённого материала его рациональная концентрация и своевременный

интерпретационный маневр, позволяющий увидеть ключевую связь. Для того чтобы определить рамки ожиданий при поиске ошибок, и предлагается далее описание процедуры обнаружения ошибок прочтения.

Итоги главы второй

Глава **вторая** была посвящена методике выявления и исправления словарных ошибок на основе критики источников словаря. В ней были рассмотрены общие вопросы теории ошибок, основные принципы их классификации, способы выявления ошибок и стратегии их исправления. Нами было *показано, каким образом научная критика словарей опирается на исследовательскую гипотезу,* проиллюстрированы этапы её выдвижения и оценка доказательств. Комплексное рассмотрение феномена словарной ошибки было призвано заполнить явно ощутимую лакуну в методологии современной источниковедческой критики словарей и, шире, в методологии верификации.

В параграфе «2.1. Общие вопросы теории ошибок» рассматривается общая классификация ошибок при опоре на индивидуальный или системный подход, основные типы когнитивных и речевых ошибок. Нами эксплицирована *общая схема верификационного процесса и её отражение в критическом дискурсе исследователя*. Доказано, что словарная ошибка в описании слабо документированного слова часто не может быть квалифицирована на основе знаний и опыта лексикографа, её обнаружение и исправление становится исследовательской задачей и требует оценки данных источников[14].

В параграфе 2.2. процедура выявления словарной ошибки представлена в следующем виде: сомнение в достоверности словарной фиксации, проверка документированности или употребительности слова, определение степени изолированности или наличия словообразовательных связей слова. *Нами конкретизированы признаки, вызывающие сомнение в достоверности словарной фиксации*: слабая документированность, например, однократная фиксация, отсутствие примеров употребления в речи (или наличие недостоверных иллюстративных примеров[15]), словообразовательная

14 Данный вывод соответствует специальности 10.02.19 – теория языка.

15 Проблема оценки иллюстративного материала с новой стороны освещена в:

изолированность, нарушения формата словарной записи, например, лакуны (отсутствие ударения, грамматической характеристики и др.), нарушение алфавитного порядка в расстановке слов.

В параграфе 2.3 в качестве ключевого инструмента верификации проанализированы стратегии критической проверки и исправления сомнительного описания слова, эксплицирована общая схема верификационного процесса, рассмотрен ход критического анализа от (а) сомнения в достоверности описания слова к (б) поиску гипотезы о происхождении ошибки, (в) вопросу о возможности конъектуры, её обоснованию, а также (г) оценке рентабельности обнаружения ошибки. Последнее является новым в критике словарей, насколько удалось установить, задача оценки рентабельности обнаружения ошибки ранее не ставилась. Наш вывод: обнаружение ошибки по заранее заданным параметрам (неправильно прочитанная буква в изолированной словоформе) возможно, но по затратам времени нерентабельно.

Выдвижение и проверка гипотезы включают: обращение к узкому контексту, поиск противоречия, выдвижение гипотезы о смешении разного уровня, обращение к широкому контексту.

Обнаружение ошибки или недостоверности и исправление записи, внесение и обоснование конъектуры требуют доказательств. Важно различение конъектур по степени доказанности: необходимая и бесспорная конъектура и не до конца подтверждённая конъектура, конкурирующие и неподтвердившиеся гипотезы, остановка на этапе сомнения в достоверности.

Для успешной верификации сомнительного или недостаточного словарного описания слова **рациональная концентрация** привлечённого материала и своевременный **интерпретационный маневр** намного важнее количественных характеристик доступного материала.

Кратко говоря, вторая глава настоящего исследования была посвящена характеристике предмета исследования и описанию процедуры его

[Шаповал С.А. 2014].

верификации: нами описаны специфика слабо документированного слова, этапы работы с ним, критерии выявления возможной ошибки в описании слова и т. д. Признаками, указывающими на сомнительность лексикографического описания, являются его однократная фиксация; словообразовательная изолированность; очевидные нарушения формы (формата) словарной записи, например, смысловое противоречие между левой и правой частями и др.

После двух глав, посвящённых объекту и предмету исследования, далее в соответствии с логикой теоретического обоснования применяемого критического инструментария представлена характеристика главного инструмента критики – анализа ошибок прочтения.

ГЛАВА 3. ОШИБКИ ПРОЧТЕНИЯ И КОПИРОВАНИЯ КАК ОБЪЕКТ ГРАММАТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И СИСТЕМАТИЗАЦИИ

Задача третьей главы состоит в том, чтобы рассмотреть ошибки прочтения в ряде аспектов: как объект грамматологического, как объект статистического анализа, как объект анализа предшественников (то есть обобщить опыт выявления ошибок прочтения авторитетными учёными). Это позволит сформировать методологический базис для практической разработки, представленной в следующей главе.

Лексикограф, сталкиваясь с задачей верификации словарного описания редкого, диалектного или жаргонного лексического материала, вынужден проверять не только корректность самого лексикографического описания, но и достоверность и непротиворечивость данных его источников. Проблема в том, что специалисты-лексикографы не всегда располагают этими инструментами в систематизированном виде. «К сожалению, русская лексикография отстаёт не только в сфере создания толковых словарей русского национального языка» [Ступин 1997: 26].

Принадлежность к группе слабо документированной лексики (агноним, экзотизм, неологизм, архаизм, раритет и т. п.) уже достаточная причина, чтобы обратить на редкое слово критический взгляд лексикографа или критика словаря. Верификация должна начинаться с проверки корректности записи слова. Проверка на достоверность таких слов, как *еле* ‘нечистая сила’ (2.3.2), *лурта* ‘вьюга, пурга’ (2.3.1.2), *дольежник* (‘прозвище жителя г. Новгорода’ [Журавлёв-1:188; Страхов 2004: 272] и многих других подобных приводит к предположению о визуальном смешении букв в записи слова (в данных примерах соответственно: *е – с; л – п, г – т; ь – б*[16]), то есть об ошибке

16 Смешение *ь* и *б* может объясняться как их сходством, так и соседством на клавиатуре; какое объяснение предпочтительно, можно решить только на основе изучения этапов копирования описания слова.

прочтения или копирования.

В общем мы можем констатировать, что главной причиной ошибок как при прочтении слова, так и при понимании его лексикографического описания является пониженная избыточность словарного текста. В частности, особенно ошибкоопасной оказывается позиция заглавного слова, его запись в особенности подвержена искажениям, поскольку её прочтение лишено опоры на контекст. Это довольно регулярно проявляется в ряде неправильных прочтений, если речь идёт о записи слабо документированного слова.

Частотность ошибок такого рода и часто недооцениваемая необходимость этапа выявления ошибок фиксации, в частности, графического смешения обусловили необходимость специальной теоретической и практической проработки вопроса. Формально этот круг проблем относится к ведению *грамматологии* – области языкознания, которая устанавливает и изучает соотношения между буквами алфавита и звуками речи. Однако нельзя не подчеркнуть, что нас будет интересовать только маргинальная (хотя и обширная) область нарушения таких соотношений.

3.1. Грамматологические основы текстологического анализа сомнительных записей слабо документированных слов

3.1.1. Причины возникновения ошибок в записях слабо документированных слов с точки зрения различимости графем

Говоря в общем, следует констатировать, что ошибки в записях слабо документированных слов возникают по причине слабого знакомства со словом. (Аспект филологической и общекультурной подготовки составителя словаря обсуждался в главе первой, см. 1.1.3.2, п. 3.) Описание системы письма с использованием понятия *графема* позволяет формализовать описание условий возникновения ошибки идентификации графического знака. Важным является

различение уровня инвариантов-графем и ряда вариантов их манифестаций [Маслов 2007: 260]. Одна и та же графема может принимать различные конкретные формы (графы, аллографы, глифы, начертания). Хотя термины «графема как знак-инвариант, граф как его индивидуальная реализация, аллограф как обязательный или факультативный вариант графемы» [Сусов 1998: 42] вполне непротиворечивы и общеприняты, однако различать комбинаторные и позиционные аллографы по аналогии с фонематическими не вполне возможно. Комбинаторные аллографы, думается, реализуются только в определённом графическим окружении, они включают частично соединительные линии между буквами. Позиционные аллографы – реализации графем, связанные с их позицией. Однако чёткого описания практики письма в терминах оппозиций и позиционных нейтрализаций не существует.

Рассмотрим механизм возникновения ошибки на материале строчных букв. Мы исходим из того, что в настоящее время русский алфавит содержит 33 графемы. Для записи слова используются также дефис, реже апостроф, и – как маркер внешних границ слова – кавычки. Таким образом, в каждой позиции (условном “квадрате”) при чтении русского слова читатель может ожидать один из 37 символов: одну из 30 букв в любой позиции; Ъ, дефис, апостроф – не в соседстве с пробелом, Ы, Ь, а также открывающие кавычки – не после пробела, и закрывающие кавычки – не перед пробелом. Иногда для обозначения инварианта вводится более универсальный термин *штрихема*, противопоставляемый термину *штрихета* [Киров 2008: 56-57]. В рамках предложенной модели анализа нейтрализации графем далее нами осуществляется обоснование вероятного пути поиска правдоподобного чтения малознакомого или нечётко записанного слова.

Важно, что далеко не все буквы в равной степени подвержены визуальным нейтрализациям. Нейтрализация понимается как утрата различительных признаков, ср.: «Не выходя за пределы оптических, т. е. писанно-зрительных, представлений, альтернируют (чередуются) между собою

видоизменения одного и того же обособленного графического представления» [Бодуэн-2: 215-216]. Можно определённо говорить о том, что каждая пара букв характеризуется своими показателями различительной надёжности (различимости).

Далее обсуждается различие между, условно говоря, близкими к идеалу надёжности прописями и взрослым («беглым») письмом. С.А. Рейсер относил изучение последнего вида письма к объекту *неографии*, понимаемой как палеография нового времени [Рейсер 1982]. (Здесь нельзя не остановиться на случайно возникшей терминологической омонимии, потому что другое значение термина *неография* – словарное описание неологизмов – также актуально для настоящего исследования, см. название сборника «Русская академическая неография», в который вошла и наша статья [Шаповал 2006а]).

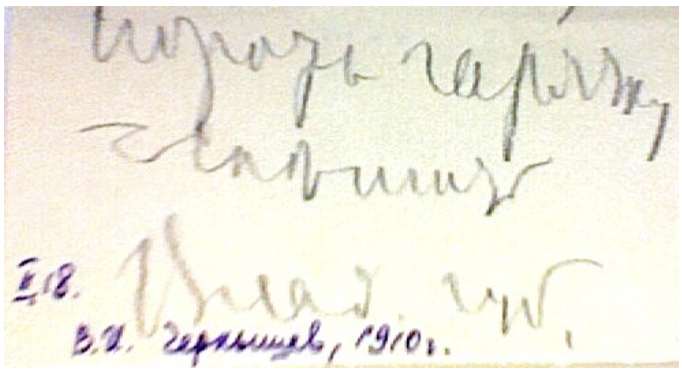
При изучении знаков письма требуется уточнить их содержание. «Соответственно, письменная система в целом как знаковая система характеризуется двумя планами – “планом выражения” и “планом содержания”, с которыми и соотносятся благодаря своей двусторонней природе знаки конкретной письменной системы» [Гамкрелидзе 1999: 667]. Для формы рукописного знака важным обобщенным понятием является *дукт*. (От латинское *ductus*, то есть ‘ход’, буквально ‘ведение’.) «Дуктом называется последовательность и направление в написании составляющих букву линий. Дукт может не быть постоянным для данной буквы у одного и того же лица в пределах даже нескольких строк одного письма: он изменяется и определяется зависимостью от следующей буквы, приноравливаясь к ней так, чтобы их связь (лигатура) была наиболее удобна и экономна. Этими принципами экономии и удобства (в идеале) диктуется написание каждой буквы» [Рейсер 1982: 75]. Отличие от ряда восточных каллиграфических традиций состоит в том, что порядок нанесения черт и их число при всей простоте исходных знаков варьируется в весьма широких пределах. Нейтрализации дуктов различных букв приводят к необходимости при чтении скорописных начертаний для

идентификации знака в большей мере опираться на контекст, как внутри графического слова, так и за его пределами. Например, тесно написанные строчные *е е* в разных окружениях будут опознаваться как *и* (н<u>и</u>з), *а* (п<u>а</u>с), *ес* (л<u>ес</u>), *се* (<u>се</u>ло) и т. д. «Таким образом, в фонографических системах письменность уже соотносится с речью, и “планом содержания” таких систем выступает звуковая форма языка» [Гамкрелидзе 1999: 668].

Л.В. Щерба в статье с красноречивым названием «Безграмотность и её причины» [Щерба 1957: 56-62] констатировал: «Писать безграмотно – значит посягать на время людей, к которым мы адресуемся, а потому совершенно недопустимо в правильно организованном обществе» [Щерба 1957: 57]. (Покушение на время следует понимать буквально, потому что неразборчивая запись прочитывается путём перебора и подстановки множества вероятных чтений с целью выбора наиболее вероятного, что требует дополнительного времени.) Разные стили письма можно уподобить разным стилям произношения: тщательным или быстрым (аллегровым). Ср.: «О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов» [Щерба 1957: 21-25]. В этой области также сосуществует веер вариаций. Приведём образец почерка «для себя» (В.И. Чернышёв, 1910): «пороть гаря́чку – спѣшить. Влад. губ.» (Это карточка из картотеки СРНГ, но выражение было потом оценено как общерусское и отражено в словаре Ушакова. См. рис. 3.)

В «беглом» почерке не всё одинаково неразборчиво. Обычно такие пары букв, как *т* и *ь* или *ж* и *ч*, не смешиваются, а пары *г* и *ч*, **г** и одномачтовое **т**, *ж* и трёхмачтовое *т* смешиваются довольно регулярно. Условия и границы большинства подобных нейтрализаций интуитивно ясны грамотному большинству, но не описаны. Кроме того, при работе с конкретным современным почерком (как и со старой скорописью) большое значение приобретает «вчитанность», практическое знакомство с индивидуальными особенностями упрощения букв и их лигатур (связок).

Рис. 3. Карточка СРНГ, почерк В.И. Чернышёва



*Пороть гарячку – спѣ*шить. Влад. губ.

Так, показанный выше на рисунке 3 образец почерка В.И. Чернышёва при всей необычности обладает надёжными противопоставлениями между разными знаками. Практическое значение для решения задачи описания графических нейтрализаций приобретает противопоставление графемы как инварианта и её варьирующихся реализаций: «При этом напомню, что обнаруженная <то есть реализовавшаяся> графема становится буквою, точно так же как и обнаруженная фонема становится звуком» [Бодуэн-2: 214]. Именно об инварианте речь идёт, когда Бодуэн указывает на неразложимость: «Вообще характеристическим признаком фонем следует считать их разложимость, характеристическим же признаком графем их неразложимость» [Бодуэн-2: 213]. В.Н. Сидоров в беседе с сотрудниками Института русского языка в июне 1967 г. подобным образом, обратившись к противопоставлению описания и функционирования, акцентировал делимость-неделимость как качество фонемы: «Но если мы говорим о фонеме как знаке, то фонема не только не членится на более мелкие части, но по существу вы из неё не можете выделить её составляющих, её акустических элементов. Это нечто целое. Это неделимое качество. Вас, наверное, это всё пугает и кажется чем-то неестественным» [Сидоров 1971: 18]. Действительно, визуально общего между *А* и *а* мало, несмотря на их функциональное единство. Однако это не означает неразложимости вариантов графемы на черты или иные элементы, или запрета

на анализ графического знака не только как визуального статического образа, но и как воспринимаемого динамически результата дискретного моторного действия.

Прежде всего рассмотрим строчные варианты рукописных букв в их образцовом начертании в прописях. Причин такого выбора несколько. Во-первых, именно строчные рукописные буквы на определённом этапе преобладают при фиксации лексического материала. Во-вторых, этот вариант рукописной формы русской графической речи уже был объектом формального описания, о чём пойдет речь ниже. В-третьих, его (в исходной форме прописей) можно рассматривать как некий исходный идеал, от которого удаляется пишущий по мере формирования взрослого почерка. Оценивая показатели различимости этого варианта графики, можно составить представление о сильных и слабых сторонах идеального почерка как об исходной основе его дальнейших трансформаций.

Следует оговорить, что мы не включаем в этот предварительный анализ прописные (заглавные) буквы, чем, возможно, несколько огрубляем картину, однако нас интересуют общие закономерности и ключевые механизмы смешения графем. В состав строчной графемы входит три типа элементов: внутристрочные (*о, ı, ı*), а также надстрочные (в *б*) и подстрочные (в *р, у*), которые обладают разной степенью различимости. Многими обращалось внимание на такую внешнюю особенность русской графики, как заметная «приглаженность» строчных букв в строке, понижающая их различимость. Так, «В.Г. Белинский детально, почти полиграфически, анализируя буквы, указывает на малую различимость и некрасивость ряда русских букв, требуя ещё большего сближения их с латинскими и вообще высказывается – в идеале – за переход на латиницу [Белинский-Х, 60, 65]» [Лоя 1936: 28].

Обычно русский алфавит оценивается в сравнении с латинским по процентному соотношению букв с верхними (надстрочными) и нижними (подстрочными) частями: если доля таких букв в алфавите высока, то и высока

и их различимость. Если добавить сюда долю букв, содержащих овалы, поскольку их наличие на фоне мачт (крючков) внутри строки воспринимается в первую очередь, то можно получить приемлемое количественное выражение различительных особенностей русской графики. Для наглядности сравнения в таблицу 4 добавлены данные для английских и новогреческих прописей.

***Таблица* 4. Сопоставление особенностей графики (прописей) русского, английского и новогреческого языков**

язык	кол-во букв	овалы		надстрочные		подстрочные	
		кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
русский	33	6	18,18%	2 (+2)	6,06% (+6,06%)	5 (+2)	15,15% (+6,06%)
английский	26	7	26,92%	6	23,08%	6	23,08%
новогреческий	24	6	25,00%	6	25,00%	7	29,17%

Пояснения к таблице 4. В скобках учтены в числе надстрочных диакритики в **ё** и **й**, в числе подстрочных отличительные элементы в **ц** и **щ**. Не учитываются старые варианты с несколько повышенным над строкой начертанием мачты в *р* и *ф*. Из таблицы можно понять причину популярности начерта *д* с надстрочной петлей: этот вариант позволяет загрузить надстрочное пространство (отняв 3,03 % у букв с подстрочными элементами).

В целом наш анализ позволяет количественно оценить отличительные качества русского письма: более комфортное для пишущего за счет преобладания однотипных элементов, в основном остающихся в пределах строки, оно оказывается более трудным для читающего, поскольку перцептивно яркие подсказки в виде элементов над строкой или под строкой имеются в небольшом количестве, овалы – лишь менее пятой части от списка букв, в то время как в английском и новогреческом все три показателя оказываются близкими к четверти количества букв в алфавите.

В общем смысле данное сопоставление показательно и практически

значимо, поскольку характеризует условия выбора буквы читающим при затруднении. Например, обнаружив (опознав) при чтении записи овал в составе буквы, читающий далее оказывается перед выбором, как его достроить до одной буквы из шести возможных.

Вышеприведенные подсчёты были призваны количественно выразить тезис о большей приглаженности в строке русского рукописного текста. Однако подсчёты проводились по алфавиту – модели текста, в котором уникальным образом буквы не повторяются и равны по частотным характеристикам. Уточнить эти показатели можно за счёт частотных характеристик букв в реальном тексте, с учётом которых построена таблица 5, приведённая ниже. Данные по частоте отдельных букв в текстах трёх языков приведены в Прил. 3.1-1, табл. 30.

***Таблица* 5. Встречаемость трёх групп букв в русском алфавите и тексте в сопоставлении с двумя другими графическими системами**

встречаемость в %	с овалами	с надстрочными	с подстрочными
русский			
буквы	*а б в д о ф*	*б в (ё й)*	*д з р у ф (ц щ)*
в алфавите	18,18%	6,06% (+6,06%)	15,15% (+6,06%)
в тексте	28,10%	6,28% (+1,22%)	12,21% (+0,9%)
английский			
буквы	*a b d g o p q*	*b d f h k t*	*f g p q y z*
в алфавите	26,92%	23,08%	23,08%
в тексте	25,38%	23,89%	8,23%
новогреческий			
буквы	α β δ θ ο ρ	β δ λ π τ ψ	γ ζ μ ξ ρ φ ψ
в алфавите	25,00%	25,00%	29,17%
в тексте	29,30%	16,44%	10,61

Здесь мы обратим внимание на некоторые существенные наблюдения.

1. Среди русских букв с овалом встречаются две высокочастотные (*о, а*),

что способствует более равномерному распределению овалов в письме и повышению роли этих элементов при опознании букв. (Смешение их между собой и с *е* нас пока не интересует.)

2. Дополнительный учет *ё, й, ц, щ* в соответствующих местах не меняют принципиально доли надстрочных и подстрочных, поскольку эти буквы встречаются в текстах довольно редко.

3. Учёт суммарных частотных характеристик букв с надстрочными и подстрочными элементами, в отличие от букв с овалами, не дает принципиально иной картины. Следует сказать, что подобная ситуация характерна для русского письма, но не является обычной. Так, в английском, в отличие от русского, учёт встречаемости букв в тексте позволяет кардинально переоценить роль подстрочных элементов букв в сторону понижения.

В качестве вывода, имеющего прикладное значение для более ясного понимания причин возникновения ошибок прочтения, сформулируем уточнение: различимость вариантов графем, количественно оцениваемая по представленности групп графем с определёнными визуальными различительными признаками в составе алфавита, с одной стороны, и по представленности тех же групп графем в тексте, с другой стороны, могут в большей или меньшей степени отличаться. Это важно учитывать при исправлении прочтений слов, поскольку они являются элементами текста.

Вышеприведенные подсчёты были призваны проверить количественно известный тезис о большей приглаженности в строке русского рукописного текста. Тезис нуждается в корректировке с учётом частоты букв в тексте. Возможности учёта вероятности появления буквы в данном окружении для прогноза ошибки прочтения рассматриваются далее, в следующем параграфе (см. 3.2).

3.1.2. Грамматологическая основа для описания процесса смешения букв и групп букв в записях слабо документированных слов

В 1964 году вышла книга «Опыт описания русского языка в его письменной форме», в которой первая глава, написанная Т.М. Николаевой, была посвящена анализу графических средств русского языка [Волоцкая, Молошная, Николаева 1964: 9-33]. Это формализованное описание по своему замыслу направлено на создание основ для опознания текста при помощи ЭВМ, однако оно перспективно и для наших целей[17], поскольку задаёт непротиворечивые принципы формализации образцовой записи (прописей). Анализ каждого случая сомнительной записи предполагает мысленное пошаговое движение от образцовой записи (прописей) и фиксацию трансформаций, приводящих к реальному взрослому почерку в одной из его бесчисленных разновидностей.

Для обнаружения и исправления в словарях ошибок смешения букв и групп букв оказывается безусловно необходимым учитывать существование каждого знака алфавита в четырех вариантах и, соответственно, разделение графической системы русского языка на 4 подсистемы. «Всякий письменный текст бывает представлен в двух вариантах воплощения – печатном и рукописном. Внутри каждого из этих вариантов существует два вида алфавитных единиц – заглавные единицы и строчные единицы. (По вопросу о том, считать ли заглавные буквы отдельными графемами, аллографами или диграфами, мнения расходятся. <...> В настоящей работе заглавные графемы рассматриваются как аллографы строчных, поскольку их позиция в целом предполагается обусловленной <...>)» [Волоцкая, Молошная, Николаева 1964: 9-10]. Т.М. Николаева заключает: «Таким образом, можно говорить о четырех вариантах алфавитных единиц» [Волоцкая, Молошная, Николаева 1964: 10]. Напомним и позицию Бодуэна де Куртенэ: «Не все указанные видоизменения

17 Мы обратились к этой схеме по совету проф. Е.Ф. Кирова, за что выражаем ему признательность.

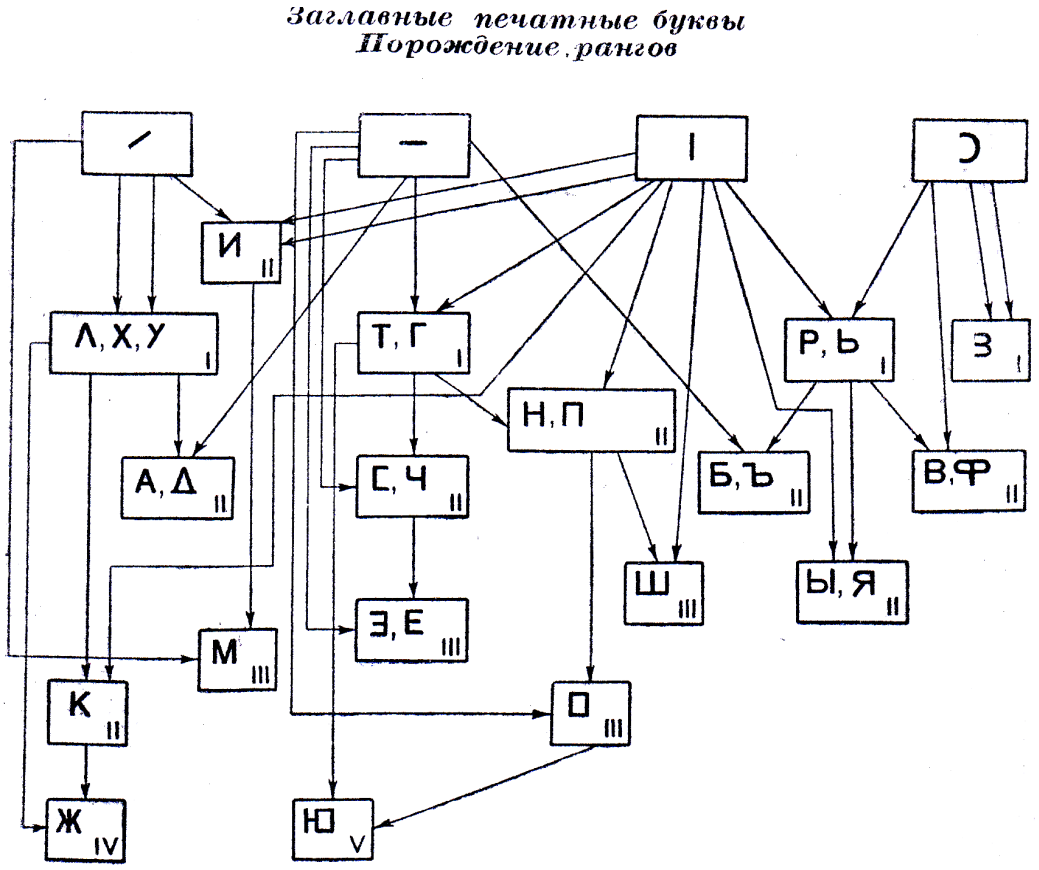
отдельных графем могут считаться одинаково ценными: одни из них действительно только чисто графического («каллиграфического» и «типографского») характера и могут быть подставляемы одно вместо другого, не нарушая тождества ассоциаций с представлениями из области произносительно-слухового языка. Однако же при различении больших и малых букв дело представляется несколько иначе: хотя ассоциации с представлениями произносительно-слуховыми остаются одни и те же, но зато меняются ассоциации с представлениями морфологическими и семасиологическими» [Бодуэн-2: 215].

К этому следует добавить, что типографский курсив во многих отношениях сходен с рукописным шрифтом, поэтому наиболее распространённые смешения курсивных букв не совпадают с типичными для прямых типографских шрифтов визуальными нейтрализациями, в этом отношении они зачастую в заметно большей степени напоминают рукописные буквы.

Т.М. Николаева в составе заглавных букв печатного варианта предлагает различать пять рангов по степени структурной сложности: «Исходными элементами считаются при этом: 1) вертикальная прямая, 2) наклонная прямая, 3) горизонтальная прямая, 4) дуга». Это описание не является единственным, далее предлагается иной способ деконструкции той же части графической системы. «Возможно и такое описание порождающего процесса для рангов букв, при котором будут фигурировать лишь два исходных элемента: 1) дуга и 2) прямая линия (в недифференцированном виде)» [Волоцкая, Молошная, Николаева 1964: 14]. См. рис. 4.

Таким образом, не только даётся вариативное описание фрагмента графической системы, но и задаётся далёкий от догматизма и исходящий из принципа компактности образец формального анализа подобных графических объектов. Этот фрагмент описания для повышения наглядности можно дополнить иллюстрацией из области типографского шрифта.

Рис. 4. Прописные печатные буквы



Источник: [Волоцкая, Молошная, Николаева 1964: 15].

При создании шрифтов для увеличения распознаваемости букв часто используется принцип, названный в своё время А.А. Реформатским, «избыточной защитой» [Шицгал 1985: 174]. Избыточная или добавочная защита [Реформатский 1987: 148] состоит в дублировании дифференциальных признаков, в результате чего различные начертания в реальности создают больший контраст между буквами. Рассмотрим это на примере заглавных букв А и Л. Например, «Рисунок акцидентного шрифта» содержит буквы А и Л, которые отличаются только наличием или отсутствием высоко поднятой горизонтальной перемычки, не выходящей за границы наклонной и прямой мачт [Шицгал 1985: 171]. Такие начертания будут довольно легко смешиваться при визуальном восприятии. «Гарнитура гранит» имеет А и Л, которые отличаются как горизонталью в А, так и начальной точкой в Л [Шицгал 1985: 166]. Благодаря этому контраст между буквами усилился. «Рубленая тонкая

гарнитура» представляет Л, которая отличается от А не только отсутствием горизонтальной перемычки, но ещё и формой первой черты, наличием верхней перемычки и отсутствием наклона второй черты [Шицгал 1985: 161]. Таким образом, достигается максимальная различимость при опознании двух букв. См. ниже рис. 5.

Рис. 5. Различимость заглавных букв А и Л разных гарнитур		
Акцидентный шрифт	Гарнитура гранит	Рубленая тонкая гарнитура
АБВ ИКЛ	ЛАЛ	АБВІ ЙКЛ

В принципе таким образом можно проанализировать и другие буквы из различных шрифтов, но задача данного иллюстративного фрагмента состояла, разумеется, не в полном разборе различительных возможностей типографских начертаний букв, а в том, чтобы показать, каким образом можно предварительно оценить уровень угрозы смешения тех или иных букв типографского шрифта (и устойчивого почерка, например, прописей).

Для задач данного исследования чаще всего и в наибольшей степени привлекается та часть графической системы русского языка, которая включает строчные рукописные буквы и содержит формализованное описание процесса их порождения, учитывающего сочетание их дифференциальных признаков.

Наиболее сложным оказывается формализованное описание именно рукописных строчных букв, и это несмотря на то, что в рассматриваемой работе анализировалась наиболее стабильная и фактически идеальная версия русских строчных букв, встречающихся в рукописном тексте. «В качестве эталона были взяты прописи» [Волоцкая, Молошная, Николаева 1964: 16, прим. 4]. Этот выбор позволил отвлечься от деталей, которые усложнили бы базовое описание необходимостью учёта многих отклонений от образца, как индивидуальных, так и контекстуальных. Автор отдаёт себе отчет в том, что реальная рукописная

практика заметно сложнее: «Широкая возможность индивидуальной интерпретации букв, характеризующая весь рукописный вариант в целом, особенно сильно сказывается при начертании заглавных рукописных букв» [Волоцкая, Молошная, Николаева 1964: 18], – отмечает Т.М. Николаева.

Таким образом, для целей грамматологического анализа выделяется 15 элементов, образующих рукописные строчные буквы в русском языке [Волоцкая, Молошная, Николаева 1964: 16]. «Распределение букв по рангу сложности для данного типа <рукописных строчных букв> следующее: 1) буквы нулевого ранга сложности (случаи, когда исходный элемент одновременно является буквой): *г, о, с, ь*; 2) буквы 1-го ранга сложности: *д, у, а, х, ъ, л, з, ч, б, е, з, э, п, р, к, в, ы, и*; 3) буквы 2-го ранга сложности: *т, ф, н, ж, м, ю, ш, я*» [Волоцкая, Молошная, Николаева 1964: 17]. См. Прил. 3.1-2.

3.1.3. Дополнение исходной схемы для формализованного описания нейтрализации графем в записях слабо документированных слов

В предыдущем разделе предложена грамматологическая основа для описания процесса смешения букв и групп букв в записях слабо документированных слов, базирующаяся на работах Т.М. Николаевой и др., в которых, как справедливо отметили сами и авторы, описан «не подлинный инвариант, а некий усреднённый вариант буквы, поскольку при реальном воплощении многие элементы букв подвергаются изменениям в соответствии с рисунком шрифтовой основы» [Волоцкая, Молошная, Николаева 1964: 14].

Дополнения к вышеназванной концепции по необходимости вызваны тем, что реальный почерк описывается заведомо сложнее, чем прописи. Это объясняется, в частности, тем, что он является вторичной и более простой графической системой. (Об упрощении и сокращении репертуара базовых элементов в целях ускорения письма см. далее.) Кроме того, требуется включать в описание некоторые дополнительные буквы, вышедшие из употребления после 1917 г.

Учитывая, что словарные материалы часто представлены в старой орфографии, целесообразно в этом распределении найти место и для букв, ныне не употребляющихся. В качестве эталона нами были взяты прописи XIX в. [Русский 1846: 3; Толстой 1875: 3]. Буква второго ранга сложности *і* порождается на основе четвертого элемента добавлением надстрочной точки, буква второго ранга сложности *ѳ* порождается на основе пятого элемента наложением на него четырнадцатого элемента, буква третьего ранга сложности строчная *ѣ* (*ıъ*) порождается соединением последовательно располагаемых горизонтально третьего, восьмого и седьмого элементов, а буква второго ранга сложности *ѵ* порождается на основе третьего элемента и особого начертания, которое, строго говоря, можно было бы ввести дополнительно, но можно обойтись и десятым элементом, повёрнутым на 180º. Для детализации описания требуется дополнить ряд элементов: на шестнадцатую позицию поместим «хвостик» от *ц, щ*; на семнадцатую позицию – верхнюю петлю рукописного *д*; на восемнадцатую позицию – *ґ* (с носиком) как образец альтернативного начертания строчного *г* (результат уменьшения заглавного *Г*).

Кроме дополнения репертуара элементов, из которых складываются строчные рукописные буквы, для целей данного исследования необходимо ещё и описание нейтрализаций различий между данными элементами. Как отмечает Т.М. Николаева, «многие элементы употребляются для формирования одной единственной буквы» [Волоцкая, Молошная, Николаева 1964: 18]. Эта расточительность по-разному, но весьма решительно корректируется в практике «взрослого» письма, что приводит к заметному уменьшению числа базовых элементов и упрощению их начертаний, а также и к либерализации вариативности при изображении и идентификации этих элементов. Упрощением и сокращением репертуара базовых элементов достигается ускорение письма. Однако за это упрощение приходится платить читателю, вынужденному мириться с усложнением правил сегментации записи слова на буквы и вообще неоднозначностью записи.

В описании процесса нейтрализаций различий между исходными элементами букв мы тоже можем опираться на цитируемое исследование, но вынуждены идти несколько дальше, поскольку имеем дело не с отдельными графемами, а их сериями, использованными для записи слова. И.И. Ревзин в предисловии от редактора к монографии «Опыт описания русского языка в его письменной форме» отмечал: «К сожалению, в книге отсутствует раздел, соответствующий разделу «Фонология». Этот пробел будет восполнен публикацией отдельной работы о законах сочетаемости русских графем» [Волоцкая, Молошная, Николаева 1964: 7-8][18]. Судя по всему, этот план не был реализован. Фрагмент описания правил сочетаемости русских графем мы вынуждены будем воссоздать самостоятельно на нашем материале, поскольку очевидно, что в заметной мере именно от сочетаемости элементов в составе слова зависят как формы упрощения письменных знаков, которые могут приводить к смешению букв и групп букв, так и читательские ожидания, определяющие очерёдность проверки пробных (гипотетических, подстановочных) прочтений.

С этой целью предпринимается и некоторая детализация описания исходных элементов, призванная более компактно отразить условия нейтрализации различий между ними в составе конкретных букв. Номера 1-15 и начертания элементов, представленные в таблице, взяты из издания: [Волоцкая, Молошная, Николаева 1964: 17, 18].

Необходимость дополнительной детализации была вызвана тем, что в исходной классификации не учтены некоторые аспекты: так, предполагается, что элемент мог располагаться по отношению к строке любым образом, например: № 1 располагался петлёй вниз в буквах *д* и *у*, а в букве *в* он же был повёрнут петлёй вверх. При попытке описания состава букв первого ранга порождения *д* и *в* получается, что обе они состоят из элементов 1 и 5. Для

18 Видимо, эту лакуну отчасти заполнила позднее работа В.Н. Топорова «Материалы для дистрибуции графем в письменной форме русского языка» [Топоров 1966: 65-143].

решения задачи описания условий нейтрализаций этого оказалось недостаточно. По этой причине элементы в зависимости от актуального поворота, размера по отношению к ширине строки и других дифференциальных характеристик получают индексы: 1а, 1б и т. д. Как видим, существенным оказывается усложнение исходной схемы [Прил. 3.1-2] за счет фиксации положения элемента. Как уже отмечалось, схема описания [Волоцкая, Молошная, Николаева 1964: 16] дополнена анализом дореформенных букв.

Таблица 6. Список исходных элементов, образующих рукописные строчные буквы в русском языке

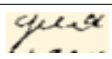
Вид	№	Описание буквы
	1а (*j*)	**1 ранг:** *д* = линейно расположенные овал (5) и петля (1а): 5+1а **1 ранг:** *у* = 4а+1а **1 ранг:** *з* = вертикально расположенные крючок (12) и под строкой петля (1а): 12+1а
	1б	переворот предыдущего на 180° **1 ранг:** *в* = 1б+7, вариант: 1б+5
г	2	**0 ранг:** элемент тождествен букве *г* **1 ранг:** *п = 3а+2* **1 ранг:** *р = 3б+2*
/	3а	**2 ранг:** *н* = 3а+ 8+4а **2 ранг:** *ю* = 3а+ 8+5
	3б	продолжение предыдущего вниз под строкой **1 ранг:** *р* = 3б+2 **2 ранг:** *ф* = 5+3б+5
	3в	продолжение предыдущего над строкой **1 ранг:** *р* = 3в+2 **2 ранг:** *ф* = 5+3в+5 (вариант с высокой мачтой)

Вид	№	Описание буквы
ι	4а	**0 ранг:** элемент тождествен букве *і* **1 ранг:** *а* = 5+4а **1 ранг:** *ы* = 7+4а **1 ранг:** *и* = 4а+4а **2 ранг:** *ш* = 4а+4а+4а
)	4б	переворот предыдущего на 180° **2 ранг:** *т* = 2+4б+2
е	4в	элемент в упрощенных почерках: *а = ее, ш = еее*
о	5	**0 ранг:** элемент тождествен букве *о*
ɔ	6а	**1 ранг:** *х* = 6а+6б **1 ранг:** *э* = 8+6а
с	6б	**0 ранг:** элемент тождествен букве *с*
ь	7	**0 ранг:** элемент тождествен букве *ь* **1 ранг:** *ъ* = 8+7
~	8	**2 ранг:** *ıъ* (ять) = 3+8+7
{	9	**1 ранг:** *к* = 3а+9
	10а	**1 ранг:** *л* = 10а+4а **2 ранг:** *м* = 10а+4а+4а **2 ранг:** *я* = 10а+5+4а
	10б (*ѵ*)	переворот предыдущего на 180° **1 ранг:** *ѵ* (ижица) = 11+10б
ı	11	**2 ранг:** *ж* = 6а+11+6б
?	12	**1 ранг:** *з* = 12+1а
 верх б	13	**1 ранг:** *б* = 5+13
верх *ґ*	14	**1 ранг:** *ґ* = 4а+14

Вид	№	Описание буквы
верх *е*	15	**1 ранг:** *е* = 15+1а
низ *ц* и *щ*	16	**2 ранг:** *ц* = 4а+4а+16 **3 ранг:** *щ* = 4а+4а+4а+16
	17 (*д*)	**1 ранг:** *д* (с верхней петлей) = 5+17

Перейдем к анализу нейтрализаций строчных рукописных графем и представим фрагмент общей таблицы. (См. ниже табл. 7.)

***Таблица* 7. Нейтрализация строчных рукописных графем** (взрослый почерк)

Вид	№	№	Вид	Примеры нейтрализаций
исходного элемента		полученного элемента		
	1а (*j*)			
	5+1а (*д*)	4а+1а *ı* + *ɟ* или 4в+1а *е* + *ɟ*	(у д) (у)	 у детей
	4а+1а (*у*)			 рукой
е з	15+4а 12+1а			(= резкой, редкой)
	4а+4а+16 (*ц*)			 для

Как видим, в процессе ускорения начертания элементы упрощаются и отдельные элементы сливаются. Понижение графической избыточности при начертании отдельной буквы компенсируется повышением роли окружающего контекста. Так, владеющий грамотой никогда не прочтёт приведённое выше *у детей* как **ц цспесй*. Не потому, что эти начертания в данном почерке

отличаются от соответствующих букв (они как раз не отличаются), а потому что в данном окружении выбор такого чтения не может быть осмыслен. Отсюда следует принципиальное различие между *процессами* прочтения знакомого и незнакомого слова: в первом случае происходит узнавание по контурам, во втором – синтез из отдельных опознаваемых букв. Незнакомое слово читается «по складам», восприятие букв деавтоматизируется. (Слабо документированное слово в позиции заглавного слова особенно легко подвергается искажениям, поскольку выбор одного чтения лишен опоры на контекст. Это и является источником фантомных *графических дублетов* редких слов в лексикографии, см. 2.2.1.)

Предложенная выше формализация анализа процесса нейтрализации вариантов графем позволяет более строго описать конкретные случаи визуального смешения букв, характерные для беглых стилей взрослого почерка.

Приведём примеры выполненной нами формализации описания нейтрализации вариантов графем:

г – ч: *ч*, буква 1-го ранга (элементы № 14+4а), смешивается с *г*, буквой нулевого ранга (элемент № 2).

г – т: строчные или заглавные печатные буквы: **г**, буква 1-го ранга (включающая элемент № 1 + элемент № 2), смешивается с **т**, буквой 1-го ранга (включающей те же элементы); элемент № 2 в обоих случаях касается верхней точки элемента № 1 (в отличие от **L** или символа перпендикулярности ⊥), различие состоит в том, что для опознания **т** важным является симметричное расположение элемента № 2, а для **г** - сдвиг этого элемента вправо.

з – т: *з*, буква 1-го ранга (элементы № 12+1), смешивается не с *т*, буквой второго ранга (элемент № 4б+4б+2), а с буквой *т* другого начертания, выходившего иногда и за верхний предел строки: это буква первого ранга (элемент № 13+1/2в); эти начертания *з* и *т* в беглом почерке могли сближаться за счет слияния начальных редуцированных элементов № 12 и 13 с соединительной линией, в результате чего обе буквы практически сводились в

элементу № 1.

г – п: *г*, буква нулевого ранга (элемент № 2) входит в состав *п*, буквы первого ранга (включающей элемент № 3а+2); соответственно, неярко написанный чернилами или излишне короткий элемент 3а мог игнорироваться или трактоваться как декоративная или «разгонная» засечка в букве *г*, не имеющая статуса особого отличительного элемента («разгонной» условно названа засечка, проводимая для того, чтобы вызвать прилив чернил вниз и смочить подсохший кончик пера после краткого перерыва в письме).

р – с: «**ШУ́РТАТЬ?** *ячмень*, *тмб*. отола́кивать, шастать (*шустать?*)» [Даль$_1$-IV: 593], *с*, буква нулевого ранга (элемент № 6б <с>), и рукописное *р*, буква первого ранга (включающая элемент № 3в+2), не имеют заметных шансов для визуального смешения, но в середине XIX века ещё были в ходу архаичные начертания, восходящие к скорописи: это, соответственно, заглавная *С* или размашистая строчная *с*, выходящая за пределы строки сверху и снизу, и *р* с дугообразной мачтой, обе изображаемые с основным движением пера (инструмента письма) против часовой стрелки; указанное сходство в их начертании могло быть причиной смешения.

к – н: *к*, буква первого ранга (включающая элемент № 3а+9), изображаемая двумя раздельными движениями пера (инструмента письма) сверху вниз, для визуального смешения с *н*, буквой второго ранга (включающей элемент № 2+8+4а), изображаемой обыкновенно тремя раздельными движением пера (инструмента письма), обычно претерпевает следующие изменения: элемент № 9 при ускоренном письме упрощается до элемента № 4а (*ı* = *е*); в свою очередь и буква *н* при ускоренном письме упрощается в следствие слияния элементов № 8+4а в 4а; таким образом, смешение двух букв происходит в начертании, приближающемся к *п (и)*.

Покажем на примерах, как формализация описания нейтрализации помогает представить разрозненный материал в виде компактной схемы. Сегмент из трёх элементов типа *ı ı ı* или *е е е* может прочитываться в разных

окружениях по-разному (нередко неправильно), примеры представлены в таблице 8, расположенной ниже.

Комментарий к примерам:

1. «**Жпо́дка**, и, *ж*. Кофта на вате» [СРНГ-9: 218], «Несомненное неправильно прочитанное *исподка*» [Журавлев-1: 190].

2. «**Ми́молость**, и, *ж*. [удар. так?]. … жимолость голубая. **Арх**., Слов. карт. ИРЯЗ» [СРНГ-18: 166; Журавлев-3: 274].

3. «**Омеж**, а и у, *м*. [удар.?]. Снежный сугроб возле дома. **Север**., Барсов.» = *омёт* ‘9. Сугроб возле изгороди и т.п.’ (**Олон.**, **Петрозав.**) [Журавлев-4: 277].

4. «**Шнажъ** – водка. Торопецъ» [Добровольский 1914: 1006], видимо, смешение *ж – пс*, ср. нем. *шнапс*.

5. *до́тлый* ‘хитрый, дошлый’ [СРНГ-8: 154] < *до́шлый* [Страхов 2004: 272].

6. *глубонька* ‘шубонька’: у Лескова в сказке «Час воли Божией»: «**ГЛУБОНЬКА**, -и, ж. <без толкования> … *нахватил себе на плечи королевскую глубоньку*...» [Гаева-I: 351], по нашему мнению, правильно: *шубоньку* ‘шубку’. Ср.: «А нахватил он ведь кунью шубочку, собольюю» [Былины-4: 417], см.: [Шаповал 2015b: 293].

7. *пакма* < *пакша* ‘рука’: «**Пакма́**, ы́, *ж*. Рука. **Вят.**, 1848. || Кисть руки [?]. Даль [без указания места, с примеч. «в Слов. Акад. Полагаю ошибочно п а к ш а»]» [СРНГ-25: 158].

8. *зачелебарить* ‘зачембарить’: «**ЗАЧЕЛЕБА́РИТЬ** (***зашарова́рить***?) смысл: подвязать шинель, как шаровары, для тепла» [Даль$_3$-I: 1652], по нашему мнению, от *чембары* ‘шаровары’.

Тот же материал можно представить в виде схемы 1. Надо сказать, что схема 1 отражает лишь некоторую часть возможных прочтений сегмента «*ı ı ı*». В принципе их несколько десятков. Таким образом, разработанная нами модель формализованного представления нейтрализации вариантов графем опирается на описание русского письма [Волоцкая, Молошная, Николаева 1964: 16] и

переводит материал в дискретный вид, пригодный для качественного и количественного анализа. Возможен количественный анализ нейтрализаций даже собственно на уровне элементов. Он позволяет выделить список тех элементов букв, которые часто принимаются один за другой, и тем самым ограничить время проверки. См. табл. 9.

Таблица* 8. Примеры нейтрализаций, приводящих к различным прочтениям сегмента из трёх элементов типа *ı ı ı* или *е е е (взрослый почерк)

Неправильное чтение	Исправленное чтение	Значение слова	Кто предложил конъектуру
1. ***ж*по́дка**	*исподка*	кофта на вате	А.Ф. Журавлёв
2. ***ми́*молость**	*ж*имолость	*ж*имолость голубая	А.Ф. Журавлёв
3. **оме*ж***	*омёт*	снежный сугроб	А.Ф. Журавлёв
4. **шна*ж*ъ**	*шнапс*	водка	В.В. Шаповал
5. **до́*т*лый**	*до́шлый*	хитрый, дошлый	А.Б. Страхов
6. ***гл*убонька**	*щубонька*	шубонька	В.В. Шаповал
7. **пак*м*а**	*пакша*	рука	В.И. Даль
8. **заче*ле*барить**	*зачембарить*	подвязать шинель, как шаровары, для тепла	В.В. Шаповал

***Схема 1.* Нейтрализации при прочтение трёхэлементного сегмента**

1. 6а+11+6б < 4а+4а 6б *э + ı + с = ж < ис*	2. 6а+11+6б < 10а+4а+4а *ж < м = ȷ + ı + ı*	3. 6а+11+6б < 4б+4б+2 *ж < т = ı + ı + г*
4. 6а+11+6б < 4б+2 6б *ж < пс*	**4а+4а+4а** *ш = ı ı ı*	5. 4б+4б+2 < 4а+4а+4а *т < ш*
6. 2 10а+4а < **4а+4а+4а** *гл < ш*	7. 10а+4а+4а < **4а+4а+4а** *м < ш*	8. 10а+4а 4в < 10а+4а+4а *ле < м*

Конъектуры В.И. Даля для таблицы 9 были извлечены нами из его «Толкового словаря», в немногих случаях при заглавных словах со знаком вопроса В.И. Даль максимально кратко предлагал исправленное чтение

сомнительной записи малоизвестного слова [Шаповал 2009е: 164-167].

***Таблица* 9. Количество нейтрализаций элементов графем по конъектурам В.И. Даля в «Толковом словаре»: поэлементный анализ нейтрализаций**

	2 [*г*]	**3а** [*ı*]	**4б** [*ı*]	**4в** [*е*]	**5** [*о*]	**6а** [*ɔ*]	**11** [*ı*]	***акут***	**пропуск**
4а [*ı*]	8		6	3			1	2	2
4б [*ı*]	1				9	2	2		
4в [*е*]					3				
6а [*ɔ*]									1
6б [*с*]	3								
10а [*ɟ*]		3							

3.1.4. Почерковедческая терминология как ресурс для уточнения описания условий нейтрализации графем во взрослых почерках

Подобно тому, как использованная выше схема формализованного описания русского языка в его письменной форме не создавалась изначально для анализа условий нейтрализации графем во взрослых почерках, так и почерковедение, для которого важна идентификация личности писавшего, среди своих прямых задач не имеет систематического изучения собственно нейтрализации графем, хотя в обоих случаях их ресурсы могут быть применены при уточнении условий визуального смешения букв во взрослых почерках.

Говоря обобщённо, причиной возникновения ошибок прочтения в записях слабо документированных слов является неправильно распознанная буква. Почти всегда редкое слово в картотеке представляет единичная карточка, что сужает возможности для проверки неуверенного выбора чтения, если начертание оставляет несколько решений. Кроме того, чаще всего картотека недоступна, имеется только типографская версия словаря, поэтому приходится обращаться к приёму графической реконструкции, чтобы представить, в каких условиях могло произойти смешение букв.

Следует различать три группы вопросов: а) как обнаружить и исправить ошибку прочтения в рукописном лексикографическом источнике; б) как заподозрить ошибку прочтения, возникшую в рукописном источнике, если исследователь располагает только его печатной копией); в) как создать условия для недопущения ошибки прочтения в создаваемом лексикографическом источнике (словарной карточке и т. п.).

Думается, эти вопросы взаимосвязаны: только наблюдение над образцами почерков позволяет накопить опыт для создания графических реконструкций по данным печатного текста, а опыт изучения чужих ошибок помогает предсказать, какие затруднения могут возникнуть в будущем у читателя при работе с вашей собственной записью.

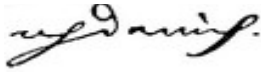
Формализованное описание довольно полно объясняет, как происходит нейтрализация графем во взрослом почерке. Но его возможности, как и возможности любого иного поэлементного описания, ограничены. Фиксируя последовательно изменение или субституцию элементов, входящих в состав варианта графемы, очень трудно увидеть слово как целое. Однако для того, чтобы уточнить, в каких именно условиях велика вероятность конкретной разновидности нейтрализации графем, требуется выйти на уровень по крайней мере слова и дополнить представленное выше описание динамическими характеристиками почерка. Надо заметить, что подобные характеристики широко используются при обучении каллиграфии в восточных традициях, где последовательность черт и их направление является строго предписываемым, но в отечественной традиции подобный подход наблюдается только на начальном этапе обучения грамоте и не распространяется на в основном стихийное формирование взрослых почерков.

Подходы для совершенствования описания в этом направлении описаны в традиционной палеографии и текстологии на материале древних почерков [Щепкин 1999], но современные почерки требуют иного инструментария. Ресурсы для восполнения этого пробела обнаруживаются в почерковедении, где

вариативность взрослого почерка описывается при помощи комплекса признаков. «Основная (базовая) система признаков почерка» [Жижина 2006: 62] обычно служит для персональной идентификации [Алесковский, Комиссарова 2008: 114], но ниже она используется для фиксации результатов трансформации почерка и уточнения её причин. Для решения этой задачи наиболее перспективны признаки, которыми определяются «структурные характеристики траектории движений» [Жижина 2006: 62].

«*Выработанность* почерка – уровень овладения техникой письма, проявляющийся в способности выполнять рукописный текст в быстром темпе, устойчивыми координированными движениями в соответствии с общепринятой системой скорописи» [Жижина 2006: 63], особое внимание обращается на преобладающие «движения пальцев и кисти руки / кисти и предплечья» как «конфигурационный структурно-геометрический признак» [Жижина 2006: 65], поскольку он не дан нам в непосредственном наблюдении, а реконструируется по образцам почерка. В качестве примера рассмотрим почерк графа А.А. Аракчеева (1769-1834), сформировавшийся в конце XVIII века на основе военно-штабных образцов. См. рис. 6.

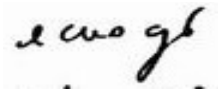
Рис. 6. Слово *изданія* (А.А. Аракчеев)



Обращает на себя внимание ярко выраженная правонаклонность, неразличение *и* – *н*, петлеобразная *з*, надёжно противопоставленная *д*. «Дифференцированность нажима» [Жижина 2006: 78], заметная в надписи, нанесённой мягким птичьим пером, нивелировалась при применении шариковой и гелевой ручек. «Стандартный нажим характеризуется большими усилиями при выполнении сгибательных движений и меньшими при выполнении разгибательных» [Жижина 2006: 79], как видно на примере *я*.

Здесь связность «сплошная» [Жижина 2006: 77], отрыв пера виден только

между *д* и *а*. Технические разрывы для переноса точки опоры кисти руки или обмакивания пера вообще довольно обычны. Они могут приниматься за пробелы, как у Гумилёва и Блока.

Рис. 7. Разрывы внутри слов у А.А. Блока и Н.С. Гумилёва	
 *ясность* (А.А. Блок)	*жить* (Н.С. Гумилёв)

«Разгон определяется как отношение ширины букв и расстояний между буквами к их высоте. Ширина букв определяется по буквам, имеющим два основных элемента» [Жижина 2006: 76; Алесковский, Комиссарова 2008: 209]. «Необходимость в характеристике расстановки букв возникает в тех редких случаях, когда она не поглощается разгоном. Например, буквы имеют большую ширину, но интервалы между ними малые» [Жижина 2006: 77], как в прописях. В последнем случаи границы между буквами оказываются надёжно обозначенными, что препятствует переразложениям элементов между буквами. Вид соединений букв бывает «слитный или интервальный» [Жижина 2006: 83]. Последний подобен разрядке и также препятствует переразложениям.

На различимость букв влияет направление движения при письме: «левоокружное (против часовой стрелки) и правоокружное (по часовой стрелке)» [Жижина 2006: 85]. Левоокружными движениями пишется *т*, похожая на *ш*, т. е. три элемента 4а (*ı*) вместо 4б (*ı*), что приводит и к ошибочным прочтениям, например: красноярское «**ку́кша** III ‘слежавшийся на ветвях снег’... Вероятно, **ку́кта*» [Аникин 2000: 316].

Таким образом, детализация характеристик индивидуального письма при помощи терминов почерковедения позволяет точнее описать условия, благоприятные или неблагоприятные для различения визуально схожих букв.

Последнее замечание основано на опыте работы с современными почерками: невозможно создать прикладную текстологию заранее, всегда

возникает необходимость в дополнениях и уточнениях, которые накапливаются по мере вхождения в конкретный материал.

В параграфе 3.1 мы пересмотрели оценку общей различимости русского письма в сторону повышения, показав, что более важной при выборе чтения оказывается не оценка различимости буквы в алфавите, а оценка её различимости в сопряжении с её частотой в тексте.

На основе описания русского письма Т.М. Николаевой путём дополнения списка основных элементов удалось более строго описать конкретные случаи визуального смешения букв, характерные для беглых стилей взрослого почерка, с охватом букв, утраченных в современном алфавите.

Дополнение схемы формализованного описания нейтрализации графем динамическими характеристиками индивидуального письма при помощи терминов почерковедения позволило точнее описать условия, благоприятные или неблагоприятные для различения визуально схожих букв. На их смешение влияют такие особенности почерка, как наклон, связность, направление движения при письме и др. Все эти инструменты анализа далее применяются для того, чтобы чётко и однозначно описать (или реконструировать) процессы нейтрализации графем, что необходимо и для реалистичного количественного их анализа.

3.2. Опыт статистического анализа сомнительных записей слабо документированных слов

Приступая к статистическому анализу сомнительных записей слабо документированных слов, следует сразу оговорить невозможность провести сквозной анализ большого числа словарей на предмет наличия в них ошибок в обозримый период времени. Во-первых, сама предварительная процедура выявления ошибок требует времени и сил. Во-вторых, эта процедура не может быть вполне завершена, поскольку всегда остаются неясные случаи (подробнее данный вопрос рассмотрен нами в главе второй, п. 2.3.2.3). Как показывает опыт предшественников и наша практика, результат всегда может быть уточнён, в связи с чем приходится считать доступный материал относительно достоверным. Исходя из этих условий, мы ограничили материал отдельными словарями (выбор материала обсуждался во Введении) и списками ошибок.

Статистический анализ сомнительных записей слабо документированных слов потребовался для проверки нескольких гипотез:

а) частотность отдельных графем в различных лексических слоях словаря «блатной музыки» С.М. Потапова 1927 года будет отличаться и, возможно, позволит обнаружить связь между частотными характеристиками букв и подверженностью их нейтрализациям;

б) корреляция между тривиальностью или экзотичностью прочтения и его выбором в условиях неопределённости (неразборчивой записи) может позволить диагностировать определённую ошибку прочтения;

в) результаты исследования количественных характеристик нейтрализуемых пар букв могут помочь оценить вероятность определённой ошибки прочтения.

3.2.1. Сравнение частотности отдельных графем в различных лексических слоях словаря «блатной музыки» С.М. Потапова 1927 года

Прежде всего кратко остановимся на характеристике личности составителя анализируемого словаря. *Сергей Михайлович Потапов* (1873–1957) – советский криминолог, особенно прославившийся методикой идентификации личности по фотографии. С 1922 по 1934 г. руководил научно-техническим отделом Управления уголовного розыска Главного управления рабоче-крестьянской милиции НКВД. Два издания словаря жаргона им опубликованы в начале этого периода (1923 и 1927). Больше, насколько известно, жаргоном он специально не занимался. Последнее издание перегружено ошибками и опечатками, что позволило подозревать, что это экспериментальный проект, осуществленный в рамках проекта социальной «перековки». Сам С.М. Потапов, как юрист с дореволюционным образованием, полученным в Москве и Лозанне, таких ошибок допустить не мог[19].

В словаре С.М. Потапова 1927 года нами было отмечено 142 позиции, в которых удалось найти ошибки в записи слова и обосновать конъектуру. Изучение некорректных записей заглавного слова в этом словаре в сопоставлении с материалом территориальных диалектов показало их принципиальное сходство, определяемое, по нашему мнению, условиями фиксации и копирования [Шаповал 2011е: 142]. Приступая к осмыслению разночтений, вызванных визуальным смешением букв (редко групп букв) и приводящих к появлению «графических дублетов» в словарях, мы оказываемся перед необходимостью рассмотреть корпус обнаруженных ошибок не только изолированно, но и как частный фрагмент русской графической системы,

19 Ср. подобное обоснование сомнений в авторстве: «фамилии близких друзей <...> полны ошибок, которые Некрасов сделать не мог» [Поликарпов 2009: 245].

весьма важный уже потому, что он проявляет слабую устойчивость и даёт сбои при передаче письменного текста от одного лексикографа к другому.

В общем виде можно сформулировать **вопрос** так: связаны ли общие показатели частотности отдельных букв и ошибки их идентификации в тексте? Следует особо подчеркнуть, что данная примитивная формулировка является, как ни странно, пионерской: связь между частотными характеристиками букв и подверженностью их смешениям (по крайней мере для русских словарей) не изучалась. Поэтому необходимо предварительно проверить и эту гипотезу.

Конечно, в идеале здесь было бы уместно лингвостатистическое исследование более значительного масштаба. Однако анализ столь значительного материала оказывается в рамках данного исследования несвоевременной задачей: во-первых, пока (или вообще?) невозможно сформировать несколько однородных репрезентативных выборок, поскольку обнаружение и обоснование каждой ошибки в словарных материалах требует законченного микро-, а иногда и макроисследования; во-вторых, учитывая неравномерность распределения доступных и вообще существующих словарных материалов по времени и месту создания и объекту описания (часто смешивались лексические феномены территориальных и социальных диалектов и иноязычные вкрапления), трудно надеяться на скорое появление таких выборок; в-третьих, учитывая к тому же и историческую вариативность графической системы русского языка даже за последние два столетия, приходится ожидать, что условия возникновения ошибок прочтения окажутся чрезвычайно зависимыми от исторического периода и индивидуальных особенностей письма автора лексикографического источника и от индивидуальных особенностей восприятия читателя в каждом отдельном случае. Весь этот комплекс причин приводит к ситуации, в которой расширение однородной выборки объективно ограничено. Однако хочется надеяться, что в принципе возможна осторожная проекция полученных результатов на данные других словарей русского языка.

По этим причинам мы ограничиваемся одним словарным источником [Потапов 1927], но достаточно насыщенным ошибками и достаточно независимым в ряде отношений от предшествующих словарей «блатной музыки», на которые опирался словарь 1927 года и в которых подобных ошибок в сопоставимых количествах не обнаруживается, см.: [Трахтенберг 1908; Попов 1912; Потапов 1923] и др.

Решение **вопроса** о связи или корреляции показателей частотности для отдельных букв и ошибок их идентификации в тексте требует конкретизации. Гипотеза, которую мы можем сформулировать, исходя из специфики зафиксированного материала, носит частный характер. Она такова: существенные отклонения от средних показателей частотности русских букв могут **по-разному** проявляться в различных лексических слоях словаря «блатной музыки» 1927 г. Приступим к проверке этого предположения.

Существует неоднократно подтвержденное положение, что достаточно отрывка в 700-1000 букв, чтобы точно определить относительную частотность отдельных букв или фонем в данном языке [Трубецкой 1960: 287-288]. Таким образом, достаточно относительно небольшого массива для статистической обработки, чтобы зафиксировать также и заметные неслучайные отклонения от средних показателей отдельных букв, если таковые имеются.

Обнаружение таких отклонений может быть полезно для понимания механизма возникновения ошибок. Если в словаре жаргона обнаружится заметное превышение средних показателей частотности каких-то букв (и фонем), то это может помочь прогнозировать ошибки прочтения.

Прежде всего необходимо определить эталон. Мы исходим из данных, представленных в таблице «Частотность букв русского алфавита» [Ляшевская 2009: 1051], принимая их за основу для сравнения. Существуют и другие близкие по результатам подсчеты.

Словник «блатной музыки» неоднороден. Предварительно можно выделить следующие лексические слои: общеупотребительные русские слова,

представленные в специфических жаргонных значениях, например: «**Академия** – заключение» [Потапов 1927: 7]; особые жаргонные слова разного происхождения, не имеющие ясных словообразовательных связей в общеупотребительном русском словаре: «**Абротник** – конокрад» [Потапов 1927: 7]. Этимология этого диалектизма, его вариативность в жаргоне и отражённость в словарях уже достаточно хорошо изучены [Walter 2005: 706-710; Плуцер-Сарно 2001]. Говоря о неясности словообразовательных связей, мы исходим, разумеется, из восприятия слова носителем литературного языка. Также отдельно можно рассмотреть цыганские слова (и фразы): **«Актодыша** – 80» [Потапов 1927: 7]. Написания с ошибками общеупотребительных слов учитываются без исправлений: **«Бикасы** – вши» [Потапов 1927: 7] *(бекасы)* и даже **«Бендожник** – извозчик» [Потапов 1927: 12] *(биндюжник)*.

Результаты подсчетов букв в заглавных словах словаря таковы:

букв в общеупотребительных словах, представленных в жаргонных значениях, – 20101 (на графике для наглядности уменьшено в 20 раз);

букв в особых жаргонных словах – 11146 (на графике для наглядности уменьшено в 10 раз);

букв в цыганизмах и цыганских вкраплениях – 830 (на графике не масштабировано).

Для понимания результатов проведённого анализа следует учесть, что он задумывался и осуществлялся, когда автора этих строк занимала прежде всего судьба цыганизмов в этом и других русских словарях. Анализ остального массива слов в словаре 1927 года проводился с целью уяснения особенностей лексического эскорта этих относительно редких цыганских вкраплений. Это и явилось причиной того, что в проведённом сопоставлении акцентируется внимание на слое цыганизмов отдельно от других специфических жаргонизмов. В принципе и другие составные части данного словаря (полонизмы, германизмы, тюркизмы) могли бы быть вычленены и подвергнуты статистической обработке.

В.В. Шеворошкин замечает, что «исследователю бывает важно получить хотя бы приблизительный результат при анализе побочного материала» [Шеворошкин 2004: 5]. Однако результат этого анализа, задуманного как путь решения частной задачи, оказался информативным и поучительным в целом ряде других отношений. См. ниже график 1. При сравнении со средними для русского языка показателями частотности букв обнаруживается, что в данном слое словаря, казалось бы, формально идентичном литературному лексикону (*антрацит* ‘махорка’, *бабка* ‘рубль’, *вагон* ‘большое количество’), обнаруживаются статистически значимые отклонения, а именно: вдвое чаще встречаются буквы **а**, **к, ь**, несколько чаще – **р, т, у**, несколько реже – **е (*ё), о, я**. Это частное наблюдение не следует переоценивать, однако его нельзя и игнорировать.

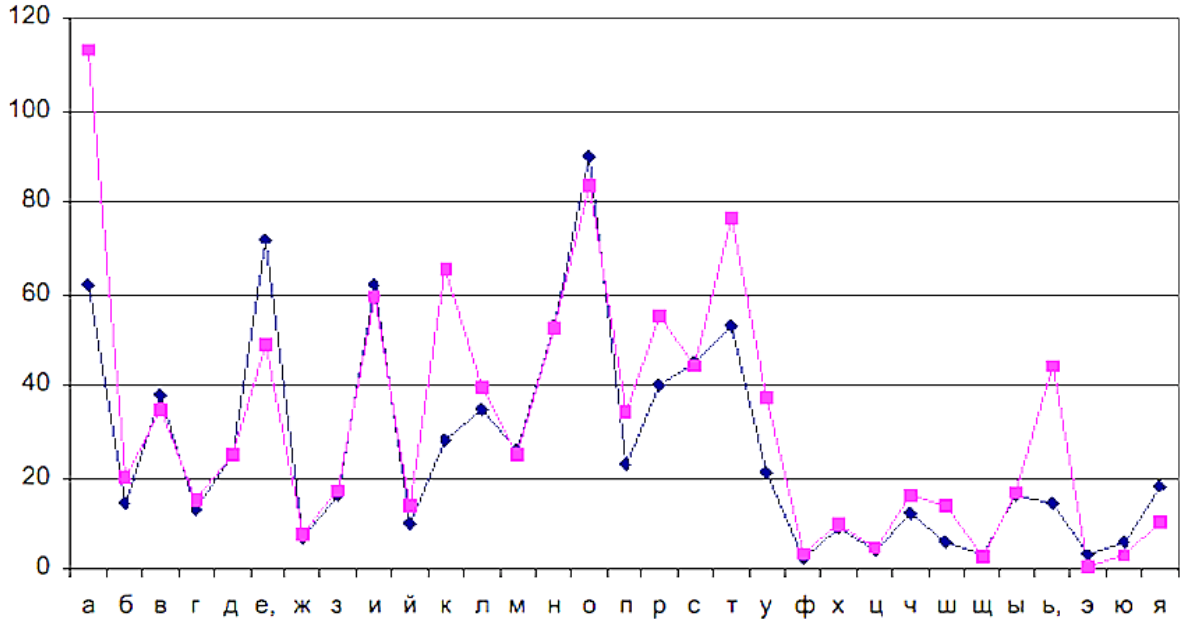
Дополнительно необходимо отметить, что для выборки объёмом более 20 000 знаков (0,5 п. л.) отклонения от общеязыкового стандарта оказались довольно неожиданными, поскольку рассматривались только жаргонизмы по написанию совпадающие с общеупотребительными словами русского языка. Ожидалось, что эти отклонения нивелируются уже к концу первой тысячи знаков. Возможно, выявленный парадокс заслуживает дополнительного изучения на материале словарей других социальных диалектов. Он противоречит положению о том, что «частотность не зависит от стилистической окраски текста», подтвержденному изучением частотности букв в ряде языков положение [Шеворошкин 2004: 5].

Пояснение к графику 1: **квадратики** – показатели частотности букв, характеризующие соответствующий слой лексики словаря 1927 г., **ромбики** – средние для русского языка показатели частотности букв. Буквы **е, ё** и **ь, ъ** (часто заменяемый апострофом) учитывались как «**е**» и «**ь**».

Сформулируем наиболее яркий результат анализа. На графике 1 даже для жаргонных слов типа *академия* или *антрацит* довольно неожиданно выявились существенные отклонения от средних показателей частотности русских букв.

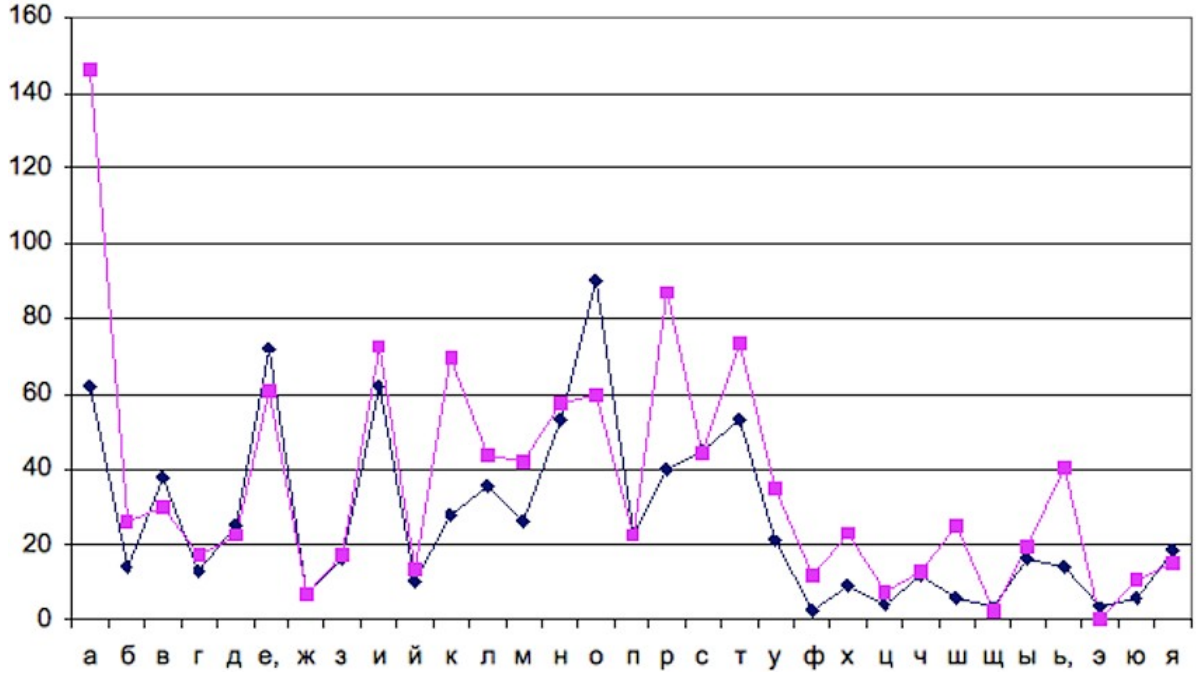
Решение вопроса о том, насколько эти отклонения в графической (и фонологической) характеристике социального диалекта должны учитываться при уточнении его статуса по отношению к общенародному языку, не входит в задачи настоящего исследования. Мы считаем жаргон составной частью общенародного языка.

График 1. **Частотность букв в жаргонных словах словаря 1927 г., совпадающих с общеупотребительными словами**



Рассмотрение специфических слов анализируемого жаргонного словаря, не имеющих точных аналогов среди общеупотребительных слов русского языка, (график 2) и отдельно слоя цыганизмов и цыганских вкраплений (график 3) также выявили существенные, но иные отклонения от средних показателей частотности русских букв. В этой довольно сложной картине разнонаправленных отклонений от средних показателей статистически достоверным выглядит только регулярное превышение стандартной частотности **а**, но и другие отклонения необычны.

График 2. **Частотность букв в специфических словах словаря 1927 г.**

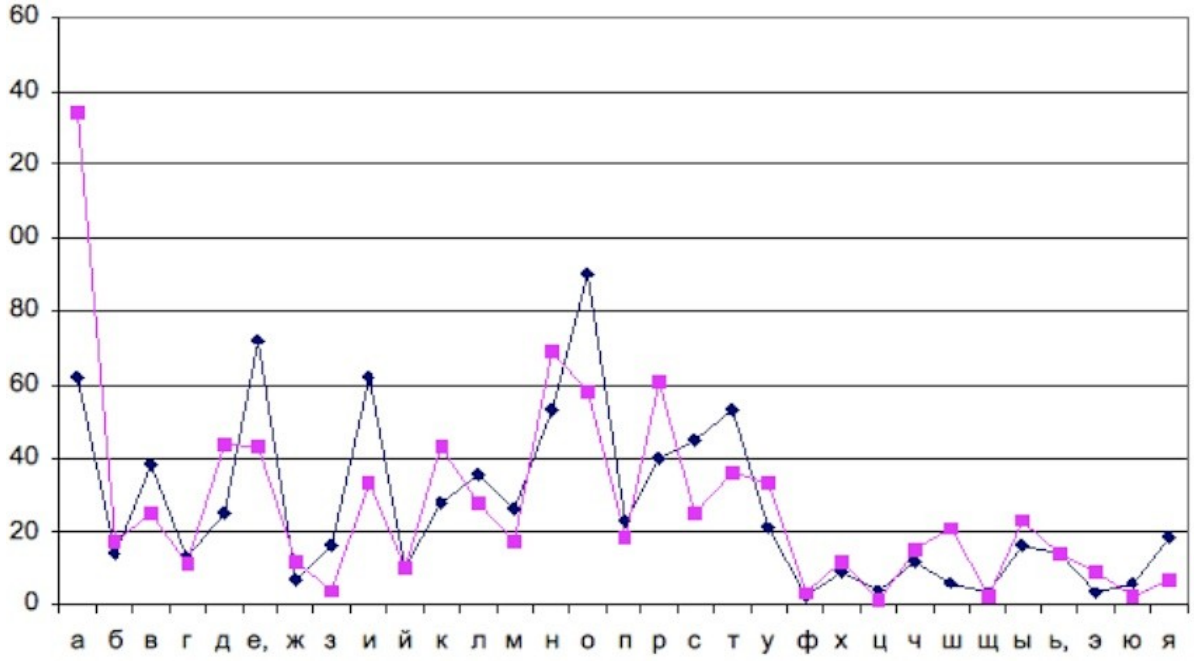


Обращает на себя внимание то, что это превышение не связано с (предполагавшимся, но не подтвердившимся) предпочтением **а** при выборе чтения неясно написанной двуэлементной буквы на месте, где неискушённый читатель (он же составитель словаря Потапова) ожидал бы найти знак для гласного звука. Ошибки могут как увеличивать долю буквы **а**: «**Зибить боли** – наморочить голову» (*забить баки*), [Потапов 1927: 51]; – так и уменьшать её: «**Ласо** – мыло» (*мало*) [Потапов 1927: 81]. Так что вклад ошибок прочтения в выявленное превышение употребительности **а** на фоне всего списка заглавных слов оказывается ничтожным. Во всяком случае две противоположные тенденции в заметной мере взаимно поглощаются.

Для выявления независимых от этих фоновых искажений результатов было произведено наложение на график частотности букв в русском алфавите графиков только для ошибочных и исправленных букв в списке жаргонизмов без учёта цыганских вкраплений (Прил. 3.2-1). Однако это сравнение суммарных показателей только ошибочных и исправленных букв со среднеязыковыми показателями также не позволило выявить определённую

зависимость (в нейтрализации оказываются вовлечёнными как употребительные, так и редкие буквы), хотя частные отклонения от средних оказались весьма значительными.

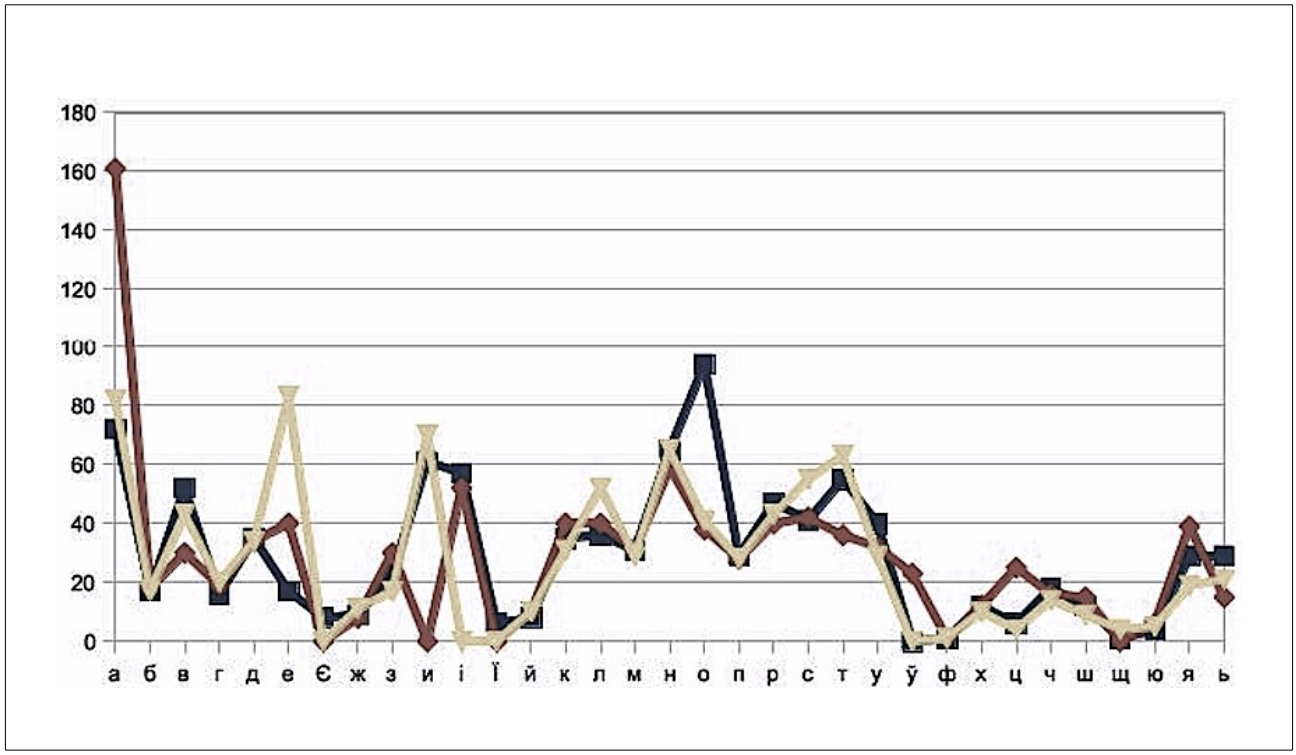
***График 3.* Частотность букв в цыганском слое словаря 1927 г.**



Добавим также, что сравнение частотных показателей для букв русского, украинского и белорусского языков не даёт столь значительных частных отклонений, какие были выявлены в словаре «блатной музыки» (график 4). По этому параметру жаргон отличается от общенародного русского языка даже несколько больше близкородственных языков. В них все значительные перепады легко объясняются базовыми отличиями в принципах правописания трёх языков. Например, в белорусском возрастает доля **а** (за счёт безударного **о**), но уменьшается доля **в** (за счёт **ў**). Даже употребительность **а** в белорусском по сравнению с русским не даёт двукратного (как это выявлено в словаре жаргона) прироста (лишь 1,6).

Примечание к графику 4: Таблицы частотных показателей для букв русского (треугольники вверх основанием) и украинского (квадратики) языков (http://k0derz.ru/wp-content/uploads/2011/07/ freq_ukr.png) и белорусского (ромбики) языков (http://www.pravapis.org/art _letter_frequency.asp).

График 4. **Частотность букв в восточнославянских языках**



В общем виде выявленная тенденция к более высокой употребительности отдельных букв (по сравнению с общеязыковыми показателями) в словнике словаря Потапова 1927 года устойчиво подтвердилась и на выборочных фрагментах данного словаря (А-Б, О-П, Ш-Я). Таким образом, можно следать предварительный вывод о том, что данное явление не связано с каким-либо фрагментом словаря. См. Прил. 3.2-2, табл. 31.

Данный анализ носил пилотный характер. Он дал интересные побочные результаты. Однако в рамках основной гипотезы констатируем, что подход, основанный на простом учёте частотности отдельной буквы, для выявления причин ошибок прочтения оказался неэффективным. Выявленные отклонения от среднеязыковых показателей настолько значительны, что ими маскируются незначительные отклонения, возникшие за счёт ошибок прочтения. Видимо, требуется более изощрённый инструмент, который бы учитывал типичное или нетипичное буквенное окружение, в котором встречается та или иная буква. Попытку применения одного из таких инструментов см. ниже.

3.2.2. Выбор между тривиальностью и экзотичностью прочтения в условиях неопределённости

Более изощрённый инструмент для анализа условий возникновения ошибок прочтения даёт сравнение неправильно прочитанного сегмента слова и правильно прочитанного сегмента того же слова по представленности этих сегментов в лексиконе данного языка. Для подобного сравнения удобен обратный или орфографический словарь в электронной форме, поскольку подсчёт через автоматический поиск быстрее и точнее.

Для интерпретации полученных результатов мы пользуемся характеристиками тривиальная и оригинальная (или экзотическая) замена правильного прочтения, оставшего неизвестным читающему, в частности, и лексикографу. В общем виде две данные тенденции при возникновении ошибок в словарях обсуждались в главе первой (1.3.5.4).

Если при чтении рукописной фиксации малознакомого слова на место «тёмного» сегмента вместо менее частотного правильно прочтения (разумеется, неизвестного читающему) подставляется более частотное прочтение, то такой выбор тем самым приводит к тривиализации результата. Например:

«**Гамо́ка** <...>. Ветка дерева. Курск., 1848» [СРНГ-6: 132] < курск. *галюка* ‘то же’ [Журавлёв-1: 187]. В обратном словаре сегмент -*мок*- отмечен 163 раза, в то время как сегмент -*люк*- – только 31 раз[20]. Таким образом, можно предположить, что читающий интуитивно мог предпочесть более тривиальное, более чем в 5 раз более распространённое прочтение.

Иногда ошибочное прочтение записи слова включает, наоборот, менее распространённый сегмент, чем соответствующий сегмент в правильном прочтении. В этом случае возникает оригинальная (или экзотическая) замена.

20 Мы осознаём различие между представленностью графического сегмента в словаре и в текстах языка, но по причине нивелировки результата за счёт усреднения показателей для употребительных и неупотребительных слов для прикидочной оценки можно указанным различием пренебречь.

Например: *Безрещéнье* ‘несчастье’ < *без<в>ремéнье* ‘то же’ [Журавлёв-1: 184]. В обратном словаре сегмент -*еше*- отмечен всего лишь 132 раза, в то время как правильный сегмент -*еме*- – 425 раз, то есть более чем в 3 раза чаще.

Иногда же заменяемый и заменяющий сегмент существенно не отличаются по представленности в обратном словаре. Например:

Лупéлцкой ‘в мундире (о картошке)’ < *нелупéшкой* ‘то же’ [Журавлёв-1: 184]. В обратном словаре сегмент -*елик*- отмечен 61 раз, а правильный сегмент -*ешк*- – 56 раз; разница невелика. Вряд ли она может интуитивно ощущаться и учитываться говорящим.

Как можно видеть, оценка правильного и неправильного прочтения по параметру тривиальности-экзотичности позволяет предложить рабочую гипотезу для понимания причин выбора того или иного чтения: *возможно, при чтении рукописной фиксации малознакомого слова на место «тёмного» сегмента, правильное прочтение которого неизвестно, читающий довольно регулярно выбирает не более, а менее частотную последовательность букв, добиваясь тем самым экзотизации результата*.

Таким образом, на основе опыта анализа отдельных случаев возникает задача более масштабной оценки ошибок прочтения с точки зрения их тривиальности-экзотичности, а именно: требуется оценить, в какой степени при чтении рукописной фиксации малознакомого слова на выбор гадательного прочтения «тёмного» сегмента влияет его употребительность. Можно ли предположить, что преобладающими в конечном счете окажутся чтения с более частотным сегментом?

Для проведения более масштабного анализа потребовалось провести усовершенствование его методики. Во-первых, в рассмотренных выше примерах длина сегмента выбиралась в достаточной степени произвольно, чтобы охватить заменяемые буквы и одну справа, а иногда и одну слева. Во-вторых, как известно, количественные данные для словаря как реестра слов и для текста на том же языке порой существенно отличаются. По этим причинам

нам потребуется: 1) более чётко ограничить контекст (соседство) заменяемой при выборе ошибочного чтения буквы, 2) обратиться к данным частотного словаря.

Опираясь на данные таблиц частотности сочетаний двух, трёх и четырёх букв [Ляшевская 2009: 1051-1062], мы можем оценить, как связан выбор между правильным и неправильным прочтением буквы с её вхождением в более или менее частотное буквосочетание. Мы располагаем таблицами, отражающими ранг по частоте двубуквенных сочетаний; следовательно, можно сравнить характеристики двубуквенного сочетания до и после исправления.

Для интерпретации этих данных также целесообразно учитывать различия по параметру тривиальность-экзотичность. Так, например, предшествующая буква и исправленная дают такие показатели: неправильное ***Кля́нец*** **содержит я́н с рангом** 254, а исправленное ***Кля́пец*** **[Журавлёв-2:97] содержит я́п с рангом** 536. (Данные здесь и далее по: [Ляшевская 2009].) Ошибка возникла в малочастотном буквосочетании **я́п**, при выборе неправильного чтения было отдано предпочтение более частотному **я́н**. Таким образом, мы можем заключить, что в ситуации неопределённости читатель (очевидно, неосознанно) стремился при чтении незнакомого слова выбрать более тривиальное решение. (Семантический фактор при выборе чтения не учитывается.)

Однако так бывает не всегда. Человек, разбирающий запись малознакомого слова, при выборе подходящего чтения может действовать и от противного. Например, слово *Воро́бы* содержит **о́б с рангом 87**, но из-за опечатки искажается в ***Воро́сы*** **[СРНГ-5: 117], которое содержит о́с с рангом 305**, то есть в данном случае мы видим, что предпочтение было отдано более редкому и необычному решению. Такой выбор решения мы, как и выше, именуем тенденцией к экзотизации.

Мы можем выделить для исправляемой/искажаемой буквы и другой двубуквенный контекст: эта буква и последующая.

Привлекая данные по частотности трехбуквенных сочетаний, для исправляемой/искажаемой буквы есть возможность учесть даже три варианта: 1) две предшествующие буквы и исправленная, 2) исправленная буква между двумя другими буквами, 3) исправленная буква и две последующих.

В таблице [Ляшевская 2009: 1051-1062] ранжирована только верхняя по частоте тысяча буквосочетаний, так что интересующие нас трехбуквенные сочетания не всегда находились в таблице. Если мы не располагали точным значением, то ставили показатель > 999.

Мы располагаем также и показателями для наиболее частотных четырехбуквенных сочетаний; однако эта таблица оказалась для наших целей малополезной, поскольку большинство четырехбуквенных сочетаний в интересующих нас словах не встретились, поскольку обладают слишком низкой частотностью, а их ранг выходит за пределы отражённых в таблице показателей от 1 до 999.

Поскольку известно, что частотность начального сегмента может несколько отличаться от средней частотности того же сегмента, расположенного в любом месте слова, то по аналогичной методике были подсчитаны также и показатели сегментов срединной локализации. Таким образом были получены таблицы, позволяющие предварительно оценить, влияет ли на выбор между правильным и неправильным прочтением буквы частотность буквосочетания, в которое она входит. Этот инструмент был применён при анализе ошибок прочтения в территориальных и социальных диалектах.

3.2.3. Выбор между тривиальностью и экзотичностью неправильного прочтения в условиях неопределённости при распознавании записи слова из русских территориальных диалектов в сопоставлении с исправленными чтениями

Для анализа был сформирован корпус из 37 примеров конъектур, предлагавшихся для слабо документированных слов русских народных говоров А.Ф. Журавлёвым [Журавлёв-1/7], А.Е. Аникиным [Аникин-1/6], А.Б. Страховым [Страхов 2004; 2008] и нами.

Полный список диалектизмов для оценки тривиальности / экзотичности

Абаги	Бусра́га	Ио́нич	Котьма́	Па́четать
Алабы́рь	Волда́т	Кеха	Луго́м	Писган
Альмо́вка	Воро́сы	Кирнаносый	Лудь	Пошереть
Ая́пка	Вых	Клеека	Мети́ть	Сфеля́
Берку́шка	Гуди́ть	Кля́нец	Насбеба́ть	Торбушка
Буг	Гуракъ	Ког	Оды́н	
Була̀рка	Доревя́нный	Коро́чва	Оерлинка	
Бурга́	Зень	Косва̀дни	Отроги́ть	

Последовательно учитывались следующие показатели, оказавшиеся определимыми для большей части позиций анализируемого списка:

а) длина сегмента – 2 буквы, учитывался ранг сегмента, в который включались предшествующая буква и исправленная (13 из 37 конъектур);

б) длина сегмента – 2 буквы, учитывался ранг сегмента, в который включались исправленная буква и последующая (21 из 37);

в) длина сегмента – 3 буквы, учитывался ранг сегмента, в который включались две предшествующие буквы и исправленная (24 из 37);

г) длина сегмента – 3 буквы, учитывался ранг сегмента, в который

включались исправленная буква и две буквы справа и слева от неё (23 из 37);

д) длина сегмента – 3 буквы, учитывался ранг сегмента, в который включались исправленная буква и две последующие (22 из 37).

Корреляция между возникновением ошибки прочтения и частотой сегмента выразилась в следующих показателях:

длина сегмента – 2 буквы (предшествующая буква и исправленная)

Ошибка коррелирует с заменой на **более** частотный сегмент	5
Ошибка коррелирует с заменой на **менее** частотный сегмент	8
Нет данных по сегменту (ранг больше 999)	0

длина сегмента – 2 буквы (исправленная буква и последующая)

Ошибка коррелирует с заменой на **более** частотный сегмент	10
Ошибка коррелирует с заменой на **менее** частотный сегмент	11
Нет данных по сегменту (ранг больше 999)	0

длина сегмента – 3 буквы (две предшествующие и исправленная)

Ошибка коррелирует с заменой на **более** частотный сегмент	4
Ошибка коррелирует с заменой на **менее** частотный сегмент	8
Нет данных по сегменту (ранг больше 999)	13

длина сегмента – 3 буквы (исправленная между двумя буквами)

Ошибка коррелирует с заменой на **более** частотный сегмент	7
Ошибка коррелирует с заменой на **менее** частотный сегмент	10
Нет данных по сегменту (ранг больше 999)	6

длина сегмента – 3 буквы (исправленная буква и две последующих)

Ошибка коррелирует с заменой на **более** частотный сегмент	5
Ошибка коррелирует с заменой на **менее** частотный сегмент	7
Нет данных по сегменту (ранг больше 999)	10

Кратко сформулируем итог проведённого анализа. Выбор между

тривиальностью и экзотичностью неправильного прочтения в условиях неопределённости при распознавании записи слова из русских территориальных диалектов в сопоставлении с исправленными чтениями данных слов **не** связан с большей употребительностью предпочитаемого прочтения. Более того, на данном материале в ситуации неясности обнаруживается даже некоторое преобладание выбора именно **менее** частотного (условно говоря, экзотического) сегмента.

3.2.4. Выбор между тривиальностью и экзотичностью неправильного прочтения в условиях неопределённости при распознавании записи слова из русских социальных диалектов в сопоставлении с исправленными чтениями

Для анализа был сформирован корпус из 23 примеров конъектур, предлагавшихся автором этих строк для слабо документированных слов из словарей русских социальных диалектов. Материал привлекался из словарей жаргона преступников [ТСУЖ 1991], молодёжного жаргона [Грачёв 2006], русского арго [Грачёв 2003; Грачёв 2006а] и др.

Полный список жаргонизмов / арготизмов для оценки тривиальности / экзотичности

Акря́ный	Виногоръ	Знакопы́рить	Лудер	Сруситъ
Бач	Гарабчу́пка	Итюха	Мобать	Фига
Безглавый	Голову́ха	Камарить	Могилово	Чамы́ра
Бе́ре	Еначить	Кине́зик	Погробо́к	
Бимо	Ено́фырь	Когума́й	Полугалово	

Кратко сформулируем итог проведённого анализа. Выбор между тривиальностью и экзотичностью неправильного прочтения в условиях неопределённости при распознавании записи слова из русских социальных

диалектов в сопоставлении с исправленными чтениями данных слов **довольно заметно** связан с большей употребительностью предпочитаемого прочтения. На данном материале в ситуации неясности обнаруживается заметное преобладание выбора **более** частотного сегмента. Этот итог явно не совпадает с тем, который был получен выше для материала территориальных диалектов.

Результаты проведённого анализа оказались далекими от стабильности и противоречивыми: ошибки в территориальных диалектах несколько чаще были связаны с предпочтением экзотических прочтений, а в социальных диалектах – с предпочтением тривиальных прочтений. По этой причине был проведен анализ ещё одной небольшой выборки. Целью дополнительного исследования было определить, насколько стабильным для социальных **диалектов** является обнаруженное предпочтение. Дополнительно для уточнения устойчивости результатов был сформирован корпус примеров из более раннего словаря жаргона преступников [Потапов 1927], включающий **10 слов, содержащих 13 исправляемых позиций**.

Полный список жаргонизмов 2 для оценки тривиальности / экзотичности

Бендожник	Гакуру	Гумь	Загатать	Колчан
Бруй	Гирн	Дейс	Кайгук	Лашник

Кратко сформулируем итог анализа дополнительной выборки. Выбор между тривиальностью и экзотичностью неправильного прочтения в условиях неопределённости при распознавании записи слова из русского жаргонного словаря 1927 г. в сопоставлении с исправленными чтениями данных слов **не** связан с большей употребительностью предпочитаемого прочтения. На данном материале в ситуации неясности обнаруживается заметное преобладание выбора **менее** частотного, то есть экзотического сегмента. Этот итог явно не совпадает с тем, который был получен для материала социальных диалектов выше, но близок к данным анализа материала территориальных диалектов.

3.2.5. Итоги исследования корреляции между тривиальностью или экзотичностью прочтения и его выбором в условиях неопределённости

Для правильной интерпретации полученных данных важно напомнить, что показатели, выявляемые таким путём, не могут предсказать выбор конкретного лексикографа в каждом отдельном случае при попытке разобрать нечёткое написание незнакомого слова. Индивидуальные колебания при выборе правильной или неправильной буквы зависят от слишком многих факторов, чтобы они могли быть надёжно предсказаны на основе подобных статистических обобщений. Однако полученные обобщённые показатели всё же обладают достоверностью, поскольку статистически подтверждены. Они отражают скорее некоторый усреднённый опыт ошибающихся лексикографов в сопоставлении с опытом лексикографов, их исправляющих.

По результатам проведённого анализа можно сделать частные выводы:

1. Корреляции между тривиальностью или экзотичностью прочтения и его выбором в условиях неопределённости не обнаруживается.

2. Усреднённые частотные характеристики предпочитаемого сегмента при его выборе не играют существенной роли.

3. Устойчивые различия между территориальными и социальными диалектами в предпочтения тривиальности / экзотичности не выявляются.

4. Явное сходство между двумя выборками из словарей социальных диалектов не выявляется.

Данные выводы имеют свои ограничения: материалом для анализа послужили малоизвестные заглавные слова в словарях, и перенос выводов на другой материал не предполагается. Вероятно, на другом материале результат может заметно отличаться по конкретным количественным параметрам.

Таблица **10. Сводные данные по трём выборкам**

В сопоставлении	**диалектизмы** с исправлениями различных авторов		**жаргонизмы (арготизмы)** с исправлениями автора			
Ошибка коррелирует с заменой на сегмент			*выборка 1*		*выборка 2*	
более частотный	**31**	30,10%	**44**	61,11%	**14**	25,45%
менее частотный	**43**	41,74%	**19**	26,39%	**16**	29,10%
Нет данных (ранг > 999)	**29**	28,16%	**9**	12,50%	**25**	45,45%
Итог	**103**	100,00%	**72**	100,00%	**55**	100,00%

Однако для практических целей выявления ошибок важно знать, что до половины гадательных прочтений могут оказаться ***экзотическими*** (см. табл. 10).

Обсуждение прогностических возможностей результатов количественных исследований пар ошибочных и правильных прочтений проводится в следующем параграфе.

3.2.6. Оценка прогностических возможностей результатов количественных исследований ошибок прочтения

Проблема соотношения однородности и объёма выборки становится особенно острой при изучении ошибок. Небольшая выборка ошибок даёт картину, искажённую за счёт индивидуальных отличий, а слишком большая выборка с высокой вероятностью сглаживает какие-то отличия, которые, возможно, оказались бы весьма существенными для обнаружения потенциальных ошибок.

В предварительном исследовании нами были посчитаны частоты нейтрализаций в парах букв (и переразложений типа *ж – ол*) для выборки из 400 случаев. Выборка была сформирована из случайным образом отобранных примеров исправлений, обоснованных для территориальных диалектов А.Ф. Журавлёвым и А.Б. Страховым, для офенского материала – В.И. Далем и

В.Д. Бондалетовым, а также автором настоящего исследования. Цель изучения выборки – определить общие количественные характеристики нейтрализаций пар букв (групп букв). Чтобы избежать дублирования, при учёте смешиваемые буквы всегда располагались по алфавиту (*г – ч*, но не *ч – г*).

Получившаяся таблица (Прил. 3.2-3, табл. 32) даёт наглядное представление об изучаемом явлении по двум параметрам.

Во-первых, в таблице имеются обширные белые пятна, потому что некоторые пары букв не смешиваются никогда.

Во-вторых, каждая пара букв имеет на пересечении число, которое обозначает количество нейтрализаций на 400 случаев (в обоих направлениях, то есть *г-ч* * *ч-г* и т. д.), например: ***г – ч*** (32), ***т – ш*** (30), ***а – и*** (27) и т. д. Для учёта с целью вероятного уточнения условий смешения букв направление смешения, по нашему мнению, не существенно, поскольку и для допустившего ошибку выбор чтения *т* на месте *ш* или обратного чтения был в известных условиях равно приемлемым. Эти данные могут быть представлены и в более компактном виде, как это сделано в следующей таблице (см. таблицу 11, ниже).

***Таблица* 11. Показатели частотности (для 400 случаев смешения букв)**

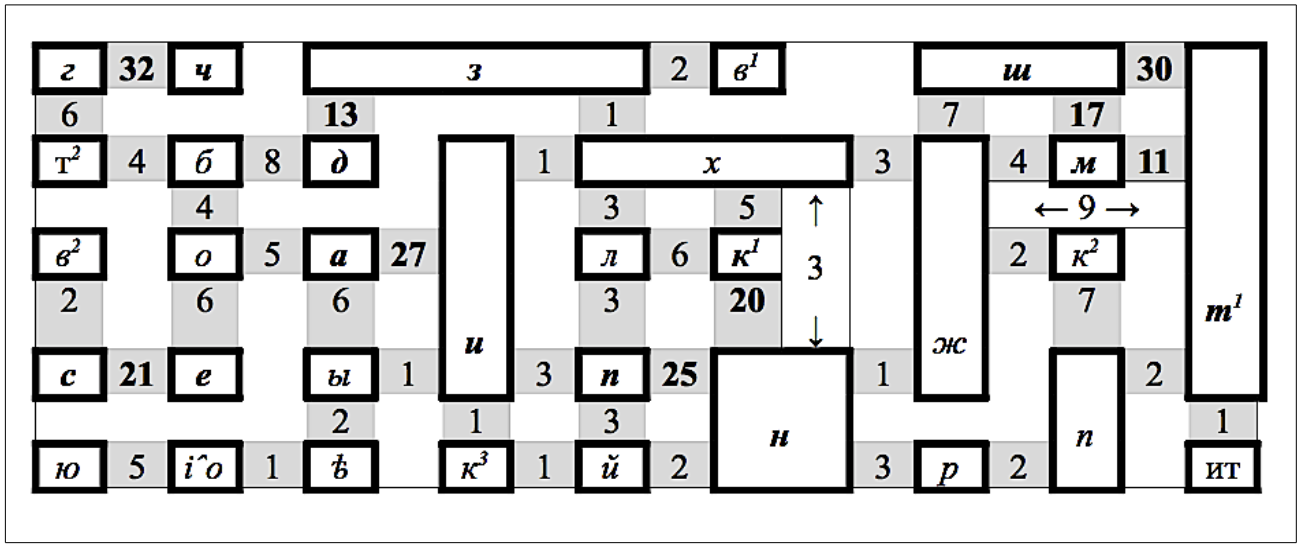
По алфавиту				**По частоте**		
Буквы	**от 400**	**100,00%**		**Буквы**	**от 400**	**100,00%**
а - е	3	0,75%		***г - ч***	32	8,00%
а - и	27	7,50%		***т - ш***	30	7,50%
а - о	5	1,25%		***а - и***	27	6,75%
а - ы	4	1,00%		***н - п***	25	6,25%
б - д	8	2,00%		***е - с***	21	5,25%
б - о	4	1,00%		***к - н***	20	5,00%
б - т	4	1,00%		***м - ш***	17	4,25%
г - т	6	1,50%		***д - з***	13	3,25%
г - ч	32	8,00%	**195** 48,75%	***м - т***	11	2,75%

д - з	13	3,25%
е - о	6	1,50%
е - с	21	5,25%
ж - м	4	1,00%
ж - т	9	2,25%
ж - х	3	0,75%
ж - ш	7	1,75%
и - п	3	0,75%
і^о - ю	5	1,25%
й - п	3	0,75%
к - л	6	1,50%
к - н	20	5,00%
к - х	5	1,25%
л - п	3	0,75%
л - х	3	0,75%
м - т	11	2,75%
м - ш	17	4,25%
н - п	25	6,25%%
н - р	3	0,75%
н - х	3	0,75%
т - ш	30	7,50%
Итого	**291**	**73,25%**

ж - т	9	2,25%
б - д	8	2,00%
ж - ш	7	1,75%
г - т	6	1,50%
е - о	6	1,50%
к - л	6	1,50%
а - о	5	1,25%
і^о - ю	5	1,25%
к - х	5	1,25%
а - ы	4	1,00%
б - о	4	1,00%
б - т	4	1,00%
ж - м	4	1,00%
а - е	3	0,75%
ж - х	3	0,75%
и - п	3	0,75%
й - п	3	0,75%
л - п	3	0,75%
л - х	3	0,75%
н - р	3	0,75%
н - х	3	0,75%
Итого	**293**	**73,25%**

Такой подход к обобщению данных позволил установить, что 48,75% случаев приходится на долю всего 9 пар букв, от которых следует ожидать ошибок прочтения в первую очередь. Ещё 21 пара букв встретилась по 3 раза и более и дала около четверти ошибок. То есть 30 пар наиболее вероятных смешений букв покрывают три четверти случаев. Для рациональной организации проверки это важно. В качестве вспомогательного инструмента была начерчена компактная таблица 12.

***Таблица* 12. Визуальные нейтрализации букв с количественными показателями для наиболее распространённых пар (на 400 случаев)**



Кроме того, учитывая, что вероятность – это не полная гарантия выпадения распространённых ошибок именно в таких соотношениях, было решено сопоставить данную выборку с двумя другими, а последние ещё и между собой. Две вспомогательные выборки примерно около 100 случаев дали довольно скромное число пересечений (по А.Б. Страхову – 87 конъектур для словарей русских говоров; по А.Е. Аникину – 98 конъектур для словарей сибирских говоров). Соответственно, для наглядности график основной выборки (400 конъектур) был масштабирован (1:4).

Примечания к графику 5:

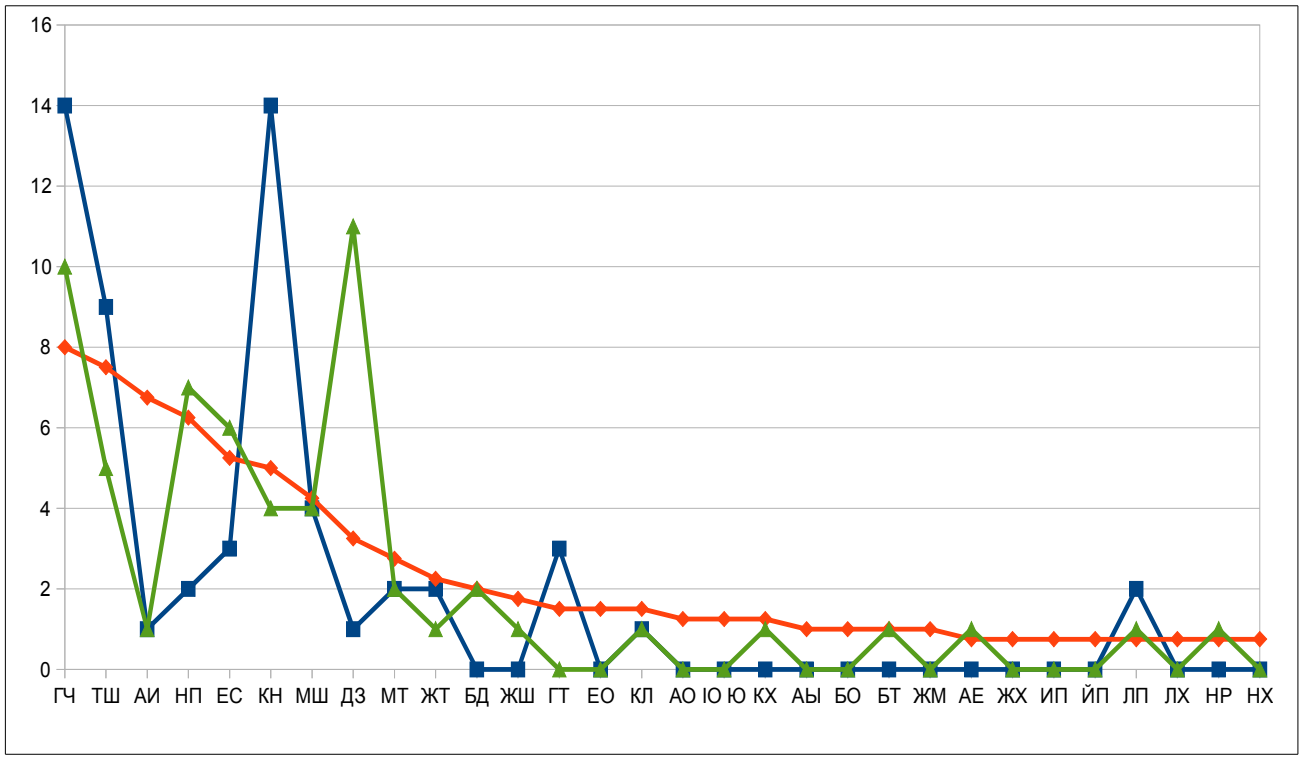
1. По оси *x* ГЧ – это суммарное количество случаев чтения *г* как *ч* и *ч* как *г* и т. д.

2. Представлены данные для основной выборки (ромбы – наиболее частотные ошибки из 400 конъектур, в масштабе 1:4) и двух дополнительных (треугольники – по А.Б. Страхову – 60 из 87 конъектур для русских говоров; квадраты – по А.Е. Аникину – 58 из 98).

Сводный график (5) показывает, что выборки, которыми мы располагаем, не являются достаточно мощными, чтобы добиться стабилизации частотных характеристик отдельных нейтрализуемых пар. Это

не значит, что относительно редко смешиваемая пара *н – х* в какой-то выборке близкого объёма может вдруг выйти на первое место, а пара обычно хорошо представленная пара *г – ч* – вдруг оказаться за пределами таблицы. Однако колебания для отдельных пар, как выяснилось на конкретных примерах, могут быть очень велики в разных выборках.

***График 5*. Сводный график трёх выборок**



Вместе с тем сравнение этих выборок показывает убедительное суммарное совпадение: 291 ошибка из наиболее частотных 400 (73,25%) и 60 из 87 (68,97%), по А.Б. Страхову, и 58 из 98 (59,18%), по А.Е. Аникину. Так, с верхними тремя четвертями основной выборки совпали почти 60-70% обеих дополнительных выборок. Это убедительный результат, свидетельствующий о практической значимости такого подхода к изучению круга наиболее вероятных ошибок прочтения.

Однако данный подход имеет и ограничение, состоящее в том, что отсутствуют ресурсы для существенного расширения выборки. Каждая ошибка в своё время была допущена или принята (как правило, квалифицированным) собирателем или лексикографом, обнаружена не без труда

другим лексикографом или лексикологом, который также потратил усилия на то, чтобы найти конъектуру и обосновать своё прочтение. По этой причине для иной оценки стабильности полученного результата в рамках той же выборки было решено поменять форму его представления: 400 случаев смешения букв были сгруппированы по количеству элементов: букв одноэлементных, двуэлементных и трёхэлементных (см. Прил. 3.2-4, табл. 33).

Довольно часто, располагая только печатным текстом словаря, приходится выходить на уровень рукописи при посредстве графической реконструкции. При подсчёте мы не считаем особым элементом начальную отличительную черту знаков *ч, ъ,* завершающую нижнюю черту знаков *ц, щ,* отличительные признаки *й* и *ё* кратку (˘) и трема (¨). Трема встречается также в редкой для русской графики буквы *ö*: «Чöсъ – Болѣзнь чесотка» [Герасимов 1893: 387] и «ять» с двумя точками = [ё]: «Дѣлали дѣло повелѣ̈ное» [Рыбников-1: 3].

Условно за особый элемент принимается та часть надписи, которая изображается одной чертой: *г ı ı ь с е ə ʒ*, а также: *о*, *ı*.

Одноэлементные буквы: *г е ё з о с ч ъ ь э*.

Двуэлементные буквы: *а б в д и й к л н п р у х ц ы ю я*.

Трёхэлементные буквы: *ж м т ф ш щ*.

Нейтрализация различий между элементами наступает в разных условиях, в большинстве случаев она зависит от индивидуальных особенностей почерка. Более детальный графический анализ даётся ниже при разборе отдельных типов и примеров ошибок.

При этом надо учесть и случаи промежуточные: буква двуэлементная может всё-таки иногда писаться и читаться как одноэлементная (*г – п, ч – н, н – т*) и т. д. Иногда и *л*, написанное с нестандартным первым элементом, читается как *сл*: «Ласо – ма̲сло» [Тихонравов 1857: 25]. Причиной этого может стать гипертрофированная отсечка или другой диакритический элемент знака, получающий соответственно и более высокий статус отдельной черты. Кроме того, имеются вариации графемы, различающиеся количеством элементов: *б*,

состоящая из овала и по-разному завершаемая линией вверх и влево, и одноэлементная σ-образная *б*; двуэлементная буква *в* современных прописей, состоящая из обратной (выполняемой движением против часовой стрелки) петли над строкой и овала, и одноэлементная *в* дореволюционных прописей, вписываемая в пределы строки одной обратной спиралевидной дугой; одноэлементная **т** и трёхэлементная *т*.

Этот способ учёта ошибок по пяти большим группам даёт стабильный результат, сопоставимый с результатами, полученными в следующем параграфе для ряда списков ошибок, обнаруженных в различных словарях другими авторами, а именно:

1) смешение пар одноэлементных букв (*г – ч*),

2) смешение одноэлементной и двуэлементной букв (*а – е*),

3) смешение пар двуэлементных букв и групп букв (*н – п*),

4) смешение двуэлементной и трехэлементной букв (*ж – н*),

5) смешение пар трехэлементных букв и групп букв (*ж – м*).

***Таблица* 13. Визуальные нейтрализаций букв по количеству графических элементов (на 400 случаев)**

Количество нейтрализующихся графических элементов				
1 элем.	1-2 элем.	2 элемента	2-3 элем.	3 эл. и более
81 (20,75%)	**8** (2%)	**123** (30,75%)	**3** (0,75%)	**76** (19%)

Промежуточные случаи (столбцы 2 и 4) имеют малые показатели, поскольку малочастотные случаи (встреченные 1-2 раза) в данном случае не были учтены.

В параграфе 3.2 были рассмотрены различные подходы к изучению ошибок прочтения количественными методами.

В общем виде первый вопрос формулируется так: связаны ли показатели частотности отдельных букв (их встречаемости в тексте) и ошибки их идентификации в тексте? (Следует подчеркнуть, что данный вопрос пока не изучался.) Ответ на этот вопрос оказывается в целом отрицательным:

исследование, проведённое на репрезентативном материале словаря значительного объёма по ряду параметров, явной корреляции не выявляет.

Частотность отдельных графем в различных лексических слоях (жаргонизмов, омонимичных словам общенародного словаря, и отличных от них жаргонизмов) в словаре «блатной музыки» С.М. Потапова 1927 года в ряде случаев неожиданно сильно отличается от средних для русского языка показателей, что является новым результатом, требующим дальнейшего изучения.

В диалектном и жаргонном словаре ошибки прочтения не могут быть объяснены простейшим образом, то есть как якобы результат однонаправленной тенденции к выбору более вероятных статистически букв в подавляющем большинстве перцептивно неоднозначных случаев. Изучение корреляции между тривиальностью или экзотичностью прочтения и его выбором в условиях неопределённости говорит о примерном равенстве этих двух тенденций. В территориальных диалектизмах, прочитанных с ошибкой, несколько чаще наблюдается выбор именно **менее** частотного сегмента, то есть предполагается предпочтение экзотического прочтения. В социальных диалектах картина ещё более противоречива. Таким образом, говорить об устойчивой (положительной или отрицательной) коррелятивной связи между выбором неправильного прочтения в условиях неопределённости при распознавании записи слова и частотными характеристиками предпочитаемого сегмента нет оснований.

Это сопоставление дополнительно подтверждает вывод, что отдельные базовые *характеристики некорректных записей заглавного слова не зависят от их принадлежности к конкретному территориальному или социальному диалекту*, а определяется условиями фиксации и копирования.

Результаты исследования количественных характеристик отдельных нейтрализуемых пар букв позволяют приблизительно оценить вероятность определённой ошибки прочтения, однако объединение ряда сходных букв

(например, трёхэлементных) даёт более устойчивые результаты для ряда выборок. Именно этот последний подход как наиболее стабильный по результатам используется далее при анализе опыта выявления ошибок прочтения рядом отечественных исследователей.

3.3. Опыт текстологического анализа сомнительных записей слабо документированных слов в отечественной лексикографической критике

Как это было подробно показано во второй главе (2.2.1), в научной критике словарей довольно часто конъектура, опирающаяся на исключительно распространённое смешение *г – ч*, предлагается исследователем без подробного обоснования, ср.: «**абы́чать** ‘сохнуть’ сиб. (СРНГ 1: *196*) // **абы́гать = обыгать°*» [Аникин 2000: 74]. Иногда при обосновании конъектуры автором приводится лишь указание на распространённость той или иной ошибки прочтения: «Причина ошибки – обычная путаница в чтении письменных букв *н* и *к*» [Страхов 2008: 221]. Возникает вопрос, каковы формальные критерии для различения «обычной» и «необычной» путаницы рукописных букв. Это порождает задачу изучить и уточнить показатели относительной распространённости визуальной нейтрализации для различных пар букв и выразить в числовых показателях некоторую индивидуальную характеристику для конкретной пары букв. (Выше было предложено несколько методик оценки различимости пар букв.) Новизна этой задачи обусловлена тем, что вопрос о визуальном смешении букв (и их элементов) применительно к практике составления словарей ставился только в практической плоскости, а именно: рассматривался как основание для выявления и исправления конкретных ошибок, но пока не становился объектом более значительных обобщений.

Здесь надо прямо сформулировать парадоксальность рассматриваемой проблемы: в некоторых ситуациях при составлении словарей лексикографы оказываются беспомощными перед лицом затруднений, сходных с типичными затруднениями младших школьников [Обнизова 2008: 230; Malatesha, Aaron 2013: 257; Coleman 1995: 30]. Понятно, что опознание начертания конкретной буквы вызывает затруднение в необычном окружении, когда нестандартный

графический контекст не помогает, а иногда даже и мешает понять записанное. Это вероятно при чтении малознакомого слова, написанного чужой рукой. Опыт преодоления такого рода затруднений рядом отечественных исследователей анализируется далее.

Обнаружением и исправлением ошибок, прокравшихся в словник, занимались многие отечественные учёные, однако в настоящей работе анализируется практика лишь нескольких исследователей, предложивших значительное количество (несколько десятков и даже сотен) словарных конъектур. Даже если речь идёт о двух-трёх десятках авторских исправлений в записях слабо документированных слов, то это, во-первых, в реальности означает огромный масштаб подготовительной черновой работы, во-вторых, этот представительный результат уже позволяет более определённо судить об индивидуальных стратегиях критики словарных описаний, реализовавшихся в практике работы с подозрительным лексическим материалом, в-третьих, более или менее значительное количество словарных конъектур позволяет применять статистические методы для обработки и анализа этого весьма необычного материала.

Вопросы методологии могут ставиться на разных уровнях обобщения. Такой конкретный и даже прикладной вопрос, сколько и каких ошибочных фиксаций обнаружил и исправил тот или иной исследователь, выводит на более высокий уровень обобщения: какая именно стратегия поиска таких фиксаций применялась? Редкий автор, занятый поиском и исправлением конкретной ошибки, может позволить себе отвлечься на анализ приёмов собственной деятельности в такой напряжённый момент. Кроме того, такое разделение целей вряд ли способствует успеху. Следующий вопрос, который неизбежно возникает при анализе различий в составе обнаруженных ошибок у различных авторов, касается уже качественной оценки лексикографического труда.

Индивидуальные различия в списке авторских исправлений в заметной мере связаны с различиями в материале: вероятно, какие-то типы ошибок не

обнаружены, потому что их не было. Однако в какой-то мере индивидуальными предпочтениями (или же, наоборот, игнорированием) тех или иных проверочных процедур, пока не описанных эксплицитно, могут обусловливаться и известные пропуски при обнаружении ошибок. Так, В.И. Даль при заглавных словах со знаком вопроса обычно не указывает прямо на графические переразложения, поэтому не всегда ясно, они ли вызвали эту помету: *тушъ?* ‘кувшин, кринка’ – (по нашему мнению) *туисъ ‘берестяной сосуд’, *арегва?* ‘артель промышленников’ – *арава, *сулитъ?* ‘сугроб’ – *суметъ, *облитникъ?* ‘большой стог сена’ – *обметникъ, *нагнавить?* ‘налгать, для шутки’ – *нашавить, *лишарь?* ‘болотная трясина’ – *мьшарь, *ленивка?* ‘возвышенность на болоте’ – *мшевка [Шаповал 2009е: 173-176].

Это позволяет говорить о желательности такого обобщения опыта предшественников и коллег, которое способно помочь исследователю осознать возможные отличия в практике выявления ошибок, применяемой другими исследователями на сходном, да даже и на отличном материале.

Далее рассматривается материал территориальных, а затем социальных диалектов. Как уже отмечалось нами выше, при критическом анализе и исправлении «странной» записи слова происходит, в сущности, перебор и проверка альтернативных прочтений «тёмного» или сомнительного места, на что указывает опыт В.И. Даля [Даль$_1$-I: XX] и одного из основателей отечественной графической экспертизы Е.Ф. Буринского [Буринский 2002: 340]. Данный метод оказывается тождественным принципу *чёрного ящика* [Винер 1983: 33].

Главная особенность нашего подхода к анализу ошибок обозначилась постепенно. Основная проблема состоит в том, что нечёткость анализируемой записи требует адекватной структуры описания, иначе классификация теряет строгость и обозримость. Как и ранее [Шаповал 2009е: 167-168], намеренно огрубляя анализ, мы ограничиваемся 5 группами ошибок. (Так, Матийс ван де Порт указывает на то, что при исследовании социальных феноменов валидность

не всегда соотносима с подробностью описания [Port 1999: 25]. На подобном же абстрагировании от всего воспринимаемого разнообразия вариантов звуков основаны были первые успехи фонологии.) Три основные группы охватывают соответственно смешение букв, включающих один, два и три элемента, две промежуточные – смешение одно- и двуэлементной буквы, смешение дву- и трёхэлементной буквы. Это дало более обозримую группировку материала. Такое решение находит обоснование в почерковедении, где учитывается *количество движений* при выполнении букв [Жижина 2006: 83]. Соответственно, ниже графики учитывают только 5 обобщенных позиций (обоснование см. выше: 3.2.6).

В настоящем параграфе представлен анализ опыта исправления словарных записей слов, обнаруживаемого в работах исследователей прошлого В.И. Даля (см. [Шаповал 2009е]), В.И. Чернышёва [Чернышёва 1970], а также и в трудах современных отечественных учёных А.Ф. Журавлёва [Журавлёв-1/7], А.Б. Страхова [Страхова 2004; 2008], А.Е. Аникина [Аникин 2000], Л.Л. Крючковой [Крючкова 2012]. Ряд конъектур, рассматриваемых в связи с обобщением опыта предшественников и коллег, уточнён или предложен автором этих строк.

Конъектуры В.И. Даля извлечены нами из его «Толкового словаря», поскольку в немногих случаях при заглавных словах со знаком вопроса В.И. Даль максимально кратко предлагал собственное исправленное чтение сомнительной записи малоизвестного слова [Шаповал 2009е: 164-167][21].

В статье В.И. Чернышёва 1935 г. «Тёмные слова в русском языке» сказано, что одна из причин «образования тёмных слов языка коренится в условиях передачи речи путём графики» [Чернышёв 1970: 311]. Всего 16 примеров из рассмотренных В.И. Чернышёвым иллюстрируют собственно интересующие нас ошибки прочтения. При этом следует отметить

21 Уже после завершения диссертации вышли две статьи, распространившие этот подход и на офенские материалы со знаком вопроса Даля [Шаповал 2015а: 157-161; Шаповал 2015аа: 467-473].

иллюстративные достоинства этой малой выборки: при отборе примеров для статьи основные типичные ошибки прочтения оказались представленными в количествах, соотносительных с их усреднённой встречаемостью (см. график 6 ниже).

Словарные материалы с исправленными ошибками прочтения извлечены из двух статей А.Б. Страхова под названием «По страницам Словаря русских народных говоров (замечания, поправки, соображения)» [Страхов 2004; 2008].

Поскольку речь идёт об одном и том же словаре СРНГ, незначительное отличие графиков по материалам А.Б. Страхова, А.Е. Аникина и А.Ф. Журавлёва (при значительном несовпадении целей и собственно выделенных авторами списков предлагаемых конъектур) несомненно является доказательством того, что выделение нами 5 обобщенных групп ошибок позволило обнаружить существенную константу в распределении ошибок прочтения в современных материалах.

98 конъектур извлечено из второго издания словаря А.Е. Аникина «Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков» [Аникин 2000].

Л.Л. Крючкова исследовала словарные материалы Григория Степановича Новикова-Даурского (1881-1961) [Крючкова 2012а]. Яркое отличие этой выборки от остальных состоит в том, что весь корпус материалов был записан рукой одного составителя и никем другим не копировался. Это обстоятельство обусловило высокую сохранность авторского замысла и наличие лишь небольшого числа ошибок в публикации [Новиков-Даурский 2003], выявленных в процессе исследования Л.Л. Крючковой (28 конъектур).

Для наглядности все данные по ошибкам, обнаруженным шестью авторами, сведены в таблицу 14.

Те же самые данные для наглядности были компактно представлены на графике 6 (ниже).

График 6 отражает поразительно сходство в распределении ошибок по

пяти группам. При всех различиях по долям у разных авторов «чистые» типы смешения (буквы с одинаковым количеством элементов) преобладают над «смешанными» (например, смешениями одно- и двуэлементной букв). В выборках из работ разных авторов это различие ясно видно на фоне весьма заметного разброса в относительных долях «чистых» типов смешения, которые могут быть сопоставимыми между собой (у В.И. Даля, А.Е. Аникина, А.Б. Страхова) или зависеть от длины «тёмного» сегмента: доли дву- и трёхэлементных очиток почти вдвое больше доли одноэлементных (у А.Ф. Журавлёва).

Таблица 14. Сводные данные по конъектурам 6 авторов

Группы ошибок	В.И. Даль	В.И. Чернышёв	А.Ф. Журавлёв	А.Е. Аникин	А.Б. Страхов	Л.Л. Крючкова
1 – 1 элем.	9	4	48	24	26	5
1 – 2 элем.	8	2	31	10	13	9
2 – 2 элем.	11	5	90	27	23	11
2 – 3 элем.	4	1	14	8	3	2
3 – 3 элем.	8	4	95	29	22	1
Итого	**40**	**16**	**278**	**98**	**87**	**29**

Пояснения к графику 6:

Треугольники вершиной вниз – материалы А.Ф. Журавлёва (278 конъектур)

Треугольники вершиной влево – материалы А.Е. Аникина (98 конъектур)

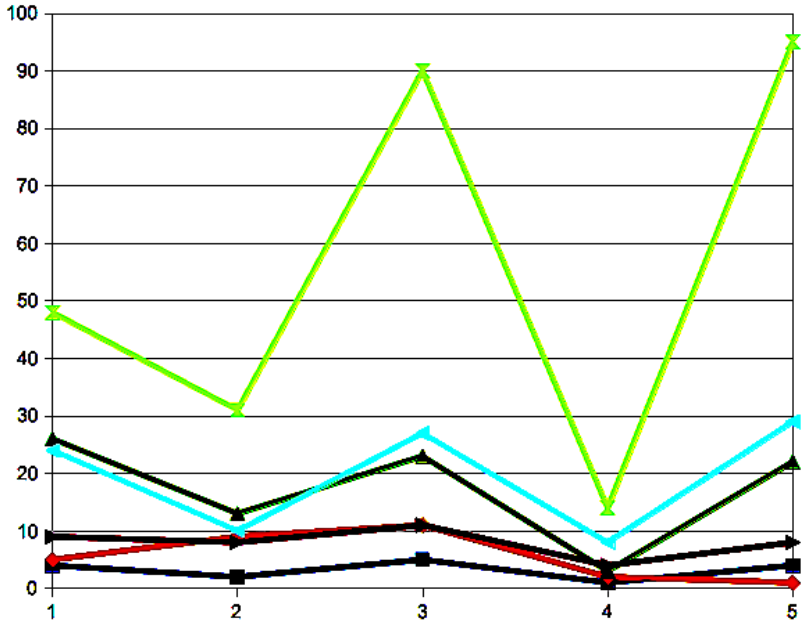
Треугольники вершиной вверх – материалы А.Б. Страхова (87 конъектур)

Треугольники вершиной вправо – материалы В.И. Даля (40 конъектур)

Ромбы – материалы Л.Л. Крючковой (28 конъектур)

Квадраты – материалы В.И. Чернышёва (16 конъектур)

График 6. Распределение ошибок прочтения по 5 группам у 6 авторов



В самом общем виде контур графика 6 напоминает «пилу» или «трезубец». Надо сказать, что и на жаргонном материале словаря [Потапов 1927] нами подтверждается та же тенденция в распределении долей ошибок по 5 группам [Шаповал 2011е: 181-182]. Конъектуры В.И. Даля и других в офенских словарных материалах середины XIX века [Бондалетов 2004: 240-350] также дают подобное *пилообразное* распределение (см. данные в Прил. 3.3-1, 3.3-2). Этим ещё раз доказано, что базовые характеристики некорректных записей заглавного слова не зависят от их принадлежности к конкретному территориальному или социальному диалекту, а определяется условиями фиксации и копирования, см. [Шаповал 2011е: 142; Шаповал 2015а: 157-161].

На этом фоне материалы, проанализированные Л.Л. Крючковой, выглядят аномально как по причине преобладания одно- и двуэлементных очиток, так и по причине заметно более высокой представленности «смешанных» нейтрализаций одно- и двуэлементных букв.

Таблица 15. Сравнение усреднённых данных по конъектурам 6 авторов с древнерусским материалом и материалом Л.Л. Крючковой

Группы ошибок	Среднее по 6 авторам	Л.Л. Крючкова	Л.Ю. Астахина	Сл. XI-XVII вв.
1 – 1 элем.	19,33	5	10	17
1 – 2 элем.	12,17	9	15	25
2 – 2 элем.	27,83	11	9	18
2 – 3 элем.	5,33	2	6	4
3 – 3 элем.	26,5	1	1	2
Итого	**91,16**	**29**	**41**	**66**

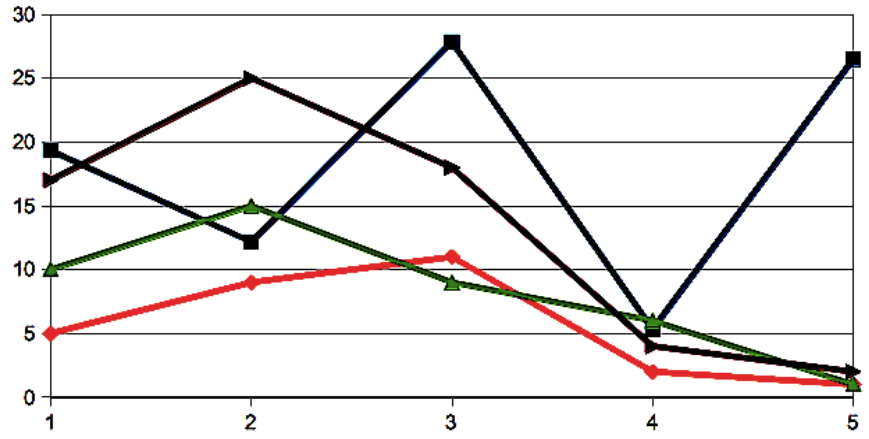
Для выяснения причин этих отклонений мы обратились к анализу источника. Отличие материалов пяти остальных авторов состоит в том, что они опирались на материалы, написанные разными почерками. Более того, этот результат в значительной степени опирается на конъектуры, предложенные авторами на основе анализа печатных изданий. Таким образом, можно предполагать, что характерная «пилообразная» линия выявляет некоторый коллективный результат, усредняющий распределение ошибок, возникших после неоднократного копирования.

Л.Л. Крючкова изучала рукописные материалы. В индивидуальном почерке Г.С. Новикова-Даурского отмечается слабая противопоставленность ***а*** и ***о*** (5 примеров), на что неоднократно обращалось внимание исследовательницей. Этим в заметной мере обусловлено относительно бóльшее число смешений одно- и двуэлементных букв (9 случаев). Другое отличие объясняется почти полным отсутствием смешений трёхэлементных букв и групп букв в почерке Г.С. Новикова-Даурского.

Ошибки прочтения традиционно являются объектом анализа в исторической лингвистике. Богатый опыт их выявления в этой области может быть перенесен и на диалектный материал последних двух столетий, поскольку и в нём всё более ощутим и важен исторический аспект. По этой причине

целесообразно сопоставить данные по материалам XI – XVII вв. с современными данными, выявленными шестью авторам. Последние данные представлены графиком усреднённых показателей. Отдельно приведены данные по исследованию Л.Л. Крючковой. С ними сопоставляются выборка по списку ошибок, извлечённых из монографии Л.Ю. Астахиной (41 конъектура из списка, включающего 91 слово [Астахина 2006: 327-331]), и по списку ошибок, извлечённых из предисловий к 9-29 выпускам «Словаря русского языка XI – XVII вв.» (66 конъектур из списка, включающего 359 слов). М.И. Чернышёва пишет о более 224 словах, требующих кардинального уточнения [Чернышёва 2012: 101], однако далеко не во всех этих случаях речь идёт об ошибках прочтения.

График 7. Распределение ошибок прочтения по 5 группам: усреднённые данные 6 авторов, материалы Л.Л. Крючковой и 2 выборки по материалам XI – XVII вв.



Пояснения к графику 7:

Квадраты – усреднённые данные 6 авторов (из графика 6)

Треугольники вершиной влево – материалы 9-29 выпусков «Словаря русского языка XI – XVII вв.» (41 конъектур)

Треугольники вершиной вверх – материалы Л.Ю. Астахиной (29 конъектур)

Ромбы – материалы Л.Л. Крючковой (28 конъектур)

В самом общем виде контур усреднённых данных по материалам шести авторов напоминает уже знакомую характерную «пилообразную» ломаную линию. Однако три других графика имеют отличные и в то же время сходные между собой контуры. Сходство вызвано явно меньшей распространённостью смешений трёхэлементных букв с дву- и трёхэлементными. Это приводит к смещению вершины графика влево. Кроме того, уже отмеченное Л.Л. Крючковой преобладание «смешанных» нейтрализаций одно- и двуэлементной буквы проявляется и в двух выборках по материалам XI – XVII вв.

Выявленное на графике 7 отличие от современного диалектного материала идёт, без всякого сомнения, от особенностей рукописной формы копируемых древних источников. Но остаётся важный вопрос: в древнерусской (устава, полуустава, скорописи) или в современной копии следует искать основной источник ошибок прочтения. Л.Ю. Астахина указывает, что картотеки, лексиконы, словоуказатели, словари как *вторичные* источники с заданными свойствами, а также публикации памятников как особый *промежуточный* тип источников, заслуживают особой проверки [Астахина 2006: 55-59, 143, 145]. В справочном выпуске словаря [Сл. XI – XVII-спр. вып.: 73-252] имеются многочисленные примеры выписок в основном современным курсивным почерком, но эта стадия хранения материала не связана с многократным копированием и, очевидно, не могла стать источником существенного числа ошибок.

Отличное от выявленного у 5 остальных авторов распределение ошибок, характерное для материалов XI – XVII вв., может иметь разные причины. Их возникновение следует отнести либо к стадии копирования рукописей, написанных ещё старыми почерками, либо к стадии подготовки публикации. Кроме того, могли влиять и другие факторы: выборщики картотеки древнерусского словаря обладали высокой квалификацией, да и по времени формирования индивидуальных почерков в массе своей близки к

Г.С. Новикову-Даурскому. Возможно, наиболее существенным оказывается минимальное число этапов копирования как в материалах Г.С. Новикова-Даурского, так и в картотеке ДРС. Предварительно можно заключить, что выявленное различие в распределении ошибок в русском диалектном и древнерусском материале не может быть объяснено одним фактором. Однако его обнаружение заставляет нас более внимательно отнестись вообще к позднейшим этапам копирования словарных материалов.

На пути проверки возможных объяснений выявленного различия в распределении ошибок стоит прежде всего невозможность формирования альтернативных выборок ошибок на сходном материале. Техника их выявления оказывается индивидуальной и трудоёмкой, а расширение базы однотипных источников объективно ограничено.

Об ошибках прочтения и фантомах, возникающих в некоторых словарях языков, пользующихся латиницей, см. Прил. 3.3-3. Следует подчеркнуть, что сопоставление ошибок прочтения в русской кириллице с ошибками прочтения в латинице имеет и практическое приложение, поскольку ошибки в латинской записи русских слов нередко обнаруживаются в словарях и других публикациях справочного характера разного времени, например: [Болдырева 2010: 9; Горский 2014: 115-121; Шаповал 2012ее; Шаповал 2014]. См. также Прил. 3.3-4.

На фоне сопоставления как с древнерусским, так и русским жаргонным материалом можно заключить, что сходство в распределении по долям 5 групп ошибок, выявленное в диалектных материалах пятью из шести исследователей, оказывается важным диагностическим признаком. Оно опирается на репрезентативный материал: 557 конъектур в записях диалектизмов, а также дополнительно на анализ 111 конъектур в материале жаргонного словаря. Это позволяет более надёжно предсказывать «узкие места» в работе с современным слабо документированным лексическим материалом: фиксировать отклонения от «стандарта», искать причину этих отклонений либо в неполноте выборки, либо в особенностях конкретного источника или почерка собирателя.

Итоги главы третьей

Задача третьей главы состояла в том, чтобы рассмотреть ошибки прочтения в ряде аспектов: как объект грамматологического анализа, как объект статистического анализа, как объект текстологического анализа предшественников (то есть обобщить опыт выявления ошибок прочтения авторитетными учёными).

В параграфе 3.1 *мы пересмотрели оценку общей различимости русского письма в сторону повышения*, показав, что более важной при выборе чтения оказывается не оценка различимости буквы в алфавите, а оценка её различимости в сопряжении с её частотой в тексте.

На основе описания русского письма Т.М. Николаевой путём дополнения списка основных элементов нами *описан механизм визуального смешения букв, характерных для беглых стилей взрослого почерка, с охватом букв, утраченных в современном алфавите.*

Схемы формализованного описания нейтрализации графем нами *дополнены динамическими характеристиками индивидуального письма*, что позволило точнее описать условия, благоприятные или неблагоприятные для различения визуально схожих букв.

В параграфе 3.2 рассмотрены различные подходы к изучению ошибок на основе лингвостатистических методов.

Частотность отдельных графем в различных лексических слоях (жаргонизмов, омонимичных словам общенародного словаря, и отличных от них жаргонизмов) в словаре «блатной музыки» С.М. Потапова 1927 года в ряде случаев неожиданно сильно отличается от средних для русского языка показателей, но это не позволяет напрямую вычленить наиболее склонные к визуальному смешению графемы.

Нами доказано *примерное равенство тривиальных и экзотичных*

прочтений, выбираемых в условиях неопределённости. Это не создаёт универсальной возможности напрямую диагностировать ошибку прочтения, но равенство этих двух тенденций следует учитывать при обнаружении ошибок. Вероятно, на другом материале результат может заметно отличаться по конкретным количественным параметрам. *Однако* **для практических целей выявления конкретной ошибки представляется полезным учитывать, что до половины гадательных прочтений могут оказаться экзотическими.**

Результаты исследования количественных характеристик отдельных нейтрализуемых пар букв позволяют приблизительно оценить вероятность определённой ошибки прочтения, однако объединение ряда сходных букв (например, трёхэлементных) даёт более устойчивые результаты.

Нами доказано, что ошибки прочтения являются достаточно предсказуемыми в масштабах репрезентативных выборок (до 75% смешений приходятся на 30 пар букв). Для рациональной организации проверки необычных слов это важно в практическом плане.

Сопоставление с другими выборками выявляет значительное пересечение: 291 ошибка из 400 (73,25%) и 60 из 87 (68,97%), по А.Б. Страхову, и 58 из 98 (59,18%), по А.Е. Аникину. Так, с верхними тремя четвертями основной выборки совпали около 60% обеих дополнительных выборок. Это убедительный результат, свидетельствующий о практической значимости такого подхода к изучению круга наиболее вероятных ошибок.

Данное сопоставление позволяет выйти на новый уровень обобщения: *тенденция в распределении ошибок по 5 типам, обнаруженная нами* в словаре Даля и СРНГ [Шаповал 2009а: 171], надёжно подтверждается и на жаргонном материале [Шаповал 2011е: 181-182], как и на офенском материале, так что удаётся обнаружить принципиальное сходство в количественных характеристиках распределения 5 групп ошибок.

Нельзя не отметить, что зафиксированное нами принципиальное сходство в распределении по частотности ошибок прочтения в зависимости от длины

охваченного ошибкой одно-, дву- или трёхэлементного сегмента (устойчиво проявляющееся в диалектном и жаргонном материалах) оказывается довольно неожиданным на фоне выявленных ранее (см. п. 3.2.1) заметных отклонений в частотности некоторых графем в жаргонном словнике Потапова от средних для русского языка показателей.

Таким образом, можно считать доказанным, что классификация некорректных записей заглавного слова и других частей словарной статьи при описании слабо документированных слов не зависит от их принадлежности к конкретному территориальному или социальному диалекту, а также к литературному языку, а определяется условиями фиксации и копирования.

В итоге несомненное сходство всех графиков говорит о том, что проведённое сопоставление позволяет надежно предсказывать «узкие места» в лексикографической работе с любым слабо документированным лексическим материалом. В реальности можно говорить об индивидуальных экспертных приёмах, формируемых многолетней практикой, которые могут более детально изучаться в дальнейшем. Однако при всех отличиях исследовательских подходов можно констатировать, что бесспорным остаётся сходство применяемого ими источниковедческого инструментария.

В данном разделе было обработано статистически 718 позиций (из них исправлены автором настоящего исследования 111), чем обусловлена репрезентативность проведённых обобщений.

В рамках задачи исследования визуальных смешений букв удалось подтвердить важную роль лингвостатистики. Статистика ошибок важна для воссоздания общей картины распределения смешений конкретных пар букв по типам, хотя и не всесильна при интерпретации каждого индивидуального случая в том смысле, что нет возможности при помощи предшествующих наблюдений предсказать, когда и на какой записи конкретный лексикограф вместо *ч* прочтёт *г*.

Таким образом, алгоритмизация обнаружения конкретного типа ошибок

прочтения на основе ожиданий, сформированных в результате обобщения статистических данных, вполне возможна. Она эффективно рационализирует процесс проверки реконструируемых на месте сомнительного более вероятных прочтений. Кроме того, она создает инструмент верификации, позволяющий на основе прошлого накопленного опыта проверять полученную выборку на предмет вероятных пропусков, то есть не замеченных исследователем ошибок.

ГЛАВА 4. ОПЫТ ТИПОЛОГИЗАЦИИ ОШИБОК ПРОЧТЕНИЯ И КОПИРОВАНИЯ ЗАГЛАВНЫХ СЛОВ

Практические подходы к верификации словарных описаний слабо документированных слов далее представлены в трёх аспектах: проверка записи заглавного слова, его описания и связей этого описания вне данного словаря.

Третья глава в общей структуре исследования была посвящена созданию теоретической и инструментальной основы для обоснования практической типологии ошибок, рассматриваемой в настоящей четвёртой главе на представительном эмпирическом материале. Задача главы четвертой – типологизация ошибок, приводящих к возникновению записей несуществующих заглавных слов. Такого рода результат, общий для большей части ошибок прочтения и копирования заглавных слов, позволяет рассматривать их вместе. Кроме того, наблюдение над ошибками записи и прочтения заглавного слова в словарях призвано проверить гипотезу о том, что данные ошибки так или иначе вызваны дефицитом источниковедческой критики. При каждом примере повторять этот вывод было бы излишне, но напомним, что он имплицитно присутствует в каждом случае, когда ниже привлечение дополнительных источников позволяет верифицировать и обоснованно исправить некорректную словарную запись слова.

Начинаем мы с разработки типологии ошибок прочтения, которая включает и новые типы ошибок, возникающие в связи с широким применением современных технических средств: *осканирки* и *окодирки*.

Общепринято представление о вторичности и системности письма [Маслов 2007: 259]. Исходя из первичности фонетической стороны, мы должны уточнить рамки понятия *ошибки прочтения*. От ошибок прочтения (фонетически неприемлемых, кратко говоря нефонетических) следует отличать различные фонетически приемлемые записи [Шаповал 2015а: 157-161].

Например: записи по правилам старой орфографии: «**Автентичный** – подлинный» [Карманный 1929: 5], как и стилизации под неё: *Лавкаъ, Traktirъ*, отклонения в написании, отражающие вариантное произношение: *смали́ть* и *смоли́ть* [СРНГ-38: 342; -39: 30], а также отражающие наличие двойной производности, как арготизм *марко́вка* – ‘марка ФРГ’ [Марочкин 1998: 43], от *марка*, но фонетически тождественно слову *морковка*.

Фонетически достоверны и приемлемы различные по принципам записи фонематических диалектизмов, например, *белец* и *белица* (как антонимы паре *чернец* и *черница*): «**Беле́с**, а, *м.* Монастырский рабочий, работающий по найму или на добровольных началах, не постриженный в монахи. Исет. **Перм.**, 1923.»; «**Бели́са**, ы, *ж.* То же, что белес. Исет. **Перм.**, 1923» [СРНГ-2: 211, 214]. В диалектных материалах прошлого такие фонетические черты часто отражались с разной точностью, например, цоканье: «Цело и цоло – верхняя часть отверстія у кухонной печки» [Спасский 1883: 115] = *чело*, неразличение шипящих и свистящих: рязанское «Задобный. . . Милый, любезный» [Диттель 1898: 212] = *жадо́бный.*

Фонетически же неприемлемой записью слова по причине явно неудовлетворительного отражения ею произношения признаётся, например, запись *насбебать* ‘высечь, отхлестать’ (смоленское, 1964?) [СРНГ-20: 152]. Правильно будет *настебать* ‘отхлестать, отстегать’ (отмечено в десяти регионах) [СРНГ-20: 190], как обоснованно исправляет А.Ф. Журавлёв [Журавлёв-4: 267-268], что верифицируется и смоленским *настеба́ть* в публикации источника [Добровольский 1914: 464]. Далее нас интересуют только ошибки последнего типа, то есть, если воспользоваться старым профессионализмом наборщиков, так называемые «глазные» ошибки.

Структура главы определяется следующими соображениями. Ошибки прочтения делятся на ошибки (а) смешения отдельных букв и (б) переразложения элементов между буквами и группами букв. Ошибки копирования включают механические и клавиатурные (в том числе

компьютерные) опечатки в заглавном слове, а также компьютерные ошибки, возникающие без непосредственного участия человека: ошибки сканирования и кодирования.

Отдельно проанализированы ошибки идентификации сокращенных записей заглавных слов и ошибочное приписывание статуса заглавного слова другому элементу словарной статьи.

4.1. Смешение букв и групп букв как главный источник ошибок прочтения

В главе третьей нами подробно рассмотрен механизм, лежащий в основе смешения букв и групп букв, за которым стоит нейтрализация графем, точнее говоря, визуального смешения тех или иных элементов графем. Далее представлено практическое приложение вышерассмотренного теоретического материала к анализу и верификации словарных ошибок.

4.1.1. Общая схема рассмотрения ошибок прочтения и копирования

Л.В. Щерба отмечал: «Отрицательный языковой материал», искусно подобранный и снабжённый соответственным знаком, мог бы быть очень полезным в нормативном словаре» [Щерба 1974: 288]. В данном исследовании речь идёт об отрицательном материале, накопленном в словарях в связи с неправильным распознанием и копированием редкого слова.

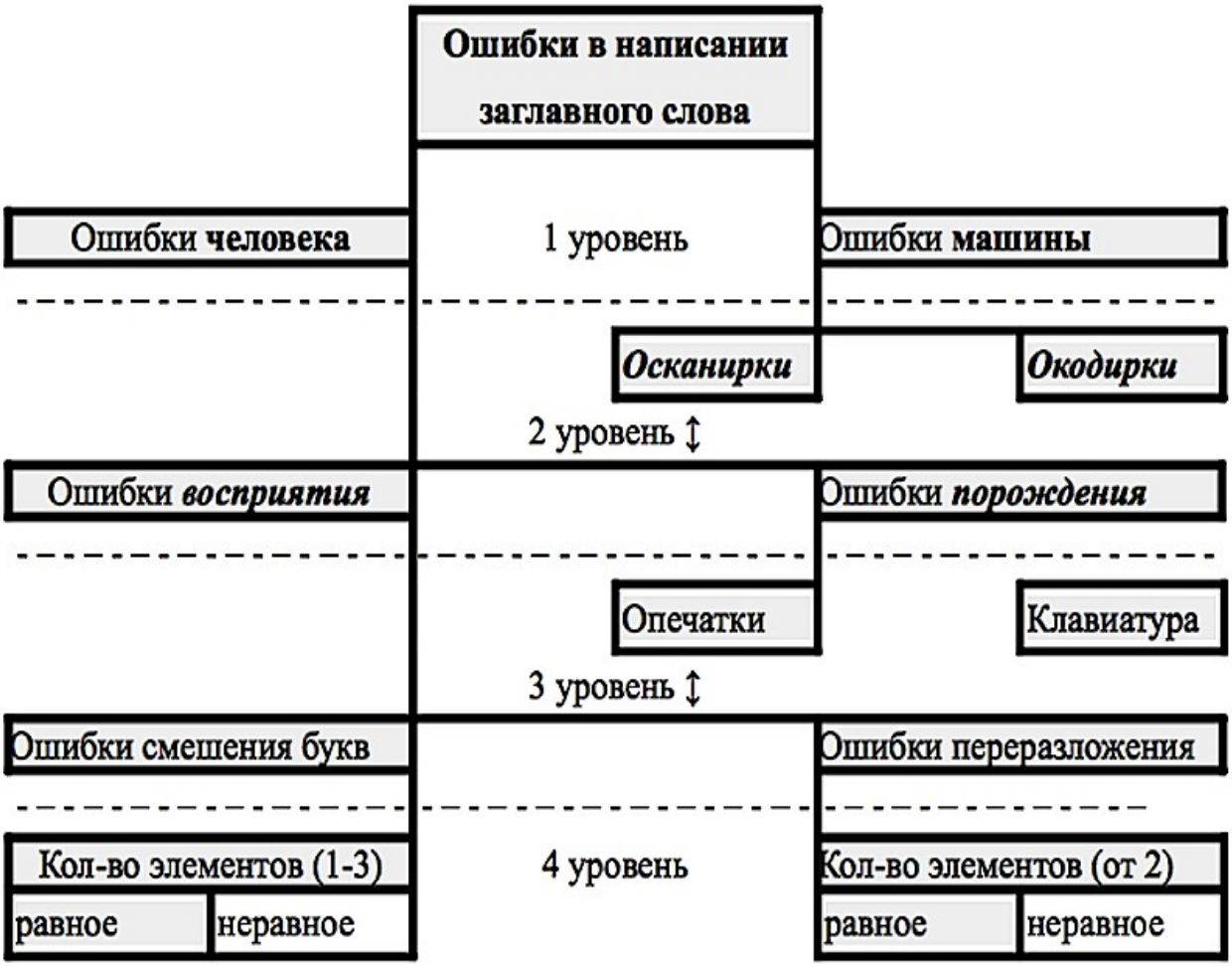
Данная ниже схема (2) представляет собой граф древовидной структуры, имеющий дихотомические разбиения по левой ветви до четвертого уровня подчинения, а по правой – до второго уровня. Таким образом, граф имеет 7 точек бифуркации и содержит 15 элементов, соотносящихся с более или менее обобщённым типом ошибок.

Группировка и систематизация ошибок такого рода может быть полезной при подготовке лексикографа к работе с фиксациями редких слов для общего

знакомства с типами ошибок и формированием ожиданий, необходимых для опознания и исправления ошибки в редком слове.

Далее представлена общая схема типов ошибок в записи заглавного слова, которой определяется и структура рассмотрения материала: в параграфе 4.1 проанализированы ошибки восприятия, в параграфе 4.2 – ошибки порождения, частично обусловленные и взаимодействием с компьютером и другими техническими средствами создания и хранения текстов.

Схема 2. **Типы ошибок в написании заглавного слова**



Комментарий к схеме рассмотрения ошибок прочтения и копирования. На 1-м уровне по возможности разделяем ошибки человека и ошибки машины (компьютера, принтера, сканера и т.п.). Если при критике бумажных словарей можно опираться на традиции источниковедения и текстологии, то при критике

электронных словарей возникает технически новая ситуация, в качестве одного из отличительных признаков которой следует упомянуть зависимость принципиально нестабильного внешнего вида текста от технических параметров используемого в данный момент технического устройства. Отметим, что нестабильность электронного текста есть его сущностная черта. Изменения могут не искажать текста (при переносе на другой компьютер меняются параметры полей и строк) или искажать, когда, например, на экран выводится *УгрозаФ* вместо *«гроза»*. Это важно, поскольку электронный текст является «текучим» и визуально зависит от технических параметров используемого электронного устройства.

Далее *на 2-м уровне классификации мы разделяем ошибки человека на ошибки восприятия (ошибки идентификации букв) и ошибки порождения текста (опечатки и описки разного рода).* Рассматриваются сначала ошибки восприятия, а потом ошибки порождения, предполагающие более активное и сознательное участие составителя словаря. Такое различение ошибок восприятия и порождения соотносимо с различением ошибок в процессе программирования и в процессе реализации программы, обоснованное в психолингвистике [Залевская 1999: 226-227]. (См. таблицы 2.1-3 и 2.1-4 в Приложении.) Нет возможности провести прямую аналогию, однако применительно к печатным текстам последнего времени можно до некоторой степени учитывать сходство противопоставления между «очитками» и «описками» человека, с одной стороны, и противопоставления между не исправленными человеком «очитками» сканера и «ошибками» кодирования компьютера, с другой стороны.

Будучи новым типом ошибок, «машинные» очитки при сканировании (*осканирки*) требуют более детального разбора. Учитывая тот факт, что компьютерная форма составления и хранения источников по русскому языку стремительно набирает силу [Рогожникова 1996: 203; Верещагин 1996: 214], приходится ожидать появления целого ряда новых типов ошибок,

прогнозирование и выявление которых потребует дополнений к текстологии и источниковедению, см. 1.1.1. Схема 3 призвана наглядно показать соотношение между традиционными и новыми объектами текстологии. Текстология новых электронных объектов, представленных на этой схеме в ячейках 4, 5 и 6 и уже вошедших в практику создания текстов, остаётся в значительной степени стихийной и базируется на представлении об электронном тексте, статус которого не определён в явном виде, а форма не является постоянной.

***Схема 3*. Традиционные и новые объекты текстологии**

	1. Автограф, созданный в форме рукописи	
4. Электронный текст, набранный на клавиатуре компьютера руками	3. Авторизованная машинопись	
	2. Печатный текст, созданный в произвольном количестве экземпляров	5. Электронный текст, распознанный программой сканирования
	6. Электронный текст, представленный в видимой форме на экране компьютера	

Продолжим комментарий к схеме 2. *На 3-м уровне ошибки восприятия разделяются на ошибки опознания буквы (без нарушения её границ) и ошибки идентификации букв с переразложением элементов между ними, а ошибки порождения – на клавиатурные ошибки (шире – ошибки набора) и остальные ошибки (возникшие под пером).* Это разделение не всегда однозначно. Опираясь на печатный текст, смешения букв лишь отчасти можно классифицировать по их природе, то есть определить: а) возникли ли они в рукописи или в печатном

тексте; б) вызваны ли ошибки сходством начертаний или соседством на клавиатуре ошибки в машинописном или печатном тексте.

На 4-м уровне как ошибки смешения букв, так и ошибки переразложения делятся на ошибки с равным и неравным количеством элементов, охваченных нейтрализацией. Вторые встречаются реже, поскольку графические группы с неравным количеством элементов различаются заведомо надёжнее.

За пределами предлагаемой схемы рассмотрены ошибки идентификации заглавного слова как целого (4.3). Такое решение представляется рациональным, поскольку не только ошибки восприятия, но и ошибки идентификации приводят к возникновению фантомного слова, хотя появление последних связано не с ошибочным опознанием отдельной буквы, а с неправильным выводом о назначении записи отдельного слова как целого.

4.1.2. Нефонетические ошибки прочтения заглавного слова: смешение букв

Классификация ошибок в текстологии (наряду с ошибками более высокого порядка, касающимися фрагментов больше слова) включает и ошибки, обычно возникающие в пределах отдельного слова. Среди них в качестве наиболее распространённого типа выделяются *ошибки прочтения* [Лихачёв 1962: 60 и сл.; 2001: 69 и сл.; Томашевский 1959: 47; Богородицкий 1915: 199-204]. Среди последних же – как по частоте, так и по относительной ясности причин их возникновения – особое место занимает визуальное смешение сходных по очертаниям и моторике при их написании букв.

Новизна предлагаемой нами типологии ошибок определяется тем, что она (а) опирается на значительный объём эмпирического словарного материала в форме рукописных картотек и печатных изданий; (б) всемерно учитывает опыт предшественников как при работе с древним, так и с новым материалом; (в) детализирует существовавшие ранее классификации очиток на основе установления причин их возникновения; (г) дополняет прежние классы ошибок

рукописного и печатного текста ошибками сканирования и кодирования.

Ошибки чтения не всегда связаны со смешением букв, возникшим по причине зрительного сходства вариантов двух различных графем. Ниже рассматриваются также и иные ошибки, например, вызванные неверным раскрытием сокращенных записей или ошибочным осмыслением назначения записи в словаре (4.3). Однако смешение букв – это наиболее распространённый тип ошибок идентификации в этой сфере. Это отмечали многие исследователи, например: [Аникин 2000: 16; Страхов 2004: 254]. Одним из пионеров в области графического анализа ошибок прочтения был В.И. Даль [Шаповал 2010е]. Далее будут проанализированы некоторые типичные случаи появления ошибочных прочтений и призрачных слов, возникшие в результате совпадения (неразличения) отдельных сходных по начертанию букв при визуальном восприятии. Этот раздел продолжает и развивает обзор гипотез, возникающих у лексикографа при попытке дешифровки и верификации сомнительной записи слова (см. 2.3.1).

4.1.2.1. Смешение букв как объект графического анализа

Для анализа ошибок в словарях необходима практическая систематизация процессов нейтрализации в практике письма, теоретические принципы описания которой изложены в главе 3. Здесь выделимы два уровня описания. Алфавит (состав и порядок букв) определяет не только порядок слов в словаре, но и пределы нейтрализации графем. Например, в русском пара букв Ы – И более склонна к нейтрализации, чем пара букв И – І в украинском. (См. также Прил. 4.1-1.) Пометы (*м.* и *ж.)*, напечатанные курсивом, в русском и белорусском различаются слабо, а их синонимичные пары в польском (*m* и *ż*) и украинском (*ч.* и *ж.*) – противопоставлены заметно надёжнее. Только на основании систематизации графем возможно описание конкретной графемы, состава и условий употребления её вариантов с учётом особенностей графической системы языка и конкретного почерка определённого времени.

Для современных (то есть XIX – XX веков) вариантов начертаний рукописных букв в принципе уже требуются таблицы, подобные таблицам начертаний в скорописных почерках старого времени. Например, смешение *а – и* характерно для многих современных почерков конца XX века, но почти не встречается смешение *а – ы*, обусловленное специфическим безотрывным начертанием *ы*, характерным для XIX века. См. таблицу 16.

***Таблица* 16. Некоторые современные начертания строчных букв**

	а = и = к = л = н = п
	а = ы
	б = т
	б = т
	г = ч

	д = з
	д = у = ц
	е = с
	м = т =ш
	ю = го

Иногда зазор между ошибочным и возможным чтением слишком мал, чтобы можно было во всех случаях обнаружить ошибки, например: московское «Вѝдко. Видно» [Чернышёв 1900: 114], колымское «Видко – ясно видно» [Богораз 1901: 31], «болько (бойко) – бо́льно» [Богораз 1901: 24]. Вероятно, можно представить, что в каких-то диалектных материалах запись *видко* могла читаться как тривиальное *видно*, или (реже) наоборот, но восстановить правду во всех случаях очень трудно, потому что альтернативная суффиксация не создаёт существенных семантических и контекстуальных маркеров, а потому могла игнорироваться в записях. Так же невозможно развести ошибочные и правильные написания в паре синонимов с альтернативными корнями: донское *скре<u>н</u>у́ха* “кошик” (корзинка) [СРНГ-38: 132] и *скри<u>п</u>у́ха* – дорожная корзина, чемодан» [Миртов 1929а: 413], где буквы *н* и *п* довольно часто склонны к смешениям, а вариативная производность от *скрин-я* (*скрын-я*) и *скрип-е-ть* никак не проявляется в потенциальных контекстах.

Ошибки такого рода можно по характеру результата разделить на уподобительные (когда слово искажается по образцу широко известного,

тривиального) и расподобительные (когда известное слово искажается в угоду экзотичности). См. детальнее: 3.2.2 – 3.2.5.

На крайнем полюсе экзотичности находятся записи слова с редко встречающимися и трудно произносимыми группами звуков, например: тобольское «чрма́къ – берестяная чашка» [Бартенев 1894: 129], на месте которого лишь с известным усилием прочитывается правильное *чума́нъ*. (Обычно при выявлении таких ошибок редко обращает на себя внимание вопрос о восстановлении тех оправдательных мотивов, которые обусловили принятие неверного прочтения, отразившегося в печатном издании. В данном случае прочтение *чрмакъ*, как можно предположить, оказалось достаточно близким к *черпакъ*.)

Однако здесь наблюдается некоторая асимметричность. Не читаемое без слогового плавного *чрма́къ* всё же было опубликовано в словарных материалах. То есть экзотическое прочтение имеет шансы на дальнейшее тиражирование и сохранение в словарях, а через некоторое время в результате нескольких повторов перед нами оказывается, формально говоря, «внушительный» ряд свидетельств, о независимости которых квалифицированно судить трудно, а отмахнуться от этих эхо-цитат, часто и произвольно отредактированных, уже нельзя.

А вот ошибочное превращение записи в тривиальную может и не отражаться в позднейших словарях. При этом принципы отбора лексики в дифференциальный словарь таковы, что позволяют довольно надёжно утверждать, что, например, колымское «Куропа́шка – куропатка» [Богораз 1901: 73] вряд ли могло возникнуть в результате искажения общенародного *куропа́тка*, поскольку последнее изначально не вошло бы в словарь особых диалектизмов. Таким образом, экзотическое чтение необычного слова имеет довольно высокие шансы на сохранение в словаре в неисправленном виде.

Трудность диагностики ошибок, вызванных смешением отдельных букв, зависит от множества факторов. Кроме того, далеко не всегда можно с

уверенностью сказать, ошибка ли это, или же в словаре отражена локальная норма или индивидуальное словоупотребление. Важно установить границы этой неопределённости. Лишь иногда ошибки можно квалифицировать с полной определённостью. Например, опечатки, отмеченные у Н.С. Лескова Е.В. Гаевой, *бурылье* < *будылье*, *воскрытие* < *воскрылие* [Гаева 2010: 71], по всей вероятности, восходят к неправильным прочтениям писательского автографа наборщиком.

Однако заметно осложняется как опознание ошибок, так и их исправление, если в слове произошло одновременно два смешения букв в разных местах. Так, в дополнение к ошибочному прочтению *гапельник* ([СРНГ-6: 137] = *чапельник* [Журавлев-1: 187; Астахина 2006: 23, 46]) в том же выпуске СРНГ можно найти ещё и прочтение с двумя ошибками (*г* – ***ч***, *н* – ***п***) и неправильно указанным ударением: **Ганéльник**, а, *м*. Сковородник. Белор. **Башк. АССР**, Чурко [СРНГ-6: 134] = *чапельник.

Цепи ошибок прочтения. Иногда одна ошибка прочтения провоцирует цепную реакцию дальнейших ошибок. Так, начальный фрагмент слова *вариант, прочитанный как *варна… по причине выбора на месте более редкого зияния [иа] более тривиальной последовательности [на], провоцирует копирующего это слово на дальнейшие поиски правдоподобного прочтения: после закрытого слога предпочитается по аналогии также закрытый слог, так «нт» ошибочно опознаётся как трёхмачтовое строчное *т*. В итоге возникает призрачный жаргонизм с более тривиальной слоговой структурой ТАТ-ТАТ, где предполагается смешение ***и*** – *н*, ***н*т** – *т*: *варнат* ‘вечеринка, пьянка’ [ББИ 1992: 40; Балдаев 1997-I: 57]. Этот фантом возник на месте исходного слова *вариант* ‘то же’ [там же]. Сохранение последнего позволяет обосновать исправление.

Двойная ошибка указана двумя исследователями: пермское *пкетой* ‘проклятый’ [СРНГ-27: 63] < *клятый (*клятой*) [Журавлёв-6: 174; Страхов 2004: 302]. В качестве примера цепи ошибок нейтрализации (*з* – ***ч***, *а* – ***и***) можно привести псевдоукраинизм, печатаемый в воспоминаниях у И.Е. Репина:

нивизать – терять [Репин 1937: 95, прим. 1], из укр. *нівечити* – портить, губить [Шаповал 2007h: 149-151; 2011a: 361-363].

От такого рода цепной реакции ошибок, происходящей одномоментно (или, по крайней мере, доступной нам в виде записи, фиксирующей только суммарный результат), следует отличать встречающийся реже «веер ошибок», зафиксированных на каждом новом этапе цитирования трудного слова единичной фиксации очередным словарём: жаргонное *горуни* ‘корова’ [Потапов 1927: 38] > *горони* ‘корова’ [Баранников 1931: 147, 155] > *городи* ‘корова’ [Бронников (1990): 8] > «**Городи́**» ‘корова’ [ТСУЖ 1991: 42]. Характерно, что веер ошибочных прочтений завершается тривальным прочтением, формально совпадающим с реальным словом (глагольной формой).

В том случае, когда предполагаемая нейтрализация графем охватывает значительную часть (почти половину) слова, гипотетическое прочтение можно обосновать практически только на уровне вероятностных аргументов. Например: «**Беккеме́дь** [род?]. Длинная булка» [СРНГ-2: 207] < +беккехцЪ, в современном идише בעקעכץ [бэ́кэхц] ‘выпечка’: *м – **х**, ед – **ц**, **ъ** – ь* [Шаповал 2010i: 320-321].

Разумеется, всё сказанное выше о смешении букв в заглавных словах справедливо и для слов в составе толкования. Смешение ***а*** – *о* в толковании жаргонного слова: «**КОСТУР** – полка» [ББИ 1992: 114]. < «**Костур** – палка» [Воривода 1971: 41], см.: [Шаповал 2008d: 509].

Смешение начальных букв. Для успешного обнаружения слова в словаре особенно важна расстановка по первой букве. Необоснованное изменение начальной буквы слова при алфавитной расстановке приводит нередко к непредсказуемому перемещению неточно зафиксированного слова. По этой причине смешение начальных букв при копировании слов приходится рассматривать особо. Например, смешение букв *п* – *р* получает следующий комментарий у М. Фасмера: «**рака́н** “дубленый полушубок”, арханг. (Подв.) По мнению Калимы <...> это ошибка, вместо *пакан*, но Подв.<ысоцкий> приводит

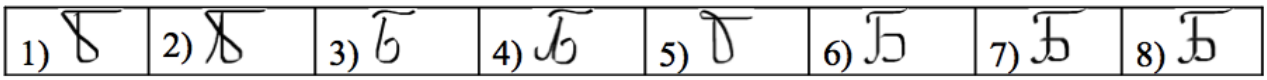
обе формы. Темное слово» [Фасмер-III: 438]. При отсутствии этимологии приходится сохранять в словаре оба варианта написания.

Дополнительным источником трудностей при анализе начальной позиции является наличие потенциального выбора между прописной и строчной буквами. Смешение прописных и строчных букв возможно преимущественно в начальной позиции. Принципы использования начальных прописных не всегда ясны по причине (не)отражения в общих словарях имен собственных (включая клички), границы которых особенно трудно определить в арго [Грачёв 2009: 292; Грачёв 2011] и просторечии. Рамки обозначенной проблемы не позволяют обратиться к более сложным функциям прописных букв, напр., *Божий* и *божий* у И. Бунина [Краснянский 2007: 320-321]. Этот аспект также должен быть отражён в словарях, в которых не могут игнорироваться и имена собственные.

В вышеприведённом случае и начальные строчные в *пакан – ракан* не создают надёжного различия (которые в рукописном виде различаются только длиной первого вертикального элемента), как и начальные прописные в *Пакан – Ракан* (которые в рукописном виде различаются только наличием и отсутствием последнего элемента *ı*). Ср. также: костромское «Б г а т ш а н ъ. Вѣсъ въ 10 фунтовъ» [Бурнашев-1: 37] < +Батман ‘единица измерения веса’ с разложением прописной *Б* на строчные *б* и *г*, с последующим восстановлением прописной в начале по правилам оформления заглавного слова.

Полезно было для уточнения возможности вывода о расщеплении прописной буквы *Б* (на строчные *б* + *г*) познакомиться с почерком В.П. Бурнашева, хотя это и не дает полной информации для реконструкции условий, в которых возникла ошибка *Б* > *бг*. К сожалению, набор его словаря мог осуществляться и не по авторской рукописи, а по писарской чистовой копии. Но, во всяком случае, участие автора в корректуре весьма вероятно, и в этом отношении существенно рассмотрение характерных начертов прописной *Б* (кстати, первой в его фамилии).

Рис. 8. Начертание прописного «Б» у В.П. Бурнашева



Начертания разнообразны и часто различаются на одной странице и даже в написании его собственной фамилии:

1) 1844 г. – в подписи «Вашъ | покорнѣшій | слуга Влад. Бурнашевъ». Письмо Р.М. Зотову от 20 мая 1844 года [РГАЛИ. Ф. 207. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 2].

1883 г. – «Богданова». Письмо Н.С. Лескову от 16 мая 1883 года [РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 209. Л. 3об.].

2) 1883 г. – «о Байковѣ». Письмо Н.С. Лескову от 16 мая 1883 года [РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 209. Л. 5об.].

3) 1883 г. – «Богданову»; «Буду». Письмо Н.С. Лескову от 16 мая 1883 года [РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 209. ЛЛ. 3, 6].

1886 г. – «Брызгаловъ»; «Вашъ покорнѣйшій | къ услугамъ | Вл. Бурнашевъ». Письма М.И. Пыляеву 24 июня – 19 сентября 1886 года [РГАЛИ. Ф. 1716. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 1-8: (18-24.VII.86) Л. 1об.; (18-31.VII.86) Л. 5.].

4) 1886 г. – «Берникова». Письма М.И. Пыляеву 24 июня – 19 сентября 1886 года [РГАЛИ. Ф. 1716. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 1-8: (18-19.IX.86) Л. 1об.].

5) 1883 г. – «Божье испытаніе»; «Бурнашева». Письмо Н.С. Лескову от 16 мая 1883 года [РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 209. Л. 5].

1886 г. – «Бурнашевъ». Письма М.И. Пыляеву 24 июня – 19 сентября 1886 года [РГАЛИ. Ф. 1716. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 1-8: (18-19.IX.86) Л. 1об.].

6) 1886 г. – «Бурнашевъ»; «Библіотекѣ». Письма М.И. Пыляеву 24 июня – 19 сентября 1886 года [РГАЛИ. Ф. 1716. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 1-8: (18-24.VII.86) Л. 2об.; (18-31.VII.86) Л. 2об.].

7) 1886 г. – «Ф.А. Баталину». Письма М.И. Пыляеву 24 июня – 19 сентября 1886 года [РГАЛИ. Ф. 1716. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 1-8: (18-31.VII.86) Л. 2об.].

8) 1886 г. – «Башуцкий». Письма М.И. Пыляеву 24 июня – 19 сентября

1886 года [РГАЛИ. Ф. 1716. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 1-8: (18-31.VII.86) Л. 3об.].

Однако, при всем разнобое, В.П. Бурнашёву не было свойственно начертание *Б* «без чёлочки», то есть довольно близкое к *б+г*. Такая (непривычная для автора) форма *Б* могла быть прочитана им как *бг*, а затем выправлена в *Бг-* в начале словарной статьи.

Искажения забываемого слова, как уже отмечено, часто дают веер ошибочных фиксаций, например: без ударения «**Батма<u>к</u>**» ‘вес в 10 фунтов’ [СРНГ-2: 143], «**Батм<u>и</u>н<u>ь</u>** [род? удар.?]. Пуд. **Твер.**, 1820» [СРНГ-2: 144], из условного языка бежецких торговцев *батминь* ‘пуд’ [ТвБежецк 1820: 168]. По таким веерным ошибкам эти забываемые слова и опознаются исследователями.

Если обратиться к механизму возникновения ошибки прочтения, закрепляемой при копировании малознакомого слова, то существенным представляется именно то, что «тёмное место» не является для допускающего ошибку конкретной буквой или группой букв. (См. 3.3 о применении принципа *чёрного ящика*.) Методологически важно учитывать, что для мало знакомого со словом читателя это только графические элементы, которые складываются в букву или часть слова с известным усилием и даже не без насилия над материалом. По этой причине интерпретация «тёмного места» в первую очередь зависит от его длины. Например, два элемента *и* могут быть скорее прочитаны как *к, н*, или *и, а,* нежели как *ж, м, т, ш* или *г, с, ч*. Отсюда и следует практически полезная группировка ошибок прочтения по длине сегмента, охваченного нейтрализацией: 1, 2, 3 и более элементов, обоснованная выше (см. 3.2.6 и особенно 3.3).

Далее *на 4-м уровне различаем ошибки визуального смешения букв с равным (1, 2, 3) и, заметно реже, с неравным количеством элементов.*

4.1.2.2. Смешение букв с равным количеством элементов

Ниже рассматривается смешение букв с равным количеством элементов, линейно располагаемых в строке рукописного текста слева направо. (См. обоснование выше: 3.2.6.) В основном речь идёт о строчных буквах, поскольку они в записях чаще всего подвергаются смешению. (О прописных см. выше.)

Приведём примеры ошибок каждого типа.

1. Смешение одноэлементных букв. Смешение *г* – ***ч***: «**быго́к** ‘танец вроде гопака’ амур. (СРНГ 3: 339) // Скорее всего, искажённое *бычок* ‘народная пляска’» [Аникин-5: 272]; «Не *бычок* ли?» [Страхов 2004: 257]. Молодёжное (компьютерное) *бач* ‘ошибка’ [Грачёв 2006: 61], по нашему мнению, правильно: +баг ‘то же’, англ. *bug* ‘то же’, буквально ‘клоп’ [Шаповал 2007f: 309-310].

Смешение *г* – *ч* возникает при наборе незнакомого диалектного слова в издании, если автор не мог держать корректуру (например, находясь в ссылке): «Какъ-то я лежалъ въ тюремной больницѣ; подлѣ меня лечился низенькій и плотный арестантъ: такихъ по фигурѣ почему-то въ острогѣ называли *тарбачанами*; онъ лечилъ отмороженную ногу» [Ядринцев 1872: 202]. Так возникает фантом *тарбачанъ,* ср.: *тарбага́н* – сурок, «Тарбаганов ловим, шапки шьём» [Сл. юж. Красн. 1988: 379].

Сходные ошибки прочтения из различных словарей (разбитых по группам: общие словари, словари территориальных говоров, словари социолектов) с распространённым смешением *г* – *ч* и др. даны в Прил. 4.1-2. Анализ этих ошибок показывает, что по распространённости тех или иных смешений букв специфика какой-либо из данных групп словарей не выявляется.

Остановимся особо на смешении *ч* – *ъ*, связанном с реформой орфографии 1918 г.: якобы жаргонное «**Сеу́н** – радостное известие» [Мильяненков 1992: 230] – это цитата из Даля: «**СЕУ́НЧЪ** *тат[а]р[ское]*. стар[инное]. радостная вѣсть, особенно о побѣдѣ. *И прислалъ къ царю стольника съ сеунчемъ...*» [Даль$_1$-IV: 162]. Здесь конечный **-ъ** был отброшен

дважды: *сеунчъ* > **сеунч* (конечное рукописное *-ч* принято за *-ъ,* который отброшен вторично) > *сеун*. Старая орфография сыграла с лексикографами дважды одну и ту же шутку, в результате которой в арготических словарях возникли незаслуженно лишенные конечного *-ч* призрачные слова *бешпан* ‘пять’ (< тюрк. *беш* + цыг. *панч*) и *сеун* [Шаповал 2007b: 120].

Такие же ошибки встречаются и в толковании: одноэлементное *л* смешивается с буквой *с*: костромское и архангельское «Схиза́ть [?]. Тодковать» [СРНГ-43: 57] < +тосковать. (А двуэлементное *л* смешивается с *н, а* и проч.: жаргонное *краснула* ‘поезд с контейнерами’ [ТСУЖ 1991: 91] < *красну́ха* – товарный вагон [Там же]). Вопрос при *схиза́ть* был поставлен Далем, который пометил им толкуемое слово [Даль$_1$-IV: 337], хотя проблема, как удаётся выяснить нам, была в толковании. Локализация ошибки происходит иногда с запозданием, поначалу сомнение вызывает описание слова в целом. Это следует учитывать при анализе материала предшественников, сознательно и последовательно перенося фокус критического внимания с одного элемента словарной статьи на другой.

2. Смешение двуэлементных букв. Приведённый выше (в 3.3) график 6 показывает, что смешение дву- и трёхэлементных букв в рукописной русской кириллице остаётся наиболее вероятным. Предпочтительные движения пера против часовой стрелки вниз при начертании *с, о, ь, і, п* приводят к сближению с *и, й* как состоящих из линий букв *к, н, п*, так и включающих овал букв *а, я* и (если вторгаться в область переразложений) буквосочетаний *ог*, *оі* и проч. Но наиболее распространены «чистые» (без переразложений) смешения двуэлементных букв. Смешение *н* – ***й***: *банзан* ‘осужденные японцы’ [Балдаев 1997-I: 27]; вместо *банза́й* (японское приветствие 万歳 *ban(d)zai, mansai*, букв.: «пожелание 10 000 лет жизни»). См. дополнительный материал из словарей (разбитых по группам: общие словари, словари территориальных говоров, словари социолектов) в Приложении: 4.1-3.

Следует заметить, что смешение между буквами из линий и буквами

с овалом происходит существенно реже, нежели смешение букв из одних линий *н* и *п* или смешение графических групп с овалом *а* и *оı*, например: белорусское нищенское *пляхтху́ка* ‘бутылка’ [Сцепуро 1881: 188] < +пля́хтаўка.

На этом примере удобно продемонстрировать различие двух подходов к учёту и группировке ошибок, уточняющее приведённое в начале главы понятие фонетически неприемлемой ошибки. Хотя смешение *а – х* можно трактовать как смешение гласного и согласного, однако далеко не всегда различение согласных и гласных при изучении визуальных нейтрализаций букв вообще существенно [Иванов 2012: 304]. Даже при изучении ошибок в переводах с древних языков не все разделяют необходимость такой дробности: 1. «Смешение гласных» [Иванов 2012: 304], Confusion of vowels» [Thomson 1988: 357-358]=[Lundström 1955: 19-27]. 2. «Смешение согласных» [Иванов 2012: 304], «Confusion of consonants» [Thomson 1988: 359]=[Lundström 1955: 27-30]. Такие весьма редкие нейтрализации, разумеется, меняют слоговую структуру слова, но обычно это приводит к выбору простого слога типа ТА(Т) и спорадической замене согласных на гласные. Ср. *полетить* (2.1.1).

3. Смешение трёхэлементных букв *ж – м – т – ш* встречается в различных словарях, однако подчеркивание строчного *ш*, «надчеркивание» строчного *т* и перечеркивание строчного *ж* в русской скорописи (в отличие от сербской кириллицы), не является обязательным, хотя введение этих факультативных черт могло бы заметно повысить надёжность различения некоторых пар букв в современной русской скорописи.

Примеры: «**Амы́шша**, ы, *ж*. Еж» [СРНГ-1: 253], ср.: «Возможно, искажённое *ажы́шша = ожы́шша (ежище)*» [Аникин-1: 206; Шаповал 2010d: 159, прим. 2; Шаповал 2010: 66], можно подозревать, что позиция перед **ы** способствовала выбору не в пользу буквы **ж**, поскольку фонетическое написание противоречило ожиданиям наборщика, настроенного на опознание орфографически правильного написания -*жи*-, а не -*жы*- [Шаповал 2010: 66; Шаповал 2010b: 145]. Так и в источнике, где была допущена опечатка, о

которой свидетельствует и нарушение алфавитного порядка: «Ажно и ажной – такъ, что (Ист.<обное>). | Амышша, -шшы, м. – ежъ (Бер.<езово>, Ист.<обное>, Рогов.<атое>). | Азеришша - урочище въ с. Роговатомъ» [Поликарпов 1911: 315].

См. дополнительный материал из словарей (разбитых по группам: общие словари, словари территориальных говоров, словари социолектов) в Приложении: 4.1-4.

4.1.2.3. Смешение букв с неравным количеством элементов

Как уже отмечалось выше, характеристика буквы как одно-, дву-, или трёхэлементной является не всегда постоянной. Двуэлементная буква *д* может писаться как одноэлементная, тогда она легко смешивается с *з*. Например: *луд̲ь* ‘луг’ (ошибочно возникшее на базе фольклорного *во лузях*) [Журавлёв-7: 130] (из песни: «*во лузях* – в лугах» [Русские 1922: 62-63, 250]).

Смешение букв с потерей или добавлением элемента, но без переразложения элементов между соседними буквами, будучи ошибкой несимметричного типа, встречается намного реже, нежели рассмотренные выше симметричные нейтрализации графем. Этот тип ошибок одновременно является и более трудным для идентификации, поскольку отсутствует полное поэлементное соответствие между сравниваемыми записями или записью и конъектурой. Это затрудняет также и верификацию, то есть полноценное обоснование наличия ошибки и однозначное исправление подозрительной записи.

Смешение графем *а – е*: ***нет̲аль*** «Название домашних животных», 1897 = *нет̲ель [Журавлёв-4: 271; СРНГ-21: 173]; возможно, это фонетическое явление, смешение *а – и* при чтении записи *не́т̲иль, поскольку перед мягким согласным безударное э = [и].

Смешение букв с потерей или добавлением элемента, но без переразложения элементов между соседними буквами, практически не

встретилось в примерах, которые не имели бы альтернативного объяснения, не требующего принять в качестве условия изменение числа элементов. По этой причине приводим пример из редкого русско-украинского словаря: «Оточки – в**и**шкварки | Отопленіе – **о**пал, от**о**пка» [Дубровський 1918: 282], в первом слове опечатка: *ч* вместо *п*: *отопки* ‘шкварки’, о чём свидетельствует и нарушение алфавитного порядка. Начальная засечка рукописной *ч* усмотрена в первом элементе буквы *п*.

Не всегда выбор между предположением о равенстве или неравенстве вовлечённых элементов однозначен в силу противоречивости материала: жаргонное *мазет* ‘сверток, узелок с деньгами’ [ББИ 1992: 133; Балдаев 1997-I: 238; Бронников (1990): 25; ТСУЖ 1991: 107]; неверно прочитано вместо +мазель (иврит מזל [мазаль] ‘счастье, удача’), но именно в таком предметном значении представлены варианты как с мягким -*ль*, так и с твёрдым -*л*: *мазёл* ‘узелок с деньгами’, *мозель* ‘полный карман’ [там же]. Следовательно, нельзя исключить и смешение двуэлементного *л* и *т* (точнее говоря, соединительной линии и одномачтового **т**).

4.1.2.4. Ошибки прочтения знаков ударения, диакритических знаков и других отличительных элементов записи

Стандартный набор графических средств конкретного языка включает не только графемы, но также и диакритические знаки (ударение, умлаут, прочие диакритики различной формы и назначения) [Амирова 1977: 22], способы объединения и средства разделения графических слов (дефис, апостроф). Представляется целесообразным после анализа нейтрализаций стандартных простых графем рассмотреть сложные типы знаков, имеющие в своем составе знаки ударения, диакритические знаки (кра́тка, трема́) или другие отличительные элементы.

Важно учесть, что данный тип ошибок идентификации (как визуальный феномен) хотелось бы отличать от довольно обычной практики (часто

ошибочного) уточнения реального места ударения в словаре (ранее не показанного), но на практике приходится объединять такие, условно говоря, «привидевшиеся» неправильные ударения и более частые «прислышавшиеся».

Существуют различные способы обозначения ударений в печатном тексте, в последнее время появляются новые способы и ошибки. Самый распространённый способ решения (или нерешения) – отказаться от постановки знаков ударения вообще. Например, в словаре уголовного жаргона: «Другим недостатком является отсутствие ударений и примеров употребления слов <...> Говорим об этом с особым сожалением, так как многие слова произносятся совсем не так, как интуитивно это могло бы показаться (тем более, что имеются и случаи вариантного ударения), а зачастую совершенно неожиданно, не подчиняясь грамматической норме, и употребляются, и сочетаются. <...> к оснащению словаря необходимым грамматическим аппаратом оказался не готов <...> издатель» [ББИ 1992: 7]. Технические ограничения при необходимости обходятся разными способами: например, место ударения обозначается полужирными буквами на фоне обычных светлых («Лош**а**нок – жеребенок» [Миртов 1929: 175]), курсивом на фоне прямых («*А*БВЕР, -а, м. Оперативный отдел ИТУ» [Быков 1994: 18]) и т.п. Такой способ выделения ударных ничем не хуже обычных знаков акута, грависа и циркумфлекса, если контрасты между разными видами шрифта хорошо визуально различимы. Для электронного текста такой условный способ обозначения ударения удобнее, так как не препятствует автоматическому поиску.

При компьютерном наборе стало возможным ошибочное перемещение знака ударения на соседний знак для согласного. Это новый тип ошибки. Ранее в политерном наборе так могли перемещаться выносные знаки и титла, а знаки ударения и долготы-краткости всё же отливались на одном штифте со зна́ком для соответствующего гласного.

Последствия глобализации разнообразны. Одним из них является двоение принципов условных обозначений. Ударение в русских изданиях сегодня иногда

может обозначаться так, как принято в английской традиции, например: *во'да*, а не традиционное *вода́*. Сегодня нередко приходится оговаривать, каков выбор автора, чтобы избежать неясности. Например, как в следующем случае: «*кизе'ки* ‘топливо из навоза’ (*кизека не слепил* ‘о ленивом человеке’)» [Брысина 2011: 42], где во мн. числе ожидается ударение на последнем слоге. В данном случае подразумевается, что это *кизяки* с ударением на окончании или же, что представляется достаточно уникальным, на последнем слоге основы: «**КИЗЕ́К*** [кизе́к], **КИЗЯ́К** [кизя́к], **а** (а́), **и** (и́), *м* 1. Топливо из сухого навоза с соломой в виде кирпичей или лепешек» [БСДК 2003: 217].

Иногда место ударения исправляется при переиздании словаря. Например: «**ЕВПО́Л**, -а, м. Антр<опоним>.» [Отин 2004: 134-135], ср. в источнике (с ударением, переданным полужирной литерой **Е**): «**Е**впал – пренебрежительно о человеке, мнящем из себя высокую особу» [Миртов 1929: 87], сомнительное ударение было исправлено во 2-м издании: «**Е́ВПОЛ**» [Отин 2006: 148-149]. Это место обсуждалось нами с автором словаря, Евгением Степановичем Отиным (1932 – 2015), до переиздания. Маститый учёный со вниманием отнёсся к доводам младшего коллеги.

Для уточнения места ударения порой важно учесть все варианты написания, например: *хиписница* («хипис» вообще значит – кража [Куприн-VIII: 47]) и *хипесница* (2. Мелкая воровка [Грачёв 2003: 990]) позволяют установить ударение на первом слоге, что обосновывается вариативностью написания. Обычная практика в таких случаях должна опираться на учёт варьирования написания безударных гласных и обычно на неизменности обозначения ударных. Но эта рекомендация не работает, если материал словаря оформлялся не профессиональным лингвистом.

Неоправданные вставки знаков ударения, диакритических знаков и других отличительных элементов букв также приводят к искажению словарных записей. Однако довольно часто мы можем подозревать расстановку ударения не в момент фиксации материала, а позднее, уже при подготовке словаря. В этой

ситуации может показываться произвольное ударение, выбранное для подчеркивания различного написания безударных гласных (и, по всей вероятности, отражающее такое искусственное поддиктовывание). Ударение при этом ошибочно показывается именно на варьирующихся безударных гласных: *ра́кло, ро́кло* ‘бродяга, вор’ [Мильяненков 1992: 218], ср. правильное *ракло́*, фонетически приемлемое *рокло́*.

Воронежское (якобы) «**Амара́м,** *нареч.* Очень быстро, моментально» [СРНГ-1: 250], источник: «а́марам» [Путинцев 1906: 109], т. е. *а́мором*, ср. донское: «**А**мором – очень быстро» [Миртов 1929: 5; СЯМШ 2005: 166].

Выше были рассмотрены примеры исправления ударения, обозначенного в словаре неправильно. Однако чаще всего мы встречаемся с отсутствием знака ударения: *безбабье* ‘безденежье’ (без ударения) [Зайковская 1993: 42; Шкапенко, Хюбнер 2003: 89].

При верификации записей с этим типом ошибок следует помнить о маркированной стороне привативной оппозиции и законах нейтрализации. Так, например, в парах синонимичных записей *они* и *они́* (с *и* под ударением), *пес* и *пёс* вторая версия является маркированной. Соответственно, при нейтрализации (утрате маркера) она совпадает с первой, более употребительной: *они́* = *они*, *пёс* = *пес*. Однако обратная операция (восстановление знака ударения в слове или двух точек над *ё*) не является очевидной, если в цитируемом словаре не указаны ударения или точки над *ё*.

Приведём пример из области описания экзотизмов, где маркированное написание *рром* ‘цыган’ интерпретируется как фонетически точная запись с начальным горловым [рр], а немаркированное написание *ром* ‘цыган’ может указывать как на произношение с переднеязычным [р], так и на необозначенное произношение с горловым [рр]: «Важно, из какого цыганского диалекта пришло слово. Так, название газеты “Рром п-о дром” (латиницей – «Rrom p-o drom» – “Цыгане в дороге”)» и пример «жили ле рром на слиянии двух рек» [Марчук 2005: 8] указывают на влашскую группу с начальным горловым [рр]. Как и

пример «цыгане обыкновенно называют себя… “ром” (т.е. люди)…» [Пыляев 1889: 421], где [рр] не обозначен, но отсутствие окончания во мн. ч. симптоматично. На остальные группы с переднеязычным [р] указывает *рома*: «Цыгане называют себя рома́» [Ром-Лебедев 1990: 177]» [Шаповал 2009с: 285]. При этом дифференцировать немаркированное написание фонетически без привлечения дополнительных данных о диалекте невозможно. Этот пример выбран потому, что диграфу **рр** в цыганской (кэлдэрарской) кириллице соответствует **ř** с диакритикой (или **rh**, **rr**) в латинице. Восстановление привативной оппозиции требует привлечения дополнительных данных для осуществления правильного выбора[22]. Недостаточно информативные записи источника в принципе не могут быть интерпретированы однозначно (*все / всё?*).

Двойственность знака Е (равного также и Ё) может приводить к ошибочному прочтению **ё** по догадке. При восстановлении ударений и букв «ё» в современных словарях весьма целесообразно проявить осторожность и не имитировать определённость там, где её не может быть в силу бедности данных источников. Например: «**ЕЛЬ** (ин.) – ручей» [ББИ 1992: 75; Балдаев 1997-I: 123], ср. коми *ёль* ‘ручей в лесу, лесная речка’ [Хозяинова 1984: 143, 148], форма с *е-* нереальна. Следующая пара примеров касается цитирования словаря В.И. Даля, где употребление буквы «ё» довольно неровное. Цитируя в качестве современного жаргонного слова два объединенных в одной словарной статье омонима, взятых из разных губерний, составители ряда словарей не учли утраченные точки над «ё»: «**Е́ла** – лодка; счастье, удача» [Мильяненков 1992: 118]; «**ЕЛА** (ин.) – лодка» [ББИ 1992: 75; Балдаев 1997-I: 123]. В БСЖ только по

22 Так, и вариативность других экзотизмов (например: *полисмен; полицай, полицист* [Крысин 2004а: 30, 133], *полициант, полицайт*) приводит к тому, что при идентификации и исправлении такого типа ошибок важно иметь в виду, что всякое изменение словарной записи, связанное с повышением её информативности, не может производиться механически и при опоре на память исследователя, но требует осознанного выбора решения из ряда возможных и опоры на источник.

этим источникам: «**Е́ЛА**, -ы, *ж*. *Угол.* Лодка. Мильяненков, 118; ББИ, 75; Балдаев, I, 123» [Мокиенко, Никитина 2000: 177]. У Л.А. Мильяненкова представлены выписки из двух соседних словарных статей у Даля: «**ЁЛА** ж. ***ёлъ*** м. *арх*. ялъ, шлюпка, лодка, четырехвесельный карбасъ…» [Даль$_6$-I: 517]; «**ЁЛА** ж. *кстр-нер*. удача, счастье?» [Даль$_6$-I: 518]. *Іола* – четырехвесельный карбасъ [Боричевский 1850: 137].

Ошибочное прочтение **ё**: «**УВЁРТ**, -а, м. Игра без взяток по назначению с открытыми картами» [Вахитов 2007: 254-255], видимо, народная этимология от *увёртываться*, как указывает И.Г. Добродомов. Исходное французское *la carte ouverte* ‘открытая карта’ и *le jeu ouvert* ‘открытая игра’ дают *ув*[э́]*рт*.

Кроме того, надо сказать, что сканер обычно распознаёт как букву **ё** на месте простой **е** с любым знаком ударения (*è, é, ê, ĕ, ē, ě*).

Пропуск всего знака для ударного гласного как случай более радикальный рассмотрен ниже среди других пропусков буквы.

Ошибочная идентификация буквы может происходить по причине утраты или неоправданного добавления отличительного элемента. Известен случай, когда в жаргонном словаре буква «ё» была прочитана как «б». Запись «**Дуек**, **дуй** – два рубля» [Потапов 1927: 47] (через $^{+}$*дуёк* > $^{+}$*дубк*) трансформировалась в (стоящую не по алфавиту) запись «**Дуби**, **дуй** – два рубля» [ТСУЖ 1991: 51].

Смешение Ъ – **ь** имеет свою непростую историю в словарях XVIII в., цитируемых по сей день. Среди «суздальских» слов, представленных в первом издании словаря Палласа, некоторые словарные статьи вызывают вопросы: 227. Ясти *Тро́итЪ*; 230. Бить *КосатЪ*; 231. Спать *КиматЪ* [Паллас$_1$-II: 312, 322, 325; Паллас$_2$-IV: 242, II: 423, 374]. Либо имело место графическое смешение еров, либо один из информантов для списка «по-суздальски» имел северный диалектный инфинитив (экс-супин) с твердым *т*. И то, что в других случаях в списке инфинитив обычный на *-ть*, не отменяет полностью такого предположения, потому что диалектные следы могли затушёвываться при записи и переписывании. Сходное графическое смешение еров

нефонетического характера в этом словаре имеет место и в списке для цыганского языка. Это незначительно влияет на вывод о причинах нейтрализации «Ъ» – «ь» в записи слов “по-суздальски”. Если цыганский материал записывался частично в Молдавии и/или молдавской кириллицей, то могло повлиять наличие в последней знака Ь в значении «Ъ» при отсутствии в алфавите знака для мягкого еря. Ср., например, в церковнославянской румынской записи XIX века: **азь рабь бжи** [Яцимирский 1905: 2]; в болгарских записях XVI-XVII в.: **добрь**, **работиль**; **пакь**, **прркь** [Ламанский 1869: 84, 85]. А.А. Майков, рассматривая публикации старых сербских рукописей, также исходит из употребления одного знака «ерь» вместо двух еров: «**Бгь, бь, ба, бу** и производныя <...> всюду дополнены б-<укво>ю **о**: **богь, бога, богу** <...>, но почему не чрезъ б-<укв>у **ь**?» [Майков 1857: 12].

В ряду ошибок опознания диакритик следует рассматривать и один случай смешения *п* – *ц*: ярославское «**Вьецериться,** рюсь, ришься, *сов.* [удар.?]. Влезть, втереться куда-нибудь» [СРНГ-6: 65] < «Вьеп*е*риться – влѣзти, втереться куда нибудь» [Соколов 1868: No 40, 9], где курсивное *е* обозначает ударение, но в промежуточной рукописи/машинописи курсив был передан волнистым подчеркиванием, которое в соединении с предшествующим *п* и дало ошибочное *ц* [Шаповал 2014а: 681]. Последний пример позволяет поставить вопрос о границе между историей слова и историей текста при проведении источниковедческого анализа. М.И. Чернышёва, говоря о задачах исторического словаря, отмечает: «Сейчас в науке окончательно утвердилось положение о том, что этимология не тождественна истории слова, и этот тезис стал основным при решении вопроса о создании словаря определённого типа» [Чернышёва 2013а: 641]. Детализация истории ошибки, предложенная выше, относится к истории языка, а тождественная версия этимологического словаря *вьецериться* («Скорее всего, *ц* ошибочно, вкралось вместо правильного *п*» [Аникин-9: 224]), но с более компактным обоснованием – к этимологии. «История слова всегда жизненнее, динамичнее и реальнее его этимологии», – подчёркивал акад.

В.В. Виноградов [Виноградов 1968: 19].

Знаки ударения и символы, их включающие, могут преображаться и в компьютерном наборе. Кодировка знака для ударного *о* неправильно опознана как *у*; ср.: **кусу́шник**[1] – вор-одиночка, **кусу́шник**[2] – нищий [Грачёв 2003: 469], вероятно, ошибочно вместо *кусо́чник* [-шн-], а затем восстановлено ударение. Хотя в данном случае нельзя исключить и стремление отразить особое произношение ударного слога.

В заключение следует сказать, что рассмотренные в этом разделе ошибки явно свидетельствуют о том, что знаки ударения и иные факультативные элементы оформления рукописного и типографского текста препятствуют привычному опознанию слова как знака при чтении и являются источником деавтоматизации восприятия и небезопасными факторами порождения ошибок при копировании.

4.1.3. Нефонетические ошибки прочтения заглавного слова: переразложение между буквами

На 4-м уровне различаем ошибки графического переразложения с равным (от двух и более) и, заметно реже, с неравным количеством элементов.

Размышляя о механизме ошибок графического переразложения, нельзя не согласиться с мнением: «На нашъ взглядъ, славяно-русское письмо за почти XII вѣковъ своего существованія продѣлало путь развитія отъ “презумпціи слуха” до “презумпціи зрѣнія”» [Камчатнов 2000: 97]. Наблюдение над случаями графического (или оптического) переразложения открывает в этой эволюции от звучания к образу некоторые новые грани. Понятно, что в подавляющем большинстве случаев речь идёт об ошибках прочтения в рукописном тексте.

Некоторые дополнительные факторы, обусловливающие неправильное разложение записи на буквы, имеются в записях, выполненных простым пером. Перо позволяет написать некоторое количество элементов за один раз, потом его нужно обмакнуть в чернильницу, причём граница между участками слова, написанными после обмакивания пера, не всегда совпадает с границами между буквами, но перепады яркости и густоты чернил могут заметно влиять на выбор решения читателя относительно границ между буквами в слове. Автоматическая и шариковая ручка технически позволяет писать слово безотрывно, однако длинные слова практически пишутся с паузами, необходимыми на перенос точки опоры (запястья, предплечья); так что и в этом случае запись слова выполняется часто в два приёма, а границы между участками слова, написанными между перемещениями точки опоры, также не всегда совпадает с границами между буквами и могут маркироваться разным наклоном, разрывами линии или не вполне обычными стыками между буквами.

Значительное место среди словарных ошибок занимают (условно говоря) *ошибки переразложения между буквами*, которые связаны с произвольным

установлением границ в группах букв, в результате которого их элементы по-новому перераспределяются читающим между отдельными знаками [Богородицкий 1935: 102].

Далее мы понимаем переразложение в самом широком смысле, включая в рассмотрение и случаи смешения одной букв и группы букв (*го – ю, ле – м*), а не только случаи перераспределения элементов между соседними буквами.

Иногда при обозначении процесса переразложения между группами графических элементов в рукописном изображении слова удобно использовать границы двух видов. Эти границы обычно не требуется обозначать в явном виде, поскольку при нормально протекающем процессе чтения они располагаются (назначаются читателем) автоматически, что и происходит без затруднений. Один вид границ – (|) – постоянные, не изменившиеся при выборе неправильного чтения границы между буква как группами графических элементов. Второй вид границ – (.) – границы переменные, новые и старые. Их обозначение и различение выполняет служебную роль, но иногда оно необходимо для формального показа разбивки групп элементов на буквы. Например, правильное *т.и|ф* и ошибочное *п.ш|е.р*, правильное *г|о|л|а.л|е|д|ь* и ошибочное *г|о|л|о.ш|е|д|ь*.

Ценными для иллюстрации линейности процесса распознания слова являются ошибки, которые возникли потому, что читающий не смог вернуться назад и отказаться от уже принятого им прочтения буквы, навязанного усвоенной нормативной орфографией: «**Панисади́ло**, а, *ср.* Паникадило. Морш. **Пенз.**, 1896» [СРНГ-25: 195], можно предположить неправильное чтение записи +пан<u>е</u>кадило, после выбора *пан<u>и</u>-* (чтения, поддержанного толкованием, так что отказ от него был затруднен) остаток был отождествлен с -*с*-, а не с -*к*-.

Читающий, думается, не смог вернуться назад и отказаться от принятого прочтения буквы, навязанного усвоенной нормативной орфографией, также и в следующем случае: «**Отщете́нец**, нца, *м.* Нелюдимый человек, дикарь. Влад., 1905-1921» [СРНГ-25: 12; Страхов 2008: 231]. Здесь можно предположить

неправильное чтение фонетической записи +отщипенец, после выбора орфографически правильного *отще*- остаток был с усилием отождествлен с -*т*-, а не с -*п*-.

К этой неспособности читателя вернуться к началу и отменить уже принятое решение, хотя оно ведёт в тупик, подходит в качестве образной иллюстрации афоризм: «Wer den ersten Knopf verpasst, kann den Rock nimmer mehr richtig schließen!» – «Кто пропустил первую пуговицу, уже не сможет застегнуться правильно» (приписывается И.В. Гете, но источник обнаружить не удалось).

4.1.3.1. Смешение отдельных букв и групп букв и графическое переразложение между буквами, не осложненное потерей или добавлением графических элементов

«Ряд графем, ассоциируемых с представлением одного написанного слова, мыслится совместно с пробелами между этими графемами» [Бодуэн-2: 214]. Каждая графема в связно написанном слове вычленяется нами совместно с соединительными линиями между этими графемами. Таким образом, граница между двумя графемами – это всегда спорная территория.

Графическое переразложение без изменения общего числа графических элементов, коль скоро оно встречается заметно чаще, то и заметно легче обнаруживается и обосновывается. Его можно проиллюстрировать различными примерами. Якобы уфимское «ШАЛЮ́ТРА, -ы, ж. – то же, что *шалава*» [Вахитов 2001: 231], ошибочно вместо *шамо́тра* ‘то же’ [Грачев 2003: 1040]. Нельзя исключить того, что неверное прочтение толкуемого слова возникло под влиянием созвучного начала толкования через отсылку к *шал(ава)*.

Жаргонное **шигач** и **щипач** ‘карманный вор’ [Дубягин, Теплицкий 1993: 169], поставленные нами рядом, дают возможность на основе прозрачного производного от *щипать* (основной приём карманной кражи) исправить *шигач*

как +шепа́ч, что отражает, видимо, диалектное [шшыпа́ч].

Иногда возникает цепочка переразложений: кашинское *жирлюпа* ‘10 копеек’ (т.е. 20 грошей – *В.Ш.*) [ТвКаш 1820: 167], из тюркизма *жирмаса? ‘20’ прочитано в результате цепочки переразложений *л.ю.п – м.а.с*.

Дублирование или варьирование записи помогает обнаружить переразложение: «**Шпафъ** – револьвер (см. кукла). Названіе употребляется у воровъ черты еврейской осѣдлости; въ Центральной Россіи говорятъ кукла, въ Поволжьи и Сибири говорятъ искаженно “шпалеръ”» [О.К. Арестантскій словарь (1913); цит. по: СРВС-II: 139]. «В слове ш п а й е р , ш п а л е р (ш п а л л е р) ‘револьвер’ – очевидным образом отразилось нем. арготич. Speier (‘плюющий’) ‘пистолет’» [Ларин 1931: 124]. *Шпафъ* = +шпа́еръ.

Без верной записи в том же словаре («**Ажно́ль**, *част*. То же, что **аж**. *Холаднъ, ажноль ноги у валинках змёрзли*» [СлКГ-1: 42], орфографически *ажно ль*) трудно было бы с уверенностью восстановить запись с переразложением ***ж*** *– не*: «**Анено́ль**, *модальн. сл*. Наверное, возможно. *Аненоль дажэй так и ни будить?*» [СлКГ-1: 46]. *Аненоль* = +ажноль.

Сомнения в корректности прочтения записи порой выражены в словаре: «**Вotéть**, *несов., неперех.* [удар.?]. Кричать. *Вотел.* Опоч. **Пск**., Ваталева, 1904. – Доп. Не вопеть?» [СРНГ-5: 158]. Знак вопроса при *вопить* поставили составители. Скорее всего, это смешение букв с переразложением элементов между ними ***пи*** *(пiъ? =пѣ) – те*: обычное *вопи́ть* или редкое *вопѣть*.

Длина сегмента в слове, охваченного переразложением, определяется количеством линейно расположенных простых графических элементов:

7 – ярославское *кокотки́* ‘наружные сгибы пальцев’ [Волоцкой 1903: 40] < +казанки ‘косточки пальцев’?

Надо иметь в виду, что смешения и переразложения могут происходить одновременно в ситуации цепной серии ошибок. В биографической справке проф. А.И. Федорова *Ра́мешковский* район Тверской области напечатан также ошибочно как «Теблешковский» [Сл. XI – XVII-справочный вып.: 227].

Последнего не существует. Это результат цепи очиток: *Р* прочитано как *Т* на одной ножке (смешение). Далее произошла цепь переразложений без остатка, охватившая 5 линейных элементов: *а* с ударением было расщеплено на *е*, ударение опознано как верхний элемент *б*, вторая часть буквы *а* (*ı*) – как левая часть овала *б*, завершенного первым элементом буквы *м*, остаток которой идентифицирован как *л*.

Ознакомление с разнообразными примерами переразложений в группах букв, представленными в значительном числе случаев, могут существенно помочь при формулировке проверочных гипотез, если перед нами единичная запись изолированного слова, и направить поиски в нужное русло.

4.1.3.2. Смешение букв, групп букв, связанное с графическим переразложением между буквами и осложненное потерей или добавлением графических элементов

Две разновидности переразложения различаются по тем же принципам, что и рассмотренные выше смешения графем: а) смешение отдельных букв и групп букв и графическое переразложение между буквами, не осложненное потерей или добавлением графических элементов; б) смешение букв, групп букв, связанное с графическим переразложением между буквами и осложненное потерей или добавлением графических элементов.

Рукописная кириллица в её современной русской версии является непростым и противоречивым объектом графологического анализа: главное противоречие лежит на поверхности, это конфликт между тенденцией к сглаживанию отличительных элементов и безотрывности в слабо кодифицированной массовой скорописи и стабильностью догматической (но не заданной в явном виде) дискретности её первоисточника – школьных прописей (см. 3.1.2 – 3.1.4). По этой причине подсчет числа черт в знаке или группе знаков возможен только с некоторыми колебаниями. Весьма непросто

диагностировать факт переразложения, если оно осложнено изменением числа простых графических элементов.

Рассмотрим некоторые примеры из словарей: *ли* – ***ш***: жаргонное (арготическое) *гали́ник* – тайник [ББИ 1992: 54; Грачёв 2003: 186; 2006а: 116], ошибочно вм. *гашник*. Здесь проявилось и уже упоминавшееся предпочтение простых слогов типа ТА при выборе угадывающего чтения.

Как и смешения букв, охватившие неравное число элементов, переразложения такого типа трудно обосновать. Так, вставка буквы может быть объяснена несколькими причинами: «**Обмишурт<u>и</u>ться** – попасться» [Потапов 1927: 105], ср. иркутское *обмишуриться* ‘вследствие ошибки, промаха поставить себя в неприятное, затруднительное положение’ [СРНГ-22: 131]. Возможно, это ошибка машинописи (клавиши «и» и «т» расположены рядом), отраженная в типографском наборе. Но нельзя исключить и переразложения с неравным числом элементов при чтении рукописи: *–р<u>**ит**</u>ься >> –р<u>**ти**</u>ться*. Подчеркнутый сегмент содержит 4-5 однотипных элементов ***ии*** между ***р*** и ***ь***. Здесь есть все условия для неправильного прочтения: ***ииь*** или ***ииь***.

Приведём необычный белорусский пример: «**Валаме́кі** ‘васількі’ (Мат. Гом.). Магчыма, да *валошка*, якое збліжана з нейкім іншым словам» [ЭСБМ-2: 32]. Думается, можно восстановить исходное чтение *валашкі́*, принимая переразложение *ме – ш*, где представлены соответственно 4 и 3 элемента.

В отличие от смешений отдельных букв, ограниченных тремя линейными элементами, переразложения достигают 7-8 элементов, возможно, и больше. Вариативность расстановки границ при переразложении увеличивает количество возможных прочтений ещё в несколько раз. Таким образом, последствия графических переразложений, приводящих при копировании рабочей записи диалектного слова к новому и часто вполне фантомному чтению, всё ещё далеки от систематизации. Надо согласиться с тем, что они нуждаются в дальнейшем изучении, ср.: [Журавлёв-1: 183-184].

4.2. Опечатки в заглавном слове

Мы возвращаемся на 2-й уровень классификации и переходим к рассмотрению ошибок порождения текста (опечаток и описок разного рода).

4.2.1. Механические опечатки в заглавном слове

Название *механические опечатки (описки)* достаточно условно. Это технический термин, призванный охватить явления, не подпадающие ни под категорию «нормальных» орфографических ошибок, ни под категорию ошибок восприятия (вызванных визуальным сходством букв), ни под категорию рассматриваемых далее ошибок, вызванных соседством букв на клавиатуре. Выявление и исправление опечаток необходимо, чтобы исключить несуществующие варианты слова, хотя формально они оказываются представленными в словаре. Например, *се́легень* ‘селезень’, *пиро́й* ‘пирог’. (В данном случае несомненно, что для объяснения этих опечаток возможна довольно простая и убедительная графическая реконструкция, предполагающая смешение *г – з*, в начертании XIX века помещавшемся в пределах строки, и переразложение *гъ – й* при чтении рукописи. Однако обращение к источнику позволяет найти дополнительные детали, как уточняющие причины возникновения опечатки, так и обосновывающие исправление.)

Пример анализа опечатки с учётом показаний всего текста книги как источника, в котором опечатка встретилась. «**Се́легень**, *м. Фольк. Люли, люли, селезень, Люли, люли, молодой, В кафтане, селезень, В камзоле, селегень, В черных бархатных штанах, В белых шелковых чулках.* **Самар.,** 1862» [СРНГ-37: 129]. А.Б. Страхов даёт комментарий, географически обосновывающий невозможность принятия фонетических причин опечатки: «Если бы это слово было снабжено пометой “Пск.” или “Новг.”, то в глазах подавляющего

большинства лингвистов ему бы цены не было. А так искать «кривичизмы» или «древненовгородизмы» на Средней Волге довольно затруднительно. Впрочем, похожие опыты предпринимались. Однако, действительное существование этой формы с «непрошедшей палатализацией» рядом с двумя нормальными написаниями слова *селезень* в одном и том же крошечном тексте крайне сомнительно» [Страхов 2004: 320]. Варенцов Виктор Гаврилович (1825-1867), педагог и писатель, адъюнкт по кафедре русской словесности в Казанском университете, опубликовал свою запись песни, где один раз было напечатано: «Въ камзолѣ, селе<u>г</u>ень» [Варенцов 1862: 139], в вариантах той же песни *селе<u>з</u>ень* встречается ещё 7 раз. Таким образом, нереальность слова *селе<u>г</u>ень* вполне доказана.

Иногда, как в случае с *пирой*, приходится просматривать даже два издания довольно объемной книги, чтобы окончательно убедиться в том, что перед нами не специфическая фиксация произношения смягченного г-фрикативного или и-неслогового [γ’ / и̯] на месте **-г-**. (См. Прил. 4.2-1).

Фиксируется известный пробел в теоретическом осмыслении подобных отклонений от орфографического образца: «несмотря на очевидную более высокую способность описок создавать помехи, они рассматриваются как в обыденном, так и в теоретическом сознании как менее грубые (по сравнению с ошибками) нарушения норм письменной речи; в соответствии с этими представлениями опискам уделяется мало внимания в методике и практике преподавания русского языка в школе» [Голев 2000]. Можно предположить, что именно значительность отклонения от орфографического образца является недвусмысленным сигналом, заставляющим мобилизовать средства для коррекции опечатки. С точки зрения учителя-словесника, *запе<u>с</u>ь* – это сигнал незнания орфограммы, а *запи<u>в</u>ь* ***в*** *кружок* – это сигнал того, что создатель записи начал поддиктовывать продолжение, не закончив первое слово.

Касательно опечаток мы можем предполагать, что их появление связано с дефицитом внимания или подготовки писавшего, что отличает их от ошибок

прочтения, которые появляются в условиях пристального всматривания в неизвестное или неразборчиво написанное слово. Отклонения от образца в таких случаях настолько велики и заметны, что их нельзя интерпретировать как осмысленные, сознательные.

Иногда можно заподозрить усталость наборщика, который в результате ошибочного «поддиктовывания» заменил слово случайным паронимом с перестановкой согласных *р – с* в соседних слогах и другими опечатками: «**ясы́рь** м. “пленный” <...> Преобр., Труды I, 141 (где из-за опечатки допущено бессмысленное смешение со словом *я́рус*)» [Фасмер-IV: 456].

Опечатки выявляются текстологически, наиболее бесспорно – при обнаружении в разных изданиях одного словаря разночтений: пропусков, вставок, замен букв. Прямым доказательством пропуска буквы является наличие исходного варианта основы слова в той же словарной статье, например: «стр̲ыжа́к, *а* с.м.» и «стыгу́н, *а* с.м.» с толкованием «годовалый подстриженный жеребенок» [Караулов 1900: 108].

Среди опечаток формально можно выделить пропуски, вставки и замены. При изучении ошибок в переводах с древних языков группы выделяются в несколько иной последовательности: 5. Утрата буквы [Иванов 2012: 286], «Loss of letters» [Thomson 1988: 361]=[Lundström 1955: 41-47]. 6. «Добавление букв» [Иванов 2012: 304], «Addition of letters» [Thomson 1988: 361]=[Lundström 1955: 47-52]. 7. «Перестановка букв» [Иванов 2012: 304], «Metathesis» [Thomson 1988: 361]=[Lundström 1955: 52-53]. 4. «Ошибки вследствие неверного словораздела» [Иванов 2012: 304], «Incorrect division of words» [Thomson 1988: 360]=[Lundström 1955: 37-41].

Пропуски. В диалектных словарях: пропуск ***д*** и смешение *г – **ч*** в «Евдоки́я-помо̲ги-порог. День 1-го марта» [СРНГ-8: 312] < «У Даля – *Евд.<окия>-по̲дмо̲чи-порог*» [Журавлёв-7: 129-130].

Вставки: «**ВЕЧЕРИНКА** – овца» [Дубягина, Смирнов 2001: 43], где вставка **е** (*вере̲чинка) и (затем осмыслительная) перестановка букв, якобы от

вечер, но ранее: «**Верчи́нка** – овца» [ТСУЖ 1991: 30].

Замены: «**Заместить** – быть пойманным, арестованным» [Потапов 1927: 53], ранее правильно: «**Заместись.** Быть захваченнымъ, пойманнымъ, арестованнымъ» [Трахтенберг 1908: 25][23].

Пропуск букв иногда отражает произношение, поэтому важно отделить именно фонетически неприемлемые опечатки, которые нас здесь интересуют как причина фиксации в словаре несуществующих слов. Так, в ряде случаев пропуск буквы отражает ослабление артикуляции и элизия интервокальных согласных, упрощение в группах согласных, а также элизия целых слогов, свойственные просторечию, например: *завтра* = *зара* [за́ръ], *быстро* = *быро* [бы́ръ], ходит = *хоит, хойт* [хо́йт], *конечно* = *кэш* [къ́шш]. Это соображение в некоторых случаях не позволяет с уверенностью говорить об опечатке в написании заглавного слова. Причины пропуска начальной буквы могут быть не только графическими, но и фонетическими. Ср. архангельское и вологодское *е́дрый* ‘желтый с красным, бурым оттенком’ (*Корова едра*) [СРНГ-8: 324], которое на фоне обычного *редрый* и *рёдрый* ‘то же’ [СРНГ-35: 22] напоминает колымское «сладкоязычие» в произношении сонорных [Шаповал 2010d: 166, прим. 9].

Пропуск букв иногда отражает произношение и в жаргонном словаре: «**Вантаж** – поблажка» [Потапов 1927: 23], от *авантаж* ‘благоприятное положение (человека, группы), преимущество, выгода, привлекательность’ (из франц.) [СИС$_6$ 1964: 13]. Написанное слово мы опознаём по началу, звучащее слово может варьироваться и в первом слоге. В связи с этим вспоминается довольно частая ситуация, когда человек припоминаемое слово характеризует по ударному срединному слогу (например, словом на «це-» оказывается термин *перцепция*). Это порождает, по всей вероятности, и инициальную вариативность

23 Где явный образ попадания под метлу косвенно указывает на достоверность жаргонной номинации *заместись*, поскольку метафоричность – ключевое качество таких номинаций: «L’argot est le langage métaphorique par excellence; il n’est en réalité que cela, la métaphore» [Sainéan 1907: 59-60].

в бесписьменных языках, см. [Шаповал 1986].

Пропуск начального (взрывного для данных говоров) [г] можно заподозрить в уральском *арабе́льки* ‘грабельки’ [СРНГ-1: 266] ← <г>арабе́льки? Как и в шадринском *а́ркать* ‘ругаться’ [Тимофеев 1971: 29; Тимофеев, Тимофеева 2010: 63], ср. *гаркать.*

Не всегда ясно, пропуск или вставка привели к вариативности в записи диалектизма: *куколевана* и *куклеван* ‘ядовитое растение’ [СРНГ-16: 40, 36].

Пропуск начальных букв в словаре встречается редко, так как алфавитный порядок позволяет его избегать, например: «**епу́тный** пр. – безпутный, непутёвый» [Караулов 1900: 100], где явная опечатка обнаруживается без всяких колебаний.

Пропуск и вставка пробела рассматривается в данном ряду типов опечаток, хотя последствия в системном плане оказываются более весомые. Прежде всего, напомним точку зрения Л.В. Щербы, что «с фонетической точки зрения ничто не заставляет» расставлять пробелы так, как они ставятся на письме [Щерба 1957: 145]. При восприятии малоизвестных слов проблема границ слова проявляется с особой ясностью: «**Вопуда́ть**, а́ю, а́ешь, *несов., перех. и неперех*. Петь (обычно громко, протяжные песни). Кунгур. **Перм.**, Даль» [СРНГ-5: 97], «ошибочная лексикализация *вопу дать*» <Даль$_3$-I: 591> [Страхов 2004: 263][24]. Расстановка пробелов не только в древних, но и в диалектных текстах оказывается не всегда тривиальной задачей. (Новая разбивка на слова зачастую приводит и к изменению частеречных характеристик полученных сегментов.)

Рассмотрим пример неверной сегментации диалектного материала.

24 Всё-таки лучше подходит по виду (несов.) офенское *возгудать* ‘играть <музыку>, плакать’ [Приёмышева 2009-2: 466]. Ср. также сомнительное гнездо: «**Вагу́да**? ж. *арх*. въ сказк. всякое вообще музыкальное орудіе (*гудить*?). **Вагу́дь**? ж. *арх*. пастушій берестяный рожокъ; **вагу́дить**? наигрывать, играть пѣсню» [Даль$_3$-I: 392], в основе которого также можно заподозрить очитку на месте $^{+}$*воз-гуд*- [Шаповал 2014а: 679].

Вероятно, в записи «**Накля́мка**, и, *ж*. Дверная скоба. *Она когда на огороде, то просто наклямку набрасывает, а замок не висит.* **Новосиб.**, 1979» [СРНГ-19: 330; СРГНО: 317; СРГС-2: 337] представлено в действительности свободное предложно-падежное сочетание *на + клямку*, употребленное как эллиптический вариант распространённого выражения *набросить (щеколду)* *на клямку*, то есть набросить <накладную> щеколду <проушиной> на дужку для навесного замка в дверной раме, чтобы показать, что никого нет внутри дома. Это была в недавнее время обычная для Западной Сибири практика в сельской местности. Также *на клямку*: «**Кля́мка**, и, *ж.* ... Железный запор у двери... **Кемер.**, 1965» [СРНГ-13: 328; СРГНО: 225; СРГС-2: 76]. С учетом содержательного тождества двух редакций исходного иллюстративного примера из Татарского района Новосибирской области (*«Она на замок не закрывает, на клямку только закинет, а сама в огороде»* [СРГС-2: 76]), при незначительных отличиях в его оформлении, следует считать доказанным, что слова *наклямка* не существует. Это фантом, возникший в результате неверной сегментации текста.

Смешение тире и дефиса в издании привело к непониманию слова *саватейка.* См. вместе с другими примерами Прил. 4.2-3.

Пропуск всего знака для ударного гласного. Наряду с проблемами расстановки знаков ударения в некоторых жаргонных словарях обнаруживаются случаи полной утраты знака для ударного гласного, которая вызвана, видимо, ошибочным отождествлением при копировании знака ударения и знака зачеркивания гласной буквы, чем и обусловлен пропуск этой буквы при вторичном копировании. Так, в выписках из немецкого словаря, например: «**Безме́н** (*мн.*) – отравитель» [Мильяненков 1992: 84] < *besamen* ‘отравить’. После того как эти слова приобрели новый вид (**безамен* > *безмен*), в словаре Мильяненкова они были снабжены новыми ударениями [Шаповал 2006а: 422].

Выписка из словаря Даля с пропуском знака ударного гласного: «**РЕМСА** – почтовый перевод» [ББИ 1992: 209; Балдаев 1997-II: 14]. «**Ремеса́** – перевод денег» [Мильяненков 1992: 221]. Источник: «**РЕМЕ́СА, риме́са**, ж.

торг<о>в<ый> переводъ денегъ; || платежъ траты» [Даль$_6$-IV: 91]. Важно, что здесь эффект исчезновения знака ударного гласного проявился и за пределами выписок из немецкого словаря [Шаповал 2003: 100; Шаповал 2006а: 422-423]. В принципе это говорит о том, что ударные пропускал человек, сводивший выписки из разных словарей в единую рукопись, которая и стала протографом для [ББИ 1992] и [Балдаев 1997], а также и для [Мильяненков 1992].

Следует отметить две яркие отличительные особенности этого типа ошибок. Во-первых, эти ошибки явно не симметричны: практически нет обратных примеров с произвольной вставкой знака для ударного гласного. Вот редкий пример: «**МОТЕ́Я**, е́и, *ж. Угол*. Часть похищенного, приходящаяся на долю одного из соучастников» [Мокиенко, Никитина 2000: 358] < «**МО́ТЯ.** Часть (? франц. *moitié,* половина), приходящаяся на долю каждого соучастника совершенной кражи» [Трахтенберг 1908: 39], *мотя* – доля [Грачёв 2009: 296].

Во-вторых, утрату знака ударного гласного как тип ошибки удалось диагностировать только благодаря ощутимому скоплению примеров в двух чрезвычайно своеобразных словарях жаргона 1992 г. Однако весьма вероятно, что единичные ошибки такого типа, вызванные неясными причинами (возможно, технологическими условиями в полиграфии, дополнительными усилиями при наборе знаков для ударных), возникали и прежде. Ср. жарг. *азха* ‘тулуп’ [Дубягина, Смирнов 2001: 28], ранее: *азю́ха* ‘тулуп’ [ТСУЖ 1991: 12]. Этот тип ошибки имеет тенденцию распространяться, например: «БАРБА – лепешка» [Пирожков 1994: 187; ББИ 1992: 24], ср.: «**БАРА́БА**, ы, ж. Лепешка. *Барабой он поделился со мной*» [ТСУЖ 1991: 15-16; Грачев 2003: 56].

Пропуск буквы, видимо, технически вызванный соседством со знаком ударения, также заслуживает внимания: «**НИЗБИ́КА**, и, ж. Уменьш.-ласк. Низменное место. – ? *Тако́ место, лесочек где-нибудь в низби́нке* <...>» [Васильев, Васильева 2011: 82].

Вставка буквы. Текстологические приёмы выявления вставки буквы в принципе такие же, как и приёмы выявления более частых пропусков букв в

записи слова: сравнение данных словарей с учётом хронологии составления и текстологической преемственности: «**БУЛАТНЫЙ** – царский рубль» [Воривода 1971: 15; Александрова 2005], ранее правильно: «**Буланый** – рубль» [Потапов 1927: 20]. Если результат искажения оказывается осмысленным, формально возможное обоснование ошибки затрудняет исправление: *булат* – металл, а монеты делают из металла.

Опечатки такого рода относительно легко обнаруживаются по нарушениям алфавитного порядка, по этой причине, видимо, субъективно и эмоционально оцениваются как-то снисходительно: «**Почбранюшечка**» [СРНГ-27: 204]; «Буква -*ч*- забрела сюда по опечатке» [Страхов 2008: 246].

Иногда ошибки вызваны неоправданной вставкой при вычитке корректуры: «**Суперпрематія.** Возвышенность» [СИС 1861: 61] < +*супрематия*, **пре** вставили, а **пер** не удалили. «Я далъ сламду. Я далъ взятку» [Собрания 1859: 1130], вставка **м** при правке (вместо замены) без вычеркивания **д**.

В толковании: «**Ванька-рутютю, рютютю** – кличка балаганной кужите_клы, русскаго шута; петрушка» [Долопчёв 1909: 21] (вставка «жите_» вызвана недопониманием корректурных знаков).

Порой нельзя исключить, что причиной вставки послужили те или иные орфоэпические соображения, например: «**Vпостасть** *греч*. Каждое изъ лицъ Животворящей Троицы.» [Углов 1859: 214]. Видимо, гиперкоррективная вставка по аналогии с орфографическим произношением финалей в *кость*, *хвост*, а не низкостатусным диалектным [кос’], [хвос].

Вставка звуков и даже целых слогов иногда происходит по причине установления новых отношений производности: *избáвочник* ‘осужденный, испытывающий привязанность к семье’ [ТСУЖ 1991: 77] (якобы от *избавить*); ранее: *избачник* ‘то же’ [Бронников (1990): 17] (от *изба*). Текстологический анализ позволяет утверждать, что это ошибка лексикографа.

Вставка может быть и более масштабной. Д.С. Лихачёв отмечал в числе профессионализмов наборщиков арготизм *покойник* – ‘два раза набранное

место’ [Лихачёв 1938/93: 114]. Такие редкие ошибки относительно легко выявляются: «**Мога́ться**, а́юсь, а́ешься. [Знач.?]. *Не могаюсь*. Усть-Цилем. **Коми АССР**, Лисенкова, 1964» [СРНГ-18: 190] – два раза подряд повторена одна и та же словарная статья. Иногда отклонение от алфавитного порядка приводит к неконтролируемому двоению и повторению одного и того же слова в словаре: *летучка, лётчик*, *летучка* [Вальтер, Мокиенко, Никитина 2005: 150].

Замена буквы является трудной для исправления ошибкой, если речь идёт о малоизвестном слове. «Словарь русского языка 18 века» закрепил такое написание глагола *ладогозить*: «**ЛАДОГАЗИТЬ**, гажу, газит, *несов*. (*Един*.) *Болтать, говорить* (?)» [Сл. XVIII-11: 82], «не тутъ то у нихъ правда, что на словахъ ладогозятъ» [Посошков 1911: 54], «ладогазят»; «Ладогозить или лагозить – вздорить, спорить» [Посошков 1937: 205, 349], написание изменено только однажды: «**ладогазят**», но: «Ладогозить или лагозить – вздорить, спорить» [Посошков 1951: 127, 400].

Замена буквы под влиянием соседней буквы (*графическая геминация*): «**Сердда,** *ж.* Место против печи. Уржум. **Вят.,** 1850.»; ошибочно вместо +середа: «4. Кухня □ Середа. *Кухня середой прозывалась ране-то.* Коптел. **Свердл.**, 1984» [СРНГ-37: 184, 200].

Для лексикографа имеет практический смысл проверять любую графическую геминату не на стыках морфем, поскольку в русском языке удвоением букв отличаются заимствования, написание которых часто не поддаётся систематизации.

Замена буквы под влиянием буквы в соседнем слоге (ассимиляция графем). Здесь также необходимо указать на терминологическую оплошность, нашедшую отражение в [Шаповал 2011d: 76, 77], где вместо терминологического словосочетания *ассимиляция графем* было неосмотрительно употреблено терминологическое словосочетание *графическая ассимиляция*. За последним уже запрепилось другое значение: «Уподобление звуков, получившее отражение на письме» [Ахманова 1969: 57]. Например, если

говорить в историческом аспекте, графическое отражении ассимиляции представлено в латинизмах *фрагмент* и *фракция*. Важное отличие состоит в том, что *ассимиляция графем* не имеет отношения к фонетическим процессам, а является ошибочным уподоблением написаний соседних слов или их частей, то есть феноменом визуальным или деятельностным (моторным), возникающим при написании слова. Ассимиляция графем приводит к замене разных (обычно конечных) букв на одинаковую в соседних слогах или связанных между собой *графических словах,* при этом под графическим словом понимается любая серия знаков между пробелами.

Это разновидность ошибки-рифмы, хорошо известной текстологам: «Пропуски по причине ὁμοιοάρχητον <тожденачалия>; Пропуски по причине ὁμοιοτέλευτον <тождеконечия>» [Лихачёв 2001: 71, прим.]. Пара примеров «тождеконечия», приводящего к замене целого слова, из редких изданий: a) из стихотворения Тамары Тукалевской: «Плавится солнце, | Распятье дрожитъ, | Полное солнце [*солнце* зачеркнуто, вписано от руки: *сердце*] | Опять ворожитъ» [Скитъ III, 1935: 17]; b) «Таким образом у той единственной действительности, среди которой мы живем и к которой мы принадлежим, есть три аспекта. Один – единственный [читай: естественный – *В.Ш.*], наивно эмпирический, другой – искусственный, создаваемый наукою и философиею, третий – сверхъестественный, получаемый от религии <...>» [Спекторский 1969: 91]. Здесь нельзя игнорировать и автоматически опознаваемый не на своем месте результат *один единственный*, ср. чрезвычайно похожий по механизму трансформации случай, частично уже рассмотренный выше (1.2.2): «**Не́буди** (*мн.*) – кровный враг» [Мильяненков 1992: 177], исходное ‘*кровный друг’ было подкорректировано по доминирующей сочетаемости как ‘кровный враг’ [Шаповал 2011е: 78]. Ср.: «Вере́тье. . . Большая дорога» [Диттель 1898: 208; СРНГ-4: 142], при том что есть также рязанское слово с другим толкованием: «Воспище. . . Веретье, большая дерюга» [Диттель 1898: 208]. В данном примере вероятно изменение редкого слова *дерюга* в толковании по господствующей

сочетаемости: *большая дорога*.

Части слова или словосочетания для упрощения запоминания незнакомого или иноязычного материала могут уподобляться за счёт вновь создаваемой искусственной рифмовки. Ошибочная рифмовка и ассимиляция графем представлена и следующем ряду ошибок: *хаш мех* ‘смерть’ [ТСУЖ 1991: 190; Бронников (1990): 47], ошибочно усечено: «**ХАШ**, -*а, м. Угол.* Смерть», а также с очиткой: *хаш меш* ‘то же’ [Мокиенко, Никитина 2000: 644], ссылки только на ТСУЖ. Источником записи *хаш мех* является цыг. прил. неизм. *хасимэ́* ‘гиблый’, в некоторых диалектах изменяемое (мн. ч.) *хасимэ́* ‘гиблый, гиблые’, вряд ли от прич. *хасинэ́* ‘погибшие’ или глагольной формы *хасинэ́* ‘погибли’. Во всяком случае можно заподозрить смешение *си* и *ш* при копировании рукописи. Кроме того, в дальнейшем концевая буква второй части была ошибочно заменена как бы «по принципу рифмовки»: *хаш-мех* >> *хаш-меш*.

Перестановка букв является разновидностью замены букв. Графические (визуальные) метатезы обычно возникают в результате ошибочного поддиктовывания при копировании малознакомых слов на письме. Границу между индивидуальными и массовыми ошибками этого типа провести трудно. Перестановка соседних звуков в слоге изредка закрепляется и в истории слов (см. *фармазон* [Шанский, Боброва 1994: 340]).

Актуальный пример: *ахалкетинец* ‘конь туркестанской породы’ [Байбурин, Беловинский, Конт 2004: 33], ошибочно вместо *ахалтекинец*, от названия оазиса Ахал-Теке. Распространённая в речи перестановка согласных должна не только фиксироваться, но и оговариваться в словаре.

Трудно вполне согласиться с распространённой квалификацией записи арготизма *або́ртник* ‘конокрад’ в качестве ошибочной и вызванной графической перестановкой (быть может, поддержанной сближением с *аборт* в порядке народной этимологии) [Walter 2005: 706-710; Плуцер-Сарно 2001]. Ранее *абро́тник* ‘конокрад’ [Лебедев 1909, № 22, цит. по: СРВС-I: 200]. Существенно, что в данном случае перестановка может иметь и фонетические причины, ср.

метатезу в диалекте уральских казаков: *оброть* [о́бърт’] ‘узда, недоуздок’ [Малеча 1963: 28, № 7; 93], от *о́борть ожидается *обо́ртник – агентивное производное, фонетически совпадающее с производным от *аборт*.

При печатании текста на машинке или компьютере, при наборе на линотипе или при профессиональном двуручном политерном наборе большую роль в возникновении таких ошибок играет рассогласованность работы рук, которая приводит к тому, что меняются местами не только соседние буквы. Например: «**Була́натый**, ая, ое. [Знач.?]» [СРНГ-3: 267], из фонетически приемлемого и, вероятно, отражающего произношение с дополнительным заударным +була́ТАНый ‘булатный’ (см.: [Ефименко 1877: 127]).

Метатеза – чрезвычайно рискованный элемент гипотетических построений [Зализняк 2009: 25-27], зачастую спорный: «Вряд ли можно считать перестановкой *гомыра* (из «горымо» – горелка, водка), как это делает П.В. Шейн <К вопросу об условных языках. Известия отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, 1899, т. IV, кн. I, стр. 284>» [Стратен 1931: 130].

Известный жаргонный этимологический словарь отмечает, что «**Маргафон** – граммофон» [Потапов 1927: 88] – это единственная метатеза в (криминальном) арго [Грачёв, Мокиенко 2000: 11; 2009: 11], однако задолго до создания граммофона и даже фонографа в народной речи обнаруживалось слово: «**Маргафо́ня**, и, *м.* и *ж.* Дураковатый человек, простофиля. Осташк. **Твер.**, **Пск.**, 1858. **Твер.** [СРНГ-17: 370]. Связывается с *Афоня* [Отин 2004: 62; Отин 2006: 71; Шаповал 2005а: 109]. Так что здесь может быть и результат сближения слова *граммофон* с уже существовавшим диалектным словом.

От ошибок надо отличать метатезу как приём. Так в молодежной речи: «**ШТАНИ́ТЬ**, -и́т, несов., кого, безл., шутл.-ирон. О состоянии тошноты. <...> Трансф. *тошнить*» [Никитина 2003: 834]. В конце 1980-х годов в молодежной речи название кинотеатра «Ударник» произносилось как *урядник* [Запесоцкий, Файн 1990: 59], с шутливой метатезой. Перевернутое слово *телефон* читалось наоборот на стеклянных дверях прежних будок телефонов-автоматов и вошло в

название фильма «Где находится нофелет?» (1987), рассказ Г.Е. Рыклина (1894-1975). Другой похожий игровой результат всеобщей грамотности: «**ФАРГЕЛЕТ**. Ленинградский телеграф» [ББИ 1992: 444]; «**ФАРГЕЛЕТ**. *1970-е гг*. Ленинградский телеграф (Синопская наб., 15). < По принципу прочтения справа налево» [Синдаловский 2003: 190].

Перестановки соседних букв следует отличать от перестановок букв между соседними слогами:

а) «**Ахта́п,** а, *м.* Кусок (чего-либо)» [СРНГ-1: 297] < *атхап, от-хап*;

б) «**Перечица** [?], ы, *ж.* [удар.?]. Гриб шампиньон. Бобр. **Ворон.**, 1847. – Ср. Печерица» [СРНГ-26: 279]. «**Пече́рица** и **печери́ца**, ы, *ж.* Гриб»; «**Печери́чка**, и, *ж.* Мелкий гриб. *Печерички – у них ножки невелички*. Бобр. **Ворон.**, 1848. **Ворон.**» [СРНГ-26: 349-350]. В этом случае знак вопроса как сигнал сомнения в точности передачи слова поставлен лексикографом СРНГ. Состояние списка источников СРНГ не позволяет установить источник, но Бобровский уезд не слишком избалован вниманием. Процитируем позднюю публикацию материалов 1848 года, где в словарике слова *перечица* или *печерица* нет, но есть текст поговорки во второй части публикации: «Пичерички – у нихъ ножки невелички; опенки – у нихъ ножки тонки» [Слова 1848: 81]. Это свидетельство того, что в этом уезде в близкое время было в ходу обычное название шампиньона *печерица*. Последнее заметно уменьшает шансы на реальность фиксации с перестановкой слогов: *перечица*.

Метатеза, вызванная, вероятно, рассогласованием работу рук при печати и подкреплённая семантически глаголом *тыр*[ить]: **ПОЛИТЗАКТЫРКА**, и, ж. Лаг. *То же, что* **политизолятор**» [Мокиенко, Никитина 1998: 454]. У Ж. Росси прозрачное по производности *политзакрытка* и *закрытка* [Росси-2: 295; Грачев 2003: 707]. Ср. современное *крытая* – ‘тюрьма’.

Важным в практическом плане представляется разделение результатов графической или визуальной метатезы (да и других опечаток) на правдоподобные и необычные (в частности, нечитаемые: Например: «**ПОДН** –

очередь, толпа» [Дубягина, Смирнов 2001: 129], ранее *понд* ‘очередь, толпа’ [ТСУЖ 1991: 139], то есть *понт*), как, например: **спосиш*ба́ть*** ‘сшибать, свалить, сбить’ [СРНГ-40: 39] < *спосшибать*.

Опаснее, разумеется, те перестановки, которые дают фонетически правдоподобный результат.

4.2.2. Клавиатурные опечатки в заглавном слове

На 3-м уровне разделяем ошибки порождения на механические опечатки (рассмотренные выше) и клавиатурные опечатки (а также родственные им более старые опечатки, вызванные соседством литер в наборной кассе).

Особо выделяются «специфические ошибки, связанные с расположением букв в наборной кассе, клавиатуре линотипа, печатной машинки и т.д., например рука наборщика или машиниста попадает на соседнюю букву» [Лихачёв 1962: 431; 2001: 432]. Это типичные *промахи* (*slips*), по классификации Дж. Ризона (2.1.1).

Современную раскладку русских букв для пишущих машинок придумали в Америке в конце XIX века. Все фирмы, выпускавшие машинки с русским шрифтом, пользовались одной и той же раскладкой – ЙIУКЕН, имевшей название «Стандарт» (после реформы орфографии 1918 г. – ЙЦУКЕН) [Лебедев]. Машинописная раскладка кириллицы – это любопытный пример отдалённого эффекта однажды принятого решения. Нечто подобное находим у Бодуэна: «Русский алфавит вовсе не связан с русским языком по существу; он с ним связан только благодаря исторической случайности» [Бодуэн-2: 220]. Защита от сцепления соседних рычагов, на которых крепятся литеры, состояла в намеренном разнесении на клавиатуре букв, наиболее часто соседствующих в словах. См. таблицы 17 и 18.

Часто встречаются пары ***ен*** – **6**-я по рангу, ***ро*** – **12**-я, *пр* – 13-я, далее идут: *ва* – 24-я, *ол* – 26-я, *ть* – 33-я, *ит* – 48-я, *ми* – 67-я. Остальные пары первой тысячи имеют уже трёхзначные ранги: *ыв* – 191-я, *ап* – 196-я и т. д.

При обратном движении справа налево встречаются пары: ***не*** – 11-я по рангу, *ор* – 25-я, *ти* – 46-я и т. д.

***Таблица* 17. Клавиатура ЙЦУКЕНГ: частотные пары соседних клавиш**

При движении слева направо

		220		6					
Й	**Ц**	**У**	**К**	**Е**	**Н**	**Г**	**Ш**	**Щ**	**З**
	425		231		370				
634		**24**		**13**		**26**		412	
Ф	**Ы**	**В**	**А**	**П**	**Р**	**О**	**Л**	**Д**	**Ж**
	191		196		**12**		510		
	426		227		**48**		445		
	Я	**Ч**	**С**	**М**	**И**	**Т**	**Ь**	**Б**	**Ю**
				67		**33**		514	

При движении справа налево

	572		122		365						
Й	**Ц**	**У**	**К**	**Е**	**Н**	**Г**	**Ш**	**Щ**	**З**	**Х**	**Ъ**
		118		**11**							
		72		437		**37**		206			
Ф	**Ы**	**В**	**А**	**П**	**Р**	**О**	**Л**	**Д**	**Ж**	**Э**	
	85		126		**25**		219				
		325		**76**		362		328			
	Я	**Ч**	**С**	**М**	**И**	**Т**	**Ь**	**Б**	**Ю**		
			393		**46**		561				

Начало списка частотных пар букв дает только одно совпадение с клавиатурой: ст – 1, то – 2, но – 3, на – 4, по – 5, **<u>ен</u>** – **6**, ни – 7, ко – 8, ра – 9, ов – 10 [Ляшевская 2009: 1051-1058]. То есть в первом десятке пар букв по частоте скользящим экономным движением может печатается только **ен**, но по правилам десятипальцевого метода между этими буквами пролегает граница

зон левой и правой руки. Далее, в первой сотне пар букв по частоте обнаруживается всего 7 соседствующих пар, расположенных в центральной части клавиатуры (таблица 17). В первой тысяче пар букв по частоте обнаруживается ещё 13 таких пар, расположенных в периферийной части клавиатуры. Таким образом, эргономические возможности соседства букв использованы на 2% (лишь 21 пара букв из первой тысячи по частоте соседствует и на клавиатуре).

Еще более редкими на клавиатуре оказываются тройки частотных букв.

***Таблица* 18. Клавиатура ЙЦУКЕНГ: частотные тройки соседствующих клавиш**

При движении слева направо

	114			**З**							
Ф	**Ы**	**В**	**А**	**П**	**Р**	**О**	**Л**	**Д**	**Ж**	**Э**	
					893						
			А	**П**	**Р**						
			614								

При движении справа налево

929		
М	**И**	**Т**

Трехбуквенные сочетания (таблица 18) из первой тысячи по частоте на клавиатуре представлены только в средней строке в следующем составе: **про** – З, ыва – 114, апр – 614, рол – 893. Таким образом, теперь уже не нужная защита от сцепления соседних рычагов, на которых крепятся литеры, до сих пор актуальна, хотя такая расстановка тормозит печать.

Пусть это решение и было не лучшим, а сегодня для чуткой компьютерной клавиатуры уже и далеко не лучшим, поскольку сознательно

избегает оптимальных для быстрой печати траекторий, наличие массы уже освоивших эту раскладку людей заставляет как производителей офисной техники, так и новичков, вливающихся в ряды печатающих, подстраиваться под косную и не самую эргономически выгодную традицию.

Распространение клавиатурной грамотности приводит к тому, что в пространстве сетевой коммуникации возникают игры-головоломки с опечатками. Например: «Что такое *ронкопмгл*?». Ответ: буква «к» напечатана левой рукой правильно, а правая рука сдвинулась на одну клавишу влево, поэтому вместо «ПРЕкРАСНО» получилось «ронкопмгл».

Стандартная русская клавиатура «ЙЦУКЕН» в основном совпадает на пишущих машинках, линотипах и компьютерах. (Напр., ошибки набора на клавиатуре линотипа как причину искажения художественного текста разбирает З. Бар-Селла [Бар-Селла 2005: 255].) Соседство клавиш по горизонтали, например, «т» и «ь», реже по вертикали (диагонали), например, «о» и «ь», приводит к тому, что для того, чтобы напечатать любую из пары букв, необходимо совершить близкие по траектории и усилию движения пальцами. Такие ошибки реже случаются в центральной части клавиатуры.

Набор клавиатурных опечаток и опечаток в (прежнем) ручном политерном наборе различается. Соседство клавиш для **у** и **ц** может приводить к ошибке при печатании как строчных, так и прописных. В наборной же кассе для них выделены разные ячейки, поэтому буквы **у** и **ц**, как и **У** и **Ц**, разнесены. Перевёрнутые литеры встречаются в политерном наборе, если против переворота литер не принято специальных мер типа асимметричного расположения шпенька, препятствующего неправильной постановке литеры в верстатку и строку; линотип и пишущая машинка не могут давать таких ошибок. Например, в русско-турецком разговорнике часть слова «одошва_» повёрнута на 180°: «Подошва (у сапога). Кьёселе, алтъ» [Сенковский 1854: 56, 2-й паг.]. В слове *временнообязанный* перевернута буква р и допущена перестановка первой пары литер: «dвеменно-обязанныхъ душъ» [Боборыкин

1875: 186, предпосл. строка]. Такие эффекты на компьютере могут быть воспроизведены только специально.

Соседство в наборной кассе как причина ошибок сегодня актуально лишь при обращении к старым изданиям. Политерный ручной набор в наши дни используется чрезвычайно редко. Пример из XIX века: «**Дуо** или **Духтъ.** Пѣніе въ два голоса» [СИС 1861: 25], итальянское *duo* ‘два, дуэт’ и +дуэтъ. Наборщик взял не литеру **э** над ячейкой для **ю**-строчного, а под нею (**х**).

Соседство на клавиатуре как причина ошибок. Клавиатурные ошибки характерны для начинающего создателя текста. Ошибки, характерные для более опытного наборщика и вызванные рассогласованием работы рук, что приводит к перестановке соседних букв или букв в соседних слогах, были рассмотрены выше среди других типов перестановок (4.2.1). В самом общем виде механизм ошибки можно описать так: человек, который не запомнил ещё точно на уровне моторной памяти, куда нажимать, давит на соседнюю или близкую клавишу:

а) ошибки строгого соседства (по горизонтали, вертикали, диагонали): «**ДЕМБУД** – то же , что *ДИЗИК* <дезертир>» [Дубягина, Смирнов 2001: 56, 57], ранее: *дембул* ‘то же’ [ТСУЖ 1991: 47], от *дембель*;

б) реже ориентиром служит положение усвоенной литеры, но нажимается соседняя клавиша не справа, а слева: так, выбор литеры **л** вместо **ж** может быть обусловлен их соседством на клавиатуре с **д** (**л**-д-**ж**): калужское *недостилки* ‘недостатки’ [СРНГ-21: 32] < *недостижки* ‘то же’ [Там же].

Как и в других типах ошибок, более опасны правдоподобные искажения, совпадающие с реальными словами.

Примечательно, что примеры клавиатурных ошибок, возникающих при работе на пишущей машинке и линотипе, довольно часто касаются малочастотных букв, находящихся на периферии клавиатуры. Слабо документированные слова в силу своей малой известности печатаются с дополнительным контролем и замедленно, но это не всегда спасает от ошибок, так как хороший навык печати предполагает узнавание и печать слова целиком

и вслепую, а при этом по причине спешки или самоуверенности вероятны ошибочные подмены.

4.2.3. Компьютерные клавиатурные опечатки в заглавном слове

Компьютеризация некоторое время привлекала внимание лингвистов по преимуществу со стороны изменений в речи, в официальной и неофициальной терминологии (компьютерного подъязыка, социолекта, дискурса), например: [Русакова 2007; Ильющеня 2008; Ерёмина 2012] и мн. др. Внимание к специфике функционирования языка в пространстве компьютерной реальности и Интернета представляет собой более новый и перспективный подход, см.: [Шаповал 2015c: 308-311]. Однако принципиально изменение не только дискурсивной, но и деятельностной (моторной, процедурной, операциональной) стороны при работе человека с текстами на компьютере. Далее акцент по возможности смещён на те факторы возникновения ошибок, которые обусловлены действиями пользователя или связаны с ними.

Ошибки компьютерной природы встречаются как в бумажных, так и в электронных словарях [Шаповал 2011c: 324; Шаповал 2011f: 61]. Электронными называются как минимум четыре разных типа словарей [Девель 2011: 26-27]. Их объединяет то, что в электронном ресурсе прежние ограничения физического объёма не так важны, поэтому можно представить не только однослойный текст, но и несколько транскрипций для разных целей [Лаврентьев 2011: 58-59], а также и дать уровень грамматических и синтаксических помет и комментариев, причём в практически неограниченном объёме и с детализацией, в общем маловероятной для бумажного издания [Eckhoff, Haug 2011: 42-43]. В то же время диалог с электронным словарём нередко организован так, что мы не можем видеть его произвольный фрагмент в привычной нам алфавитной расстановке, а только определённую статью.

Компьютеризация привела к взрывному росту клавиатурных ошибок.

Компьютерная клавиатура в основном сохранила черты и потенциальные ошибки рассмотренной выше клавиатур пишущей машинки и линотипа. Кроме того, можно ошибочно печатать сдвоенные буквы и соседние буквы одним нажатием, например, «РП» вместо «Р» в слове: «**ГАШИ́РП<u>П</u>А**, -ы, *ж. Угол.* Спиртное» [Мокиенко, Никитина 2000: 123], со ссылкой на: «**ГАШИРА** – спиртное» [ББИ 1992: 55]. Последнее слово не является безупречным с точки зрения достоверности: вероятно, это ошибочное прочтение записи +гамира, ср.: «**Гама/ы/ра** – самогон, спирт» [Потапов 1927: 35].

Мелкие клавиатурные опечатки очень коварны: «очищали ль снега» = очищали *от снега (автоматическая проверка орфографии принимает *ль* в этой позиции как редкую форму частицы *ли*).

Кроме того, помимо ошибок, вызванных нажатием на соседнюю клавишу, для текста, создаваемого при помощи печатающих электронных устройств, характерны ошибки, вызванные особенностями раскладки и возникающие при нажатии на правильную клавишу. Эти ошибки являются следствием потенциальной «многослойности» компьютерной клавиатуры, допускающей переключение на любой алфавит одного из нескольких языков на выбор. Клавиатуры обычно «двуслойны», они чаще всего содержат английскую и русскую раскладки. При слабом навыке печати человек ориентируется по «подсказкам» на клавишах и может по ошибке нажимать не на правильную, а на «визуально омонимичную» клавишу, например: на А/<u>Ф</u> вместо F/<u>A</u>. В результате будет напечатано не *Анонс*, а *Фнонс*. Случай игрового использования средств двойной графики представляет собой слово *лытдыбр* ‘персональный журнал, доступный в Интернете для других’. Это слово «дневник», напечатанное в английском регистре как *lytdybr* [Шаповал 2009b; Шаповал 2011c: 325; Шаповал 2011f: 62].

То есть угроза смешения велика как для некоторых соседних в русском алфавите букв, так и для букв, расположенных на одной клавише. Например, в sms-сообщениях это соседние буквы в группах «абвг», «дежз» и т. д. Кроме

того, «в sms-переписке наблюдается тенденция к полному устранению прописных букв, тем более что технически набор без них проще» [Николенкова 2011: 29]. Это создаёт огромный корпус некодифицированных текстов и комплекс новых проблем в обучении грамотности [Шаповал 2009f: 76-83]. Массовый характер клавиатурных ошибок в силу их общеизвестности активно обыгрывается публицистами. О восприятии перестановок в печатном тексте см. Прил. 4.2-2.

4.2.4. Компьютерные ошибки, возникающие в заглавном слове без непосредственного участия человека

Говоря об ошибках, возникающих без участия человека, мы имеем в виду главным образом *осканирки* и *окодирки*, то есть ошибки сканирования и кодировки. Предложенные в устном обсуждении С.А. Шаповал и обнародованные автором настоящего исследования термины *окодирки* и *осканирки* достаточно известны по публикации в журнале «Русский язык в школе» [Шаповал 2009f]. Примечательно, что *окодирки* (сосуществующие с неформальным термином *круказяблы* и проч.) в Гугле 6 раз из 7 соседствует с фамилией *Шаповал*, в Яндексе – 4 из 5. То же и с *осканирками*: в Гугле – 233 из 250, в Яндексе – 6 из 8. Так что Интернет статистика признаёт как наш приоритет в этой области терминотворчества, так и бо́льшую востребованность термина *осканирки*.

Однако прежде необходимо рассмотреть некоторые «переходные» явления. Так, одним из следствий перехода на электронную форму текста стало изменение стратегий правки. Следует отметить, что сроки подготовки малотиражных изданий сократились, и внесение исправлений во второе издание сегодня является распространённой практикой: *характерны́й* [Ермакова 2008: 36], исправлено на: *хара́ктерный* [Ермакова 2011: 39]; *си́деть* [Ермакова 2008: 55], исправлено на: *сиде́ть* [Ермакова 2011: 60]; *брауни́нг*

[Ермакова 2008: 100], исправлено на: *бра́унинг* [Ермакова 2011: 112]. Довольно быстрое появление второго издания сегодня уже рассматривается как необходимый показатель включённости словаря в научный оборот и нередко отмечается рецензиями, построенными на параллельном чтении двух изданий, например: [Лукьянова 2008].

С другой стороны, готовность компьютера по первому сигналу заменить нестандартное написание на одно из предлагаемых на выбор также может быть источником ошибок. Предположительно, так: «**Шниво** – рядом, ок<u>ол</u>о» [ТСУЖ 1991: 203] < «ШНИВО – ок<u>ол</u>о» [Бронников (1990): 51] < «**Шниво** – ок<u>н</u>о» [Потапов 1927: 190] – видимо, вставка буквы привела к малопонятному **оконо*, которое было исправлено по рекомендации компьютера на *около*. Конечно, подобные «оговорки» возможны и без компьютера (см. выше *я́рус = ясырь*), но принципиально новым является то, что неправильное слово целиком появляется в результате случайного щелчка, а автор этого даже не замечает. Такого прежде не могло произойти, неправильное слово надо было по крайней мере написать.

Все эти последствия вторжения машины в создание текста меняют рамки свободы автора. Компьютер по своим правилам расставляет и по алфавиту: сначала цифры, потом латиницу, а потом кириллицу, различая кириллические и латинские *о, а, и* и т. д., в связи с чем, по причине разной кодировки, важно не смешивать буквы одинакового вида из разных алфавитов (*а – a, и – и, о – o*).

Как когда-то шариковая ручка вывела из игры промокательную бумагу и пресс-папье, так «цифровой формат» по причине спешки почти отменил список опечаток при книгах. Ещё более важно для текстологии и авторского права исчезновение бумажного автографа (см. выше 1.1.1, прим. 6).

Ошибки автоматического распознания знаков, т.е. ***ошибки сканирования*** («осканирки») бывает трудно отличить от описок и опечаток. Например: *грабки по бren<u>г</u>алкам распускать* ‘играть на музыкальном инструменте’ [Мокиенко, Никитина 2000: 137] < «*Да, лабал Боян матёрый чисто, / Грабки по бren<u>ч</u>алкам распускал…*» [Слово 1997: 4, 5 (илл.)] ‘играть на струнном

музыкальном инструменте (гуслях)’, где *бренчалки* – ‘струны’.

«**Беземертной**. Ивашко Безсмертной...» [Тупиков 2005: 45], ошибка сканирования легко исправляется по повтору прозвища и первому изданию, где **Безсмертной** [Тупиков 1903: 45].

Слово «мельницѣ» [Афанасьев-Чужбинский 1855: 115] автоматически распознано в электронной библиотеке РГБ как «М е л ы ш ц Ь». Здесь мы видим, что сканер подобен человеку: 1) сделав ошибку в вычленении буквы, он и далее ошибается, механически интегрируя буквы из остатка (*ль**ни*** >> *ль**ш***), 2) при этом слогу ТьТА предпочитается слог более частотного типа ТАТ или ТА (4.1.2.2, п. 2). Ср. *полетить* (2.1.1), *варнат* (4.1.2.1), *галиник* (4.1.3.2).

Надо иметь в виду, что в Интернете могут встречаться сканированные, но небрежно вычитанные копии бумажных изданий, которые следует цитировать осторожно. Ошибки сканирования пока слабо обнаруживаются и не всегда учитываются при автоматической проверке орфографии.

Умение выявлять ошибки сканера ставится важным инструментом верификации: Д.М. Володихин рассмотрел историю эпидемического распространения по вторичным цитатам псевдоисториков названия фантомного броненосца «Унарелия», возникшего в результате сканирования слова «Цесаревич» [Володихин 2013: 38-40] (указал О.А. Закиров). Указанный И.Г. Добродомовым пример феноменальной очитки *тиф – пшер*: «Киреева бесило мое возвращение из ссылки, и он сожалел о том, что я не умер там от пшера» [Новиков 2004: 491], – мог быть вызван и ошибкой сканирования промежуточного печатного текста, а не только ошибкой чтения рукописи.

Дискуссионными остаются и основания для выбора оптимального баланса между анализом компьютерных причин возникновения ошибки и чисто филологическими проблемами её обнаружения и исправления в бумажном тексте [Шаповал 2010g]. Думается, с учётом разнообразия причин ошибок, приоритет следует отдавать второму аспекту как направленному на более наглядное и осязаемое бумажное издание. Вне зависимости от конкретных

технических причин появления ошибочного сегмента в словарной статье главная цель критики – обнаружение и исправление ошибки.

Проблемы кодировки. Электронные словарные статьи так же, как и электронные сигналы или электронные деньги, недоступны для непосредственного восприятия человеком. Следовательно, возникает зависимость от технических средств визуализации. Обычно акцентируют именно эту особенность электронных словарей. Однако для пользователя в ней нет принципиальной новизны, ему не обязательно было знать уже и технический принцип работы граммофона, автоматической чернильной ручки, телевизора или кинематографа.

Говоря о границах ошибок кодирования, следует помнить, что они не всегда устанавливаются с полной уверенностью, по бумажному изданию поскольку имеется множество кодировок, например: ваза > âаза, вáза > вбза, вóза > ввза, вéра > вйра и др. Например, смешение знаков *ó* (латиницы) и *у* (кириллицы) может быть отчасти и фонетически обусловленным, ср. *кусушник* (4.1.2.4). Однако в других случаях результат конфликта кодировок максимально далёк от допустимых фонетических преобразований, например: знак *á* (латиницы) преображается в *б* (кириллицы), что кардинально меняет слоговую структуру нового «слова», а знак ударения «акут» (´) превращается в дополнительный кириллический символ *ґ* «**г** с носиком», как может случаться в цитатах по сетевому этимологическому словарю М. Фасмера, скопированных и не выправленных в издании: «сербохорв. јуґнац» ‘бычок’ – правильно «сербохорв. ју́нац» и т. п.

Как это ни странно, самый лексикографически безопасный случай – это случай полной несовместимости кодов. Приведём для примера лишь несколько из бесчисленного списка возможных вариантов конфликтов кодировок, вызванных тем, что компьютер автоматически выбирает одну из альтернативных версий прочтения электронного текста. В этой ситуации хорошо уже то, что мы видим, что получается нечитаемый текст и не пытаемся

его безуспешно переводить, например, с абхазского. Это и останавливает его сознательное тиражирование. Например:

Н.С. Лесков. Дама и фефела = Cyrillic (Windows)

Э.б. Ыхёъют. Фрьр ш єхєхыр = Cyrillic (ISO 8859-5

Ќ.—. Ћесков. *ƒ*ама и фефела = Cyrillic (Mac OS)

м.я. кЕЯЙНБ. дЮЛЮ Х ТЕТЕКЮ = Cyrillic (KOI8-U) и Ukrainian (KOI8-U) и т. д.

Опаснее частичная и выборочная замена символов, приводящая к правдоподобному результату, например: вместо «ять» оказалось напечатано «у»: *стрѣ̲ла* > *струла, мѣ̲шокъ* > *мушокъ* [Бондалетов 2004: 152, 165]. В зависимости от технических параметров вместо «ять» может читаться и другой символ, например, латинское *и*: *пѣсня* > п*и*сня.

Однако некоторые ошибки такого рода остались и во втором издании: *кув̲ра, шв̲ра* ‘вера’ [Бондалетов 2004 (2005): 34].

Кроме того, ошибки печатных изданий тиражируются с той же быстротой, что и их несомненные достоинства. Приходится констатировать, что ошибки издания 2004 года уже цитируются исследователями:

вутюг, утюг – *КстрШерстб* [Приёмышева 2009-2: 469], как указал И.Г. Добродомов, восходит к: «*Вутюг – утюг*» [Бондалетов 2004: 118] (после *Вышишкулить*, правильно *Вѣ̲тюгъ*). Трудность исправления этой ошибки возрастает в новом алфавитном порядке, где слово стоит уже на формально правильном месте: между **вутвіоро** и **вхлежить** [Приёмышева 2009-2: 469].

Сегодня в таблице дополнительных символов их уже достаточно для воспроизведения всех надстрочных знаков и особенностей оформления старого кириллического текста, см. [Rabus 2011: 95]. Но невозможность надёжно предсказать поведение кодов особых символов при переносе на другую машину заставляет принимать различные меры предосторожности.

Также одно из следствий конфликта кодировок или неправильных настроек – различное поведение символов в разных условиях. Например:

французское имя *Doré* может превратиться в «Doré», или в «Dorй», или в «Doré». Сочетание латиницы с цифрами или с русской *й* сразу настораживает [Шаповал 2009f: 79]. Новым феноменом является и выведение на экран непечатаемых элементов текста или рекомендаций и даже предупреждений компьютера. Так, двойные тэги типа *начало курсива* и *конец курсива* , потеряв пару, становятся видимыми на экране.

В общем и целом верно следующее утверждение: «Как бы скептически ни относиться “умственным” потенциям вычислительных машин, нельзя отмахнуться от того факта, что языковые реакции современного компьютера уже невозможно отличить от реакций человека <...>» [Широков 2004: 339], см. также: [Шаповал С.А. 2009]. Например, подсказка компьютера о потерянном элементе автоматического указателя может оказаться напечатанной в тексте статьи, хотя автор хотел не этого: «*заводиться**Ошибка! Закладка не определена.*** ‘начинать действовать’» [Саляев 2002: 108].

Все вышерассмотренные эффекты объединяет то, что техника, призванная поначалу лишь выполнять команды, без предупреждения вмешивается в замысел человека и изменяет внешний вид текста в большей или меньшей степени. Проблема состоит в том, чтобы своевременно обнаружить эти медвежьи услуги технического устройства, поскольку ответственность за них лежит на авторе текста.

4.3. Ошибки идентификации заглавного слова

4.3.1. Ошибки чтения сокращенных записей заглавных слов

Ошибки идентификации – это типичные *пропуски* (*lapses*), по классификации Дж. Ризона (2.1.1). Напомним, что к *пропуску* (*lapse*) приводит корректное действие (+) в неподходящей ситуации (–). При изучении ошибок в переводах с древних языков также выделяют близкий по сути тип ошибок: 3. «Неправильно прочитанные сокращения» [Иванов 2012: 304], «Misunderstood abbreviations» [Thomson 1988: 359-360]=[Lundström 1955: 30-37].

Сокращения вариантов записи заглавного слова позволяют уменьшить объём словаря, в частности, преодолевая линейность письма, например, путем использования экономной записи двух форм слова *купе́ц, -пца́* или двух вариантов заглавного слова «**Мус(ш)кара́дный** *юж. зап*. дрянной, невзрачный; неряшливый, неопрятный; скаредный» [Даль$_1$-II: 955]. Последняя запись читается, условно говоря, в два прохода: с пропуском скобок (1. мускара́дный), а затем с заменой буквы, стоящей перед скобками, на букву, стоящую в скобках: (2. мушкара́дный).

Уникальный пример возможно нераскрытого сокращения под титлом завершает этот список: «**Велегли́вый**, ая, ое. Заносчивый. Кушвин. **Свердл.**, 1964» [СРНГ-4: 106]. «Эта форма была внесена Ф.П. Филиным <...> в список рефлексов праславянского сочетания *dl. Однако есть все основания подозревать, что форма *велегли́вый* восходит к ц.<ерковно>-славянскому написанию «под титлом» **велегливый**, т. е. **велеглаголивыи** ‘многоречивый, многословный’» [Страхов 2004: 258]. Иначе: «Производное с суфф. -*лив*- от основы, содержащей *веле*- (или испытавшей влияние слов на *веле*-); однако -*г*- неясно» [Аникин-6: 206]. Или потенциальное **велеглавый*?

Авторам словарей следует оговаривать сокращения и правила

употребления скобок для экономной записи вариантов слов, чтобы уберечь читателя от ошибок понимания. Сокращения весьма коварны и вне словаря. Пушкинское *въ конгр<ессѣ>* долго читалось как *въ покоѣ* [Бонди 1978: 221, 222]. Подобная проблема возникает и в словаре Даля. Бодуэн в предисловии в 3-му и 4-му изданиям словаря В.И. Даля, объясняя «[б]уквы, написанные в скобках после других букв того же слова», даёт примеры только на взаимозамену (**блокшип(ф)ъ** = **блокшипъ** и **блокшифъ** <‘расснащеный, ветхий корабль, поставленный в гавани, под склад, под казарму или подобное помещение’>, но не несуществующее, хотя потенциально читаемое *блокшипфъ) [Даль$_3$-I: XV], в конечном счете Бодуэн выбрал такой вариант записи: **блокшипъ**, **блокшиф(в)ъ** [Даль$_3$-I: 241]. В.И. Даль уделил раскрытию внутренних скобок ещё меньше внимания, ограничившись апелляцией к интуиции читателей словаря: «Скобки, кромѣ своего обычнаго значенья, включаютъ цѣлыя слова и даже речи, либо слоги и буквы, добавочныя либо замѣнительныя <…> Такъ какъ словарь мой предназначенъ для рускихъ, то въ этомъ дѣлѣ кажется не можетъ выдти недоуменій» [Даль$_1$-I: XV; $_2$-I: XVIII; $_6$-I: XXVIII]. Однако различение «добавочных» и «заменительных» букв в справочном издании всё-таки способно вызвать недоумение и у русских.

Сокращение повторной записи заглавного слова в словосочетаниях до первой буквы может приводить к ошибочному переносу словосочетания к другому заглавному слову, например: «Г<НАТЬ> ДУГУ – сообщать неверные сведения о месте предполагаемого преступления» [Бронников (1990): 8; ТСУЖ 1991: 40], источник – хорошо документированное *гнуть дугу* ‘сообщать неверные сведения о месте предполагаемого преступления’ [Потапов 1927: 36].

Сокращение в печатном издании записи неприличного, табуированного или обсценного слова является традиционным способом соблюсти внешние приличия в сфере письменной коммуникации. С точки зрения лексикографии, это явление представляется дополнительным источником затруднений и ошибок. Это делает сокращения неприличностей сложным объектом

историческо-лингвистического анализа [Ковалев 2005]. «Серьезных научных исследований по сквернословию и словарных работ, посвящённых русским обсценным единицам, не было ни в России XIX в., когда Вл. Даль был лишен возможности опубликовать собранный им обсценный речевой материал, ни в советское время когда знаменитый Этимологический словарь русского языка М. Фасмера подвергли при перепечатке в Советском союзе цензурной чистке» [Химик 2011: 139]. Делу не помогает скандальный общественный интерес к этому явлению. «Границы экспрессии и окраски сленговых выражений (от “ласковых” до “на грани цензурных”) сразу отсекают огромный пласт нецензурных, но тем не менее широко употребляющихся понятий» [Лернер]. Словарь А. Флегона, как уже говорилось, обрел популярность не в последнюю очередь благодаря раскрытию многоточий в такого рода сокращениях (1.3.5.2). См. Прил. 4.3-1.

Анализ трудностей при восстановлении таких сокращений с целью включения их в словник в качестве заглавных слов показывает, что в перспективе было бы весьма целесообразно составить особый словарь, в котором были бы раскрыты сокращения неприличных, табуированных и обсценных слов и выражений, представленные в печатных изданиях различных периодов. Даже если при расшифровке таких слов нет ошибок, то зачастую они оказываются вне словаря, поскольку неясны написание, грамматические свойства и проч.

4.3.2. Непонимание функции элемента словарной статьи

Реконструкция (в том числе и акцентологическая) должна маркироваться и не смешиваться с реальным словом – это важный источниковедческий принцип: «И эти слова, не найденныя въ древне-Славянскихъ памятникахъ, слѣдовало бы, мнѣ кажется, представить въ формѣ древне-Славянской, только отлича ихъ какимъ нибудь особымъ знакомъ (напр. скобками)» [Срезневский

1867: 13]. Почти дословно сходное мнение выражает и Я.К. Грот, говоря об авторских новообразованиях Даля: «[О]днакожъ мы не можемъ не согласиться съ мнѣніемъ, которое уже было выражаемо другими, что всѣ вновь придуманныя самимъ авторомъ слова должны бы быть отмѣчены особенными знаками» [Грот 1899-2: 24]. Обычно реконструкция маркируется звездочкой (* – астериском). Графические реконструкции, как и в данной работе, иногда маркируются так (+): *до<u>л</u>г*ъ < +до<u>м</u>ъ. Неотмеченные реконструкции могут приниматься за реальные слова, например, псевдожаргонизм *авыльно* ‘довольно’ [Мокиенко, Никитина 2000: 31] восходит к гипотетическому построению: «**Авы́ла, авы́ло** – (орфоэпический <sic!> перенос: довольно-<u>авыльно</u>-авыло) довольно» [ТСУЖ 1991: 12]. Характерно, что гипотетические построения лексикографов и прежде принимались за реальные слова: «Так, очевидно, придумано М.Н. Макаровым рязанское слово *коломень*, на что уже указывал И.Г. Добродомов в связи с этимологией имени *Коломна* [Добродомов 1993: 61–64]» [Дудин 2012: 178]. Псевдодиалектизм *коломень* успешно отражается в нескольких академических словах.

<u>Фонетическая транскрипция</u>, изначально призванная преодолеть все двусмысленности традиционного письма, не рассчитана на автоматизм восприятия, а потому подвержена как ошибкам прочтения, так и ошибкам копирования. Ср. у Л.В. Щербы: «Фонетическая транскрипция всегда производит более или менее импрессионистическое впечатление, так как степень её точности совершенно произвольна и зависит от изощренности наблюдательных способностей автора, от ориентации его интересов и от других <u>случайных причин</u>» [Щерба 1957: 153][25]. Примеры: «**Сте́шки,** *мн.* [Знач.?]»

25 На другие недостатки слишком точной транскрипции указывают польские диалектологи: «Podobne stanowisko zajmuje J. Rejchan, który dopuszcza „konieczność zrezygnowania z nadmiernej precyzji zapisu fonetycznego, gdy materiał do atlasu zbiera wielu eksploratorów: nadmierna precyzja przekształca się wtedy w pseudoprecyzję” [Reichan 2003: 134]. Teksty podawane w zapisie uproszczonym bez większych trudności poddają się wielostronnym analizom

[СРНГ-41: 156]. < «с’т’е́ш’к’и» [Смолякова 1961: 184-185], = *сте́чки* (уменьшительное) ‘щи’. «Эрратогенность» транскрипции заметно выше, чем отмеченная выше у знаков ударения.

Вообще транскрипция как тип письма, лишённый автоматизма, не защищён от ошибок самого разного рода: так, в уральском словаре Н.М. Малечи вместо замены «ь» на апостроф как знак мягкости в транскрипции оставлены оба показателя мягкости, то есть пропущено действие «убрать **ь**», дублирующий апостроф: «**АРАБЕЛЬКИ**, арабе́ль’ки, -кыф, мн., – **грабельки**. – Арабельками уберём урожай. *Крут*.» [Малеча-I: 68]. Это *промах* (*slip*), по классификации Дж. Ризона (2.1.1). Так же понижается защищённость при необходимости писать печатными буквами или с разрывом после каждой буквы.

Особо выделяются случаи, в которых статус заглавного слова ошибочно получает иной элемент словарной статьи. Цитирование по ошибке в качестве особой единицы описания [Мильяненков 1992] слова из этимологической справки, взятой из словарной статьи сложной структуры [Wolf 1956]: якобы русское жаргонное *тан* ‘сукно’ [Мильяненков 1992: 245] < цыг. *t’an* ‘ткань’, а не *Tchan* ‘платок’ [Wolf 1956: 327]. Если бы цитировалось заглавное слово, было бы *тхан. Цитирование этимологического комментария немецкого словаря, судя по оплошностям цитирования, в качестве русского жаргонизма можно заподозрить также в *будара, ма пен, цик* (Прил. 4.3-2).

Ещё один источник сомнительных и мнимых слов – неоправданное расчленение словосочетания, помещенного в позицию заглавного слова:

komputerowym i to przy wykorzystaniu powszechnie dostępnych programów» [Sierociuk 2005: 74] <Аналогичную позицию занимает Е. Рейхан, который допускает „необходимость отказаться от чрезмерной точности фонетической записи, когда материал для атласа собирается многими исследователями: чрезмерная точность превращается тогда в псевдоточность” [Reichan 2003: 134]. Тексты, представленные в упрощенной записи, без особых трудностей поддаются многостороннему анализу при помощи компьютера и с привлечением даже широко доступных программ>.

«Шатрова – мельница, часть (Д1854)»; а также более правдоподобно: «Шатрова мельница – часть? (Рук.1870)» [Приёмышева 2009-2: 43] – словосочетание *шатровая мельница* (распространённый тип ветряных мельниц) толкуется в переносном употреблении как ‘полицейская часть’. Та же сомнительная разбивка механически атомизируется далее, что приводит к появлению двух словарных статей: Мельница – шатрова (маз.) [Бондалетов 2004: 385], Часть – шатрова (маз.) [Бондалетов 2004: 434], довольно далеких от исходной реальной номинации *шатровая мельница* ‘полицейская часть’. См. также Прил. 4.2-3.

Отсылка пустая или неточная – это результат авторского и редакторского недосмотра. *Отсылки* – слово или словосочетание (*напр., см., то же, что и* и т.п.) в полной или сокращенной форме, с помощью которых устанавливается определённая связь между элементами словаря, обычно между заголовочными единицами. Словарная статья, снабжённая отсылкой, называется отсылочной [Дубичинский 2009: 4]. Например, в словаре жаргона преступников 1927 г. имеется такая запись жаргонизма: «**Шара** – см. **Ашар»** [Потапов 1927: 186]. В соответствующем месте слово *ашар* ‘базар’ отсутствует. В диалектном словаре: «**Су́валки** – см. сурныки. Кр.<аснинский> у.<езд Смол.>» [Добровольский 1914: 887], по отсылке отсутствуют *сурныки*, *сурнаки, *сурники, *сурноки, есть *су́рнывка* ‘суровая нитка’ [Добровольский 1914: 890], но нет уверенности, что это то, что имелось в виду, в СРНГ слово *сувалки* также не попало.

4.3.3. Ограничения при верификации сомнительной записи

В заключение этого параграфа и главы четвёртой вернёмся к уточнению возможностей и ограничений при верификации записи редкого слова. Рассмотренные выше пути возникновения несуществующих слов и фиксация типичных ошибок не всегда помогают найти решение. (См. 2.3.2.3.) Аналогии бессильны в случае дефицита данных. «Понятно, что нельзя “наштамповать”

больше информации, чем предоставляет прошлое <...>» [Талеб 2010: 87]. Например, зафиксированный без должного тщания новгородский контекст середины XIX века «*Не озмуйся (озшуйся?), любезный*» ‘не церемонься’ послужил основой для ряда решений, но ни одно из них не идеально:

«О́змоваться, м у ю с ь, м у е ш ь с я, *несов.* Церемониться, ломаться. *Не озмуйся, любезный.* Тихв. **Новг.,** 18<u>5</u>8. Новг., Даль [с вопросом к слову]» [СРНГ-23: 95]; **«О́змоваться?** *нвг.* чиниться, ломаться, церемониться. [***Не о́змуйся****, любезный. новг.* Опд.]» [Даль$_3$-II: 1699]; как видим, редактор Бодуэн добавил отсылку к «Дополнению к Опыту» 1858 г.

«Озшу́ться, шу́юсь, шу́е ш ь с я [?], *несов.* Церемониться. *Не озшуйся, любезный.* Тихв. **Новг**., Медников, 18<u>4</u>8» [СРНГ-23: 101], по рукописи Ф. Медникова Архива АН СССР (Фонд 216, опись 4, № 115) [СРНГ-1: 115].

«**Осшу́ться** [?], *несов.* Ломаться, церемониться. Тихв. **Новг.**, Даль [с вопросом)» [СРНГ-24: 98]. Эта запись оценивается проще всех, «орфографическая» трансформация *о<u>з</u>шуться*, взятая у Даля [Даль$_3$-II: 1837].

Случай этот потребовал обширного комментария, лишь наметившего направления дальнейших поисков: «услышать фонетическое сочетание [зш] невозможно ни при каких обстоятельствах» [Журавлёв-4: 276]; «“Орфографический” вариант рассмотренного ранее (Журавлёв 2001, 276) *озшуться,* за которым, видимо, стоит правильное *озмоваться, (не) озмуйся*» [Журавлёв-5: 383]. Трудность восстановления инфинитива по одной форме императива обостряется тем, что фиксация не достаточна для определения морфем: здесь можно идти от предположения о наличии приставки *воз-* или *о-*, от инфинитива на *-оваться, -ываться* и даже *-нуться*, но ясного решения нет. Напомним, что есть и пропущенный Далем тёмный глагол *озлу́нить* ‘ударом привести кого в беспамятство’ [Опд. 1858: 158], внесённый в словарь позднее редактором: «[**Озлу́нить: азлу́нить**, ударить сильно по уху, *пск*. **Озлуни́ть**, ударомъ привести кого-либо въ безпамятство. *Озлу́нить по лбу, пск., твер.* Опд.»]» [Даль$_3$-II: 1699]. Возможно, между этими раритетами есть связь.

Это тот случай, когда сомнения есть, но развеять их не удаётся, поскольку слишком много гипотез можно построить на имеющемся бедном материале, но их проверка пока невозможна.

Таким образом, в параграфе 4.3 было показано, что источником призрачных слов в словарях могут быть неверные идентификации в качестве заглавного слова неправильно раскрытых сокращений, возведение в статус заглавного слова условной реконструкции, неопознанной фонетической транскрипции, других элементов из словарной статьи (например, этимологической параллели), части словосочетания. Примыкает к кругу этих ошибок пустая или неточная отсылка, которая не создаёт фантома в строгом смысле, но и ни к чему не приводит. Все рассмотренные пути искажения записи слова очередной раз возвращают нас к вопросу об объективных ограничениях при верификации сомнительной записи.

Итоги главы четвертой

Задачей главы **четвертой** была разработка типологии ошибок, приводящих к возникновению несуществующих заглавных слов. Этот общий результат при всем разнообразии указанных ошибок позволяет рассматривать их вместе.

Принципиальным для данного исследования является разделение на ошибки восприятия и ошибки порождения. В двух начальных параграфах анализировались ошибочные и призрачные словарные фиксации, что позволило создать типологию ошибок прочтения и записи малоизвестных слов, в которой разделены ошибки восприятия, то есть ошибки визуального смешения и переразложения букв (параграф 4.1), и ошибки порождения, то есть опечатки различной природы, в том числе и вызванные особенностями использования технических устройств (параграф 4.2).

Новизна предлагаемой нами *типологии ошибок* обусловлена значительным объёмом привлечённого эмпирического материала, учётом опыта предшественников, а также (1) детализацией существовавших классификаций очиток по ряду параметров (различение смешения и переразложения, учёт длины нейтрализуемого сегмента), (2) дополнением их ошибками сканирования и кодирования[26].

Практическая ценность этой типологии определяется возможностями формировать на её основе более детализированные ожидания для обнаружения вероятных ошибок прочтения.

Отдельно в заключительном параграфе нами *выделены особо и проанализированы ошибки идентификации сокращенных записей заглавных слов и ошибочное приписывание статуса заглавного слова другому элементу словарной статьи*. Эти наблюдения также формируют у исследователя более детализированное представление о вероятных ошибках идентификации, однако

26 Данный вывод соответствует специальности 10.02.19 – теория языка.

этот уникальный материал не столь обширен, чтобы использовать статистические методы.

Этот анализ позволил заметно продвинуться в изучении условий и причин возникновения различных ошибок и путей их обнаружения и обоснованного исправления.

Наблюдение над ошибками записи и прочтения заглавного слова в словарях позволило подтвердить гипотезу об обязательности верификации словарных данных на основе источников для достоверной фиксации слабо документированной лексики. Эта гипотеза и в четвёртой главе была полностью доказана и проиллюстрирована примерами искажения записи заглавного слова в тех случаях, когда такая критика не проведена своевременно и в должном объёме.

ГЛАВА 5. ВЫЯВЛЕНИЕ И ИСПРАВЛЕНИЕ ОШИБОЧНЫХ КОМПОНЕНТОВ В СЛОВАРНОЙ СТАТЬЕ

Глава пятая имеет своей задачей описать принципы обнаружения и анализа ошибок в основных компонентах словарной статьи, как правило, получившей дополнения и уточнения после критики вариантов написания слова, проведенной в соответствии с принципами, описанными в главах 3 и 4.

Эта задача конкретизируется в следующих аспектах: а) предложить типологию ошибок в толкованиях и при интерпретации иллюстративных контекстов, а также: б) представить пути верификации грамматических помет и в) основных ограничительных помет (стилистических, географических, хронологических). Сознательно не уделено внимания некоторым менее распространённым элементам словарной статьи, например: произносительным характеристикам описываемого слова (за исключением ударения, которое отчасти рассмотрено как элемент оформления написанного заглавного слова в 4-й главе), а также этимологических пометам и справкам, поскольку обсуждение их исправлений предполагает включение в сложнейший контекст развития отечественной и славянской этимологической науки, как это сделано, например, в работе [Добродомов 2009b].

Наблюдение над вызванными дефицитом источниковедческой критики ошибками в различных компонентах описания слабо документированной лексики позволило сформулировать гипотезу об обязательности верификации словарных данных на основе источников для достижения достоверности этого описания. Уточнение написания слова и состава словарной статьи создаёт предпосылки для исправления ошибок в различных компонентах словарного описания (толкованиях, пометах) на основе более строгой процедуры верификации.

Если речь ведётся о слабо или даже недостаточно документированном

слове, то не всегда ясно, что в информации о слове верно, а что – ошибочно. Но даже и в том случае, когда удаётся опознать ошибку, не все этапы возникновения ошибки даны исследователю для наблюдения. Однако логика возникновения ошибки обычно может быть восстановлена, хотя и с известными допущениями. Как и в предыдущей главе, по возможности рассматриваются сначала ошибки восприятия (образно говоря, «искреннего непонимания» [Экхофф 2004: 240]), а потом уже́ ошибки порождения или интерпретации, предполагающие более активное участие допускающего ошибку.

5.1. Принципы исправления толкования слабо документированного слова

5.1.1. Ограничение материала и уточнение цели данного параграфа

Обращаясь к трактуемым вслед за С.А. Мызниковым сущностным параметрам словаря (заголовочное слово, смысл толкования) [Мызников 2008: 388, прим. 2], определим цель данного параграфа. Выше было предложено решение задачи исправления записей заглавного слова. Эта задача потребовала значительных усилий, но они окупаются тем, что позволяют собрать вместе разрозненную информацию о слабо документированном слове, представленном в вариативных и не всегда корректных записях. Без этого этапа (критики словарной записи слова) нет возможности приступить к верификации остальных частей словарной статьи.

Далее рассматриваются подходы к исправлению толкования слова. И.Г. Добродомов указывает: «Призрачность ошибочно возникшего слова может касаться <...> и его истолкования, семантической характеристики (правой стороны словарной статьи)» [Добродомов 1982: 180]. А.Ф. Журавлёв, опираясь на обширный опыт критики данных словаря, указывает на такую же последовательность решения двух принципиально разных задач, предполагающую сначала исправление записей, а затем на их основе уточнение

описаний семантики: «Наблюдения эти касаются только формальных отождествлений и не затрагивают семантики диалектных слов (неполных или ошибочных словарных толкований, недостаточных семантических оснований для объединения формально идентичных лексем в одну словарную статью и проч.)» [Журавлёв-2: 93]. Без уточнения графического оформления редкого слова невозможно или (что ещё опаснее) затруднено и его понимание. Затруднения при понимании неизвестного слова по его словарному толкованию не всегда могут быть оценены с должной осторожностью, а ложное решение верифицируется с большими усилиями, если правдоподобно. Возможности и ресурсы носителя языка и исследователя при поиске гипотетического толкования прозрачного с точки зрения производности (или кажущегося таковым) слова весьма богаты. Л.Ю. Астахина приводит пример исправления древнерусского **паритель** ‘находящийся в высоте’ на правильное **пиритель** ‘устроитель пира’ [Астахина 2006: 41]. Симптоматично, что оба прочтения получали правдоподобное толкование, опирающееся на имеющееся написание и усмотренную исследователями морфемную структуру.

Очень важно сразу ограничить рассматриваемый материал, поскольку толкования можно уточнять по многим аспектам, практически до бесконечности. Особенно следует указать, что современный читатель не всегда вполне верно понимает толкования лексикографов прошлого. Таким образом, нельзя говорить о том, что цель критики семантического описания малоизвестного слова – это достижение стабильной корректности. Вернее говорить о постоянно заполняемой и расширяющейся бездне непонимания между лексикографами прошлого и нашими современниками. В этой ситуации верификация семантического описания не может быть успешной без учёта исторической перспективы, даже если речь идёт о материале XX века.

Первый, на наш взгляд, слой критики (представленный в данном исследовании) должен по возможности ограничиться рассмотрением толкований отдельных значений и обнаружением ошибок соотнесения с

денотатом в тех или иных контекстах. Если толкование в принципе реалистично, то далее производится проверка уместности заданных границ и объёма того или иного значения. Надо сказать, что словарные толкования не всегда безупречны в этом отношении, а часто контекстуально обусловлены, но на данном этапе критики речь идёт лишь о достоверности и приемлемости, а не о возможном улучшении удовлетворительных авторских словесных толкований. Только после этого можно вести речь о принципах дифференциации и взаимоуточнения разных значений слова (например: выпил целый стакан = ‘полный’, треснул целый стакан = ‘неповрежденный’ [Еськова 2003: 396-400]), их связей при полисемии, разграничении омонимов и близких по значению слов.

Например, невозможно учесть развитие регулярной многозначности: «Серые щи. То же, что серые листья. *На базаре продают серые щи.* Яросл. **Яросл.**, 1990» [СРНГ-37: 227], а также собственно ‘приготовляемое из капустных листьев блюдо (щи)’: «Похлебай-ка сѣрыхъ щей» [Варенцов 1862: 255], не сырых листьев, разумеется. Такого рода регулярные метонимические переносы мы не можем рассматривать в данном исследовании. Дополнять словари в этом отношении необходимо, но это надо предпринимать, если уже решены более общие задачи семантического описания. Поэтому такие мелкие уточнения остаются вне зоны нашего внимания.

Здесь возникает ещё одна проблема: совершенно недостаточно проработан вопрос о гармонизации сводного описания общерусского словаря как условного конструкта и частных описаний локальных реально функционирующих диалектных лексических систем. Понятно, что словарная омонимия, охватывающая одновременно материал Севера и Юга, в большинстве случаев является словарной условностью описания.

В перспективе можно представить и такое направление критики, но в данном исследовании эта масштабная задача (требующая пересмотра значительной части словарей) не ставится, хотя её актуальность и осознаётся:

«Необходима известная доля критичности в обращении к материалам диалектных словарей. Не говоря здесь об ошибочных записях форм, следует априори допускать условность определения, распределения и характеристики значений многозначного слова» [Варбот 2009: 42]. Наряду с пространственной перспективой нельзя упускать из виду и историческую, на что указывает Г.В. Судаков «При анализе древнерусского слова необходимо учитывать, что семантическая структура исторического слова и современного слова не тождественны, хотя звуковая форма мало различается» [Судаков 2012: 343].

Наблюдения А.Б. Страхова в этой области чрезвычайно полезны и поучительны: *выступец* ‘выход’, а не ‘выступающая часть чего-либо’ [Страхов 2004: 267], *местник* ‘мститель’, а не ‘местный житель’ [Страхов 2004: 289], *зажирная вода* ‘подпочвенная вода’ от *зажирать* ‘глубоко врезаться’, а не от *жир* [Страхов 2004: 275] и др. Однако систематическое рассмотрение всего материала в этом аспекте остаётся за рамками настоящего исследования, да и возможно оно только во вторую очередь на основе предпринимаемого и нами далее рассмотрения и уточнения отдельных толкований.

Описание семантической структуры многозначного слова, разработанное В.В. Виноградовым [Виноградов-Iс: 243-264], для полновесного обоснования требует зачастую значительно большего цитатного материала, чем может представить даже самая богатая диалектная картотека. (Не берёмся оценивать в этом отношении такие уникальные полные словари [Деулино 1969; Полный-1/4; Вершининский-1/7].) Ю.Д. Апресян пишет: «Под структурой многозначности понимается представление множества значений данного слова в виде иерархии групп, с определённым порядком следования групп внутри вокабулы и самих значений внутри каждой группы» [Апресян 1999: 640]. Надо напомнить, что дифференциальный словарь говора и не предполагал изначально решения такой масштабной задачи, возникшей позднее в сводном словаре.

Не принимаются во внимание, поскольку не являются ошибочными, те словарные толкования, которые отражают воззрения или состояние науки

прошлого: «**Авария** – повреждение судна, крушение»; «**Аггрегат** – механическое соединение» [Карманный 1929: 4, 7]; историзмы: «ПОЯСНЫЕ ЦЕНЫ в СССР, вид цен, по которым продукт реализуется в пределах данного терр<иториального>. пояса (р-на страны)» [СЭС 1988: 1050].

Существенно, как и в случае с недостоверной фиксацией записи слова, помнить, что установление границы нашего невежества при определении семантики редкого слова важнее, чем имитация непоколебимого знания. Несколько учебных примеров анализа слова с неопределимой по контексту семантикой представлено в Приложении (5.1-1).

В массе своей толкования, выявляемые как некорректные на основе процедур критики словарных источников, по ряду важных признаков можно разделить на две большие группы [Шаповал 2001а; Шаповал 2004а: 16-23]. *«Дефектные» и «проблемные» толкования* – это важнейшее разделение, представленное в данном параграфе.

Дефектными мы будем называть такие толкования, причины возникновения и пути исправления которых лежат в известном смысле вне сферы семантики. Например: *ву́дер* – ‘зверь’ [Мильяненков 1992: 99], ср. цыганское *вудэ́р* ‘дверь’ (смешение рукописных *д* и *з*). Причиной возникновения их выступает неверное опознание и воспроизведение буквы, слова как графического объекта, назначения графического выделения и других сигналов, обозначающих границы словарной статьи и её компонентов в тексте словаря.

Проблемными же предлагается называть ошибочные и сомнительные толкования, причины возникновения которых лежат собственно в сфере семантики, понимания и интерпретации. Соответственно, и пути их исправления и уточнения также находятся в компетенции семантического анализа. Например, смешение наименований близких понятий, смежных и функционально сходных предметов.

Неадекватная трансформация толкования, к сожалению, иногда является

частью авторской правки, последствием неосторожной «формально-логической шлифовки», если воспользоваться выражением В.М. Мокиенко и Т.Н. Никитиной [Мокиенко, Никитина 2000: 11]. (Здесь трудно не заметить параллели со столь же опасными непомеченными исправлениями записи малоизвестного слова.)

Поскольку осмыслению и «оправданию» при переносе из словаря в словарь подвергаются и те и другие ошибки описания семантики слова, граница между «дефектными» и «проблемными» толкованиями оказывается объективно размытой. Например, если была предпринята неудачная попытка осмысления и исправления «дефектного» толкования по наитию, то в результате возникает уже «проблемное» толкование [Шаповал 2004: 24]. Рассмотрим «жаргонное» (кавычки здесь и далее указывают на нашу неготовность разделить такую квалификацию принадлежности описанного слова) «**Ухета́ть** – убрать, устранить» [Мильяненков 1992: 259]. Ср. с др. ударением в словаре Даля: «**УХЕ́ТАТЬ** что, *п*<е>*нз*<енское,> *сар*<атовское> убрать, устроить» [Даль$_6$-IV: 524]. Смешение ***и*** – *н*, ***и*т** – *т* даёт на месте *устроить* прочтение $^+$устронить. Понимание слова «убрать» как жаргонного ‘убить’ приводит к усилению криминализации и, вероятно, к принятию прочтения рукописной записи *устроить* как **устронить*. Затем уже **устронить* исправляется на *устранить*. Дополнительно усиливают правдоподобие нового толкования синонимы, добавленные в другом словаре, где смешение *а* – *и* приводит к возникновению фантомного написания: «**УХЕТИТЬ** – 1. Убрать 2. Устранить, ликвидировать; убить» [ББИ 1992: 256; Балдаев 1997-II: 102]. В данном случае признаки дефектного и проблемного толкования взятого у Даля псевдожаргонного фантома накапливаются параллельно или вперемежку. См. также: (уголовное) *подлачить* – не якобы ‘подметать’ [Баранников 1931: 152], а ‘подметить’ [Потапов 1927: 121], см.: [Шаповал 2007b: 112], а также (изначально нищенское) *шалото* – видимо, ‘болото’ [Сцепуро 1881: 188], а не якобы ‘долото’ [Виноградов 1927: 26] или позднейшее ‘золото’ [ТСУЖ 1991: 198].

Правдоподобие записи *ухетать/ухетить* в данном «значении» могло также подкрепляться смутным воспоминанием о жаргонизме *ушата́ть* ‘убить’ [ББИ 1992: 256] или влиянием украинского *хита́ти* ‘качать, шатать’ и редкого *ухита́ти* ‘укачать > *перен.* склонить, убедить’. Несомненна только зависимость толкования (и записи?) в данной словарной статье от неправильно понятого «Толкового словаря» Даля.

***Схема 4*. Типы ошибок в толковании**

Схема 4, в которой приведены основные разновидности ошибок обеих групп, определяет и порядок рассмотрения материала в двух следующих подпараграфах.

5.1.2. «Дефектные» толкования и их признаки

Классификация ошибок восприятия (и копирования), приводящих к «дефектным» толкованиям, чрезвычайно затруднена тем, что зачастую трудно разделить роль различных факторов и этапов возникновения ошибки. Рабочая группировка типов ошибок восприятия сложилась в таком виде:

1. Толкования с ошибками на уровне графики (в одной букве). Толкования с опечаткой, неверным прочтением буквы возникают при работе с малоизвестным словом с завидной регулярностью. Обычно это происходит с однословным толкованием, лишённым подкрепляющего иллюстративного примера:

офенское «Ласо – масло» [Тихонравов 1857: 25] < ‘мало’;

жаргонное *ла́со* ‘мыло’ [Потапов 1927: 81] < ‘мало’;

жгонское *сапу́н* ‘мало’ [Бондалетов 1980: 92] < ‘мыло’;

цыганское *тхилъ* ‘мыло’ [Зуев 1787: 180] < ‘масло’.

Специфическая многозначность (масло – мыло) в вышеприведённых примерах сомнительна, хотя встречается в новых жаргонных словарях: «**Шми́рлинг** (*мн.*) – масло; мыло» [Мильяненков 1992: 282]; «**ШМИРЛИНГ** (ин.) – 1. Мыло. 2. Масло» [ББИ 1992: 290; Балдаев 1997-II: 164], – но в данном случае русские словари неосторожно повторяют немецкие: «**Schmierling** *f* 1. Seife <…> 2. Butter <…> 3. Käse <...>» [Wolf 1956: 291, № 5024] <‘1. мыло, 2. масло, 3. сыр’>; «*Schmierling* Butter, Seife» [Polzer 1922: 80], букв. ‘намазка’.

Довольно часто такие неточности толкования встречаются в жаргонных словарях, например, жаргонное: «**КАМЫШО́ВКА**, -и, *ж. Угол.*<овное> 1. Лом <...> 2. Большой дом, усадьба <...>» [Мокиенко, Никитина 2000: 240]. Можно предположить, что слово *лом* в толковании было ошибочно прочитано как +дом [Балдаев 1997-I: 177; ББИ 1992: 99]. Ср.: «*камышевка* – лом большой» [Путилин 1904: 261-267], цит. по: [СРВС-1: 66].

Дополнительные примеры толкований с ошибками в одной букве: смоленское *бачина* – ‘страница’ [СРНГ-2: 161], а не якобы ‘страннница’ [Добровольский 1914: 24]; «жаргонное» *гав* – ‘деревня’ [Wolf 1956: 148], а не якобы ‘деревья’ [Мильяненков 1992: 101] и др.

2. Толкования с ошибками на уровне графики (в нескольких буквах слова). Иногда подбор «приемлемого» прочтения рукописной фиксации слова приводит к возникновению правдоподобного, но не адекватного чтения. Нереальность слова подтверждается своеобразной ошибочной трансформацией толкования: «**Жумга́рь** – самолет» [ТСУЖ 1991: 58] < *самогон < «**Жумагарь** – самогонка» [Воривода 1971: 30].

Также, если это не игра слов на основе паронимии, то в условном языке дорогобужских мещан сомнительно толкование слова *галустница*: «Га́лустница – заловка» [Добровольский 1916: *2*] <золовка?>, ожидается – ‘селёдка’, букв. ‘солёная (рыба)’, или ‘солонка’.

Дополнительные примеры с ошибками в нескольких буквах толкования: *а́лав* – ‘пламя’ [Wolf 1956: 33], а не якобы ‘платье’ [Мильяненков 1992: 77]; *ланга* – ‘пламя’ [Wolf 1956: 192], а не ‘платье’ [Мильяненков 1992: 153]; *цикорий* – ‘экскременты’, а не ‘эксперименты’ [ТСУЖ 1991: 193]. См. также Прил. 5.1-2, п. 2.

3. Утрата составных частей толкуемого. Одним из возможных путей спорного редактирования словарной статьи является также утрата (сокращение) при копировании существенных составных частей толкуемого словосочетания, что делает неадекватным и толкование: «ШАТАНЫЙ – гуляка пьяный» [Бронников (1990): 50], ср. ранее у Гиляровского: «– Не лягаш ли? – Не-е... просто стрюк шатаный...» (в речи проституток – ‘загулявший барин’) [Гиляровский 1989: 75, прим. 3].

Дополнительные примеры с утратой частей толкуемого: жаргонное «**ГОЛЬЧИ́ХА**, -и, *ж., собир. Угол.* Несовершеннолетние преступники. ТСУЖ, 41» [Мокиенко, Никитина 2000: 132], источник – разбитое при цитировании

перечисление: «**Голе́ц, гольчи́ха** – несовершеннолетние преступники» [ТСУЖ 1991: 41]. Жаргонное (?) «**Пхень** – брат, сестра» [Потапов 1927: 132], неточное цитирование цыг. *пшал, пхэнь – брат, сестра.* Нищенское белорусское «тайно – нико́нто» [Сцепуро 1881: 196; Приёмышева 2009-2: 325], это слово значит ‘никто’, видимо, было усечено выражение, которое реконструируется как *нико́нто ня сѣ́врае ‘никто не знает’.

Потенциальной множественностью решений при соотнесении слова или словосочетания со значением, вычленяемым из контекста, и объясняется открытость данного типа ошибок, точнее говоря, не всегда бесспорных трактовок, частично включающих в толкование смысл скрытого и неизвестного читателю контекста.

4. Утрата составных частей толкования. Сокращение исходного толкования предшественника составителю словаря может казаться невинной и даже полезной операцией, однако это не так безопасно: «ГОНЯТЬ БЫКОВ – играть в кости» [Бронников (1990): 8]. Здесь может возникнуть неверное представление, что *быки* – это игральные кости, однако исходное толкование было поточнее: «**Гонять быковъ,** – играть въ карты или кости на кусочки холоднаго мяса (**арест.**<антское>)» [Попов 1912: 27]. Трудно сказать, насколько сохранялась в тюрьмах в 1920-е гг. дореволюционная практика раздачи в обед кусочков порционного мяса, варившегося во щах. (Во всяком случае во время нэпа меню и нормы довольствия для узников напоминали тогдашние армейские: «Мясо было порезано на кусочки и выдавалось с весу» [Пряников 2013].) У Потапова представлено трансформированное толкование: «играть в карты или кости на кусочек холодного мяса (арест.)» [Потапов 1927: 37], – что противоречит форме множественного числа, ср. также ранее: *быки* – ‘кусочки мяса’ [Трахтенберг 1908: 12]. См. также Прил. 5.1-2, п. 4.

5. Перестановка толкуемого и толкующего компонентов. Сложным для критики и верификации случаем является перестановка толкуемого и толкующего слов местами, иногда обнаруживаемая в жаргонных словарях. Во-

первых, жаргонизмы часто являются переосмыслениями общеизвестных слов, а словарные статьи в жаргонных словарях отличаются краткостью и почти никогда не имеют иллюстративных контекстов, поэтому при перестановке не возникает явных сигналов ошибки. Во-вторых, и в толковании, особенно на стадии собирания материала, также могут использоваться жаргонные слова. В-третьих, ещё Б.А. Ларин отмечал такие побочные эффекты создания арготических номинаций, как «устранение омонимов» (если *бан* ‘вокзал’ превращается в *баню*, то ‘баня’ переименовывается в *митугу* и т. д.) и, в частности, иногда попадаются встречные переименования (*один* ‘кол’, *кол* ‘один <рубль>’) [Ларин 1931: 129]. Рассмотрим подозрительный пример: *«***Замо́к** – серьги» [ТСУЖ 1991: 64; Бронников (1990): 14]; но там же имеется и зафиксированное ранее и несомненно реальное жаргонное слово: «**Серьга** – замок висячий» [ТСУЖ 1991: 160; Бронников (1990): 39; Потапов 1927: 143; Трахтенберг 1908: 54] (см. также 1.1.3.2, п. 4).

Дополнительные примеры толкований с перестановкой толкуемого и толкования. Примеры перестановки основных частей словарной статьи заставляют и к другим случаям встречных переименований присмотреться более внимательно: *цепочка* – ‘паутина’ [Воривода 1971: 91] (скорее ‘цепочка’ именуется *паутиной*), возможно, *полова* (+голова?) – ‘чердак’ [Потапов 1927: 123] (скорее голова уничижительно именуется *чердаком*).

Подобные перестановки спорадически встречаются в публикации материалов Добровольского, где представлено произвольное чередование на первой позиции толкуемого и толкования (толкуемое подчеркнуто): «**Шкатула** – шкатулка, сундучекъ для добра или денегъ. У натури ўсѣ ровны, а у шкатули нѣ»; «**Шкафъ**. Шкапъ» [Добровольский 1914-2: 1002]. Эта небрежность характерна для материалов, которые записывались много лет по разным принципам. При подготовке публикации обычно механически было выделено полужирным первое слово в записи.

Одним из источников ошибок толкования является также нарушение границ между внутренними частями словарной статьи или даже границ между соседними словарными статьями при копировании в рукопись нового словаря.

6. Нарушение границ между внутренними частями словарной статьи. Этот тип ошибок встречается редко, но обладает высокой живучестью, поскольку результат выглядит очень правдоподобным: жаргонное *ментовская* – якобы ‘контора’ [Воривода 1971: 52] < «ментовская контора» ‘отделение милиции’. Данная ошибка искажает как толкуемое слово, так и толкование. Ср. *шатровая мельница* (4.3.2).

Дополнительные примеры толкований с нарушением границы между толкуемым и толкованием в жаргонных словарях: *чайник* – якобы ‘тормоз’ [Мокиенко, Никитина 2000: 664], где *чайник* и *тормоз* – почти синонимы ‘новичок, недоучка / тупой и медлительный человек’; «**ВЕНЕРА** – 1. Подарок. 2. Сифилис» [ББИ 1992: 41; Балдаев 1997-I: 58], следует читать: **венера, подарок* – это два синонима со значением ‘сифилис’.

7. Нарушение границ между соседними словарными статьями. Довольно надёжно опознаваемым типом ошибок в толковании являются последствия слияния двух соседних словарных статей: «**Желе́зный фра́ер** – ржаной хлеб» [ТСУЖ 1991: 55], но ср. источник: «ЖЕЛЕЗНЫЙ ФРАЕР – трактор; ЖЕЛЕЗНЯК – ржаной хлеб» [Бронников (1991): 12].

«**Иа́хе** (*мн.*) – суп» [Мильяненков 1992: 129]; «ИАХЕ (ин.) – суп» [ББИ 1992: 94; Балдаев 1997-I: 167]. В «Большом словаре жаргонов» воспроизведено с толкованием к предыдущему слову «ИАС – водка» [ББИ 1992: 94; Балдаев 1997-I: 167]: «**ИА́ХЕ**, неизм., *Угол*<овное>, *арест*<антское>. Водка [Мокиенко, Никитина 2000: 228]. Такого рода ошибки (перенос из соседней строки) при последующем копировании обычно указывают на то, что слово и его значение были неизвестны писавшему, поэтому внутреннее поддиктовывание и контроль отсутствовали. В немецком словаре: «**Jauche** *f* Suppe <суп>: 1922» [Wolf 1956: 144, No 2337; Polzer 1922: 38]. З.А. Вольф возводит это слово к польскому; но

это, вероятно, *joucha* <юха> «суп, юшка, бульон» в архаичном написании и, вероятно, из другого западнославянского языка [Шаповал 2003: 99; 2006а: 422]. Такого рода ошибки перспективны, так как часто возникают при наборе на компьютере, если целиком копируется предыдущая словарная статья, а затем поверх печатаются части следующей словарной статьи. Лучше использовать шаблон, не содержащий реальные слова, чтобы не множить фантомы.

Цитирование при заглавном слове гнезда из словаря Даля толкования производного слова также можно интерпретировать как нарушение границ между описаниями соседних слов в жаргонном словаре: **АБАС** – … «2. (пренебр.) Глупый, недалекий человек. 3. Двадцатикопеечная монета» [ББИ 1992: 16], цитируется «Толковый словарь» Даля: ***Абас*** ‘персидская серебряная монета, около 20 коп.’ + толкование к *абаза* ‘**бестолковый** <…>’ [Даль$_6$-I: 1]; **ЧАБУН** – монета [ББИ 1992: 277], цитируется тот же словарь: ***Ча́бун*** ‘самоедский денежный кошель, мошна из оленины’ + толкование к *чабуни́ца* ‘**монета**’ [Даль$_6$-IV: 580].

Дополнительные примеры толкований с нарушением границ между соседними словарными статьями из жаргонных словарей:

загаить – якобы ‘уличить’ [Мильяненков 1992: 122], ср. в словаре Даля: «**ЗАГА́ИТЬ** что, *тул. ряз.* (*гать*) затворить, закрыть»; <в другом столбце:> «**ЗАГА́НИВАТЬ**, ***загоня́ть*** <...> || Ставить въ тупикъ множествомъ или трудностью вопросовъ <...>» [Даль$_6$-I: 566];

заноза – якобы ‘лошадь’ [Мильяненков 1992: 124], возможно, результат контаминации двух выписок из Даля: «**ЗАНОЖИТЬ** *лошадь*, привязать за ногу и пустить на траву»; <строкою ниже:> «**ЗАНОЗА** ж. мелкій осколышъ дерева» [Даль$_6$-I: 609; Шаповал 2003а: 303];

кот – якобы ‘колесо’ [ТСУЖ 1991: 90], не исключено, что это – результат смешения двух словарных статей: «*колеса* – сапоги» [ТСУЖ 1991: 87] и **коты* – сапоги, ср.: *коты* – валеные сапоги [Потапов 1927: 74];

проталить – якобы ‘пропить, проиграть, промотать’ [ББИ 1992: 198],

может восходить к контаминированной выписке из словаря Даля: «**ПРОГАЛАНИТЬ** *влгд*. ***прогалушить*** *вят*. ***прога(о)лдить*** *тмб*. прокалякать, прокумекать, проболтать; || *прогаланать деньги*, *кур*. пропить, прокутить. **ПРОГАЛИТЬ** (*голь, проголи́ть*?) что, прочистить, открыть, дать куда проникнуть свету. *Прогалить заросли*. <…> **ПРОГАЛУНИТЬ** *деньги,* ***прогалуниться***, промотать, -ся на щегольство» [Даль$_6$-III: 475];

уксус – якобы ‘лак’ («**Уксусъ**, – лакъ, **ар**<е>**с**<тантское>.») [Попов 1912: 88], ‘лак’ именовать в воровском жаргоне особым образом не слишком необходимо, а вот ‘лакей’ и его усечение *лак* могли заменяться наименованием *петрушка*, а их синоним *уксус* ‘лакей’, видимо, прямо перекликается с героем народного театра *Петром Петровичем Уксусовым* (*Петрушкой*) [Отин 2004: 276-277; 2006: 298-299];

цаца – якобы ‘золотая монета’ [ББИ 1992: 273], в выписке из словаря Даля: «**ЦА́ТА** ж. <..> || Црк. монетка, динарій»; <строкою ниже:> «**ЦА́ЦА** ж. или цяця, цацка юж. зап. кал. тмб. дѣтская игрушка <..>» [Даль$_6$-IV: 571];

шателен – якобы ‘винный погреб’ [Грачёв 2003: 1044], ошибочно вместо «часовая цепочка», толкование к слову *шатун* взято из соседней словарной статьи;

шушпан – якобы ‘бездельник, тунеядец’ [ББИ 1992: 295], контаминация двух выписок из Даля: «**ШУШЛЕПЕНЬ** м. *вят*. лентяй, увалень, лежебокъ»; «**ШУШПАНЪ** м. *ниж. смб. прм*. мордовскій балахонъ» [Даль$_6$-IV: 650].

Близко, видимо, к этому типу ошибочного цитирования толкования и «жаргонное»: «**Фиш** (*мн.*) – мошенник» [Мильяненков 1992: 260], букв.: рыба < на основе немецкого *Fischer m* Dieb <вор, букв.: рыбак> [Wolf 1956: 98]. Далеко не всегда такого рода контаминации можно обнаружить и обоснованно исправить. См. также Прил. 5.1-2, п. 7.

8. Толкование равно толкуемому (или отсутствует). Иногда вместо толкования ставится по ошибке то же самое толкуемое слово: «**Омихну́ться**,

нусь, нёшься, *сов.* То же, что омихнуться. Осташк. **Калин.**, 1946. – Ср. Обмихнуться» [СРНГ-23: 203]. Способ толкования не слишком эффективный. Ср. «**Обмихну́ться**, ну́сь, нёшься, *сов.* 1. Ошибиться» [СРНГ-22: 129].

«Ошибка в толковании статьи и глагола **Спобо́чить:** “То же, что спобочить” (<СРНГ> вып. 40, 172). Надо: “То же, что спобочинить”» [Страхов 2008: 269].

Встречается изредка и предельный случай, когда толкование отсутствует, архангельское: «*Развалочная изба*» [Рейнеке и др. 1844: 124], т. е. «разъемная, разборная» [Даль$_3$-III: 14, 87].

Пропуск толкования ‘дёсны’ наблюдается в череповецком: «Я́сна, я́сны. «Ѣсть худо – я́сны болятъ» [Герасимов 1910: 98]. Поскольку пропуск не отмечен обычным для данного издания знаком (==?), стоящим при отсутствующих или сомнительных толкованиях, надо полагать, что собиратель знал значение этого слова, но забыл его вписать. См. также Прил. 5.1-2, п. 8.

Описанные выше типы ошибок в оформлении толкования обнаружены в проанализированном словарном материале. Эта чёткая и непротиворечивая классификация, выросшая из обобщения эмпирического материала представительного объёма, может быть распространена и на другие словари.

Обращение преимущественно к жаргонному материалу объясняется тем, что в нём выбор примеров ошибочного (дефектного) толкования заметно шире, чем в словарях народных говоров.

5.1.3. «Проблемные» толкования и их признаки

В словаре не может быть абсолютной теоретической полноты, указывает Анна Вежбицка, обосновывая, почему «практический лексикограф, разумеется, не имеет достаточного объёма, чтобы сделать описание хотя бы одного слова, не говоря уже о тысячах слов, с которыми обычно имеет дело» [Wierzbicka 1990: 259]. См. Прил. 5.1-3.

Типы ошибок интерпретации, приводящих к «проблемным» толкованиям, очень многообразны, но в массе своей являются следствием стремления автора словаря избегнуть длиннот в изложении, что приводит далее к читательскому непониманию.

Далее описываются и иллюстрируются те из интерпретациооных ошибок, которые были обнаружены в проанализированном материале. Для лучшей обозримости все случаи разбиты на 5 групп: 1) расширение значения слова; 2) сужение значения слова; 3) сдвиг значения слова с сохранением пересечения; 4) (более кардинальный) сдвиг значения слова без сохранения пересечения; 5) использование в толковании непонятных читателю или потенциальных слов.

Произвольные метонимические сдвиги (нередко имеющие место только в воображении автора словаря) приводят к возникновению приблизительных толкований. Они обычно вызваны ограниченностью числа и семантической недостаточностью имеющихся иллюстративных контекстов: «**Зграбно**, *нареч.* Красиво. *У его всегда зграбно получается*. Йонав. **Лит. ССР**, 1965» [СРНГ-11: 228], ср. с более широким значением польск. *zgrabny* ‘стройный, изящный, ловкий’. Здесь более точное значение – ‘изящно / ловко’.

Неполнота исходной информации обусловливает возникновение толкования, частично адекватного, но не учитывающего ряд важных признаков. Иногда мотивированный выбор между двумя соотносительными трактовками затруднен: «ко́га – кочка» [Зензинов 1913: 211]; «**Ко́га –** непроходимое болото»

[Мильяненков 1992: 141]. Ср. с различной географической привязкой разных значений: *ко́га* ‘кочковатое болото на краю леса’ в междуречье Оби и Иртыша, ‘кочка’ в Якутии, а также ‘бугор на берегу реки, образованный ледоходом’ в нижнеиндигирских говорах [Аникин 2000: 295].

1. Расширение значения слова, вызванное необоснованной утратой существенных отличительных элементов толкования.

Расширение семантического объёма обычно вызвано тем, что особенность значения, важная для дифференциации его в кругу синонимов и семантически близких слов, не отражена в толковании. Например, алтайское: *крестовый дом* – ‘рубленый дом с двумя крестообразно расположенными внутренними стенами’ [Воробьева 2002: 49], как и *круглый дом* [СРНГ-15: 300], а не вообще ‘большой, капитальный, добротный дом’ [Елистратов 2001: 156].

Дополнительные примеры ошибочного расширения значения слова: жаргонное *брак* ‘настоящие купюры, выдаваемые за качественную фальшивку’ [Попов 1992: 17], а не якобы ‘купюры, выдаваемые фальшивомонетчиком за бракованные’ [Грачёв 1991: 27]; сленговое *ихтиандр* – всё-таки ‘рвота’ [Мокиенко, Никитина 2000: 234], а не ‘любое проявление расстройства желудка’ [Югановы 1997: 97]; жаргонное *половинка* – ‘половинка кирпича’, а не вообще ‘камень’ [Воривода 1971: 65] и др. Несколько слов из словаря Даля в жаргонных словарях описаны без необходимой детализации семантики, как показано далее (6.3.3, п. 10).

Неправильная идентификация языка описания может быть обусловлена (полным) сходством слов в разных языках[27]. Иногда толкование может пониматься не вполне верно (расширенно) из-за интерференции между близкородственными языками: белорусское нищенское «злодѣйство –

27 Совпадение слов в разных языках толкования – случай нетривиальный. Такое смешение может приводить к ошибкам при цитировании. Ср.: «*Vasavo* Bad» <якобы немецкое «ванна», а не английское «плохой»> [Polzer 1922: 94], здесь неправильно цитируется английско-цыганское «***Vasavo*** Bad» <плохой> [Pott-II: 85], см.: [Шаповал 2009р; Шаповал 2011k].

климовство́» [Сцепуро 1881: 190; Приёмышева 2009-2: 312]. Белорусское *зладзейства* имеет в народной речи более узкое значение: только ‘воровство’, а не вообще всякое ‘злодеяние’, ср.: «Кли́мать – воровать» и проч. [Бондалетов 2004: 274]. Подобное же расширение значения наблюдается из-за недоучёта семантики толкования «место» в похожем языке: украинское (у галицких лирников): «место – си́вгород» [Приёмышева 2009-2: 398], где ‘город / місто (мѣсто)’, а не вообще всякое ‘место’.

С точки зрения направления изменения семантического объёма формально противопоставлены расширительные толкования и контекстуально «суженные». Расширение толкования автоматически приводит к неадекватному результату. Сужение, как правило, даёт частично приемлемый результат. Верифицировать случаи сужения и доказывать при необходимости их «проблемность», то есть несоответствие реальному словоупотреблению, довольно трудно уже в силу бедности имеющихся иллюстративных контекстов диалектных и особенно жаргонных словарей. Кроме того, приходится учитывать, что сужение значения характерно для многих русских слов, в частности, в их жаргонном употреблении, например: *играющий* – ‘хорошо играющий в карты’ [Лихачёв 1935/93: 371].

2. Сужение значения слова, вызванное необоснованной вставкой в толкование дополнительных отличительных элементов.

Неоправданная или не детерминированная исходным толкованием детализация толкования в словарях-наследниках и сужение объёма значения также является источником сомнительных толкований: «ЗАМАРЧИТЬ[1] – надёжно спрятать краденое» [Бронников (1990): 14]; ТСУЖ также дополняет: «**Замарчи́ть**[2] – убить и похоронить жертву» [ТСУЖ 1991: 63]. Обе формулировки – результат расщепления и детализации прежнего (довольно неопределённого) толкования слова (без ударения): «**Замарчить** – схоронить» [Потапов 1927: 53].

Другой тип неудачно суженного толкования обусловлен неоправданной

атомизацией значения ‘хороший’ в описании условного языка белорусских нищих: *кле́вый* = ‘вѣрный’, ‘добрый’; ‘отборный’; ‘умный’, ‘хитрый’, ‘храбрый’; ‘честный’, ‘чистый’ [Сцепуро 1881: 189, 193, 196, 197], а также * ‘щедрый’, если исходить из *неклевый* = ‘скупой’ [Сцепуро 1881: 195].

Дополнительные примеры ошибочного сужения толкования. Усиление и подчеркивание «криминального компонента» в толковании было, видимо, одним из требований при включении слова в служебные словари примерно в 1950-90 гг. Эти формулировки сохранились и в сводных словарях наших дней. Вместе с тем нельзя не согласиться с мнением В.Б. Быкова о том, что с точки зрения носителя «жаргонные значения лишены семы ‘преступный’» [Быков 1994: 7]. В жаргонной лексикографии это означает необходимость более строгого различения в толковании описания явления и его оценки. Вопрос о позиции наблюдателя в данном случае носит не только теоретический интерес, от него зависит корректность описания, но он пока не разработан. Примеры криминализации толкования однотипны: «**Ману́фта** – краденая мануфактура» [ТСУЖ 1991: 103], первично ‘мануфактура’ (то есть ‘ткань’) [Потапов 1927: 87]. См. также: «ГРАНТ – приём удушения» [Бронников (1990): 8; ТСУЖ 1991: 43], ранее не столь жестоко: «**Грант** – приём давления» [Потапов 1927: 38]; «Г.<РАНД> МОКРЫЙ – грабеж, сопряженный с убийством» [Бронников (1990): 8; ТСУЖ 1991: 43], ранее не столь узко: «**Гранд мокрый** – грабеж с кровопролитием» [Трахтенберг 1908: 20; Потапов 1927: 38]; «**Заделье** – воровская свадьба» [ТСУЖ 1991: 60] (первоначально *воровская* здесь значило ‘проведённая без согласия родителей’), ранее: *заделье* – ‘свадьба’ [Трахтенберг 1908: 25]; «**Ся́бер** – <...> одноделец» [Мильяненков 1992: 244], в источнике: ‘пайщикъ, соучастникъ <не криминальное>‘ [Даль$_6$-IV: 383]; «**Фу́за** – притон для торговли краденым» [Мильяненков 1992: 262], в источнике: (китайск.) ‘торговый дом’ [Даль$_6$-IV: 539].

3. Сдвиг значения слова с сохранением пересечения между прежним и новым толкованиями, вызванный необоснованной заменой некоторых

отличительных элементов толкования.

Иногда между старым правильным и новым неточным значениями, невзирая на сдвиг, сохраняется потенциальное пересечение. Ошибки понимания возникают в зоне конфликта коммуникативных конвенций, часто в ситуации письменной коммуникации автора и читателя из разных эпох. Рассмотрим пример, указанный И.Г. Добродомовым: «**Квартира́нт**, -а, *м*. Нахлебник. **Якут.**, 1886» [СРНГ-13: 158]. В Якутии в 1886 г. ‘жильца, снимавшего дом или часть дома’ называли нейтральным словом *нахлебник*, но кое-кто именовал его необычным (возможно, из речи военных) словом *квартирант*, что и зафиксировал словарь. «**НАХЛЕ́БНИК**, -а, *м.* Человек, получавший за плату помещение и питание в чужой семье» [Рогожникова, Карская 2005: 415]. Сегодня же может показаться, что в Якутии в 1886 г. ‘тунеядца’, живущего за счёт других и ныне обычно именуемого *нахлебником*, иногда метафорически именовали ещё и *квартирантом*. При этом и сегодня квартирант может оказаться, разумеется, и нахлебником в современном смысле.

Жаргонное «**ЖЕЛЕЗОКЛЮЙ.** Следственный или осужденный “политически”» [Трахтенберг 1908: 24]. Здесь ошибка понимания, допущенная В.Ф. Трахтенбергом и редактором Бодуэном. Точнее говоря, любой из (бывших) дворян звался *железным носом* или *железоклюем* [Шаповал 2010а: 108]. Часть лишенных дворянства шла по политическим статьям, но не они одни, были на каторге и бывшие дворяне, осуждённые по уголовным статьям. Кроме того, народ называл *железоклюем* и любого свободного дворянина вне каторги, например, следователя. Здесь также наблюдается только частичное пересечение реального значения и словарного толкования.

Блатное «**Намо́рдник**, *-а*, м. Решетка на окне» [Грачев 1992: 117]. Сомнения приводят нас к верному толкованию у В.Б. Быкова: «НАМ*О*РДНИК, *-а*, м Козырёк на окне тюрьмы с наружной стороны. =Из-за намордника не видать ничего <...>» [Быков 1994: 75]. Сходство предметов по назначению в данном случае не означает их тождества: *намордник* по виду ближе к *ставням*.

Сохранение пересечения значений (относящихся к применению огнестрельного оружия): украинское (у галицких лирников): «стрельба – роскульници» [Приёмышева 2009-2: 413], ‘ружьё / стрільба’, а не отглагольное существительное с процессуальной семантикой ‘стрельба’.

Неверный выбор одного из значений многозначного слова в словарном толковании: *фрей* ‘мужик = крестьянин’ [Потапов 1927: 174], а не вообще любой ‘мужчина’, как неверно понято в [ТСУЖ 1991: 187].

См. также другие примеры необоснованной метонимии в рамках тематической группы (лексика добывания огня): кубанское *крэса́ло* – ‘стальная пластина’ [Ткаченко 1998: 122], а не якобы (дополнительный предмет) ‘камень для добывания искры’ [Воробьева 2002: 49]; (названия видов часов) «* *Ползегар* – середина часов» [Вельтман 1992: 350], правильно – ‘часы с (современным) полусуточным циферблатом от 1 до 12 часов (а не с прежним суточным с 1 до 24)’.

Непонимание толкования иногда проявляется в недоучёте многозначности и игнорировании переносного значения слова, использованного в составе толкования, например: якобы жаргонные слова «**Бужи** – свечи», «**Змеевец** – свеча», «**Андромеда** – бесплодная, не способная рожать женщина» [Мильяненков 1992: 88, 127, 78] возникли на основе описаний у Даля слов *бужи́* (ед. ч.), *змѣеве́цъ, андромеда* [Даль$_1$-I: 121, 616, на *змій*, 15], где *свѣча* – медицинский термин, а *свѣчки* и *безплодница* – названия растений [Добродомов, Шаповал 2005b: 44-45].

Среди ошибок этого типа можно выделить группу случаев, которые можно условно назвать «мнимой энантиосемией». Между антонимами имеется заметная семантическая общность, но в данной группе случаев речь должна идти не о реального изменения значения, а о неосторожном редактировании.

«**Золотая тырка** – очень неудачная кража» [ТСУЖ 1991: 73], однако ранее: «очень удачная кража», «удачное воровство» [Бронников (1990): 16; Потапов 1927: 58]. В том же источнике, где впервые показано толкование

«очень неудачная кража», есть и доказательство его некорректности, цитата из старых словарей: «**Тырка золотая** – очень удачная кража» [ТСУЖ 1991: 180].

Другие случаи «мнимой энантиосемии»: «**КОЛОДКА** – “неразрезанная бумага, покрытая с обеих сторон настоящими кредитными билетами”» [Грачёв 1991: 56], < нарезанная [Трахтенберг 1908: 30].

«**БИСТУ́РИ**, неизм., *м. Угол.* Нож большого размера» [Мокиенко, Никитина 2000: 62]. Однако ранее: «**БИСТУРИ́**, ***бистуре́й*** м. франц<узский> врачеб<ное> малый нож хирурга» [Даль$_6$-I: 88].

Многие рассмотренные ошибки вызваны тем, что толкование дано на основе неполного знания о назначении и устройстве забытого предмета. Отличается от них описание диалектного глагола, где также можно отметить в качестве причины ошибочного толкования не вполне точную реконструкцию ситуации: «**ДНЕ́СИТЬ**, *несов. Спать днем*. Ты рано встала, а Таня так с ночи и лежит аль встала да дне́сит уж? *Кем.*» [СРГК-I: 462], Контекст указывает на противоположное значение: не лежит, а встала и ‘*днюет*, занята дневными делами’. Таким образом, «мнимая энантиосемия» оказывается довольно опасным типом ошибки семантического описания слабо документированной лексики. См. также Прил. 5.1-3, п. 3.

4. Сдвиг значения слова без сохранения пересечения между прежним и новым, вызванный необоснованной переформулировкой или заменой толкования.

Противоречие между толкованиями в различных описаниях слова объективно характерно для диалектной лексики. Например, причиной непонимания является неразличение однокоренных слов в толковании. Пример – ошибочная трансформация словарной статьи из словаря Даля.

Словари жаргона отмечают это слово только после 1992 г.: «**Гре́бта** – опасность» [Мильяненков 1992: 107]; «**ГРЕБТА** – опасность» [ББИ 1992: 60; Балдаев 1997-I: 94]; «**ГРЕ́БТА**, -ы, *ж. Угол.* Опасность. Мильяненков, 107; ББИ, 60; Балдаев, I, 94» [БСЖ 2000: 138]. Перед нами одна из сотен выписок из

«Толкового словаря» В.И. Даля, добавленных в современные жаргонные словари «для весу» [Шаповал 2001: 29-33], ср. с другим, как часто бывает, ударением: «**ГРЕБТА́** ж. забота, опасенье, раздумье, попеченье» [Даль$_6$-I: 391, под *гребать*]. В сокращенной цитате неправильно понято слово *опасение*, составлявшее лишь часть толкования. *Гребта* – это не ‘опасность’, а наоборот ‘забота’. Жаргонное (?) *гребта* (опасность) представляется фантомом. В современном детективе Феликса Разумовского и Марии Семеновой матерый уголовник делится с коллегой своими опасениями, опираясь именно на один из вышеупомянутых сомнительных словарей: «Нутром гребту чую, а откуда она, допереть не могу» [Разумовский, Семенова 1998: 23]. В.В. Виноградов указывал на подобную ошибку в исторических словарях: «Самый большой лексикографический недостаток – это подстановка под созвучные древнерусские слова современных их значений или субъективные наивно-этимологические догадки о “внутренних формах”» [Виноградов 1968: 16].

Сходные причины вызывают трудности в понимании толкований предшественников и в диалектном словаре. Недоучёт омонимии при копировании толкований также бывает причиной ошибок при понимании толкования. В ряде случаев можно говорить о неопознании несобственно прямой речи как причине ошибки в толковании: слова информанта неизменными переходят в комментарий лексикографа, меняется «субъектная принадлежность слов в повествовательном контексте» [Ковтунова 2010: 204]. Однако никак не маркированное диалектное или жаргонное слово в составе толкования воспринимается как слово общенародного языка и по этой причине понимается неправильно. «Семантическая сторона диалектных данных, отраженная в толкованиях, также иногда требует корректировки. В СРГК слово **ку́гровина** дано с неверным толкованием «веранда» в общенародном значении ‘терраса вдоль стены дома’, тогда как информанты, приводя в качестве синонима лексему **вера́нда**, имели в виду её диалектное значение ‘куча сучьев на подсеке’: – *Кугровина и веранда одно и то же*, Медвежьегор. [СРГК-3: 49]»

[Мызников 2010: 77]. См. слово *веранда* и др. [Мызников 2003: 355-357].

Непонимание исходного толкования ярко сказалось на результатах редактирования (сокращения) выписки: примеры неразличения в толковании однокоренных слов: *снафи́да (снофида)* ‘безобразно разодетая щеголиха’ (семантика данного слова расплывчата, но не вызывает сомнение экспрессия и негативная коннотации, например: череповецкое «Снафи́да. Женщина неповоротливая и тихая на дѣло» [Герасимов 1910: 82]), а не якобы ‘богато одетая женщина’ [ББИ 1992: 228]. Порой такой сомнительный результат вызван ошибкой интерпретации толкования читателем (составителем словаря-преемника), приводящей к полному разрыву с реальностью.

Иной механизм влияния полисемии на корректность описания семантики слова – это ошибочный перенос значения от одного полисемичного слова к другому: якобы жаргонное «**Че́реп** – надёжное укрытие, гарантирующее спокойствие» [Мильяненков 1992: 273], т. е. *череп* – крыша ‘укрытие’ (вычленено на базе выражения *череп избы* – ‘крыша’ [Даль$_6$-IV: 592]); жаргонное *угол* – якобы ‘поезд’ [Бронников (1990): 45], видимо, по необоснованной аналогии ещё одно значение перенесено с *майдан* – ‘чемодан, поезд’ на *угол* – ‘чемодан’.

Другие примеры неверного опознания омонима в словарном толковании: *пламена* – меха ‘мех / мехи кузнечные’ [Мильяненков 1992: 195 / Wolf 1956: 248], а не ‘меха-одежды’ [ББИ 1992: 176]; смоленское *пух* = ‘мякина’ [Добровольский 1914: 754], а не ‘пух’; «жаргонное» *ун* – ‘на’ [Мильяненков 1992: 256], где предлог *на* ‘сверху’ (= **up** auf <вверх> Wolf 1956: 336]) был понят как междометие *на* ‘возьми’; *юма* = кошма, т. е. ‘плот’ [Мызников 2006: 261-261] (ср. череповецкое «Кошма́. Трехполѣнныя дрова, связанные въ видѣ плотовъ для сплава по рѣкѣ» [Герасимов 1910: 47]); *яруг* – ключ ‘источник’ [Даль$_6$-IV: 679, 680, под *ярый*], а не ‘ключ для замка’ [Мильяненков 1992: 288].

Основанием для вывода о (несуществующем) значении служит пространственная смежность, но думается, что этого недостаточно, чтобы

счесть значения пересекающимися: жаргонное *гайтан* – ‘шея’ [Бронников (1990): 7], из *шайтан на гайтан* – черта тебе на шею (на шнурок от креста)’ [Трахтенберг 1908: 66, 16]; кубанское *гайта́н* – ‘пояс’ [Ткаченко 1998: 76], возможно, вместо *учкур*; сомнительное *чалдон* – шулер’ [Бронников (1990): 48], на основе «**Чалдонка** – колода самодельных карт» [Потапов 1927: 182]; *цырлы, цирлы* – «цыпочки, пальцы ног» [ТСУЖ 1991: 193], «пальцы» [Иковский 1991: 26], «колени» [ББИ 1992: 276], «ноги» [Мокиенко, Никитина 2000: 662], – где феноменальный разброс толкований сам себя дискредитирует.

Ошибка понимания описанного значения слова составителем словаря может быть вызвана неправильным восстановлением словообразовательных и семантических связей толкуемого слова. Иногда это отражается в словаре. В таких случаях говорят об «историко-этимологическом каламбуре» [Виноградов 1968; Добродомов 1986]. «Общность и единство древнерусского языка с современных при наличии между ними естественных и существенных расхождений создает совеобразные опасности и большие трудности при семантическом истолковании однородных или близких по структуре слов» [Виноградов 1968: 16]. См. также Прил. 5.1-3, п. 4.

5. В толковании использованы непонятные читателю слова. Иногда в толковании используются лексические средства, по разным причинам оказавшиеся или ставшие непонятными адресату, читателю словаря: судовой термин *легерсы* – ‘шпангоуты (ребра корпуса)’ в общем-то понятнее, нежели аутентичная дефиниция «Члены корабля, которые полагаются на киль» [Сл. XVIII-11: 132].

Особого внимания заслуживают использованные в толковании потенциальные слова. Речь идёт именно о потенциальном слове, не отраженном в словарях, а не о редком или забытом ныне речении, как: «Гони́ться – бѣгаться (о животныхъ)» [Богораз 1901: 40] = «3. «Бегаться (о животных)» [СРНГ-7: 6]. Толкование разъясняется обращением к Далю, у которого *бѣгаться* – «быть въ порѣ, въ течкѣ, ро́ститься» [Даль$_3$-I: 370]. Енисейское «Фа̀ртъ – удача»;

«Фа́ртить – счастливить (напр. ему фа̀ртитъ)» [Кривошапкин 1865-II: *62*]. Потенциальное слово *счастливить* ‘везти, удачно складываться’ в толковании понятно, но в безличном употреблении, кажется, неизвестно. В 43-м выпуске СРНГ нет, поскольку статус редких слов, использованных только в толковании к диалектным словам, остаётся неопределённым.

Пример использования в толковании другого потенциального глагола: «**Хмариться** – тучиться. На дварѣ нѣшто хмаритца» [Добровольский 1914: 962]. Такого глагола нет даже у Даля, хотя его употребление на месте *(небо) хмурится* великолепно иллюстрирует взаимодействие между диалектом и литературным языком. Для смолянина Добровольского слово *хмара* было домашним эквивалентом слова *туча*, а параллельное образование глагола по той же модели от литературного слова *туча* вполне соответствует общим механизмам внутреннего перевода. Однако нет надежды, что понимание глагола *тучиться* как ‘хмуриться (о небе)’ (а не ‘толстеть’, например) является автоматически гарантированным.

Несколько дополнительных примеров с областными словами в толковании: шадринское *нарачи́* ‘<u>нароком</u>’ [Тимофеев 1971: 71], диалектное слово в толковании при переиздании поставлено в кавычки: «С целью, специально, “наро́ком”» [Тимофеев, Тимофеева 2010: 271]; новгородское «*Ша́ньга* (кир.) <u>олашка</u>» [Эрдман 1857: 166], ‘оладья, оладушка’; смоленское *шарёш* с толкованием ‘<u>серен</u> = наст, снег, скрепленный морозом’) [Добровольский 1914: 996, 827], а также жаргонные слова («**койсну́ть** – <u>дербануть</u>, выпить спиртного» [Росси-I: 157]). См. также Прил. 5.1-3, п. 5.

Между предыдущими и следующим разделом параграфа существует сложная и многоуровневая взаимосвязь. Мы отдаём себе отчёт в том, что последовательность анализа рабочих материалов обычно такова: исследователь начинает с отдельных контекстов и «собирает» их в значения. Однако было решено придерживаться последовательности частей в словарной статье и

рассмотреть вначале ошибки в толковании, а потом – ошибки в интерпретации иллюстративного примера.

5.1.4. Уточнение толкования при опоре на иллюстративные контексты в процессе верификации словарного описания

В лексикологии существенным является противопоставление двух видов контекстов, как пишет об этом И.Г. Добродомов: «Специалисту в области исторической лексикологии и лексикографии приходится иметь дело с самыми различными контекстами, в которых употребляются анализируемые слова. В одних контекстах семантика слова проявляется достаточно чётко, и проблема её определения в таких случаях сводится лишь к редакторской работе над словарными дефинициями – подбору наиболее ясных эквивалентов. В других же случаях – когда семантика слова недостаточно хорошо выясняется из отдельных контекстов – на помощь приходит обилие контекстных фиксаций, благодаря которым устанавливается значение слова на основе выделения всего общего, что в них фигурирует. Гораздо больше трудностей стоит перед лексикологом, если он имеет дело с очень своеобразным употреблением известного слова или же с редким словом, которое встречается лишь в отдельном памятнике и его толкование затруднительно. В таком случае одним из надёжных способов истолкования редкого слова представляется его этимологический анализ в связи с контекстной ситуацией» [Добродомов 1979: 82]. Возможно, стоит говорить о веере градаций между информативным и слабым контекстами. Следует помнить и о поразительной устойчивости показаний текста (образно говоря, о «неуничтожимости» контекста [Шаповал 2012: 170-176]), позволяющей восстанавливать тонкие семантические различия.

Довольно часто описание редкого и слабо документированного слова не содержит иллюстративных контекстов. Для верификации семантического описания и понимания толкований таких слов нулевое, а в случае ложного

отождествления и отрицательное значение имеют как опыт читателя, так и помощь его «внутреннего контекста» [Сазонова 2007: 48]. Отсутствие в жаргонных словарях примеров употребления затрудняет аргументированное толкование слов [Армянов 1995: 161]. Пример: «**БАДА́ЙСКИЙ**, -ая, -ое, *Угол*<овное>. Вокзальный» [Мокиенко, Никитина 2000: 43]. Это очень расплывчатое толкование, поскольку примеров употребления нет. Похожее слово отмечено и в более содержательном контексте: «**БАТА́ЙСКИЙ СЕМАФО́Р**. Труднодоступное и во многих отношениях неудобное место» [Югановы 1997: 30]. Переносное употребление выражения могло возникнуть в Ростове-на-Дону, где Батайск – известный пригород [Шаповал 2005: 72].

Слабые контексты не затрудняют коммуникацию внутри сельской общности, но часто не вполне понятны как стороннему наблюдателю, так и диалектологу: «своеобразие этой <традиционной сельской> культуры получает яркое выражение в её когнитивной стороне: в предельно высокой степени общности информационных баз членов одного сельского коллектива» [Гольдин 2003: 60]. (Очень трудно тактично перевести разговор с информантом в метаязыковую плоскость и получить информацию об очевидном для него значении слова.)

Позволительна аналогия между владением обязательными контекстами, освоенными в бесписьменном коллективе, и желательным кругом чтения в той или иной социальной среде. Авторитетный контекст, не представленный в самом литературном источнике, иногда тоже влияет на значение слова: «Выражение *буржуа-жантильом* в “Проселочных дорогах” Григоровича заимствовано из заглавия комедии Мольера “Le Bourgeois gentilhomme” (“Мещанин во дворянстве”) и отнюдь не совпадает по значению со словом *жантиль(и)ом* ‘дворянин’» ([Редкие сл. 1997] с. 156) [Пильщиков 1998: 13]. Здесь ироническая оценка для *буржуа-жантильом* является обязательным компонентом семантики.

Трудность подтверждения реальности толкования также иногда

обусловлена бедностью документации диалектного материала. С.А. Мызников показывает, как в процессе верификации подозрение на ошибочное толкование *макса* ‘молозиво’ после дополнительного полевого изучения не подтверждается, а обнаруживается локальное изменение значения *макса* ‘налимья печень’ > ‘молозиво’ в Прионежском р-не [Мызников 2005: 178]. Этот анализ доказывает, что верификация семантического описания предполагает построение и планомерную проверку гипотез, в равной мере опирающиеся на широкое привлечение систематизированных данных. Однако систематизация бессильна, если данных недостаточно: «Нередко контексты, в которых выступает <диалектное> слово, не дают возможности установить его значение: количество таких контекстов невелико» [Кузнецова, Сороколетов 1997: 29]. В этой ситуации исследователь может стать жертвой нескольких предсказуемых типов ошибочных заключений.

1. Абсолютизация данных единственного контекста обычно приводит к толкованию, сужающему значение.

В.В. Виноградов указывал: «Главная опасность состоит в определении значения не на основе знания соответствующего текста в целом, а путем произвольного истолкования картотечного примера, отрезка, вырванного из контекста» [Виноградов 1968: 15]. Ср. выше (2.3.1.1 и 2.3.1.3).

Череповецкий безличный глагол описан М.К. Герасимовым: «Трощитъ. Ноетъ, дергаетъ. «Гораздо трощи́тъ ногу» [Герасимов 1910: 87]. Толкование, привязанное к контексту, дано собирателем. Однако здесь могут помочь делу этимологические параллели, позволяющие выявить и первичное значение глагола: польск. *troszczyć*, бел. *трошчыць*, укр. *тро́щити* ‘крушить, ломать’, ср. русск. диал. *треска* ‘щепка’. Более богатую семантику и географию глагола отражает сводный словарь [СРНГ-45: 141].

«Попытки извлечь данные для комментария из самого комментируемого текста вовлекают интерпретаторов в постоянное хождение по порочному кругу <...> Словарь-справочник учит нас, что *ксандрейка* (александрийка) – это

“красная или розовая **<!>** бумажная ткань” ([Редкие сл. 1997] с. 213). Но <...> ксандрейка – ткань ярко-красного цвета, розовой она может стать только от долгой носки» [Пильщиков 1998: 13].

Интерпретация контекста – процесс индивидуальный, поэтому иногда логика бессильна при дефиците данных или при опоре на одно единственное предложение. Также нельзя исключить и (добросовестного) непонимания единственного контекста: «окруженный цвинтаром костел», с примечанием: «* *Цвинтар* – ограда» [Вельтман 1992: 82], правильно ‘кладбище’. См. 5.1-4, п. 1.

2. Соседство и синонимия. При оценке данных контекста важно иметь в виду затруднительность разведения значений соседних слов, но соседство не есть синонимия. Трудности синонимического толкования заслуживают отдельного рассмотрения [Золотова 2007: 195]. Остановимся только на наиболее важных для первичного описания слова аспектах.

Для вычленения значения непонятного слова важно помнить, что соседство – это не синонимия. Скорее – наоборот: однородные члены редко бывают синонимами, потому что в этом случае возникала бы явная избыточность. Олонецкое «**Коржи́на**, ы, *ж. Фольк.* Мачта. *Мачты-то, коржины позолочены*» [СРНГ-14: 329]. В публикации пояснено: «Коржины – штевны» [Рыбников-1: 326]. *Штевень* – не мачта, а брус в носу и корме судна, к которому примыкает обшивка.

Толкование при помощи синонимов может приводить к неконтролируемому размыванию границ значения по мере подключения близких, но не эквивалентных средств описания некоторой воображаемой информантом ситуации. Ср. белорусское нищенское: «брать – я́перить» [Сцепуро 1881: 188]; «вырывать – адепе́рить» [Сцепуро 1881: 189], а также та же форма без начального гласного в предлоге *otъ-: «рваться – депе́риться» [Сцепуро 1881: 194], более точное толкование (совершенного вида) ‘оторваться’. Отсутствует в записях разделительный Ъ перед *епер*; «занимать –

заяпе́рить, непотаго́нить» [Сцепуро 1881: 190]. Необходимо уточнить, что *непотаго́нить* значит буквально ‘не понести, не потянуть’ и, возможно, обозначает не само действие получения ссуды, а недостаточные финансовые возможности, то есть лишь косвенно относится к ситуации займа, ср. «выносить – вытаго́ньвать» [Сцепуро 1881: 189], «нести – тага́нить» [Сцепуро 1881: 192].

3. Противоречие между толкованием и иллюстративным примером характеризуется различными деталями, в частности: иллюстрация может относиться к другому слову, помогать корректировать толкование, а также быть недостоверной. Самое важное достоинство иллюстративного контекста – его возможности и ресурсы для коррекции толкования, если они учтены и использованы:

«**ШЕМИЗЕ́ТКА**, -и, *ж*. Вставка в лифе старинного дамского платья. [Дочь воеводы] *накинула на него кисейную прозрачную ш е м и з е т к у*» [Рогожникова, Карская 2005: 778]. Довольно затруднительно представить крупного молодца Андрия Бульбу, облаченного панночкой во вставку из лифа для целей маскировки. Более подходящее толкование: «нарядная женская одежда» [Байбурин, Беловинский, Конт 2004: 604-505].

«**ЧИКЧИ́РЫ** и **ЧАКЧИ́РЫ**, -чир, *мн*. Кавалерийские (узкие) брюки (красно-малинового цвета)» [Рогожникова, Карская 2005: 767], однако там же в примерах: *«широкие чикчиры»* (Л. Толстой. Война и мир), а не *узкие*, «походные Ч<акчиры>. были серо-синими» [Байбурин, Беловинский, Конт 2004: 581], а не *малиновые*.

Контекст может искажаться собирателем по разным причинам. В частности, и в связи с селекцией материала с целью его улучшения или более яркой подачи. Общей методики, позволяющей признать иллюстративный пример искусственным или сфальсифицированным, нет. При оценке многих описаний слов у Л.Е. Элиасова как сомнительных некоторые учёные обращают внимание на неправдоподобие иллюстративных примеров: «Составителям

СРНГ, когда они черпают лексический материал из словаря Элиасова, нужно рекомендовать удерживаться от цитирования насквозь лживых, кабинетной выделки иллюстраций. Но с чрезвычайной осторожностью нужно подходить и к самой трактуемой лексике: здесь, как показано А.Е. Аникиным, многое вызывает подозрения в неподлинности или ошибочности» [Журавлёв-5: 385], ср. также: [Аникин 2007 Пр.: 21, прим. 12].

Обнаружение и оценка противоречия между фантомностью описанного слова и наличием в словаре иллюстративного примера требует большой осторожности при верификации словарных описаний. Примеры употребления не всегда достоверны: «Тому, что арготические слова не заменяли собой в речи всех обычных разговорных слов, а лишь “пересыпали” её, противоречат как будто имеющиеся записи речи офеней и прасолов, в которых эти офенские и прасольские слова целиком вытесняют обычные русские. Но здесь нужно принять во внимание следующие соображения: во-первых, давая пример употребления офенских слов, любой исследователь и собиратель несомненно подберет такие фразы, в которых эти слова встречаются как можно чаще, и, во-вторых, погоня за сенсацией часто приводит к невольным фальсификациям» [Лихачёв 1938/93: 100]. Кроме того, такие густые искусственные контексты малоинформативны и не очень полезны для выяснения значения отдельного офенского слова.

Вопрос об искажении и фальсификации лексикографом иллюстративных примеров, кажется, ещё далёк даже от предварительной постановки. Одна из причин состоит в том, что словарь по своей сущности не является авторским произведением в том смысле, в каком авторство трактуется в текстологии художественных текстов. Умысел следует, но почти невозможно отличать от замысла и заблуждения (ср. выше пример при *ачин* в разделе 2.2.1).

Можно предполагать, что требование обязательности иллюстративного примера в словарной статье иногда служит толчком для не всегда удачного создания их лексикографом. Однако научная и критическая оценка такого рода

дополнений должна быть индивидуальной, см.: [Шаповал С.А. 2014: 19-23].

Наличие иллюстративных примеров является необходимым параметром качественного словаря, поэтому важно оценить и их достоверность. В детективе Феликса Разумовского положительный герой с несколько противозаконными наклонностями характеризуется так: «В общем, Буров неплохо разбирался в “яругах”, “благодатных”, “де с прорезом” и без» [Разумовский 2003: 286]. Однако якобы жаргонизм *яруг* ‘ключ, отмычка’, а не ‘ключ-родник’ – это фантомное слово 1992 г. (Источник: «***Яру́гъ*** м. *тул.* яруга, оврагъ, буеракъ; || ручей въ оврагѣ, ключъ, родникъ» [Даль$_6$-IV: 679, 680, под *ярый*], где слово *яруг* толкуется омонимичным словом *ключ* ‘родник’. Ср. тульское *яруг* ‘буерак, ручей’ [Толстой 2006: 237].) Однако его использование в детективе через десять лет после выхода словаря 1992 г. не так уж трудно объяснить без привлечения реальных информантов из мира криминала, а просто как эхо всё той же непонятой цитаты из Даля. См. также Прил. 5.1-4, п. 3.

4. Неправильная реконструкция синтаксических отношений.

«Говоря о роли контекста в его глобальном плане, как интралингвистическом, так и экстралингвистическом (сумма окружений, ситуация), нельзя утверждать, что этот контекст порождает то значение, которое затем воспринимает коммуникант» [Колшанский 1980: 32].

Неправильное определение синтаксических отношений может быть источником затруднений при толковании: «◊ С в я т о́ й д о ж д ь [знач.?]. В поговорке: *на святой дождь – добрая рожь*. **Орл.**, Даль» [СРНГ-37: 6], правильно: *Святая* ‘Пасха, свѣтлое Христово воскресенье, великъ-день’: «*На Святой* <неделе> *дождь – добрая рожь (орл.)*» [Даль$_3$-IV: 93], т. е. если на пасху идёт дождь, то будет урожай ржи, А.Б. Страхов уточняет: «на пасхальной неделе» [Страхов 2004: 319], что приемлемо. Понятно, что *святой дождь* в качестве устойчивого наименования метеорологического явления здесь усмотрен явно по недоразумению.

Механическое разбиение устойчивого выражения, даже если это игра

слов, не может давать основания для атомарной семантизации отдельных слов в составе этого выражения: «**КА́МЕНЬ**, -мня, м., шутл. Студ. *Мел*. А я ведь три куска приносила. Что называется, камня на камне не осталось» [Вальтер, Мокиенко, Никитина 2005: 117]. Слово *камень* в значении ‘мел’ получено, думается, путём не вполне корректного членения фразеологизма.

Механическое разбиение устойчивого выражения: «**ЗОЛОТУ́ХА**, -и, *ж. Нарк*. Передозировка наркотиков. *Не понос, так золотуха – это прямо про тебя: то отравишься, то передоз*» [Мокиенко, Никитина 2000: 226]. Слово *понос* в значении ‘отравление’ в том же источнике не описано. Толкование слова *золотуха* в составе устойчивого выражения получено путем некорректного вычленения по остатку [Шаповал 2004: 33].

Иногда предмет сравнения неоправданно отождествляется с образом сравнения: «**БЕСПЛО́ДНАЯ СМОКО́ВНИЦА** – бесплодное дерево, женщина без детей» [Флегон 1973: 33; Шанхай 1994: 19], иллюстрация «Тебя, как бесплодную смоковницу, нужно бы в огне сжечь» не даёт оснований считать, что женщина прямо названа смоковницей. «**ШОССЕ́**, неизм., ср., шутл. Студ. *Коридор в общежитии*. О! Какое у вас шоссе, тут на ролях никто не ездит?» [Вальтер, Мокиенко, Никитина 2005: 320]. Сравнение (коридор широкий, как шоссе), но не переименование: *шоссе* – ‘коридор’. Образная речь информанта создаёт сложности для разграничения речевых метафор (или сравнений) и воспроизводимых языковых переносов наименования: «ПОКРЫВ**А**ЛО, *а*, *ср*. Снег. *Вся земля покрывалом он покрыта* (Кольч., Литвиново)» [Канунова и др. 2012: 99]. «Б**У**СИНКА, *и*, ж. Звезда. *Вон бусинки-то на небе какие* (Камеш., Гатиха)» [Канунова и др. 2012: 16]. Довольно трудно принять значения ‘снег’ и ‘звезда’. В таких случаях трудно принять отождествление предмета и образа сравнения, как в случае «*выступает, словно пава*» нельзя считать самкой павлина ту героиню, которая характеризуется величественной походкой.

См. также Прил. 5.1-4, п. 4.

Это далеко не исчерпывающее обозрение примеров не вполне корректной интерпретации контекстов позволяет лучше увидеть роль иллюстративных цитат в деле исправления неудачных толкований и по-новому оценить настоятельную необходимость их приведения, но не фальсификации в словаре. Кроме того, данный анализ позволяет оценить масштабы и важность хотя бы частичного решения в перспективе задачи поиска недостающих и выявления недостоверных контекстов в словарных материалах, охватывающих редкие и слабо документированные слова.

В первом параграфе пятой главы представлены типы ошибок в толковании, разбитые на две большие группы: ошибки копирования и ошибки интерпретации.

При анализе ошибочных толкований подтвердилась базовая гипотеза о необходимости различения ошибок восприятия, проявляющихся при копировании, и ошибок порождения, проявляющихся при интерпретации и своей версии толкования, что позволило разделить ошибки по причинам их возникновения и выработать стратегии обнаружения и исправления.

Ошибки копирования толкований приводят к возникновению «дефектных толкований», они включают восемь разновидностей ошибок: ошибки в одной букве и более серьёзные ошибки прочтения в части записи толкования, утрата части толкуемого и утрата части толкования (при сохранении декларируемого их семантического тождества), перестановка толкуемого и толкования, нарушение границ внутри словарной статьи, нарушение границ между словарными статьями и, наконец, редкий случай, когда толкование повторяет толкуемое или вообще отсутствует. Ошибки интерпретации дают «проблемные толкования», а именно: необоснованное сужение или расширение значения, сдвиг значения без пересечения или с сохранением пересечения с реальным значением, и, наконец, редкий случай использования в толковании слов, непонятных потенциальному адресату словаря.

Анализ соотношения неточного или неверного толкования с иллюстративным контекстом позволяет развить закрепившееся в лексикологии различение сильных и слабых контекстов и применить его для исправления толкования. Источником неточного толкования слабо документированного слова является обычно абсолютизация данных единственного контекста, часто источником ошибочного толкования является отождествление соседства слов и их синонимии. Признаком вероятно ошибочного толкования является противоречие между толкованием и иллюстративным примером. Неправильная реконструкция синтаксических отношений может стать причиной ошибочного толкования даже в том случае, когда понимание смысла отдельных слов не вызывает трудностей.

5.2. Грамматические пометы как объект критического анализа и верификации

«*Краткая грамматическая характеристика* состоит в приведении только канонической и показательной (показательных) словоформ заголовочной единицы. Показательной словоформой называется словоформа, которая вместе с исходной позволяет при необходимости восстановить соответствующую словоизменительную парадигму» [Дубичинский 2009: 3].

Собственно говоря, основной приём верификации грамматической информации для слабо документированного слова может базироваться на деавтоматизации связи между восприятием словоформы и реконструкцией на её основе полной парадигмы. Соответствующим образом трансформируется и базовая гипотеза о необходимости различения ошибок восприятия и порождения.

При этом нельзя не заметить, что решения об объёме подаваемой в словаре грамматической информации могут кардинально разниться. «Неясно, например, должны ли чем-либо принципиальным различаться двуязычные словари <...> и словари, которые служат для перевода слов генетически родственных и типологически близких языков, с другой стороны <...>» [Крысин 2004: 149-150]. Это требует от читателя словаря большего или меньшего соавторского участия в достраивании предложенного фрагмента грамматической информации. Например, форма её подачи поменялась в СРНГ с 27 выпуска: «В заголовке словарной статьи не показываются формы словоизменения имен существительных и глаголов. Это объясняется тем, что Словарь объединяет языковые факты, принадлежащие разным говорам русского языка, в которых формы словоизменения могут различаться, а <u>источники Словаря не содержат достаточных сведений о грамматических свойствах</u> слова (в некоторых источниках такие сведения полностью отсутствуют)» [СРНГ-27:

3] (подчёркнуто мною. – *В.Ш.*). Например: «**Ага́шка,** и, *ж.* Рыба Cottus gobio L.» [СРНГ-1: 201]; «**Пику́шка,** *ж.* 1. Дудочка; свистулька» [СРНГ-27: 27].

Весьма своеобразно оценивал необходимость грамматических помет В.И. Даль, эмоционально переживавший свою явную неудачу в этой сфере: «Грамматическія опредѣленія, на которыя я было въ началѣ, по обязанности, покусился, вывели меня вскорѣ изъ всякаго терпѣнія и наконецъ заставили откинуть ихъ почти вовсе»; «Лишнихъ отмѣтокъ я вообще избѣгаю, какъ и всякаго школярства, и позволяю себѣ иногда промолчать о томъ, что, напр.<имѣръ,> *аптекарша* женскаго рода» [Даль$_6$-I: XXXVI, XXXVII].

Грамматическая характеристика слова вообще приводится далеко не во всех словарях. В таком случае читатель ориентируется на внешний вид слова и его толкование: «**БЕЗМЕН** (ин<оязычное>.) – отравитель» [ББИ 1992: 26; Балдаев 1997-I: 32; Мильяненков 1992: 84], хотя исходное слово – это глагол *bes<u>a</u>men* ‘vergiften / отравить’ [Wolf 1956: 272, на *Saam*] (об утрате «*а*» см. 4.1.2.4).

На трудности адекватной грамматической трактовки отдалённого по времени материала указывает И.Г. Добродомов: «Удалённые от нас хронологически на два-три столетия старинные памятники письменности всегда вызывают у нас некоторые затруднения, поскольку тексты отражают зачастую местные лексические элементы. Эти последние в некоторых случаях с трудом идентифицируются, что сказывается как на грамматической, так и на лексической характеристике текста» [Добродомов 1983: 53]. Сходные затруднения проявляют себя при понимании и лексикографическом описании диалектного и вообще любого слабо документированного лексического материала. Опыт лексикографа при этом может оказаться не вполне достаточным для правильной оценки именно мелких расхождений кодов.

Ошибки восприятия (и копирования) сокращений грамматических помет и грамматических форм довольно редки, хотя с учётом большого количества средств экономной записи, снижающих избыточность и надёжность знака,

ожидался бы их заметный прирост. Может быть, в этой части словарной статьи рост ошибок блокируется ограниченностью списка аббревиатур и стандартностью приёмов «конденсации» записи: эти факторы заметно уменьшают число потенциальных прочтений сокращенной записи.

Такие ошибки довольно редки, например, у Даля: «**БА́НДА** *м*. фрнц. нѣм. толпа, шайка, ватага, артель, скопъ, согласъ, общество, братство или союзъ въ дурномъ значенiи», где *м*. (мужского рода) – ошибочно под влиянием соседствующего рязанского омонима мужского рода с вопросом к слову и толкованием ‘дрянной щеголишка, франт невпопад’ [Даль$_6$-I: 44].

Таким образом, преобладающими оказались ошибки интерпретации, разделяемые на две группы: ошибки более серьезные, приводящие к неправильному опознанию части речи, и ошибки относительно менее грубые (но вряд ли простительные), которые приводят к неправильной реконструкции грамматических форм слова.

5.2.1. Ошибка в определении части речи

Филологический смысл толкования следует отличать от соотнесения толкования с действительностью. Первое предполагает как идеал грамматически корректную формулировку, а для второго аспекта более важно экстралингвистическое содержание. Описательное толкование приемлемо в коммуникации, но не всегда грамматически безупречно: белорусское нищенское «шагъ – ку́разъ ступо́рить» [Сцепуро 1881: 19], словосочетание в толковании значит ‘раз ступить / шагнуть’; два слова ошибочно даны как синонимы: «шагъ – ку́раз, ступо́рить» [Приёмышева 2009-2: 328]. Такие ошибки встречались уже в первой публикации источника: «испортить – некле́во, саскла́вить» [Сцепуро 1881: 190], *некле́во саскла́вить* – это словосочетание, которое значит буквально ‘нехорошо сработать / сделать’, запятая здесь не нужна, что и отражено в недавней републикации: «некле́во саскла́вить» [Приёмышева 2009-2: 313].

Кроме того, изменения грамматической трактовки слова могут возникать в связи с изменением его границ, например: преобладающее в словаря *нашаромыжку* – это наречие, а представленное в реальности в текстах *на шаромыжку* – сочетание существительного с предлогом, см. [Добродомов 2004: 91-93]. Ср. другие случаи нарушения границ толкуемого (4.3.2) и толкования (5.1-2, п. 6), приводящие иногда к изменению частеречных характеристик слов.

Порой неточно выбирается грамматическая помета, например: помету «нар*ечие*» Бодуэн пометил восклицательным знаком, поскольку из контекста видно, что это существительное: «**Взáигры?** нар. [!], *смл.* хоръ или оркестръ музыкантовъ, нѣсколько человѣкъ играющихъ вмѣстѣ, особ. для пляски. *Сяводни вячерúнки у Яцька, и взаигры бýдуть*» [Даль$_3$-I: 466]. В данном случае [!] – это ответ Бодуэна на вопросительный знак Даля при этом слове. Похожее слово описано и записано столь же противоречиво и у В.Н. Добровольского: «Паúгры – музыка» [Смол.-1 (1891): 43]. «**Пóигры** – прогулка, гулянка, музыка. Паúгры сдѣлать – устроить гулянку» [Добровольский 1914: 642]. Однако даже при дефиците данных нет оснований сомневаться в том, что это не наречие.

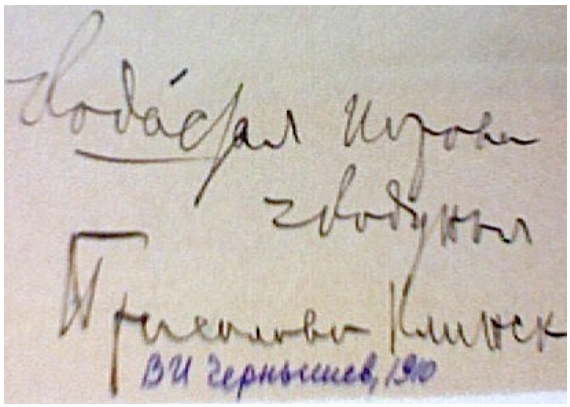
Реконструкция грамматических свойств на спорных основаниях больше характерна для иностранных коллег, описывающих особый стилистический регистр в условиях ограниченного знакомства со звучащим языковым материалом: якобы существительное ж. р. «бухá: *быть бухой*. See *набухаться*» [Galler 1977: 16] возникает на основе одной единственной грамматической формы из контекста «*был бухóй*», где *бухóй*, разумеется, не твор. пад. ед. ч. существительного ж. р. *бухá*, а имен. пад. ед. ч. м. р. прилагательного *бухóй* [Шаповал 2004: 32; Шаповал 2012g: 102]. Уж не по аналогии ли с *букой?*

Дополнительные примеры ошибок в определении части речи: «КАКА-НИКАКА – как-никак» [Флегон 1973: 136], правильно не наречие, а диалектное неопределённое местоимение-прилагательное *какая-никакая,* записанное после северновеликорусского стяжения в окончаниях; «ПАДЛАЯ – опустившаяся женщина» [Флегон 1973: 226], выведено на основе формы «*падлою*» у

А. Галича, правильно существительное *па́дла*. Жаргонное «ВЫПАС – слежка за жертвой» [Бронников (1990): 7] < «**Выпас** – высмотрел» [Воривода 1971: 20].

Иногда неправильное выделение морфем и основы при анализе единичной формы слова приводит и к изменению части речи: «Бода́ст, а, *м.* Рог. *Два бодаста, четыре ходаста, один махтырь да два ухтыря* (загадка: 2 рога, 4 ноги, один хвост и два уха). Пск., Осташк. Твер., 1955» [СРНГ-3: 55]. А.Б. Страхов отмечает: «Ниже читаем: “Бода́сто, а, *ср.* Рог”», «Трактовка заглавных слов как имен существительных неверна», «сигматический аорист 2-го л. двойств. числа глагола *бодати*» [Страхов 2004: 256]. По мнению автора статьи, здесь ошибочно выделен суффикс прилагательного -*аст*-.

Рис. 9. Карточка СРНГ, почерк В.И. Чернышёва



Однако, принимая такую исторически абсолютно верную трактовку, надо учесть, что далеко не для всех носителей русского языка сегодня эти формы двойственного числа актуальны. В связи с этим можно привести карточку из картотеки СРНГ, написанную В.И. Чернышёвым. Читаем энергичный почерк: «Бода́стая корова = бодунья. Прасолово. Клинск.<ого р-на Моск. обл.>» В СРНГ почему-то только псковское: «**Бода́тый**, ая, ое. Бодливый» [СРНГ-3: 55]. Наличие полной формы прилагательного *бодастая* явно указывает на реальность такого уникального отглагольного производного, несмотря на то, что обычно суффикс -*аст*- присоединяется к именным основам (обратные словари указывают более 40 производных от названий частей тела). Другие примеры см. в Прил. 5.2-1.

5.2.2. Ошибка в морфологической трактовке словоформы

Заглавное слово является представителем всех форм и вариантов лексемы. Из этого вытекает важная функция аккумуляции в словаре этих грамматических сведений, которые обычно с большей степенью детализации даются в описаниях неродного языка, особенно в условиях нестабильной орфографии: «Таким образом, словарь, продолжая традиции словоуказателей, помогает читателю тем, что при пользовании памятниками он правильно поймет слова и не примет орфографический вариант за отдельную лексему» [Львов 1960: 165].

Однако и материал народных говоров далеко не всегда безошибочно интерпретируется на базе литературного языка также и в грамматическом отношении. Недооценка такого рода трудностей чревата серьёзными ошибками. Обычно наличие единственной формы не даёт возможности восстановить всю парадигму. Так, олонецкое (с оглушением) «Стокъ – скирда хлѣба» [Филимонов 1891: 674] не позволяет без привлечения дополнительных сведений выйти на косвенные падежи не *стока́, *стоку́, а *сто́га, сто́гу* и т. д. Кроме того, отличаться могут лишь некоторые региональные формы, например, *чу́коч* ‘чукчей, чукч’ (род. пад. мн. ч.): «Азія́тъ – такъ называютъ преимущественно чукочъ» [Богораз 1901: 19]. Изолированная форма нередко не задаёт единственного пути грамматической интерпретации. Наиболее опасны в этом отношении формы множественного числа.

Контекст не всегда даёт возможность однозначного выбора: новичок «не “строил подъярок” начальству, т.-е. <то есть> не старался подделаться и угодить ему» [Коропчевский 1897: 59]. Этот контекст в словаре морфологически интерпретирован противоречиво: «**ПОДЪЯ́РКИ**, -рок, *мн*» – как бы от *подъярка (ж. р.), но далее, без учёта родительного отрицания, уже как бы от *подъярок (м. р.): «♦ **Строить подъя́рок.** *Гимн. Презр*. Льстить и угождать

начальству» [Анищенко 2007: 212], если без отрицания, то надо *строить подъярки* (вин. мн. ж. р.).

Существительное, судя по описанию, женского рода: «**КОЛЁСА**, -ы, *ж*. Улица Комсомольская <в Йошкар Оле>. *Да мне пацаны с Колёсы сказали*. Запись 2000 года» [Липатов, Журавлёв 2009: 181]. Видимо, неофициальный микротопоним дан по старому 22-метровому колесу обозрения и новому, ещё более грандиозному, в парке ЦПКиО им. XXX-летия ВЛКСМ, примыкающем к улице Комсомольской. Ожидается мн. ч. *Колёса*. Возможно, результат языковой игры: трактовки окончания -*а* как показателя женского рода.

Смешение существительных разных родов вероятно при опоре на единственную форму косвенного падежа. Церковнославянские чередования в исходе основы также иногда сбивают с толку лексикографов: «**ВОЗДУСЯ́**, -ей, *мн*.» [Анищенко 2007: 64] < *на воздусях* – старый местный падеж от *воздух* мн. ч.

Сходным образом эффект второй палатализации не позволил опознать дательный падеж слова *сударка*: «**Суда́рцы**, *мн.* Судари [?]. *Сударцы-сударыне*. Красн. **Смол**., Добровольский, 1914» [СРНГ-42: 159]. Здесь нельзя говорить о форме множественного числа от потенциального уменьшительного **суда́рец* ‘сударь’. В источнике лаконизм пояснения не способствовал однозначному пониманию: «**Суда́рыня** <толкование>, сударка <смоленский диалектизм>, суда́рцы <форма дательного со следом второй палатализации> – сударынѣ <её толкование в постпозиции>» [Добровольский 1914: 887].

Ещё примеры с той же ошибкой: «**Трено́за**, *ж*. Род подсвечника. **Таганрог,** 1930-е» [СРНГ-45: 34], неправильно восстановлена начальная форма, на основе местн. пад. ед. ч. *на трино́зі* от укр. *трино́га* ‘то же’ (если не от церковнославянского **на трено́зѣ**). Изолированная форма нередко не задаёт единственного пути грамматической интерпретации.

Ср. якобы украинское «**Пове́рся** – этажъ» [Пискунов 1882: 192], под влиянием местного падежа *на поверсі* – на этаже, правильно *поверх* – этаж.

Также можно возразить против восстановления начальной формы ед. ч.: ***голубок*** – “прозвище городских извозчиков” [Байбурин, Беловинский, Конт 2004: 111] < plurale tantum *голубки* (двухместный экипаж / сани), так как в ней едут парочкой голубки-влюбленные (противоположное – экипаж-*эгоистка*).

Иногда при анализе единственной формы не учитывается весь набор трактовок: <областное> ***стегня*** ‘бедро’ [СРНГ-41: 113] (форма восстановлена на основе контекста *на стегне*, который не даёт различий для *стегня, стегна, стегно*) *стегно* (?). Похоже на случай: ***майонтка*** ‘имение’ (*в майонтках*) [Сомов 1996: 265; 2001 (2009): 233] = **майонток*, польск. *majątek*.

При анализе единственной формы не учитывается весь набор возможных грамматических трактовок: донское «**ЛУНА́**[1] [луна́], ы́, *мн. не употр.*, *ж.* Пуп. *Грыжа у луне бываить*» [БСДК 2003: 270], контекст не даёт различий между формами женского и среднего рода и заставляет вспомнить: «**Луно́** ср. <...> стар. пупокъ, пупъ» [Даль$_3$-II: 708] (с учетом вероятного в данном ареале разрушения среднего рода выбор между двумя формами затруднён), ***тазал*** (*много тазал* <род. пад. мн. ч.>) [СРНГ-43: 217] = *тазала*, ***нефе́ля***, -и, *ж.* – остатки заварки [Грачёв 2003: 591] = «**НИФИЛЯ́**, **НЕФЕЛЯ́**, -е́й, *мн. Угол.*, *мол.* 1. Использованная чайная заварка» [Мокиенко, Никитина 2000: 383], ***стегня*** (*на стегне*) [СРНГ-41: 113] = *стегно*, «**У́ВЯ**, *м. Угол<овное>*. Новорожденный» [Мокиенко, Никитина 2000: 608] = «**УВЯ́**, ср. ***уня́ка*** ж. (род. ***уня́ти*** и ***уня́ки***) новорожденное дитя» [Даль$_6$-IV: 464]. Также петербургское *лудь* (ж. р.) ‘луг’ [СРНГ-17: 180], спорно, на основе *во лузях* ‘в лугах’ [Журавлёв-7: 130].

Иногда неточности в образовании родовых форм довольно легко исправляются: «Из статьи “Фебов” на с. 411 [Редкие сл. 1997] мы узнаём, что Пушкин именует поэтов *Фебовыми жрецами,* а Муз – *Фебовыми сестрицами,* поскольку *Феба* – это «одно из имен богини Дианы». Но ведь притяжательное прилагательное от имени *Феба* было бы *Фебин,* тогда как прилагательное *Фебов* образовано от имени *Феб:* Феб-Аполлон был покровителем поэтов и

предводителем Муз» [Пильщиков 1998: 13].

В говорах встречается переход существительных среднего рода в женский, как *стадо* > *ста́да* [Пожарицкая 2005: 106-107], поэтому довольно трудно опознавать случаи явно ошибочного определения рода в таких случаях: курское *берку́шка* ‘?’ < *бёрнушко* ‘брёвнышко’ [СРНГ-2: 259, 260]; подробнее: [Шаповал 2010d: 166, прим. 10]. В ряде полонизмов из Литвы представлена, видимо, не ошибка, а реальная смена грамматического рода в локальной славянской речи: «**Будынка**, *ж*. Пристройка, строение вообще» [СРНГ-3: 248], но польск. *budynek* (м. р.); «**Погурка**, *ж*. Горка» [СРНГ-27: 319], но польск. *pogórek* (м. р.). В зоне оканья фиксируется: «**ВЁДРА**, *ы*, ж. Ясный, солнечный день. *Он на охоту и в дождь, и в вёдра* (Ковр., Русино)» [Канунова и др. 2012: 19], – возможно, под влиянием ныне доминирующего аканья, если это не мн. ч. среднего рода от *вёдро*. Если принять грамматическую трактовку «*ы*, ж.», то в этом контексте правильно было бы **в вёдрУ*.

При работе с диалектным материалом порой трудно разделить даже формы разных слов, например: *стома* [ж.] ‘доведение кого-л. до крайнего утомления, до полного истощения сил’ и грецизм *стомах* [м.] – не ‘то же’, ‘живот, желудок’ [СРНГ-41: 228], см.: [Ширшаков 2009: 86-91].

В заключение следует выделить особо ещё один обнаруженный в материале словарей тип ошибки:

неправильное выделение морфем и основы при анализе единичной формы слова, которой располагает лексикограф: камчатское *оштолом*г̲ ‘остол, шест для управления собачьей упряжкой’ [Браславец и др. 1977: 123] < твор. пад. ед. ч. *оштол-ом*ъ̲ ‘то же’ (из источника в старой орфографии, см. о смешении одноэлементных букв *г – ч – ъ* в подразделе 4.1.2.2);

а также в олонецкой песне: «Топорёнкомъ бревна сѣчены, Да пика̀ми***) изнамѣчены»[28], на основе формы творительного падежа множ. числа неправильно образована начальная форма: «***) *Пикамъ* – большой ножъ съ деревянной ручкой<,> которымъ рубятъ мясо, сахаръ и т. п.» [Агренева-

28 В ряде словарей ошибочно: *изналичены* [СРНГ-27: 22; Епишкин].

Славянская-II: 49] *(пика́м,* видимо, не случайно напоминает северо-западную форму дательного-творительного пад. мн. числа), правильно *пи́ка*. См. также Прил. 5.2-2.

Не только существительные, но и глаголы иногда представлены в словарях в неправильных формах, хотя таких примеров меньше. Карельское *дочи́ть* ‘гасить, тушить’ [СРГК-I: 497] – фантомный инфинитив на основе ошибочной формы *дочи̯ла*, усмотренной на месте правильной формы *дочкла́*, от *дочкну́ть* ‘дотронуться > потушить’.

Вятское *приобрето́хать*, ‘приобрести’ [СРНГ-31: 322] – это инфинитив «от ц.-славянской формы сигматического аориста 1-ого л. ед. **приобрѣтохъ**» [Страхов 2004: 311] ‘я приобрел’; уральское *неможа́хом*, наречие, ‘об очень больном’ [СРНГ-21: 83] = «сигматич. аорист 1 л. мн. ч. от **неможати*» [Страхов 2004: 292-293] и др.

Не всё необычное является ошибкой. Диалектная и нормативная формы инфинитива, будучи синонимичными, получают неполное толкование в словаре жаргона, что может отражать данные, полученные от разных информантов: «УСЕКТИ – увидеть»; «УСЕЧЬ – понять» [Бронников (1990): 45]. Примечательно, что на диалектный источник этой жаргонной многозначности указывает и Ж.Ж. Варбот: «Заслуживает внимания активный процесс вхождения диалектной лексики (и её моделей) в просторечие и жаргоны: таково происхождение жарг. и просторечн. *сечь* ‘понимать’ (в конечном счете – к и.-е.*sek^u- ‘следовать’)» [Варбот 2009: 42].

Однако довольно часто неправильное прочтение заглавного слова сопровождается и неправильно реконструированной парадигмой. К спорному инфинитиву добавлены странные формы настоящего времени: «**Кудсе́ть**, се́ю, се́ешь» [СРНГ-16: 16], вместо *куди́ть, кужу́, куди́шь* [Журавлёв-2: 100-101]. Новосибирское **ватли́ть** с формами <ват>лю́, <ват>ли́шь и **вато́латься** с формами <ватол>аюсь, <ватол>аешься [СРНГ-4: 71, 72] не являются подтвержденными, в отличие от *ватлать* и *ватолиться* [Шаповал 2009g: 125].

Вид глагола необходимо учитывать в толковании. Калужское: «**Брыкать**, аю, аешь, *несов*. [удар.?]. Рыгать [?]» [СРНГ-3: 215], вероятно, всё-таки сов. вида: *<о>б-рык-а́-ть? = обрыга́ть.

Выражение вида глагола нередко связано с чередованиями в его основе. Белорусское нищенское «увеличивать – упа́сувать» [Сцепуро 1881: 196], явно от «много – по́со» [Сцепуро 1881: 191], вариация ударного гласного, скорее всего, не ошибка, а регулярное чередование *о/а* в корне глагольной основы итератива (*u-pás-yv-a-ti), по правилам белорусского было бы (потенциальное) *упа́сваць.

Калужское: «**Брыкать**, аю, аешь, *несов*. [удар.?]. Рыгать [?]» [СРНГ-3: 215], вероятно, всё-таки сов. вида: *<о>б-рык-а́-ть? = обрыга́ть. Вид глагола мог быть определён неправильно из-за неопознания префикса в диалектной форме.

Вообще же глагольная морфология по говорам нуждается в большей детализации в сводном словаре, иногда сведе́ние в одну лексему сопровождается, как кажется, утратой части существенных различий: «**Скруча́ться** <...> 15. Сов. Пьянствуя, опуститься. *Парень совсем скрутился на кабанах*. **Смол.**, 1914» [СРНГ-38: 157-158]; А.Б. Страхов исправляет: «Не “на кабаках” ли?» [Страхов 2008: 260]. В источнике подтверждается предлагаемое исправление: «**Скрути́ться** – испортиться нравственно, спиться. Паринь саўсимъ скрутіўся на кабакахъ» [Добровольский 1914: 840]. Трудно без дополнительных разысканий принять в качестве *несов.* к этому глаголу в смоленских именно *скруча́ться*, а не *скру́ч(и)ваться.* Ср. белорусское *скручвать*. Кроме того, для словаря 1914 года характерны некоторые неточности: имея в виду их, не следует терять из виду и возможность в смоленских говорах употребления предлога *по* с местным падежом: скорее *па кабака́х (хотя в издании ясно читается «на»), т. е. парень искрутился или закрутился по кабакам, ср.: *скручаться / скрутиться* – «11. *Сов*. Устать от хлопот, захлопотаться, завертеться» [СРНГ-38: 158].

Вообще сложности с опознанием и различением видовых форм глагола требуют учёта территориальных и временны́х вариантов. См. Прил. 5.2-3.

5.2.3. Приёмы проверки грамматической характеристики словоформы в контексте

Важно учитывать, что в ситуации неопределённости лексикограф не всегда может точно сказать, с чем он столкнулся: с неопознанием части речи или с неверным определением грамматической формы.

В числе ошибок, характерных для переводов, указываются: «18. Ошибки в омонимичных грамматических формах [Иванов 2012: 298], «Homonymic errors» [Thomson 1988: 371-372]=[Lundström 1955: 74-77, 207-211].

В связи с этим в качестве вспомогательного инструмента верификации грамматических характеристик слабо документированного слова для лексикографа была разработана автором данного исследования таблица «Сводная таблица омонимичных флексий» (таблица 20).

Кратко применение таблицы омонимичных флексий можно описать на примере флексии *-у*.

***Таблица* 19. Фрагмент таблицы омонимичных флексий**

1	-|у|	В., ед.	женского рода		Мест./прил.
2	-|у|	Пр., ед.	мужского рода	неодуш.	Существит.
3	-|у|	Р., ед.	мужского рода	неодуш. (вещ.)	Существит.
4	-|у|	Д., ед.	мужского рода	неодуш./одуш.	Существит.
5	-|у|	Д., ед.	среднего рода	неодуш.	Существит.
6	-|у|	В., ед.	женского рода	неодуш./одуш.	Существит.
7	-|у|	1 л., ед.			Глагол
8	**-|у|**	3 л., мн.	I спр. (северо-запад.)		Глагол

В общем списке представлено 8 омонимичных флексий, в частности, диалектная флексия 3-го лица множественного числа (*они́ иду́*). Этот список позволяет методом перебора контролировать полноту проверки гипотетических

грамматических трактовок. Например, довольно распространённой в анализируемом материале оказалась ошибочная трактовка окончания *-у* родительного падежа части существительных мужского рода как показателя винительного падежа имён существительных женского рода.

Школьное якобы *фефе́ра* [Анищенко 2007: 285] (извлеченное из выражения *задать феферу*); уголовное якобы *бо́ба* – «Побои? Кулак?» [Грачёв 2003: 85; Грачёв 2006а: 43] (из угрозы «Бобу захотел?, встреченной в романе Вс. Крестовского «Петербургские трущобы») – это фантомные существительные женского рода, возникшие по причине забвения родительного части на *-у*.

«**ФЕФЕ́РА**, -ы, *ж*. ♦ **Задать фефе́ру.** *Семин. Шутл.-одобр*. Удивить кого-то, совершив что-то необычное. *– Вот так браво! – вскликнули все.* ***Задали*** *же мы ему* ***феферу**** *... Теперь он к нам долго опять не придёт, будет надеяться на нас...***Задать феферу** значит отличиться перед кем-нибудь на славу* (М. Малеонский (В. Бурцев), Владиславлев. Повесть из быта семинаристов и духовенства; Мутноводская духовная семинария, 1860-е гг.)» [Анищенко 2007: 285]. Заимствование из немецкого *фе́фер* ‘перец’ известно только в выражении *задать фе́феру* ‘досадить, наказать’ [Даль-IV: 534]. «**ФЕ́ФЕР**, -а и -у, *м*. <> **Задать (показать) фе́феру** к о м у . *Прост*. Выбранить или сильно наказать кого-либо. [Бородкин:] *Ох, кабы я на месте Максима Федотыча, я бы вам ф е ф е р у з а д а л*. А. Островский. Не в свои сани не садись. [*От нем*. Pfeffer – перец.]» [Рогожникова, Карская 2005: 720-721]. Здесь родительный части с окончанием *-у* от вещественного существительного мужского рода был принят автором за винительный падеж существительного женского рода [Шаповал 2007е: 307].

Когда-то и у Н. Смирнова вызвало затруднение толкование (но не грамматическая квалификация) слова *боб* в том же контексте «– Бобу захотел? – показывая кулачище...» в романе Вс. Крестовского [Смирнов 1899: 1067]. Ясно, что речь шла о физическом наказании. Словарная статья «**БОБ**, боба́, м.

1. Щелчок (обычно по лбу)» [Никитина 2003: 54, Никитина 2005: 25-26] свидетельствует о том, что данная жаргонная номинация продолжает где-то существовать [Шаповал 2006: 755]. Польское сленговое *bob* также имеет довольно расплывчатое значение в рамках ‘оказывать негативное воздействие’: «**dać bobu**. Dokuczać komuś; dręczyć kogoś. To make someone’s life miserable; to torment» <докучать, раздражать>; «**dostać bobu**. Być dręczonym i dokuczanym. To be subjected to maltreatment, misery, and torment» <быть объектом указанных действий> [SPS].

Не вполне ясен случай *бу́бна* ‘порка’, *выбить бубну* ‘побить’ (смоленское), ср. [Аникин-5: 21], где грамматический аспект не затронут. Возможно, от *бубен*, поскольку для смоленских говоров характерен диалектный родительный на *-у*? Однако как название карточной масти известна и *бубна* женского рода.

Иногда лексикограф учитывает возможность двойного решения и оставляет вопрос без окончательного решения: «АЛА́Ш или АЛА́ША́. Неясно» [Елистратов 1997: 23] с контекстом *налил ему алашу* (П.Д. Боборыкин). Решение предложено в другом словаре: «**АЛА́Ш**, -а и -у, м. *Доппельт-киммель... Род ликера...*» [Гаева-I: 46]. В данном случае затруднение было также вызвано неопознанием окончания родительного части.

Разумно предположить, что при опоре на приводимую ниже таблицу 20 исследователь мог бы более эффективно и без пропусков перебрать все верифицируемые версии грамматической трактовки и не перепутать строку 3 и строку 6 в вышеприведённой таблице. Нулевые флексии – в конце таблицы.

***Таблица* 20. Список омонимичных флексий**

Флексия и др.	грамм. форма	классификационные категории		Часть речи
-|α|	В. (четыре)			Числительн.
-|α|	И. (четыре)			Числительн.
-|а|	В. (два)	мужского рода		Числительн.
-|а|	И. (два)	мужского рода		Числительн.

Флексия и др.	грамм. форма	классификационные категории		Часть речи
-|а|	В., ед.			Местоимение
-|а|	И., мн.		неодуш.	Существит.
-|а|	В., ед. (имя)	среднего рода	неодуш.	Существит.
-|а|	И., ед. (имя)	среднего рода	неодуш.	Существит.
-|а|	Р., ед.	среднего рода	неодуш.	Существит.
-|а|	И., ед.	женского рода		Местоимение
-|а|	Р., ед.			Местоимение
-|а|	И., ед.	женского рода	неодуш./одуш.	Существит.
-|а|	В., ед.	мужского рода	/одуш.	Существит.
-|а|	Р., ед.	мужского рода	неодуш./одуш.	Существит.
-|а|	И., ед.	женского рода		Мест./прил.
-|’а|		несов.	деепричастие	Глагол
-|’а|	3 л., мн. (они́ глядя́)	II спр.		Глагол
-|аjα|	И., ед.	женского рода		Прилагат.
-|αм’а|	Тв. (три)			Числительн.
-|ам’и|	Тв., мн.			Местоимение
-|ам’и|	Тв., мн.		неодуш./одуш.	Существит.
-|ам|	Д., мн.			Местоимение
-|ам|	Д., мн.		неодуш./одуш.	Существит.
-|ас|	Пр., мн.		личное	Местоимение
-|ас|	В., мн.			Местоимение
-|ас|	Р., мн.		личное	Местоимение
-|’ат|	3 л., мн.	II спр.		Глагол
-|аф|	Пр., мн.		неодуш./одуш.	Существит.
-|ах|	Пр., мн.		неодуш./одуш.	Существит.
-|е|				Наречие
-|е|	В. (два)	женского рода		Числительн.
-|е|	И. (два)	женского рода		Числительн.
-|е|	(морф)			Компаратив

Флексия и др.	грамм. форма	классификационные категории		Часть речи
-|e|	В., мн.		неодуш.	Мест./прил.
-|e|	И., мн.			Мест./прил.
-|e|	Пр., ед.			Местоимение
-|e|	Д., ед.			Местоимение
-|e|	Пр., ед.	женского рода	неодуш./одуш.	Существит.
-|e|	Д., ед.	женского рода	неодуш./одуш.	Существит.
-|e|	Пр., ед.	мужского рода	неодуш./одуш.	Существит.
-|e|	Пр., ед.	среднего рода	неодуш.	Существит.
-|ej|	(морф)			Компаратив
-|ej|	Пр., ед.	женского рода		Мест./прил.
-|ej|	Тв., ед.	женского рода		Мест./прил.
-|ej|	Д., ед.	женского рода		Мест./прил.
-|ej|	Р., ед.	женского рода		Мест./прил.
-|ej|	Р., ед.	женского рода		Мест./прил.
-|ej|	В., мн.		одуш.	Существит.
-|ej|	Р., мн.		неодуш./одуш.	Существит.
-|ej|	Тв., ед. (дитя)	среднего рода	одуш.	Существит.
-|ej|	Пр., ед.	женского рода		Местоимение
-|ej|	Тв., ед.	женского рода		Местоимение
-|ej|	Д., ед.	женского рода		Местоимение
-|ej|	Р., ед.	женского рода		Местоимение
-|ej|	В., ед.	мужского рода		Прилагат.
-|ej|	И., ед.	мужского рода		Прилагат.
-|eje|	(морф)			Компаратив
-|ejo|	В., ед.	женского рода		Местоимение
-|ejo|	Р., ед.	женского рода		Местоимение
-|ejy|	Тв., ед.	женского		Местоимение
-|ем’и|	Тв., мн.			Мест./прил.
-|ем|	Тв., ед.	неженского		Мест./прил.
-|ем|	Д., мн.			Мест./прил.
-|ех|	Пр., мн.			Мест./прил.
-|ех|	В., мн.		одуш.	Мест./прил.

Флексия и др.	грамм. форма	классификационные категории		Часть речи
-|ех|	Р., мн.			Мест./прил.
-|и|	И. (три)			Числительн.
-|и|	И. (три)			Числительн.
-|и|	В., мн.		неодуш.	Мест./прил.
-|и|	И., мн.			Мест./прил.
-|и|	И., мн.			Местоимение
-|и|	И., мн.			Местоимение
-|и|	В., мн.		неодуш.	Существит.
-|и|	И., мн.		неодуш./одуш.	Существит.
-|и|	Пр., ед. (имя)	среднего рода	неодуш.	Существит.
-|и|	Д., ед. (имя)	среднего рода	неодуш.	Существит.
-|и|	Пр., ед. (путь)	мужского рода	неодуш.	Существит.
-|и|	Д., ед. (путь)	мужского рода	неодуш.	Существит.
-|и|	Пр., ед. (ночь)	женского рода	неодуш./одуш.	Существит.
-|и|	Д., ед. (ночь)	женского рода	неодуш./одуш.	Существит.
-|и|	Р., ед. (имя)	среднего рода	неодуш.	Существит.
-|и|	Р., ед. (путь)	мужского рода	неодуш.	Существит.
-|и|	Р., ед. (ночь)	женского рода	неодуш./одуш.	Существит.
-|и|	Р., ед.	женского рода	неодуш./одуш.	Существит.
-|и|	Д., ед. (к ямы)	женского рода	неодуш./одуш.	Существит.
-|и|	Пр., ед. (о ямы)	женского рода	неодуш./одуш.	Существит.
-|и|	Пр., ед. (об отцы)	мужского рода	неодуш./одуш.	Существит.
-|ијα|	В., ед.	мужского рода		Прилагат.
-|ијα|	И., ед.	мужского рода		Прилагат.
-|ијα|	В., мн.		неодуш.	Прилагат.
-|ијα|	И., мн.			Прилагат.
-|им’и|	Тв., мн.			Мест./прил.
-|им’и|	Тв., мн.			Прилагат.
-|им’и|	Тв., мн.			Местоимение

Флексия и др.	грамм. форма	классификационные категории		Часть речи
-|им|	1 л., мн..	II спр.		Глагол
-|им|	Тв., ед.	не женского		Мест./прил.
-|им|	Д., мн.			Мест./прил.
-|им|	Тв., ед.	не женского		Прилагат.
-|им|	Д., мн.			Прилагат.
-|им|	Д., мн.			Местоимение
-|им|	Тв., ед.	не женского		Местоимение
-|им|	Пр., ед.	не женского		Прилагат.
-|им|	Пр., ед.	не женского		Местоимение
-|ит'α|	2 л., мн.	II спр.		Глагол
-|ит|	3 л., ед.	II спр.		Глагол-
-|их|	Пр., мн.			Мест./прил.
-|их|	В., мн.		одуш.	Мест./прил.
-|их|	Р., мн.			Мест./прил.
-|их|	Пр., мн.			Прилагат.
-|их|	В., мн.		одуш.	Прилагат.
-|их|	Р., мн.			Прилагат.
-|их|	Пр., мн.			Местоимение
-|их|	В., мн.			Местоимение
-|их|	Р., мн.			Местоимение
-|ијих|	Пр., мн.			Прилагат.
-|ијих|	В., мн.		одуш.	Прилагат.
-|ијих|	Р., мн.			Прилагат.
-|ијим|	Д., мн.			Местоимение
-|иш|	2 л., ед.	II спр.		Глагол
-|јеј|	Тв., ед. (грязьей)	женского рода	неодуш./одуш.	Существит.
-|ју|	Тв., ед. (ночь)	женского рода	неодуш./одуш.	Существит.
-|јуј|	Тв., ед. (грязьюй)	женского рода	неодуш./одуш.	Существит.
-|лши|		сов.	деепричастие	Глагол

Флексия и др.	грамм. форма	классификационные категории		Часть речи
-|м|	1 л., ед.			Глагол
-|м’а|	Тв. (четыре)			Числительн.
-|м’и|	Тв., мн.		неодуш./одуш.	Существит.
-|мши|		сов.	деепричастие	Глагол
-|о|				Наречие
-|о|	В., ед. (что)	среднего рода		Местоимение
-|о|	В., ед.	среднего рода	неодуш.	Существит.
-|о|	И., ед.	среднего рода	неодуш.	Существит.
-|о|	В., ед.	среднего рода		Мест./прил.
-|о|	И., ед.	среднего рода		Местоимение
-|о|	И., ед.	среднего рода		Мест./прил.
-|о|	3 л., ед. (идё)	I спр.		Глагол
-|оj|	Пр., ед.	женского рода		Мест./прил.
-|ово|	В., ед.	мужского рода	одуш.	Мест./прил.
-|ово|	В., ед.	не женского		Мест./прил.
-|ово|	Р., ед.	не женского		Мест./прил.
-|ово|	В., ед.	мужского рода	одуш.	Прилагат.
-|ово|	В., ед.	не женского		Прилагат.
-|ово|	Р., ед.	не женского		Прилагат.
-|ово|	В., ед.	не женского		Местоимение
-|ово|	Р., ед.	не женского		Местоимение
-|ого|	В., ед.	мужского рода	одуш.	Мест./прил.
-|ого|	В., ед.	не женского		Мест./прил.
-|ого|	Р., ед.	не женского		Мест./прил.
-|ого|	В., ед.	мужского рода	одуш.	Прилагат.
-|ого|	В., ед.	не женского		Прилагат.
-|ого|	Р., ед.	не женского		Прилагат.
-|ого|	В., ед.	не женского		Местоимение
-|ого|	Р., ед.	не женского		Местоимение
-|оγо|	В., ед.	мужского рода	одуш.	Мест./прил.
-|оγо|	В., ед.	не женского		Мест./прил.
-|оγо|	Р., ед.	не женского		Мест./прил.

Флексия и др.	грамм. форма	классификационные категории		Часть речи
-|oγo|	В., ед.	мужского рода	одуш.	Прилагат.
-|oγo|	В., ед.	не женского		Прилагат.
-|oγo|	Р., ед.	не женского		Прилагат.
-|oγo|	В., ед.	не женского		Местоимение
-|oγo|	Р., ед.	не женского		Местоимение
-|oj|	Тв., ед.	женского рода		Мест./прил.
-|oj|	Д., ед.	женского рода		Мест./прил.
-|oj|	Р., ед.	женского рода		Мест./прил.
-|oj|	Р., ед.	женского рода		Мест./прил.
-|oj|	Пр., ед.	женского рода		Прилагат.
-|oj|	Тв., ед.	женского рода		Прилагат.
-|oj|	Д., ед.	женского рода		Прилагат.
-|oj|	Р., ед.	женского рода		Прилагат.
-|oj|	Р., ед.	женского рода		Прилагат.
-|oj|	В., ед.	мужского рода	неодуш.	Прилагат.
-|oj|	И., ед.	мужского рода		Прилагат.
-|oj|	Тв., ед.			Местоимение
-|oj|	Тв., ед.	женского рода	неодуш./одуш.	Существит.
-|ojo|	В., ед.	женского рода		Прилагат.
-|oju|	Тв., ед.	женского		Мест./прил.
-|oju|	Тв., ед.	женского		Прилагат.
-|ojα|	В., ед.	среднего рода		Прилагат.
-|ojα|	И., ед.	среднего рода		Прилагат.
-|oju|	Тв., ед.			Местоимение
-|oju|	Тв., ед.	женского рода	неодуш./одуш.	Существит.
-|ом|	1 л., мн..	I спр.		Глагол
-|ом|	Д.			Числительн.
-|ом|	Д., мн. (лошадём)		неодуш./одуш.	Существит.
-|ом|	Тв., ед. (имя)	среднего рода	неодуш.	Существит.
-|ом|	Тв., ед. (путь)	мужского рода	неодуш.	Существит.

Флексия и др.	грамм. форма	классификационные категории		Часть речи
-|ом|	Тв., ед.	мужского рода	неодуш./одуш.	Существит.
-|ом|	Тв., ед.	среднего рода	неодуш.	Существит.
-|ом|	Пр., ед.	не женского		Мест./прил.
-|ом|	Пр., ед.	не женского		Прилагат.
-|ом|	Пр., ед.	не женского		Местоимение
-|ому|	Д., ед.	не женского		Мест./прил.
-|ому|	Д., ед.	не женского		Прилагат.
-|ому|	Д., ед.	не женского		Местоимение
-|от’α|	2 л., мн.	I спр.		Глагол
-|от|	3 л., ед.	I спр.		Глагол
-|от’|	3 л., ед.	I спр.		Глагол
-|оф|	Р., мн.	мужского рода	неодуш.	Существит.
-|ох|	В.		одуш.	Числительн.
-|ох|	Пр.			Числительн.
-|ох|	Р.			Числительн.
-|ох|	Пр., мн.	(на лошадёх)	неодуш./одуш.	Существит.
-|ош|	2 л., ед.	I спр.		Глагол
-|т’|			инфинитив	Глагол
-|т’и|			инфинитив	Глагол
-|тши|		сов.	деепричастие	Глагол
-|ч’и|	(пекчи)		инфинитив	Глагол
-|у|	В., ед.	женского рода		Мест./прил.
-|у|	Пр., ед.	мужского рода	неодуш.	Существит.
-|у|	Р., ед.	мужского рода	неодуш. (вещ.)	Существит.
-|у|	Д., ед.	мужского рода	неодуш./одуш.	Существит.
-|у|	Д., ед.	среднего рода	неодуш.	Существит.
-|у|	В., ед.	женского рода	неодуш./одуш.	Существит.
-|у|	1 л., ед.			Глагол
-|у|	3 л., мн.	I спр.		Глагол
-|уj|	Тв., ед.	женского рода		Мест./прил.
-|уj|	Тв., ед.	женского рода		Существит.
-|уjу|	Тв., ед.	женского рода		Мест./прил.

Флексия и др.	грамм. форма	классификационные категории		Часть речи
-|ују|	Тв., ед.	женского рода		Существит.
-|ум’а|	Тв. (два)			Числительн.
-|ум|	Д. (два)			Числительн.
-|ут|	3 л., мн.	I спр.		Глагол
-|ут’|	3 л., мн.	I спр.		Глагол
-|ух|	В. (два)		одуш.	Числительн.
-|ух|	Пр. (два)			Числительн.
-|ух|	Р. (два)			Числительн.
-|учи|		несов.	деепричастие	Глагол
-|ф|		сов.	деепричастие	Глагол
-|фши|		сов.	деепричастие	Глагол
-|ч|			инфинитив	Глагол
Ø	В., ед.	мужского рода	неодуш.	Мест./прил.
Ø	И., ед.	мужского рода		Мест./прил.
Ø	И., ед. (лисий)	мужского рода		Прилагат.
Ø	В., мн.		одуш.	Существит.
Ø	Р., мн.		неодуш./одуш.	Существит.
Ø	В., ед. (путь)	мужского рода	неодуш.	Существит.
Ø	И., ед. (путь)	мужского рода	неодуш.	Существит.
Ø	В., ед. (ночь)	женского рода	неодуш./одуш.	Существит.
Ø	И., ед. (ночь)	женского рода	неодуш./одуш.	Существит.
Ø	В., ед.	мужского рода	неодуш.	Существит.
Ø	И., ед.	мужского рода	неодуш./одуш.	Существит.
Ø	И., ед.	мужского рода		Местоимение

Флексии и другие концевые морфемы сведены в таблицу 20 по наличию омонимии. Фонемный состав флексий изменяемых частей речи в таблице представлен по «Русской грамматике», поэтому приводится в морфофонематической записи, принятой в указанном издании [РГ-I: 484 (§ 1175), 489 (§ 1184), 491 (§ 1187), 494 (§ 1194), 535 (§ 1281), 536 (§ 1282), 548

(§ 1310), 551 (§ 1317), 554 (§ 1325), 555 (§ 1327), 564 (§§ 1346-1347), 577 (§ 1374), 647 (§ 1550), 672 (§ 1590), 674 (§ 1594), 703 (§ 1646)].

Не учтены отдельно типы существительных, изменяющихся по адъективному склонению, а также склонение причастий, как соответствующее адъективному склонению (иногда с добавлением возвратной частицы) [РГ-I: 503 (§ 1216), (§ 1577)]. В таблице 20 приняты некоторые условные отождествления: знак |j| при алфавитной расстановке был приравнен к букве **й**, а знак гиперфонемы |α| при алфавитной расстановке был приравнен к букве **а**. Диалектные флексии, не совпадающие с флексиями литературного языка, даны полужирным, они приведены по изданию [Пожарицкая 2005: 101-154].

Разумеется, таблицу объёмом 8 страниц не требуется применять во всех случаях, но порой в материале к словарю встречаются сомнительные словоформы, проверку грамматических трактовок которых целесообразнее формализовать при помощи данной таблицы.

При работе с конкретным диалектным или жаргонным материалом возможны и даже необходимы дополнения к приведённой таблице, которые также полезно выделить полужирным шрифтом. Такой простой инструмент учёта более надёжен, нежели память, даже если это память профессионала.

Параграф 5.2. «Грамматические пометы как объект критического анализа и исправления» был посвящён анализу трудностей адекватной грамматической трактовки слабо документированного слова.

Преобладающими в этой области оказываются ошибки интерпретации, разделяемые на две группы, рассмотренные выше: ошибки более серьезные, приводящие к неправильному опознанию части речи (создание фантомного существительного *буха́* на основе выражения *был бухой* [Galler 1977: 16]), и ошибки относительно менее грубые, которые приводят к неправильной реконструкции грамматических форм слова («*Пикамъ* – большой ножъ съ деревянной ручкой<,> которымъ рубятъ мясо, сахаръ и т. п.» [Агренева-Славянская-II: 49], на основе формы *пиками* – твор. пад. мн. ч. от *пи́ка*).

В качестве инструмента верификации была представлена таблица всех омонимичных флексий литературного языка с некоторыми дополнениями из говоров, чтобы помочь при верификации потенциальных грамматических трактовок избежать пропусков или смешения двух омонимичных флексий.

При анализе ошибочных грамматических квалификаций базовая гипотеза о необходимости различения ошибок восприятия и порождения также подтверждается. Однако специфика её проявления обусловлена особенностью реализации грамматических свойств изменяемых частей речи, обусловливающих минимальный зазор между восприятием (словоформы) и порождением (достраиванием) всей парадигмы в памяти исследователя. Как только словоформа идентифицирована, она интерпретируется как одна из позиций определённой парадигмы. Собственно говоря, основной приём верификации (использование списка омонимичных флексий для эксплицитного перебора всех возможных решений) базируется на деавтоматизации собственных навыков исследователя как носителя литературной грамматики и замедлении восприятия словоформы и отделения её анализа от этапа автоматической реконструкции парадигмы.

5.3. Неточности, возникающие при выборе ограничительных помет, и приёмы их верификации

В составе словарной статьи имеются и нуждаются в верификации и другие компоненты. Обратимся к проблеме проверки помет, географических, хронологических, стилистических.

Лексикографические пометы – собственно лексикографическое средство (обычно в форме сокращенного слова или словосочетания). с помощью которого читателю сообщается, что соответствующая языковая единица (или языковое явление) относится к определённой совокупности однородных в каком-либо отношении единиц или явлений [Морковкин 1986: 110].

Мы исходим из того, что каждая лексикографическая помета может быть оправдана в том случае, если она ограничивает сферу употребления и лингвистические особенности того или иного круга лексики, противопоставленного другому [Дубичинский 2009: 4].

Далее так же (по уже апробированной схеме) рассматриваются по возможности сначала ошибки восприятия помет, а потом уже ошибки их порождения и интерпретации.

5.3.1. Географические рамки бытования редкого слова

Сокращения географических названий также могут подвергаться смешению. Эта опасность велика по причине их краткости, часто вызывающей ошибки **восприятия** и копирования: «Яранский уезд Вятской губернии спутан здесь <**5. Ко́чень** ... [СРНГ-15: 126]> с Яренским уездом. который числится за Вологодской губернией» [Журавлёв-2: 99].

«**Смутли́вый**, ая, ое. Вызывающий вражду, ссоры сплетнями. Даль. *Четвертая кручина – Да золовка смутлива*. Дмитров. **Олон.**, 1905» [СРНГ-39:

62], ошибочно указана губерния *Олон*ецкая, а не Орловская, ср.: [Добровольский 1905: 360].

Менее опасно ошибочное превращение сокращения географической пометы в несоотносимое с реальным топонимом сокращение: «**Перека́т** <...> шелковый сарафан в перекат <...> **Трал,** Малеча, 1955» [СРНГ-26: 118]; «вместо пометы “Урал.” приведено нелепое “Трал.”» [Страхов 2008: 236]. *Трал.* отсутствует в СРНГ, следовательно, его нельзя правдоподобно интерпретировать и волей-неволей приходится исправлять.

Искажение географической пометы: «**Скрыбаки́,** *мн.* Сапоги. Мсещов. **Калуж.,** 1850. » [СРНГ-38: 158]; здесь клавиатурная ошибка в помете «*мещов*ское» («с» и «м» соседствуют); *скробаки, скробни, скрёбы* – известное офенское название обуви [Приёмышева-2: 625].

Непонимание функции элемента словарной статьи в следующем случае привело к неправильному прочтению и появлению некорректной (фантомной, но правдоподобной) географической пометы, возникшей по оплошности из названия цитируемого произведения: «**Клеву** [удар.?]. [Знач.?]. *Конь тихонько клеву, клеву – Вот уж под окном.* **Казан.**, 1815» [СРНГ-13: 272]. Вообще 1815 год не встречается в списках источников. Если принять, что это не казанская, а казачья песня, то приходит на ум стихотворение А.С. Пушкина «Казак» 1814 г.: «Храбрый видит красну деву; | Сердце бьется в нем, | Конь тихонько к леву, к леву – | Вот уж под окном» [*Пушкин-1: 48*]. Следовательно, это цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Казак» 1814 г. Необходимо исправить географическую помету **Казан.** на название произведения «Казак», усмотрев в первой смешение ***к*** – *н*.

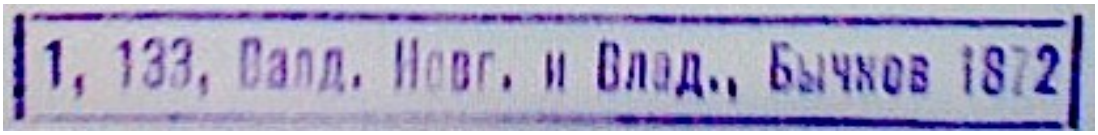
Компьютерная обработка текста словаря чревата ошибками нового типа, возникающими при неосторожных автоматических заменах. Такой заменой вызвано появление некорректной (фантомной, но правдоподобной) географической пометы *калужское*. Электронный словарь Даля в Интернете представлен в современной орфографии. Соответственно, исходное «**КАЛЯТЬ**,

см. калъ» [Даль$_6$-II: 80] должно превратиться в «КАЛЯТЬ, см. кал.». Однако здесь читается: «**КАЛЯТЬ**, см. калужск.» (например: dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/252918, и мн. др.). Причина такой оплошности в автоматической замене этого сегмента “кал.” по неоправданной аналогии с другими в тексте на более однозначное сокращение от *калужск<ое>*. В этом случае ошибка человека и ошибка компьютера неразличимы.

В широком смысле ошибки **интерпретации** помет не связаны с их искажением. Заслуживает внимания редкий случай, когда при цитировании статьи географические пометы несколько раз были взаимно перенесены на слова одного из двух относительно небольших соседних списков диалектных слов. При двух уникальных словах сочетаются пометы: *владимирское* и *валдайское.* «Дряпня – дрянное кушанье» [Бычков 1872: XLV]. «2. Дряпня [удар.?]. Плохое кушанье. **Влад.**, 1870. Валд. **Новг.**» [СРНГ-8: 231]. «Клошни – сплетни, кляузы (Влад. у.)» [Бычков 1872: XLVI]. «**Клошни**, *мн.* [удар.?]. Сплетни, кляузы. Влад. **Влад.**, 1870. **Влад.**, Валд. **Новг.**» [СРНГ-13: 309]. Три фиксации, но все без ударения, что вызывает некоторое недоумение. Валдайские слова от г-на Пардалоцкого даны на страницах XLIII-XLIV, а владимирские слова от о. И.А. Белина – на страницах XLV-XLVII. По этой причине «валдайское» при слове *дряпня* в данном значении и при гапаксе *клошни* кажутся подозрительными. Валдайское «Лу́мка. Хороводъ» [Бычков 1872: XIL]. «3. Девичий хоровод. Валд. **Новг.**, 1849. **Новг.**, **Влад.**» [СРНГ-17: 193]. Помета *владимирское*, видимо, и здесь возникла по той же ошибочной аналогии. К более хорошо документированному *выскорь*, *выскорье* (не отмеченному как *владимирское* [СРНГ-6: 21]) валдайский вариант: «Вы́скодье. Обнажившіеся корни большихъ деревъ. Во Владимірской губерніи употребляется слово Выскодь, означающее дерево, вырванное съ корнемъ бурею» [Бычков 1872: XIII]. Владимирское по этому источнику: «**Вы́скодь**, и, *ж.* То же, что выскорь (в 1-м знач.). **Влад.**, 1872». Валдайское, по Пардалоцкому: «**Вы́скодье,** я, ср., *собир.* Обнажившиеся корни большого

дерева. «Близ Валдая находится озеро, получившее (по рассказам жителей) название Выскодья от падения в него подмытых в корнях (в выскодье) нескольких дерев, находившихся на берегу озера». Валд. **Новг.**, Пардалоцкий, 1855. **Влад.**» [СРНГ-6: 21]. Наличие пометы *владимирское* в последнем случае (при *выскодье*) может также объясняться ошибочным переносом географических пределов, обозначенных в статье акад. Бычкова. См. рис. 10.

Рис. 10. Выписки из статьи А.Ф. Бычкова 1872 г. имеют стандартный штамп:



Понятно, почему позднее эти карточки и привели к ложному двоению помет.

Сокращения XIX века часто требуют догадки, поскольку в одном и том же издании имеются их разнообразные варианты. Так, Бодуэн при подготовке 3-го издания Словаря Даля решал масштабную задачу унификации разномастных и устарелых консонантных сокращений, его «Объясненіе сокращеній» занимает 16 страниц в конце 4-го тома, например: «Арх.-шн.: *арх.-шн., арх.-шнк*. – слово Архангельской губ. Шенкурскаго уѣзда» [Даль$_3$-IV: I-XVI] и проч.

Иногда сокращения помет оказываются омонимами более известных аббревиатур, что с большой вероятностью провоцирует читателя на **интерпретационные** ошибки: «**Ваге́та**, ы, *ж.* То же, что вагота. Нижнедев. **Ворон**., Поликарпов, 1863 [с пометой «*ист*.»]» [СРНГ-4: 10]. «Список сокращений» СРНГ аббревиатуру «*ист*.» не разъясняет [СРНГ-1: 16-17], следовательно, её надо понимать как ординарное сокращение ГОСТа для справочных изданий *ист*. = исторический (или же «историзм»?), однако в словаре Ф.И. Поликарпова «Ист.» значит *Ист*обно́е – село в Репьёвском уезде Воронежской губернии [Поликарпов 1911].

У Добровольского *Смоленский уезд* неосторожно сокращен до *См*. <*у*.>, омонимичного обычному *см*отри. «**Выпылать.** Ти мой хлѣбушка пушонъ, дакъ

я выпылаю. | Я хлѣбу пригадаю, | Съ пуху выпылаю; | Я мужа напаю, | Праўду выпытаю. [См. у.» [Добровольский 1914: 103].

Конечно, сокращения *ист*. и *см*., представленные в нестандартной функции, способны ввести в заблуждение читателя, обратившегося к словарю за справкой и, как правило, не имеющего намерения вчитываться в предисловие.

Дополнительные примеры см. в Прил. 5.3-1.

5.3.2. Ограничение хронологических рамок бытования редкого слова

Хронологические ограничения употребления слова могут инкорпорироваться в толкование: «Не нужно быть филологом-классиком, чтобы испытать недоумение перед дефиницией топонима *Илион* ([Редкие сл. 1997] с. 182): “Древнее поэтическое название Трои” (надо думать, что *Троя* – это название современное и гораздо менее поэтическое)» [Пильщиков 1998: 13].

Описания слов с ошибочными хронологическими и географическими ограничениями выявляются нечасто. Так, в «Толковом словаре живого великорусского языка» Даля отбор архаичной лексики осуществлялся на противоречивых основаниях, редактор 3-го издания И.А. Бодуэн де Куртенэ пометил явно устаревшие слова знаком [†], см.: [Шаповал 2005b: 225-231]. Далеко не во всех словарях имеется указание на временные рамки описываемого лексического материала, однако в СРНГ временны́е рамки точно определены в предисловии: «В Словаре по возможности полно будут представлены диалектная лексика и фразеология всех русских народных говоров XIX–XX вв.» [СРНГ-1: 5].

Сначала будет проанализирован пример неверной **интерпретации** пометы *Помор*., а потом рассмотрен не вполне ясный пример ошибки **копирования**.

Колобрежцы – это слово, как указывает И.Г. Добродомов, ошибочно

отнесено к архангелогородским диалектизмам и получило толкование ‘поморы’: «**Колобре́жцы**, *мн.* Жители морского побережья, поморы. Помор. **Арх.** [?], Афанасьев, Поэтич. воззрен. славян на природу» [СРНГ-14: 146]. Знак вопроса не опосле географической пометы – редкость, но в данном случае он поставлен заслуженно. В действительности это жители другого, балтийского Поморья: «О поклонении воде у славян балтийских свидетельствуют древние хроники. Дитмар <Титмар Магдебургский, епископ, †1018 г.> говорит, что колобрежцы чтили море как обиталище водных богов…» [Афанасьев-2: 208]. По свидетельству Титмара, епископ Кольберга Рейнберн, «море, обжитое демонами, он, бросив туда 4 помазанных святым елеем камня и освятив водой, очистил» [Титмар: 72 (52)]. «На востокъ отъ Одерскаго лимана былъ также богатый торговлею городъ, Колобрегъ (теперь Colberg) <…> Случалось, въ удобное для плаванія время года, что большая часть Колобрежцевъ находилась въ отлучкѣ въ разныхъ земляхъ» [Гильфердинг 1855: 81]. Понятны истоки этих воззрений балтийских славян г. Кольберга, называемых Гильфердингом и «поморцами» [Там же: 80], хотя не вполне очевидно, что в XI веке эти славяноязычные поморцы могли бы делать в районе будущего архангельского Поморья. Во всяком случае сведений об этом нет.

Незначительные ошибки в (**копировании** [?] и) расстановке дат при источниках в СРНГ создают известные затруднения, но иногда могут быть мнимыми, поскольку ссылки делались на рукописи или карточки, но при этом труднее обращаться к дублирующему печатному изданию. (Не говорим о тех случаях, когда есть разнобой в датировке издания на титуле и обложке. Это не ошибки цитирующего их словаря[29].)

29 Например: «Волоцкий В. Сборник материалов для изучения Ростовского (Ярославской губернии) говора. Словарь Ростовского говора. – Сб. ОРЯС, т. 72, № 3, 1902, с. 1–115» [СРНГ-1: 33], однако описание издания имеет дату 1903 [Волоцкой 1903]; «Зеленин Д.К. Дополнительные и критические замечания о Вятской лексике. [Приложение к «Отчету о диалектологической поездке в Вятскую губернию»]. – Сб. ОРЯС, т. 76, № 2, 1903, с. 15–189. [С.

Таким образом, хронологические (и географические) пометы в словарях порой не вполне соответствуют заявленному предмету описания. Выявление и верификация этих случаев требует индивидуального критического анализа и обращения к источникам описания слова. См. также Прил. 5.3-2.

5.3.3. Неточности в передаче и восприятии стилистических помет и других сигналов ограниченного употребления слова

Записи ограничительных помет также обычно сокращаются, это приводит периодически к известным затруднениям не только при копировании, но и при их интерпретации.

Аббревиация помет экономит место в словаре, но снижает избыточность сообщения, предоставляя читателю делать выбор одного из возможных прочтений, поэтому пометы не всегда точно раскрываются и учитываются при переиздании, что служит специфическим словарным источником ошибок. В связи с этим уместен лингвистический анекдот: «Вызывает как-то политический редактор Д.Н. Ушакова и спрашивает: – Дмитрий Николаевич, что это у вас в словаре одни слова – советские, а другие – несоветские? – Как так? – Да вот, смотрите: *взять* – сов., а *брать* – несов.» [Крысин 2011: 216]. Следующая **интерпретационная** ошибка возникла из-за забвения того, что «арестант.» в первой публикации является ситуативным сокращением, а не полным словом, что привело к игнорированию того, что это ограничительная помета, а не толкование жаргонного именования: «**БОКА́ С ПАУТИНОЙ**[1] – арестант (Бец)»; «**БОКА́ С ПАУТИНОЙ**[2] – часы с цепочкой (Бец)» [Грачёв 2003: 88-89; 2006а: 45], толкование ‘арестант’ здесь ошибочно усмотрено в

23–189 – словарь; имеются диалектизмы и в тексте статьи]» [СРНГ-1: 45], однако это [Зеленин 1904]; первый выпуск известного «Смоленского этнографического сборника» отмечен как «**Смол.**, 1890», но в списках трудно понять, имеется ли рукопись, а выход печатного издания произошел в 1891 г. [Смол.-1 (1891)].

помете и возникло из-за неправильного её <не>раскрытия, ср.: БОКА С ПАУТИНОЙ. Часы с цепкой, арестант.<ское выражение> [Бец 1903, цит. по: СРВС-I: 57; Horbatsch 1978: 19]. Ср. искажения иного рода при передаче жаргонного историзма *паутина* в качестве наименования часовой цепочки (5.1-2, п. 5).

Как уже отмечалось выше, омонимичные сокращения (*Ист.*, *См.*) провоцируют читателя на **интерпретационные** ошибки. Помета «*мн.*» в [Мильяненков 1992] трактуется как «международное». Это неудачное решение, поскольку данное сокращение уже занято за множественным числом.

Перенесение оценочной пометы от одного слова к другому в пределах словарной статьи является редким типом **интерпретационной** ошибки. Вообще говоря, под влиянием говорящего у адресата «постепенно формируется положительное или, наоборот, отрицательное мнение об услышанном» [Чалый 2008: 36]. Коннотация, таким образом, является результатом речевого опыта, который может не совпадать у лексикографа и говорящего. При описании семантики жаргонного слова XIX в. возникают заметные трудности при выборе помет оценочного характера, думается, именно по причине дефицита коммуникативного опыта у лексикографов. Хотя нередко есть основания предполагать, что оценочная составляющая была существенной, далеко не всегда мы можем определить её и надёжно обосновать. По этой причине необходимо тщательно анализировать данные словарей и их источников. Думается, помета «*Шутл.*» при *клякспапир* ‘промокательная бумага’ [Анищенко 2007: 130] обязана своим появлением оценке «шутливое» у М. Фасмера, однако у него последняя отнесена не к слову *клякспапир*, а только к нестандартному производному слову *клякспапаша*: «**клякспапи́р** “промокательная бумага”, школьн. жаргон. Из нем. Kleckspapier; *клякспапа́ша* – то же. Шутливое образование по аналогии с *папа́ша* (петерб.)» [Фасмер-II: 259] из петербургского ученического опыта М. Фасмера [Шаповал 2007е: 303]. Характеристика “*шутливое*” относится только к *клякспапаша* и в нем.

оригинале, где ему посвящено отдельное предложение: «**КЛЯКСПАПИ́Р** ‘Löschblatt’, Schulerspr. Aus nhd. *Kleckspapier*. Scherzhaft nach *папа́ша* ‘Väterchen’ auch *кляксспапа́ша* dess. (Peterburg)» [Vasmer-I (1953): 576] (указано И.Г. Добродомовым). Д.С. Лихачёв в воспоминаниях не отмечает оценочности в *клякс-папир*: «Из петербургских слов запомнились мне такие: “вставочка” вместо “ручка”, “клякс-папир” вместо “промокательная бумага”, “фрыштак” вместо “завтрак”» [Лихачёв 1995: 73-74]. См. также Прил. 5.3-3.

Таким образом, даже изменение разбивки на предложения текста словарной статьи оказывается потенциальной причиной ошибки понимания. Неточности в передаче и восприятии стилистических помет и других сигналов ограниченного употребления редкого и малоизвестного слова возникают в тех случаях, когда лексикограф неточно воспринимает лаконичные данные словаря, которые не может проверить, опираясь на свой опыт.

В «5.3. Неточности, возникающие при выборе ограничительных помет, и приёмы их проверки» проанализированы ошибки в пометах: географических, хронологических, стилистических. По причине краткости схожие пометы могут смешиваться.

Чреваты ошибками понимания тождественные общепринятым авторские пометы, например: «Ист.» значит не «исторический», а *Ист*обно́е (село).

Наряду с ошибочным пониманием пометы встречается и ошибочная переадресация пометы соседнему слову: от *кляксспапа́ша* к *кляксспапир* ‘промокательная бумага’.

Таким образом, хронологические, географические и стилистические пометы в словарях нуждаются в проверке, что требует индивидуального критического анализа и обращения к источникам описания слова.

При анализе ошибочных помет подтвердилась базовая гипотеза о необходимости различения ошибок восприятия, проявляющихся при копировании, и ошибок порождения, проявляющихся при интерпретации (и

замене исходной авторской пометы своей версией или близкой пометой), что позволило разделить ошибки по причинам их возникновения и выработать стратегии обнаружения и исправления.

Итоги главы пятой

Глава пятая обобщает практику выявления ошибок в различных частях словарной статьи, опираясь на уже проведённое уточнение написания слова и состава словарной статьи и останавливаясь на наиболее важных из них. В общем мы можем констатировать, что и *при понимании компонентов лексикографического описания слова главной причиной ошибочных решений является пониженная избыточность словарного текста*.

Принципиальное разделение ошибок *на ошибки восприятия и ошибки порождения,* оказавшееся продуктивным в 4 главе при создании типологии ошибок в заглавном слове, подтвердило свою продуктивность и в 5 главе, как при анализе причин возникновения ошибочных толкований, где сходное разделение ошибок на ошибки (восприятия и) копирования и интерпретации (и порождения своей версии толкования) позволило выстроить типологию ожидания, основанную на знании вероятных типов ошибок, так и при анализе ошибочных помет, где копирование и интерпретация также оказываются двумя базовыми операциями, учёт которых позволяет разделять ошибки по причинам их возникновения и вырабатывать основанные на этом знании стратегии обнаружения и исправления.

Предпринятое ранее *рассмотрение путей исправления написания слова даёт ключ к уточнению состава словарной статьи* (за счёт привлечения ранее не учитывавшихся вариантов написания слова) и создаёт предпосылки для исправления ошибок в различных компонентах словарного описания (толкованиях, пометах) на основе более строгой процедуры верификации и учёта более информативного материала источников.

Опыт анализа неточных толкований показывает, что современный читатель (и лексикограф) не всегда вполне адекватно и полно понимает толкования лексикографов прошлого. Таким образом, нельзя говорить о том, что цель критики семантического описания малоизвестного слова – это

достижение стабильной корректности. Вернее будет говорить о постоянно заполняемой бездне непонимания между лексикографами прошлого и нашими современниками.

В первом параграфе пятой главы представлены типы ошибок в толковании, разбитые на две большие группы: ошибки копирования и ошибки интерпретации.

Ошибки копирования толкований приводят к возникновению «дефектных толкований», которые *разделены нами на 8 групп* в зависимости от структурных особенностей: 1) толкования с ошибками на уровне графики (в одной букве); 2) толкования с ошибками на уровне графики (в нескольких буквах слова); 3) утрата составных частей толкуемого; 4) утрата составных частей толкования; 5) перестановка толкуемого и толкующего компонентов местами; 6) нарушение границ между внутренними частями словарной статьи; 7) нарушение границ между соседними словарными статьями; 8) толкуемое иногда по ошибке равно толкованию.

Типы ошибок интерпретации, приводящих к «проблемным» толкованиям, *разбиты нами на 5 групп* в зависимости от типа неточности в толковании: 1) расширение значения слова; 2) сужение значения слова; 3) сдвиг значения слова с сохранением пересечения; 4) сдвиг значения слова без сохранения пересечения; 5) в толковании использованы заведомо непонятные читателю слова.

Анализ соотношения неточного или неверного толкования с иллюстративным контекстом позволяет развить закрепившееся в лексикологии различение сильных и слабых контекстов и применить его для исправления толкования. **Источником неточного толкования слабо документированного слова является обычно абсолютизация данных единственного контекста**, часто источником ошибочного толкования является отождествление соседства и синонимии. Признаком ошибочного толкования является противоречие между толкованием и иллюстративным примером. Неправильная реконструкция синтаксических

отношений может стать причиной ошибочного толкования даже в том случае, когда понимание смысла отдельных слов не вызывает трудностей.

Параграф «5.2 .Грамматические пометы как объект критического анализа и исправления» посвящён анализу трудностей адекватной грамматической трактовки слабо документированного слова.

Преобладающими в этой области оказываются ошибки интерпретации, *разделяемые нами на две группы*: ошибки более серьезные, приводящие к неправильному опознанию части речи (создание фантомного существительного *буха́* на основе выражения *был бухой* [Galler 1977: 16]), и ошибки относительно менее грубые, которые приводят к неправильной реконструкции грамматических форм слова («*Пикамъ* – большой ножъ съ деревянной ручкой<,> которымъ рубятъ мясо, сахаръ и т. п.» [Агренева-Славянская-II: 49], на основе формы *пиками* – твор. пад. мн. ч. от *пи́ка*).

В качестве вспомогательного инструмента верификации грамматических характеристик слабо документированного слова рекомендуется таблица всех омонимичных флексий литературного языка с некоторыми дополнениями из говоров. Например, окончание -*у* родительного части существительных мужского рода ошибочно может приниматься за показатель винительного падежа существительных женского рода, это приводит к «восстановлению» фантомного существительного *фефе́ра* [Анищенко 2007: 285], вместо *фе́фер* (на основе выражения *задать феферу*). Таблица позволяет эффективно формализовать проверку всех возможных версий и избежать пропусков или смешения двух омонимичных флексий.

В параграфе «5.3. Неточности, возникающие при выборе ограничительных помет, и приёмы их проверки» проанализированы ошибки в пометах: географических, хронологических, стилистических. По причине краткости смешиваются схожие пометы, относящиеся к разным губерниям («Яран.» и «Ярен.»), название произведения «Казак» принимается за географическую помету **Казан.** и проч.

Чреваты ошибками понимания тождественные общепринятым авторские пометы: «Ист.» значит не «исторический», а *Ист*обно́е – село в Воронежской губернии [Поликарпов 1911]. *Колобре́жцы* – древние жители г. Кольберга на Балтике – ошибочно перенесены в современное Архангельское Поморье [СРНГ-14: 146], чему виной неразличение двух Поморий.

Наряду с ошибочным пониманием пометы встречается и ошибочная переадресация пометы соседнему слову: М. Фасмер назвал шутливым петербургское школьное слово своего времени *клякспапа́ша*, однако эта оценка была перенесена и на исходное нейтральное *клякспапир* ‘промокательная бумага’.

Таким образом, хронологические, географические и стилистические пометы в словарях нуждаются в проверке, что требует индивидуального критического анализа и обращения к источникам описания слова.

Наблюдение над ошибками в толкованиях, а также при интерпретации иллюстративных примеров и контекстов, в грамматических пометах, в ограничительных пометах (стилистических, географических, хронологических) позволило сформулировать гипотезу об обязательности верификации словарных данных на основе источников для оценки достоверности всех компонентов лексикографического описания слабо документированной лексики. Эта гипотеза в пятой главе была полностью доказана и проиллюстрирована примерами обнаруженных нами искажений различных компонентов описания слова в тех случаях, когда такая критика не была своевременно проведена.

ГЛАВА 6. ВЫЯВЛЕНИЕ ИСТОЧНИКОВ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ ЗА ПРЕДЕЛАМИ СЛОВАРЯ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИМИ МЕТОДАМИ

6.1. Помеченный и непомеченный слои компиляции

Наряду с оплошностями разного рода, возникающими при не вполне квалифицированном цитировании отдельных словарных статей, иногда из одного словаря в другой заимствуется и более значительное количество слов, порой десятки и даже сотни. Если берутся более или менее ординарные лексические единицы, то следы влияния словаря-предшественника обнаруживаются лишь спорадически, а вероятные ошибки цитирования обычно исправляются составителем нового словаря при опоре на собственную осведомлённость. Но если из словаря в словарь переносятся редкие и слабо документированные слова, то следы и особенно ошибки цитирования зачастую оказываются не выправленными составителем нового словаря, а их количество и характер достаточными для вывода о том, что эти малоизвестные слова не были известны доверчивому составителю, а их описания оказались искажены или даже сфальсифицированы.

Такого рода феномены, вызванные обычно стремлением нарастить объём словарного издания негодными методами и создать иллюзорный авторитет за счет приведения уникальных слов, весьма небезопасны для исследований в области лексикологии, диалектологии и этимологии. Иногда на критическое осмысление и правильную оценку сфальсифицированного материала уходят годы. Например, А.Е. Аникин констатирует: «Пишущий эти строки с сожалением должен признать, что в свое время пошел на поводу у словаря Элиасова, обобщив намечающиеся благодаря этому словарю (и только ему) межсибирские “изоглоссы” в виде схемы “забайк. < камч.”, фиксирующей процессы (несомненно, мнимые) диффузии диалектных слов с Камчатки в

Забайкалье» [Аникин 2000: 17-18].

Ниже также кратко излагается отрицательный результат верификации значительного списка «новых цыганизмов» в русских жаргонных словарях, предпринятой автором настоящей диссертации в 1992-2008 гг. Разочарование после многолетних разысканий также было чувствительным.

Практически в то же время достоверность лексического материала словарей цыганского языка изучал Иво Бузек из Масарикова университета в Брно [Buzek 2012]. Несколько ранее критика достоверности материалов прошлого по лексике испанского диалекта цыган предпринималась испанскими учёными [Adiego, Martin 2006: 7-30]. Один из них, Игнаси-Ксавьер Адьего, выразил поддержку нашим исследованиям и при личной встрече. Видимо, сама фиксация иноязычного материала сторонними наблюдателями создаёт богатое поле для искажений. С запозданием удалось познакомиться с созвучными нашим методами верификации сомнительных данных по цыганскому языку и фольклору Г. фон Влислоцкого, применявшимися Йиржи Липой [Lípa 1968: 407-411][30]. Нельзя не отметить активизацию интереса к филологической достоверности источников по цыганскому языку и фольклору в России в последние годы, см.: [Шаповал 2013: 204-214; 2013b: 43-49; 2013c: 50-70; 2014c: 58-61].

Таким образом, **шестая** глава имеет задачу показать пути разработки и продемонстрировать применимость ряда *текстологических критериев* для вычленения и верификации *слоя компиляции*. Эта процедура необходима *для оценки отдельной словарной статьи с учётом её возникновения в определённой линии преемственности* с точки зрения её оригинальности и достоверности.

---

30 Исследователи отмечают высокий уровень мифологичности даже научного дискурса о цыганах: «Seldom did history see such a creation of myths...» [Tcherenkov, Laederich-1: 3], не говоря уже о публицистике, напр.: [Кріль 1998: 17].

6.1.1. Слой компиляции как объект источниковедческого анализа

Под *слоем компиляции*, как уже говорилось выше, понимается совокупность всех цитат, взятых из одного словаря в другой. Эти цитаты в новом словаре обычно не помечаются. Они могут редактироваться и получать иное соседство. Однако остаточные следы цитирования можно использовать для того, чтобы установить факт текстологической зависимости и в ряде необходимых случаев обосновать необходимость исправления ошибок цитирования посредством обращения к лексикографическому или иному первоисточнику.

До известной степени справедлива параллель между слоями компиляции, пришедшими из разных источников, в конкретном словаре и слоями заимствований из разных языков в лексической системе конкретного языка. В обоих случаях можно говорить о «слое» («пласте») лишь в том смысле, что он, будучи перемешанным с другими слоями, всё же объективно выделяется в результате анализа по ряду признаков с той или иной степенью определённости. Употребление термина *слой* в подобном смысле применительно к скрытой в материале лексической группе, объединяемой по общим признакам, представлено, например, в статье Ф.И. Буслаева «Бытовые слои русского эпоса» [1871], где решена задача вычленения слоёв бытовой лексики, скрытых в эпическом тексте [Буслаев 1887: 251][31].

Плагиат и компиляция нередко являются предметом источниковедческого анализа, как и более тонкий феномен литературной аллюзии. Объём контекстуальных перекличек и конкретные текстологические признаки, необходимые для выявления такого рода связей, скрытой цитаты, ошибки цитирования, плагиата или иного рода преемственности заранее не

31 Хотя и не называемый слоями (пластами) компиляции, вклад шести предыдущих собраний английского лексического субстандарта в словарь Дж. Би «Slang» рассматривается, например, в [Рябичкина 2012].

определяются, ср.: [Моров 2009: 43-44; Бар-Селла 2005: 52-56]. Определение границ конкретного слоя компиляции в словаре также требует учёта и оценки многих факторов и не всегда гарантирует однозначный результат с полной определённостью.

Различного рода влияния и взаимодействия соседних словарных статей вплоть до частичного смешения иногда также являются источником ошибок. Например, один такой досадный пример обнаруживается у Даля.

Во втором издании словаря Даля читаем словарную статью, в которой глагол странным образом толкуется прилагательными, а также и представлено якобы производное от него наречие с неожиданной морфемной структурой: «**МУ́СИТЬ** что, *южн<ое>. зап<адное>*. дрянной, невзрачный; неряшливый, неопрятный; скаредный. ***Му́скарадно*** *глядѣть*, *пск*. гадко, противно» [Даль$_2$-II: 658]. Эта лексикографическая странность (толкование глагола при помощи прилагательных) была сохранена и при перенаборе для издания 1955 г. и всех многочисленных последующих переизданий [Даль$_6$-II: 360]. Видимо, авторитет словаря В.И. Даля был уже столь высок, что этот фрагмент просто не привлек внимания редакторов и корректоров. Однако в первом издании читаем вполне осмысленное описание двух соседствующих слов разных частей речи:

«**Му́ситъ** что, *юж. зап*., нѣмцк. быть вынуждену, обязану сдѣлать. **Мус(ш)кара́дный** *юж. зап*. дрянной, невзрачный; неряшливый, неопрятный; скаредный. ***Му́скарадно*** *глядѣть*, *пск*. гадко, противно» [Даль$_1$-II: 955].

Следовательно, во втором издании словаря В.И. Даля возник ошибочный пропуск части текста вследствие «скачка зрения» при наборе от пары помет «*южн. зап*.» к такой же паре помет, расположенной строкою ниже. (Выше в цитате они выделены подчеркиванием.) Проф. И.А. Бодуэн де Куртенэ при подготовке третьего издания внес в это место обоснованную правку по первому изданию и перегруппировал описание прилагательных, поэтому в его версии обнаруживаем данные В.И. Даля о прилагательном «**Мус(ш)карадный**» в составе лексических дополнений к словарной статье «**Москородный**» и вполне

корректное прежнее описание глагола «**Муситъ**»:

«**Москоро́дный, мошкора́дный, мо(у)шкора́дный** *ниж. нвг. пск.*, [**му́скарадливый, му́скарадный** *пск.* Опд.], дрянной, невзрачный; противный, гадкій, постылый; постыдный, позорный. [**Му́скоротно** нар. гадко, непріятно. *пск.* Оп.]. **Му́скарадно** *глядѣть пск.* гадко, противно. [**Му́скара́диться**, безстыдничать. *пск.* Опд.]» [Даль$_3$-II: 913];

«**Му́ситъ** что, *юж. зап.*, [пол. musieć съ] нѣм. [müssen], быть вынуждену, обязану сдѣлать» [Даль$_3$-II: 942].

Однако это исправление не учли ни в фототипическом издании 1935 г., тождественном второму изданию, ни последующих советских переизданиях, поэтому в словарную статью *мусить* так и не было внесено очевидных поправок, о чём более детально см.: [Шаповал 2007g: 19].

В результате взаимодействия соседних словарных статей могут возникать подозрительные контаминации (совмещения) двух словарных статей. Этим определяется важность учёта более широкого контекста первоисточника за пределами словарной статьи или карточки при верификации и внесении исправления в словарную статью. Утратой данных такого рода о первичном окружении словарной статьи было чревато и решение В.И. Даля не сохранять присланные материалы, написанные на одной стороне листа: «Все подачки эти расстрижены на рубезки и разобраны по своим полосам, без всяких отметок» [Даль$_6$-I: XXVII]. Так у Даля оказались смешаны различные слои компиляции, что порой затрудняет анализ словаря, поскольку скрыты основания для конкретного решения лексикографа.

Ещё одна причина необходимости сохранения исходных рукописных материалов в нетронутом и полном виде состоит в том, что при их чтении зачастую возникают трудности при идентификации отдельных букв или групп букв в индивидуальном или устаревшем начертании. В этих случаях окончательный выбор прочтения зависит от опоры на более широкий контекст, позволяющий найти образцы сходных начертаний и обосновать решение.

Словарная история слова предполагает и реконструкцию предшествующих соседств данной словарной статьи, данного описания слова. «История фиксации слова в словарях интересует читателя-пользователя даже меньше, чем этимология. Ему нужна однозначная и по возможности краткая формулировка готовой истины. Критическое же чтение, наоборот, готовой истине предпочитает сравнение различных трактовок» [Шаповал 2005: 73].

Важно с практической точки зрения и, соответственно, с точки зрения методологии различать помеченный слой компиляции и непомеченный слой компиляции как феномены, обладающие принципиально различными текстологическими параметрами и верификационным ресурсом.

Если слой цитат, взятых из одного источника, *помечен* в новом или сводном словаре, его легче извлекать и анализировать. С решения этой задачи мы и начнём. Однако чаще слой компиляции в сводном словаре или словаре-преемнике никак не маркирован. В этом случае задача его обнаружения и определения его границ становится нередко весьма сложной лингвистической и источниковедческой проблемой. Так, А.Е. Аникин, указывая на сомнительность многих уникальных забайкальских слов у Л.Е. Элиасова, воздерживается от вывода о возможности элиминировать весь этот не помеченный самим составителем материал [Аникин 2007 Пр.: 21], а также: [Аникин 2000: 17-26].

Непомеченный, скрытый слой цитат приходится извлекать, опираясь на различные косвенные приметы цитирования. Однако подобная процедура обязательно осуществляется даже и в тех довольно редких случаях, когда составитель нового словаря указывал источники. Это необходимо для проверки корректности их цитирования. Последняя процедура требует значительных затрат времени и сил и напряжения внимания. Такие затраты оправдывают себя, но часто результат верификации редко отражается в словарях.

Например, удаётся выявить, что новгородское слово описано как московское: «**Захво́й**, я, *м*. Хвастун. Моск. **Моск.**, 1901» [СРНГ-11: 146], как предполагалось, здесь смешение *ой – ас* или *ой – ос*: «Скорее всего это слово

*захвост или *захваст, у которого беглое написание буквенного сочетания ст с одной вертикалью и “оторванной” горизонтальной чертой у *т* прочитано как *й*» [Журавлёв-1: 191]. Требуется уточнить границы географического распространения слова. «**Моск.**, 1901» соответствует, скорее всего, источнику [Чернышёв 1900: 1-174], где слово *захвой* не обнаруживается ни в словаре, ни в описании особенностей диалекта. В другом томе того же серийного академического издания обнаруживается новгородское: «Захво́й. Прозвище: хвастунъ» [Герасимов 1910: 43]. Опираясь на гипотезу А.Ф. Журавлёва и учитывая фонетическое упрощение концевых групп согласных (ст > с), а также ограничения, налагаемые обязательностью употребления после согласных конечного **-ъ**, поскольку источник дореволюционный, можно принять для новгородской записи *захвой* в качестве правильного чтение и вариант +захвосъ. Ср. *пирой* (Прил. 4.2.1). Опасность последствий таких мелких сбоев в паспортизации лексического материала возрастает после того, как они попали в авторитетный и цитируемый словарь.

Иногда отсылка к другому словарю оказывается неверной в сводном словаре. Например: **КАРОЛИ́НА**, -ы, ж. **Каролина Ивановна**. Угол<овное>. Шутл<ивое>. Кистень (Смирнов Н.А.). Грачёв, 1995, 14 [Мокиенко, Никитина 2000: 245]. Работы М.А. Грачёва этого года нет в списке источников к данному словарю. В другой работе М.А. Грачёва [Грачёв 1997: 65] эта номинация приведена как пример переноса наименования «лицо» – «вещь» также со ссылкой на Н.А. Смирнова [Мокиенко, Никитина 2000: 245]. Отметим, что у Вс. Крестовского в романе «Петербургские трущобы» и у Смирнова в словаре по данному роману такой номинации (*Каролина Ивановна*), не обнаруживается. Приведена она была только в словарике 1859 г., который раз мелькнул ради курьёза перед Рождеством в «Северной пчеле»: «Каролина Ивановна. Кистень, гирька, отъ 10-ти до 20-ти фунт<овъ>., привязанная на веревку. Бросаютъ такъ, что конецъ веревки остается въ рукѣ. Ею бьютъ въ голову и въ спину. * (*Петербургскіе мошенники этого орудія не употребляютъ; но появлялся и

здѣсь кистень, а именно въ 1842 году. Бывшій помощникъ надзирателя Машмейеръ поймалъ на Лиговкѣ, за Семеновскимъ полкомъ, съ кистенемъ мошенника, отставнаго унтеръ-офицера, который нападалъ для грабежа на проѣзжихъ мужиковъ.)» [СРВС-I: 23; Собрания 1859: 1129]. Таким образом, проверка отсылки позволяет уточнить источник описания редкого жаргонного слова, служившего наименованием не для кистеня (упомянутого лишь в комментарии публикатора), а для метательного оружия (гири до 8 кг весом).

Иногда выписки из источника, проходя через стадию рукописной карточки, претерпевают необъяснимые трансформации: «**Паля́ны**, *мн.* Бранно о домашних животных. Черепов. **Новг**., 1910» [СРНГ-25: 183]. Довольно странно обнаружить, что в источнике 1910 г. стоит совсем иное толкование, совпадающее с реальным толкованием лишь по инициальным литерам: «Паля́ны. Ругательное слово: длинноногія женщины» [Герасимов 1910: 73]. Причины подобной кардинальной трансформации остаются необъяснимыми, если не допускать описку вследствие усталости или невнимательности на одном из этапов копирования материала. Сознательную подмену толкования здесь заподозрить невозможно, но и случайное искажение такого масштаба при копировании толкования из источника на карточку труднообъяснимо.

Странная трансформация толкования наблюдается и в другом случае: «**Чвирц** – женщина легкого поведения» [Мильяненков 1992: 272]. Подозрительно похоже на описание редкого слова у Даля: «***Чвире́ць***, желтый песокъ» [Даль$_6$-IV: 585, под *чвирь*]. Возм., чвирец > е-ударное принято за зачеркнутое > *чвирц – жел. п. > ж. л. п. > женщина легкого поведения. Об исчезновении буквы со знаком ударения при копировании см. 4.2.1. Подобные искажения, как можно предположить, характерны для неконтролируемой контаминации описаний двух слов, но в этих двух случаях вторая выписка, которая могла бы спровоцировать такую трансформацию, неизвестна.

Таким образом, проверка истории цитат оказывается важным средством коррекции словарного описания слабо документированного слова, а потому и

необходимой при верификации данных словарей.

6.1.2. Помеченные слои компиляции как перспективный объект исследования

В связи с источниковедческими аспектами верификации словарных данных и, в частности, исследованием слоёв компиляции рассмотрим одно из направлений изучения источников сводного словаря. «Словарь русских народных говоров» складывается из диалектных материалов разных областей. Примерно оценить размер слоя компиляции, взятого из материалов одной области (региона), можно по сумме упоминаний данной области в различных словарных статьях. Такая предварительная оценка материала понадобилась в процессе подготовки серии статей по проблеме оценки достоверности словарных описаний по региональным материалам [Шаповал 2009g; Шаповал 2009h; Шаповал 2010]. Выборка производилась по электронной версии словаря, поэтому каждая помета, напечатанная без переноса и с переносом, считалась отдельно, а потом данные суммировалась.

См. график 13 «Ссылки на диалектный материал трёх областей» в СРНГ» в Приложении 6.1-1.

Суммарное количество ссылок на материал трёх областей:

воронежские материалы – 10557

новосибирские материалы – 7353

челябинские материалы – 1618

Во-первых, фиксируется значительный (до шестикратного) разброс в суммарных показателях по количеству приведённых цитат и отсылок к диалектным материалам трёх областей.[32] Есть основания полагать, что эти

32 Здесь не рассматривается даже предварительно проблема изменений в административном делении страны. Более объективные данные требуют вычленения (не всегда возможного) части материала по Томской губернии и Алтайскому и Западно-Сибирскому краям для дополнения новосибирских

различия довольно точно отражают и дисбаланс в представленности диалектных материалов данных областей в самой картотеке словаря. Данная диспропорция объективно обусловлена тем, что различные регионы в течение двух столетий (XIX-XX вв., когда собирался материал СРНГ) очень заметно отличались по обеспеченности как специалистами, так и энтузиастами-собирателями. С этим невозможно не считаться и при интерпретации статистических данных, которые не всегда равномерно представлены.

Во-вторых, фиксируется заметное понижение числа упоминаний в один и том же период для всех трёх региональных выборок. Выпуски 32-35, вышедшие в 1998-2001 гг., содержат заметно меньше ссылок на материалы трёх выбранных областей. Причиной такого снижения может быть, очевидно, сокращение иллюстративного и дополнительного материала, с тем же перепадом представленного и в картотеке. Вряд ли могла иметь место более плотная и лаконичная подача материала картотеки с пропуском некоторых подтверждающих свидетельств. Трудно сказать, чем эта статистическая “яма” была обусловлена, однако, скорее всего, причина в том, что в выпусках 32-35 содержатся многочисленные вторичные приставочные образования на *при-, про-, раз-*, обычно фиксируемые без яркой областной семантики.

Частотность привлечения материала каждой из выбранных областей позволяет сравнить представленность диалектизмов той или иной области в разных выпусках словаря, см. об использовании подобного инструмента для количественного выражения стилевых особенностей [Леденёва, Барковская 2005: 103-106].

Вообще выделение различных слоёв или пластов в словаре по тем или иным параметрам чрезвычайно перспективно как один из приёмов исследования. Так, С.А. Мызников при верификации различных групп данных в диалектных лексикографических источниках обращает внимание также и на количественные характеристики вклада различных групп источников: «Именно

данных, уфимского и оренбурского материала для присовокупления к челябинскому и проч.

фольклорный материал вызывал и вызывает критические замечания по поводу его лексикографической репрезентации, причём следует отметить, что слова с пометой *фольк*. довольно многочисленны в СРНГ – 3237 единиц (по выпускам: 1 <вып.> – 0 <помет *фольк.*>, 2 – 38, 3 – 19, 4 – 7, 5 – 71, 6 – 24, 7 – 65, 8 – 10, 9 – 16, 10 – 23, 11 – 63, 12 – 66, 13 – 44, 14 – 78, 15 – 156, 16 – 75, 17 – 97, 18 – 145, 19 – 66, 20 – 110, 21 – 126, 22 – 61, 23 – 55, 24 – 115, 25 – 22, 26 – 28, 27 – 1, 28 – 5, 29 – 0, 30 – 52, 31 – 91, 32 – 56, 33 – 149, 34 – 195, 35 – 138, 36 – 110, 37 – 157, 38 – 149, 39 – 182, 40 – 245, 41 – 127). Очевидно, для такого рода данных потребуется специализированное издание» [Мызников 2010: 76]. (Этой проблеме посвящена монография [Бобунова 2004], статьи [Шаповал 2011; Шаповал 2011g; Шаповал 2012c].) Надо учесть, что не все слова, описываемые по фольклорным контекстам, имеют такую помету в СРНГ. Имеется ещё нерегулярное пояснение в скобках (песня), а также и случаи неотмеченного цитирования загадок, пословиц, сказок, былин. Этим определяется ещё одна причина необходимости проверки как помеченных, так и непомеченных цитат.

Обоснованная выше предварительная элиминация лексического материала отдельных областей в сводном словаре позволила, с одной стороны, охватить весь этот материал, а с другой стороны, рассмотреть его на общерусском диалектном лексическом фоне. Основные итоги этого анализа были отражены в серии статей, в которых были обоснованы кардинальные исправления в описаниях 12 новосибирских диалектизмов [Шаповал 2009g], 3 челябинских [Шаповал 2009h], 4 воронежских [Шаповал 2010], предложенные лично автором данного исследования. Приведём лишь отдельные примеры критического анализа, позволившие исправить запись диалектизма и обосновать предлагаемое исправление на основе анализа списка диалектизмов отдельной области:

новосибирское *зачарыгать* ‘затвердеть’ [СРНГ-11: 172], правильно: *зачарыметь* «1. Покрыться настом, затвердеть» (только о снеге) [СРГНО: 189; СРГС-2: 234], от *чарым* ‘лёгкий наст’ (из коми) [Аникин 2000: 646-467]; в

данном случае обнаруживается переразложение *га* – ***ме*** [Шаповал 2009g: 124]

челябинское «**Нашнепа́ть**, а́ю, а́ешь, *сов., перех.* Нащепать (лучины). *Лучинки нашнепаю, сера горючая,.. к угольку ткнешь. Тоже без угля не горит.* Златоуст. **Челяб**., 1913-1923» [СРНГ-20: 301], где весьма надежно восстанавливается исходное чтение +нашкепать, ср., например: «**Наскепа́ть**, а́ю, а́ешь, *сов., перех.* Нащепать, наколоть. ... *Лучины наскепаешь, ими светили в избе.* **Новосиб.**» [СРНГ-20: 163-164]; где в *нашнепать* диагностируется смешение букв ***к*** – *н*, правильно +нашкепать [Шаповал 2009h: 152];

воронежское «**Охло́н**, а и у, *м*. Скамья. Павлов. **Ворон.,** Архив РГО. – Ср. Ослон» [СРНГ-25: 35]. Если запись не отразила индивидуальную черту произношения, то надо согласиться с указанием словаря на синонимию с ординарным *ослон*: «4. Переносная скамейка в избе. **Южн., Зап., Даль**» и мн. др. [СРНГ-24: 24]. Тогда естественно предполагать, что *охлон* возникает в результате ошибки при копировании записи *аслон* по причине переразложения *ох* – ***ас*** [Шаповал 2010: 68].

Таким образом, изучение слоёв компиляции в словаре, выделяемых по разным параметрам, широко представлено, продуктивно, необходимо для создания достоверного лексикографического описания и верификации неполных данных относительно малоизвестного или слабо документированного слова.

Далее изложен наш собственный опыт вычленения и изучения более масштабных по количеству охваченных слов помеченного и непомеченного слоёв компиляции в современных сводных словарях русского уголовного жаргона, выходивших после 1992 года.

6.2. Помеченный слой компиляции как носитель сведений об источниках словарной статьи

6.2.1. Характеристика источников, в которых обнаруживается слой цитат из немецкого словаря

Всё разнообразие отношений текстологической зависимости между словарём-предшественником и словарём-последователем требует отдельного исследования на масштабном материале. Ниже будет рассмотрен в качестве примера помеченного составителем словаря слоя компиляции только один весьма неочевидный поначалу случай не вполне ясного по целям цитирования немецкого жаргонного словаря в русской жаргонной лексикографии конца XX века. С одной стороны, этот слой компиляции более или менее аккуратно был помечен составителем (составителями) при помощи *мн./ин.* (о смысле помет речь ниже, поскольку это непростой вопрос)[33], но с другой стороны, нельзя игнорировать тот факт, что при всём желании трудно обнаружить признаки того, что составитель материалов, отражённых в словарях жаргона после 1992 года., вполне сознавал, что он цитирует специальный немецкий словарь.

В 1992 г. вышло в свет два больших словаря, описывающих лексический состав русского криминального жаргона:

а) «Словарь жаргонных слов и выражений», помещенный в книге Л.А. Мильяненкова «По ту сторону закона. Энциклопедия преступного мира» [Мильяненков 1992: 76-288];

б) «Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона», составивший основное содержание книги Д.С. Балдаева, В.К. Белко, И.М. Исупова «Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона: речевой и графический портрет советской тюрьмы»

33 Здесь лишь напомним, что неудобство сокращений авторских помет, совпадающих с общепринятыми, как *мн.* – «международное», а не «множественное», уже обсуждалось выше (*Ист.*, *См.* – 5.3.1).

[ББИ 1992: 15-302]. Последний словарь вышел вторым изданием в 1997 году с незначительными дополнениями и под авторством одного Д.С. Балдаева [Балдаев 1997-I/II]. В основном он повторил материал ББИ, небольшие дополнения не коснулись интересующих нас цитат.

Эти издания ввели в научный оборот большой новый материал и поэтому сразу были замечены лексикографами. Описания жаргонных слов, впервые представленные в этих книгах, стали объектом анализа ведущих специалистов по русской арготической лексикологии, например: [Мокиенко 1995; Мокиенко, Никитина 2000; СРБ 2003] и др. Вместе с тем лингвисты отмечали необходимость критической проверки опубликованных материалов научными методами: «Качество опубликованных словарей воровского жаргона позволяет заключить, что эта область языка до сих пор остаётся вне поля зрения профессиональных лексикографов» [Плуцер-Сарно 1998: 5].

6.2.2. Исследование цитат из немецкого словаря с момента публикации в 1992 году по настоящее время

Одно из важных направлений критического анализа материала, представленного впервые в двух данных словарях, связано с верификацией списков слов, снабжённых пометой *мн*. в словаре Л. Мильяненкова и пометой *ин*. в словаре Д. Балдаева и других. Верификация этого весьма экзотического по виду лексического материала невозможно без критики источников, ссылки на которые отсутствует. Эти слова сразу же обратили на себя внимание специалистов по русскому языку, поскольку, во-первых, были маркированы особыми пометами, что облегчало выделение этого особого слоя лексики в двух указанных словарях; во-вторых, ранее слова этих списков не фиксировались в словарях русского жаргона, как и в словарях, описывающих лексику русского языка в целом, в-третьих, многие из них имели необычный вид, что вынуждало специалистов ставить вопрос о том, каким образом эти слова адаптированы в русском жаргоне грамматически. Одним из первых на это обратил внимание

В.И. Беликов: «[Н]асторaживает массовость неизвестных мне слов из неизвестно какого жаргона, а – главное – с трудом пригодных по своим фонетико-морфологическим характеристикам к использованию в русском языке. Вот лишь несколько примеров заведомо несклоняемых существительных: *бике, диле, кабни, кале, кейбе, мусе, нафке, небуди, хами, цувли*…» [Беликов 1996: 156].

Другое направление верификации наметилось в русле текстологического анализа и источниковедческой критики описаний слов данных списков. В статье 2001 г. «Gaunersprache (немецкий жаргон преступников) как «нелегальный» источник для пополнения русских жаргонных словарей» автор этих строк на основе сопоставления описаний слов *ветерхан, вуравель, граль, вудер, хохавабе, цобиханен, гланда, евек, бере, небуди, пламена* с описанием сходно звучащих слов в сводном словаре немецкого жаргона (например, «**Е́век** (*мн.*) – камень» [Мильяненков 1992: 118]; нем. словарь: «**Ewen** [1247] *m* Stein: 1922 Po» [Wolf 1956: 90], из иврита, где אבן [э́вэн]) делает вывод о неоправданном включении переведённых с немецкого языка кратких выписок в состав русских жаргонных словарей [Шаповал 2001: 26-29]. См. также рассмотренные выше: *безмен* (4.2.1, 5.2), *вудер* (5.1.1), *гав* и *алав, ланга* (512, п. 1 и 2), *пламена, ун* (5.1.3, п. 4), *фиш* (5.1-2, п. 7), *шмирлинг* (5.1-2, п. 1).

В частности, уже намеченная методика учёта ошибок цитирования, характерных для данных словарей, что позволило создать эффективный инструмент верификации. Текстологическая типология ошибок прочтения, наметившаяся в процессе анализа лексикографических описаний цыганизмов по списку 1992 г. [Шаповал 2008: 49-77] была позднее распространена на более обширный материал. Прежде всего, представлялось важным сравнить с количеством цыганизмов по группам слов, отмеченных той или иной ошибкой цитирования, количество слов в группах с теми же признаками в остальной части компилятивного слоя, восходящего к немецкому жаргонному словарю [Шаповал 2011е: 75-153].

Изложение полного разбора этого материала занимает значительный объём, поэтому здесь мы ограничимся демонстрацией разбора отдельных примеров ошибок каждого из выявленных типов. Необходимо сделать оговорку, что нашей целью не был этимологический анализ всех упоминаемых слов из немецких жаргонных источников или полномасштабная критика самих этих источников. Обращение к этому материалу определялось, оправдывалось и ограничивалось задачей верификации описания некоторых новых жаргонизмов в русских словарях двух последних десятилетий. Проверка достоверности этих данных привела к общему выводу, что это цитаты из постороннего словаря.

6.2.3. Наиболее доказательные типы ошибок, которые обнаруживаются в цитатах из немецкого словаря

Приводимые далее примеры ошибок цитирования отбирались с учётом их доказательной ценности и группировались по текстологическим параметрам (имевшиеся в немецком издании, возникшие при его копировании, возникшие при переводе, возникшие при копировании перевода) и проч.

01. Ошибки в описании слова, перешедшие из немецкого источника, обладают наивысшей доказательной силой для обоснования неотмеченного цитирования. Цыганское слово *вуравелъ*, которое означало в действительности ‘летает’ и было однажды зафиксировано в г. Белгороде в конце XVIII века акад. В. Зуевым: «Ета птица летаетъ тихо. Откадай чирикли вуравелъ на фарте» [Зуев 1787: 182], – преображается в якобы «жаргонное» «**Вура́вель** (*мн.*) – вошь» [Мильяненков 1992: 99], см.: [Шаповал 2001: 27; 2007а: 57-58; 2008: 51; 2011е: 75]. Собственного говоря, и одного такого примера достаточно для доказательства несомненного факта письменного заимствования. Но есть и немецкое жаргонное название головного убора, которое по принципу произвольной криминализации получило в переизданиях ошибочное толкование *Hure* <проститутка> вместо первичного *Hut* <шляпа>, откуда

фантом: «**Ве́терхан** (*мн.*) – проститутка» [Мильяненков 1992: 94]. См. также славянское *народ*, трансформированное в *не́буди* (1.2.2). Независимое возникновение одинаковых ошибок в русском и немецком словарях почти невероятно. С такими фантомными толкованиями эти слова могли быть только списаны из немецкого словаря [Шаповал 2011е: 85].

02. Ошибки в передаче звучания слова, перешедшие из немецкого источника, также обладают высокой доказательной силой. «**Гли́тшин** (*мн.*) – ключ» [Мильяненков 1992: 104] – это кириллическая транслитерация немецкой записи цыганского слова (заимствованного из греческого το κλειδί) *klidźin, ср.: севернорусско-цыг. *клыды́н* (м.р.) ‘ключ / замо́к’ [Шаповал 2011е: 86]. Да и немецкую записи точнее надо было бы передать кириллицей как *гли́чин.

03. Визуальное смешение букв латиницы или их элементов указывает на источник, написанный немецкой латиницей. «**Тасоваф** (*мн.*) – душить» [Мильяненков 1992: 245] < «**tasavav** [5763] würgen <душить, топить>: 1922 Po <...>» [Wolf 1956: 327]; «*tasavav* würgen» [Polzer 1922: 90] – ошибочно переписано с переразложением элемента *ι* между буквами *a* и *v* как *Tas<u>ow</u>av, а затем прочитано «по-немецки»: w = [в], v = [ф].

04. Неправильная фонетическая трактовка букв латиницы и их сочетаний указывает на немецкий язык описания. Чтение буквы *v* «фау» как [ф]: «**Фуз** (*мн.*) – конопля» [Мильяненков 1992: 263; Мокиенко, Никитина 2000: 633; Ширянов; Walter 2003: 166], правильно читается [вуш]: «*Vuš* Hanf» <конопля> [Polzer 1922: 96], произвольно перетолковано как наркотик. С неправильно читаемым *a*-умлаут: «**Ша́лер** (*мн.*) – одежда» [Мильяненков 1992: 277] < «*Schäller* Kleid, Kleidung» <одежда> [Polzer 1922: 76]. Кроме того, эти ошибки позволяют оценить актуальную для одного из составителей словаря степень владения немецким языком.

05. Ошибки при копировании заглавного слова в кириллической записи указывают на наличие кириллического протографа, а их относительно умеренное количество – на небольшое число шагов копирования. Смешение

русских букв *е* – ***с***: «**Бе́ре** (*мн.*) – год» [Мильяненков 1992: 84] < «*Bers* Jahr» <год> [Polzer 1922: 9]. Смешение *ль* – ***н***: «**Абфи́лькельн** (*мн.*) – тайная договоренность» [Мильяненков 1992: 76] < «**abfinkeln** fünkeln, abkochen, etwas heimlich verabreden <изжарить, нечто тайком обговорить>» [Avé-L. 1862: 515].

06. Ошибки при копировании толкования говорят о том, что составитель не опирался на собственное владение «цитируемым» жаргоном, а копировал записи механически. «**А́лав** (*мн.*) – платье, одежда» [Мильяненков 1992: 77] < пламя [Шаповал 2011е: 110]. «**Манд** (*мн.*) – самец, ноги» [Мильяненков 1992: 163] < «*Mand* Männchen | *Mand* Messer» <самец | нож> [Polzer 1922: 55].

07. Ошибки осмысления толкования дополнительно указывают на немецкий источник. «**Мат** (*мн.*) – почему?» [Мильяненков 1992: 165] < «**matt** [3456] warm <тёплый>» [Wolf 1956: 203]; «*matt* warm» <тёплый> [Polzer 1922: 56], а не *warum* ‘почему’, как показалось переписчику. «**Бонум** (*мн.*) – луна» [Мильяненков 1992: 87]. Ср.: *Вопит* <…> лицо, также: рот [Wolf 1956: 253, № 4306, *Ponim*], где отражено смешение нем. *Mund* ‘рот’ и *Mond* ‘луна’. (Ср. в ряде академических словарей похожую по типу ошибку копирования и перевода: «**ва́ндыш III** ‘вид ниток’ урал. (Vasm.<er> 1: *168*; отсюда в Фасм.<ер> 1: *271*; СРНГ 4: *37*) // Несуществующее слово, ставшее плодом опечатки. Знач. **в**°<**а́ндыш III**> – ‘Art Fladen, род лепешки’, а не ‘Art Faden, род нитки’, как у Фасмера <...> В действительности то же слово, что *ва́ндыш* II» <‘род лепешки’> [Аникин-6: 50].) Словарная статья отражает заимствование из славянского в цыганском: «**Plamena** [4221] Blasebalg <мехи кузнечные>: 1922 Po» [Wolf 1956: 248]; «*Plamena* Blasbalg» <мехи кузнечные> [Polzer 1922: 67]. В русском переводе толкования накопились неточности: «**Пла́мена** (*мн.*) – мех» [Мильяненков 1992: 195], – звучит двусмысленно; позднее уточнено, но ошибочно: «**ПЛАМЕНА** (ин.) – мех, меховое изделие» [ББИ 1992: 176; Балдаев 1997-I: 320]. Характерна отмеченная и выше произвольная криминализация.

08. Неточности комплексного типа: реинтеграция выписок, привлечение материала постороннего русского словаря – встречаются редко, но они ценны

как свидетельства соседства в словаре-источнике и указания на скрытые цели цитирования. Вышеупомянутое слово *пламена* тоже могло быть понято как изделие из меха под влиянием редкого названия меховой оторочки *агонь* у Даля [Даль$_6$-I: 5]. «**Абцу́г** – метка карт» [Мильяненков 1992: 76], выбрано из словаря Даля под влиянием: «*Abzug* Vorhängeschloß, Wachsabdruck» <навесной замок, восковой оттиск> [Polzer 1922: 2].

09. Цитирование вместо слова этимологического комментария к нему указывает на словарь со словарными статьями сложной структуры. «**Тан** (*мн.*) – сукно» [Мильяненков 1992: 245] не может отражать «**Tchan** [5775] *m* Tuch <платок>… *Tschan*: 1922 Po» [Wolf 1956: 327]. Ожидалось бы *тхан и *тшан. Похоже, что запись *тан* и толкование (не ‘платок’) взяты из этимологического комментария, данного там же: «Zig. *t’an* *m* Tuch, Gewebe <платок, ткань> → **тан.** Проигнорирован апостроф, в данном случае знак придыхания (см. 4.3.2).

Случай с *тан* и другие эффекты непонимания структуры словарной статьи могут быть сравнены с причинами возникновения фантомного слова в забайкальском словаре, где вместо слова также была процитирована этимологическая параллель: «Нельзя не усомниться в подлинности забайк. *томо́г* ‘собачий намордник’... [Элиасов 1980: 413] ... Но намордник называется по-якутски *tomtoruk*. Не послужило ли “источником” рус. *томо́г* упоминаемое в статье *tomtoruk*... тел<еутское, диал. алтайского яз.>. *томо́г* ‘оброть... на морду телятам’...» [Аникин 2000: 21].

10. Уникальные особенности построения словарной статьи иногда прямо связаны с размещением материала в словаре-источнике. Совмещение соседних омонимов немецкого словаря: «**Рат** (*мн.*) – кровь; ночь» [Мильяненков 1992: 220]; «**РАТ** (ин.) – 1. Ночь. 2. Кровь» [ББИ 1992: 208; Балдаев 1997-II: 13]. < Эти омоформы различного индийского происхождения в цыганском совпадают только в им. п. ед. ч. и различаются по роду: «*Rat* Blut. | *Ratt* Nacht» < ночь | кровь> [Polzer 1922: 71]; «**Rat** [4495] *m* Blut <кровь>…»; «**Rat’** [4496] *f* Nacht <ночь>…» [Wolf 1956: 262].

11. Уникальные особенности графики бесписьменного языка также позволяют иногда идентифицировать источник записи. «**Бре** (*мн.*) – шляпа» [Мильяненков 1992: 88]. Не исключено, что это трансформированное в [brɛ:] в зоне германско-славянских устных контактов украинское *бриль*, ср.: «Брэй. Шляпа на Украине, отличается от наших» [Бурнашев 1843-I: 53]; «**Bre** [675] *m* Hut <шляпа>…» [Wolf 1956: 62]. Уже в 1862 г. Avé-Lallemant указывал на неясность этимологии этого *Bre*: «Die Etymologie ist dunkel» [Avé-L. 1862: 526].

12. Немецкий словарь отражает уникальную или редкую запись слова. «**Па́тика** (*мн.*) – аптека» [Мильяненков 1992: 190] < «*Patyka* Apotheke» [Polzer 1922: 64]; «**Patyka** [4080] *f* Apotheke: 1922 Po. – Kroat.» [Wolf 1956: 239]. Хотя у З.А. Вольфа имеется указание на хорватский источник, наличие в записи буквы «игрек» с этим не вполне согласуется.

13. Противоречие в данных о распространении слова. «**Фо́ро** (*мн.*) – город» [Мильяненков 1992: 261] = «*Foro* Stadt» [Polzer 1922: 26]. Значение ‘рынок’ не отмечено [Шаповал 2011е: 141]. Общецыганское заимствование из греческого, ограничительная помета *мн.* (по Л.А. Мильяненкову, известное лишь за границей) не вызывает доверия, поскольку слово широко известно и цыганам в России. В другом словаре эквивалентная ограничительная помета *ин.* потеряна. «**ИАС** – водка» [ББИ 1992: 94; Балдаев 1997-I: 167], относимость к русскому криминальному жаргону никак не выражена. Есть немецкий источник: «*Jaß* Branntwein» <водка> [Polzer 1922: 38], цитируемый Вольфом: «*Jaß m* Branntwein: 1922 Po<lzer>» <водка> [Wolf 1956: 143, № 2313, под *Jajin*].

14. Сдвиг ударения или другие диалектные черты также снижают вероятность использования альтернативного источника. Вслед за немецким словарём русские жаргонные словари подают несколько цыганских слов с необычным сдвигом ударения, например: «**Ка́рик** (*мн.*) – куда?» [Мильяненков 1992: 135] = «**karik**? [2477] wohin? <куда?>» [Wolf 1956: 153]; «*karik* wohin?» [Polzer 1922: 41]; подробнее: [Шаповал 2011е: 142], ср. севрнорусско-цыг. *кари́к* ‘куда’. И др. Совпадение целых списков таких отклонений очень сильный довод

в пользу именно литературного (визуального) заимствования.

15. Слова, которых нет в словаре З.А. Вольфа, обнаруживаются в некоторых других словарях немецкого жаргона, например: «**Сап** (*мн.*) – змея» [Мильяненков 1992: 226] < «*Sap* Schlange» <змея> [Polzer 1922: 74]; цыг. *сап* (м. р.) ‘змея, уж’ [ЦРС 1938: 124]. «**Бо́ди** (*мн.*) – свободный» [Мильяненков 1992: 86] < нем. словарь: (Fieselsprache <арго учащихся>) **Body** los, frei <отпущен, свободен>; сравнивалось с евр. *potur* ‘отпущен’, а также с русск. “Поди!” (окрик кучеров) [Avé-L. 1862: 526, 433]. Толкование ‘свободный!’ при *боди* противоречит исходному значению кучерского *поди!* и *пади!*, где усматривается даже и значение ‘пади на земь, поклонись!’ [Добродомов, Пильщиков 2008: 55]. К заимствованному в русский в значении ‘женское нижнее белье’ слову *боди*, а также вообще к англ. *body* ‘тело > *персона’ не имеет отношения [Шаповал 2011е: 150-151].

Приведённые примеры дают общее представление о том, на каких именно текстологических признаках основывается вывод о списывании материала из словаря в словарь. Эти признаки в комплексе не оставляют шансов для принятия версии об устном заимствовании верифицируемого списка слов в русские словари жаргона. Таблица 21 даёт общие количественные характеристики по распространённости 14 типов ошибок. Здесь необходимо оговориться, что целью анализа были цыганские слова, а остальные выписки из немецкого словаря рассматривались с целью оценки их контекстуального эскорта. Более глубокий анализ мог бы, видимо, выявить дополнительные признаки неотмеченного цитирования и в этой периферийной части выписок. Однако и проведённое сравнение группы цыганских слов с остальными словами списка, имеющего пометы «мн.» / «ин.» в анализируемых русских жаргонных словарях, показало перспективность внимания к тем же 14 особенностям цитирования.

***Таблица* 21. Распределение слов по признакам цитирования**

(Таблица 21 с детализацией помещена в Приложение, 6.2-1, табл. 37.)

Группы слов	*Ошибка описания из нем. сл.*	*Ошибка в записи из нем. сл.*	*Смешение букв латиницы*	*Ошибка чтения латиницы*	*Ошибка копир. загл. слова*
цыга-низмы	24	7	4	45	5
осталь-ные	1	3	6	2	34
Группы слов	*Ошибка копир. толкования*	*Ошибка понима-ния толк.*	*Смешение словарных статей*	*Этимол. вместо слова*	*Особая структуры сл. статьи*
цыга-низмы	6	7	7	5	14
осталь-ные	5	19	6	5	74
Группы слов	*Уникальн. запись учёного*	*Уникальн. запись в нем. слов.*	*Территор. пометы*	*Ударение и др. диал. черты*	*Нет у Вольфа*
цыга-низмы	13	20	18	13	11
осталь-ные	1	1	108	2	23

6.2.4. Краткое описание итогов исследования слоя цитат из немецкого словаря

В итоге была получена репрезентативная картина количественного распределения слов с ошибками цитирования немецкого источника, не оставляющая шансов на то, что перед нами реальные русские жаргонизмы.

Анализ двух словарей русского жаргона 1992 г. позволил заключить, что не менее 199 новых слов цыганского происхождения, а также более 290 других слов, впервые представленных в них с пометами *мн*. [Мильяненков 1992: 76-288] и *ин*. [ББИ 1992: 15-302; Балдаев 1997-I/II] следует трактовать как *прерывистую цитату* со следами многослойного произвольного редактирования, заимствованную из сводного описания лексики немецкого криминального жаргона и непрофессионально переведённую на русский язык. *Прерывистая цитата* – это способ условного количественного представления степени текстологической зависимости одного текста от другого, например: если с каждой второй страницы стостраничного текста А списано по три слова подряд в текст Б, то каждый трёхсловный сегмент сам по себе не доказывает факта масштабного заимствования, но если выяснится, что 50 идентичных трёхсловных сегментов встречаются в двух текстах ещё и в одинаковой последовательности, то это указывает на наличие *прерывистой цитаты* объёмом 150 слов, выявляемой текстологически. Это весомый аргумент в пользу зависимости одного текста от другого, несмотря на то, что между двумя соседними трёхсловными сегментами в текстах А и Б располагаются прослойки разной длины и содержания. Такая *прерывистая цитата* является мощным доказательством неотмеченного заимствования, потому что она никак не могла сложиться случайно, без прямого обращения к письменному тексту.

Некоторые частные выводы из проведённого анализа:

1. Гипотеза о немецком лексикографическом источнике в разной степени

подкрепляется почти для 200 позиций списка новых «цыганизмов» и сотен других слов, впервые представленных в словарях русского жаргона 1992 г. с пометами *мн*. и *ин*. В целом, думается, удалось подтвердить единство этого слоя компиляции и очертить его границы. Его ядро составляют описания несуществующих слов из немецкого словаря: *вуравель* и др. К ним добавляются слова, описания которых существенно искажены в русских словарях: *фуз* и проч. Эти новые искажения также не совместимы с реальностью слова. Однако примерно половина проанализированных слов не имеет ярких текстологических примет неотмеченного цитирования. О немотивированном заимствовании этой части списка в русские словари жаргона из немецкого источника свидетельствует: а) наличие весьма точных параллелей в немецких жаргонных словарях, б) их одномоментное появление в русских словарях единым списком, в) отнесение их к «международному» жаргону Л. Мильяненковым, г) постепенный отказ от повторения слов этого списка в позднейших словарях жаргонов (см. пункт 4 ниже).

2. Концепция «международного» жаргона, представленная в книге Л. Мильяненкова, даже при отсутствии внятных отсылок к литературе может быть предположительно интерпретирована как отголосок идеи общегерманского криминального жаргона, в прошлом имевшего распространение в немецкоязычных странах. Правда, цыганский материал в словарь немецкого жаргона по большей части вносился в 1922 году из академических описаний, копировался довольно небрежно, без учёта хронологии и порой включал материал цыганских диалектов, географически отдалённых от германского ареала (Испания, Великобритания, Россия). Это не могло не сказаться и на качестве цитат, представленных в русских словарях.

3. В словаре Л. Мильяненкова имеется 19 единиц, не вошедших в словарь Д. Балдаева и др. Обратных случаев, когда бы последний словарь описывал цыганское слово с пометой *ин.*, не включенное Л. Мильяненковым в список с пометами *мн.*, нет. Это говорит о большей близости словаря Л. Мильяненкова к

протографу переведённых выписок.

4. Около 160 цыганских слов с пометой *мн.* было автоматически воспроизведено с пометой *ин.* в двух изданиях словаря Д.С. Балдаева и соавторов в качестве жаргонных слов, якобы обнаруженных в СССР во второй половине XX века. Это решение представляется абсолютно произвольным.

После публикации в вышеназванных источниках этот материал без полномасштабной проверки уже в качестве слов современного русского жаргона и других его неформальных вариантов был частично внесен в сводный «Большой словарь русского жаргона» (162 слова) и др. словари, например: 12 слов [Мак-Киенго 1997]; 9 слов [СРБ 2003]; 22 слова [Ломтев, Истомин 2004]; 1 слово (*фуз*) [Ширянов; Walter 2003]. В двух солидных словарях М.А. Грачёва отмечены 3 слова [Грачёв 2003: 28, 110; 2006а: 9, 60], а в первом словаре также *ангрусти* [Грачёв 2003: 35], характерно, что все они располагаются в самом начале списка, это говорит о том, что уровень толерантности словаря в отношении этих слов скоро и заметно понизился, они стали исключаться из словарей жаргона. (См. ниже таблицу 22 и список к ней.)

***Таблица* 22. Представленность новых «цыганизмов» 1992 г. и других выписок из немецкого словаря в ряде позднейших словарей**

Словарь	«цыганизмов» (199)	др. выписок (290)
[Мокиенко, Никитина 2000] (Б. сл. рус. жарг.)	162	236
[Грачёв 2003] (Сл. тысячелетнего русск. арго)	4	17
[Грачёв 2006а] (Толк. сл. русск. жаргона)	из них: 3	из них: 9

Список новых «цыганизмов»1992 г. и других выписок из немецкого словаря, представленных в позднейших словарях жаргона (арго) и описаниях ненормативной лексики

В словаре [Мак-Киенго 1997] встречено 12 новых «цыганизмов», из которых 9 представлено и в [СРБ 2003] (они подчеркнуты): **Буль** – ягодицы,

задница, ***Иаро*** – яйца, **Каар** – половой член, **Кабни** – беременная женщина, **Минц** – женские половые органы, **Мусе (муси)** – 1. Проститутка. 2. Женские ласки, ***Небуди*** – кровный враг, **Пело** – мужской половой член, ***Ракли*** – девушка, **Цеппо** – грудь, **Цувли** – женщина, **Цуци** – женские груди.

Для сравнения остальные слова, по всей видимости, выписанные из немецкого словаря, в [СРБ 2003] (они подчеркнуты, номер страницы указан за словом) составили 28 позиций: **Абрунгерн** 71, **Ве́терхан** 94, **Глит** 104, **Ди́льмич** 121, **Ка́лле** 165, **Кау́ли** 166, **Ке́йбе** 167, **Ки́битц** 167, **Коберн** 170, **Кутишь** 184, **Лаура** 185, **Лауфер** 185, **Леф** 187, **Меаниес** 207, **Мелькерин** 207, **Мурфель** 216, **Мусе** 216, **Нафке** 222, **Нефель** 224, **Пашеш** 244, **Пе** 249, **Пуфф** 281, **Рехем** 288, **Швестер** 391, **Шму** 397, **Шосса** 398, **Шумель** 399, **Шунд** 399.

«Большой словарь русского жаргона» включает 162 слова из списка новых «цыганизмов» 1992 г. Для сравнения и остальные слова, по всей видимости, выписанные из немецкого словаря, в БСЖ отражены полно (236 из 290).

В словаре [Ломтев, Истомин 2004] представлено 22 новых «цыганизмов» из первой половины алфавита (преимущественно на *л-, м-, н-*): **Амен** – мы, **Бали** – свинья, **Бар** – камень; сын, **Ладс** – стыд, **Лако** – легкий, **Ланга** – платье, **Ланго** – пламя, **Лен** – река, **Лоли** – монета, **Ма** – нет, **Мако** – рыба, **Мерибен** – смерть, **Мерла** – смерть, **Минц** – женские половые органы, **Мирго** – яд, отрава, **Мукле**. Освободившийся преступник, **Муло** – смерть, **Муси**. 1. Руки, **Мусе**. 1. Проститутка. 2. Женские половые органы, **Нанго** – голый, **Народос** – приятель, **Шорин** – нож. Из них 2 совпали с [Мак-Киенго 1997] и [СРБ 2003].

В словаре [Грачёв 2003] встречено 4 новых «цыганизма», из которых 3 представлено и в [Грачёв 2006а] (они подчеркнуты): **Ак** – глаз, **Алав** – платье, ***Ангрусти*** – кольцо, перстень, **Буль** – зад, ягодицы. Они расположены в начале словаря. Для сравнения остальные слова, по всей видимости, выписанные из немецкого словаря, также сконцентрированы в большей степени в первой трети словаря и составляют соответственно 17 (9) единиц: **Абфилькельн**, **Абха́льтен**,

Абцуг, **Аггель**, **Адда**, **Безу́ля**, **Берг (БЕР)**, **Бу́дмент**, **Ве́терхан**, **Галте́ (ГАЛТЕИ)**, **Га́мор**, **Гипс**, **Кассибер**, **Кранк**, **Ли́ппер (ЛИПЕР)**, **Нефель (НЕФЕ́ЛЯ)**, **Перец** ‘фонарь’.

5. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что около 19% цыганизмов из списка 1992 г. были справедливо отвергнуты при составлении уже сводного словаря [Мокиенко, Никитина 2000]. Тот же процент отсева характеризует и остальную часть вероятных выписок из немецкого жаргонного словаря. Это свидетельствует о больших возможностях традиционного критического инструментария академической лексикографии, который позволяет отсечь сомнительный материал иногда даже без обращения к первоисточнику описания по результатам критики вторичного источника.

Слова с пометой *мн*. не относятся к русскому жаргону. Включение этого материал в русские словари жаргона с пометами «*ин*.», «*угол*.», «*жаргонное*» является необоснованным и в других более поздних словарях. Их неосторожное цитирование в качестве новых русских жаргонизмов стало ошибкой, грозящей превратиться в традицию.

В рассмотренном нами случае многое также объясняется малоизученностью привлечённого или, скорее, не вполне сознательно вовлечённого материала. Информационная ценность лингвистического источника всегда относительна, что демонстрирует и проанализированный материал, критический разбор которого позволяет выявить скрытые приметы произвольного цитирования иноязычного словаря, не имеющего отношения к заявленному в словаре объекту описания.

Таким образом, в данном параграфе разработана и применена методика вычленения прерывистой цитаты и обоснованы принципы её текстологического анализа, позволяющие провести верификацию целого списка слов.

Представление наиболее сохранного слоя компиляции в форме прерывистой цитаты позволяет более наглядно реконструировать стратегию цитирования и получить материал, пригодный не только для текстологического

анализа, ни и для обработки списка количественными методами.

Предпринятый критический анализ, думается, позволил выполнить поставленную задачу: уточнить источник почти 200 цыганских слов и их статус по отношению к русскому жаргону. Однако более важным представляется то, что на этом ограниченном материале удалось продемонстрировать возможности критики лексикографических источников для выявления посторонних слоёв компиляции. То, что в данном случае это были иноязычные вкрапления, заметно облегчило выявление признаков постороннего материала и обоснование факта его включения в словник. Если бы речь шла о русском материале, задача оказалась бы более трудной.

Вильгельму Польцеру показалось целесообразным дополнить свой словарь несколькими сотнями цыганских слов из разных диалектов. В. Польцер объяснял это дополнение практическими целями сыска: «auch eine Reihe von Zigeunerwörtern entlehnt, und auch aus dem Jüdischen, auf welches ungeahnt viele Ausdrücke zurückgehen» [Polzer 1922: VI] <необходимо также было включить ряд заимствованных цыганских слов, равно как и слов из еврейского языка, к которому восходит неожиданно много выражений> [Шаповал 2011е: 74]. В какой-то части эти слова были бы применимы, если бы могли быть прочитаны немецкими детективами без больших искажений. Д.С. Балдаеву или кому-то из его коллег или предшественников показалось разумным включить отголоски этого пласта в русский словарь в качестве иллюстрации «международного» жаргона. Дальнейшее развитие событий потребовало масштабного анализа, и тем не менее не все следы этого, думается, неосторожного цитирования удалось обнаружить и нейтрализовать. Так ограниченная компиляция по мере забвения её первоначальных целей превращается в анонимную и даже не вполне локализуемую фальсификацию.

В заключение параграфа представляется важным подчеркнуть, что выявление значительного числа слов цыганского происхождения, включенных в жаргонные словари, как русские, так и немецкие, из научных описаний без

достаточных оснований, позволяет сделать вывод о том, что роль цыганского фактора в формировании лексического состава русских и других жаргонов заметно переоценивалась, что объясняется некритичным принятием данных предшественников составителями позднейших словарей. Это направление исследований может быть распространено за пределы русского материала.

6.3. Непомеченный слой компиляции как носитель сведений об источниках словарной статьи

6.3.1. Проблемы выделения ядерной части непомеченного слоя компиляции

Выше были разработаны подходы к оценке достоверности помеченного составителем словаря слоя компиляции. Более сложным объектом критики является скрытый слой компиляции, не имеющий единого маркера в цитирующем словаре. В качестве примера обратимся к весьма расплывчатому и сильно отредактированному слою цитат из «Толкового словаря» Даля, инкорпорированных в те же самые словари жаргона, в которых обнаруживаются также и цитаты из немецкого жаргонного словаря.

В принципе те или иные признаки цитирования и текстологической преемственности выделяются всегда. Однако трудность состоит как раз в том, что, располагая практически необозримым множеством более или чаще менее определённых признаков цитирования конкретно словаря Даля (или просто случайных совпадений), мы не располагаем заранее критериями для оценки степени их доказательности для обоснования вывода о наличии скрытой цитаты в каждом конкретном случае. Иными словами, при сравнении двух словарей всегда обнаруживаются какие-то текстуальные совпадения.

Например, в толковании слова *море* будет с большой вероятностью использовано слово *соль* или его производные. Однако мы не можем по одному этому признаку сказать, что кто-то у кого-то заимствовал формулировку. Если же в толкованиях слова *море* в двух словарях совпадут 8 слов подряд, то у нас будет заметно больше оснований для вывода о текстуальной зависимости одного словаря от другого.

Необходимо отметить, что изучение текстологических примет

цитирования и поиск вероятного источника цитат в конкретном словаре первоначально велись в исключительно практическом русле: эти некорректно заимствованные цитаты требовалось элиминировать, чтобы они не смазывали реальную картину современной жаргонной лексики. Однако постепенно выяснилось, что одни приметы цитирования позволяют определённо опознать неотмеченное цитирование, а другие – лишь заподозрить цитату из постороннего словаря с той или иной вероятностью.

Для описания полученного результата с определённой центральной (ядерной) частью и примыкающим к ней размытым списком цитат разной степени доказуемости наиболее адекватным оказалась полевая модель «стратификации языкового пространства». «Полевой подход к описанию явлений языка … распространился в современной лингвистике на широкий круг явлений» [Маклакова, Стернин 2013: 6, 62]. Изначально данный подход применялся при описании семантики, однако позднее нашёл применение в других сферах описания языка. И.А. Стернин, опираясь на ряд работ предшественников, отмечает в качестве одного из «главных положений полевой концепции языка» то, что в «составе поля выделяются ядерные и периферийные конституенты» [Стернин 1985: 36].

Это разделение оказалось плодотворным и при описании результатов источниковедческого анализа. Такое приложение полевой концепции языка является в известной мере новым. Недобросовестное цитирование как коммуникативная стратегия, очевидно, должно подчиняться тем или иным закономерностям. Но в этой сфере многое не изучено. Вообще же возможность полевого подхода к семиотике коммуникации декларировалась проф. Н. Михай [Mihai 1986: 79].

В данном случае мы решили опираться на те цитаты, которые были маркированы у Даля знаком вопроса при заглавном слове. Они были предварительно изучены нами [Шаповал 2009е]. Это позволило на, условно говоря, ядерной части слоя компиляции апробировать некоторые критерии

верификации и уточнить степень их доказательности. После этого была показана принципиальная применимость этих критериев для решения вопроса о наличии скрытой цитаты из словаря Даля и в ряде других случаев.

Для конкретизации задач критического анализа мы сформулировали три гипотезы. Две из них проверяются на материале новых «жаргонизмов» 1992 г., восходящих к описаниям слов со знаком вопроса в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля: a) данная часть непомеченного слоя компиляции не имеет отношения к русскому жаргону; b) на основе её анализа выделяются критерии для опознания в данных словарях многих других непомеченных цитат из «Словаря» В.И. Даля. Третья гипотеза проверяется на описаниях новых «жаргонизмов», восходящих к описаниям слов без знака вопроса, то есть никак не маркированных в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля: c) наряду с ядерной частью непомеченного слоя компиляции система критериев позволяет наметить периферийный ореол, состоящий из слов, однозначность отнесения которых к слою компиляции не всегда удаётся доказать окончательно, но и их связь со словарём Даля во многих случаях весьма вероятна.

Одной из задач критики этих (и мн. др. жаргонных) словарей является обнаружение слоёв компиляции, взятых из посторонних по отношению к *русскому жаргону* источников. Это, в частности, частично выявленные нами цитаты из «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля [Шаповал 2001: 29-33; 2003a: 302-304; 2005b: 225-231; 2006: 177-179]. Они растворены в словарях 1992 г. и не имеют каких-либо регулярных помет. В этом их отличие от выписок из немецкого словаря, регулярно имеющих либо помету «*мн*.» [международное] (Мильяненков), либо «ин.» [иноязычное] (Балдаев).

Разработать комплекс критериев для выявления скрытых цитат из Даля важно как для повышения достоверности жаргонных словарей, так и для совершенствования критического инструментария общей лексикографии [Шаповал 2010c]. Недавно к общей проблеме верификации в языкознании

обратился В. Маньчак, заключивший, что даже термин «критерии истины» никогда не используется языковедами, что настораживает, если учесть, что языкознание – наука об истине [Mańczak 2009: 75]. Так что неразработанность частного вопроса критики словарей смыкается с более общими методологическими пробелами.

Опознание цитат из Даля опирается в основном на текстологический анализ искажений, возникавших при копировании [Шаповал 2002: 20-39]. Этот подход позволяет в первую очередь распознать отдельные «вопиющие» случаи цитирования. Например, *скрин* ‘ночь’ [Мильяненков 1992: 233; ББИ 1992: 226; Балдаев 1997-I: 43], из: «**СКРИНЪ** <…> *–ночка* <…> сундукъ» [Даль$_6$-IV: 209], – где сокращение после тире «–<*скри*>*ночка*» было принято за толкование *ночка, а затем снята как неуместная уменьшительность [Шаповал 2001: 29-30]. См. также: *андромеда, бужи, змеевец* (5.1.3, п. 3), *гребта, череп, яруг* (5.1.3, п. 4), *яруг* (5.1.4, п. 4).

Отдельные совпадения со словарём Даля обращали на себя внимание исследователей (например, *чукавый* ‘сметливый’ [Мокиенко, Никитина 2000: 677], *абодье*, *агач*, *гирший* [Грачёв 2003: 23, 26, 192] и др.). Однако для изучения типов ошибок цитирования важна полнота выборки. Например, вышеупомянутый случай *скрин*, вызван непониманием назначения курсива и способа сокращения. Но распространённость и прогнозируемость ошибок этого типа можно оценить, только располагая полными данными по разным словарям. Таким образом, для полноценной верификации феномена требуется точнее установить его границы.

Далее излагаются результаты анализа относительно цельного списка из 44 слов, выбранного по наличию определённого признака. Дело в том, что более 1190 заглавных слов в словаре Даля были помечены знаком вопроса. Даль, не давая этимологии слов, «старался однако же указывать вездѣ на взаимную связь, а гдѣ это, по искаженію и по другимъ причинамъ, казалось сомнительнымъ, тамъ и ставилъ вопросительный знакъ» [Даль$_1$-I: XIX]. Эти

уникальные (деривационно изолированные) слова образовали в словаре Даля маркированный список, что позволяет надёжно проследить их судьбу в позднейших компиляциях. Их можно уподобить окольцованным птицам, по маршрутам которых судят о передвижениях остальных птиц стаи.

Не всякое слово, получившее знак «?» в словаре Даля и впервые описанное как жаргонное в словарях 1992 г., взято из словаря Даля. Важно учесть ещё и сходство толкований. Так, описание слова *рым* в словарях 1992 г. не несёт следов влияния Даля: «**Рым** – дом; двор» [Мильяненков 1992: 224; ББИ 1992: 213; Балдаев 1997-I: 21]. Но в словаре Даля: «**РЫМЪ?** *влад.-вязн.* долгъ» [Даль$_6$-IV: 118], где «*долгъ*» ошибочно вместо **домъ*, как доказал В.Д. Бондалетов (вслед за владимирским краеведом середины XIX века Н. Бодровым) [Добродомов, Шаповал 2005b: 44].

Иногда вопрос о связи со словарём Даля не имеет определённого решения: «**А́лодь** (*устар.*) – объект, доступный для похищения» [Мильяненков 1992: 77]. В словаре Балдаева такого слова нет, но есть редкое слово в словаре Даля: «**А́ЛОДЬ?** ж. *арх*<ангельское,>-*мез*<енское>. поляна <…>» [Даль$_6$-I: 12; $_3$-I: 30; Аникин-1: 167]. Из-за несходства толкований здесь можно лишь заподозрить, но не доказать наличие выписки из Даля с переосмыслением толкования «поляна» в жаргонном ключе. Ср., например, тематически близкое *пасти поляну* ‘стоять на страже’ [Мокиенко, Никитина 2000: 457].

Есть и другие случаи такого «перепонимания» исходных толкований: «**Гу́рий** – условный опознавательный знак» [Мильяненков 1992: 109]. Ср.: «**ГУРЕЙ**, ***гурій*** м. *арх*. темный маякъ» [Даль$_6$-I: 408], «Гурій, пирамида, складенная изъ камней» [Рейнеке и др. 1844: 118], под вероятным влиянием жаргонного *маяк* ‘условный знак’ [Трахтенберг 1908: 38]. «**Ла́йда** – безденежье» [Мильяненков 1992: 153; Балдаев и др. 1992: 124]. Ср. у Даля: «**ЛА́ЙДА** ж. съ финск. *арх*. и *сиб*. иловатая прибрежная мель» [Даль$_6$-II: 235], «жаргонное» толкование могло возникнуть под влиянием разговорного *быть на мели* ‘быть без денег’. Слова типа *рым* и *алодь* далее во внимание не

принимаются. Но 44 заглавных слова, приведённых у Даля со знаком «?», попадают в наш предварительный список для проверки. Каждое слово ниже будет рассмотрено индивидуально, а потом произведена группировка критериев и оценка их доказательности для опознания цитат из словаря Даля.

6.3.2. Анализ списка слов, вероятно, выписанных из словаря Даля

Условные знаки: Подчеркиванием выделены дословные совпадения в толкованиях.

Двойным подчеркиванием – вероятные синонимические замены.

Р а з р я д к о й даны сомнительные элементы толкования, которые (а) не имеют параллелей в словаре Даля и (б) усугубляют криминальность толкования[34].

Если СРНГ в чём-то дополняет Даля, это указывается так: «+ **Пенз**., 1961».

01. «**Або́дье** – день удачи, счастливое время. По народному поверью, с р е д и в о р о в существует примета: если в День Благовещенья вор что-либо украдет удачно, не попадется, то ему весь год будет удача» [Мильяненков 1992: 764; ББИ 1992: 16; Балдаев 1997-I: 13]. Толкования Мильяненкова обычно ближе к Далю, чем отредактированные толкования Балдаева, которые цитируются лишь в случае заметных отклонений. Даль: «**А́БОДЬЕ?** ср. *арх*<ангельское>. (обыдень? или ободнять?) красный день и удача на лову; <...> ***Абодна́я? пора***... счастливая?» [Даль$_6$-I: 2; $_3$-I: 3; СРНГ-1: 190, Аникин-1: 71]. «Архангельский областной словарь» [АОС-1] 1980 г. слово не фиксирует. Толкование «счастливое время» взято в словаре Даля из глубины словарной статьи и относится не к *абодье*, а к словосочетанию *абодная пора*.

02. «**А́водь** – заговор, клятва» [Мильяненков 1992: 76] (в словаре Балдаева нет).

---

34 Выше произвольная криминализация толкования рассматривалась на примере слов *ветерхан, пламена, фуз* (6.2.3), *алодь, гурий, лайда* (6.3.1).

У Даля: «**А́ВОДЬ?** ж. *арх*<ангельское>. клятва, заклятіе; заговоръ» [Даль$_6$-I: 3; $_3$-I: 8; СРНГ-1: 198, Аникин-1: 82]. АОС (1980 г.) слово не фиксирует. Для Даля это синонимы: ‘клятва’ здесь не ‘присяга, обет’, а ‘заклятие, оберег’.

03. «**Ага́ч** – полуторный пай при дележке краденого <…>» [Мильяненков 1992: 76; ББИ 1992: 16; Балдаев 1997-I: 14]. У Даля: «**АГА́ЧЪ?** м. *арх*<ангельско>-*кем*<ское> сугубый, полуторный пай при дѣлежѣ промысла...» [Даль$_6$-I: 4; $_3$-I: 11; СРНГ-1: 201, Аникин-1: 90]. В АОС (1980 г.) нет. Расплывчатое (без уточнения ‘полуторный, двойной’) толкование может говорить о забвении слова: «**Ага́ць** – пай, часть промысловой добычи, причитающаяся промышленнику при её дележе» [Мосеев 2005: 32]. Подозрителен в СРНГ (не северновеликорусский) гапакс *агачда*: «**Ага́чда**, ы, *ж*. Полуторный пай, мера чего-либо <…> ***Пенз***. <…>» [СРНГ-1: 201], – который в свете соседнего с ним *агач* ‘да’ представляется результатом ошибочного слияния *агач* с толкованием ‘да’ на письме (*агач+да*), то есть словарным фантомом.

04. «**А́рхилин** – амулет из травы, якобы приносящий удачу в о р а м» [Мильяненков 1992: 79]; с пометой «(ин.)» [ББИ 1992: 19; Балдаев 1997-I: 19]. У Даля: «**АРХИЛИНЪ?** м. сказочная трава, собираемая (как и небывалый цвѣтъ папоротника) въ ночь на Ивановъ день, 24 іюня, и охраняющая отъ сглаза, порчи и пр.» [Даль$_6$-I: 25; $_3$-I: 65]. В словаре Даля не указано, что тульское [Опд. 1858: 2; СРНГ-1: 280]. Ср. калужское *арахиль* ‘волшебная трава’ [Аникин-1: 305, 262; СРНГ-1: 269]. Возможно, Даль сомневался в записи, ср.: «Архалин, архилин» ‘то же’ [Анненков 1878: 674]. Весьма вероятно, что в связи с этим словом следует рассматривать: «**Серхнилин**, *м.* Трава [какая?]. Сольвыч. **Волог**., Ордин, 1879» [СРНГ-37: 224], «Травник» Ордина датируется 1847 г. [СРНГ-1: 141], что-то не так?

05. «**Ата́ма** – состояние сонливости после употребления н а р к о т и к а» [Мильяненков 1992: 79]; с пометой «(ин.)» [ББИ 1992: 20; Балдаев 1997-I: 19-20]. У Даля: «**АТАМА́?** ж. *пен*<зенское> (томить, *исто́ма?*) дрема́, дремота; сонливость, сонная истома» [Даль$_6$-I: 27; $_3$-I: 71]. До Даля слово *сонливость* в

толковании отсутствовало: «Сонная тягость, дремота» [Оп. 1852: 3]. + **Пенз.,** 1961 [СРНГ-1: 289]. М.Т. Дьячок предполагает: «скорее всего, заимствовано из какого-то, возможно, несохранившегося финно-угорского языка, ср. морд. (мокша) *удома* “сон”» [Дьячок 2000: 72; Основы 1974: 141, 419], где финно-угорский корень «***ода***– ‘schlafen, liegen’» [Rédei 1988: 334, 541].

06. «**Бата́с** – нож большого размера» [Мильяненков 1992: 83]; с пометой «(ин.)» [ББИ 1992: 25; Балдаев 1997-I: 30]. У Даля: «**БАТА́СЪ?** м. *камч*<атское> ножище, косарь, тесакъ» [Даль$_6$-I: 54; $_3$-I: 135]. + **Якут**., 1901 [СРНГ-2: 142]. Ср. *батас* ‘большой нож (носимый на бедре)’ < якутск. [Аникин 2000: 122; Аникин-2: 268]. «Бата́съ – большой ножъ, носимый на бедрѣ» [Богораз 1901: 22]. «**БАТАС** (*якут.* БАТАС). Уст<арелое>. Старинное холодное боевое оружие в виде большого ножа, прикрепленного к длинной рукоятке» [Самсонов 2012: 19].

07. «**Борша́ть** – сердиться, ругать кого-либо» [Мильяненков 1992: 87; ББИ 1992: 32; Балдаев 1997-I: 43]. У Даля: «**БОРША́ТЬ?** *п*<е>*рм*<ское>. <…> сердиться, журить» [Даль$_6$-I: 118; $_3$-I: 289]. + Красноуфим. **Перм.,** 1913, **Алт**. [без года] (и *боршить*) [СРНГ-3: 121; Аникин-4: 100].

08. «**Вздо́нжить** – сделать что-то назло» [Мильяненков 1992: 94; ББИ 1992: 43; Балдаев 1997-I: 61]. У Даля: «**ВЗДО́НЖИТЬ?** кого, *пен*<зенское>. *сар*<атовское>. удружить кому, въ знач. превратномъ, т.е. сдѣлать что на зло» [Даль$_6$-I: 195; $_3$-I: 477]; «походит на полонизм» [Аникин-7: 117]. Толкование Даля весьма своеобразно, ср. ранее: «Причинять кому либо сильное безпокойство, прибить кого. С а р а т.» [Опд. 1858: 22], а также: «**Вздоньжа́ть**, *гл. д. сов*. Избить до изнеможенія. П е н з. *Наровч. Нижнелом*.» [Оп. 1852: 25]. + **Нижегор.,** 1852, **Самар.** [без года] (и *здоньживать*) [СРНГ-4: 260; 11: 234].

09. «**Вы́злунь** – полоумный, шальной» [Мильяненков 1992: 99; ББИ 1992: 50; Балдаев 1997-I: 76]. У Даля: «**ВЫ́ЗЛУНЬ?** об. *тв*<е>*р*<ское>. полоумный, сбалмошный, шальной» [Даль$_6$-I: 290; $_3$-I: 711]. Толкование этого слова в

словаре Даля своеобразно, ср. ранее: «Человѣкъ полуумный, какъ бы озлуненный», от *озлуни́ть* ‘ударом привести кого в беспамятство’ [Опд. 1858: 29, 158; СРНГ-5: 282; 23: 95]. Глагол неясного происхождения *озлунить* был пропущен в словаре Даля (см. 4.3.3). См. [Аникин-9: 146].

10. «**Вынь** – пояс» [Мильяненков 1992: 99]; с пометой «(ин.)» [ББИ 1992: 51; Балдаев 1997-I: 78]. У Даля: «**ВЫНЬ?** м. *в*<о>*л*<о>*г*<о>*д*<ское> поясъ» [Даль$_6$-I: 304; $_3$-I: 745; Оп. 1852: 32]. + **Волог.,** Иваницкий (1890) [СРНГ-5: 320]. Из коми [Аникин-9: 164], также ошибочно в виде *выпь* [Аникин-7: 176].

11. «**Вы́тва** – отрава» [Мильяненков 1992: 100; ББИ 1992: 52; Балдаев 1997-I: 79]. У Даля: «**ВЫТВА́?** ж. *арх*<ангельское>. (*выть*, пища) отрава на рыбу и на звѣря; прикормка, привада, приманка <…>» [Даль$_6$-I: 320; $_3$-I: 783; СРНГ-6: 38; Аникин-9: 201]. В АОС (1993 г.) нет.

12. «**Га́гри** – обед, угощение» [Мильяненков 1992: 101]; с пометой «(ин.)» [ББИ 1992: 53; Балдаев 1997-I: 83]. У Даля у́же: «**ГА́ГРЫ?** ж. мн. *тв*<е>*р*<ское>-*бѣж*<ецкое>. крестинный обѣдъ» [Даль$_6$-I: 339; $_3$-I: 833; Оп. 1852: 34; СРНГ-6: 89]. Связь с крещением принципиальна [Аникин-9: 296].

13. «**Га́зить** – ломать» [Мильяненков 1992: 101; ББИ 1992: 53; Балдаев 1997-I: 83]. У Даля скорее болевое ощущение (‘ломит кости, суставы’): «**ГАЗИ́ТЬ?** *тул*<ьское>. ломить» [Даль$_6$-I: 340; $_3$-I: 835; СРНГ-6: 94]. +*Га́дит* ‘тошнит’ (чтение предложено И.Г. Добродомовым). Иначе [Аникин-9: 311-312].

14. «**Ги́рший** – дряхлый, худой» [Мильяненков 1992: 104]; с пометой «(ин.)» [ББИ 1992: 55; Балдаев 1997-I: 87]. У Даля: «**ГИ́РШІЙ?** *п*<е>*рм*<ское> хилый, дряхлый, плохой (*гиршій* м<а>л<о>р<о>с<сійское> худшій)» <Даль$_6$-I: 351; $_3$-I: 865]. + **Сев.-Двин., Урал.** [без годов] (возможно, связано с тверским *киршень* ‘больной, слабый здоровьем, хилый человек’) [СРНГ-6: 175; 13: 223].

15. «**Гле́ча** – жемчуг; сало» [Мильяненков 1992: 104]; с пометой «(ин.)» [ББИ 1992: 56; Балдаев 1997-I: 88]. У Даля: «**ГЛЕЧА́?** ж. *арх*<ангельское> англ[ийское]? игра въ жемчугѣ, желтоватый блескъ, отливъ. ***Гле́чикъ?*** м.

арх<ангельское> подкожное сало, жиръ» [Даль$_6$-I: 355; $_3$-I: 875; СРНГ-6: 195, 196]. Толкование «сало» в словаре Даля относится не к *глеча*, а к *глечик* [Шаповал 2001: 32]. АОС (1996 г.) не фиксирует.

16. «**Гма́ра** – дым при курении г а ш и ш а» [Мильяненков 1992: 104; ББИ 1992: 56; Балдаев 1997-I: 89]. У Даля: «**ГМАРА́?** ж. *арх*<ангельское> (эти слова сомнительны) сухія травы, для подкура; ***гма́рица***, паръ и дымъ курева; ***гма́редь*** смрадъ и вонь <…>» [Даль$_6$-I: 360; $_3$-I: 888]. *Гмара* и ещё 7 однокоренных слов (*гма́редь*, *гма́рить*, *гма́риться*, *гма́рица*, *гмарной*, *гма́рынь*, *гмарь*) так и не были после Даля подтверждены [СРНГ-6: 233]. АОС (1996 г.) не фиксирует никаких слов на *гм-*.

17. «**Гуна́к** – теленок» [Мильяненков 1992: 109; ББИ 1992: 61; Балдаев 1997-I: 97]. У Даля: «**ГУНА́КЪ**, ***гуначи́къ?*** м. *вос*<точно>.-*сиб*<ирское>. монгольс. теленокъ по третьему году…» [Даль$_6$-I: 408; Оп. 1852: 43]. + Ещё и *гунан* ‘то же’ [Даль$_3$-I: 1010; Даль$_1$-I: 362; СРНГ-7: 152]. Бодуэн резонно склонялся к чтению *гунан*. «Некоторое подобие категории рода имеется в системе монгольских словообразовательных суффиксов, обозначающих <...> возраст животных, напр. монг. *гунан* “трёхгодовалый” – *гунжин* “трёхгодовалая”» [Тодаева 1997: 151]. То же смешение букв *к* – *н*: *гурак* вместо *гуран* («**1. Гура́к**, а, *м.* 1. Дикий козел. **Сиб**., 1843» [СРНГ-7: 155], но правильно: «**Гура́нъ** м. монг. *сиб.* дикій козелъ, самецъ козули» [Даль$_3$-I: 1011; Даль$_1$-I: 362].

18. «**Гури́ться** – р а с к а и в а т ь с я» [Мильяненков 1992: 109; ББИ 1992: 61; Балдаев 1997-I: 97]. У Даля: «**ГУ́РИТЬСЯ?** *пск*<овское>. виниться» [Даль$_6$-I: 408; $_3$-I: 1011; СРНГ-7: 156; ПОС-8: 90]. Фактически все словари повторяют одну уникальную запись 1852 г. [Оп. 1852: 44], это явно не *го́риться, где не было ô-закрытого.

19. «**Гу́тин** – геморрой» [Мильяненков 1992: 109]; с пометой «(ин.)» [ББИ 1992: 62; Балдаев 1997-I: 98]. У Даля: (без уд.) «**ГУТИНЪ?** м. *астрах*<анское>. геморой, почечуй» [Даль$_6$-I: 408; $_3$-I: 1017]. + **Сарат**. [без года] [СРНГ-7: 161].

20. «**Дадо́н** – неуклюжий человек» [Мильяненков 1992: 110; ББИ 1992: 63; Балдаев 1997-I: 101]. У Даля: «**ДАДО́НЪ?** м. *вл*<а>*д*<имирское>. неуклюжій, нескладный, несуразный человѣкъ» [Даль$_6$-I: 414; $_3$-I: 1022]. + «От имени царя Дадона – героя сказок» [СРНГ-7: 170]. После Даля фиксировалось почему-то только в жаргонных словарях: «**ДАДОН** – неповоротливый человек» [Дубягина, Смирнов 2001: 55; Дубягина и др. 2006: 43].

21. «**Де́дер** (*мн.*) – дьявол, нечистая сила» [Мильяненков 1992: 111]; с пометой «(ин.)» [ББИ 1992: 65; Балдаев 1997-I: 106]. У Даля: «**ДЕ́ДЕРЪ?** м. *тв*<е>*р*<ское>. бранно нечистый, діяволъ. *Дедер т'я возьми!*» [Даль$_6$-I: 425]. + Ещё *дедерь* [Даль$_3$-I: 1054; Даль$_1$-I: 378; Оп. 1852: 46], *дёдер* 'то же' [СРНГ-7: 205]. В форме *дёдер* встречается в поэзии В. Хлебникова: «И надо мной склонился дёдер, / Обвитый перьями гробов / И с мышеловкою у бедер, И мышью судеб меж зубов»; коммент.: «*Дёдер* (обл.) – дьявол, нечистая сила» [Хлебников 1987: 461, 695, № 229. Война в мышеловке, <19>].

22. «**Дё́ма** – обманщик; плут» [Мильяненков 1992: 112; ББИ 1992: 66; Балдаев 1997-I: 107]. У Даля: «**ДЁМА**, ***дёмка?*** об. *твер*<ское>. обманщикъ, плутъ» [Даль$_6$-I: 497; $_3$-I: 1057], «Обманщикъ, плутъ, вороватый» [Опд. 1858: 40]. + **Новг**. [без года] [СРНГ-7: 217].

23. «**Ерути́на** – ласкательное слово, равноценное по значению словам "любимый", "милый"» [Мильяненков 1992: 118]; «**ЕРУТИНА** – букв.: любимый, милый» [ББИ 1992: 75; Балдаев 1997-I: 124]. У Даля: «**ЕРУТИ́НКА?** об. *пен*<зенское>. ласкательное слово, привѣтъ; милый, желанный, болѣзный» [Даль$_6$-I: 522; $_3$-I: 1301; СРНГ-9: 36]. Не ясно, чем вызван вопрос Даля, ср. столь же тёмное и экспрессивное, но негативное: «**Ерупи́тка**, и, *м.* и *ж.* Ротозей, разиня. **Ворон**. *Ух ты, ерупитка с носом!* **Тамб**., 1911» [СРНГ-9: 35].

24. «**Завирова́ть** – задержать; п о д к у п и т ь» [Мильяненков 1992: 122; ББИ 1992: 82; Балдаев 1997-I: 137]. У Даля не указано, что слово псковское и тверское, понято как совершенный вид: «**ЗАВИ́РОВАТЬ?** (*вира?*) кого,

задарить, подкупить» [Даль$_6$-I: 560; $_3$-I: 1397]; ср.: «**ЗАВИ́РОВАТЬ**, *гл. д.* Задаривать, надѣясь чрезъ то получить что либо. П с к о в. Т в е р. *Осташ.*» [Опд. 1858: 53]. На основе тех же данных: «*несов., перех.* Задаривать кого-либо; подкупать» [СРНГ-9: 317]; «**ЗАВИ́РОВАТЬ**, аю, ает, *несов. Задаривать кого-н., подкупать. Карпов*» [ПОС-11: 80]. Похоже, после Даля не фиксировалось. При цитировании Даля в словарях Мильяненкова и Балдаева «задарить» прочитано как «задержать» (и понято как ‘арестовать’).

25. «**За́евый** – запасный; лишний» [Мильяненков 1992: 123; ББИ 1992: 84; Балдаев 1997-I: 141]. У Даля: (без уд.) «**ЗАЕВЫЙ?** *вор.* лишній, запасной»; «**ЗА́ИВЫЙ,** ***за́евый?*** *вор*<онежское>. *кур*<ское>. залишній» [Даль$_6$-I: 576, 580]; у Бодуэна с удар. [Даль$_3$-I: 1440, 1449; Даль$_1$-I: 515, 518], *заевый* и *заивый* ‘то же’ [Опд. 1858: 221 (надо: 321), 56]. + **Дон**., **Терск**., **Пенз**. [без годов] [СРНГ-10: 74, 196].

26. «**Зо́тка** – всезнайка» [Мильяненков 1992: 128]; но: «болтун, хвастун» [ББИ 1992: 93; Балдаев 1997-I: 163]. У Даля без указания, что саратовское: «**ЗО́ТКА?** об. у школяровъ, знатокъ, умница, всезнайка» [Даль$_6$-I: 694; $_3$-I: 1730; Даль$_1$-I: 622; Анищенко 2007: 105], «(школярное слово) Отличный знатокъ своего дѣла, умнѣйшій человѣкъ. Вотъ такъ зотка! Сарат.» [Опд. 1858: 68]. + Хакасс. Краснояр., 1967 [СРНГ-11: 346], хотя контекст «*Из всей семьи зоткой в учебе был Иван*» не вызывает абсолютного доверия.

27. «**Ре́вка** – хвойный лес» [Мильяненков 1992: 221; ББИ 1992: 208; Балдаев 1997-II: 14]. У Даля: «**РЕ́ВКА?** ж *арх*<ангельское>. хвойный боръ» [Даль$_6$-IV: 88; $_3$-III: 1666; СРНГ-35: 7]. В этом значении только в словаре Даля. Возможно, вопрос вызвал выбор между *ревка* и *рёвка*.

28. «**Ри** – болото, покрытое мхом» [Мильяненков 1992: 221]; с пометой «(ин.)» [ББИ 1992: 210; Балдаев 1997-II: 16]. У Даля: «**РИ?** <…> моховое болото» [Даль$_6$-IV: 95; $_3$-III: 1685]. В СРНГ нет. Это не раскрытое ещё у В.Н. Бурнашева сокращение мн. ч. <*миша*>*ри*, т.е. *ри* – призрачное слово: «**Мшарь** или **ри**. Такъ называются небольшія болота»; «**Ри**, см. **мшарь**»

[Бурнашев-I: 419; II: 172]. Ср. *мох* ‘болото’, *миша́ры* ‘болота’ [Толстой 2006: 164], см. [Шаповал 2010с: 78].

29. «**Ри́га** – беда; наказание судьбы» [Мильяненков 1992: 221; ББИ 1992: 210; Балдаев 1997-II: 16]. У Даля: «**РИ́ГА?** ж. *п*<е>*рм*<ское>. бѣда, мученье, маета, наказанье или кара судьбы» [Даль$_6$-IV: 96; $_3$-III: 1685]. Толкование Даля своеобразно, ср.: «Что-нибудь несносное, тяжкое» [Оп. 1852: 191]. + Возможно, **Волог**., 1892 [СРНГ-35: 101].

30. «**Са́кать** – симулировать; бездельничать; советоваться» [Мильяненков 1992: 225; ББИ 1992: 215; Балдаев 1997-II: 26]. У Даля совершенного вида: «**СА́КАТЬ?** *каз*<анское>. переговорить, посовѣтоваться между себя» [Даль$_6$-IV: 129; $_3$-IV: 10], – что неверно: «**СА́КАТЬ**, *гл. д.* (*сов.* п о с а́ к а т ь) Переговаривать, совѣтоваться между собою. *Мы посакаемъ и скажемъ вамъ*. К а з.» [Оп. 1852: 197]. + **Влад**., 1849, **Пенз**., 1944 [СРНГ-36: 48]. При выписке в словари Мильяненкова и Балдаева исправлен вид.

31. «**Сгу́мить** – стащить, украсть» [Мильяненков 1992: 228]. «**сгумить** – украсть» [ББИ 1992: 219; Балдаев 1997-II: 32]. У Даля: «**СГУ́МИТЬ?** что, *в*<о>*л*<о>*г*<одское>. украсть, стащить, стянуть» [Даль$_6$-IV: 165; $_3$-IV: 105]. + Ещё и вологодское *сгузить* ‘то же’ [СРНГ-37: 47, 48]. Возможно, Даля не устраивала запись *сгумить*. Ср. (19) *гутин*.

32. «**Серёга** – кляча, дохлятина» [Мильяненков 1992: 230]. Ср.: «**СЕРЕГА́?** одеръ, кляча, годная только на убой» [Даль$_6$-IV: 176; $_3$-IV: 133]. Ср. также без указания места: «**Серега̀**. Лошадь изнуренная, кляча, годная лишь на убой для охотничьихъ собакъ» [Бурнашев-2: 203]. + Ещё и «**Серёха,** *ж.* Тощая, изнуренная лошадь. <…> **Моск**., 1968» [СРНГ-37: 198, 213].

33. «**СИКОВАТЬ** – сердиться, беситься, психовать» [ББИ 1992: 223; Балдаев 1997-II: 39] (в словаре Мильяненкова нет). У Даля: «**СИКОВА́ТЬ**, ***сикта́ть?*** *мск. пск*. сердиться, гнѣваться, браниться» [Даль$_6$-IV: 184; $_3$-IV: 152]. [Оп. 1852: 203]. + **Твер.,** 1860. **Калин**., 1972. + Ещё и *сикотать* ‘то же’ [СРНГ-37: 301, 302].

34. «**Скес** – <…> сатана, дьявол» [Мильяненков 1992: 232]; с пометой «(ин.)» [ББИ 1992: 225; Балдаев 1997-II: 41]. У Даля: «**СКЕСЪ?** м. *вл*<а>*д*<имирско>-*шу*<йское> чортъ, сатана, діяволъ <…>» [Даль$_6$-IV: 196; $_3$-IV: 182; СРНГ-37: 409].

35. «**Сно́та** – догадка; умение» [Мильяненков 1992: 235; ББИ 1992: 229; Балдаев 1997-II: 49]. У Даля: «**СНО́ТА?** ж. *м*<о>*ск*<овско>.-*вер*<ейское>. догадка, смѣтка, сноровка» [Даль$_6$-IV: 249; $_3$-IV: 327], «Догадка, смѣтка, принаровка къ чему нибудь» [Оп. 1852: 209; СРНГ-39: 129-130].

36. «**Спафе́й** – опустившийся человек БОМЖиЗ» [Мильяненков 1992: 238; ББИ 1992: 231; Балдаев 1997-II: 54]. У Даля: «**СПАФЕ́Й?** м. *кал*<ужское>. разгульный мотъ, промотавшійся человѣкъ» [Даль$_6$-IV: 289; $_3$-IV: 435], «Тотъ, кто утратилъ свое состояніе отъ дурной жизни» [Оп. 1852: 212; СРНГ-40: 123].

37. «**Танди́т** – торговец к р а д е н ы м и вещами» [Мильяненков 1992: 245; ББИ 1992: 241; Балдаев 1997-II: 74]. У Даля: «**ТАНДИ́ТЪ?** *каз*<анское>. переторжка старыми вещами <род занятий! – *В.Ш.*>; ***танди́тчикъ,*** торгашъ рухлядью» [Даль$_6$-IV: 390; $_3$-IV: 722]. *Тандит* – «Торгъ старыми вещами» [Оп. 1852: 226], «1. Рынок, на котором продают старые вещи; толкучий рынок» [СРНГ-43: 263]. Толкование «торговец» при *тандит* ошибочно возникло из «торгаш», взято из глубины словарной статьи и в словаре Даля относится к производному *тандитчик* [Шаповал 2004: 31-32]. Ср.: «**Тандэ́т**, м. 1. То же, что тандит; толкучий рынок. **Лит. ССР**, 1960» [СРНГ-43: 263].

38. «**Ту́та** – уныние, грусть, тоска» [Мильяненков 1992: 252]; «**ТУТА** – 1. Уныние, грусть, тоска. 2. Наркотики (для инъекций)» [ББИ 1992: 250; Балдаев 1997-II: 89]. Выписка повторяет неточность, оговоренную Далем: (без уд.) «**ТУТА?** ж. *кал*<ужское>. уныніе, тоска, грусть, скука (Ак<а>д<емическій> Сл<о>в<арь:> не *туга* ли?)» [Даль$_6$-IV: 445; $_3$-IV: 876; СРНГ-45: 292]. Видимо, мнимое слово, как считал Даль. Однако источник не определяется, ср.: «**ТУГА̀**, ѝ, *с. ж.* Скорбь, печаль. Коринѳ. 2.4» [Сл. 1822-4:

804]; «**ТУГА̀**, ѝ, *с. ж. Церк*. и *Стар*. Стѣсненіе сердца; скорбь...» [Сл. 1847-4: 303-304]; «**ТУГА̀**, печаль, томленіе, болѣзнь сердечная, 2 Кор, 2, 4, тоже, что туженье, гореванье. Исх., 3, 9» [Алексеев$_3$-IV: 198]. У Бодуэна глухая отсылка Даля также не уточнена. В значении «2. Наркотики», правильно $^+$гута, от латинского *guttae* ‘капли’ [ЛРС 1976: 464].

39. «**Тяхта́ть** – отделывать; и з б и в а т ь » [Мильяненков 1992: 254]. Без *т*, но с той же курьезной криминализацией: «**ТЯХАТЬ** – бить, избивать» [ББИ 1992: 252; Балдаев 1997-II: 92]. Ср.: «**ТЯ́ХТАТЬ?** *тул*<ьское>. отдѣлывать (?) мѣдную посуду, самоваръ» [Даль$_6$-IV: 456; $_3$-IV: 908; СРНГ-46: 106; Шаповал 2006: 178]. Возможно, Даль колебался относительно форм настоящего времени, архаичные должны быть *тяхчу, тяхтит (тяхчет?)* и т. п. Инфинитив *те́хчить* ‘разглаживать паяльный шов’, возможно, создана только на основе формы *те́хчет* [СРНГ-44: 109].

40. «**Фа́я** – хвойный лес» [Мильяненков 1992: 259; ББИ 1992: 259; Балдаев 1997-II: 107]. У Даля: (без уд.) «**ФАЯ?** ж. торгв. хвойный лѣсъ; *хвоя*?» [Даль$_6$-IV: 533; $_3$-IV: 1135; Бурнашев-2: 312].

41. «**Халя́ть** – брести, тихо идти» [Мильяненков 1992: 264; ББИ 1992: 266; Балдаев 1997-II: 119]. У Даля: «**ХАЛЯ́ТЬ?** *кур*<ское>. брести, волоктись, тихо идти» [Даль$_6$-IV: 542; $_3$-IV: 1165], «Тихо идти» [Оп. 1852: 245]. Возможно, выписано как параллель к жаргонному *хиля́ть, хлять* ‘идти’ [Грачёв 2003: 988, 993].

42. «**Ха́ратка** – завистливая женщина» [Мильяненков 1992: 265; ББИ 1992: 267; Балдаев 1997-II: 120]. У Даля: «**ХАРА́ТКА?** *н*<о>*вг*<ородское>. злая баба» [Даль$_6$-IV: 542; $_3$-IV: 1168; Опд. 1858: 289]. Возможно, усечение или искажение слова *лихорадка*.

43. «**Ча́ка** – мясо» [Мильяненков 1992: 272; ББИ 1992: 277; Балдаев 1997-II: 139]. У Даля: «**ЧА́КА?** *ол*<онецкое>. овечье мясо» [Даль$_6$-IV: 581; $_3$-IV: 1287; Опд. 1858: 297]. «*Чака* – овечье мясо» [Петров, Прилежаев 1856: № 25, 79].

44. «**Чамови́тый** – гордый; спесивый» [Мильяненков 1992: 272; ББИ 1992: 277;

Балдаев 1997-II: 139]. У Даля: «**ЧАМОВИ́ТЫЙ?** (*сановитый?*) *вор*<онежское>. гордый, спесивый» [Даль$_6$-IV: 581; $_3$-IV: 1284].

Данная часть непомеченного в жаргонных словарях слоя компиляции не имеет отношения к современному русскому жаргону. Далее на основе её анализа выделяются критерии для опознания в данных словарях многих других непомеченных цитат из словаря В.И. Даля.

6.3.3. Определение критериев для выделения непомеченного слоя компиляции

Как оценивать эти почти единодушные (кроме №№ 02 и 33) для Мильяненкова и Балдаева и уже повторённые некоторыми другими словарями данные о 44 словах, вызвавших сомнения и вопросы Даля. Были ли они услышаны собирателями жаргона? Или это неправильно трактуемые выписки из словаря Даля? Позднейшие словари жаргона относятся к этому материалу по-разному, как показано далее в п. 17 данного раздела. Перейдём к рассмотрению и оценке возможных критериев для опознания потенциальных непомеченных цитат.

1. Дословные совпадения в толкованиях. Точные совпадения в толкованиях 42 слов между словарями Даля и Мильяненкова составляют в сумме 70 слов. (Каждое такое совпадение в сводной таблице 24 условно оценивается в один балл.)

2. Синонимические или близкие формулировки. К ним примыкают ещё 13 синонимических или перифрастических переформулировок в толкованиях 11 слов. (Каждая переформулировка на фоне выявленных выше дословных совпадений не может быть случайной и также оценивается в один балл.) Таким образом, при каждом уникальном слове списка в словаре Даля и словаре Мильяненкова совпали в среднем 1,7-1,9 слова толкования. Иначе говоря, имеется прерывистая цитата в 115-127 слов. Идентифицируемое совпадение такого объёма между двумя литературными произведениями явилось бы достаточным доказательством заимствования. Но для словарей этот критерий является потенциально неоднозначным, поэтому не может оцениваться изолированно. Такая точность возможна (1) либо при неотмеченном цитировании, (2) либо при правке у Мильяненкова/Балдаева по Далю.

Правка независимо зафиксированного материала в словарях

Мильяненкова/Балдаева по словарю Даля также маловероятна. Такой оригинальный материал через 150 лет не мог бы совпасть со словарём Даля почти полностью. Хоть какие-то однокоренные жаргонизмы, не имеющие параллелей в словаре Даля, за десятилетия употребления 44 слов в жаргоне должны были возникнуть, а другие исчезнуть. Но в словарях Мильяненкова и Балдаева нет ни тех, ни других. Слова списка проявляют словообразовательную инертность, что сомнительно для необычных и потенциально экспрессивных слов в жаргоне. При отсутствии примеров употребления в речи это подозрительно вдвойне. Один единственный контекст из двух слов на 44 слова появляется во 2-м издании: «**ВЫЗЛУНИ КОСОГЛАЗЫЕ** – лица азиатского происхождения» [Балдаев 1997, I: 76].

Словообразовательные варианты отмечаются после 1992 г. только у двух слов списка: (04) *архилин* > *архил*, *архила* ‘амулет, приносящий удачу вору’ [Грачёв 1997: 144; 2003: 39]; (05) *атама* > *атаман* ‘состояние заторможенности при приёме некоторых видов наркотиков’ [Ломтев, Истомин 2004: 13]. Есть две причины не переоценивать эти данные: а) производные фиксируются только через 5-10 лет после 1992 г.; б) они не совпадают с отмеченными Далем производными от 5 из 44 слов: (02) *аводь*, (16) *гмара*, а также (01) *абодье*, (15) *глеча*, (37) *тандит* (см. п. 8). Думается, употребительность как производных от *архилин* и *атама*, так и самих этих слов, как в среде носителей жаргона, так и среди жаргонологов нуждается в дополнительном изучении.

3. Аномальное предпочтение в словарях Мильяненкова/Балдаева *слов со знаком вопроса* в словаре Даля. Обнаруженные 44 слова составляют 3,7% от общего количества (1192) заглавных слов с «?» в словаре Даля. А предварительная выборка всех слов, могущих восходить к словарю Даля в тех же словарях, дала 274 слова [Шаповал 2002: 36]. Учитывая, что в словаре Даля всего около 200 тысяч слов, получаем лишь 0,137%. Даже если принять, что применявшаяся нами методика полной выборки цитат из словаря Даля «на глаз» не была совершенной, но всё-таки она показала 27-кратное предпочтение

маркированной Далем части материала, что нельзя игнорировать.

Таким образом, выявляется обратная корреляция: знак «?» в словаре Даля маркирует сомнительные, слабоподтверждённые и уникальные слова, но его наличие повышает вероятность попадания слова в словари Мильяненкова/ Балдаева в 27 раз. Самое простое объяснение такого феномена – выборочное копирование источника. В таком случае предпочтение слов с «?» при выборе цитат из Даля может объясняться тем, что они чаще описываются в коротких и обозримых словарных статьях, так как обычно не имеют однокоренных слов.

4. Алфавитная аномалия выборки. Выявленный выше дисбаланс предпочтений в пользу слов с «?» дополняется другой аномалией. Все 44 слова взяты только из двух крайних томов Даля.

***Таблица* 23. Распределение слов со знаком «?» по томам в словаре Даля**

Состав томов в словаре Даля	I: *А – З*	II: *И – О*	III: *П*	IV: *Р – V*	Всего
Слов с «?» в словаре Даля	346	290	154	402	1192
Из них у Мильяненкова/ Балдаева	26	**0**	**0**	18	44

Такая аномалия выборки, во-первых, является прямым и сильным доводом в пользу того, что 44 слова выписаны прямо из словаря Даля, во-вторых, она позволяет утверждать, что, вероятнее всего, использовалось не «бодуэновское» (3-е или 4-е) издание, поскольку там разбивка по томам другая: III т. охватывает «П – Р», а IV т. включает остаток «С – V».

Практически невозможно смоделировать в устной коммуникации условия для реализации такого пропуска слов, начинающихся на **и-** … **п-**, чтобы предпочитались, например, слова с начальным безударным [а-] и [и-], изображаемыми на письме как **а** (*автобус*) и **е** (*ерунда*), но отвергались бы слова с начальным безударным [а-] и [и-], изображаемыми на письме как **о** (*окно*) и **и** (*ирония*). Этот пропуск свидетельствует о выборочном цитировании письменного источника, причём тома II и III дали мало цитат.

Эти две аномалии весьма убедительны, но не абсолютны. Все-таки

остаётся исчезающе малый шанс, что в словарях Мильяненкова/Балдаева отражен уникальный жаргонный материал, но часть картотеки (случайно совпавшая с III и IV томами Даля) утрачена. Так что надо рассмотреть и оценить и другие особенности верифицируемого списка.

5. Сравнение данных словарей Мильяненкова и Балдаева с данными словарей территориальных диалектов. Из 44 слов списка 36 начальных позиций (01-27, 29-37) уже отражены в СРНГ (вып. 1-40). После Даля в тех значениях, которые им помечены знаком «?», диалектологи зафиксировали 10 слов (05, 06, 07, 10, 14, 26, 29, 30, 33, 37; подчеркнутые номера дополнены в СРНГ иллюстративными примерами), ещё 4 слова получили дополнения без точных дат фиксации (08, 19, 22, 25). Дополнительно в выпусках 41-46 СРНГ были представлены: 38, 39.

Это может говорить о весьма скромных возможностях диалектной лексикографии при фиксации раритетов, но скорее – об оправданности знаков вопроса у Даля. Действительно, им были помечены уникальные, а часто и сомнительные слова. На этом фоне Мильяненков и Балдаев отличаются как лаконичностью, так и уникальной полнотой: в словаре Мильяненкова пропущено только слово № 33, в словаре Балдаева – № 02. (Слова, не отмеченные после Даля в СРНГ, но отраженные в словарях Мильяненкова/Балдаева, получают по 0,5+0,5 балла в сводной таблице 24.)

Хронологические рамки. По крайней мере материал словаря Балдаева позиционируется как «в большинстве своем активная лексика», которая «собиралась <…> с середины 1950-х годов по настоящее время» [ББИ 1992: 3, 9]. Фантастическая полнота данных Мильяненкова и Балдаева выглядит ещё резче на фоне СРНГ, где во 2-й половине XX века отмечены только 4 слова: 05 – 1961 г., 09 – 1957 г., 26 – 1967 г., 33 – 1972 г.

Территориальные пометы. Географическое распределение материала в словаре Даля вполне ожидаемо для XIX века. Среди 45 слов лишь три не имели географических помет (у Бурнашева и Даля: 28, 32, 40). Только два (06 –

камчатское, 17 – восточносибирское) отмечены за Уралом, остальные – в европейских губерниях (иногда сразу в двух).

Количественное преобладание европейских фиксаций для столь редких слов сохраняется и после Даля.

Довольно странно, что жаргонная лексика, которая «собиралась почти на всей территории бывшего СССР» [ББИ 1992: 9], в той части, которая «перекликается» с сомнительными словами у Даля, диалектологам известна мало и по преимуществу из европейских областей России. В СРНГ во 2-й половине XX века за Уралом отмечено только школьное (26) *зотка* ‘всезнайка’ с небезупречным иллюстративным примером. Ср. ярославское, также изолированное: «**Зотко́.** Хорошо, красиво. Ужъ такъ ли у него въ покояхъ зотко́: *есть тѣ* въ трактирѣ! Ужъ такъ ли зотко нашъ староста церковь украсилъ!» [Волоцкой 1903: 37]. Ж.Ж. Варбот связывает *зодко* ‘хорошо, красиво’ [Варбот 2012: 600, прим. 1] и *зотка* ‘знаток, умница’ [Варбот 2012: 598] с гнездом *зьдъ* ‘стена, кладка’.

Те слова, которые после Даля диалектологами не отмечались, в таком нетривиальном ансамбле, вероятнее всего, могли быть скопированы в словари Мильяненкова/Балдаева только и исключительно из словаря Даля.

6. Пропуск вторых вариантов из словаря Даля. Жаргонные словари 1992 г., 44 раза аккуратно повторяя заглавные слова, трижды игнорируют вторые у Даля варианты этих слов (17 – *гуначи́къ,* 22 – *дёмка,* 33 – *сикта́ть*), не говоря о производных, стоящих в глубине словарных статей (см. п. 8).

Критерий сам по себе потенциально неоднозначен. 1) Такая избирательность вероятна, если при неотмеченном цитировании во внимание принимались лишь слова, поставленные Далем на первое место и напечатанные так: **АБОДЬЕ**. При такой трактовке критерий имеет смысл для характеристики стратегии компиляции списка в целом. 2) Та же избирательность может восприниматься и как подтверждение прозорливости Даля, угадавшего бесперспективность вторых вариантов. Однако это маловероятно, учитывая,

например, цитирование вслед за Далем сомнительного слова *гунак* (см. п. 9) и фантома *ри*.

7. Дополнительные совпадения в толкованиях. На Даля как источник дополнительно указывает и сохранение в 3 случаях в толкованиях слов, одинаковых для словаря Даля и словарей Мильяненкова/Балдаева, но отсутствующих в известных нам источниках Даля (Оп. и Опд.): 05) «сонливость», 08) «сделать что-то назло», 09) «полоумный (а не полуумный), шальной». Этот критерий дополнительно усиливает версию о текстуальной зависимости толкований в словарях Мильяненкова/Балдаева непосредственно от словаря Даля.

8. Ошибочное отнесение толкования к заглавному слову гнезда. Трижды представлена однотипная ошибка цитирования: (01) толкование «счастливое время» в словаре Даля относится не к заглавному слову *абодье*, а к *абодная пора*; (15) толкование «сало» взято у *глечик* и отнесено к заглавному слову *глеча*; (37) толкование ‘торговец / торгаш’ взято у производного *тандитчик* и отнесено к заглавному слову *тандит*. Это результат непонимания гнездовой структуры словарной статьи. (См. также *абас, чабун*, 5.1-2, п. 7.) Ошибка могла возникнуть только при цитировании Даля, объединяющего в гнездах соответственно: *абодье* и *абодная*, *глеча* и *глечик*, *тандит* и *тандитчик*. Это ещё один частный критерий, усиливающий версию о текстуальной зависимости от Даля ряда толкований в словаре Мильяненкова и, далее, Балдаева.

9. Копирование мнимых и сомнительных слов. Все 44 слова в словаре Даля уникальны и каждое из них своим «лица необщим выражением» заслуживает отдельного разыскания, но некоторые уникальны, так сказать, вдвойне. Так, при (38) *тута* Даль усомнился: «не *туга́* ли?». Сомнения Даля по поводу (28) *ри* мы можем уточнить: это мнимое слово, огрызок записи *<миша>ри́*.

Следует особо подчеркнуть разительное сходство некоторых наиболее красноречивых оплошностей цитирования Даля, выявленных выше на

жаргонном материале нами и обнаруженных А.Е. Аникиным в «Словаре русских говоров Забайкалья» Л.Е. Элиасова 1980 г. Так, на несомненное цитирование слова *ри* из Даля указали уникальные особенности исходной словарной статьи, сходным образом определяется и источник слова *пынзяк*: «Примером может служить забайк. *пынзя́к* ‘веревка из сыромятной кожи’ [Элиасов 1980: 342], явно перекликающееся с *пынзя́н* ‘сыромятный олений аркан’ у Даля ([Даль$_6$-III: 547] – “тоб.-бер.”, т. е. тобольско-березовское!). Поскольку в слове *пынзя́н* у Даля есть опечатка (надо *тынзя́н*...), возникает предположение, что Л.Е. Элиасов, как и в случае с *отол* не обращая внимания на географию слова, перенес *пынзя́н* из словаря Даля в свой, снабдив вымышленными “забайкальскими” контекстами...» [Аникин 2000: 18].

Даже и двух таких совпадений (включающих неизменные толкования) достаточно для идентификации словаря-источника. Сомнительно, чтобы когда-либо звучало в реальности и слово (17) *гунак* ‘теленок’ (не *гунан*). Получается, что 3 малореальных слова носителями (собирателями) жаргона одновременно могли быть получены только письменным путем и только из словаря Даля. Этот факт не отменяет реальность некоторых из остальных слов списка, но в целом снижает уровень доверия к словарям Мильяненкова/Балдаева.

10. Утрата важных отличий в значении слова. Иногда излишняя краткость предполагаемых цитат из словаря Даля приводит к утрате важных отличий в значении слова (см. выше 5.1.2): (11) *вытва* ‘отрава’ < ‘несмертельная отрава для рыбы/зверя’; (12) *гагри* ‘обед’ < *гагры* ‘крестинный обед’; (43) *чака* ‘мясо’ < ‘овечье мясо, баранина’, а также (15) *глеча* ‘сало’ < *глечик* ‘подкожное сало, жир’.

Непонятно, зачем в жаргоне нужен был бы такой редкий «синоним», если после подобного расширения значения до полной расплывчатости он уже не выражает ничего особенного, ср. [Шаповал 2004: 29].

Практически невозможно отличить от представленных здесь случаев (сознательного?) редактирования толкований, приводящего к утрате

отличительных признаков и расширению значения, случаи неконтролируемого сокращения толкования при переносе из словаря в словарь, рассмотренные выше (5.1-2, п. 4).

11. Непонимание толкования. Можно, скрепя сердце, понимание толкования (39) *тяхтать* «отделать» как ‘побить’ признать не ошибкой, а метафорой, а трансформацию толкования «игра въ жемчугѣ, желтоватый блескъ» при (15) *глеча* просто в ‘жемчуг’ – метонимией (ср. также *чабун*, 5.1-2, п. 7). Однако толкование (24) *завировать* «задержать» (из «задарить») можно объяснить только невнимательным списыванием.

Непонимание толкования и незнакомство с реальным применением названного предмета проявляется в красноречивых ошибках, напоминающих трансформацию толкования к приведённому выше глаголу *завировать*: якобы забайкальское *кычи́м* ‘черпак с длинной ручкой для зачерпывания воды из глубокой проруби’ [Элиасов 1980: 179] (со ссылкой на информанта С.П. Мильтушина из г. Сретенска) = (без удар.) «**Кычимъ,** *вост.-сиб.* черпакъ (Шейнъ)» [Даль$_3$-II: 593] ≠ «**Кычимъ** – чепракъ (тамъ-же)» [Черк<асов А.А.>. *Зап*<иски>. *Охот*<ника>. *Вост*<очной>. *Сиб*<ири 1856-1863 гг. / 1 изд. – СПб.: Изд-во С.В. Звонарева, 1867. – 707 с.>, стр. 104] [Шейн 1873: 24], в источнике иначе и с ударением: «То же, что в России называется чепраком, здесь величают *кычы́мом*» [Черкасов 1990: 70]. Следовательно, правильно: *кычи́м* – ‘чепрак’ (часть упряжи для верховой езды) [Аникин 2000: 18, 345]. В этом случае ошибка толкования Даля была не только процитирована, но и приписана информанту в составе иллюстративной цитаты к значению ‘черпак’: *кычим так обледенел, что кое-как я его поднимал* [Элиасов 1980: 179], что исключает непреднамеренность искажения лексического материала и указывает, по крайней мере, на позднейшую его доработку лексикографом, например, сочинение оправдательных цитат по памяти к вспомогательным выпискам из словаря Даля, смешавшимся с собственными полевыми записями автора. Также к данному случаю относится: *мунтук* – не ‘сильный порыв ветра, вихрь’

[Элиасов 1980: 214], а ‘вихор’ [Аникин 2000: 21].

Не исключено, что и (33) *сиковать*, вероятно, лишь по внешнему сходству с *психовать*, получает толкование «беситься» (формально из «браниться»?). Вне списка слов с вопросом, взятых из словаря Даля, непонимание толкования приводит к искажению его при цитировании в качестве толкования якобы современного жаргонизма в 26 случаях, например: «**Харал** – место» [Мильяненков 1992: 265], из Даля, где: «**ХАРАЛЪ** м. *касп*. мѣсто, мѣшокъ, тюкъ, тая́, ящикъ товара» [Даль$_6$-IV: 542]. Краткость выписки обусловила непонимание исходного толкования ‘багажное место’» [Шаповал 2009: 25-28]. Это ошибка переосмысления, а не факт речи.

12. Повторение ошибочного глагольного вида. Среди 44 слов в словаре Даля дважды неверно указан вид глаголов: (24) *завировать* отнесено к совершенному виду в словаре Даля и словарях Мильяненкова/Балдаева, а (30) *сакать* в словарях Мильяненкова/Балдаева дано с исправленным несовершенным видом.

Сводная таблица для критериев. Результаты оценки критериев можно суммировать в таблице 24: критерии расположены по убыванию применимости, а слова по убыванию суммарного «балла сомнения». Здесь следует иметь в виду, что 1 балл – это, условно говоря, уровень доказательности, достаточный для того, чтобы усомниться в данных словаря о жаргонном слове. Возможность выделения этих слов списком позволяет разными способами доказать сомнительность каждого из 44 жаргонизмов от 2 до 7 раз. (Таблица 24 «Суммарная оценка 44 слов по критериям» представлена ниже.)

***Таблица* 24. Суммарная оценка 44 слов по критериям**

Критерии	***1***	***2***	***3, 4***	***5***	***6***	***7***	***8***	***9***	***10***	***11***	***12***	**Σ**
01. Абодье	3	1	1	1			1					7
03. Агач	4		1	1								6
16. Глеча	1	1	1	1			1		1	?		6
24. Завировать	2		1	1						1	1	6

Критерии	***1***	***2***	***3, 4***	***5***	***6***	***7***	***8***	***9***	***10***	***11***	***12***	**Σ**
08. Вздонжить	3		1	0		1						5
17. Гунак	1		1	1	1			1				5
23. Ерутина	3		1	1								5
38. Тута	3		1					1				5
04. Архилин	1	1	1	1								4
09. Вызлунь	2		1	0		1						4
11. Вытва	1		1	1					1			4
12. Гагри	1		1	1					1			4
16. Гмара	1	1	1	1								4
20. Дадон	2		1	1								4
21. Дедер	2		1	1								4
22. Дёма	2		1	0	1							4
27. Ревка	1	1	1	1								4
28. Ри	2		1					1				4
29. Рига	3		1	0								4
31. сгумить	1	1	1	1								4
33. Сиковать	2		1	0	1					?		4
34. Скес	2		1	1								4
36. Снота	1	1	1	1								4
36. Спафей	1	1	1	1								4
37. Тандит	2		1				1					4
41. Халять	3		1									4
02. Аводь	2		1	0,5								3,5
06. Атама	1		1	0		1						3
07. Боршать	1	1	1	0								3
13. Газить	1		1	1								3
14. Гирший	1	1	1	0								3
18. Гуриться		1	1	1								3
26. Заевый	2		1	0								3
26. Зотка	1		1	1								3
32. Серёга	1		1	1								3

Критерии	*1*	*2*	*3, 4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*	*10*	*11*	*12*	Σ
40. Фая	2		1									3
42. Харатка		2	1									3
43. Чака	1		1						1			3
44. Чамовитый	2		1									3
06. Батас	1		1	0								2
10. Вынь	1		1	0								2
19. Гутин	1		1	0								2
30. Сакать	1		1	0							0	2
39. Тяхтать	1		1							?		2

Дополнительные критерии. Ещё ряд критериев имеет ценность для характеристики стратегии компиляции в целом. О некоторых типичных ошибках цитирования Даля мы уже говорили выше, например: *сеун* вместо *сеунч* (4.1.2.2), *ёла/ела* (4.1.2.4), *ремса*/*ремеса* (4.2.1). Наряду с *сеун* некоторые другие архаизмы, попавшие в жаргонные словари из словаря Даля, рассматривались нами отдельно [Шаповал 2005b: 225-231].

13) *Расстановка ударений в словаре Мильяненкова.* Пунктуальность в совпадении записей слов между словарём Даля и словарях Мильяненкова/Балдаева вступает в заметное противоречие с своеобычной расстановкой ударений в словаре Мильяненкова (в словаре Балдаева их почти нет): 14 слов из 43 отличаются ударением (отмечено знаком «акута») от словаря Даля (исходное место ударения подчеркнуто): **А́бо́дье**, **А́рхили́н**, **Ата́ма**, **Вы́тва**, **Га́зи́ть**, **Гле́ча**, **Гма́ра**, **Гури́ться**, **Гу́тин** (у Даля без удар.), **Зави́рова́ть**, **Серёга**, **Тяхта́ть**, **Фа́я** (у Даля без удар.), **Ха́ратка**. Критерий потенциально неоднозначен. 1) Эти различия могут свидетельствовать об акцентологической революции, затронувшей через полтора века целую треть раритетного списка. 2) Эти же различия могут доказывать то, что ударения (либо в словаре Мильяненкова, либо в словаре Даля) были расставлены наугад. В конце XX века к такому результату могло привести неоднократное копирование, например: выписка из Даля с ударениями, перепечатка на

машинке, дальнейшее пользование невыправленной машинописью без расставленных от руки знаков ударения, необходимость расставить ударения перед публикацией, восстановление ударений точно и в срок с привлечением воображения составителя.

В согласии с «духом» источника для словаря Мильяненкова предпочтительно принять второе объяснение. Выписки из словаря Даля оказались с пропуском ударений. При подготовке словаря Мильяненкова к изданию они расставлялись наобум. Ср. похожий подход к другим словам (правильное место ударения подчеркнуто): «**Вши́варь** – мелкий вор»; «**Голо́ва** – кинотеатр», «**Кара́ндаш** – ломик»; «**Ку́пец** – опытный карманный вор»; «**Ха́ре** – хватит; достаточно; хорошо» [Мильяненков 1992: 100, 105, 134, 151, 265] и мн. др.

Правомерен следующий вывод: если компилятор принял каждое третье слово списка с сомнительным ударением, то, вероятно, он не имел уверенности и в реальном звучании остальных слов списка. Это ещё одно доказательство цитирования Даля в словаре Мильяненкова. Этот критерий характеризует технологию компиляции списка в целом.

14) *Пометы в словарях Мильяненкова и Балдаева*. Цитаты из словаря Даля в словарях 1992 г. не имеют регулярных помет. В этом их отличие от выписок из немецкого словаря, регулярно имеющих либо помету «*мн.*» (Мильяненков), либо «ин.» (Балдаев). Помета «ин.» встречается в словаре Балдаева и при 11 словах рассматриваемого списка: это №№ 04, 05, 06, 10, 12, 14, 15, 19, 34, а также призрачное слово (28) *ри* и единственное слово ещё и с пометой «*мн.*» в словаре Мильяненкова (21) *дедер*. Видимо, эти пометы добавлялись в словаре Мильяненкова и словаре Балдаева спорадически, как и знаки ударения в словаре Мильяненкова. Почти все они приходятся на первую половину списка. Несомненно, пометы «*мн.*» и «ин.» вторичны и не релевантны для опознании цитат из словаря Даля.

15) *Реконструкция первоначального смысла цитирования Даля*.

Очевидно, выписки из словаря Даля первоначально делались для сопоставления с жаргонизмами. Однако такие гипотетические параллели угадываются лишь к нескольким словам. Из словаря Даля выписывались значения, ранее не отмеченные для жаргонизмов: к *агач* ‘согласен, хорошо’ [Мильяненков 1992: 76] добавлено (03) *агач* ‘полуторный пай’; к *скес* ‘скупой; трусливый’ [Мильяненков 1992: 232] – (34) *скес* ‘сатана, дьявол’; к *рига* ‘рвота’ [Ломтев, Истомин 2004: 217] – (29) ‘беда’; к *сакать* ‘симулировать; бездельничать’ [Мильяненков 1992: 225] – (30) ‘советоваться’; к *тута* ‘наркотик’ [Мильяненков 1992: 252] (ошибочно из *гута*, лат. *gutta* ‘капля’ в названии медикаментов) – (38) *тута* ‘уныние, грусть, тоска’. Думается, в ходе работы компилятор подпал под обаяние Даля и стал грести материал шире, ориентируясь на отдалённое созвучие, например: *газета* ‘предмет для нанесения побоев’ [Мильяненков 1992: 101] – (13) *газить* ‘ломать’; *гунчик* ‘гривенник’ [Мильяненков 1992: 109] – (17) *гунак* ‘теленок’; *хилять* ‘бежать; идти’ [Мильяненков 1992: 264] – (41) *халять* ‘брести, тихо идти’ и другие. Кроме того, увлечение материалом неоднократно проявилось и в произвольной криминализации исходных толкований.

Цитаты из словаря Даля своеобразно трансформировались в словарях Д.С. Балдаева и Л.Е. Элиасова, подобная семантическая корректировка – это только одна из стратегий: «Можно ли верить, скажем, в реальность забайк. <...> *рамаза́н* ‘кормление впроголодь’ [Элиасов 1980: 350] и *рамаза́н* ‘мусульманский 40-дневный пост’ [Даль$_6$-IV: 57; Фасмер-IV: 440], забайк. *ра́мша* ‘негодные товары’ [Элиасов 1980: 350] и херсонск. *ра́мжа, ра́мша* ‘остатки товаров, не проданные на ярмарке’ [Даль$_6$-IV: 57; Фасмер-IV: 440]» [Аникин 2000: 19]. В словаре Д.С. Балдаева имеется похожее переосмысление как воздержания от пищи по религиозным воззрениям, так и семантики редкостного слова *рамжа*: жаргонное (?) *говеть* ‘сидеть в карцере’ [ББИ 1992: 56] и *гове́ть* ‘поститься, <u>ничего не ѣсть</u>’ [Даль$_6$-I: 364], жаргонное (?) *рамжа* ‘остаток нереализованных <u>краденых</u> товаров’ [ББИ 1992: 205] и та же цитата из

словаря Даля.

16) *Криминализация толкований* (в 01, 04, 05, 16, 18, 24, 37, 39), отсутствующая в словаре Даля и (вслед за ним) в СРНГ, может свидетельствовать о противоположных вещах: а) это отражение жаргонной речи; б) это имитация жанрового соответствия выписок жаргонному словарю. Последнее (б) заметно вероятнее в свете выводов о цитировании несуществующих слов и ошибок Даля (см. п. 9, 12). Ср. ту же тенденцию к переосмыслению в сторону криминализации при цитировании толкований Даля при *гребта* (5.1.3, п. 4), *ухетать* (5.1.1), *яруг* (5.1.4, п. 3).

Отсутствие криминализации в СРНГ нельзя объяснить «секретностью» жаргона. Для сравнения из словаря Балдаева было выбрано 35 случайных жаргонизмов без помет, следующих сразу за словами, уже отраженными и в СРНГ (01-27, 29-36). В этой контрольной группе выявлено 11 семантических совпадений с диалектизмами СРНГ: (01) *абопол* (*абапал, обапол*) ‘палка’; (06) *батать* ‘говорить’; (07) *босота* ‘бедняки’; (09) *вызудить* ‘выпить’; (13) *газовать* ‘пить’; (19) *гуща(ра)* ‘заросли’; (26) *зрячий* ‘случайный’; (29) *радик(уль)* ‘ридикюль’; (31) *сдать* ‘отдать / выдать (человека против воли)’; (32) *серёжка* ‘замок’; (34) *скесовать* ‘жадничать’. Так что «секретность» криминализации в словарях Мильяненкова/Балдаева почему-то касается только слов проверяемого списка. Это не добавляет доверия таким формально криминальным добавкам в толкования жаргонных слов.

17) Позднейшие словари относятся к этому материалу по-разному. В «Большом словаре русского жаргона» [Мокиенко, Никитина 2000] из 44 слов в тех же значениях отмечены 39 слов, а отсутствуют 5 (№№ 17, 19, 23, 27, 34). Пространный «Словарь тысячелетнего русского арго» М.А. Грачёва из 44 даёт лишь 12 слов [Грачёв 2003]. В сокращенный «Толковый словарь русского жаргона» включено лишь 8 слов [Грачёв 2006а], что может подразумевать неупотребительность сокращаемого материала (впрочем, следует заметить, что опущены 4 первых слова на *а*-). От этих словарей, составленных лингвистами,

нет заметных отличий и в словаре криминологов: из 44 дано 14 слов [Ломтев, Истомин 2004]. Ещё в двух словарях криминологов встретилось только одно слово списка (20): «**ДАДОН** – неповоротливый человек» [Дубягина, Смирнов 2001: 55; Дубягина и др. 2006: 43].

Условные сокращения к таблице 25:

БСЖ 2000 – «Большой словарь русского жаргона» [Мокиенко, Никитина 2000].

Грачёв 2003 – «Словарь тысячелетнего русского арго» [Грачёв 2003].

Грачёв 2006а – «Толковый словарь русского жаргона» [Грачёв 2006а].

***Таблица* 25. Представленность 44 слов списка в позднейших словарях**

БСЖ 2000	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10	11
	12	13	14	15	16		18		20	21	
		24	25	26		28	29	30	31	32	33
	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44

Грачёв 2003	01	02	03	04	05	06	07				
		13	14								22
	24										33

Грачёв 2006а	01	02	03	04	05	06					
					16						
							29				33
				37	38	39				43	44

Таблица 25 наглядно показывает, что три словаря, воспроизводя рассматриваемый список, заметно лучше отображают его первую половину. Вряд ли эта закономерность воссоздаёт реальную употребительность каждого из 44 слов. Вероятно, она обусловлена какими-то обстоятельствами письменной работы лексикографов. Ср. похожее распределение вторичных и сомнительных помет «ин.» выше (п. 14).

Как было показано выше, рассмотренные критерии обладают разным весом и степенью применимости, но суммарно они позволяют обосновать общий вывод: рассмотренные 44 слова в указанных значениях в словари 1992 г. Л.А. Мильяненова и Д.С. Балдаева с соавторами попали как непомеченные выписки из словаря Даля. Разумеется, цитаты из словаря полуторавековой давности, выдаваемые за современные жаргонизмы, не добавляют достоинств научному и справочному изданию. Поэтому в перспективе возможен и желателен перенос выявленных критериев на более широкий материал для уточнения границ всего этого слоя компиляции.

В заключение уточним границы применимости полученных выводов. Вычленение слоя компиляции при помощи системы текстологических критериев необходимо для верификации словарной статьи и оценки словаря в целом как результата пересечения линий текстологической преемственности. Текстологические приметы позволяют **доказать** факт письменного заимствования. Если сегодня вдруг обнаружится, что слово *вызлунь* употребляется носителями криминального жаргона в значении ‘глупый и жестокий человек’, то это не отменит того факта, что в 1992 г. в словари жаргона это же слово, но с иным значением было списано из словаря Даля.

6.3.4. Подходы к выделению ядерной и периферийной части непомеченного слоя компиляции

1. Подходы к ядерной части слоя компиляции

Вышерассмотренные слова, описанные со знаком вопроса у Даля, без сомнения должны быть включены в ядерную часть слоя компиляции.

К ним можно добавить многие слова, никак не помеченные у Даля. Рассмотрим несколько примеров, учитывая суммарный показатель по тем же критериям.

«**Баста́нда** – способ **истязания**, когда удары наносятся по пяткам» [Мильяненков 1992: 82]. [ББИ 1992: 25; Балдаев 1997-I: 30]. «**БАСТОНАДА** ж. итал. азиятскій способъ **телеснаго наказанія**: удары по слѣдкамъ, по ножнымъ подошвамъ и пяткамъ» [Даль$_6$-I: 53]. Здесь имеется совпадение 4 слов толкования и 1 переформулировка, слово относится к одному из крайних томов Даля (итого: 5,5 балла). Кроме того, яркой приметой стратегии цитирования, характерной для рассматриваемых словарей, является утрата знака для ударного гласного (ср. *ремса*, 4.2.1), довольно частым является и визуальное смешение *а* – ***о***. Несомненно, слово выписано из словаря Даля.

«**Бе́нзоль** (*мн.*) – художник» [Мильяненков 1992: 84]; «**БЕ́НЗЕЛЬ** <...> || Маляры, изъ нѣмец[каго] *Pinsel*, сдѣлали *бензель*, и зовутъ такъ расписную, мелкую кисть» [Даль$_6$-I: 81]. В этом случае мы можем заподозрить влияние немецкого словаря на выбор этого слова из словаря Даля и его ложное осмысление через созвучие случайно выбранной части толкования «маляры» с немецким *Maler* ‘художник’: «**Pinsel** [4203] *m* Maler» [Wolf 1956: 247].

«**Хриза́** – высокая, худощавая женщина» [Мильяненков 1992: 269]. Этот словарь не разделяет колебания Даля по поводу корректности толкования. Ср.: «**ХРИ́ЗА** ж. *смл*. высокая, худощавая женщина?» [Даль$_6$-IV: 565].

«**Фо́ска** – ничтожная по игре карта» [Мильяненков 1992: 261]. Ср.:

«**ФО́СКА** ж. фрнц. въ карточ[ной] игрѣ, ничтожная, по игрѣ, карта» [Даль$_6$-IV: 538].

«**Тана́к** – делец» [Мильяненков 1992: 245]. Ср. с толкованием *делец* в другом значении: «**ТАНА́КЪ**, ***таны́къ***, ***таны́ка*** м. *прм*. (татарское?) до́ка, мастеръ, знатокъ, смышленый дѣлецъ <т.е. «знающій законы и приказный порядокъ»>» [Даль$_6$-IV: 390; -I: 511].

***Таблица* 26. Суммарная оценка слов по критериям (ядро)**

Критерии	***1***	***2***	***3, 4***	***5***	***6***	***7***	***8***	***9***	***10***	***11***	***12***	**Σ**
Баста́нда	4	1	0,5	0	0	0	0	0	0	0	0	5,5
Хриза́	3	0	0,5	1	0	0	0	0	0	0	0	4,5
Фо́ска	4	0	0,5	0	0	0	0	0	0	0	0	4,5
Тана́к	1	0	0,5	0	2	0	0	0	0	1	0	3,5
Бе́нзоль	0	0	0,5	0	0	0	1	0	0	1	0	2,5

Рассмотренные 5 слов имеют заметный разброс по сумме баллов. Но в целом вероятность некорректного заимствования из словаря Даля довольно высока для каждого из слов. Даже при суммарном показателе 2,5 деформация выписки *бензель* настолько серьёзна и уникальна, что не вызывает сомнения неконвенциональное использование словаря Даля в качестве источника. Возможно, этот случай доказывает желательность разработки более гибкой оценки семантических трансформаций при цитировании. Мы в большей степени опираемся на ошибки цитирования и транслитерации.

2. Подходы к периферийной части слоя компиляции

Наряду с ядерной частью непомеченного слоя компиляции система критериев позволяет наметить довольно многочисленный периферийный ореол, состоящий из слов, однозначность отнесения которых к слою компиляции доказать не удаётся.

«**Ба́хмур** – головокружение» [Мильяненков 1992: 83]. Ср. с другим

ударением и игнорируемым жаргонным словарём вариантом женского рода *бахмура*: «**БАХМУ́РЪ** м. –***ра*** ж. ниж.-мак. томнота, дурнота, головокруженіе» [Даль$_6$-I: 88]. Слово довольно обычное, хотя и областное. Могло быть заимствованно и устным путем.

«**Локо́шник** – слабовольный; **зависимый** от кого-то осужденный» [Мильяненков 1992: 158]; «**ЛОКОШНИК** – слабовольный, **зависимый** человек» [ББИ 1992: 129; Балдаев 1997-I: 229]. Ср.: «***Локотни́къ*** м. ручка, **подручникъ**, подлокотникъ» [Даль$_6$-II: 264, под *локоть*]. Видимо, вольное переосмысление изолированного толкования ‘подручник’ как одушевленного имени существительного ‘подручный’. Ср.: сидя в кресле, один из героев повести «машинально ударял кулаком по локотнику» [Леонов 1932: 9]. Но в СРНГ такого значения ‘подлокотник кресла’ у данного слова не отмечено: *локотник*[1] ‘1. нарукавник’; ‘2. коловорот’; ‘3. о ленивом человеке, бездельнике’ («Медвежьегор. **КАССР**, 1970»); *локотник*[2] ‘мерная рыба величиной с локоть’ [СРНГ-17: 114, 115]. Однако необходимость обоснования конъектуры (*ш* на месте ***т***), слабая перекличка толкований, отсутствие знака вопроса при слове у Даля, отнесённость к одному из средних томов – всё это ослабляет возможность **доказать** здесь наличие трансформированной цитаты из Даля. Вместе с тем, нельзя исключить и производность в жаргоне слова *локо́шник* * ‘неудачник > зависимый человек’ от жаргонного *локш*[1] ‘2. Неудача’ [Грачёв 2003: 491].

«**Перела́з** – **брод** на реке» [Мильяненков 1992: 192]. «**ПЕРЕЛАЗ** – брод» [ББИ 1992: 173; Балдаев 1997-I: 314; Мокиенко, Никитина 2000: 428]. Возможно, неправильно понятое толкование Даля: «***перела́зъ,*** **переходъ**, перебѣгъ или перетечка звѣря изъ острова въ островъ <по перелѣску> [Даль$_6$-III: 63]. Даже *перелаз*, относясь к 3-у тому, содержит в описании такие признаки цитирования, которые довольно явно указывают на Даля как источник. Ср. в географической терминологии *остров* ‘лесок’ [Толстой 2006: 118]. «Островъ – Отдѣльная, отъемная роща» [Дмитревский 1822: 258]. Понимание слова *перелаз* как ‘брод’ ошибочно, но с большой вероятностью спровоцировано

словом *остров*, неверно понятым в толковании Даля.

***Таблица* 27. Суммарная оценка слов по критериям (периферия)**

Критерии	***1***	***2***	***3, 4***	***5***	***6***	***7***	***8***	***9***	***10***	***11***	***12***	**Σ**
Перела́з	0	1	0	0	0	0	0	0	0	1	0	2
Ба́хмур	1	0	0,5	1	0	0	0	0	0	0	0	1,5
Локо́шник	0	1	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1

Вероятность списывания из словаря Даля довольно высока и в этих случаях, однако при низкой сумме баллов по критериям довольно трудно исключить, что выявленные переклички объясняются редактированием описаний реальных жаргонных или оказавшихся в материалах слов по словарю Даля. Так что расплывчатость границы не позволяет в таких случаях, когда речь идёт об уникальных и однократно зафиксированных слов, различить списанное непосредственно у Даля и позднее выправленное по Далю.

Таблица 28 представляет вышерассмотренный материал в контексте более обширного списка подозрительных жаргонизмов, что позволяет лучше понять, насколько велика вариативность выявляемых критериев.

***Таблица* 28. Фрагмент таблицы для оценки слов по критериям (периферия – меньше 2,5 баллов)**

Критерии	***1***	***2***	***3, 4***	***5***	***6***	***7***	***8***	***9***	***10***	***11***	***12***	**Σ**
Алты́ра	5	1	0,5	0	0	0	0	0	0	1	0	7,5
Алы́рить	4	0	0,5	0	0	0	1	0	0	0	0	5,5
Баста́нда	4	1	0,5	0	0	0	0	0	0	0	0	5,5
Аба́с	4	0	0,5	0	0	0	1	0	0	0	0	5
Алака́рь	2	1	0,5	0	0	0	1	0	0	0	0	4,5
Ала́шить	2	2	0,5	0	0	0	0	0	0	0	0	4,5
Фо́ска	4	0	0,5	0	0	0	0	0	0	0	0	4,5
Хриза́	3	0	0,5	1	0	0	0	0	0	0	0	4,5
Абцу́г	2	0	0,5	0	0	0	0	0	0	1	0	3,5
Агрега́т	2	0	0,5	0	0	0	0	0	0	1	0	3,5

Критерии	***1***	***2***	***3, 4***	***5***	***6***	***7***	***8***	***9***	***10***	***11***	***12***	**Σ**
Алы́ргать	0	2	0,5	0	0	0	1	0	0	0	0	3,5
Тана́к	1	0	0,5	0	2	0	0	0	0	1	0	3,5
Абрек	1	1	0,5	0	0	0	0	0	0	0	0	2,5
Ада́мова голова	2	0	0,5	0	0	0	0	0	0	0	0	2,5
Бе́нзоль	0	0	0,5	0	0	0	1	0	0	1	0	2,5
Аба́им	2	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	3
Перела́з	0	1	0	0	0	0	0	0	0	1	0	2
А́лар	1	0	0,5	0	0	0	0	0	0	0	0	1,5
Ба́хмур	1	0	0,5	1	0	0	0	0	0	0	0	1,5
Локо́шник	0	1	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1

Таким образом, можно заключить, что вычленение непомеченного слоя компиляции на основе системы критериев возможно с бо́льшей степенью уверенности по отношению к ядерной части и с разной степенью вероятности по отношению к различным составным частям периферийной части слоя компиляции. Такие признаки цитирования довольно явно указывают на цитаты из «Толкового словаря» Даля как источник, особенно же в составе репрезентативного списка других совпадений. Однако настаивать с абсолютной уверенностью на том, что каждое из этих слов списано именно у Даля, невозможно, хотя абсолютно невозможно доказать, что якобы ни одно из слов периферийной части не несёт следов цитирования Даля. Своеобразная релятивность применения системы критериев к периферийной части списка не снижает их суммарную доказательность только потому, что доказуемо, что сотни слов в составе репрезентативного списка являются прерывистой цитатой из одного источника. В конечном счете невозможность обосновать с полной уверенностью письменное заимствование ста или трёхсот подозрительных слов важно для квалификации каждого из них по отдельности, но совершенно не влияет на общий вывод о недопустимой форме использования словаря Даля,

подкрепленный сотнями других более весомых примеров. (Весь список якобы жаргонных слов, которые могут восходить к цитатам из словаря Даля, представлен с некоторыми отсылками в Прил. 6.3-1.) В качестве методологической параллели уместно процитировать вывод А.Е. Аникина в текстологически сходной ситуации: «Но тень сомнения так или иначе падает на все случаи перекличек между словарями Даля и Элиасова» [Аникин 2000: 19]. Эта тень сомнения в нашем случае так и осталась не развеянной окончательно, но была продемонстрирована на таком довольно простом в текстологическом плане материале необходимость проводить верификацию данных словаря с учётом вероятного влияния на них цитат из словарей предшественников.

В заключение представляется возможным реконструировать механизм проникновения выписок из словаря Даля в рассмотренные жаргонные словари 1992 г. Вероятно, часть выписок была выбрана по созвучию с ранее фиксировавшимися в жаргонных словарях словами (*пла́мена* – 6.2.3, п. 07-08, *абцу́г* – 6.2.3, п. 08), однако некоторое сходство выписок из Даля со словами из немецкого словаря даёт возможность также предположить, что словарь Даля привлекался и для прояснения немецких переводных материалов (*бе́нзоль* – 6.3.4). Слабая представленность выписок из 2-го и 3-го томов и большое количество материала, не имеющего параллелей с ранее фиксировавшимися в жаргонных словарях словами, не позволяет отвергнуть предположение, что данная работа выполнялась несколькими лицами и слабо координировалась тем, кто имел представление о конечной цели реализуемого замысла. (Нельзя исключить и позднейшее неконвенциональное использование учебных работ, имевших в качестве приложения выписки из различных, в том числе и иностранных словарей на карточках или, скорее, в листах.)

Кроме того, бо́льшая близость словаря Л.А. Мильяненкова к протографу, по сравнению со словарём Д. Балдаева, доказывается анализом цитат как из немецкого словаря, так и из словаря Даля.

Итоги главы шестой

В главе шестой «Выявление источников словарной статьи за пределами словаря текстологическими методами» решалась задача разработки и апробации комплекса текстологических критериев для вычленения слоя компиляции (массива цитат из словаря-предшественника). *Вычленение как помеченного, так и непомеченного слоёв компиляции необходимо для оценки отдельной словарной статьи с учётом её возникновения в определённой линии преемственности с точки зрения её оригинальности и достоверности.*

Таким образом, обнаружение и проверка цитат (особенно скрытых и прерывистых цитат большого объёма) важны как средство коррекции словарного описания слабо документированного слова и необходимы для верификации данных словарей.

Параграф «6.1. Помеченный и непомеченный слои компиляции» содержит определение *слоя компиляции* как совокупности всех (в том числе отредактированных) цитат, взятых из одного словаря в другой, обоснование важности выявления текстологическими инструментами связей между словарями: скрытой цитаты, ошибки цитирования, плагиата или иного рода преемственности. Помеченными оказываются цитаты из использованных словарей и других источников, как правило, только в академических сводных словарях. Обычно же цитаты предшественников в новом словаре никак не помечаются. Проверка корректности цитирования источников для оценки достоверности лексикографического описания необходима в обоих случаях.

Цитаты могут редактироваться и получать иное соседство. Однако остаточные следы (в том числе ошибки) цитирования можно использовать для опознания их источника. Мы показываем, что, *если определённые ошибки регулярно характеризуют авторскую стратегию цитирования, они используются как вероятные текстологические критерии* для вычленения

всего слоя цитат. Непомеченный, скрытый слой цитат приходится извлекать, опираясь только на подобные косвенные приметы цитирования, которые по мере накопления и взаимоподкрепления становятся основанием для окончательного вывода.

В подпараграфе «6.1.1. Слой компиляции как объект источниковедческого анализа» доказывается, что для объективной оценки словарной статьи необходимо установить её первичное соседство, поскольку источником ошибок могут быть взаимовлияния и взаимодействия соседних словарных статей вплоть до частичного смешения и слияния.

Например, при переиздании словаря Даля был пропущен фрагмент [взятый ниже в квадратные скобки], что привело к возникновению до сих пор не исправленной фантомной словарной статьи, в которой глагол толкуется прилагательным:

«**Му́ситъ** что, **[***юж. зап*., нѣмцк. быть вынуждену, обязану сдѣлать.

Мус(ш)кара́дный] *юж. зап*. дрянной, невзрачный; неряшливый, неопрятный; скаредный. ***Му́скарадно*** *глядѣть*, *пск*. гадко, противно» [Даль$_1$-II: 955].

Этими корректирующими возможностями первичного окружения и определяется важность учёта более широкого контекста первоисточника за пределами словарной статьи или карточки.

Кроме того, при чтении рукописи зачастую возникают трудности при идентификации букв в индивидуальном или устаревшем начертании, для разрешения сомнений в таких случаях нужен более широкий контекст.

Подпараграф «6.1.2. Помеченные слои компиляции как перспективный объект исследования» показывает при опоре на материалы СРНГ, что даже и в тех случаях, когда составитель нового словаря указывал источники, изучение отдельных слоёв компиляции может быть полезно для уточнения описания диалектных слов.

«Словарь русских народных говоров» складывается из диалектных

материалов разных областей. Примерно оценить размер слоя компиляции, взятого из материалов одной области (региона), можно по сумме упоминаний данной области в различных словарных статьях. Такая предварительная оценка материала понадобилась в процессе подготовки серии статей, в которых были обоснованы кардинальные исправления в описаниях 12 новосибирских диалектизмов [Шаповал 2009g], 3 челябинских [Шаповал 2009h], 4 воронежских [Шаповал 2010], предложенные автором данного исследования.

Суммарное количество ссылок на материал трёх областей:

воронежские материалы – 10557

новосибирские материалы – 7353

челябинские материалы – 1618

Выборка производилась по электронной версии словаря, что позволило ускорить работу и обеспечить её качество.

Как видим, фиксируется значительный (до шестикратного) разброс в суммарных показателях по количестве приведённых цитат и отсылок к диалектным материалам трёх областей, что объективно отражает различия в степени их изученности. (Разумеется, диалектные словари не всегда могут опираться на предшествующее поколение словарей, которых просто нет для всей территории страны. Это затрудняет изучение источников ошибок, но не делает запретным.)

Таким образом, *изучение слоёв компиляции в словаре, выделяемых по разным параметрам, широко представлено, продуктивно, необходимо для создания достоверного лексикографического описания малоизвестного или слабо документированного слова*.

Далее был изложен наш собственный опыт вычленения и изучения более масштабных по количеству охваченных слов помеченного и непомеченного слоёв компиляции в современных сводных словарях русского уголовного жаргона.

В параграфе «6.2. Помеченный слой компиляции как носитель сведений

об источниках словарной статьи» дана характеристика анализируемых жаргонных словарей, в которых обнаруживается список слов, снабжённых пометой *мн*. в словаре Л. Мильяненкова и пометой *ин*. в словаре Д. Балдаева и других. В процессе анализа списка уточняется реальное содержание этих помет.

Ошибки цитирования были сгруппированы по 14 типам. Данный комплекс текстологических примет, наметившийся в процессе анализа лексикографических описаний цыганизмов по списку 1992 г. [Шаповал 2008: 49-77], был распространён на весь список слов с указанными пометами [Шаповал 2011е].

По результатам анализа *включение около 500 новых «слов» в русские словари квалифицируется нами как весьма доказательный случай не вполне ясного по целям цитирования в основном немецкого жаргонного словаря* 1922 г. в русской жаргонной лексикографии конца XX века. Верификация описаний слов цыганского происхождения, включенных в русские жаргонные словари, нередко приводила и к выводу о некорректном включении цыганских слов в немецкий жаргонный словарь[35].

Параграф «6.3. Непомеченный слой компиляции как носитель сведений об источниках словарной статьи» посвящён анализу весьма расплывчатого и сильно отредактированного слоя цитат из «Толкового словаря» Даля, инкорпорированных в вышеупомянутые словари жаргона.

В подпараграфе «6.3.1. Проблемы выделения ядерной части непомеченного слоя компиляции» исследуется список из 44 слов, помеченных у Даля знаком вопроса при заглавном слове. На основе изучения этого списка делается вывод, что данный список не может иметь отношения к современному русскому жаргону, то есть по крайней мере часть материала словаря не соответствует заявленному объекту описания и является сфальсифицированной.

В подпараграфе «6.3.2. Анализ списка слов, вероятно, выписанных из словаря Даля» проведено текстологическое сопоставление первоисточника и трансформированных цитат в современных словарях, что позволяет в

35 Данный вывод соответствует специальности 10.02.19 – теория языка.

подпараграфе «6.3.3. Определение критериев для выделения непомеченного слоя компиляции» сформировать уточнённый комплекс признаков цитирования, который применяется для опознания в данных словарях многих других непомеченных цитат из «Словаря» В.И. Даля.

В подпараграфе «6.3.4. Подходы к выделению ядерной и периферийной части непомеченного слоя компиляции» апробировано представление результатов текстологического анализа в терминах полевого подхода, доказана его применимость на примере скрытых в современном словаре цитат из словаря Даля. Практическое применение комплекса критериев позволило наряду с ядерной частью непомеченного слоя компиляции наметить также и периферийный ореол, состоящий из более или менее искажённых цитат, однозначность соотнесения которых с источником не всегда доказуема в полной мере.

Во всяком случае цитаты из словаря полуторавековой давности, даже и в относительно скромном количестве выдаваемые за современные жаргонизмы, не добавляют достоинств научному и справочному изданию, даже если границы этого феномена не удаётся окончательно определить.

Отдельно следует сказать о практическом результате проведённого в данной главе анализа. Удалось определить источник и доказать необоснованность включения в словари русского жаргона порядка 500 слов в составе выписок из немецкого словаря и более 50 слов из «Толкового словаря» В.И. Даля. Следует учесть нерешённость проблемы отдельности фантомного слова, сказавшуюся на вариативности подсчетов и затруднившую достижение абсолютной точности. Зачастую трудно решить, как учитывать варианты написания, этимологически восходящие к одному слову. Таким образом, сознавая некоторую относительность результата, приведём для наглядности, из чего складывается итог: цыганизмы, выписанные из словаря Польцера [Polzer 1922] и др. немецких словарей – 199 слов; другие слова, выписанные из словаря Польцера и др. немецких словарей, – 290 единиц; слова, выписанные из

«Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля – 52 слова. На затруднительность достижения абсолютных квантитативных показателей указывает и М.И. Чернышёва: «Таким образом, в Предисловиях СлРЯ (с 7-го по 29-й вып.) зафиксировано **224 примера правки лексикографических материалов Срезневского**. Эта цифра весьма приблизительная, так как авторы неоднократно повторяют, что разбираются (или указываются) только некоторые случаи» [Чернышёва 2012: 101]. Во всяком случае нельзя игнорировать неясные случаи и упрощать реальную картину ради мнимой чёткости статистики.

Надо отметить, что совпадения со словарём Даля в жаргонном словаре обнаружить и доказательно оценить именно как цитаты из Даля заведомо сложнее, чем явно чуждые русскому языку выписки из немецкого словаря. Всё же можно с уверенностью констатировать, что даже на этом материале удалось доказать несостоятельность стратегий цитирования словаря Даля, использованных ранее для получения дополнительного материала, неверно оценёного современными жаргонными лексикографами, среди которых наиболее заметен вклад Д.С. Балдаева с соавторами и Л.А. Мильяненкова. Таким образом, всесторонне обоснован общий вывод о недостоверности описания всего этого материала в качестве жаргонного. Кроме того, представленная методика оценки ошибок цитирования и отбора критериев для доказательства факта неотмеченного письменного заимствования из постороннего словаря может иметь более широкое применение в будущем. Так на частном, но репрезентативном примере было доказано, что вычленение слоя компиляции позволяет не только объективно оценить достоверность отдельной словарной статьи с точки зрения текстологической преемственности, но также и верифицировать большой список лексических раритетов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сверхзадачей настоящей работы было возрождение идей и принципов источниковедения в области верификации лексикографического описания слова, демонстрация методов и приёмов источниковедения при верификации данных словарей русского языка, что должно было способствовать восстановлению единого историко-филологического контекста в деле подготовки современного лексикографа. (Решение этой двуединой задачи потребовало не только исследования успешных практик критики словаря, но и формирования подготовительных учебно-методических материалов, составивших заметную часть Приложения.)

В процессе решения этой общей задачи работы доказано, что верификация словарных данных на основе источников является обязательным условием научности и объективности описания слабо документированной лексики, её роль как ресурса для повышения филологической достоверности словаря возрастает по ряду объективных причин: ускорение издания словарей, понижение культуры работы с рукописным текстом, компьютерные ошибки и проч. Нами показана необходимость изменения методов работы с источниками лексикографических изданий с целью повышения её эффективности, в частности, нами обоснована и продемонстрирована применимость понятий графическая реконструкция, графические дублеты, непомеченный и помеченный слой компиляции, прерывистая цитата, стратегия цитирования и др.

В главе **первой** «Традиции и современные тенденции в развитии лексикографической критики» были заданы общие рамки исследования и определены базовые понятия и подходы, уточнено общее представление об объекте исследования: определено место источниковедческой критики как ресурса верификации словарных данных среди других направлений

лексикографической критики, основные категории и понятия источниковедения в приложении к лексикографии, уточнить круг проблем и причины ошибок, возникающих при описании слабо документированных слов.

В параграфе «1.1 Лексикографическая критика в системе современной лексикографии» нами были рассмотрены направления развития лексикографической критики, уточнено понимание системности критики источников словаря, типы лексикографических источников охарактеризованы применительно к задачам настоящего исследования, описаны критерии достоверности лексического материала, используемые отечественными лексикографами, детализированы причины возникновения ошибок в русских словарях.

В целом этот анализ приводит к выводу, что возвращение к традиционным приёмам критики источников, как и выработка новых приёмов верификации, настолько востребованы в лексикографии, что могут претендовать не только на осмысление специфики задач и инструментария в рамках особого направления, но и на представление источниковедческой критики в лексикографии как инструмента верификации словарных данных[36].

В параграфе «1.2. Основные категории и понятия источниковедения в приложении к лексикографии» нами уточнены основные понятия (проанализированы различные трактовки внутренней и внешней критики; первичных, промежуточных и вторичных источников; подлинности и достоверности), задачи и возможности источниковедческой критики словаря как инструмента верификации словарных данных, обоснована правомерность её распространения на лексику территориальных и социальных диалектов. Нами доказано, что словарные ошибки – это один из динамических параметров словаря, поэтому важно определить уровень достоверного знания о слове, наметить путь дальнейших поисков.

В параграфе «1.3. Проблемы верификации описания редких лексических единиц» нами детализировано понятие *слабо*

36 Данное положение соответствует специальности 10.02.19 – теория языка.

документированные слова. В частности, это призрачные слова, то есть объект особо тщательной проверки с точки зрения достоверности их фиксации. Было доказано, что выработка особых приёмов контроля корректности словарного описания предполагает обращение к экстралингвистическим данным, что неполнота данных – это постоянная характеристика малочастотного лексического материала, поэтому первоочередное значение приобретает задача **определить дефициты в описании редкого слова.**

Глава **вторая** «Методика выявления и исправления словарных ошибок. Процедура верификации данных источников словаря» имела целью уточнение предмета исследования. В ней рассмотрены общие вопросы теории ошибок, основные принципы их классификации, способы выявления ошибок и стратегии их исправления. Нами показано, каким образом научная критика словарей оперирует понятием исследовательской гипотезы, проиллюстрированы этапы её выдвижения и привлечение и оценка доказательств. Комплексное рассмотрение феномена словарной ошибки призвано заполнить явно ощутимую лакуну в методологии современной источниковедческой критики словарей как инструмента верификации словарных данных.

В параграфе «2.1. Общие вопросы теории ошибок» дана общая классификация ошибок при опоре на индивидуальный или системный подход, основные когнитивные и речевые ошибки, общая схема верификационного процесса и её отражение в критическом дискурсе исследователя. *Главной причиной ошибок как при прочтении слова, так и при понимании его лексикографического описания является пониженная избыточность словарного текста, её повышение снизит риск появления ошибок.* Доказано, что словарная ошибка в описании слабо документированного слова часто не может быть квалифицирована на основе знаний и опыта лексикографа, по этой причине обнаружение и исправление словарной ошибки

в таких случаях понимается как исследовательская задача, требующая привлечения и оценки дополнительных источников[37]. Продемонстрировано, как учёт конкретных признаков, например, однократная фиксация слова в словаре или тексте позволяет предварительно наметить список сомнительных слов.

«2.2. Процедура выявления словарной ошибки» (верификация словарных данных) была представлена в следующем удобном для алгоритмизации виде: сомнение в достоверности словарной фиксации, проверка документированности или употребительности слова, определение степени изолированности или наличия словообразовательных связей слова. Нами конкретизированы признаки, вызывающие сомнение в достоверности словарной фиксации: слабая документированность, например, однократная фиксация, отсутствие примеров употребления в речи (или наличие фальсифицированных иллюстративных примеров), словообразовательная изолированность, нарушения формата словарной записи, например, лакуны (отсутствие ударения, грамматической характеристики и др.), нарушение алфавитного порядка в расстановке слов. В целом этот анализ подтвердил положение о том, что *позиция заглавного слова, если речь идёт о записи слабо документированного слова, особенно подвержена искажениям, поскольку лишена опоры на контекст*. Заглавное слово следует дублировать в другом шрифтовом оформлении.

В параграфе «2.3. Стратегии критической проверки и исправления сомнительного описания слова» в качестве ключевого инструмента верификации были проанализированы стратегии критической проверки и исправления сомнительного описания слова. Мы рассмотрели подразумеваемый ход мысли авторов критических штудий и объясняли, как возникшее сомнение в достоверности описания слова приводит к (1) поиску гипотезы о происхождении ошибки, (2) возникает вопрос, возможна ли конъектура и если да, то в чём она должна состоять, также (3) нуждается в

37 Данный вывод соответствует специальности 10.02.19 – теория языка.

оценке рентабельность обнаружения ошибки. Таким образом, нами была эксплицирована общая схема верификационного процесса и рассмотрено его отражение в критическом дискурсе исследователя.

Показано, что выдвижение и проверка гипотезы включают: обращение к узкому контексту, поиск противоречия, выдвижение гипотезы о смешении разного уровня, обращение к широкому контексту.

Исправление ошибочного прочтения слова представляет собой последовательный перебор и оценку всего множества вероятных чтений «тёмного места». Обнаружение ошибки или недостоверности и исправление записи, внесение конъектуры требуют обоснования. Так, словообразовательная изолированность слова необычного и малоизвестного является основанием для проверки, при этом предпочтительным считается вариант написания с производными, то есть проявивший словообразовательную активность (*еле* ‘нечистая сила’ – *ёлс* ‘то же’; только последнее имеет производные).

Далее на основе оценки доступной аргументации выделены: необходимая и бесспорная конъектура и не до конца подтверждённая конъектура; конкурирующие и неподтвердившиеся гипотезы; в случае дефицита данных фиксируется остановка на этапе сомнения в достоверности. Иногда и верная локализация ошибки не всегда сопровождается бесспорным её исправлением.

Оценка рентабельности обнаружения ошибки была проведена нами на основе эксперимента: попытка обнаружения ошибки по заранее заданным параметрам методом сплошного просмотра оказалась безрезультатной. По затратам времени такой подход абсолютно неэффективен, что подтвердило необходимость поиска более совершенных приёмов.

Анализ отдельных примеров анализа показал, что для успешной верификации сомнительного или недостаточного словарного описания слова важнее чисто количественных характеристик привлечённого материала его **рациональная концентрация** и своевременный **интерпретационный маневр**,

позволяющий увидеть ключевую связь. Для того чтобы определить рамки ожиданий при поиске ошибок, было предложено описание процедуры обнаружения ошибок прочтения.

В **третьей** главе «Ошибки прочтения и копирования как объект грамматологического анализа и систематизации» ошибки прочтения были рассмотрены как объект грамматологического анализа, как объект статистического анализа, как объект текстологического анализа предшественников (то есть обобщить опыт выявления ошибок прочтения авторитетными учёными).

В параграфе «3.1. Грамматологические основы текстологического анализа сомнительных записей слабо документированных слов» мы пересмотрели оценку общей различимости русского письма в сторону повышения, показав, что более важной при выборе чтения оказывается не оценка различимости буквы в алфавите, а оценка её различимости в сопряжении с её частотой в тексте.

На основе описания русского письма Т.М. Николаевой путём дополнения списка основных элементов нами была построена схема более строгого описания конкретных случаев визуального смешения букв, характерных для беглых стилей взрослого почерка, с охватом букв, утраченных в современном алфавите.

Произведённое нами дополнение схемы формализованного описания нейтрализации графем релевантными динамическими характеристиками индивидуального письма при опоре на опыт почерковедения позволило точнее описать условия, благоприятные или неблагоприятные для различения визуально схожих букв.

В параграфе «3.2. Опыт статистического анализа сомнительных записей слабо документированных слов» были рассмотрены различные подходы к изучению ошибок на основе лингвостатистических методов. Было выяснено,

что частотность отдельных графем в различных лексических слоях (жаргонизмов, омонимичных словам общенародного словаря, и отличных от них жаргонизмов) в словаре «блатной музыки» С.М. Потапова 1927 года в ряде случаев заметно и устойчиво отличается от средних для русского языка показателей, но это не позволяет вычленить наиболее склонные к визуальному смешению графемы. (Следует подчеркнуть, что данный вопрос ранее **не изучался**.)

Корреляция между тривиальностью или экзотичностью прочтения и его выбором в условиях неопределённости стала следующим объектом анализа. Количественное изучение ошибок прочтения в этом аспекте позволило нам сделать вывод о примерном равенстве этих двух противоположных тенденций, что *не зависит от принадлежности анализируемого ошибочного материала к конкретному территориальному или социальному диалекту.* Это важно для понимания механизма возникновения ошибок прочтения. Для практических целей выявления конкретной ошибки представляется полезным учитывать, что **до половины гадательных прочтений могут оказаться экзотическими**, то есть выбираться из статистически редких чтений.

Результаты исследования количественных характеристик отдельных нейтрализуемых пар букв позволили нам приблизительно оценить вероятность определённой ошибки прочтения: 30 пар наиболее вероятных смешений букв покрывают три четверти случаев. Это важно в практическом плане для рациональной организации проверки необычных слов. Объединение ряда сходных букв (например, трёхэлементных) даёт более устойчивые результаты, нежели учёт отдельных пар букв.

В параграфе «3.3. Опыт текстологического анализа сомнительных записей слабо документированных слов в отечественной лексикографической критике» данное сопоставление позволило выйти на новый уровень обобщения: тенденция в распределении ошибок по 5 типам,

обнаруженная нами в словаре Даля и СРНГ, подтвердилась и на жаргонном материале. Как и на офенском материале, так и на жаргонном материале обнаружено устойчивое сходство в количественных характеристиках 5 типов ошибок с выявленным на материале территориальных диалектов.

Из этого сопоставления был сделан вывод о том, что распределение ошибок прочтения по пяти группам в массе *записей заглавного слова и других частей словарной статьи при описании малоупотребительных и слабо документированных слов не зависит от их принадлежности к конкретному территориальному или социальному диалекту, а также к литературному языку, а определяется условиями фиксации и копирования*.

Таким образом, на основе анализа репрезентативного материала было доказано, что алгоритмизация обнаружения конкретного типа ошибок прочтения на основе ожиданий, сформированных в результате обобщения статистических данных, вполне возможна. Она эффективно рационализирует процесс проверки реконструируемых на месте сомнительного начертания наиболее вероятных прочтений. Кроме того, она создает инструмент верификации, позволяющий на основе прошлого накопленного опыта выявления ошибок проверять полученную выборку на предмет вероятных пропусков. Таким образом, *для оптимизации поисков ошибок весьма полезен учёт статистики выявленных ошибок*.

Задачей главы **четвертой** «Опыт типологизации ошибок прочтения и копирования заглавных слов» было создание конкретной по назначению типологии ошибок, приводящих к возникновению записей несуществующих заглавных слов. Этот общий результат при всем разнообразии рассмотренных ошибок позволил объединить их вместе а одной главе.

Принципиальным для данного исследования было *разделение на ошибки восприятия и ошибки порождения*. *Это позволило учитывать (и реконструировать) причины возникновения ошибок и выработать более*

эффективные стратегии их обнаружения и исправления. В двух начальных параграфах были проанализированы ошибочные и призрачные словарные фиксации, что позволило создать типологию ошибок прочтения и записи малоизвестных слов, в которой разделены ошибки восприятия, вызванные смешением и переразложением букв, рассмотренные в параграфе «4.1. Смешение букв и групп букв как главный источник ошибок прочтения». Эта типология основана на учёте длины нейтрализуемого сегмента. Отдельно проанализированы ошибки порождения, то есть опечатки различной природы, в том числе и вызванные особенностями использования технических устройств, рассмотренные в параграфе «4.2. Опечатки в заглавном слове». Нами доказано, что типология ошибок прочтения должна быть дополнена ошибками сканирования и кодирования[38].

Новизна предлагаемой нами типологии ошибок была обусловлена рядом факторов: тем, что она опиралась на значительный объём эмпирического материала, всемерно учитывался опыт предшественников как при работе с древним, так и с новым материалом, детализировались существовавшие ранее классификации очиток на основе установления причин их возникновения, учёта динамических характеристик взрослых почерков и статистических данных, типы же ошибок рукописного и печатного текста дополнялись ошибками сканирования и кодирования, проникшими в массовую практику создания текстов.

Нами разработана типология ошибок прочтения, учитывающая статистические характеристики отдельных типов ошибок, практическая ценность которой определяется возможностями формировать на её основе более точные ожидания для обнаружения вероятных ошибок.

Отдельно в заключительном параграфе четвёртой главы «4.3. Ошибки идентификации заглавного слова» нами были проанализированы ошибки

38 Данный вывод соответствует специальности 10.02.19 – теория языка.

идентификации сокращенных записей заглавных слов и ошибочное приписывание статуса заглавного слова другому элементу словарной статьи. Эти наблюдения также позволили сформируовать более детализированное представление о вероятных ошибках идентификации записи слова.

Анализ, представленный в четвёртой главе, позволил продвинуться в изучении условий и причин возникновения различных ошибок в заглавном слове и путей их обнаружения и обоснованного исправления.

Наблюдение над ошибками записи и прочтения заглавного слова в словарях позволило подтвердить гипотезу об обязательности верификации словарных данных на основе источников для достоверной фиксации слабо документированной лексики.

Глава **пятая** «Выявление и исправление ошибочных компонентов в словарной статье» была посвящена обобщению принципов обнаружения и анализа ошибок в основных компонентах словарной статьи, как правило, получившей дополнения и уточнения *при опоре на уже проведённое уточнение написания слова и состава словарной статьи*.

Эта задача конкретизируется в следующих аспектах: а) предложить типологию ошибок в толкованиях и при интерпретации иллюстративных контекстов, а также: б) представить пути верификации грамматических помет и в) основных ограничительных помет (стилистических, географических, хронологических).

В параграфе «5.1. Принципы исправления толкования слабо документированного слова» нами были выделены типы ошибок в толковании, разбитые на две большие группы: ошибки копирования («дефектные толкования», которые разделены на 8 групп в зависимости от структурных особенностей), и ошибки интерпретации («проблемные толкования», разбитые на 5 групп в зависимости от типа неточности, возникшей в толковании). Анализ

соотношения неточного или неверного толкования с иллюстративным контекстом позволил развить закрепившееся в лексикологии различение сильных и слабых контекстов и применить его для исправления толкования. При выявлении ошибок в толковании полезно учитывать, что источником неточного толкования слабо документированного слова является обычно **абсолютизация данных единственного контекста**.

Параграф «5.2. Грамматические пометы как объект критического анализа и верификации» был посвящён анализу трудностей адекватной грамматической трактовки изолированной формы слабо документированного слова: неправильному опознанию части речи, неправильной реконструкции грамматических форм. В качестве вспомогательного инструмента верификации грамматических характеристик слабо документированного слова была разработана и предложена **таблица всех омонимичных флексий** русского литературного языка с существенными дополнениями из народных говоров.

В параграфе «5.3. Неточности, возникающие при выборе ограничительных помет, и приёмы их верификации» были проанализированы ошибки в ограничительных пометах: географических («Казан.» – вместо «Казак»), хронологических (*Колобре́жцы* – название древних балтийских славян), стилистических (*клякспапир* ‘промокательная бумага’ – не *шутл.)*.

Наблюдение над ошибками, возникающими в различных частях словарной статьи, позволило убедительно доказать, что все они так или иначе вызываются дефицитом источниковедческой критики. В частности, нами доказано, что ошибочное копирование и интерпретация помет разного назначения обычно вызывается смешением их сокращенных обозначений.

В главе **шестой** «Выявление источников словарной статьи за пределами словаря текстологическими методами» была решена задача показать пути разработки и продемонстрировать применимость ряда *текстологических*

критериев для вычленения и верификации *слоя компиляции*. Эта процедура необходима *для оценки отдельной словарной статьи с учётом её возникновения в определённой линии преемственности* с точки зрения её оригинальности и достоверности.

Параграф «6.1. Помеченный и непомеченный слои компиляции» был посвящён определению *слоя компиляции* как совокупности всех (в том числе отредактированных) цитат, взятых из одного словаря в другой, обоснованию важности выявления текстологическими инструментами связей между словарями: скрытой цитаты, ошибки цитирования, плагиата или иного рода преемственности. Это позволяет нам на основе регулярных ошибок реконструировать авторскую стратегию цитирования источника.

Наш собственный опыт вычленения и изучения более масштабных по количеству охваченных слов помеченного и непомеченного слоёв компиляции в современных сводных словарях русского уголовного жаргона был изложен в двух следующих параграфах заключительной главы.

В параграфе «6.2. Помеченный слой компиляции как носитель сведений об источниках словарной статьи» включение списка более 500 новых «слов» в русские словари было квалифицировано нами как весьма доказательный случай не вполне ясного по целям цитирования в основном немецкого жаргонного словаря 1922 г. *Выявление значительного числа слов цыганского происхождения, включенных в жаргонные словари из научных описаний без достаточных оснований, позволяет заключить, что роль цыганского фактора в формировании лексического состава русских и других жаргонов заметно переоценивалась*. В частности, нами доказано, что описания слов цыганского происхождения, включенные в русские жаргонные словари, нередко были с ошибками представлены уже в цитируемом немецком жаргонном словаре[39].

Параграф «6.3. Непомеченный слой компиляции как носитель сведений

39 Положение и вывод соответствуют специальности 10.02.19 – теория языка.

об источниках словарной статьи» был посвящён анализу весьма расплывчатого и сильно отредактированного слоя цитат из «Толкового словаря» Даля, инкорпорированных в некоторые словари жаргона. Анализ ядерной части из 44 слов, помеченных у Даля знаком вопроса, позволил разработать комплекс критериев, подтверждающий вывод о том, что данные слова не могут иметь отношения к современному русскому жаргону, то есть часть материала словаря является недостоверной. Уточнённый комплекс признаков цитирования применялся к более широкому кругу слов из непомеченного слоя компиляции, что позволило наметить также и периферийный ореол, состоящий из более или менее искажённых цитат, однозначность соотнесения которых с источником (словарём Даля) не всегда доказуема в полной мере.

Таким образом, нам удалось определить источник и доказать необоснованность включения в словари русского жаргона около 500 слов в составе выписок из немецкого словаря и более 50 слов из «Толкового словаря» В.И. Даля. Следует учесть нерешённость проблемы отдельности фантомного слова, сказавшуюся на вариативности подсчетов и затруднившую достижение абсолютной точности. Всесторонне был обоснован общий вывод о недостоверности описания всего этого материала в качестве жаргонного. Кроме того, представленная методика оценки ошибок цитирования и отбора критериев для доказательства факта письменного заимствования из постороннего словаря может иметь более заметное приложение в будущем.

Ю.Д. Апресян отмечает: «Системной лексикографией я называю теорию и практику составления словарей, трактующих лексику языка как достаточно хорошо организованную систему, т. е. как множество классов единиц с определёнными для каждого класса операциями, или правилами» [Апресян 1995: 435]. Максимально кратко определяя итог исследования, можно сказать, что в первых трёх главах были детализированы объект, предмет и основной

инструмент анализа, а в трёх следующих главах глав продемонстрировано применение данного инструмента при критике записи слова, описания слова и связей словарной статьи, что позволило предложить логически завершённую действующую схему оценки достоверности описания слова и доказать её применимость к массе трудных и неоднозначных случаев. Не в последнюю очередь этот результат достигнут вниманием к описанию системы процедур и операций верификации и уточнению условий и порядка их применения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Научные труды*

1. Алесковский, Комиссаров 2008 – *Алесковский, С.Ю.* Основы графологии [Текст] / С.Ю. Алесковский, Я.В. Комиссаров. – М.: Юрлитинформ, 2008. – 216 с.
2. Амирова 1977 – *Амирова, Т.А.* К истории и теории графемики [Текст] / Т.А. Амирова. – М.: Наука, 1977. – 192 с.
3. Антропов 2004 – *Антропов, Н.П.* К этимологии белорусских словарных уникализмов [Текст] / Н.П. Антропов // Palaeoslavica. International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology. – 2004. – Vol. XII. – № 1. – С. 137-153.
4. Апресян 1995 – *Апресян, Ю.Д.* Интегральное описание языка и системная лексикография [Текст] / Ю.Д. Апресян // Апресян Ю.Д. Избранные труды. – Т. 2. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 766 с.
5. Апресян 1999 – *Апресян, Ю.Д.* Принципы системной лексикографии и толковый словарь [Текст] / Ю.Д. Апресян // Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сборник к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. М.: ОГИ, 1999. – С. 634-650.
6. Армянов 1995 – *Армянов, Г.Л.* Българският жаргон [Текст] / Г.Л. Армянов. – София: Унив. изд-во “Св. Климент Охридски”, 1995. – 222 с.
7. Астахина 2006 – *Астахина, Л.Ю.* Слово и его источники: русская историческая лексикология: источниковедческий аспект [Текст] /

* «Список использованной литературы» включает три раздела, каждый из которых имеет свою алфавитную расстановку изданий, использующих кириллические алфавиты, а затем – латинские: «1. Научные труды» – 440 позиций (№№ 1-440), «2. Лексикографические источники» – 212 (№№ 441-653) и «3. Текстовые источники» – 69 (№№ 654-722).

Л.Ю. Астахина. – М.: Изд-во МГУП, 2006. – 365 с.

8. Астахина 2012 – *Астахина, Л.Ю.* Призрачные слова в «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И.И. Срезневского [Текст] / Л.Ю. Астахина // И.И. Срезневский и русское историческое языкознание: К 200-летию со дня рождения И.И. Срезневского: сборник статей Международной научной конференции, 26–28 сентября 2012 г. / отв. ред. И.М. Шеина, О.В. Никитин; Рязанский гос. ун-т им. С.А. Есенина. – Рязань, 2012. – С. 110-116.
9. Афанасьев- – *Афанасьев, А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. – Ч. 1-3 [Текст] / А.Н. Афанасьев. – М.: Изд. К. Солдатенкова, 1869.
10. Бабаян 1997 – *Бабаян В.Н.* Критический анализ теории дискурса в плане учета молчащего наблюдателя / В.Н. Бабаян // Ярославский педагогический вестник. – 1997. – №2. – Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 1997. – С. 30-32.
11. Баранников 1931 – *Баранников, А.П.* Цыганские элементы в русском воровском арго [Текст] / А.П. Баранников // Язык и литература. – Т. VII. – Л., 1931. – С. 139-158.
12. Бар-Селла 2005 – *Бар-Селла, З.* Литературный котлован. Проект «Писатель Шолохов» [Текст] / Зеев Бар-Селла. – М.: Изд-во РГГУ, 2005. – 462 с.
13. Бархударов, Обнорский- – *Бархударов, С.Г.* Хрестоматия по истории русского языка. Пособие для студентов высших пед. учебн. заведений [Текст] / С.Г. Бархударов, С.П. Обнорский. – Ч. I. – Л.; М.: Учпедгиз, 1938. – 320 с.; Ч. II. – Вып. 1. – Л.; М.: Учпедгиз, 1949. – 292 с.; Ч. II. – Вып. 2. – Л.; М.: Учпедгиз, 1948. – 342 с.
14. Бахтурина 1975 – *Бахтурина, Р.В.* Словоуказатели к древнерусским памятникам письменности различных эпох [Текст] / Р.В. Бахтурина // Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии. – Вып. 3. – М., 1975. – С. 51-55.

15. Беликов 1996 – *Беликов, В.И.* [Рец.:] Мокиенко В.М. Словарь бранной лексики (матизмы, обсценизмы, эвфемизмы с историко-этимологическим? комментариями). Berlin: Dieter Lenz Verlag, 1995. – XXV, 151 с. [Текст] / В.И. Беликов // Русистика сегодня. – № 3/96. – М., 1996. – С. 119-138.
16. Беликов 2005 – *Беликов, В.И.* Национальная идея и культура речи [Текст] / В.И. Беликов // Отечественные записки. – № 2 (23). – М., 2005. – С. 47-66.
17. Бельчиков 1983 – *Бельчиков, Н.Ф.* Литературное источниковедение [Текст] / Н.Ф. Бельчиков. – М.: Наука, 1983. – 272 с.
18. Бердинских 2009 – *Бердинских, В.А.* Ремесло историка в России [Текст] / В.А. Бердинских. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 604 с.
19. Березович 2014 – *Березович, Е.Л.* О современных задачах семантико-мотивационной реконструкции народной топонимии [Текст] / Е.Л. Березович // Вопросы языкознания. – 2014. – № 2. – С. 89-109.
20. Боброва 2014 – *Боброва, М.В.* О фантомах в диалектной фразеографии: к постановке вопроса [Текст] / М.В. Боброва // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология.– 2014. – Вып. 3 (27). – С. 94-103.
21. Бобунова 2004 – *Бобунова* М.А. Фольклорная лексикография: Становление, теорет. и практ. результаты, перспективы [Текст] / М.А. Бобунова. Курск: [Изд-во Курск. гос. Ун-та], 2004. – 240 с.
22. Богин 2001 – *Богин, Г.И.* Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику [Электронный ресурс] / Георгий Исаевич Богин. – Тверь: [без изд-ва], 2001. – 758 с. – Режим доступа: http://www.klex.ru/2s6, дата обращения: 28.09.2015.
23. Богородицкий 1915 – *Богородицкий, В.А.* Лекции по общему языковедению [Текст] / В.А. Богородицкий. – 2-е изд. – Казань: Типо-лит. ун-та, 1915. – 332 с.
24. Богородицкий 1935 – *Богородицкий, В.А.* Общий курс русской грамматики

[Текст] / В.А. Богородицкий. − М.; Л.: Гос. соц. экон. изд-во, 1935. – 354 с.

25. Бодуэн- – Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию [Текст] / И.А. Бодуэн де Куртенэ. – Том 1-2. – М.: Изд-во АН СССР, 1963.
26. Болдырева 2010 – *Болдырева, Ю.А*. Русская лексика в сочинениях С. Герберштейна. Специальность: 10.02.20 – «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» . Автореф. диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук [Текст] / Ю.А. Болдырева. – Москва, 2010. – 18 с.
27. Бондалетов 1980 – *Бондалетов, В.Д*. Условные языки русских ремесленников и торговцев. Словопроизводство [Текст] / В.Д. Бондалетов. – Рязань: РГПИ, 2000. – 104 с.
28. Бондалетов 2004 – *Бондалетов, В.Д*. В.И. Даль и тайные языки в России [Текст] / В.Д. Бондалетов. – М.: Флинта, 2004. – 454 с.
29. Бондалетов 2005 – *Бондалетов, В.Д*. В.И. Даль и тайные языки в России [Текст] / В.Д. Бондалетов. – 2-е изд. – М.: Флинта, 2005. – 454 с.
30. Бонди 1978 – *Бонди, С.М.* Черновики Пушкина: Статьи 1930–1970 гг. [Текст] / С.М. Бонди. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 1978. – 231 с.
31. Боричевский 1850 – *Боричевский, И*. Обозрение губернских ведомостей с 1842 по 1847 г. Статья пятая. Языкознание [Текст] / И.П. Боричевский // Журнал министерства народного просвещения. – 1850. – Ч. LXV. – Февраль. – Отд. VI. – С. 133-164.
32. Брысина 2011 – *Брысина, Е.В*. Лексические диалектизмы в составе донских диалектных форм [Текст] / Е.В. Брысина // «И нежный вкус родимой речи...»: сб. науч. трудов, посв. юбилею доктора филол. наук, проф. Л.А. Климковой. – Арзамас: АГПИ, 2011. – С. 41-44.
33. Будыкина 2011 – *Будыкина, В.Г.* Словари педагогических терминов в британской и американской лексикографической традиции. Критический анализ [Текст] / В.Г. Будыкина // General and Professional Education. –

2011. – № 4. – P. 8-12.

34. Бурыкин 1998 – *Бурыкин, А.А*. Рец.: Контактологический энциклопедический словарь-справочник. Выпуск 1. Северный регион. М.: «АЗЪ», 1994 / А.А. Бурыкин // Русистика сегодня. – 1998. – № 1-2. – С. 211-214.

35. Булич 1904 – *Булич, С.К*. Очерк истории языкознания в России [Текст] / С.К. Булич. – Т. I. XIII в. – 1825. – СПб.: Типографія М. Меркушева, 1904. – 1248 с.

36. Буринский 2002 – *Буринский, Е.Ф*. Судебная экспертиза документов, производство её и пользование ею [Текст] / Е.Ф. Буринский. – М.: ЛексЭст, 2002. – 414 с. (Серия: Антология криминалистики.)

37. Варбот 2009 – *Варбот, Ж.Ж*. Из опыта диалектной этимологии [Текст] / Ж.Ж. Варбот // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Мат. междунар. науч. конф. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2009. – С. 41-42.

38. Варбот 2012 – *Варбот, Ж.Ж*. Исследования по русской и славянской этимологии [Текст] / Ж.Ж. Варбот. – Москва: [без изд-ва]; СПб.: Нестор-История, 2012. – 644 с.

39. Васильев, Захарова 2008 – *Васильев, А.Д*. [Рец.:] Астахина Л.Ю. Слово и его источники: Русская историческая лексикология: источниковедческий аспект [Текст] / Послесл. Ю.Н. Филипповича. – М.: МГУП, 2006. – 368 с. – Книга в комплекте с CD ROM [Текст] / А.Д. Васильев, Л.А. Захарова // Вестник Томского государственного университета . – Филология. – 2008. – №3(4). – С. 117-121.

40. Вепрева 2004 – *Вепрева, И.Т*. О некоторых особенностях наивной лексикографии [Текст] / И.Т. Вепрева // Русский язык сегодня. – Вып. 3. Проблемы русской лексикографии. – М.: ПИК ВИНИТИ, 2004. – С. 55-64.

40. Верещагин 1996 – *Верещагин, Е.М*. Исследование источников по истории книжно-письменного языка Древней Руси [Текст] / Е.М. Верещагин // Вестник РГНФ. – 1996. – № 1. – С. 214.

41. Веселитский 1972 – *Веселитский, В.В*. Отвлечённая лексика в русском литературном языке XVIII – начала XIX века [Текст] / В.В. Веселитский. – М.: Наука, 1972. – 350 с.

42. Винер 1983 – *Винер Н*. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине [Текст] / Пер. с англ. И.В. Соловьева и Г.Н. Поварова; Под ред. Г.Н. Поварова. – 2-е изд. – М.: Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. – 344 с.

44. Виноградов 1968 – *Виноградов, В.В*. Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры [Текст] / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1968. – № 1. – С. 3-22.

45. Виноградов-Ia – *Виноградов, В.В*. О некоторых вопросах русской исторической лексикологии [Текст] / В.В. Виноградов // *Виноградов В.В*. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – С. 69-94.

46. Виноградов-Ic – *Виноградов, В.В*. О некоторых вопросах теории русской лексикографии [Текст] / В.В. Виноградов // *Виноградов В.В*. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – С. 243-264.

47. Винокур 1965 – *Винокур, Т.Г*. О языке и стиле повести А.И. Солженицына *Один день Ивана Денисовича* [Текст] / Т.Г. Винокур // Вопросы культуры речи. – Вып. VI. – М.: Наука, 1965. – С. 16-32.

48. Влавацкая 2013 – *Влавацкая, М.В*. «User's needs» как требования к составлению англо-русского учебного комбинаторного словаря [Текст] М.В. Влавацкая // Вопросы лексикографии. – 2013. – № 2 (4). – С. 32-40.

49. Волоцкая, Молошная, Николаева 1964 – *Волоцкая, З.М.* Опыт описания русского языка в его письменной форме [Текст] / З.М. Волоцкая, Т.Н. Молошная, Т.М. Николаева. – М.: Наука, 1964. – 188 с.

50. Вольф 1979 – *Вольф, Е.М*. Прилагательное в тексте («Система языка» и «картина мира») [Текст] / Е.М. Вольф // Лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1979. – С. 118-135.

51. Выренкова, Полинская, Рахилина 2014 – *Выренкова, А.С.* Грамматика ошибок и грамматика конструкций: «эритажный» («унаследованный») русский язык [Текст] / А.С. Выренкова, М.С. Полинская, Е.В. Рахилина // Вопросы языкознания. – 2014. – № 3. – С. 3-19.
52. Гаева 2010 – *Гаева (Ковалёва), Е.В.* Недоблуды и переблуды [Текст] / Е.В. Гаева (Ковалёва) // Лесковиана. – Т. 3: Творчество Н.С. Лескова в современном изучении: Международный сборник научных трудов: Материалы третьей международной интернет-конференции / науч. ред. Д.В. Неустроев. – М.; Орёл: НИП «ВФК», 2010. – С. 67-85.
53. Гамкрелидзе 1999 – *Гамкрелидзе, Т.В.* Типология письма как знаковой системы [Текст] / Т.В. Гамкрелидзе // Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сборник к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. – М.: ОГИ, 1999. – С. 666-678.
54. Ганапольская 2007 – *Ганапольская, Е.В.* Пушкин, Библия и Остап Бендер в тексте современного российского детектива [Текст] / Е.В. Ганапольская // Проблемы истории, филологии, культуры. – Магнитогорск: МаГУ, 2007. – № 18. – С. 256-264.
55. Гарусова 2008 – *Гарусова, Е.В.* Интерпретативные позиции переводчика как причина вариативности перевода: автореф. дис. … канд. филол. наук [Текст] / Е.В. Гарусова. – Тверь: [без изд-ва], 2007. – 16 с.
56. Гильфердинг 1855 – *Гильфердинг, А.Ф.* История балтийских славян. – Т. 1. Древнейшая история балтийский славян, до Карла Великого, их быт и верования, общие их отношения к средневековой Германии [Текст] / А.Ф. Гильфердинг. – М.: тип. Готье, 1855. – X, 322 с.
57. Голев 2000 – *Голев, Н.Д.* Ошибка или описка – что хуже? (к основаниям теории функциональной орфографии русского языка) [Текст] / Н.Д. Голев // Речевое общение: специализированный выпуск/ Красноярский университет; под ред. А.П. Сковородникова [Электронный ресурс]. – Вып. 3 (11). – Красноярск, 2000. – С.36-43. – Режим доступа:

lingvo.asu.ru›golev/articles/v97.html (дата обращения: 22.09.2015).

58. Голубкова 2011 – *Голубкова, О.Н.* Проблемы моделирования педагогической технологии выявления интерпретационной позиции переводчика [Текст] / О.Н. Голубкова // Вопросы лингвистики, педагогики и методики преподавания иностранных языков. Юбилею Удмуртского государственного университета и Института иностранных языков и литературы посвящается / под ред. Н.И. Пушиной, Н.В. Маханьковой. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2011. – С. 18-32.

59. Гольдин 2003 – *Гольдин, В.Е.* Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения [Текст] / В.Е. Гольдин // Аванесовский сборник. – М.: Наука, 2003. – С. 58-64.

60. Гордієнко 2011 – *Гордієнко, Н.* Сучасна лексикографія як об'єкт лінгвістики [Текст] / Наталія Гордієнко // Українська мова. – 2011. – No 3. – С. 67-73.

61. Горский 2014 – *Горский,* А.А. Свидетели путешествия Плано Карпини: уникальная информация и ошибки прочтения [Текст] / А.А. Горский // Древняя Русь. – 2014. – № 3 (57). – С. 115-121.

62. Грачёв 1997 – *Грачёв, М.А.* Русское арго: Монография [Текст] / М.А. Грачёв. – Нижний Новгород, 1997. – 246 с.

63. Грачёв 2009 – *Грачёв, М.А.* Русская воровская кличка. Мифы и реальность [Текст] / М.А. Грачёв. – М.: Изд-во ЭЛПИС, 2009. – 336 с.

64. Грачёв 2011 – *Грачёв, М.А.* Основы словаря «Клички криминальных сообществ» [Текст] / М.А. Грачёв // Русский язык и проблемы современного образования. – Вып. 3. – Архангельск: НПЦ САФУ, 2012. – С. 111-123.

65. Греч 1839 – *Греч, А.Н.* Справочное место русского слова. Четыреста поправок [Текст] / А.Н. Греч. – СПб.: Тип. Н. Греча, 1839. – X, 112 с.

66. Греч 1843 – *Греч, А.Н.* Справочное место русского слова. Четыреста пятьдесят поправок, с руководством к употреблению буквы Ѣ [Текст] / А.Н. Греч. – СПб.: Тип. Н. Греча, 1843. – VI, 140 с.

67. Грищенко 2013 – *Грищенко, А.И.* Русские этнонимы и смежные с ними лексические категории в толковых словарях [Текст] / А.И. Грищенко // Вопросы ономастики. – 2013. – № 2 (15). – С. 146-163.

68. Грот 1885-2 – *Грот, Я.К.* Филологические разыскания [Текст] / Я.К. Грот. – 2-е изд. – Т. 2. – СПб.: Тип. ИАН, 1885. – XII, 520 с.

69. Грот 1899-2 – *Грот, Я.К.* Труды. – Т. 2. Филологические разыскания [Текст] / Я.К. Грот. – 3-е изд. – СПб.: Тип. МПС, 1899. – XVI, 940 с.

70. Данилевский 1999 – *Данилевский, И.Н.* Пустые множества [Электронный ресурс] / И.Н. Данилевский. – Режим доступа: http:/fatus.chat.ru/danilev.html (дата обращения: 22.09.2015).

71. Данилевский и др. 1998 – *Данилевский, И.Н.* Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники по русской истории [Текст] / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: РГГУ, 1998. – 702 с.

72. Дебренн 2006 – *Дебренн, М.* Место межъязыковой девиатологии в общей теории ошибок [Электронный ресурс] / Мишель Дебренн. – Режим доступа: http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2006/materials/html/Debrenne.htm (дата обращения: 22.09.2015).

73. Дмитриев 1931 – *Дмитриев, Н.К.* Турецкие элементы в русских арго [Текст] / Н.К. Дмитриев // Язык и литература. – Т. VII. – Л., 1931. – С. 161-179. Добродомов 1963 – *Добродомов, И.Г.* Абитуриент [Текст] / И.Г. Добродомов // Этимологические исследования по русскому языку. – Вып. IV. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. – С. 20-23.

74. Добродомов 1975 – *Добродомов, И.Г.* Проблемы филологической достоверности слова в словарях [Текст] / И.Г. Добродомов // Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии. – Вып. 4. – 1975. – С. 29-32.

75. Добродомов 1979 – *Добродомов, И.Г.* К проблеме семантической идентификации редких слов в памятниках письменности [Текст] /

И.Г. Добродомов // Исследования по семантике русского языка. – Уфа: Изд-во БашГУ, 1979. – С. 82-90.

76. Добродомов 1982 – *Добродомов, И.Г.* Призрачные слова в текстах и словарях [Текст] / И.Г. Добродомов // Тезисы докладов Всесоюзной конференции «Задачи изучения русской лексики и фразеологии». – Орел: ОГПИ, 1982. – С. 180-182.

77. Добродомов 1983 – *Добродомов, И.Г.* Грамматическая и лексическая семантика в старинном тексте (призрачное слово ***ирп*** и хронология слова ***сырп***) [Текст] / И.Г. Добродомов // Грамматическая семантика русского языка. – Вологда: Изд-во Вологодского ГПИ, 1983. – С. 53-54.

78. Добродомов 1986 – *Добродомов, И.Г.* Об одном историко-этимологическом каламбуре [Текст] / И.Г. Добродомов // Лексическая и словообразовательная семантика в русском языке (Межвузовский сборник научных трудов). – Ставрополь, 1986. – С. 41-58.

79. Добродомов 1988 – *Добродомов, И.Г.* Несобранные слова русского языка (на материале произведений Н.С. Лескова) [Текст] / И.Г. Добродомов // История слова в текстах и словарях. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина; Ставрополь: СГПИ, 1988. – С. 21-36.

80. Добродомов 1993 – *Добродомов, И.Г.* Город Коломна (топонимический этюд с источниковедческими экскурсами) [Текст] / И.Г. Добродомов // Топонимия России. – М., 1993. – С. 55–73.

81. Добродомов 1999а – *Добродомов И.Г.* О «призрачных» словах [Текст] / И.Г. Добродомов // Русская речь. – 1999. – № 1. – С. 101-106.

82. Добродомов 2002а – *Добродомов И.Г.* Проблема филологической достоверности материала в исторических исследованиях // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – № 4 (10). – М., 2002. – С. 5-20.

83. Добродомов 2003 – *Добродомов, И.Г.* Как *барбон* породнился с *Бурбоном* [Текст] / И.Г. Добродомов // Русская речь. – 2003. – № 1. – С. 103-110.

84. Добродомов 2004 – *Добродомов, И.Г.* Об ошибках орфографического

словаря [Текст] / И.Г. Добродомов // Лексическая и грамматическая семантика. Памяти профессора М.И. Задорожного. – Орехово-Зуево: МГОПИ, 2004. – С. 91-93.

85. Добродомов 2009a – *Добродомов, И.Г.* Историко-этимологические каламбуры и филологическая достоверность лексико-фразеологического материала [Текст] / И.Г. Добродомов // Вопросы языкознания. – 2009. – № 4. – С. 92-109.

86. Добродомов 2009b – *Добродомов, И.Г.* Проблемы этимологии в нормативной лексикографии [Текст] / И.Г. Добродомов. – Магадан: Изд-во СВГУ, 2009. – 32 с.

87. Добродомов 2010 – *Добродомов, И.Г.* Об одном призрачном слове у В.И. Даля (вклад Ахмеда Ибн Фадлана и О.И. Сенковского в русскую лексику) [Текст] / И.Г. Добродомов // Владимир Даль в счастливом доме на Пресне. – М.: Academia, 2010. – С. 99-108.

88. Добродомов, Пильщиков 2008 – *Добродомов, И.Г.* Лексика и фразеология «Евгения Онегина»: Герменевтические очерки/ И.Г. Добродомов, И.А. Пильщиков. – М.: Языки слав. культур, 2008. – 312 с. (Philologica russica et speculativa; T. VI.)

89. Добродомов, Шаповал 2005b – *Добродомов, И.Г.* Проблемы оценки достоверности описания диалектного слова в жаргонных словарях [Текст] / И.Г. Добродомов, В.В. Шаповал // Языковые значения, формы и категории. Сб. научн. статей к 70-летию проф. В.И. Фурашова. – Владимир: ВГПУ, 2005. – С. 43-46.

90. Добродомов, Шаповал 2011 – *Добродомов, И.Г.* Реальные и призрачные слова из мира подарков [Текст] / И.Г. Добродомов, В.В. Шаповал // Слова. Концепты. Мифы. К 60-летию Анатолия Фёдоровича Журавлёва / Отв. ред. Г.К. Венедиктов. – М.: РГГУ, 2011. – С. 97-115.

91. Долопчёв 1909 – *Долопчёв, В.Р.* Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи: [Замечания о произношении в Южной России] [Текст] /

В.Р. Долопчёв. – 2-е изд., пересмотр. и доп. – Варшава: тип. К. Ковалевского, 1909. – [2], VIII, 332 с.

92. Дормашев, Романов 1995 – *Дормашев Ю.Б.* Психология внимания [Текст] / Ю.Б. Дормашев, В.Я. Романов. – М.: Тривола, 1995. – 347 с. (Программа «Обновление гуманитарного образования в России»).

93. Дубичинский 2008 – *Дубичинский, В.В*. Лексикография русского языка: учеб. пособие [Текст] / В.В. Дубичинский. – М.: Наука: Флинта, 2008. – 432 с.

94. Дубичинский 2009 – *Дубичинский, В.В*. Основные функции словарей [Текст] / В.В. Дубичинский // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сб. науч. тр. – Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2009. – С. 3-6.

95. Дудин 2012 – *Дудин, А.А*. И.И. Срезневский и изучение русских народных говоров: заметки по лингвистическому источниковедению (лексикографические материалы М.Н. Макарова) [Текст] / А.А. Дудин // И.И. Срезневский и русское историческое языкознание: К 200-летию со дня рождения И.И. Срезневского: сборник статей Международной научной конференции, 26–28 сентября 2012 г. / отв. ред. И.М. Шеина, О.В. Никитин; Рязанский гос. ун-т им. С.А. Есенина. – Рязань, 2012. – С. 177-181.

96. Дьячок 2000 – *М.Т. Дьячок.* Диалектная лексика в современных русских арго [Текст] / М.Т. Дьячок // Наука. Университет. 2000. Материалы Первой научной конференции. – Новосибирск: НГУ, 2000. – С. 69-72.

97. Ейгер 1989 – *Ейгер, Г.В.* Механизм контроля языковой правильности высказывания: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / Г.В. Ейгер. – М., 1989. – 51 с.

98. Ейгер 1990 – *Ейгер, Г.В.* Механизмы контроля языковой правильности высказывания [Текст] / Г.В. Ейгер. – Харьков: Основа, 1990. – 184 с.

99. Ерёмина 2012 – *Ерёмина, Н.К*. Лексика и фразеология компьютерного подъязыка. Специальности: 10.02.19 – теория языка, 10.02.01 – русский язык. Автореф. диссертации на соискание учёной степени кандидата

филологических наук [Текст] / Н.К. Ерёмина. – Тамбов, 2012. – 26 с.

100. Еськова 2003 – *Еськова, Н.А.* Лексикографические заметки [Текст] / Н.А. Еськова // Аванесовский сборник. Антология. – М.: Наука, 2003. – С. 396-400.

101. Жижина 2006 – *Жижина, М.В.* Судебно-почерковедческая экспертиза [Текст] / М.В. Жижина. – М.: Юрлитинформ, 2006. – 176 с.

102. Журавлёв-1/7 – *Журавлёв, А.Ф.* Лексикографические фантомы. 1: СРНГ, А-З [Текст] / А.Ф. Журавлёв // Dialectologia slavica: Сборник к 85-летию Самуила Борисовича Бернштейна: Исследования по славянской диалектологии. 4. – М.: [ИСл РАН], 1995. – С. 183-193; Лексикографические фантомы. 2: СРНГ, И-К [Текст] / А.Ф. Журавлёв // Слово и культура: Памяти Никиты Ильича Толстого. – Т. 1. – М.: Издательство «Индрик», 1998. – С. 93-104; Лексикографические фантомы. 3. СРНГ, Л-М [Текст] / А.Ф. Журавлёв // Слово во времени и пространстве (К 60-летию профессора В. М. Мокиенко). – СПб.: Фолио-Пресс, 2000. – С. 265-282; Лексикографические фантомы. 4: СРНГ, Н-О [Текст] / А.Ф. Журавлёв // Исследования по славянской диалектологии. – 7. Славянская диалектная лексика и лингвогеография. – М.: [ИСл РАН], 2001. – С. 265-281; Лексикографические фантомы. 5. СРНГ, О – П [Текст] / А.Ф. Журавлёв // Аванесовский сборник. Антология. – М.: Наука, 2003. – С. 382-289; Лексикографические фантомы. 6. СРНГ, П [Текст] / А.Ф. Журавлёв // Известия Уральского государственного университета. – 2001. – № 20. – С. 172-178; Лексикографические фантомы. 7. СРНГ, П [Текст] / А.Ф. Журавлёв // Исследования по славянской диалектологии. – 8. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. – М.: [ИСл РАН], 2002. – С. 120-131.

103. Журавлёв-9 – *Журавлёв, А.Ф.* Лексикографические фантомы. 9. СРНГ, *Р* [Текст] / А.Ф. Журавлёв // Palaeoslavica. – Cambridge, 2012. – XX. – No. 1.

– P. 261-276.

104. Жураев – *Жураев, Э.* Литературное источниковедение и текстология. История узбекской лексикографии [Электронный ресурс] / Элбек Жураев. – Режим доступа: http://sconference.org/publ/nauchno_prakticheskie_konferencii/filologicheskie_nauki/literaturnoe_istochnikovedenie_i_tekstologija/11-1-0-1460 (дата обращения: 22.09.2015).

105. Зайковская 1993 – *Зайковская, Т.В.* Можно мозжечёкнуться [Текст] / Т.В. Зайковская // Русская речь. – 1993. – № 6. – С. 40-43.

106. Залевская 1999 – *Залевская А.А.* Введение в психолингвистику [Текст] / А.А Залевская. – М.: РГГУ, 1999. – 382 с.

107. Залевская 2008 – Залевская А.А. Речевая ошибка как инструмент научного исследования [Текст] / А.А Залевская // Вопросы психолингвистики. – 2008. – № 8. – С. 6-22.

108. Зализняк 2009 – *Зализняк, А.А.* Из заметок о любительской лингвистике [Текст] / А.А. Зализняк. – М.: Русскій міръ, 2009. – 240 с.

109. Зеленин 1904 – *Зеленин, Д.К.* Дополнительные и критические замечания о Вятской лексике. (Приложение к «Отчету о диалектологической поездке в Вятскую губернию») [Текст] / Д.К. Зеленин // Сборник Отделения русского языка и словесности ИАН. – 1904. – Т. 76. – № 2. – С. 1-189.

110. Золотова 2007 – *Золотова, Г.А.* Лексикографические заметки [Текст] / Г.А. Золотова // Язык в движении. – М.: Языки слав. культуры, 2007. – С. 194-200.

111. Зубова 1998 – *Зубова, Л.В.* «Окоём» в поэме М. Цветаевой «Крысолов» [Текст] / Л.В. Зубова // Русистика сегодня. – 1998. – № 1-2. – С. 151-164.

112. Иванов 2012 – *Иванов, С.В.* К типологии ошибок на материале русского перевода немецкого «Сказания об антихристе» / С.В. Иванов // Индоевропейское языкознание и классическая филология-XVI (чтения памяти И.М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 18–20 июня 2012 г. / Отв. редактор Н.Н. Казанский. – СПб.:

Наука, 2012. – С. 283-306.

113. Иеронова 2007 – *Иеронова, И.Ю.* Эрратологический аспект профессиональной подготовки будущего лингвиста-переводчика [Текст] / И.Ю. Иеронова // Вестник Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта. – 2007. – No 2. – С. 6-16.

114. Ильющеня 2008 – *Ильющеня, Т.А.* Системное описание глагольной терминологической номинации в учебном компьютерном дискурсе. Специальность: 10.02.21 – прикладная и математическая лингвистика. Автореф. диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук [Текст] / Т.А. Ильющеня. – Тюмень, 2008. – 24 с.

115. Исаченко 1957 – *Исаченко, А.В.* О книге П.Я. Черных «Очерк русской исторической лексикологии» [Текст] / А.В. Исаченко // Вопросы языкознания. – 1957. – № 3. – С. 119-127.

116. История 2001 – История русской лексикографии [Текст] / ред. Ф.П. Сороколетов. – СПб.: Наука, 2001. – 610 с.

117. Камчатнов 2000 – *Камчатнов, А.М.* О русской орфографии [Текст] / А.М. Камчатнов // Слова, слова, слова... – Смоленск: СГПУ, 2000. – С. 96-100.

118. Каравашкин, Юрганов 2005 – *Каравашкин, А.В.* Регион Докса: Источниковедение культуры [Текст] / А.В. Каравашкин, А.Л. Юрганов. – М.: РГГУ, 2005. – 210 с.

119. Карпова 2010 – *Карпова О.М.* Английская лексикография: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений [Текст] / О.М. Карпова. – М.: Академия, 2010. – 176 с.

120. Карпова, Счётчикова 1997 – *Карпова О.М.* К проблеме регистрации «ghost words» в словарях различных типов [Текст] / О.М. Карпова, Н.В. Счётчикова // Лексика. Лексикография. [Текст] / Отв. ред. Ю.Г. Коротких. – М., 1997. – С. 25-33.

121. Кибрик 1972 – *Кибрик, А.Е.* Методика полевых исследований: к постановке

проблемы [Текст] / А.Е. Кибрик. – М.: Изд-во МГУ, 1972. – 168 с. (Публикации ОСиПЛ. Серия монографий. Вып. 10.)

122. Киров 2008 – *Киров, Е.Ф.* Графика языка как вторичная семиотическая система [Текст] / Е.Ф. Киров // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия: Филологическое образование. – 2008. – № 1. – С. 53-59.

123. Кобрин 1985 – *Кобрин, Р.Ю.* Опыт семантической классификации словарей [Текст] / Р.Ю. Кобрин // Теоретические проблемы научно-технической терминологии и практики перевода. Тезисы Зональной конф. 4-5 июня 1985 г./ Отв. ред. Л.Б. Ткачева. – Омск: [без из-два], 1985. – С. 70–85.

124. Ковалёв 2005 – *Ковалёв, Г.Ф.* Обсценная лексика в оценке писателей иучёных [Текст] / Г.Ф. Ковалёв // Седьмые Поливановские чтения. – Ч. 2. – Смоленск: СГПУ, 2005. – С. 264-283.

125. Ковтун 1963 – *Ковтун Л.С.* Русская лексикография эпохи средневековья [Текст] / Л.С. Ковтун. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – 446 с.

126. Ковтунова 2010 – *Ковтунова, Н.И.* Несобственно прямая речь в языке русской литературы конца XVIII – первой половины XIX в. [Текст] / Н.И. Ковтунова. – М.: Азбуковник, 2010. – 285 с.

127. Козырев, Черняк 2004 – *Козырев, В.А.* Русская лексикография. Пособие для вузов [Текст] / В.А. Козырев, В.Д. Черняк. – М.: Дрофа, 2004. – 288 с.

128. Колшанский 1980 – *Колшанский, Г.В.* Контекстная семантика [Текст] / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1980. – 152 с.

129. Костючук 2001 – *Костючук, Л.Я.* К судьбе слова в русском языке конца XX века [Текст] / Л.Я. Костючук // Функционирование стандартных и субстандартных языковых единиц: сборник научных трудов, посвящённый памяти проф. Б.Б. Максимова. – Магнитогорск: МаГУ, 2001. – С. 140-147.

130. Костючук 2009 – *Костючук, Л.Я.* От соблюдения принципа полноты при сборе и обработке материалов народной речи к интерпретации

уникальных фактов (к специфике работы над Псковским областным словарём и Лексическим атласом русских народных говоров) [Текст] Л.Я. Костючук // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. – 2009. – № 3. – С. 83-86.

131. Котков 1964 – *Котков, С.И.* О предмете лингвистического источниковедения [Текст] / С.И. Котков // Источниковедение и история русского языка. – М.: Наука, 1964. – С. 3-13.

132. Котков 1980 – *Котков, С.И.* Лингвистическое источниковедение и история русского языка [Текст] / С.И. Котков. – М.: Наука, 1980. – 293 с.

133. Кочай 2012 – *Кочай, Мир Сахиб Джан*. Типология речевых неудач в учебных письменных русских текстах студентов-носителей пушту. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. пед. наук [Текст] / Кочай Мир Сахиб Джан. – Москва, 2012. – 18 с.

134. Краснянский 2007 – *Краснянский В.В.* К проблеме орфографии текстов И.А. Бунина [Текст] / В.В. Краснянский // Иван Бунин и Общество любителей российской словесности: сб. научн. трудов; сост., Клейменова Р.Н., Пикулева Г.И. – М.: Academia; 2007. – С. 313- 324.

135. Крысин 1994 – *Крысин, Л.П.* Эвфемизмы в современной русской речи [Текст] / Л.П. Крысин // Русистика. – Берлин, 1994. – № 1-2. – С. 28-49.

136. Крысин 2003 – *Крысин, Л.П.* Заметки об иноязычных словах [Текст] / Л.П. Крысин // Аванесовский сборник. Антология. – М.: Наука, 2003. – С. 323-329.

137. Крысин 2004 – *Крысин, Л.П.* Типы лексикографической информации в русской части Большого русско-украинского словаря [Текст] / Л.П. Крысин // Русский язык сегодня. – Вып. 3. – М.: ПИК ВИНИТИ, 2004. – С. 149-165.

138. Крысин 2004а – *Крысин, Л.П.* Русское слово, свое и чужое [Текст] / Л.П. Крысин. – М.: Языки слав. культур, 2004 – 883 с. (Studia philologica).

139. Крысин 2008а – *Крысин, Л.П.* Слово в современных словарях и текстах // Л.П. Крысин. – М.: Знак, 2008. – 320 с. (Studia philologica).

140. Крысин 2011 – *Крысин, Л.П.* Рассказы о русских словарях: книга для учащихся [Текст] / Л.П. Крысин. – М.: Русское слово, 2011. – 221 с.

141. Крысько 2014 – *Крысько, В.Б.* Маргиналии к «Этимологическому словарю славянских языков» (вып. 34-38) [Текст] / В.Б. Крысько // Вопросы языкознания. – 2014. – № 1. – С. 100– 119.

142. Крючкова 2012 – *Крючкова, Л.Л.* Словарные материалы Г.С. Новикова-Даурского как источник для русской исторической лексикологии: Дис... канд. филолог. наук: Специальность 10.02.01 – русский язык [Текст] / Л.Л. Крючкова. – Москва, 2012. – 410 с.

143. Крючкова 2012а – *Крючкова, Л.Л.* Словарные материалы Г.С. Новикова-Даурского как источник для русской исторической лексикологии: Автореф. дис... канд. филолог. наук: Специальность 10.02.01 – русский язык [Текст] / Л.Л. Крючкова. – Москва: [без изд-ва], 2012. – 17 с.

144. Кузнецова, Сороколетов 1997 – *Кузнецова, О.Д.* Семантическая характеристика слов в диалектном словаре [Текст] / О.Д. Кузнецова, Ф.П. Сороколетов // Проблемы лексикографии. Сб. статей. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. – С. 28-40.

145. Кузнецова, Сороколетов 2003 – *Кузнецова, О.Д.* К типологии диалектных словарей [Текст] / О.Д. Кузнецова, Ф.П. Сороколетов // Аванесовский сборник. Антология. – М.: Наука, 2003. – С. 378-381.

146. Кукушкина 1998 – *Кукушкина, О.В*. Основные типы речевых неудач в русских письменных текстах [Текст] / Ольга Владимировна Кукушкина; МГУ им. М. В. Ломоносова. Филол. фак. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 285 с.

147. Кювлиева-Мишайкова 1996 – *Кювлиева-Мишайкова, В*. Неофит Рилски – основоположник на българската лексикография [Текст] / Проф. д-р Веса Кювлиева-Мишайкова // Лингвистични студии за Македония / Иван Кочев (съст.). – София: МНИ, 1996. – С. 76-126.

148. Лаврентьев 2011 – *Лаврентьев, А.М.* Исследование пунктуации и графической сегментации средневековых рукописей с использованием электронных транскрипций и поисковой машины Weblex [Текст] / А.М. Лаврентьев // Письменное наследие и современные информационные технологии. El' Manuscript-09-WS. Ижевск, 12-15 октября 2009 г. Сб. статей лекторов международной научной школы для молодежи. – Ижевск: Удмуртия, 2011. – С. 55-75.
149. Ламанский 1869 – *Ламанский, В.В.* Непорешённый вопрос. Статья II. Болгарское наречие и письменность в XVI-XVII в. [Текст] / В.В. Ламанский // Журнал министерства народного просвещения. – 1869. – Кн. 144. – С. 84-123.
150. Ларин 1931 – *Ларин, Б.А.* Западноевропейские элементы русского воровского арго / Б.А. Ларин // Язык и литература. – Т. VII. – Л., 1931. – С. 113-130.
151. Лебедев – *Лебедев, А.А.* Студия Артемия Лебедева [Электронный ресурс] / А.А. Лебедев. – Режим доступа: http:/artlebedev.ru (дата обращения: 22.09.2015).
152. Леденёва, Барковская 2005 – *Леденёва В.В., Барковская Ю.В.* Частотность как идеостилевой показатель ("И математика может быть полезной..." Е.Д. Поливанов) [Текст] // В.В. Леденёва, Ю.В. Барковская // Седьмые Поливановские чтения. Сб. статей по материалам докладов и сообщений (Смоленск, 11-12 октября 2005 года). – Ч. 2. История языка. Ономастика. Диалектология. Грамматика славянских и германских языков. Слово в тексте. – Смоленск: Смол. ГПУ, 2005. – С. 103-106.
153. Лейчик 1999 – *Лейчик, В.М.* Типология словарей на пороге XXI века [Текст] / В.М. Лейчик // Вестник Международного славянского университета. – Харьков, 1999. – Т. 2. – № 4. – С. 7-10.
154. Лейчик 2006 – *Лейчик, В.М.* Терминоведение: предмет, методы, структура [Текст] / В.М. Лейчик. – М.: КомКнига, 2006. – 256 с.

155. Леонтьев 1964 – *Леонтьев, А.А.* Окоём [Текст] / А.А. Леонтьев // Вопросы культуры речи. – Вып. V. – М., 1964. – С. 164-171.

156. Леонтьев 1970 – *Леонтьев А.А.* Некоторые проблемы обучения русскому языку как иностранному: психолингвистические проблемы [Текст] / А.А. Леонтьев. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – 88 с.

157. Лернер – *Лернер, Леонид*. [Рец.:] И. Юганов, Ф. Юганова. Словарь русского сленга [Электронный ресурс] / Л.В. Лернер. – Режим доступа: http:/old.russ.ru/journal/kniga/98-03-06/lerner.htm (дата обращения: 22.09.2015).

158. Лихачёв 1935/93 – *Лихачёв, Д.С.* Черты первобытного примитивизма воровской речи [Текст] / Д.С. Лихачёв // *Лихачёв, Д.С.* Статьи ранних лет. – Тверь: Тверское обл. отд. Российского фонда культуры, 1993. – С. 54-94.

159. Лихачёв 1938/93 – *Лихачёв, Д.С.* Арготические слова профессиональной речи [Текст] / Д.С. Лихачёв // *Лихачёв, Д.С.* Статьи ранних лет. – Тверь: Тверское обл. отд. Российского фонда культуры, 1993. – С. 95-138.

160. Лихачёв 1962 – *Лихачёв, Д.С.* Текстология. На материале русской литературы X – XVII вв. [Текст] / Д.С. Лихачёв. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 606 с.

161. Лихачёв 1977 – *Лихачёв, Д.С.* О Борисе Александровиче Ларине [Текст] / Д.С. Лихачёв // *Ларин, Б.А*. История русского языка и общее языкознание: избр. работы: учеб. пособие для студентов фак. рус. яз. и лит. пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1977. – С. 5–10.

162. Лихачёв 1995 – *Лихачёв, Д.С.* Воспоминания [Текст] / Д.С. Лихачёв. – СПб.: Logos, 1995. – 519 с.

163. Лихачёв 2001 – *Лихачёв, Д.С.*, при участии *А.А. Алексеева и А.Г. Боброва*. Текстология (на материале русской литературы X-XVII вв) [Текст] / Д.С. Лихачёв, А.А. Алексеев, А.Г. Бобров. – СПб.: Алетейя, 2001. – 759 с. – (Славянская библиотека. Bibliotheca slavica).

164. Лоя 1936 – *Лоя Я.В*. Лингвистические взгляды В.Г. Белинского [Текст] /

Я.В. Лоя // Русский язык в школе. – 1936. – № 5. – С. 25-29.

165. Лукин, Черкасов 2012 – *Лукин О.В.* Понятия системы и структуры в когнитивной лингвистике и лингводидактике [Текст] / О.В. Лукин, Л.Н. Черкасов // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 3. – Том I (Гуманитарные науки). – С. 114-118.

166. Лукьянова 2005 – *Лукьянова Н.А.* Типология русских лингвистических словарей [Текст] / Н.А. Лукьянова // Вестник Новосибирского гос. ун-та. – Сер. История, филология. – Т. 4. – Вып. 4. – Новосибирск: НГУ, 2005. – С. 20-45.

167. Лукьянова 2008 – *Лукьянова, Н.А.* [Рец.:] Словарь русских говоров Приамурья [Текст] / авт.-сост. О.Ю. Галуза, Ф.П. Иванова, Л.В. Кирпикова, Л.Ф. Путятина, Н.П. Шенкевец. – 2-е изд., испр. и доп. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. 544 с. [Текст] / Н.А. Лукьянова // Вестник Новосибирского государственного университета. – Серия: История, филология. – 2008. – Т. 7. – № 2. – С. 137-139.

168. Львов 1960 – *Львов, А.С.* [Рец.:] Slovník jazyka staroslověnského [Текст] / А.С. Львов // Известия АН СССР. Отделение лит. и языка. – 1960. – Т. XIX. – Вып. 2. – С. 164-166.

169. Майков 1857 – *Майков, А.А.* История сербского языка по памятникам, писанным кириллицей, в связи с историей народа [Текст] / А.А. Майков. – М.: Унив. тип., 1857. – 2, IV, 848 с.

170. Маклакова, Стернин 2013 – *Маклакова Е.А.* Теоретические проблемы семной семасиологии. Монография [Текст] / Е.А. Маклакова, И.А. Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2013. – 277 с.

171. Маковский 1968 – *Маковский, М.М.* Этимология и проблема филологической достоверности слова [Текст] / М.М. Маковский // Этимология 1966. – М.: Наука, 1968. – С. 264-281.

172. Малеча 1963 – *Малеча, Н.М.* О перестановке звуков в словах. (По материалам диалекта уральских казаков) [Текст] / Н.М. Малеча. –

Уральск: Изд. Зап.-Казахстанск. отдела ГО СССР, 1963. – 119 с.

173. Мандрикова 2008 – *Мандрикова, Г.М.* Явление таронимии в свете психолингвистического подхода [Текст] / Г.М. Мандрикова // Вестник Новосибирского государственного университета. – Серия: История, филология. – 2008. – Т. 7. – № 2. – С. 44-48.

174. Марочкин 1998 – *Марочкин, А.И.* Лексико-фразеологические особенности молодежного жаргона (на материале речи молодежи г. Воронежа) // Словарь молодежного жаргона: Слова, выражения, клички рок-звезд, прозвища учителей [Текст] / А.И. Марочкин, Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Логос, 1998. – С. 155-163.

175. Мартынюк 2005 – *Мартынюк, А.Я.* Лексикографическая традиция и типология словарей [Текст] / А.Я. Мартынюк // Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 69. – С. 105-107.

176. Маслов 2007 – *Маслов, Ю.С.* Введение в языкознание [Текст] / Ю.С. Маслов. – 6-е изд. – СПб.: Фил. фак. СПбГУ; М.: Академия, 2007. – 304 с.

177. Медушевская 1996 – *Медушевская, О.М.* Источниковедение: Теория, История, Метод: Учеб. пособие [Текст] / О.М. Медушевская. – М.: РГГУ, 1996. – 72 с.

178. Мельниченко 1962 – *Мельниченко Г.Г.* Характеристика словарного состава говора по степени употребительности слов [Текст] / Г.Г. Мельниченко // Доклады на научных конференциях Ярославского гос. пед. института. – Т. I. – Вып. 2. – Ярославль: ЯрГПИ, 1962. – С. 247-251.

179. Мельничук 1970 – *Мельничук, А.С.* Понятия системы и структуры языка в свете диалектического материализма [Текст] / А.С. Мельничук // Вопросы языкознания. – 1970. – № 1. – С. 19-32.

180. Мокиенко 1998 – *Мокиенко В.М.* О русской брани без бранной лексики [Текст] В.М. Мокиенко // Русистика сегодня. – 1998. – № 1-2. – С. 225-239.

181. Мокиенко 2013 – *Мокиенко, В.М.* Социолекты в зеркале лексикографии [Текст] В.М. Мокиенко // Вопросы лексикографии. – 2013. – № 2 (4). – С. 76–93.

182. Морковкин 1986 – *Морковкин В.В.* О базовом лексикографическом знании / В.В. Морковкин // Учебники и словари в системе средств обучения русскому языку как иностранному. – М., 1986. – С. 102 – 117

183. Морковкин 1987 – *Морковкин В.В.* Об объёме и содержании понятия «теоретическая лексикография» [Текст] / В.В. Морковкин // Вопросы языкознания. – 1987. – № 6. – С. 33-42.

184. Морковкин 1994 – *Морковкин, В.В.* Типология филологических словарей [Текст] / В.В. Морковкин // Вестник Харьковского университета. – № 19. – Vocabulum et vocabularium. Вып. I. – Харьков, 1994. – С. 13-23.

185. Моров 2009 – *Моров, В.Г.* Ода Пушкина «Вольность» и «Арзамас» [Текст] / Василий Георгиевич Моров. – Москва: Новое зерцало, 2009. – 415 с.

186. Мызников 2003 – *Мызников, С.А.* Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финнского происхождения [Текст] / С.А. Мызников. – СПб.: Наука, 2003. – 540 с.

187. Мызников 2005 – *Мызников, С.А.* Русские говоры Среднего Поволжья: Чувашская Республика, Марий Эл [Текст] / С.А. Мызников. – СПб.: Наука, 2005. – 636 с.

188. Мызников 2006 – *Мызников, С.А.* Проблема научной достоверности в диалектной лексикографии [Текст] / С.А. Мызников // Ad fontes verborum. Исследования по этимологии и исторической семантике. К 70-летию Жанны Жановны Варбот. – М.: Индрик, 2006. – С. 256-264.

189. Мызников 2008 – *Мызников, С.А.* Русская диалектная лексикография – основные вехи развития [Текст] / С.А. Мызников // Теория и история славянской лексикографии: научные материалы к XIV съезду славистов. – М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2008. – С. 385-391.

190. Мызников 2010 – *Мызников, С.А.* Верификация данных в диалектных

лексикографических источниках [Текст] / С.А. Мызников // Вестник Омского университета. – Омск, 2010. – № 1. – С. 75-78.

191. Николаева 1999 – *Николаева, Т.М.* Речевая модель «обывателя» и идеи Н.С. Трубецкого – Р.О. Якобсона об оппозициях и «валоризации» [Текст] / Т.М. Николаева // Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сборник к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. М.: ОГИ, 1999. – С. 704-720.

192. Николенкова 2011 – *Николенкова, Н.В.* Электронный русский. SMS-переписка как отражение характера обучения русскому языку в средней школе [Текст] / Н.В. Николенкова // Дети в информационном обществе. – 2011. – № 8. – С. 26-31.

193. Обнизова 2008 – *Обнизова, Т.Ю.* Динамическое изучение письма у младших школьников с трудностями обучения [Текст] / Т.Ю. Обнизова // Сибирский педагогический журнал. – 2008. – № 12. – С. 228-239.

194. Обозрение 1855 – Обозрение занятий Второго Отделения имп. АН в истекающем 1854 и начертание занятий в наступающем 1855 году (Читано Председательствующим <И.И. Давыдовым> 28 ноября 1854 года.) // Известия императорской Академии Наук по Отделению русского языка и словесности. – СПб., 1855. – Том IV. – Тетрадь I. – Стб. 1-16.

195. Озаровская 1928 – *Озаровская, О. [Э.]* Северная экспедиция 1921 г. в Архангельской губернии [Текст] / О. [Э.] Озаровская // Slavia. – 1928. – T. VII. – No 2. – S. 405-413.

196. Основы 1974 – Основы финно-угорского языкознания. 1. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков [Текст] / В.И. Лыткин, К.Е. Майтинская, К. Редеи. – М.: Наука, 1974. – 484 с.

197. Основы 2014 – Основы государственной культурной политики. Утверждены Указом Президента Российской Федерации 24 декабря 2014 г. [Электронный ресурс]. – http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d526a877638a8730eb.pdf (дата обращения: 22.09.2015).

198. Падучева 2001 – *Падучева, Е.В*. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке [Текст] / Е.В. Падучева // Русский язык в научном освещении. – М., 2001. – № 1. – С. 52-79.

199. Паликова 2007 – *Паликова, О*. Двуязычный словарь и функционально значимые связи слова [Текст] / Оксана Паликова. – Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2007. – 139 с. (Dissertationes philologiae slavicae Universitatis Tartuensis. 18.)

200. Патканов 1900 – *Патканов, П.С*. Цыганский язык. Грамматика и руководство к практическому изучению речи современных русских цыган [Текст] / Сост. Истомин П. (Патканов). – М.: Типолитография «Русского Товарищества печатного и издательского дела», 1900. – 196 с.

201. Пильщиков 1998 – *Пильщиков, И.А*. Жантильом, бель-фам и розовая ксандрейка. [Рец.:] Редкие слова в произведениях авторов XIX века: Словарь-справочник [Текст] / отв. ред. Р.П. Рогожникова. – М.: Русские словари, – 572 с. – В надзаг.: Ин-т лингв. исслед. РАН в С.-Петербурге [Текст] / И.А. Пильщиков // Пушкин. – 1998. – №3 (9). – С. 13.

202. Плуцер-Сарно 1998 – *Плуцер-Сарно, Алексей.* «2 = 60 000» [Текст] / А.Ю. Плуцер-Сарно // Пушкин. – 1998. – № 6 (12). – С. 5.

203. Плуцер-Сарно 2001 – *Плуцер-Сарно, Алексей*. «Абортник» – ‘конокрад’ или ‘жертва аборта’? (Фрагмент «Сводного справочно-библиографического словаря русского воровского жаргона») [Текст] / А.Ю. Плуцер-Сарно // Логос. – 2000. – №2 (23). – С. 218-221.

204. Пожарицкая 2005 – *Пожарицкая, С.К*. Русская диалектология [Текст] / С.К. Пожарицкая. – М. Парадигма; Академический проект, 2005. – 256 с.

205. Поликарпов 1906 – *Поликарпов, Ф.И*. Бытовые черты из жизни крестьян с. Истобного Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии [Текст] / Ф.И. Поликарпов // Памятная книжка Воронежской губернии на 1906 г. – Отд. III. – С. 1-28.

206. Поликарпов 2009 – *Поликарпов, В.В*. Из следственных дел Н.В. Некрасова

[Текст] / В.В. Поликарпов // Политическая концептология. – 2009. – № 2. – С. 243-250.

207. Попова 2012 – *Попова, Л.В*. Типологии и классификации словарей [Текст] / Л.В. Попова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – No 20 (274). Филология. Искусствоведение. – Вып. 67. – С. 106-113.

208. Попович 1980 – *Попович, А*. Проблемы художественного перевода [Текст] / А. Попович, под общ. ред. и с предисл. П.М. Топера; Пер. со словац. И.А. Бернштейн, И.С. Чернявской; Отв. ред. Н.А. Кондрашов. – М.: Высш. школа, 1980. – 199 с.

209. Попович 2000 – *Попович, А*. Проблемы художественного перевода [Текст] / А. Попович. – Благовещенск: Благовещ. гуманит. колледж им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 197 с.

210. Приёмышева 2009- – *Приёмышева, М.Н.* Тайные и условные языки в России XIX в.: В 2-х книгах [Текст] / М.Н. Приёмышева. – СПб.: Нестор-История, 2009. – 455 с. + 696 с.

211. РГ- – Русская грамматика [Электронный ресурс] / Н.Ю. Шведова (гл. ред.). – Т. 1-2. – М.: Наука, 1980. – Режим доступа: http://rusgram.narod.ru (дата обращения: 22.09.2015).

212. Рейсер 1982 – *Рейсер, С.А*. Русская палеография нового времени: (Неография): Учеб. пособие [Текст] / С.А. Рейсер. – М.: Высшая школа, 1982. – 136 с. – (Высшее образование).

213. Реформатский 1987 – *Реформатский, А.А*. Техническая редакция книги [Текст] / А.А. Реформатский // *Реформатский, А.А.* Лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1987. – С. 141–179.

214. Ривелис 2007 – *Ривелис, Е*. Как возможен двуязычный словарь [Текст] / Евгений Ривелис. – Stockholm: Elanders Sverige AB, 2007. – 409 p. (Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Slavic Studies. 36.)

215. Рогожникова 1996 – *Рогожникова, Р.П*. Генеральный фонд русской лексики

[Текст] / Р.П. Рогожникова // Вестник РГНФ. – 1996. – № 1. – С. 203.

216. Роменская 1978 – *Роменская, В.Ф.* О классификационной схеме понятия «тип словаря» [Текст] / В.Ф. Роменская // Структурная и прикладная лингвистика. – Л.: ЛГУ, 1978. – С. 181-188.

217. Ружицкий 2014 – *Ружицкий, И.В.* Атопоны Достоевского: к проекту словаря [Текст] И.В. Ружицкий // Вопросы лексикографии. – 2014. – № 1 (5). – С. 56-75.

218. Русакова 2007 – *Русакова, Е.Б.* Русский компьютерный социолект: формирование и функционирование. Специальность: 10.02.01 – русский язык. Автореф. диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук [Текст] / Е.Б. Русакова. – Калининград, 2007. – 23 с.

219. Рябичкина 2012 – Рябичкина Г.В. Лексикографический анализ субстандартных словарей английского языка начала XIX века (на примере словаря «Slang» Дж. Би) [Текст] / Г.В. Рябичкина // Вестник Калмыцкого университета. – 2012. – No3(15). – С. 79-84.

220. Сазонова 2007 – *Сазонова, Т.Ю.* Внутренний когнитивный контекст идентификации слова [Текст] / Т.Ю. Сазонова // Теория языка и межкультурная коммуникация. – Курск: КГУ, 2007. – № 2. – С. 48-53.

221. Саляев 2002 – *Саляев, В.А.* Два источника и две составных части русского сленга [Текст] / В.А.Саляев // Социальные варианты языка. Материалы международной научной конференции 25-26 октября 2002 г. – Нижний Новгород: [без изд-ва], 2002. – С. 105-108.

222. Санаров 1979 – *Санаров, В.И.* НЛО и энлонавты в свете фольклористики [Текст] / В.И. Санаров // Техника молодежи. – 1979. – № 11. – С. 46-52.

223. Семёнов 1983 – *Семёнов И.Н.* Системный подход к изучению организации продуктивного мышления [Текст] / И.Н. Семёнов // Исследование проблем психологии творчества. – М.: Наука, 1983. – С. 27-61.

224. Сидоров 1971 – *Сидоров, В.Н.* О московской фонологической школе / В.Н. Сидоров // Развитие фонетики современного русского языка.

Фонологические подсистемы. – М.: Наука, 1971. – С. 7-19.

225. Сіплівеня 2013 – *Сіплівеня, Ж.С.* Рэц.: Шахоўская, С.У. Беларуская анамастычная лексікаграфія: фарміраванне, сучасны стан, вектары развіцця / С.У. Шахоўская; пад навук. рэд. П.А. Міхайлава. – Мінск: Красная Звезда, 2012. – 258 с. [Текст] / Жанна Сямёнаўна Сіплівеня // Весці БДПУ. Штоквартальны навукова-метадычны часопіс. – Серыя 1. – 2013. – No 2. – С. 85-87.

226. Скопненко 2007 – *Скопненко, Олександр*. Процеси нормалізації в українській та білоруській термінології в 20-30-х рр. XX ст.: пуристичний досвід // Лексикографічний бюлетень. – Вип. 15. – Київ, 2007. – С. 40-44.

227. Смирнов 1904 – *Смирнов И.Т.* Кашинский говор [Электронный ресурс] / И.Т. Смирнов. – СПб.: тип. ИАН, 1904. – XXII, 192 с. – (Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. – Т. 77. – № 9). – Режим доступа: http://docs.tverlib.ru /kraevedenie/kashin_govor (дата обращения: 22.09.2015).

228. Смолякова 1961 – *Смолякова, Л.П.* Из материалов по говорам Среднего Покамья (Юго-запад Пермской области) [Текст] / Л.П. Смолякова // Материалы и исследования по диалектологии Волго-Камья. – Казань, 1961. – С. 155-185 (Ученые записки Казанского ГУ им. В.И. Ульянова-Ленина. Т. 121. Кн. 3).

229. Солнцев 1999 – *Солнцев, В.М.* Языкознание на пороге XXI века [Текст] / В.М. Солнцев // Вопросы филологии. – 1999. – № 1. – С. 5-15.

230. Соссюр 1977 – *Соссюр, Фердинанд де*. Труды по языкознанию. Пер. с фр. яз. под ред. А.А. Холодовича [Текст] / Фердинанд де Соссюр. – М.: Прогресс, 1977. – 696 с.

231. Срезневский 1867 – *Срезневский, И.И.* Замечания акад. И.И. Срезневского о Словаре славянских наречий [Текст] / И.И. Срезневский // Сборник Отделения русского языка и словесности ИАН. – Т. 1. – СПб., 1867. – № 2. – С. 6-40.

232. Стернин 1985 – *Стернин И.А*. Лексическое значение слова как структура // Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи [Текст] / И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1985. – С. 36-85.

233. Стратен 1931 – *Стратен, В.В*. Арго и арготизмы [Текст] / В.В. Стратен // Известия комиссии по русскому языку (АН СССР). – Т. 1. – Л., 1931. – С. 111-147.

234. Страхов 2004 – *Страхов, А.Б.* По страницам Словаря русских народнях говоров (замечания, поправки, соображения) [Текст] / А.Б. Страхов // Palaeoslavica. – Cambridge, 2004. – Vol. XII. – № 1. – С. 254-324.

235. Страхов 2008 – *Страхов, А.Б*. По страницам Словаря русских народных говоров (замечания, поправки, соображения): дополнения [Текст] / А.Б. Страхов // Palaeoslavica. – Cambridge, 2008. – Vol. XVI. – 2008. – No 1. – С. 219-275.

236. Ступин 1997 – *Ступин, Л.П*. Нормативность и лексикография [Текст] / Л.П. Ступин // Проблемы лексикографии. Сб. статей. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. – С. 20-27.

237. Судаков 2012 – *Судаков, Г.В*. «Кислая жизнь» русича в зеркале истории слов Г.В. Судаков // И.И. Срезневский и русское историческое языкознание: К 200-летию со дня рождения И.И. Срезневского: сборник статей Международной научной конференции, 26–28 сентября 2012 г. / отв. ред. И.М. Шеина, О.В. Никитин; Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. – Рязань, 2012. – С. 342-350.

238. Сусов 1998 – *Сусов, И.П*. Введение в теорию языкознания: Программно-справочное пособие для студентов [Текст] / И.П. Сусов. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 1998. – 80 с.

239. Табанакова, Сивакова 2000 – *Табанакова, В.Д.* Ещё раз к вопросу типологии словарей [Электронный ресурс] / В.Д. Табанакова, Н.А.Сивакова // Languages and Literatures. – No 7. – Text 6. – Режим доступа: http://frgf.utmn.ru/last/No7/text6.htm (дата обращения:

22.09.2015).

240. Творогов 1975 – *Творогов, О.В*. Словоуказатели как вид лексикографического труда [Текст] / О.В. Творогов // Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии. – Вып. 3. – М., 1975. – С. 56-57.

241. Тодаева 1997 – *Тодаева, Б.Х*. Монгольские языки / Б.Х. Тодаева // Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. – М.: Наука, 1997. – С. 148-152.

242. Толдова, Ляшевская 2014 – *Толдова, С.Ю*. Современные проблемы и тенденции компьютерной лингвистики (в зеркале 24-й Международной конференции по компьютерной лингвистике COLING 2012, Мумбаи) [Текст] / С.Ю. Толдова, О.Н. Ляшевская // Вопросы языкознания. – 2014. – № 1. – С. 120-145.

243. Толстой 2006 – *Толстой, Н.И*. Славянская географическая терминология: семасиологические этюды [Текст] / Н.И. Толстой. – Изд. 2-е, существенно доп. – М.: URSS; КомКнига, 2006. – 355 с. (Из лингвистического наследия Н.И. Толстого).

244. Томашевский 1959 – *Томашевский, В.Б*. Писатель и книга. Очерк текстологии [Текст] / В.Б. Томашевский. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1959. – 278 с.

245. Топоров 1966 – *Топоров, В.Н*. Материалы для дистрибуции графем в письменной форме русского языка [Текст] В.Н. Топоров // Структурная типология языков. – М.: Наука, 1966. – С. 65-143.

246. Трубачёв 1993 – *Трубачёв О.Н*. Образованный учёный [Текст] / О.Н. Трубачёв // Русская словесность. – 1993. – № 2. – С. 3-13.

247. Трубачёв 2009 – *Трубачёв О.Н*. Дневники зарубежных поездок и отчёты о научных командировках [Текст] / О.Н. Трубачёв // Академик Олег Николаевич Трубачёв: очерки, воспоминания, материалы/ Отв. ред. акад. Е.П. Челышев. Сост. Г.А. Богатова, А.К. Шапошников. – М.: Наука, 2009.

– С. 467-571.

248. Трубецкой 1960 – *Трубецкой Н.С.* Основы фонологии [Текст] / Н.С. Трубецкой; пер. с нем. А. А. Холодовича. – М.: Издательство иностранной литературы, 1960. – 335 с.

249. Трубецкой 2004 – *Трубецкой, Н.С.* Письма и заметки Н.С. Трубецкого [Текст] / Н.С. Трубецкой. – М.: Языки слав. культур, 2004. – 608 с.

250. Флоря 2013 – *Флоря, А.В.* Русская стилистика [Электронный ресурс]: курс лекций [Текст] / А.В. Флоря. – 5-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2013. – 891 с.

251. Флягина 2004 – *Флягина, М.В.* Лингвогеографическое исследование ландшафтной лексики донских говоров: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 [Текст] / М.В. Флягина; Рост. гос. ун-т. – Ростов-на-Дону, 2004. – 16 с.

252. Фоменко 1994 – *Фоменко, Ю.В.* Типы речевых ошибок: Учеб. пособие [Текст] / Юрий Викторович Фоменко; Новосиб. гос. пед. ун-т. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 1994. – 59 с.

253. Фрей 2006 – *Фрей, Анри.* Грамматика ошибок [Текст] / Анри Фрей; вступ. ст. В.М. Алпатова; пер. с фр. Е.Л. Пастернак и Д.В. Сичинавы. – М.: URSS, 2006. – 303 с.

254. Химик 2011 – *Химик, В.В.* Русское сквернословие и лексикография [Текст] / В.В. Химик // Русский язык и проблемы современного образования. – Вып. 3. – Архангельск: НПЦ САФУ, 2012. – С. 138-156.

255. Хлебда 2005 – *Хлебда, В.* Фразеологические исследования и лингвистический принцип неопределённости [Текст] / Войцех Хлебда // Грани слова: сб. науч. ст. к 65-летию проф. В.М. Мокиенко / [Редкол.: М. Алексеенко, Х. Вальтер (отв. редакторы) и др.]. – М.: ЭЛПИС, 2005. – С. 152-165.

256. Хозяинова 1984 – *Хозяинова, З.Е.* Словообразовательная структура коми микротопонимов [Текст] / З.Е. Хозяинова // Взаимодействие финно-

угорских и русского языков. – Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1984. – С. 140-149.

257. Цейтлин 1982 – *Цейтлин, С.Н.* Речевые ошибки и их предупреждение: Пособие для учителей [Текст] / С.Н. Цейтлин. – М.: Просвещение, 1982. – 143 с.

258. Цывин 1978 – *Цывин, А.М.* К вопросу о классификации русских словарей [Текст] / А.М. Цывин // Вопросы языкознания. – 1978. – № 1. – С. 100-108.

259. Чалый 2008 – *Чалый В.В.* Говорящий и слушающий в процессе речевого взаимодействия [Текст] / В.В. Чалый // Вестник Адыгейского гос. университета. – Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2008. – No 6. – С. 34-36.

260. Черных 1956 – *Черных П.Я.* Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период [Текст] / П.Я. Черных. – М.: Изд-во МГУ, 1956. – 244 с.

261. Чернышёв 1970 – *Чернышёв В.И.* Тёмные слова в русском языке // В.И. Чернышёв. Избранные труды [Текст] / В.И. Чернышёв. – Т. 1. – М.: Просвещение, 1970. – С. 303-317.

262. Чернышёва 2011 – *Чернышёва, М.И.* Параметры лексикографической критики [Текст] / М.И. Чернышёва // Vocabulum et vocabularium: сб. научных трудов по лексикографии. – Вып. 12. – Харьков: Вид-во «Підручник НТУ ХПІ», 2011 – С. 7-10.

263. Чернышёва 2011а – *Чернышёва, М.И.* Из истории лексикографической критики: Словарь русского языка XI-XVII вв. [Текст] / М.И. Чернышёва // Вопросы филологии. – 2011. – № 37. – С. 134-138.

264. Чернышёва 2012 – *Чернышёва, М.И.* «Материалы» И.И. Срезневского как источник «Словаря русского языка XI–XVII вв.» [Текст] / М.И. Чернышёва // И.И. Срезневский и русское историческое языкознание: К 200-летию со дня рождения И.И. Срезневского: сборник статей Международной научной конференции, 26–28 сентября 2012 г. /

отв. ред. И.М. Шеина, О.В. Никитин; Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. – Рязань, 2012. – С. 93-104.

265. Чернышёва 2013 – *Чернышёва, М.И.* Предисловие [Текст] / М.И. Чернышёва // Славянская лексикография. Международная коллективная монография / Отв. ред. М.И. Чернышёва. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2013. – С. 7-18.

266. Чернышёва 2013а – *Чернышёва, М.И.* Русская историческая лексикография [Текст] / М.И. Чернышёва // Славянская лексикография. Международная коллективная монография / Отв. ред. М.И. Чернышёва. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2013. – С. 615-645.

267. Чуковский 2012 – *Чуковский, К.И.* Собрание сочинений в 15 т. – Т. 3: Высокое искусство [Текст] / Корней Чуковский. – М.: Агентство ФТМ, Лтд., 2012. – 640 с.

268. Шаповал 1986 – *Шаповал В.В.* Пределы вариативности исконной и заимствованной лексемы в цыганских диалектах [Текст] / В.В. Шаповал // Вариантные отношения в лексике. – Новосибирск, 1986. – С. 41-46.

269. Шаповал 2001 – *Шаповал, В.В.* Текст источника как объект анализа для историка и филолога [Текст] / В.В. Шаповал. – М.: Прометей, 2001. – 42 с.

270. Шаповал 2001а – *Шаповал, В.В.* Проблемные толкования в словарях русских арго [Текст] / В.В. Шаповал // Текст. Структура и семантика. Доклады VIII Международной конференции. – Т. 2. – М., 2001. – С. 156-158.

271. Шаповал 2002 – *Шаповал, В.В.* Источниковедение и лексикография жаргона. 3 [Электронный ресурс] / В.В. Шаповал // Opuscula glottologica professori Cyrillo Timofeev. – М., 2002. – Режим доступа: http://www.philology.ru/linguistics2/shapoval-02.htm (дата обращения: 22.09.2015).

272. Шаповал 2002b – *Шаповал, В.В.* Словарный фантом *лешога* ‘волосы’ в новых словарях арго // *Дьячок М.Т., Шаповал В.В.* Opuscula glottologica

professori Cyrillo Timofeev ab discipulis dedicata. – М.: Спутник, 2002. – С. 39-41.

273. Шаповал 2003 – *Шаповал, В.В.* Об одном типе ошибок прочтения, не отражённом в классической текстологии [Текст] / В.В. Шаповал // Гуманитарные науки. Сборник статей. – Вып. 21. – М.: Изд-во МАДИ (ГТУ), 2003. – С. 98-101.

274. Шаповал 2003a – *Шаповал, В.В*. Как нельзя цитировать Даля [Текст] / В.В. Шаповал // Русское слово: диахронический и синхронический аспекты. Мат. междунар. научн. конф. [Текст] / В.В. Шаповал. – Орехово-Зуево: МГОПИ, 2003. – С. 302-304.

275. Шаповал 2003b – *Шаповал, В.В*. Жаргонное слово в художественном тексте и словаре [Текст] / В.В. Шаповал // Художественный текст и культура. V. Мат. междунар. науч. конф. 2-4 октября 2003 г. – Владимир: ВГПУ, 2003. – С. 196-201.

276. Шаповал 2004 – *Шаповал, В.В.* Классификация некорректных толкований и процедура опознания некорректных описаний значения слова в словарях [Текст] / В.В. Шаповал // Гуманитарные науки. Сборник статей. – Вып. 22. – М.: Изд-во МАДИ (ГТУ), 2004. – С. 24-39.

277. Шаповал 2004a – *Шаповал, В.В.* Источниковедение и лексикография: возникновение мнимого слова из различных частей цитируемой словарной статьи [Текст] / В.В. Шаповал // Гуманитарные науки. Сборник статей. – Вып. 22. – М.: Изд-во МАДИ (ГТУ), 2004. – С. 16-23.

278. Шаповал 2005 – *Шаповал, В.В.* Источниковедение и лексикография: аспекты критики данных словарей [Текст] / В.В. Шаповал // Гуманитарные науки. Сборник статей. – Вып. 23. – М.: Изд-во МАДИ (ГТУ), 2005. – С. 66-85.

279. Шаповал 2005a – *Шаповал, В.В.* [Рец.:] Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен [Текст] / В.В. Шаповал // Русский язык в школе. – 2005. – № 2. – С. 107-110.

280. Шаповал 2005b – *Шаповал В.В*. Псевдоархаизмы в словарях жаргона [Текст] / В.В. Шаповал // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2005. – № 1. – С. 225-231. – 0,5 п. л.

281. Шаповал 2006 – *Шаповал, В.В*. Речь наших детей (рец.) [Текст] / В.В. Шаповал // Слово в словаре и дискурсе. Сб. научн. статей к 50-летию Харри Вальтера. – М.: Элпис, 2006. – С. 750-757.

282. Шаповал 2006a – *Шаповал, В.В*. Знак ударения как источник ошибок прочтения [Текст] / В.В. Шаповал // Вспомогательные исторические дисциплины: Классическое наследие и новые направления. Материалы научной конференции. Москва, 26-28 января 2006 г. – М.: РГГУ, Историко-архивный ин-т, 2006. – С. 421-423.

283. Шаповал 2006b – *Шаповал, В.В*. Мнимые неологизмы в жаргонных словарях [Текст] / В.В. Шаповал // Русская академическая неография (к 40-летию научного направления). Материалы Международной конференции. – СПб.: Наука, 2006. – С. 177-179.

284. Шаповал 2007a – *Шаповал, В.В.* О некоторых ошибках в современных жаргонных словарях [Текст] / В.В. Шаповал // Вопросы филологии. – 2007. – № 1 (25). – С. 55-61.

285. Шаповал 2007b – *Шаповал, В.В.* Цыганские элементы в русском воровском арго? [Текст] / В.В. Шаповал // Вопросы языкознания. – 2007. – № 5. – С. 108-128.

286. Шаповал 2007e – *Шаповал, В.В*. [Рец.:] Анищенко О.А. Словарь русского школьного жаргона XIX века. М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2007. 368 с. [Текст] / В.В. Шаповал // Русский язык в научном освещении. – 2007. – № 2 (14). – С. 296-312.

287. Шаповал 2007f – *Шаповал, В.В*. [Рец.:] Грачёв М.А. Словарь современного молодежного жаргона. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – 672 с. (Школьные словари) [Текст] / В.В. Шаповал // Русский язык в научном освещении. – № 1 (13). – М., 2007. – С. 306-314.

288. Шаповал 2007g – *Шаповал, В.В*. И на солнце бывают пятна. (Об ошибках в словарях.) [Текст] / В.В. Шаповал // Русский язык в школе и дома. – 2007. – № 7. – С. 18-21.

289. Шаповал 2007h – *Шаповал, В.В*. Українське (?) “*нивизать* – терять” [‘губити (час)’] у І. Рєпіна [Текст] / В.В. Шаповал // Восточноукраинский лингвистический сборник. – Вып. 11. – Донецк, 2007. – С. 149-151.

290. Шаповал 2008 – *Шаповал, В.В.* Новые «цыганизмы» в русских жаргонных словарях [Текст] / В.В. Шаповал // Вопросы языкознания. – 2008. – № 6. – С. 49-77.

291. Шаповал 2008a – *Шаповал, В.В*. Два иранизма в современной русской жаргонной лексике [Текст] / В.В. Шаповал // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспект): Международная научно-практическая конференция, посвящённая юбилею д.ф.н., проф. А.М. Мелерович (Кострома, 20-22 марта 2008 г.). – Москва – Кострома. – М.: Элпис, 2008. – С. 453-456.

292. Шаповал 2008b – *Шаповал, В.В*. Переразложение элементов букв при копировании как причина ошибок в словаре [Текст] / В.В. Шаповал // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания. Материалы XX Международной конференции. Москва, 31 января – 2 февраля 2008 г. – Москва, 2008. – Ч. 2. – С. 679-681.

293. Шаповал 2008d – *Шаповал, В.В*. Проблемы выявления полонизмов в русском жаргоне [Текст] / В.В. Шаповал // Słowo. Tekst. Czas. – T. IX. Człowiek w przestrzeni słownika i tekstu. – Szczecin: Print group Sp. z o. o., 2008. – S. 507-514.

294. Шаповал 2009 – *Шаповал В.В*. Непонимание при цитировании как признак словарного плагиата // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сб. науч. тр. [Текст] / ГрГУ им. Я. Купалы; отв. ред. Л.В. Рычкова,

И.А. Усаченко. – Гродно, 2009. – С. 25-28.

295. Шаповал 2009a – *Шаповал В.В*. Опознание и неопознание шрифта как источник игровых трансформаций слова // Понимание в коммуникации. Сборник статей. Том 2. – М.: МГПУ, 2009. – С. 239-248.

296. Шаповал 2009aa – *Шаповал В.В*. Опознание и неопознание шрифта как источник игровых трансформаций слова // Материалы конференции «Понимание в коммуникации-4». – М.: МГПУ, 2009. – С. 70-71.

297. Шаповал 2009b – *Шаповал, В.В*. Развитие гнезда нестандартных дериватов существительного *дневник* (*лытдыбр* ‘интернет дневник’ и т.п.) в 2001-2008 гг. [Текст] / В.В. Шаповал // Русский язык в научном освещении. – № 2 (18). – М., 2009. – С. 105-117.

298. Шаповал 2009c – *Шаповал, В.В*. Критерии разграничения цыганских заимствований и вкраплений в русском языке: производные от корня *(р)ром*– ‘цыган’ [Текст] / В.В. Шаповал // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2009. – С. 285-287.

299. Шаповал 2009d – *Шаповал, В.В.* Словарный призрак *лешога* ‘волосы’ в новых словарях криминального арго и текстах // Девятые Поливановские чтения. Сборник статей по материалам докладов и сообщений (Смоленск, 2-3 октября 2009 года). – Ч. I. Е.Д. Поливанов. Проблемы социолингвистики. Вопросы методики. Лексикография. – Смоленск, 2009. – С. 248-253.

300. Шаповал 2009e – *Шаповал, В.В*. В.И. Даль и критика словарей: заглавное слово со знаком вопроса [Текст] / В.В. Шаповал // Русский язык в научном освещении. – № 1 (17). – М., 2009. – С. 158-181.

301. Шаповал 2009f – *Шаповал, В.В*. Новые типы ошибок в письменной речи [Текст] / В.В. Шаповал // Русский язык в школе. – 2009. – № 9. – С. 76-83.

302. Шаповал 2009g – *Шаповал В.В*. Новосибирские диалектизмы в «Словаре русских народных говоров» (вып. 1-41): проблемы лексикографической достоверности [Текст] / В.В. Шаповал // Гуманитарные науки в Сибири:

всерос. науч. журн. – 2009. – № 4. – С. 123-126.

303. Шаповал 2009h – *Шаповал В.В*. Челябинские диалектизмы в «Словаре русских народных говоров» (вып. 1-41): проблемы лексикографической достоверности [Текст] / В.В. Шаповал // Вестник Челябинского государственного университета. – № 35 (173). – Филология. Искусствоведение. – Выпуск 37. – Челябинск: ЧГУ, 2009. – С. 152-154.

304. Шаповал 2009i – *Шаповал, В.В*. Лексикография и источниковедение жаргона: тюркско-цыганские записи числительных [Текст] / В.В. Шаповал // Сравнительно-историческое языкознание. Алтаистика. Тюркология. Материалы конференции [4-7 июня 2009 г.]. К юбилею члена-корреспондента Российской академии наук Анны Владимировны Дыбо. – Москва: ТЕЗАУРУС, 2009. – С. 211-213.

305. Шаповал 2009k – *Шаповал В.В*. Словарь как текст особого рода // Текст и контекст в лингвистике: Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции XI Виноградовские чтения «Текст и контекст: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты», посвящённой 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя (12-14 ноября 2009 г.) [Текст] / Ответ. ред. Е.Ф. Киров. – М.: МГПУ, 2009. – С. 83-87.

306. Шаповал 2009*l* – *Шаповал В.В*. Словарь как гипертекст и аспекты лексикографической критики [Текст] / В.В. Шаповал // Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании. Сб. науч. статей. – Вып. 8. – Том. 1. – М., 2009. – С. 233-237.

307. Шаповал 2009m – *Шаповал, В.В*. Народная этимология в ситуации цыганско-восточнославянских языковых контактов [Текст] / В.В. Шаповал // Kalba ir tarpkultūrinė komunikacija. Konferencijos medžiaga. – 2 dalis. – Vilnius: Vilniaus pedagoginio universiteto leidykla, 2009. – P. 50-53.

308. Шаповал 2009n – *Шаповал, В.В*. [Рец.:] Добродомов И.Г., Пильщиков И.А.,

Лексика и фразеология «Евгения Онегина»: Герменевтические очерки, Москва: Языки славянских культур, 2008, 312 с. (Philologica russica et speculativa; Т. VI) [Текст] / В.В. Шаповал // Вопросы языкознания. – 2009. – № 5. – С. 141-143.

309. Шаповал 2009р – *Шаповал, В.В*. Цитаты на всякий случай: цыганские слова в словаре криминального жаргона [Текст] / В.В. Шаповал // Филологические заметки. – Том I. – Пермь, 2009. – С. 161-168.

310. Шаповал 2010 – *Шаповал, В.В*. Воронежские диалектизмы в «Словаре русских народных говоров»: (Проблемы лексикографической достоверности) [Текст] / В.В. Шаповал // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – №1. – С. 66-69.

311. Шаповал 2010а – *Шаповал, В.В*. Железоклюй и железные носы [Текст] / В.В. Шаповал // Русская речь. – 2010. – № 1. – С. 107-112.

312. Шаповал 2010с – *Шаповал В.В*. Критерии вычленения непомеченного слоя компиляции в словаре // Вопросы языкознания. – 2010. – № 3. – С. 74-86.

313. Шаповал 2010d – *Шаповал, В.В*. Графические дублеты в словарях [Текст] / В.В. Шаповал // Русский язык в научном освещении. – 2010. – № 1 (19). – С. 158-168.

314. Шаповал 2010е – *Шаповал, В.В.* Работа В.И. Даля с источниками «Толкового словаря» [Текст] / В.В. Шаповал // Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Мат. XXII Международной научной конференции. Москва, 28-30 января 2010 г. – М., 2010. – С. 413-415.

315. Шаповал 2010g – *Шаповал, В.В*. Модернизация и проблемы современной лексикографии [Текст] / В.В. Шаповал // Модернизация России: наука, образование, высокие технологии. Тезисы выступлений участников II всероссийской конференции по науковедению. – М.: МГПУ, 2010. – С. 309-311.

316. Шаповал 2010i – *Шаповал, В.В.* Проблемы опознания сомнительной фиксации германизма в словаре [Текст] / В.В. Шаповал // Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании. Сборник научных статей: В 2 т. – Вып. 9. – Т. 1. – М.: МГПИ, 2010. – С. 320-325.

317. Шаповал 2011 – *Шаповал В.В*. Выявление ошибок в диалектном словаре [Текст] / В.В. Шаповал // «И нежный вкус родимой речи...»: сб. науч. трудов, посв. юбилею доктора филол. наук, проф. Л.А. Климковой. – Арзамас: АГПИ, 2011. – С. 508-511.

318. Шаповал 2011a – *Шаповал В.В*. Преображение письмен: украинское (?) «нивизать – терять (время)» у И. Репина [Текст] / В.В. Шаповал // Слова. Концепты. Мифы. К 60-летию А.Ф. Журавлёва/ Отв. ред. Г.К. Венедиктов. – М.: Индрик, 2011. – С. 361-363.

319. Шаповал 2011b – *Шаповал, В.В*. Цыганские заимствования в русской речи [Текст] / В.В. Шаповал // Русский язык в школе. – 2011. – № 2. – С. 56-59.

320. Шаповал 2011c – *Шаповал, В.В.* Ошибки компьютерной природы как объект лексикографической критики [Текст] / В.В. Шаповал // Десятые Поливановские чтения. Сб. статей по мат. докладов и сообщений (Смоленск, 4-5 октября 2011 г.). – Ч. II. – Смоленск: Смоленский гос. ун-т, 2011. – С. 324-329.

321. Шаповал 2011d – *Шаповал, В.В*. Типология ошибок в заглавном слове и других частях словарной статьи: Введение в критику словарей [Текст] / В.В. Шаповал. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 216 с.

322. Шаповал 2011e – *Шаповал, В.В*. Цыганизмы в жаргонных словарях: Критерии достоверности описания [Текст] / В.В. Шаповал. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 192 с.

323. Шаповал 2011f – *Шаповал, В.В*. Помилки комп’ютерної природи як об’єкт лексикографічної критики [Текст] / В.В. Шаповал // Materiály[:] VII

mezinárodní vědecko-praktická konference «Vědecký pokrok na přelomu tysyachalety [tisícletí] – 2011». – Díl 16. – Filologické vědy. – S. 61-66.

324. Шаповал 2011g – *Шаповал, В.В*. Фонетика вокала и призрачные слова в диалектном словаре [Текст] / В.В. Шаповал // Взаимодействие языка и культуры в коммуникации и тексте. – Вып. 11. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2011. – С. 245-251.

325. Шаповал 2011k – *Шаповал, В.В*. Misunderstanding in a dictionary [Текст] / В.В. Шаповал // Материалы конференции «Понимание в коммуникации-5» / Сб. работ. – М., [без изд-ва], 2011. – 4. – С. 13-15.

326. Шаповал 2012 – *Шаповал, В.В*. Карьера глагола *обустроить*: от нефтянки до геополитики [Текст] / В.В. Шаповал // Вестник Литературного института им. А.М.Горького. – 2012. – № 1. – С. 170-177.

327. Шаповал 2012a – *Шаповал В.В*. Ошибочное описание словообразовательных связей в словарях [Текст] / В.В. Шаповал // Взаимодействие языка и культуры в коммуникации и тексте. Сборник научных статей. – Вып. 3 (12). – Красноярск; Лесосибирск: [без изд-ва], 2012. – С. 98-101.

328. Шаповал 2012b – *Шаповал В.В*. Ресурсы для восполнения недостаточных толкований в словарях [Текст] / В.В. Шаповал // III Международная научная интернет-конференция «Русский язык и проблемы филологического образования». – Северодвинск: САФУ, 2012. – С. 188-200.

329. Шаповал 2012c – *Шаповал, В.В*. Трудности интерпретации песенного контекста в словаре [Текст] / В.В. Шаповал // Русский язык в научном освещении. – № 1 (23). – 2012. – С. 110-118.

330. Шаповал 2012ee – *Шаповал В.В.* Материалы по русскому языку в изданиях 1705 и 1723 г. справочника «Московский купец» П.Я. Марпергера. Сравнительный анализ [Текст] / В.В. Шаповал // Palaeoslavica. International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History,

Language and Ethnology. – Cambridge, 2012. – XX. – No. 2. – P. 148-188.

331. Шаповал 2012g – *Шаповал В.В.* Ошибочная грамматическая характеристика слова в словаре [Текст] / В.В. Шаповал // Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании. Сб. науч. статей. – Т. 2. – М.: [МГПИ], 2012. – С. 102-106.

332. Шаповал 2012h – *Шаповал, В.В.* Проблемы уточнения словарной записи слова [Текст] / В.В. Шаповал // Современное русское языкознание и лингводидактика. – Вып. 3. Сборник научных трудов, посвящённый 90-летию со дня рождения академика РАО Н.М. Шанского. – М., 2012. – С. 420-424.

333. Шаповал 2013 – *Шаповал, В.В.* Проблемы критики вторичных источников цыганского фольклора [Текст] / В.В. Шаповал // Фольклорная традиция: фиксация и интерпретация: сб. статей. – СПб.: Российский институт истории искусств, 2013. – С. 204-214.

334. Шаповал 2013b – *Шаповал, В.В.* Цыганско-славянские языковые контакты и источники их изучения [Текст] / В.В. Шаповал // Цыганский язык в России. Сборник материалов Рабочего совещания по цыганскому языку в России, Санкт-Петербург, 5 октября 2012 г. / Ред. К.А. Кожанов, С.А. Оскольская, А.Ю. Русаков. – СПб.: Нестор-История, 2013. – С. 43-49.

335. Шаповал 2013c – *Шаповал, В.В.* Marginalia к «Цыганско-русскому словарю» 1938 г. [Текст] / В.В. Шаповал // Цыганский язык в России. – СПб.: Нестор-История, 2013. – С. 50-70.

336. Шаповал 2014 – *Шаповал В.В.* Моделирование искусственного языка в художественном произведении и проблемы перевода (на примере языка чакобса в романе «Дюна» Ф. Герберта) [Текст] / В.В. Шаповал // Вопросы филологии. 2014. № 2 (47). С. 75-81.

337. Шаповал 2014a – *Шаповал, В.В.* Addenda, corrigenda (СРНГ) [Текст] / В.В. Шаповал // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 2014. – СПб.: Нестор-История, 2014. –

С. 664-687.

338. Шаповал 2014b – *Шаповал, В.В.* О трактовках внешней и внутренней критики, подлинности и достоверности в лексикографии [Текст] / В.В. Шаповал // Вестник Челябинского государственного университета. – No 26 (355). – 2014. – Филология. Искусствоведение. – Вып. 93. – С. 125-129.

339. Шаповал 2014c – *Шаповал, В.В.* Книга «Язык цыганский весь в загадках»: продолжение дискуссии [Текст] / В.В. Шаповал // Живая старина. 2014. – № 1. – С. 58-61.

340. Шаповал 2015 – *Шаповал, В.В.* Причины ошибок в словарях [Текст] / В.В. Шаповал // Вестник Московского городского педагогического университета. Научный журнал. – Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2015. – No 3 (19). – С. 78-84.

341. Шаповал 2015a – *Шаповал, В.В.* Ретроспективный анализ слов со знаком вопроса в офенских списках В.И. Даля: фонетические и нефонетические ошибки записи [Текст] / В.В. Шаповал // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2015. – Т. 21. – No 3. – С. 157-161.

342. Шаповал 2015aa – *Шаповал, В.В.* Ретроспективный анализ слов со знаком вопроса в офенских списках В.И. Даля: морфологические и семантические факторы возникновения ошибок в записи [Текст] / В.В. Шаповал // Вторые Громовские чтения. Русские народные говоры: прошлое и настоящее : сб. материалов и исслед. всерос. науч.-практ. конф. Кострома, 17–18 окт. 2014 г. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2015. – С. 467-473.

343. Шаповал 2015b – *Шаповал, В.В*. [Рец.:] Е.В. Гаева. Гости из прошлого: Словарь редких слов. В 3 т. – Т. 1: А–Й. – 631 с.; Т. 2: К–Посутяжничать. – 653 с.; Т. 3: Посхимиться–Я. – 622 с. – М.: ИНФРА-М, 2014. Русский язык в научном освещении. – № 1 (29). – М., 2015. – С. 291-297.

344. Шаповал 2015c – *Шаповал, В.В.* [Обзор:] Современный русский язык в Интернете / Ред. Я.Э. Ахапкина, Е.В. Рахилина. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 328 с. [Текст] / В.В. Шаповал // Русский язык в научном освещении. – № 1 (29). – М., 2015. – С. 308-311.

345. Шаповал 2015d – *Шаповал, В.В.* Работа с международной терминологией в школьной практике преподавания русского языка [Текст] / В.В. Шаповал // Русский язык в школе. – № 10. – 2015. – С. 21-25.

346. Шаповал С.А. 2005 – *Шаповал, С.А*. Эвфемизм [Текст] / С.А. Шаповал // Общая психология. словарь [Текст] / Под ред. А.В. Петровского // Энциклопедический лексикон в 6 тт. – М.: ПЭР СЭ, 2005. – 223-224.

347. Шаповал С.А. 2009 – *Шаповал, С.А*. Проблема распознавания абсурдного интернет-сообщения [Электронный ресурс] / С.А. Шаповал // Понимание в коммуникации: сборник статей 4-й междисциплинарной конференции. – Т. 2. – М.: ГОУ ВПО МГПУ, 2009. – С. 230-239.

348. Шаповал С.А. 2014 – *Шаповал, С.А*. Авторские речения в словарях [Текст] / С.А. Шаповал // Русский язык в школе. – 2014. – № 11. – С. 19-23.

349. Шаповалова 2008 – *Шаповалова Н.Г*. ОРФО-арт как пример карнавального общения в виртуальной реальности [Текст] / Н.Г. Шаповалова // Филологические этюды. – Саратов, 2008. – С. 292-293.

350. Шеворошкин 2004 – *Шеворошкин, В.В*. Звуковые цепи в языках мира [Текст] / В.В. Шеворошкин. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 184 с.

351. Шелепова 2003 – *Шелепова, Л.И*. О новом лексикографическом труде кафедры общего и исторического языкознания [Текст] / Л.И. Шелепова // «За науку!»: Газета Алтайского гос. университета. – Барнаул. – 2003. – 27 февр. – № 8 (798). – С. 2.

352. Шестакова *2011 – Шестакова, Л.Л.* Русская авторская лексикография: Теория, история, современность [Текст] / Л.Л. Шестакова. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 464 с.

353. Шестакова 2012 – *Шестакова, Л.Л.* Русская авторская лексикография: теория, история, современность. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. докт. филол. наук [Текст] / Л.Л. Шестакова. – Москва, 2012. – 38 с.

354. Широков 2004 – *Широков, В.А.* К основаниям теории лексикографических систем [Текст] / В.А. Широков // Русский язык сегодня. – Вып. 3. – М.: Наука, 2004. – С. 338-347.

355. Ширшаков 2009 – *Ширшаков, Р.В.* Что такое *стомах* в пензенских говорах XIX века [Текст] / Р.В. Ширшаков // Наше слово: К 80-летию профессора В.Д. Бондалетова. – М.: Элпис, 2009. – С. 86-91.

356. Шицгал 1985 – *Шицгал А.Г.* Русский типографский шрифт. Вопросы истории и практики применения [Текст] / А.Г. Шицгал. – М.: Книга, 1985. – 256 с.

357. Шкловский 1961 – *Шкловский, В.Б.* Художественная проза. Размышления и разборы [Текст] / В.Б. Шкловский. – М.: Сов. писатель, 1961. – 667 с.

358. Шкловский 1966 – *Шкловский, В.Б.* Повести о прозе. Размышления и разборы [Текст] / В.Б. Шкловский. – Т. 1. – М.: Изд-во «Худ. литература», 1966. – 336 с.

359. Шмелев 1977 – *Шмелев, Д.Н.* Современный русский язык: Лексика [Текст] / Д.Н. Шмелев. – М.: Просвещение, 1977. – 336 с.

360. Шнирельман 2011 – *Шнирельман, В.А.* Подделки и альтернативная история [Текст] / В.А. Шнирельман // Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. – М.: ИА РАН, 2011. – С. 17-34. (сер.: Актуальное прошлое: наука и общество).

361. Шчэрбін 2011 – *Шчэрбін, В.К.* Некаторыя аспекты агульнай тэорыі лексыкаграфіі [Текст] / В.К. Шчэрбін // Vocabulum et vocabularium: сб. научных трудов по лексикографии. – Вып. 12. – Харьков: Вид-во «Підручник НТУ ХПІ», 2011 – С. 9-14.

362. Щепкин 1999 – *Щепкин, П.Н.* Русская палеография, 3-е изд., доп. [Текст] / П.Н. Щепкин. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 270 с.

363. Щерба 1957 – *Щерба Л.В*. Избранные работы по русскому языку [Текст] / Л.В. Щерба. – М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Министерства Просвещения РСФСР, 1957. – 188 с.

364. Щерба 1974 – *Щерба, Л.В*. Опыт общей теории лексикографии [Текст] / Л.В. Щерба // *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. – М., 1974. – С. 265-304.

365. Щерба 2004 – *Щерба Л.В*. Языковая система и речевая деятельность. Изд. 2-е, стер. [Текст] / Л.В. Щерба. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 434 с.

366. Щербакова 2010 – Щербакова, М.И. Точная наука текстология [Текст] / М.И. Щербакова // Проблемы филологии: язык и литература. – М.: МГППУ, факультет иностранных языков, 2010. – № 1. – С. 65-76.

367. Щербин 2005а – *Щербин, В.К*. Научная критика словарей как направление славянской металексикографии (на материале словарных рецензий О.Н. Трубачева) [Текст] / В.К. Щербин // История и культура славян в зеркале языка: славянская лексикография. Междунар. конф. III чтения памяти акад. О.Н. Трубачева из цикла «Славяне: язык, история» 21-25 октября 2005 г. Тезисы докл. и выступ. – М.: (Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН), 2005. – С. 143-145.

368. Щербин 2007 – *Щербин, В.К*. Вклад О.Н. Трубачева в развитие научной критики словарей [Текст] / В.К. Щербин // Вопросы языкознания. – 2007. – № 5. – С. 3-21.

369. Щербин 2009 – *Щербин В.К.* О.Н. Трубачев как науковед [Текст] / В.К. Щербин // Академик Олег Николаевич Трубачёв: очерки, воспоминания, материалы/ Отв. ред. акад. Е.П. Челышев. Сост. Г.А. Богатова, А.К. Шапошников. – М.: Наука, 2009. – С. 246-264.

370. Щербин 2009а – *Щербин В.К.* О.Н. Трубачев и научная критика словарей [Текст] / В.К. Щербин // Академик Олег Николаевич Трубачёв: очерки, воспоминания, материалы/ Отв. ред. акад. Е.П. Челышев. Сост. Г.А. Богатова, А.К. Шапошников. – М.: Наука, 2009. – С. 296-319.

371. Щербин 2013 – *Щербин, В.К.* Белорусская лексикографическая традиция: история и современность [Текст] / В.К. Щербин // Славянская лексикография. Международная коллективная монография / Отв. ред. М.И. Чернышёва. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2013. – С. 21-61.

372. Экхофф 2004 – *Экхофф, Х.М.* Кого на самом деле дискредитируют такие рецензии? [Текст] / Х.М. Экхофф // Palaeoslavica. – Cambridge, 2004. – Vol. XII. – No 1. – С. 239-253.

373. Яцимирский 1905 – *Яцимирский, А.И.* Славянские и русские рукописи румынских библиотек [Текст] / А.И. Яцимирский. – СПб.: Тип. ИАН, 1905. – LX, 965 с.

374. Acton 1985 – *Acton, T.* The social construction of the ethnic identity of commercial nomadic groups [Text] / Tomas Acton // Grumet, J. (ed.) Papers from the 4th and 5th Annual Meetings of the Gypsy Lore Society National Annual Conference. – Maryland: Gypsy Lore Society, 1985. – P. 1-20.

375. Adiego, Martin 2006 – *Adiego, I.-X., Martin, A.I.* George Borrow, Luis de Usoz y sus respectivos vocabularios gitanos [Text] / I.-X. Adiego, A.I. Martin // Revista de Filologia Española. – LXXXVI. – No 1. – P. 7-30.

376. Álvarez – Álvarez de Miranda, Pedro. Palabras y acepciones fantasma en los diccionarios de la Academia [Text] / Pedro Álvarez de Miranda. – Режим доступа: http://www.cervantesvirtual.com/obra/palabras-y-acepciones-fantasma-en-los-diccionarios-de-la-academia-0 (дата обращения: 29.09.2015).

377. Atkins, Rundell, 2008 – Atkins, B.T. Sue & Rundell, Michael. The Oxford Guide to Practical Lexicography. Oxford: OUPress, 2008. – 540 p.

378. Base – Base des Mots Fantômes /MotsFantomes, ATILF - CNRS & Université de Lorraine. – Режим доступа: http://www.atilf.fr (дата обращения: 29.09.2015).

379. Bielińska 2007 – *Bielińska, M.* Propozycje kryteriów ewaluacji opisu

leksykograficznego frazeologizmów [Tekst] / Monika Bielińska // Chlebda, Wojciech (red.). Frazeologia a językowe obrazy świata przełomu wieków. – Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2007. – S. 317–324.

380. Boretzky 2012 – *Boretzky, Norbert*. Studien zum Wortschatz des Romani [Текст] / N. Boretzky**. –** [Sine loco]: Faber Publishers, 2012. – 288 S.

381. Buzek 2012 – *Buzek, Ivo*. El tratamiento del léxico de origen gitano en el Diccionario de americanismos de la Asociación de Academias de la Lengua Espanola [Электронный ресурс] / Ivo Buzek // VI. Coloquio Costarricense de lexicografía: usos y (con)textos de la palabra. Costa Rica, 22-26 de octubre de 2012. 2012. – Режим доступа: revistas.ucr.ac.cr/index.php/kanina/.../15957 (дата обращения: 22.09.2015).

382. Buzek 2012a – *Buzek, Ivo*. La imagen del gitano en la lexicografía español (The image of Gypsy in the Spanish lexicography). 1. vyd. [Text] / Ivo Buzek. – Brno: Masarykova univerzita, 2010. – 278 p. (Spisy FFMU, č. 389. ISBN 978-80-210-5180-5.)

383. Chapman 1977 – *Chapman R.L.* Dictionary Review and Reviewing: 1900-1975 [Текст] / R.L. Chapman // James B. McMillan: Essays in Linguistics by his Friends and Colleagues [Текст] / Ed. by J.C. Raymond and I.W. Russel. – Tuscaloosa: University of Alabama Press, 1977. – P. 143-162.

384. Coleman 1995 – *Coleman, Alice*. Graphology and Writing Systems: the case of the Shaw Alphabet [Текст] / A.Coleman // Journal of the Simplified Spelling Society. – 1995. – No 1. – P. 25-30.

385. Dukat 1931 – *Dukat, V*. Katančićeva kritika Dellabellina rječnika [Tekst] / Vladoje Dukat // Dubrovačke prošlosti. – Dubrovac: [sine ed.], 1931. – 3 s. [Offprint].

386. Eckhoff, Haug 2011 – *Eckhoff, H.M.* The PROIEL corpus as a source to Old Church Slavic: a practical introduction [Текст] / H.M. Eckhoff, D.T.T. Haug // Письменное наследие и современные информационные технологии. El' Manuscript-09-WS. – Ижевск: Удмуртия, 2011. – С. 37-54.

387. Fifikova 2012 – Fifiková, Dominika. Preklad literárnych diel krajín Južného Kaukazu [Текст] / Dominika Fifiková // Tradícia a inovácia v translatologickom výskume III. Zborník z 3. medzinárodnej translatologickej konferencie doktorandov. – Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, Filozofická fakulta, Katedra translatológie, 2012. – S. 90-93.

388. Förstemann 1852 – *Förstemann, Ernst*. Ueber deutsche Volksetymologie [Текст] / Ernst Förstemann // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete des Deutschen, Griechischen und Lateinischen [= Kuhns Zeitschrift]. – 1852. – 1. – S. 1–25.

389. Fowkes 1977 – *Fowkes, Robert A*. Onomastic Sophistication of the Gypsies of Wales [Текст] / Robert A. Fowkes // Names. – 1977. – No 25 (2). – P. 78-87.

390. Geeraerts, Janssens 1982 – *Geeraerts, Dirk*. Wegwijs in woordenboeken. Een kritisch overzicht van die lexicografie van het Nederlands [Текст] / Dirk Geeraerts, G. Janssens. – Assen: van Gorcum. – 148 p.

391. Gjurin 1987 – *Gjurin, Velemir*. Dvajset dozdevnic iz prvih dveh slovensko-hrvaških slovarjev [Tekst] / Velemir Gjurin // Slavistična revija. – 35. – Št. 4 (1987). – S. 363-379.

392. Hartmann 1998 – Hartmann, R.R.K. Dictionary of lexicography [Текст] / R.R.K. Hartmann and Gregory James. – London & New York: Routledge/Taylor and Francis, 1998. – XVIII+176 p.

393. Hartmann 2001 – *Hartmann, R. R. K*. Teaching and Researching Lexicography [Текст] / R. R. K. Hartmann. Harlow: Pearson, 2001. – 213 p.

394. Hartmann 2005 – *Hartmann, R.R.K*. Pure or hybrid? The development of mixed dictionary genres [Text] / Reinhard R. K. Hartmann // Facta Universitatis. Series: Linguistics and Literature. Published by the University of Niš, Serbia. – Vol. 3. – No 2. – 2005. – P. 193-208.

395. Henriques 2010 – *Henriques, Claudio Cezar.* Um guia para a lexicografia prática [Text] / Claudio Cezar Henriques // Matraga. – Rio de Janeiro, 2010. – V. 17. – No 26 (jan./jun.). – P. 170-173.

396. Hermanová 2011 – *Hermanová L.* Český a ruský studentský slang. Magisterská diplomová práce [Текст] / Ludmila Hermanová. – Brno: Masarykova univerzita, 2011. – 104 s.

397. Hrvatski 1967 – Hrvatski književni jezik i pitanje varijanata. (Kritika Rječnika hrvatskosrpskoga književnog jezika). Posebno izdanje [Tekst]. – Sv. 1. – Zagreb; Novi Sad: Izdanje Matice hrvatske i Matice srpske, 1967. – 246 s.

398. Hübschmannová 1996 – *Hubschmannova, Milena*. The Treasure of Romani Folk Tales [Текст] / M. Hubschmannova // Roma. Half-yearly journal dedicated to Roma. their language and culture. – 1996. – January – July (Combined Issue). – Nos. 44 & 45. – P. 68-78.

399. Hüllen 1999 – *Hüllen, Werner*. English Dictionaries 800–1700. The Topical Tradition [Текст] / Werner Hüllen. – Oxford: Clarendon, 1999. – XX+524 p.

400. Jachnow 1991 – *Jachnow, H.* Substandardsprachliche Varianten des Russischen und ihre linguistische Erfassung [Текст] / H. Jachnow // Der Welt der Slaven. – Jahrgang XXXVI, 1+2. – 1991. – S. 9-18.

401. Janecova 2012 – *Janecová, Emília*. Interkultúrny dialóg v tradičnom a novodobom myslení o preklade [Текст] / Emília Janecová // Tradícia a inovácia v translatologickom výskume III. Zborník z 3. medzinárodnej translatologickej konferencie doktorandov. – Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, Filozofická fakulta, Katedra translatológie, 2012. – S. 18-23.

402. Kiesz 2012 – *Kiesz, A.* Frazeologizmy z komponentem etnonimicznym: Niemiecko-polskie studium leksykograficzne [Tekst] / Alicja Kiesz // Język w Poznaniu. 3. – Poznań: Wydawnictwo Rys, 2012. – S. 93-104.

403. Krzyżanowski 1980 – *Krzyżanowski, Julian*. W świecie bajki ludowej [Текст] / Julian Krzyżanowski,. – Kraków: Ossolineum, 1980. – 415 s.

404. Letsch 1982 – *Letsch, E.* Szótárkritika [Электронный текст] / Letsch Endre // Létünk, XII. évf. 1982. – № 2. – Sz. 305-334. – Режим доступа: adattar.vmmi.org/.../letunk_1982.2_07_letsch_endre.pdf (дата обращения: 22.09.2015).

405. Lighter – *Lighter J.E*. Random House Historical Dictionary of American Slang. – Vol. 1. A-G. [Электронный ресурс] / J.E. Lighter. – Режим доступа: http://www.logophilia.com/WordSpy/ghostword.asp (дата обращения: 15.02.2015).

406. Lípa 1968 – *Lípa J*. O nevěrohodnosti ciganologa H. v. Wlislockého [Текст] / Jiří Lípa // Slovo a slovesnost. – 1968 – R. 29. – Č. 4. – S. 407-411.

407. Loma 2003 – *Loma, A*. Evroazijski stepski pojas kao činilac jezičke i kulturne prošlosti Slovena [Текст] / Aleksandar Loma // Zbornik Matice srpske za slavistiku. – 2003. – Br. 63. – S. 133-148.

408. Lundström 1955 – *Lundström, Sven*. Übersetzungtechnische Untersuchungen auf dem Gebiete der christlicher Latinität / Sven Lundström. – Lund: C.W.K. Cleerup, 1955. – 312 S. (= Lunds Universitets. Ärsskrift, N. F. Avd. 1. Bd 51, Nr 3).

409. Malatesha, Aaron 2013 – *Malatesha Joshi, R*. Handbook of Orthography and Literacy [Текст] / R. Malatesha Joshi, P.G. Aaron. – London: Routledge, 2013. – 816 p.

410. Mańczak 2009 – *Mańczak, W.* O kryteriach prawdy w językoznawstwie [Текст] / Witold Mańczak // Prawda – prawdy – mity – fałsze w językoznawstwie / Red. naukowa Witold Mańczak i Jan Wawrzyńczyk. – Warszawa: Takt, 2009. – S. 75-85.

411. Merk 1980 – *Merk, George*s. Mots fantômes ou obscurs. Datations douteuses [Text] / George Merk // La Revue de Linguistique Romane. – 44. – 1980. – P. 266-303.

412. Merk 1981 – *Merk, Georges*. A propos des ‘mots fantômes’ [Text] / George Merk // La Revue de Linguistique Romane. – 45. – 1981. – P. 465-466.

413. Mihai 1986 – *Mihai, N.* Can field theory be applied to the semiotics of communication? [Электронный ресурс] / Nadin Mihai // *Communications* (The European Journal of Communication). – 3. – 1986. – P. 61-80. – Режим доступа: http://www.nadin.ws/archives/252 (дата обращения: 22.09.2015).

414. Nakamoto 1994 – *Nakamoto, Kyohei*. Establishing Criteria for Dictionary Criticism: A Checklist for Reviewers of Monolingual English Learners' Dictionaries. – Exeter: University of Exeter M.A. (1994) [Текст] / Kyohei Nakamoto [unpublished Dissertation], цит. по: [Hartmann 2007: 20].

415. Orel 1998 – *Orel, Vladimir*. Albanian Etymological Dictionary [Текст] / Vladimir Orel. – Leiden-Boston-Köln: Brill, 1998. – 670 p.

416. Piotrowski 2001 – *Piotrowski, T.* Zrozumieć leksykografię [Tekst] / T. Piotrowski. – Warszawa: PWN, 2001. – 244 s.

417. Podhajecka 2009 – *Podhajecka Mirosława*. Historical Development of Lexicographical Genres: Some Methodological Issues [Текст] / Mirosława Podhajecka // Selected Proceedings of the 2008 Symposium on New Approaches in English Historical Lexis (HEL-LEX 2), ed. R.W. McConchie, Alpo Honkapohja, and Jukka Tyrkkö. – Somerville, MA: Cascadilla Proceedings Project, 2009. – P. 153-170.

418. Popovič 1975 – *Popovič, Anton*. Teória umeleckého prekladu: aspekty textu a literárnej metakomunikácie [Текст] / Anton Popovič. – Bratislava: Tatran, 1975. – 293 s.

419. Pott- – *Pott, A.F*. Die Zigeuner in Europa und Asien [Текст] / A.F. Pott. – Bd. 1-2. – Halle: E. Heynemann, 1845.

420. Puig 2012 – *Puig Rodríguez-Escalona, Mercè.* Helenismos y palabras fantasmas en el documento de 1055 contra Guillem de Gurb [Текст] / Mercè Puig Rodríguez-Escalona // Bulletin Du Cange. – 2012 – Nº 70. – P. 265-272.

421. Rabus 2011 – *Rabus, A*. Unicode and OpenType – a practical approach to producing Church Slavonic editions [Текст] / A. Rabus // Письменное наследие и современные информационные технологии. El' Manuscript-09-WS. – Ижевск: Удмуртия, 2011. – С. 89-105.

422. Reason 1984 – *Reason J*. Lapses of attention in everyday life [Текст] / James Reason // Parasuraman R. & Davies D.R. (Eds.) Varieties of attention. – Orlando: Academic Press, 1984. – P. 515-549.

423. Reason 1990 – *Reason J.* Human error [Текст] / James Reason. – New York: Cambridge University Press, 1990. – 320 p.

424. Reason 1993 – *Reason J.* L'erreur humaine [Текст] / James Reason. – Paris: PUF, 1993. – 343 p.

425. Reason 2000 – *Reason J.* Human error: models and management [Электронный ресурс] / James Reason // British Medical Journal. – Vol. 320. 18 March 2000. – P. 768-670. – Режим доступа: www. bmj.com (дата обращения: 22.09.2015).

426. Reichan 2003 – *Reichan, J.* Refleksje na marginesie Małego atlasu gwar polskich / Jerzy Reichan // *Sierociuk, J.* (red.). Gwary dziś. 2. Regionalne słowniki i atlasy gwarowe. – Poznań: Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk, 2003. – S. 127–134 (=Prace komisji językoznawczej. – Tom 40).

427. Ripfel 1989 – *Ripfel, Martha*. Wörterbuchkritik: Eine empirische Analyse von Wörterbuchrezensionen [Текст] / Martha Ripfel. – Tübingen: Niemeyer, 1989. – VI, 357 p. – (Lexicographica: Ser. major [Текст] / Suppl. volumes to the Intern. annu. for lexicography. Bd 29).

428. Rocher 1961 – *Rocher, R.* Mots-fantômes en grec [Text] / Rosane Rocher // L'antiquité classique. – 1961. – Vol. 30. – No 30-2. – P. 361-370.

429. Sainéan 1907 – *Sainéan, Lazare*. L'argot ancien (1455-1850), ses éléments constitutifs, ses rapports avec les langues secrètes de l'Europe méridionale et l'argot moderne, avec un appendice sur l'argot jugé par Victor Hugo et Balzac, par Lazare Sainéan [Текст] / Lazare Sainéan. – Paris: H. Champion, 1907. – VII, 350 p.

430. Sierociuk 2005 – Sierociuk, J. Problemy współczesnej dialektologii / Jerzy Sierociuk // Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego = Bulletin de la Société polonaise de linguistique. – 2005. – Fasc. LXI. – P. 67-76.

431. Skeat 1887 – *Skeat, W.W.* 14th Address of the President, to the Philological Society, delivered at the Anniversary Meeting, 21st May, 1886. By the Rev.

Professor Skeat, M.A. LL.D [Текст] / Walter William Skeat // Transactions of the Philological Society. – 1885. – No 7. – London: Trübner & Co. (Strassburg), 1887. – P. 343-374.

432. Tcherenkov, Laederich-1 – Therenkov Lev, Laedrich Stephane. The Rroma. – Vol. 1: History, lenguage, and groups [Текст] / Lev Tcherenkov, Stephane Laederich. – Basel: Schwabe Verl., 2004. – 1098 p.

433. Thomson 1988 – *Thomson, F. J.* Towards a Typology of Errors in Slavonic Translations / Francis J. Thomson // Christianity among the Slavs. The Heritage of saints Cyril and Methodius. Acts of the International Congress held on the Eleventh Centenary of the Death of St. Methodius. Rome, October 8–11, 1985. (Orientalia Christiana Analecta, 231). – Roma: Pontificium institutum orientale, 1988. – P. 351-380.

434. Troubezkoy 1926 – *Troubezkoy, N.S.* Zur Quellenkunde des Polabischen [Текст] / N.S. Troubezkoy // Zeitschrift für Slavische Philologie. – III. – Leipzig, 1926. – S. 326-364.

435. Vilikovský 1984. *Vilikovský, J.* Preklad ako tvorba [Текст] / Ján Vilikovský. – Bratislava: Slovenský spisovateľ. – 246 s.

436. Walter 2005 – *Walter, H.* Абротник, обротник oder абортник? Zur Etymologie eines umstrittenen Jargonismus [Текст] / H. Walter // Грани слова: Сборник научных статей к 65-летию проф. В.М. Мокиенко. – М.: ООО Изд-во «ЭЛПИС», 2005. – С. 706-710.

437. Wiegand 1983 – *Wiegand H.E.* On the Structure and Contents of a General Theory of Lexicography [Text] / Herbert Ernst Wiegand // Lexicographica: Ser. maior 1. «Lexeter 83». Proceedings: Papers from the International conference on Lexicography at Exeter. 9-12 September 1983 / Ed. by R.R. Hartmann. – Exeter, 1983. – P. 13–20.

438. Wierzbicka 1990 – *Wierzbicka, Anna*. Semantics: Primes and Universals [Текст] / Anna Wierzbicka. – Oxford: Oxford University Press. – 512 pp.

439. Wörterbücher 1991 – Wörterbücher. Dictionaries. Dictionnaires. Ein

internationales Handbuch zur Lexikographie. An International Encyclopedia of Lexicography. Encyclopédie internationale de lexicographie [Текст] / Edited by / Herausgegeben von / Éditée par Franz Josef Hausmann, Oskar Reichmann, Herbert Ernst Wiegand, Ladislav Zgusta. – Dritter Teilband / Third Volume / Tome Troisième. – Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1991. – 3246 S.

440. Żmigrodzki 2005 – *Żmigrodzki, P.* Kryteria ewaluacji opisów leksykograficznych [Tekst] / Piotr Żmigrodzki // Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego = Bulletin de la Société polonaise de linguistique. – 2005. – Fasc. LXI. – Kraków: Wyd. Universitas, 2005. – S. 13-26.

2. Лексикографические источники и справочные издания

441. Александрова 2005 – *Александрова, Е.Ю.* (ред.) Большой толковый словарь блатного жаргона (6100 слов и выражений) [Электронный ресурс] / Под редакцией Е.Ю. Александровой. – М.: [без изд-ва], 2005. – Режим доступа: http://box-m.org/cdisofree/6876-sobranie-tolkovyx-slovarej-tyuremnogo-i-blatnogo-zhargona.html (дата обращения: 22.09.2015).

442. Алексеев$_3$-I/IV – *Алексеев, П.А.* Церковный словарь, или истолкование речений славенских древних, також иноязычных без перевода положенных в Священном Писании и других церковных книгах [Текст] / П.А. Алексеев. – 3 изд. – Часть 1. А-Е. М.: Синод. тип., 1815. Часть 2. Е-Н. М.: Синод. тип., 1815. Часть 3. Н-С. М.: Синод. тип., 1816. Часть 4. С-V. М.: Синод. тип., 1816.

443. Аникин- – *Аникин, А.Е.* Русский этимологический словарь [Текст] / А.Е. Аникин. – Вып. 1-3. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007-2009; Вып. 4-6. – М.: Знак, 2012; Вып. 7. – М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2013; Вып. 8-9. – М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Ин-т филологии Сибирского отделения РАН,

2014-2015.

444. Аникин 2000 – *Аникин, А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков [Текст] / А.Е. Аникин. – 2-е изд., доп. – Новосибирск: Наука, 2000. – 765 с.

445. Аникин 2007 Пр. – *Аникин, А.Е.* Русский этимологический словарь. Проект [Электронный ресурс] / А.Е. Аникин. – М.: ИРЯ РАН им. акад. В.В. Виноградова, 2007. – 67 с. – Режим доступа: etymolog.ruslang.ru› doc/anikin_project.pdf (дата обращения: 22.09.2015).

446. Анищенко 2007 – *Анищенко, О.А.* Словарь русского школьного жаргона XIX века [Текст] / О.А. Анищенко. – М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2007. – 368 с.

447. АОС- – Архангельский областной словарь [Текст] / под ред. О.Г. Гецовой. – Вып. 1-9. – М., 1980-1996.

448. Афанасьев-Чужбинский 1855 – *Афанасьев-Чужбинский, А.С.* Словарь малорусского наречия, составленный А. Афанасьевым-Чужбинским: Тетр. 1- [Текст] / А.С. Афанасьев-Чужбинский. – СПб., 1855. – 2, 176 стб. (Известия имп. Академии Наук по Отделению русского языка и словесности. – Т. IV. – Тетрадь VII).

449. Ахманова 1969 – *Ахманова, О.С.* Словарь лингвистических терминов [Текст] / О.С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.

450. Байбурин, Беловинский, Конт 2004 – *Байбурин, А.* Полузабытые слова. Словарь русской культуры XVIII-XIX вв. [Текст] / А.К. Байбурин, Л.В. Беловинский, Ф. Конт. – СПб.: Европейский дом; М.: Знак, 2004. – 680 с.

451. Балдаев 1997- – *Балдаев, Д.С.* Словарь блатного воровского жаргона [Текст] / Д.С. Балдаев. – В 2-х тт. – М.: Кампана, 1997.

452. Бартенев 1894 – *Бартенев, В.* О русском языке в Обдорском крае [Текст] / В.В. Бартенев // Живая старина. – 1894. – Вып. I. – Отд. IV. – С. 126-129.

453. Бец 1903 – *Бец, Ванька*. Босяцкий словарь. Опыт словотолкователя выражений, употребляемых босяками. Сост. по разным источникам Ванька Бец. – Одесса: без изд-ва, 1903. – 8 с.

454. ББИ 1992 – *Балдаев, Д.С.* Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона [Текст] / Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов. – Одинцово: Края Москвы, 1992. – 526 с.

455. Богораз 1901 – *Богораз, В.Г.* Областной словарь Колымского русского наречия [Текст] / В.Г. Богораз // Сборник Отделения русского языка и словесности ИАН. – Т. 68. – № 4. – СПб., 1901. – С. 19-163.

456. Браславец и др. 1977 – *Браславец, К.М.* Словарь русского камчатского наречия [Текст] / К.М. Браславец, Ф.П. Иванова, Н.В. Попова, Л.В. Шатунова. – Хабаровск: [без изд-ва], 1977. – 195 с.

457. Бронников (1990) – [*Бронников, А.Г.*] 10 000 слов: Словарь уголовного жаргона [Текст] / А.Г. Бронников. – [Пермь: без изд-ва, 1990]. – 52 с.

458. БСДК 2003 – Большой толковый словарь донского казачества: Ок. 18 000 слов и устойчив. словосочетаний. – М.: ООО «Русские словари»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 608 с.

459. Бурнашев- – *Бурнашев, В.Н.* Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного [Текст] / В.Н. Бурнашев. – Т. I-II. – СПб.: тип. К. Жернакова, 1843-1844.

460. Быков 1994 – *Быков, В.Б.* Русская феня. Словарь современного интержаргона асоциальных элементов [Текст] / В.Б. Быков. – Смоленск: ТРАСТ-ИМАКОМ, 1994. – 223 с.

461. Бычков 1872 – *Бычков, А.Ф.* Слова Валдайского уезда и Владимирской губернии, извлеченные из доставленных в Отделение материалов [Текст] / А.Ф. Бычков // Сборник Отделения русского языка и словесности ИАН. – 1872. – Т. 8. – С. XLIII-XLVII.

462. Вальтер, Мокиенко, Никитина 2005 – *Вальтер, Х.* Толковый словарь русского школьного и студенческого жаргона: ок. 5000 слов и выражений

[Текст] / Х. Вальтер, В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 364 с.

463. Васильев, Васильева 2011 – *Васильев, В.П.* Живое слово притомского Кузбасса (материалы для словаря) [Текст] / В.П. Васильев, Э.В. Васильева // «И нежный вкус родимой речи...»: сб. науч. трудов, посв. юбилею доктора филол. наук, проф. Л.А. Климковой. – Арзамас: АГПИ, 2011. – С. 79-83.

464. Васнецов 1907 – *Васнецов, Н.М.* Материалы для объяснительного Областного Словаря Вятского говора [Текст] / Н.М. Васнецов. – Вятка: Губ. Тип., 1907. – 2, II, 357 с.

465. Васнецов-2 – *Васнецов Н.М.* Материалы для объяснительного словаря вятского говора (продолжение) / Н.М. Васнецов // Памятная книжка Вятской губернии на 1893 год. – Вятка: Губ. тип, 1892. – С. 124-150.

466. Вахитов 2001 – *Вахитов, С.В.* Словарь уфимского сленга [Текст] / С.В. Вахитов. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2001. – 262 с.

467. Вахитов 2007 – *Вахитов, С.В.* Карточная терминология и жаргон XIX века: Словарь [Текст] / С.В. Вахитов. – М.: А Темп, 2007. – 296 с.

468. Вершининский- – Вершининский словарь: В 7 т. [Текст] / Гл. ред. О.И. Блинова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998-2002.

469. Виноградов 1927 – *Виноградов, Н.Н.* Условный язык заключенных Соловецких Лагерей Особого Назначения [Текст] / Н.Н. Виноградов // Из работ Криминологической секции. Соловецкое общество Краеведения. Материалы. – Вып. XVII. – Соловки, 1927. – С. 29-46. Цит. по: Russische Gaunerschprache [Текст] / Hg. von Olexa Horbatsch. – Frankfurt am Main: Auslieferung: Kubon & Sagner, München, 1978. – S. 19-26. (Specimina Philologiae Slavicae. Bd. 16.)

470. Волоцкой 1903 – *Волоцкой, В.* Сборник материалов для изучения Ростовского (Ярославской губернии) говора. Словарь Ростовского говора [Текст] / В. Волоцкой // Сборник Отделения русского языка и словесности

ИАН. – 1903. – Т. 72. – № 3. – С. 1-115.

471. Воривода 1971 – *Воривода, И.П.* Сборник жаргонных слов и выражений, употребляемых в устной и письменной речи преступным элементом [Текст] / И.П. Воривода; ред. Н.И. Дураев. – Алма-Ата: <МВД Казахской ССР>, 1971. – 100 с.

472. Воривода 1971/2009 – *Воривода, И.П.* Сборник жаргонных слов и выражений, употребляемых в устной и письменной речи преступным элементом [Текст] / И.П. Воривода. – М.: Красный матрос, 2009. – 100 с. (Серия «Репринт», книга 10.)

473. Воробьёва 2002 – *Воробьёва, И.А.* Словарь диалектизмов в произведениях В.М. Шукшина [Текст] / И.А. Воробьёва. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – 109 с.

474. Гаева- – *Гаева, Е.В.* Гости из прошлого: Словарь редких слов. В 3 т. – Т. 1: А–Й. – 631 с.; Т. 2: К–Посутяжничать. – 653 с.; Т. 3: Посхимиться–Я. – 622 с. [Текст] / Е.В. Гаева. – М.: ИНФРА-М, 2014. – 632 с. – (Библиотека словарей ИНФРА-М).

475. Герасимов 1893 – *Герасимов, М.К.* О говоре крестьян южной части Череповецкого уезда Новгородской губернии [Текст] / М.К. Герасимов // Живая старина. – 1893. – Вып. III. – Отд. 2. – С. 374-388.

476. Герасимов 1910 – *Герасимов, М.К.* Словарь уездного Череповецкого говора [Текст] / М.К. Герасимов // Сборник Отделения русского языка и словесности ИАН. – 1910. – Т. 87. – № 3. – С. 1-111.

477. Грачёв 1992 – *Грачёв, М.А.* Язык из мрака. Блатная музыка и феня [Текст] / М.А. Грачёв. – Нижний Новгород: Флокс, 1992. – 196 с.

478. Грачёв 2003 – *Грачёв, М.А.* Словарь тысячелетнего русского арго [Текст] / М.А. Грачёв. – М.: Рипол Классик, 2003. – 1120 с.

479. Грачёв 2006 – *Грачёв, М.А.* Словарь современного молодежного жаргона [Текст] / М.А. Грачёв. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – 672 с. – (Школьные словари).

480. Грачёв 2006а – *Грачёв, М.А*. Толковый словарь русского жаргона [Текст] / М.А. Грачёв. – М.: ЮНВЕС, 2006. – 703 с. (Серия «Словарная классика».)

481. Грачёв, Мокиенко 2000 – *Грачёв, М.А.* Историко-этимологический словарь воровского жаргона [Текст] / М.А. Грачёв, В.М. Мокиенко. – СПб.: Фолио-Пресс, 2000.– 256 с. (Серия «Каждому обо всем».)

482. Грачёв, Мокиенко 2009 – *Грачёв, М.А.* Русский жаргон. Историко-этимологический словарь воровского жаргона [Текст] / М.А. Грачёв, В.М. Мокиенко. – М.: АСТ-Пресс, 2009. – 336 с. (Серия «Малые настольные словари русского языка».)

483. Даль$_1$- – *Даль, В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] / В.И. Даль: В 4-х тт. – М.: О-во любителей рос. словесности, учр. при Имп. Моск. ун-те, 1863-1865.

484. Даль$_2$- – *Даль, В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] / В.И. Даль: В 4-х тт. – СПб.; М.: М.О. Вольф, 1881-1882.

485. Даль$_3$- – *Даль, В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] / В.И. Даль: В 4-х тт. – СПб.; М.: Т-во М.О. Вольф, 1904-1907.

486. Даль$_6$- – *Даль, В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] / В.И. Даль: В 4-х тт. – М.: Русский язык, 1978-1980.

487. Даль 1845 – *Даль В.И*. Русский словарь [Текст] / В.И. Даль // Иллюстрация. – СПб., 1845. – Т. I. – № 1. – С. 14–15, № 2. – С. 31, № 9. – С. 142.

488. Девель 2011 – *Девель, Л.А*. Англо-русский учебный словарь [Текст] / Л.А. Девель. – СПб.: КультИнфоПресс, 2011. – 135 с.

489. Деулино 1969 – Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) [Текст] / Под ред. И.А. Оссовецкого. – М.: Наука, 1969. – 612 с.

490. Дилакторский 2005 – *Дилакторский, П.А*. Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении [Электронный ресурс] / П.А. Дилакторский. – СПб.: Наука, 2005. – 677 с. – Режим доступа: http:/www.ruslang.ru/?id=dialectolog_centers_links (дата

обращения: 22.09.2015).

491. Диттель 1898 – *Диттель* (член-сотрудник). Сборник рязанских областных слов [Текст] / [Ив. Фёд.?] Диттель // Живая старина. – 1898. – Вып. II. – Отд. 2. – С. 203–227. (Инициалы указала Ел. Петр. Осипова, Рязань.)

492. Дмитревский 1822 – *Дмитревский, А*. Провинциальные слова Касимовского уезда [Текст] / А. Дмитревский // Труды общества любителей российской словесности. – 1822. – Ч. I (21). – С. 256-260.

493. Добровольский 1897 – *Добровольский, В.Н*. О дорогобужских мещанах и их шубрейском или кубрацком языке [Текст] / В.Н. Добровольский // Известия Отделения русского языка и словесности ИАН. – СПб., 1897. – Т. II. – Кн. 1-2. – С. 320-352 (словарь – С. 343-352).

494. Добровольский 1914 – *Добровольский, В.Н*. Смоленский областной словарь [Текст] / В.Н. Добровольский. – Смоленск: Тип. П.А. Силина, 1914. – 1022 с.

495. Добровольский 1916 – *Добровольский, В.Н*. Некоторые данные условного языка дорогобужских мещан, калик перехожих, портных и коновалов, странствующих по Смоленской земле. Данные языка Кубрацкого или Шубрейского Дорогобужских мещан [Текст] / В.Н. Добровольский // Смоленская старина. – Т. III. – Вып. 2. – Смоленск, 1916. – С. 1-13 (1-й пагинации); *1-9* (2-й пагинации); *10-12* (2-й пагинации); *13* (2-й пагинации). Вторая пагинация дана *курсивом*.

496. Дубровський 1918 – *Дубровський, В*. Словник московсько-український [Текст] / В. Дубровський. – Київ: Рідна мова, 1918. – 2, 545 с.

497. Дубягин, Теплицкий 1993 – *Дубягин, Ю.П.* Краткий англо-русский и русско-английский словарь уголовного жаргона = Concise English-Russian and Russian-English Dictionary of the Underworld [Текст] / Ю.П. Дубягин, Е.А. Теплицкий. – М.: ТЕРРА, 1993. – 288 с.

498. Дубягина, Смирнов 2001 – *Дубягина, О.П.* Современный русский жаргон уголовного мира: Словарь-справочник [Текст] / О.П. Дубягина,

Г.Ф. Смирнов. – М.: Юриспруденция, 2001. – 352 с.

499. Дубягина и др. 2006 – *Дубягина, О.П.* Средства коммуникации преступного мира. Словарь-справочник [Текст] / О.П. Дубягина, Ю.П. Дубягин, А.Г. Горелов, О.И. Гречишников. – М.: Политбюро, 2006 – 366 с.

500. Еднералова 2006 – *Еднералова, Н.Г.* (сост.) Словарь лексических трудностей: справочное пособие для студентов гуманитарного профиля обучения [Электронный ресурс / сост. Н.Г. Еднералова; Российская академия правосудия, Центральный филиал. – Воронеж, 2006. – 361 с. – Режим доступа: http://docs.podelise.ru/docs/index-1437.html (дата обращения: 22.09.2015).

501. Елистратов 1994 – *Елистратов, В.С.* Словарь московского арго: материалы 1980-1994 гг.: Около 8 000 слов, 3 000 идиомат. выражений [Текст] / В.С. Елистратов. – М.: Русские словари, 1994. – 699 с.

502. Елистратов 1997 – *Елистратов, В.С.* Язык старой Москвы. Лингвоэнциклопедический словарь: Ок. 4000 ед. [Текст] / В.С. Елистратов. – М.: Русские словари, 1997. – 704 с.

503. Елистратов 2000 – *Елистратов, В.С.* Словарь русского арго: материалы 1980-1990 гг.: Около 9 000 слов, 3 000 идиомат. выражений [Текст] / В.С. Елистратов. – М.: Русские словари, 2000. – 693 с.

504. Елистратов 2001 – *Елистратов, В.С.* Словарь языка Василия Шукшина: ок. 1500 слов, 700 фразеологических единиц [Текст] / В.С. Елистратов. – М.: Азбуковник, Русские словари, 2001. – 432 с.

505. Елистратов 2005 – *Елистратов, В.С.* Толковый словарь русского сленга: свыше 12000 слов и выражений [Текст] / В.С. Елистратов. – М.: АСТ-Пресс: АСТ-Пресс Книга, 2005. – 668 с. – (Серия «Словари русского языка»).

506. Епишкин- – *Епишкин, Н.И.* Исторический словарь галлицизмов русского языка [Электронный ресурс] / Н.И. Епишкин. – Режим доступа: http://gallicismes. academic.ru (дата обращения: 02.10.2015).

507. Ермакова 2008 – *Ермакова, О.П.* Жизнь российского города в лексике 30–40-х годов XX века: Краткий толковый словарь ушедших и уходящих слов и значений [Текст] / О.П. Ермакова. – Калуга: Эйдос, 2008. – 172 с.

508. Ермакова 2011 – *Ермакова, О.П.* Жизнь российского города в лексике 30–40-х гг. XX века: Краткий толковый словарь ушедших и уходящих слов и значений [Текст] / О.П. Ермакова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 186 с.

509. Ермакова, Земская, Розина 1999 – *Ермакова, О.П.* Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона: Ок. 450 слов [Текст] / О.П. Ермакова, Е.А. Земская, Р.И. Розина. Под общим руководством Р.И. Розиной. – М.: Азбуковник, 1999. – 273 с.

510. ЕСУМ – Етимологічний словник української мови. – Т. 1-5. – Київ: Наукова думка, 1982-2006.

511. Запесоцкий, Файн 1990 – *Запесоцкий, А.С.* Эта непонятная молодежь... Проблемы неформальных молодежных объединений [Текст] / А.С. Запесоцкий, А.П. Файн. – М.: Профиздат, 1990. – 224 с.

512. Зуев 1787 – *Зуев, В.Ф.* Путешественные записки Василья Зуева от С<анкт>-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году [Текст] / В.Ф. Зуев. – СПб.: Тип. ИАН, 1787. – С. 178-182.

513. Канунова и др. 2012 – *Канунова, Р.С.* Владимирский областной словарь: лексика природы [Текст] / Р.С. Канунова; ред. М.В. Пименовой. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2012. – 126 с.

514. Караулов 1900 – *Караулов, М.А.* Говор станиц бывшего Моздокского полка Терского казачьего войска [Текст] / М.А. Караулов // Русский филологический вестник. – Варшава, 1900. – Т. XLIV. – С. 86-115.

515. Караулов 1902 – *Караулов, М.А.* Материалы для этнографии Терской области. Говор гребенских казаков [Текст] / М.А. Караулов // Сборник Отделения русского языка и словесности ИАН. – СПб., 1902. – Т. 71. – № 7. – С. 1-112. Словарь – 45-112.

516. Караулов 1907 – *Караулов 1-й, Н.А*. Говор гребенских казаков. Слова, заимствованные с турецко-татарских наречий [Текст] / Н.А. Караулов // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Вып. 37. – Отд. 3. – Тифлис: Изд. Управления Кавказского Учебного Округа, 1907. – С. 103-109.

517. Карманный 1929 – Карманный словарь-справочник [Текст] / 5-е стер. изд. – М.: Прометей, 1929. – 370 с.

518. Копорский 1929 – *Копорский, С.А*. О говоре севера Пошехонско-Володарского уезда [Текст] / С.А. Копорский. – Ярославль: ЯрГПИ, 1929. – 129 с. (Труды Ярославского пединститута. – Т. II. – Вып. 3.)

519. Коровушкин 2000 – *Коровушкин, В.П*. Словарь русского военного жаргона: нестандартная лексика и фразеология вооруженных сил и военизированных организаций Российской империи, СССР и Российской федерации XVIII-XX веков [Текст] / В.П. Коровушкин. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. – 372 с.

520. Кривошапкин 1865 – *Кривошапкин, М.Ф*. Енисейский округ и его жизнь [Текст] / М.Ф. Кривошапкин. – Т. I-II. – СПб.: Тип. В. Безобразова и К., 1865. – 6, VIII, 378; 2, 188 с.

521. Лебедев 1909 – *Лебедев, В*. Словарь воровского языка / В. Лебедев // Вестник полиции. – 1909. – № 22. – С. 456-458 (а-к); № 23. – С. 477-478 (л-п); № 24. – С. 499-500 (р-я) [репринт: СРВС. – Т. 1. – С. 197-208].

522. Липатов, Журавлёв 2009 – *Липатов, А.Т*. Региональный словарь русской субстандартной лексики. Йошкар-Ола. Республика Марий Эл [Текст] / А.Т. Липатов, С.А. Журавлёв. – М.: Изд-во ЭЛПИС, 2009. – 288 с.

523. Ломтев, Истомин 2004 – *Ломтев, А.Г.* Словник корпоративного жаргона представителей преступного мира и маргиналов [Текст] / А.Г. Ломтев, П.А. Истомин. – Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2004. – 320 с.

524. Ляшевская 2009 – *Ляшевская, О.Н*. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка)

[Текст] / О.Н. Ляшевская, С.А. Шаров. – М.: Азбуковник, 2009. – 1112 с.

525. Мак-Киенго 1997 – *Мак-Киенго, У*. Словарь русской брани [Текст] / Уоллер Мак-Киенго. – Калининград: КЛ и МАТ, 1997. – 261 с.

526. Макаров 1846-1848 – Макаров М.Н. Опыт русского простонародного словотолковника [Текст] / М.Н. Макаров // Чтения в Обществе истории и древностей российских. – 1846. – № 3. – Отд. IV. – С. 24-43: словарь на букву А. 1847. – № 1. – Отд. IV. – С. 1-19 (паг. посл.): словарь на буквы Е, Ж, З. № 2. – Отд. IV. – С. 33-38: словарь на букву И. № 3. – Отд. IV. – С. 89-112: словарь на букву К. № 4. – Отд. IV. – С. 143-154 (паг. посл.): словарь на букву К. № 6. – Отд. IV. – С. 1-24 (паг. 3-я): словарь на букву Б. № 7. – Отд. IV. – С. 17-27 (паг. 2-я): словарь на букву В. № 9. – Отд. IV. – С. 1-21 (паг. посл., перед Протоколами): словарь на букву Г, Д. 1848. – № 5. – Отд. IV. – С. 145-159 (паг. посл.), словарь на букву Л. № 9. – Отд. IV. – С. 267-295: словарь на буквы М, Н.

527. Макаров 1820 – *Макаров, М*. Краткая записка о некоторых простонародных словах Рязанского, Пронского, Скопинского, Михайловского, Ряжского и Спасского уездов Рязанской губернии, с объяснением их значения [Текст] / М.Н. Макаров // Труды Общества любителей российской словесности. – Ч. XX. – М., 1820. – С. 12-26.

528. Макаров 1822 – *Макаров, М.Н*. К сочленам [Текст] / М.Н. Макаров // Труды общества любителей российской словесности. – Ч. XXI. Сочинения в прозе и стихах. Ч. I. Протоколы. – М., 1822. – С. 287-298.

529. Макаров, Матвеева 1993 – *Макаров, В.И*. От Ромула до наших дней. Словарь лексических трудностей художественной литературы [Текст] / В.И. Макаров, Н.П. Матвеева. – М.: Былина, 1993. – 368 с.

530. Малеча- – *Малеча, Н.М*. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. В 4 тт. [Текст] / Н.М. Малеча. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002-2003.

531. Марков 1907 – *Марков, Д.А*. Слова, записанные в Ветлужском уезде

[Текст] / Д.А. Марков // Известия Общества археологии, истории и этнографии. – Казань, 1907. – Т. XXIII. – Вып. 2. – С. 132-135.

532. Меергус 2000-2002 – *Меергус, А.* Алфавитно-корневой иврит-русский словарь. Версия 3.0. 2000-2002 [Электронный ресурс] / А. Меергус. – Режим доступа: ftp://93.185.194.31/Documents (дата обращения: 22.09.2015).

533. Мильяненков 1992 – *Мильяненков, Л.А.* По ту сторону закона. Энциклопедия преступного мира [Текст] / Л.А. Мильяненков. – СПб.: Дамы и господа, 1992. – 320 с.

534. Миртов 1929 – *Миртов, А.В.* Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков [Текст] / А.В. Миртов. – Ростов-на-Дону, 1929. – 415 с. (Труды Северо-Кавазской ассоциации научно-исследовательских институтов. № 58. Н.-и. институт изучения местной экономики и культуры при Северокавказском государственном университете. Вып. 6.).

535. Миртов 1929а – *Миртов, А.В.* Из лексикона ростовских беспризорников и босяков [Электронный ресурс] / А.В. Миртов // *Миртов, А.В.* Донской словарь. – Ростов-на-Дону, 1929. – Стб. 409-416. – Режим доступа: www.argotism.ru›materials.htm (дата обращения: 22.09.2015).

536. Мокиенко 1995 – *Мокиенко, В.М.* Словарь русской бранной лексики (матизмы, обсценизмы, эвфемизмы с историко-этимологическими комментариями). А-А – ЯЯ [Текст] / В.М. Мокиенко. – Berlin: DieterLENZ Verlag, 1995. – XXV + 151 с.

537. Мокиенко, Никитина 1998 – *Мокиенко, В.М.* Толковый словарь языка Совдепии [Текст] / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.

538. Мокиенко, Никитина 2000 – *Мокиенко, В.М.* Большой словарь русского жаргона [Текст] / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – СПб.: Норинт, 2000. – 717 с.

539. Морковкины 1997 – *Морковкин В.В., Морковкина А.В.* Русские агнонимы

(слова, которые мы не знаем). – М.: АО «Астра семь», 1997. – 414 с.

540. Мосеев 2005 – *Мосеев И.И.* Поморьска говоря. Краткий словарь поморского языка. – Архангельск: Издательство Белые альвы, ИПП Правда Севера, 2005. – 372 с.

541. Несколько 1853 – Несколько особенных слов и выражений, употребляемых жителями уездов: Тотемского, Устюгского и Никольского // Вологодские губернские ведомости. – 1853. – № 38. – Ч. неоф. – С. 330-331.

542. Никитина 2003 – *Никитина, Т.Г.* Молодежный сленг. Толковый словарь: Более 12 000 слов; свыше 3000 фразеологизмов [Текст] / Т.Г. Никитина. – М.: Астрель; АСТ, 2003. – 912 с.

543. Никитина 2005 – *Никитина, Т.Г.* Толковый словарь молодежного сленга [Текст] / Т.Г. Никитина. – М.: АСТ; Астрель; Транзиткнига, 2005. – 256 с.

544. Николайчик 1889 – *Николайчик, Ф.* Отголосок лирницкого языка [Текст] / Ф. Николайчик // Киевская старина. – Т. XXIX. Апрель. – Киев, 1889. – С. 121-130.

545. Новиков-Даурский 2003 – *Новиков-Даурский Г.С.* Словарная картотека Г.С. Новикова-Даурского [Текст] / Под ред. Л.В. Кирпиковой. – Благовещенск: Благовещенский гос. педагог. университет, 2003. – 198 с.

546. Нові 2008 – Нові слова та значення. Словник [Текст] / Укл. Л.В. Туровська, Л.М. Василькова. – К.: Дніпро, 2008. – 272 с.

547. Носович- – *Носович, И.И.* Словарь белорусского наречия [Текст] / И.И. Носович. – Т. 1-2. – СПб.: Изд-во ИАН, 1870. – 811 с.

548. НФС 1998 – Новейший философский словарь. Сост. А.А. Грицанов. – Минск: Изд. В.М. Скакун, 1998. – 896 с.

549. О.К. 1913 – *О.К.* Арестантский словарь [Текст] / О.К. // Тюремный вестник. – Март. – СПб., 1913. – С. 530-566 [репринт: СРВС-II: 105-138].

550. Оп. 1852 – Опыт областного великорусского словаря [Текст] / [ред. А.Х. Востоков]. – СПб.: Тип. ИАН, 1852. – [4], XII, 275 с.

551. Опд. 1858 – Дополнение к Опыту областного великорусского словаря

[Текст] / [ред. А.Х. Востоков]. – СПб.: Тип. ИАН, 1858. – [2], 328 с.

552. Отин 2004 – *Отин, Е.С.* Словарь коннотативных собственных имен [Текст] / Е.С. Отин. – Донецк: ООО «Юго-восток, Лтд.», 2004. – 412 с.

553. Отин 2006 – *Отин, Е.С.* Словарь коннотативных собственных имен [Текст] / Е.С. Отин. – Москва – Донецк: ООО «А Темп», 2006. – 440 с.

554. Паллас$_1$- – *Паллас, П.С.* Сравнительные словари всех языков и наречий [Текст] / П.С. Паллас. – Ч. I-II. – СПб.: Тип. Шнора, 1787-1789.

555. Паллас$_2$- *Паллас, П.С.* Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный [Текст] / П.С. Паллас. – Ч. 1-4. – СПб.: [без изд-ва], 1790-1791.

556. Панин 1991 – *Панин, Л.Г.* Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII века [Текст] / Л.Г. Панин. – Новосибирск: Наука, 1991. – 180 с.

557. Петров, Прилежаев 1856 – *Петров [К. М.]*. Список местных слов Олонецкого края, не вошедших в Областной словарь Академии Наук [Текст] / К.М. Петров, Л. Прилежаев // Олонецкие губернские ведомости. – 1856. – № 24. – Ч. неоф. – С. 76-77; № 25. – С. 79-80.

558. Пирожков 1994 – *Пирожков, В.Ф.* Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура). – Тверь: Изд-во «Приз», 1994. – 320 с.

559. Пискунов 1882 – *Пискунов, Ф.* Словарь живого народного, письменного и актового языка русских Южан [Текст] / Ф.М. Пискунов. – Киев: Тип. Е.Я. Федорова, 1882. – 2, VI, 304, IV с.

560. Поликарпов 1911 – *Поликарпов, Ф.И.* Материалы для изучения южновеликорусских говоров. Нижнедевицкий словарь [Текст] / Ф.И. Поликарпов // Филологические записки. – Воронеж, 1911. – Вып. I. – С. 156–172; Вып. II. – С. 305–320. – Вып. III. – С. 459–472; Вып. IV. – С. 602–616; Вып. V. – С. 764–776; 1912, Вып. VI. – С. 473–478.

561. Полный- – Полный словарь сибирского говора [Текст] / Гл. ред. О.И. Блинова. – Т. 1−4. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992−1995.

562. Попов 1912 – *Попов, В.М.* Словарь воровского и арестантского языка [Текст] / В.М. Попов. – Киев: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1912. – 127 с.

563. ПОС, 8, 11 – Псковский областной словарь с историческими данными [Текст]. – Вып. 8, 11. – Л.; СПб.: Наука, 1990, 1995.

564. Потапов 1923 – [*Потапов, С.М.*] Блатная музыка. Словарь жаргона преступников/ Сост. С.М. Потапов. – М: [Типография ГПУ, Б. Лубянка, 18]. 1923 – 80 с. [репринт: СРВС. – Т. II. – С. 161-226].

565. Потапов 1927 – *Потапов, С.М.* Словарь жаргона преступников (блатная музыка) [Текст] / Сост. по новейшим данным С.М. Потапов. – М.: [без изд-ва], 1927. – 196 с.

566. Прибытов 2008 – *Прибытов, Б.П.* Язык нашего времени: [неформал. толковник рус. яз.: словарь] [Текст] / Б.П. Прибытов. – Челябинск, 2008. – 100 с.

567. Простонародные 1858 – Простонародные слова, употребляемые в Симбирской губернии // Симбирские губернские ведомости. – 1858. – No 9. – Ч. неофиц. – С. 25-27.

568. Пруссак 1921 – *Пруссак, А.* Говор Брянского уезда Орловской губернии. Материалы для изучения великорусских говоров. Вып. X [Текст] / А. Пруссак // Сборник Отделения русского языка и словесности ИАН. – Т. XCIX. – № 2. – Пг., 1921. – С. 9-22.

569. Путилин 2004 – *Путилин, И.Д.* Записки И.Д. Путилина [Текст] / И.Д. Путилин. – Кн. 4-я. – СПб., 1904. – С. 261-267.

570. Путинцев 1906 – *Путинцев, А.М.* О говоре в местности «Хворостань» Воронежской губ. [Текст] / А.М. Путинцев // Живая старина. – 1906. – Вып. I. – Отд. I. – С. 94-128.

571. Редкие сл. 1997 – Редкие слова в произведениях авторов XIX века. Словарь-справочник [Текст] / отв. ред. Р.П. Рогожникова: Около 3 500 единиц, сост. Р.П. Рогожникова, К.А. Логинова, С.А. Пономаренко и др. –

М.: Русские словари, 1997. – 572 с.

572. Рейнеке и др. 1844 – *Рейнеке, М.Ф.* Объяснение некоторых слов, употребляемых морскими промышленниками Архангельской губернии [Текст] / М.Ф. Рейнеке, П.К. Пахтусов, А.К. Цивольки // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. – 1844. – Ч. II. – С. 115-129.

573. Ремчуков 2007 – *Ремчуков, В.Н.* Толковый казачий словарь. 2-е издание, испр. и доп. [Текст] / В.Н. Ремчуков. – Волгоград: Станица-2, 2007. – 192 с.

574. РЕС 1989 – Русско-еврейский (идиш) словарь [Текст]. – М.: Русский язык, 1989. – 720 с.

575. Рогожникова, Карская 2005 – *Рогожникова, Р.П.* Словарь устаревших слов русского языка: По произведениям русских писателей XVIII-XX вв. [Текст] / Р.П. Рогожникова, Т.С. Карская. – М.: Дрофа, 2005. – 832 с.

576. Росси- – *Росси, Жак*. Справочник по ГУЛАГ [Текст] / Ж. Росси. – изд 2-е, доп. – М.: Просвет, 1991. – Ч. 1. – [4], IV, 263, 6 с.; Ч. 2. – [3], 264-548 с.

577. Рыбников 1864 – *Рыбников, П.Н.* Сборник слов, употребляемых в Олонецкой губернии [Текст] / П.Н. Рыбников // Этнографический сборник, издаваемый Императорским Русским Географическим Обществом. – Вып. 6. – СПб.: Тип. В. Головина, 1864. – С. 1-24 (7-й араб. паг.).

578. Самсонов 2012 – *Самсонов, Н.Г.* Словарь заимствованных слов [Текст] / Н.Г. Самсонов. – Якутск: Бичик, 2012. – 109 с.

579. Сенковский 1854 – *Сенковский, О.И.* Карманная книга для русских воинов в турецких походах: Турецкие разговоры. Словарь. Грамматика: [В 2 ч.] [Текст] / [О. Сенковский]. – СПб.: иждивением В. Печаткина, 1854 (тип. Штаба Отд. корпуса внутр. Стражи). – [10], 84, 98, 95 с.

580. Синдаловский 2003 – *Синдаловский Н.А.* Словарь петербуржца: Более 3.7 тыс. слов и выражений [Текст]. – СПб.: Норинт, 2003. – 320 с.

581. СИС 1861 – Словарь иностранных слов, употребительных в русской литературе [Текст]. – М.: Тип. Андерса, 1861. – 77 с.

582. СИС$_6$ 1964 – Словарь иностранных слов [Текст] / под ред. И.В. Лехина, С.М. Локшиной, Ф.Н. Петрова (главный редактор) и Л.С. Шаумяна. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во «Советская Энциклопедия», 1964. – 784 с.

583. Сл. 1822- – Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный [Текст]. – Ч. I-IV. – СПб.: Тип. ИАН, 1822.

584. Сл. 1847- – Сл. 1847 – Словарь церковно-славянского и русского языков [Текст]. – Т. I-IV. – СПб.: Тип. ИАН, 1847.

585. Сл. XI-XIV. Пр. 1966 – Словарь древнерусского языка XI – XIV веков (Введение, инструкция, список источников, пробные статьи). – М.: Наука, 1966. – 302 с.

586. Сл. XI-XIV- – Словарь древнерусского языка (XI– XIV вв.): В 10 т./ С48 АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред. Р. И. Аванесов. – Т. 1: (а – възаконтис). – М.: Рус. яз., 1988.

587. Сл. XI-XVII- – Словарь русского языка XI-XVII вв. [Текст]. – Вып. 1-29. – М.: Наука, 1975-2011.

588. Сл. XVIII- – Словарь русского языка XVIII века. [Текст]. – Вып. 1-17. – Л.; СПб.: Наука, 1984-2007.

589. Сл. юж. Красн. 1988 – Словарь русских говоров южных районов Красноярского края [Текст]. – Красноярск: КрГПИ, 1968. – 232 с.

590. СлКГ- – Словарь курских говоров [Текст]. – Вып. 1-2. – Курск: Изд-во КГУ, 2004.

591. Слова 1848 – Слова, присказы, пословицы и поговорки, собранные в Бобровском уезде в 1848 году [Текст] // Воронежские губернские ведомости. – 1864. – № 17. – Ч. неоф. – С. 66-67; № 21. – С. 81-82.

592. Словарь дон.- – Словарь русских донских говоров [Текст]. – Т. 1-3. Ростов-на-Дону: РГУ, 1975-1976.

593. СлРДГ – Словарь русских донских говоров. 2-е изд., перераб. и доп. [Текст]. – Вып. 1. – Ростов н/Д, 1991. – 350 с.

594. Смирнов 1899 – *Смирнов, Н.А.* Слова и выражения воровского языка, выбранные из романа Вс. Крестовского «Петербургские трущобы» [Текст] / Н.А. Смирнов // Известия Отделения русского языка и словесности ИАН. – Т. IV. – Кн. 3. – СПб., 1899. – С. 1065-1087.

595. Смирнов 1901 – *Смирнов, И.Т.* Кашинский словарь [Электронный ресурс] / составил И.Т. Смирнов. – СПб.: Тип. ИАН, 1901. – [2], II, 212 с. – Режим доступа: http://docs.tverlib.ru/ kraevedenie/kashin_slovar (дата обращения: 22.09.2015).

596. Собрания 1859 – Собрания выражений и фраз, употребляемых в разговоре С<анкт>-Петербургскими мошенниками [Текст] // Северная пчела. Газета политическая и литературная. – СПб., 1859. – Четвертокъ, 24-го Декабря. – № 282. – С. 1129-1130.

597. Соколов 1868 – *Соколов, П.* Особенности ростовского наречия [Текст] / П<авел> Соколов // Ярославск. губ. вед. – 1868. – No 38 <четверг, 19 сентября>. – С. 7-8; No 39. – С. 7-8; No 40. – С. 9.

598. Сомов 1996 – *Сомов, В.П.* Словарь редких и забытых слов [Текст] / В.П. Сомов. – М.: Владос, 1996. – 766 с.

599. Сомов 2001 (2008) – *Сомов, В.П.* Словарь редких и забытых слов [Текст] / В.П. Сомов. – М.: АСТ, Астрель; Владимир: ВКТ, 2001 (2008). – 605 с.

600. Спасский 1883 – *Спасский.* Собрание слов, употребляемых простонародием, а частью и средним сословием в г. Соликамске и его окрестностях Пермской губернии [Электронный ресурс] / свящ. Спасский // Календарь Пермской губернии на 1883 год. Год первый. – Пермь: Тип. Губ. Правления, 1883. – Отд. II. – С. 109-115. – Режим доступа: http://book.uraic.ru/elib/kraeved-hran/PKAK/1069582/142.htm (дата обращения: 22.09.2015).

601. СРБ 2003 – *Мокиенко В.М.* Словарь русской брани (матизмы, обсценизмы,

эвфемизмы) [Текст] / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – СПб., 2003.

602. СРВС- – Собрание русских воровских словарей: В 4-х тт. [Текст] / Сост. Влад. Козловский. – New York: Chalidze Press, 1983. – Т. 1 (225 с.), Т. 2 (230 с.), Т. 3 (246 с.), Т. 4 (200 с.).

603. СРГК- – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей [Текст] / Гл. ред. А.С. Герд. – Вып. 1-5. – СПб.: СПбГУ, 1994-2002.

604. СРГНО – Словарь русских говоров Новосибирской области [Текст] / под ред. А.И. Фёдорова. – Новосибирск: Наука, 1979. – 605 с.

605. СРГС- – Словарь русских говоров Сибири [Текст] / под ред. А.И. Фёдорова. – Т. 1-5. – Новосибирск: Наука, 1999-2006.

606. Срезневский- – *Срезневский, И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам [Текст] / И.И. Срезневский. – Т. I-III. – СПб.: Тип. ИАН, 1893-1912.

607. СРНГ- – Словарь русских народных говоров. Вып. 1-24. [Текст] / гл. ред. Ф.П. Филин [Текст] / ред. Ф.П. Сорокалетов. – М.; Л.: Наука, 1965-1989. Вып. 25-41. [Текст] / гл. ред. Ф.П. Сорокалетов. – СПб.: Наука, 1990-2007. Вып. 42-46 [Текст] / гл. ред. Ф.П. Сорокалетов [Текст] / ред. С.А. Мызников. – СПб.: Наука, 2010-2013.

608. Сцепуро 1881 – *Сцепуро, Ф.* Русско-нищенский словарь, составленный из разговора нищих Слуцкого уезда, Минской губернии, местечка Семежова [Текст] / Ф. Сцепуро // Записки ИАН. – Т. XXXVII. – Кн. II. – СПб., 1881. – С. 188-197. (=Сцепуро 1881 – *Сцепуро, Ф.* Русско-нищенский словарь, составленный из разговора нищих Слуцкого уезда, Минской губернии, местечка Семежова [Текст] / Ф. Сцепуро // Сборник Отделения русского языка и словесности ИАН. – XXI. – СПб., 1881. – С. XXIII-XXXII.)

609. СЭС 1988 – Советский энциклопедический словарь [Текст] / 4-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1988. – 1600 с.

610. СЯМШ 2005 – Словарь языка Михаила Шолохова / Моск. гос. открытый пед. ун-т им. М.А. Шолохова [Текст]. – М.: Азбуковник, 2005. – 964 с.

611. ТвБежецк 1820 – Отличные выражения, употребляемые бежецкими гражданами в торговле // Труды Общества любителей российской словесности. – Ч. XX. – М., 1820. – С. 168-173.

612. ТвКаш 1820 – Собрание особливых и отличающихся произношением слов, употребляемых между жителями Тверской губернии. В городе Кашине // Труды Общества любителей российской словесности. – Ч. XX. – М., 1820. – С. 167-168.

613. Тимофеев 1971 – *Тимофеев, В.П.* Диалектный словарь личности [Текст] / В.П. Тимофеев. – Шадринск, 1971. – 144 с. (Ученые записки Шадринского гос. пед. ин-та. – Вып. 162.)

614. Тимофеев, Тимофеева 2010 – *Тимофеев, В.П.* Диалектный словарь личности [Текст] / В.П. Тимофеев, О.В. Тимофеева. – 2-е изд., доп. . – Шадринск: Изд-во ОГУП “Шадринский Дом Печати”, 2010. – 595 с.

615. Тиханов 1899 – *Тиханов, П.Н.* Черниговские старцы. Псалки и криптоглоссон [Текст] / П.Н. Тиханов // Труды Черниговскойучёной архивной комиссии. – Вып. 2. – Чернигов: , 1899/1900. – С. 80-152.

616. Тихонравов 1857 – *Тихонравов, К.* Офени Владимирской губернии / К. Тихонравов // Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии [Электронный ресурс] / Составил и издал К. Тихонравов. – М.: Унив. тип., 1857. – С. 22-27. – Режим доступа: libinfo.org›index.php?find=3&name (дата обращения: 22.09.2015).

617. Ткаченко 1998 – *Ткаченко, Петр*. Кубанский говор. Опыт авторского словаря: Справочное издание [Текст] / П.И. Ткаченко. – М.: Граница, 1998. – 240 с.

618. Трахтенберг 1908 – *Трахтенберг, В.Ф*. Блатная музыка («жаргон» тюрьмы) [Текст] / В.Ф. Трахтенберг; под ред. и с предисл. проф. И.А. Бодуэн-де-Куртенэ. – СПб.: Тип. А.Г. Розена, 1908. – 69 с.

619. ТСУЖ 1991 – Толковый словарь уголовных жаргонов [Текст] / Сост. колл.

авт.: Ю.П. Дубягин (руководитель) и др. – М.: Интер-ОМНИС, РОМОС. – 207 с.

62. Тупиков 1903 – *Тупиков, Н.М.* Словарь древнерусских личных собственных имен [Текст] / Н.М. Тупиков. – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1903. – 863 с.

621. Тупиков 2005 – *Тупиков, Н.М.* Словарь древнерусских личных собственных имен [Текст] / Н.М. Тупиков. – М.: Языки слав. культур, 2005. – 1032 с.

622. Углов 1859 – *Углов, В.Н.* Объяснительный словарь иностранных слов, употребляемых в русском языке [Текст] / В.Н. Углов. – СПб.: Тип. Э. Веймара, 1859. – 214 с.

623. Фасмер- – *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка: В 4-х т.: Пер. с нем. [Текст] / 2-е изд., стереотип. [Текст] / М.Р. Фасмер. – М.: Прогресс, 1986-1987.

624. Филимонов 1891 – *Ф[илимонов], К. Ф.* Слова и выражения, употребляемые жителями Коштугской волости в разговорной речи [Текст] / К.Ф. Ф[илимонов] // Олонецкие губернские ведомости. – 1891. – № 61. – С. 617–618; № 62. – С. 629-630; № 63. – С. 641; № 64. – С. 653-654; № 65. – С. 663-664; № 66. – С. 674; № 67. – С. 687.

625. Флегон 1973 – *Флегон, А.* За пределами русских словарей = Beyond the Russian Dictionnary [Текст] / А. Флегон. – 3-е изд. – London: Flegon Press, [1973]. – 408 с.

626. ЦРС 1938 – Цыганско-русский словарь: около 10 000 слов с приложением грамматики цыганского языка [Текст] / сост. А.П. Баранников, М.В. Сергиевский; под ред. Н.А. Панкова. – М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1938. – 191 с.

627. Чернышёв 1900 – *Чернышёв, В.И.* Сведения о народных говорах некоторых селений Московского уезда, расположенных в верховьях реки Клязьмы (Дурыкинская и Озерецкая волости) [Текст] / В.И. Чернышёв // Сборник Отделения русского языка и словесности ИАН. – 1900 (1901). – № 68. – №

3. – С. I-II, 1-174.

628. Шанский, Боброва 1994 – *Шанский, Н.М.* Этимологический словарь русского языка [Текст] / Н.М. Шанский, Т.А Боброва. – М.: «Прозерпина», ТОО «Школа», 1994. – 398 с.

629. Шейн 1873 – *Шейн, П.В.* Дополнения и заметки П. Шейна к Толковому словарю Даля [Текст] / П.В. Шейн. – СПб.: тип. Имп. АН, 1873. – 52 с. – (Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. – Т. 10. – № 8).

630. Шетэля 2007 – *Шетэля, В.М.* Историко-этимологический словарь полонизмов русских текстов XIX – XX вв. [Текст] / В.М. Шетэля. – М.: Изд-во МГОУ, 2007. – 295 с.

631. Шетэля 2008 – *Шетэля, В.М.* Историко-этимологический словарь полонизмов русских текстов XIX – XX вв. [Текст] / В.М. Шетэля. – М.: Изд-во МГОУ, 2008. – 298 с.

632. Ширянов – *Ширянов Баян*. Наркоманский словарь [Электронный ресурс] / Сост. Баян Ширянов // http://imperium.lenin. ru/EOWN/eown7/dictionary.

633. Шкапенко, Хюбнер 2003 – *Шкапенко, Т.М.* Русский “тусовочный” как иностранный: Учеб. пособие [Текст] / Т. Шкапенко, Ф. Хюбнер. – Калининград: ФГУИПП Янтарный сказ, 2003. – 198 с.

634. Щербакова, Бруева 1994 – *Щербакова, О.И.* Социально-корпоративная лексика. Словарь жаргона преступников. Уч. пособие [Текст] / О.И. Щербакова, Е.Т Бруева. – Минск: Акад. милиции Республики Беларусь, 1994. – 212 с.

635. Элиасов 1980 – *Элиасов, Л.Е.* Словарь русских говоров Забайкалья, [Текст] / Л.Е. Элиасов. – М.: Наука, 1980. – 472 с.

636. ЭСБМ- – Этымалагічны слоўник беларускай мовы: Акадэмія навук БССР (Беларусі). – Т. 1 (1978: А – Бячэйка), Т. 2 (1980: В – Вяшчэль), Т. 3 (1985: Г – Ішчэ), Т. 4 (1988: К – Каята), Т. 5 (1989: Каяць – Ліпянка), Т. 6 (1989: Ліра – Маячыць), Т. 7 (1991: Мгла – Немарасць), Т. 8 (1993: Немарачь –

Паяць), Т. 9 (2004: Пе-пе-пе – Праснак), Т. 10 (2005: Прасніца – Пяяць), Т. 11 (2006: Раб – Саян). – Мінск: Навука і тэхніка, 1978-2006.

637. ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков [Текст] / под ред. О.Н. Трубачева. – Вып. 1-30. – М.: Наука, 1974-2004.

638. Югановы 1997 – *Юганов, И*. Словарь русского сленга: Сленговые слова и выражения 60-90х годов [Текст] / И. Юганов, Ф. Юганова; под ред. А.Н. Баранова. – М.: Метатекст, 1997. – 304 с.

639. Avé-L. 1862 – *Avé-Lallemant, F. C. B*. Das Deutsche Gaunerthum in seiner sozialpolitischen, literarischen und linguistischen Ausbildung zu seinem heutigen Bestande [Текст] / F. C. B. Avé-Lallemant. – 4. Bd. – Leipzig: F.A Brockhaus, 1862. – S. 515-625.

640. Galler 1977 – *Galler, Meyer*. Soviet Prison Camp Speech. A Survivor's Glossary Supplement [Текст] / M. Galler. – Harward, Cal.: Soviet Studies, 1977. – 102 p.

641. GW – Germano Wallmann: Mediendesign [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.geisterwort.de (дата обращения: 22.09.2015).

642. Horbatsch 1978 – *Horbatsch, Olexa*. Russische Gaunerschprache [Текст] / Hg. von Olexa Horbatsch. – Frankfurt am Main: Auslieferung: Kubon & Sagner, München, 1978. – 140 S. (Specimina Philologiae Slavicae. Bd. 16.).

643. Machek 1957 – *Machek, Vacláv*. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského [Текст] / V. Machek. – Praha: Nakl. ČSAV, 1957. – 627 s.

644. Machek 1968 – *Machek, Vacláv*. Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravené a doplněné vydání [Текст] / V. Machek. – Praha: Academia, 1968. – 868 s.

645. Polzer 1922 – *Polzer, Wilhelm*. Gauner-Wörterbuch für den Kriminalpraktiker [Текст] / W. Polzer. – München, Berlin, Leipzig, 1922. – 100 S.

646. Rédei 1988 – *Rédei, K.* Uralisches Etymologisches Wörterbuch [Текст] / Károly Rédei. – Band I. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988. – 905 p.

647. Rudnyckyj- – *Rudnyckyj, J.B*. An etymological dictionary of the Ukrainian

language [Текст] / Jaroslav Bohdan Rudnyckyj. – V. 1. – Winnipeg: Ukrainian free Acadeny of Sciences, 1972. – LXXXVI, 968 p.; V. 2. – Ottawa: Ukrainain Mohylo-Mazepian Academy of Sciences, 1982. – 1128 c.

648. SLEX – Elektronický lexikón slovenského jazyka [Электронный текст]. – Режим доступа: http://www.slex.sk (дата обращения: 22.09.2015).

649. SPS – Słownik Polskiego Slangu. Ponad 4,000 określeń zdefiniowanych po polsku i angielsku. = Polish Slang Dictionary. Over 4,000 terms defined in Polish and English [Электронный ресурс] / Created and Edited by Maciej Widawski. With the Assistance of Zbigniew Ruszczyk. – Режим доступа: http://www.univ.gda.pl/slang (дата обращения: 22.09.2015).

650. Vasmer 1922 – *Vasmer, Max*. Ein russisch-byzantinisches Gestraechbuch. Beitraege zur Erforschung der aelteren russischen Lexikographie [Текст] / M.R. Vasmer. – Leipzig: Komission bei Markert und Petters, 1922. – 2, 180 S.

651. Vasmer- – *Vasmer, Max*. Russisches etymologisches Wörterbuch [Текст] / M.R. Vasmer.– Bd. 1-3. – Heidelberg: Carl Winter Verlag, 1953-1958.

652. Walter 2003 – *Walter, H*. Russisch-Deutsches Wörterbuch des Drogenslangs [Текст] / Harry Walter, Mokienko Valeriĭ M. – Frankfurt am Main: P. Lang, 2003. – 202 S.

653. Wolf 1956 – *Wolf, S.A*. Wörterbuch des Rotwelsch. Deutsche Gaunersprache [Текст] / S.A. Wolf. Mannheim: Bibliographisches Institut, 1956. – 432 S.

3. Текстовые источники

654. Агренева-Славянская- – *Агренева-Славянская, О.Х*. Описание русской крестьянской свадьбы с текстом и песнями: обрядовыми, голосильными, причитальными и завывальными [Текст] / О.Х. Агренева-Славянская. – Ч. I. – М.: Тип. А. Левенсона, 1887. – 46 с.; Ч. II. – Тверь: Типо-Литография Ф.С. Муравьева, 1887. – 124 с.; Ч. III, Тверь: Типо-Литография Ф.С. Муравьева, 1889. – 213 с.

655. Андреев 1989 – *Андреев, Юрий*. Сон разума [Текст] / Ю.А. Андреев // Нева. – 1989. – № 12. – С. 178-190.

656. Белинский- – *Белинский В.Г*. Полное собрание сочинений В.Г. Белинского в 12 тт. [Текст] / под. ред. С.А. Венгерова [Текст] / В.Г. Белинский. – Т. 1-11. – СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1900-1917.

657. Богомолов 1974 – *Богомолов В.О*. Момент истины // Новый мир. – 1974. – № 11. – С. 5-95.

658. Боборыкин 1875 – *Боборыкин, П.Д*. Доктор Цыбулька. Роман [Текст] / П.Д. Боборыкин. – М.: изд. книгопродавцев братьев Салаевых, 1875. – 312 с.

659. Былины- – Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). (Свод рус. фольклора). – СПб.: Наука; М.: Классика, 2001-2004.

66. Боборыкин 1920 – *Боборыкин, П.Д*. От Герцена до Толстого. (Памятка за полвека.) [Текст] / П.Д. Боборыкин // Грядущая Россия. – Кн. 1. Январь. – Париж, 1920. – С. 334-376.

661. В. 1896 – *В*. Свадебные обычаи в подгородных деревнях Петрозаводского уезда [Текст] / В. // Олонецкие губернские ведомости. – 1896. – № 29. – Ч. неоф. – Отд. «Этнографические материалы. – С. 3; № 31. – С. 3-4; № 32. – С. 3.

662. Варенцов 1862 – *Варенцов, В.Г*. Сборник песен Самарского края [Текст] / В.Г. Варенцов. – СПб.: Типография О.И. Бакста, 1862. – 274 с.

663. Васильева 2012 – *Васильева, Э.К.* Статистика: учебник / Э.К. Васильева, В.С. Лялин. – М.: Юнити-Дана, 2012. – 398 с.

664. Величковський – *Величковський І.І.* Твори [Электронный ресурс] / І.І. Величковський. – Режим доступа: http://litopys.org.ua/velych/vel05.htm (дата обращения: 22.09.2015).

665. Вельтман 1867 – *Вельтман Е.И*. Приключения королевича Густава Ириковича, жениха царевны Ксении Годуновой. Исторический роман в 5 ч. – СПб.: Тип. А.А. Краевского, 1867. – 4, 78, 86, 82, 102, 88 с.

(Отечественные записки. – 1867. – № 1. – С. 1-78; № 2. – С. 1-86; № 3. – С. 1-82; № 4. – С. 1-1 02; № 5. – С. 1-88).

666. Вельтман 1992 – *Вельтман, Е.И.* Приключения королевича Густава Ириковича, жениха царевны Ксении Годуновой. Роман [Текст] / Е.И. Вельтман; публ., предисл. и примеч. А.П. Богданова. – М.: Мол. гвардия, 1992 – 478 с.

667. Вельтман 1993 – *Вельтман, Е.И.* Приключения королевича Густава Ириковича, жениха царевны Ксении Годуновой. Роман [Текст] / Е.И. Вельтман. – М.: Современник, 1993 – 478 с.

668. Виргинский, Хотеенков 1993 – *Виргинский, В.С.* Очерки истории науки и техники с древнейших времен до середины XV века: Кн. для учителя [Текст] / В.С. Виргинский, В.Ф. Хотеенков. – М.: Просвещение, 1993. – 288 с.

669. Володихин 2013 – *Володихин Д.М.* Броненосец «Унарелия» [Текст] / Д.М. Володихин // Родина. – 2013. – № 4. – С. 38-40.

670. Воронов 1853 – *Воронов П.* Устьянские волости, или Устье, Вельского уезда [Текст] / П. Воронов // Вологодские губернские ведомости. – 1853. – № 36. – Ч. неоф. – С. 312-314; № 37. – Ч. неоф. – С. 321-322. [В источниках СРНГ не указан № 36.]

671. Гиляровский 1989 – *Гиляровский, В.А.* Трущобные люди [Текст] / В.А. Гиляровский. – М.: Изд-во стандартов, 1989. – 128 с.

672. Гладких 1913 – *Гладких, А.Н.* Крестьянские свадебные обряды и проч. у жителей села Торговижского Красноуфимского уезда Пермской губернии [Текст] / А.Н. Гладких // Труды Пермской губернской учёной архивной комиссии. – 1913. – Вып. X. – С. 1-76.

673. Добровольский 1905 – *Добровольский, В.Н.* Песни Дмитровского уезда Орловской губернии [Текст] / В.Н. Добровольский [Текст] / Живая старина. – 1905. – Вып. III-IV. – С. 290-414.

674. Ефименко 1877 – *Ефименко, П.С.* Материалы по этнографии русского

населения Архангельской губернии [Текст] / П.С. Ефименко. – Ч. 1: Описание внешнего и внутреннего быта: сб. науч. тр. – 1877. – М.: Тип. О.Б. Миллера, 1877. – VII, 192 с. – (Известия Императорского О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. – Т. XXX. – Вып. 1. – Труды Этнографического отдела. – Кн. 5. – Вып. 1).

675. Ефименко 1878 – *Ефименко П.С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии [Текст] / П.С. Ефименко. – Ч. 2: Народная словесность: сб. науч. тр. – 1878. – М.: Тип. С.П. Архипова, 1878. – XII, 276 с. – (Известия Императорского О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. – Т. XXX. – Вып. 2. – Труды Этнографического отдела. – Кн. 5. – Вып. 2).

676. Зверев 1999 – *Зверев, С.И.* Святой: приговор приведён в исполнение [Текст] / С.И. Зверев. – М.: ЭКСМО-пресс, 1999. – 429 с. (Серия «Русский бестселлер»).

677. Зензинов 1913 – *Зензинов, В.М.* Русское Устье Якутской области Верхоянского уезда [Текст] / В.М. Зензинов // Этнографическое обозрение. – 1913. – Кн. XCVI-XCVII. – № 1-2. – С. 110-235.

678. Киреевский- – *Киреевский, П.В.* Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия [Текст] / Изд. О-вом любителей росс. словесности при Имп. Моск. ун-те. – Вып. I. – М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1911-1929. – 12, LXXIV, 356 с.; Вып. II. – Ч. 1. – Печатня А.И. Снегиревой, 1911. – [4], II, 125 с.; Вып. II. – Ч. 2. – М.: Типография Кооператива «Наука и Просвещение», 1929. – XI, 389 с.

679. Коваленко 2008 – *Коваленко, А.Г.* (ред.) Гражданский процесс: Учебник / Под ред. д.ю.н., проф. А.Г. Коваленко, д.ю.н. проф. А.А. Мохова, д.ю.н., проф. П.М. Филиппова. – М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»; «ИНФРА-М», 2008. – 448 с.

680. Коропчевский 1897 – *Коропчевский, Д.А.* Гимназия 50-х годов (Воспоминания воспитанника Московской 4-й гимназии) /

Д.А. Коропчевский // Русская школа. – 1897. – Т. 2. – № 9/10. – С. 56-80; № 11. – С. 46-88.

681. Кріль 1998 – *Кріль, Лев*. Насправді ніхто нічого не знає... про циган. Розмова з головою Асоціації ромів України Володимиром Золотаренком // Відкритий світ. Open World. – 1998. – № 2. – С. 17.

682. КС-6 – Курский сборник. – Вып. 6. Сост. Златоверховников Н.И. – Курск: Типография Губернского Правления, 1907. – 2, IV, 75 с.

683. Куприн- – *Куприн, А.И*. Полное собрание А.И. Куприна [Текст] / А.И. Куприн. – Т. I-VIII. – СПб.: Т-во Маркса, 1912. – (Прил. к журналу «Нива» за 1912 г.)

684. Лубянка 2011 – Лубянка. Советская элита на сталинской голгофе. 1937-1938. Архив Сталина: Документы и комментарии / Сост. В.Н. Хаустов. – М.: МФД, 2011. – 528 с.

686. Марчук 2005 – *Марчук, Елена*. Кхангэри (церковь) [Текст] / Е. Марчук. – Ровно: Живое слово, 2005. – 158 с.

687. Минаев 2003 – *Минаев Сергей*. Никакой контркультуры нет! Интервью с Пробежим [Электронный ресурс] / С. Минаев // Литпром. На страже духовности в Интернет. – С. 1-5. – Режим доступа: www.litprom.ru /print270.html (дата обращения: 22.09.2015).

688. Новиков 2004 – *Новиков М.П.* Из пережитого. Воспоминания, письма (сост., предисловие и примечания Л. В. Гладковой) [Текст]. – М.: Энциклопедия сел и деревень, 2004. – 560 с.

688. Поляков 1960 – *Поляков, Борис*. Касьянов овринг [Текст] / Б. Поляков // Вокруг света. – 1960. – № 10. – С. 7-9.

689. Посошков 1911 – *Посошков, Иван*. Книга о скудости и богатстве и некоторые более мелкие сочинения [Текст] / И.Т. Посошков; с предисл. А.А. Кизеветтера. – М.: Тип. Н.Н. Каткова, 1911. – VIII, 136 с.

690. Посошков 1937 – *Посошков, Иван*. Книга о скудости и богатстве [Текст] / И.Т. Посошков; ред. вступ. статья и прим. Б.Б. Кафенгауза. – М.:

Соцэкгиз, 1937. – 355 с.

691. Посошков 1951 – *Посошков, Иван*. Книга о скудости и богатстве [Текст] / И.Т. Посошков; ред. и коммент. д. ист. наук проф. Б.Б. Кафенгауза. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 410 с.

692. Пряников 2013 – *Пряников, Павел*. Гуманный ГУЛАГ Эдуарда Берзина [Электронный ресурс] / П.Н. Пряников // Русская планета. 2013. – 18 дек. – Режим доступа: http://rusplt.ru/society/gumannyiy-gulag-eduarda-berzina.html (дата обращения: 22.09.2015).

693. Пушкин- – *Пушкин, А.С*. Полное собрание сочинений [Текст] / А.С. Пушкин: В 16 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959. Пыляев 1889 – *Пыляев, М.И*. Старый Петербург [Текст] / М.И. Пыляев. – СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1889. – II, 6, 497 с.

694. Разумовский 2003 – *Разумовский, Ф*. Смилодон [Текст] / Ф.В. Разумовский. – СПб.: Крылов, 2003. – 342 с.

695. Разумовский, Семёнова 1998 – *Разумовский Ф.* Преступление без срока давности [Текст] / Ф.В. Разумовский, М.В. Семёнова. – СПб.: Азбука; М.: АСТ, 1998 – 441 с.

696. Репин 1937 – *Репин, И.Е*. Далекое близкое [Текст] / И.Е. Репин. – 1-е изд. – М.; Л.: Искусство, 1937. – 624 с.

697. Ром-Лебедев 1990 – *Ром-Лебедев, И.И*. От цыганского хора к театру «Ромэн» [Текст] / И.И. Ром-Лебедев. – М.: Искусство, 1990. – 271 с.

698. Русские 1922 – Русские песни. Изборник народной лирики [Текст] / Сост. М.Н. Картыков. Предисл. проф. Н.К. Пиксанов. – Вологда: Госиздат, [1922]. – VIII, 271 с.

699. Русский 1846 – Русский букварь для обучения чтению. Собственность департамента народного просвещения. – СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1846. – 28 с.

700. Рыбников- – *Рыбников, П.Н*. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым [Текст] / П.Н. Рыбников. – Т. 1-2. – М.: Тип. А. Семена, 1861-1862. – 518 с; 354,

CCCI, XXI с; Т. 3. – Петрозаводск: Олонецкий губ. стат. ком., 1864. – 460, I, II, LXXI с; Т. 4. – СПб.: Тип. ИАН, 1867. – 299, LXX, 14 с.

701. Сани 1964 – [Наш спец. корр.] Сани на вес золота // Советский спорт. – 1964. – 6 февр. – № 31 (4843). – С. 5.

702. Скитъ III, 1935 – Скитъ. Неперiодическiй сборникъ [Электронный ресурс]. – Вып. III. – Прага, 1935. – 24 с. – Режим доступа: http:/imwerden.de/pdf/skit_vyp3_praha_1935.pdf.

703. Слово 1997 – Слово о Полку Игореве: Новые пер. [Текст] / изд. подгот. Н. Колпакчи. – М.: АРГО-РИСК, 1997. – 23 с.

704. Смол.- – Смоленский этнографический сборник [Текст] / Сост. В.Н. Добровольский. – Ч. I-IV. – СПб.; М., 1891-1903.

705. Солженицын – *Солженицын, А.И.* Матренин двор [Электронный ресурс] / А.И. Солженицын. – Режим доступа: http://lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/matren.txt (дата обращения: 22.09.2015).

706. Спекторский 1969 – *Спекторский, Е.В.* Три типа реальности [Текст] / Е.В. Спекторский // Записки русской академической группы в С.Ш.А. – Том. III. – New York, 1969. – P. 81-92.

707. Суворов 1809 – *Суворов, А.В.* Наука побеждать [Текст] / А.В. Суворов. – 2-е изд. – СПб.: Сенатская тип., 1809. – 100 с.

708. Талеб 2010 – *Талеб Н.Н.* Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости [Текст] / Н.Н. Талеб. – М.: Изд-во “КоЛибри”, 2009. – 528 с.

709. Титмар – *Титмар*. Хроника. Chronicon. Книга восьмая [Электронный ресурс] / Титмар из Мерзебурга. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/texts/rus11/thietmar (дата обращения: 22.09.2015).

710. Толстой 1875 – *Толстой, Л.Н.* Новая азбука графа Л.Н. Толстого [Текст] / Л.Н. Толстой. – М.: Тип. и лит. А. Торлецкого и М. Терихова, 1875. – 95 с.

711. Хлебников 1987 – *Хлебников, Велимир*. Творения [Текст] / Велимир Хлебников. – М.: Сов. писатель, 1987. – 736 с.

712. Черкасов 1867 – *Черкасов, А.А.* Записки охотника Восточной Сибири

[Текст] / А.А. Черкасов. – СПб.: Изд-во С.В. Звонарева, 1867. – 707 с.

713. Черкасов 1990 – *Черкасов, А.А.* Записки охотника Восточной Сибири [Текст] / А.А. Черкасов. – М.: Физкультура и спорт, 1990. – 582 с.

714. Шапошников 1974 – *Шапошников, Б.М.* Воспоминания. Военно-научные труды [Текст] / Б.М. Шапошников. – М.: Воениздат, 1974. – 574 с.

715. Шолохов 1925 – *Шолохов, М.А*. Бахчевник. Рассказ М. Шолохова [Текст] / М.А. Шолохов // Комсомолия». – 1925. – Апрель. – № 1. – С. 17-28.

716. Шолохов 1926 – *Шолохов, М.А*. Донские рассказы. С предисл. А. Серафимовича [Текст] / М.А. Шолохов. – М.: Новая Москва, 1926. – 176 с. (Библиотека рабоче-крестьянской молодежи под общей редакцией МК РЛКСМ).

717. Шолохов 1937 – *Шолохов, М.А*. Бахчевник [Текст] / М.А. Шолохов // Дон. Художественный сборник. – Сталинград: Обл. книгоизд-во, 1937. – С. 167-177.

718. Шолохов 1956 – *Шолохов, М.А.* Бахчевник // Шолохов М.А. Собрание сочинений: В 8 т. [Текст] / М.А. Шолохов. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1956-1960. – Т. 1. Рассказы. – 1956. – С. 61-74.

719. Эренбург-3/4 – *Эренбург, И.Г*. Люди, годы, жизнь [Текст] / И.Г. Эренбург. – Кн. 3-я и 4-я. – М.: Сов. писатель, 1963. – 790 с.

720. Ядринцев 1872 – *Ядринцев, Н.М*. Русская община в тюрьме и ссылке [Текст] / Н.М. Ядринцев. – СПб.: Тип. И. Моригеровского, 1872. – 709 с.

721. Port 1999 – *Port, Mattijs van de.* Gypsies, Wars & Other Instances of the Wild [Текст] / Mattijs van de Port. – Amsterdam: University Press, 1998. – 266 p.

722. Stewart 1997 – *Stewart, M*. The Time of the Gypsies [Текст] / Michael Stewart. – Boulder, Colo.: Westview Press, 1997. – XVIII + 302 p.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложения к 1.1

Прил. 1.1-1 ***Критика словарей в работах славянских лексикографов***

Беларусь: «Варта адзначыць, што лексікаграфічная крытыка як адзін з напрамкаў беларускага мовазнаўства не атрымала належнага асвятлення на сучасным этапе» [Сіплівеня 2013: 86].

Болгария: «Статията във в<естника>. “Век” от 1874 г. е една от първите прояви на професионална лексикографска критика у нас» [Кювлиева-Мишайкова 1996: 97].

Украина: «Як бачимо, в українській лінгвістиці створено праці, орієнтовані на висвітлення загальних понять теорії та практики лексикографії, аналіз позалінгвальних чинників словникарства, систематизування укладання словникової продукції. Однак для адекватного відображення історії вітчизняної лексикографічної науки потрібні праці, що сприятимуть стандартизації параметричної системи словників та робіт у жанрі лексикографічної критики» [Гордієнко 2011: 72].

Польша: «Celem powyższego artykułu była konstruktywna krytyka słowników, mogąca przyczynić się do korekty pewnych aspektów ich strony merytorycznej» [Kiesz 2012: 103].

Словакия: «**Úvod...** Slovník teda zachytáva a spracúva súčasnú slovnú zásobu v rozpätí od začiatku 40. rokov do polovice 90. rokov. Zužitkovali sa v ňom výsledky kritiky Slovníka slovenského jazyka, ktoré vyplynuli z podrobnej analýzy prvého zväzku tohto slovníka v odbornej tlači na prelome 60.–70. rokov a týkali sa najmä normatívnej zložky diela. V najnovšom (treťom) vydaní sa vzali do úvahy zasa hlasy tej odbornej i verejnej kritiky, ktorá sa usilovala prispieť k zlepšeniu diela upozornením na niektoré nedostatky pri prvom vydaní KSSJ» [SLEX].

Прил. 1.1-2. ***Структура лексикографии***

По: [Морковкин 1987: 41]

0.0. ЛЕКСИКОГРАФИЯ

1.0. теоретическая лексикография,

1.1. теория лексикографии,

1.1.1. определение объёма, содержания и структуры понятия «лексикография»,

1.1.2. словарная лексикология,

1.1.3. учение о жанрах и типах словарей,

1.1.4. учение об элементах и параметрах словаря,

1.1.5. учение об основах лексикографического конструирования,

1.1.6. учение о первичных словарных материалах, т. е. учение о картотеках,

1.1.7. учение о планировании и организации словарной работы,

1.2. история лексикографии,

1.2.1. история словарей,

1.2.2. история решения типовых лексикографических проблем,

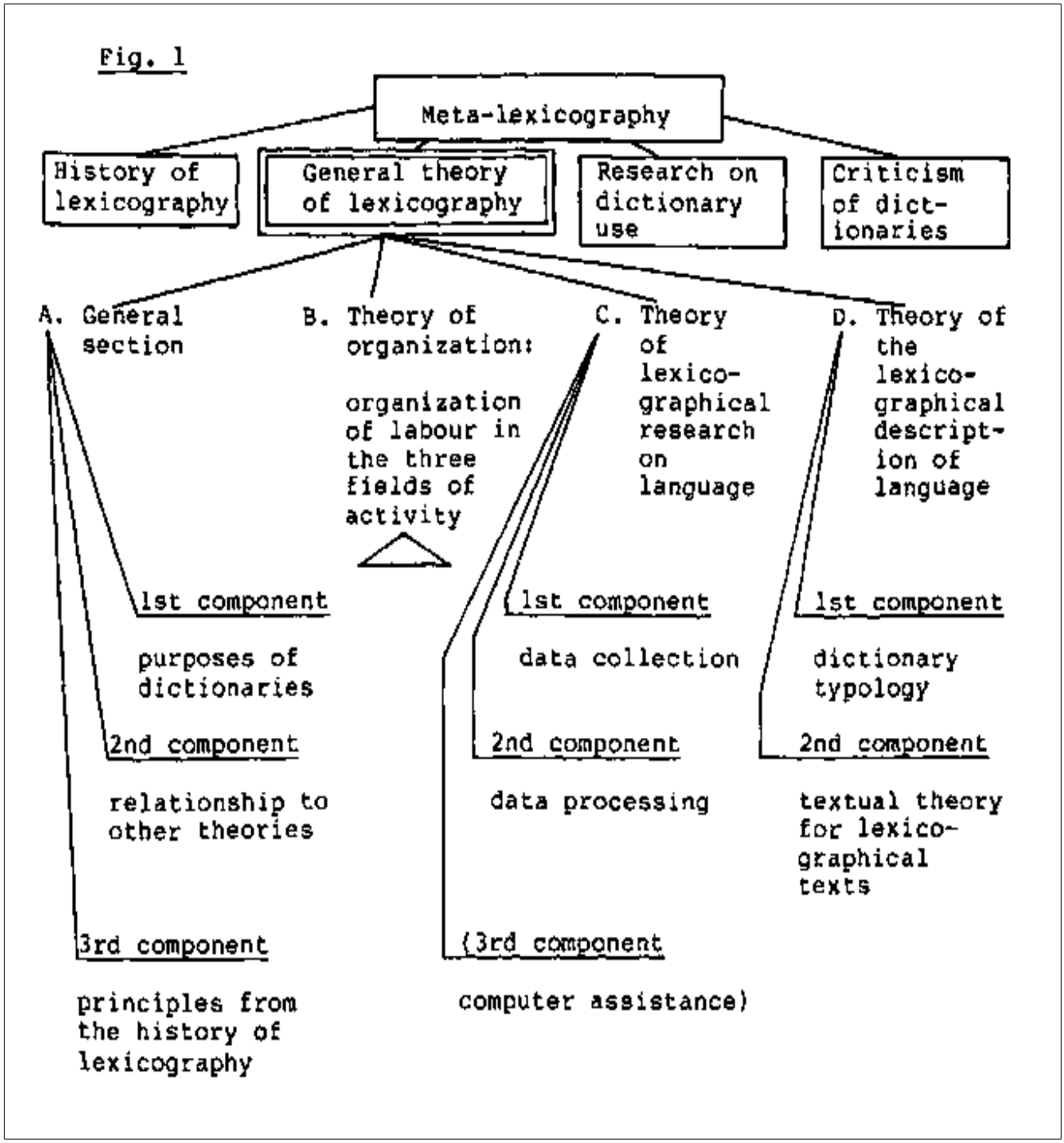
2.0. практическая лексикография,

2.1. создание словарей и других произведений словарного типа,

2.2. накопление и хранение словарных материалов.

Прил. 1.1-3. ***Структура металексикографии*** **(1)**

По: [Wiegan 1983: 15].



Прил. 1.1-4. ***Структура металексикографии*** **(2)**

По: [Piotrowski 2001: 31-32]/

Na metaleksykografię składają się:	В металексикографию входит:
1. Historia leksykografii	1. История лексикографии
2. Ogólna teoria leksykografii	2. Общая теория лексикографии.
a. Dział ogólny	a. Общий отдел
i. cele słowników	i. цели словарей
ii. odniesienie do innych teorii	ii. ссылка на другие теории
iii. zasady wydobyte z historii leksykografii	iii. принципы, извлеченные из истории лексикографии.
b. Teoria organizacji pracy	b. Теория организации труда
c. Teoria badań leksykograficznych nad językiem	c. Теория иексикографеских исследований языка
i. zbieranie danych	i. сбор данных
ii. przetwarzanie danych	ii. обработка данных
iii. wspomaganie komputerowe	iii. компьютерная поддержка
d. Teoria leksykograficznego opisu języka	d. Теория лексикографического описания языка
i. typologia słowników	i. типология словарей
ii. teoria tekstologiczna tekstów słownikowych	ii. текстологическая теория словарных текстов
3. Studia nad użyciem słowników	3. Изучение использования словарей
4. Krytyka słowników...	4. Критика словарей...
5. Studia nad statusem słowników i ich marketingiem.	5. Изучение статуса словарей и их маркетинга.

Прил. 1.1-5. ***Аспекты критики словаря***

В фокусе лексикографической критики оказываются различные аспекты: структура междометной и глагольной словарной статьи [Malinowska 2013; Atkins, Kegl, Levin 1988], эквивалентность в двуязычных словарях [Wiegand 2002], состав словника [Botha 2004], достоверность описания лексики [Adiego, Martin 2006].

Прил. 1.1-6. ***Ошибки прочтения в ранних украинских словарях***

Б.Д. Гринченко отмечал: «Авторъ, по его словамъ въ предисловіи, хотѣлъ «представить <...> полнѣйшій и, если смѣю сказать, исправнѣйшій малороссійскій словарь». Но въ словарѣ его всего около тысячи словъ при многихъ ошибкахъ въ объясненіяхъ, напр.: *затирка* – лапша, *лиштвы* – отвороты у платья, *люлька* – дѣтская колыбель, *пасока* – уха, *песикъ* – високъ и пр. Много словъ авторъ исказилъ, напр.: *гай-домака* съ поясненіемъ, что слово происходитъ отъ *гай* и *домъ; гассатъ* (гасити!), *заевый* (зайвий!), *зайдики* (заїдки!), *ковора* (ковдра!), *куква* (кухва!) и пр. Очевидно для самостоятельнаго украинскаго словаря не было ещё собрано матеріаловъ» [Гринченко-I: XI].

Прил. 1.1-7. ***Витольд Маньчак о критериях истины***

Витольд Маньчак довольно убедительно показывает суть лингвистической специфики проверки гипотезы на истинность: «Величайшей проблемой языкознания является установление критериев истины в этой научной дисциплине. Увы, этот вопрос остается табу. <...> Отчего же тогда языковеды делают секрет из того, каким именно образом они в своей научной дисциплине отличают истинное от ложного? Эта загадка издавна интриговала меня. А поскольку языковедческие работы не дают никакой информации,

позволяющей прийти к ответу на этот вопрос, я занялся наблюдениями над тем, как языковеды реагируют, когда узнают о положении, которое прежде не было им известно. К моему великому изумлению я обнаружил, что лингвисты вообще не имеют намерения проверять конкретное утверждение, вместо этого они интересуются тем, кто его высказал. Если обнаруживают, что данное утверждение высказано одним из нескольких авторитетов, приходит к выводу, что утверждение является истинным. Если же обнаруживается, что утверждение идёт от кого-то, кто не обладает репутацией авторитета, то считает это утверждение ложным. Отсюда следует, что критерий истины в практике лингвистов таков: *X* сформулировал утверждение, *X* является авторитетом, следовательно, утверждение истинно; *Y* сформулировал утверждение, *Y* не является авторитетом, следовательно, утверждение ложно. Чтобы образ реальности не был слишком упрощенным, следует добавить, что в кругах авторитетов существует иерархия: есть авторитеты локальные и авторитеты международные. Проводя опрос среди лингвистов, можно выяснить, к примеру, что *A* признают авторитетом тысячи лингвистов, *B* – сотни, а *C* только какие-то десятки лингвистов. Подобным образом существует иерархия и среди догматов лингвистики: есть такие, которые провозглашаются одним единственным авторитетом в течение ряда лет, но есть и такие, которые признавались бесчисленным множеством авторитетов на протяжении веков и даже тысячелетий. Однако существенно то, что критерий истины, применяемый лингвистами, является средневековым, антинаучным, и в этом состоит причина, по которой лингвисты предпочитают об этом не говорить. Лингвисты умалчивают о том, что если речь идёт о критериях истины, то бездна отделяет лингвистику от точных наук» [Mańczak 2009: 75-76]. Перевод мой. – *В.Ш.*

Прил. 1.1-8. ***Предпочтение экзотического чтения в случае колебаний***

Усиление экзотичности можно, по всей видимости, усмотреть и в следующем белорусском примере. В этимологическом словаре белорусского языка читаем: «**адду́ла** ‘адпачынак’ (Нас.), *аддуха* ‘тс’ <...> да *дуць*. Параўн. *ад-дыхаць* ‘адпачыць’ <...>» [ЭСБМ-1: 81]. Ссылка на словарь И.И. Носовича является единственным подтверждением существования слова *аддула*, выдвинутого в позицию первого и основного варианта, но слова *аддула* у И.И. Носовича, нет. Ср.: «**ОДДУ́ХА**, и, с. ж. Отдыхъ, свободное отведенiе духа или дыханiя. Дай мнѣ оддуху. Оддухи не даюць, просючи» [Носович-1: 359]; «**ОТДУ́ХА**, и, с. ж. 1) Тоже, что и Оддуха, 2) Прiятное занятiе. Косица моя русая, отдуха моя ранняя» [Носович-1: 373]. Можно заключить, что запись *аддула* возникла в процессе копирования материала из словаря Носовича и трансформации его по правилам современной белорусской орфографии: *оддуха* и *отдуха* должны были совпасть в записи *аддуха*, но на месте одного из них появилось ещё и фантомное прочтение *оддула*, вызванное смешением строчных *л-х*. Видимо, наличие двух одинаковых записей *аддуха* спровоцировало на поиск вариативности, а незначительное различие в оформлении записей получило экзотическую интерпретацию. Это поучительный пример того, как могут удваиваться словарные свидетельства.

Приложения к 1.3

Прил. 1.3-1. ***Аспекты изучения гапаксов***

Гапаксы в последнее время рассматриваются как важный диагностический материал в различных исследованиях не только по истории [Kraus 2013; Krivko 2014], но и по типологии языка [Popescu, Altmann 2008], ранее – для установления авторства [Smith 1987].

Прил. 1.3-2. ***К терминологии для обозначения призрачных слов***

«Прежде чем говорить о причинах появления у И.И. Срезневского этих слов, попробуем возразить против термина ***призрачные слова***. Эти слова материально зафиксированы, т. е. напечатаны в источниках и словарях, встречаются не только в «Материалах» И.И. Срезневского. Их достаточно в других опубликованных источниках, из которых они оказались и в картотеке ДРС, откуда попали и в «Словарь русского языка XI–XVII вв.» [СлРЯ XI–XVII, 2001: 394]. В настоящее время эта группа насчитывает около 150 слов и словосочетаний, их никогда не было в русском языке, а сформировались они вследствие разнообразных причин [Астахина 2006: 19–48, 327–331]. Исследователи называют слова и выражения, которых нет в языке, «несуществующими», «фантастическими», «призрачными» (И.Г. Добродомов), «словами-фантомами» (А.Н. Шаламова), «мнимыми словами» и «лексикографической фикцией» (А.М. Молдован). Промелькнул и термин «псевдонеологизмы» (Л.Ю. Астахина). Термин «слово-призрак» зафиксирован в «Словаре лингвистической терминологии» О.С. Ахмановой [Ахманова 1969]. Думается, что вернее называть их ***псевдогапаксами***» [Астахина 2012: 114].

Вышеупомянутый термин *псевдонеологизм* нами был употреблён по отношению к сомнительным неологизмам, выписанным в современный жаргонный словарь из словаря Даля [Шаповал 2006а: 177-179].

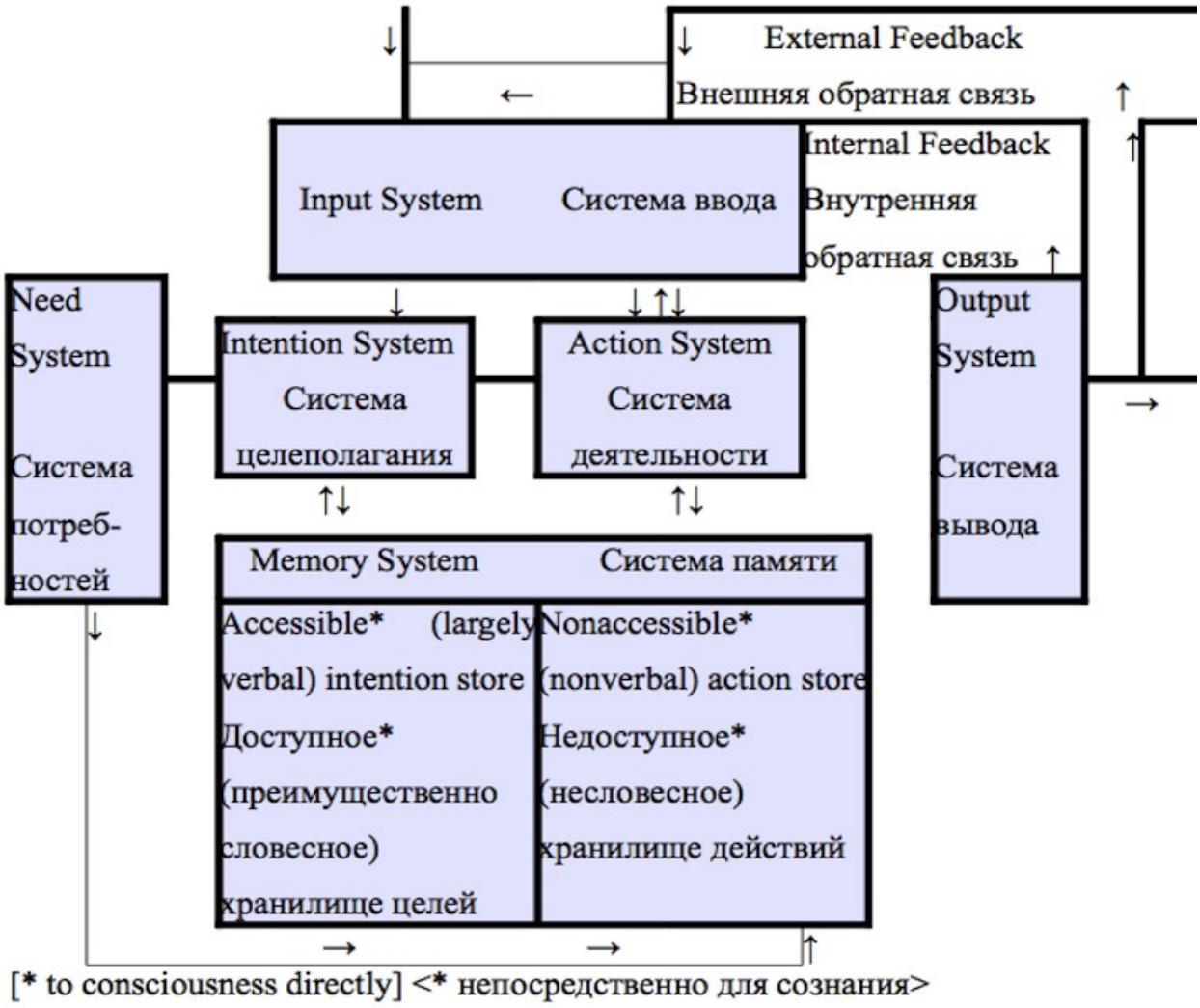
Прил. 1.3-3. ***Объём описания слова-фантома***

Надо отметить, что слова-фантомы – редкость, а их обоснование обычно требует нескольких страниц, то есть больше нормального объёма описания многозначного слова, ср.: [Considine 2009: 619-621; Kern 1923: 301-303; Kuiper 1981: 289-292; Porter 1998: 168-169], но иногда, напр., в комментариях к древнегреческим комедиям Фриниха V века до н.э., требуется даже в несколько раз больше места [Stama 2014: 27-43].

Приложения к 2.1

Прил. 2.1-1. ***Схема*** **5. Модель человеческой деятельности**

По: [Reason 1984: 533].

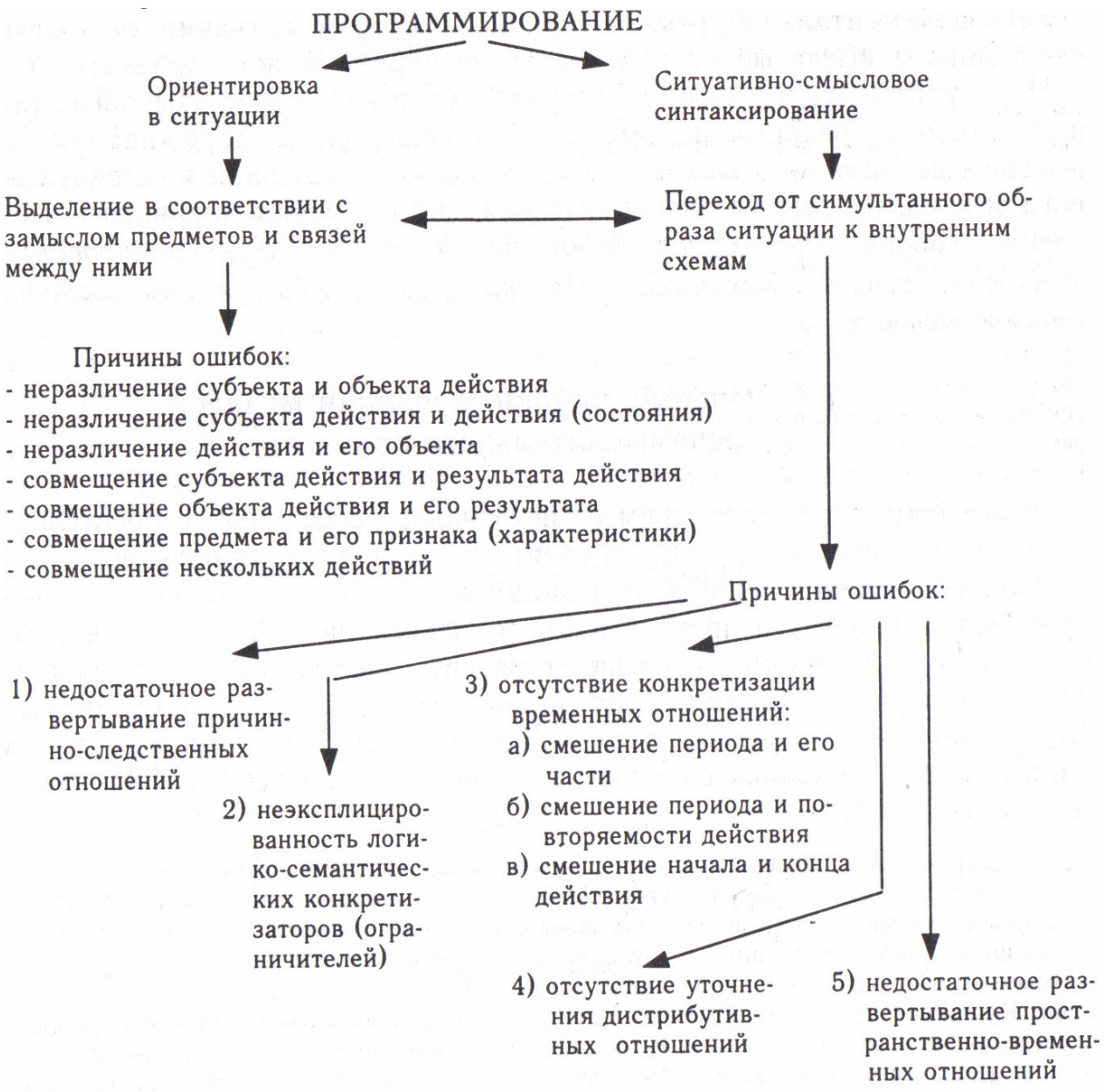


Прил. 2.1-2. ***Таблица 29*****. Соотношение терминов в области теории ошибок**

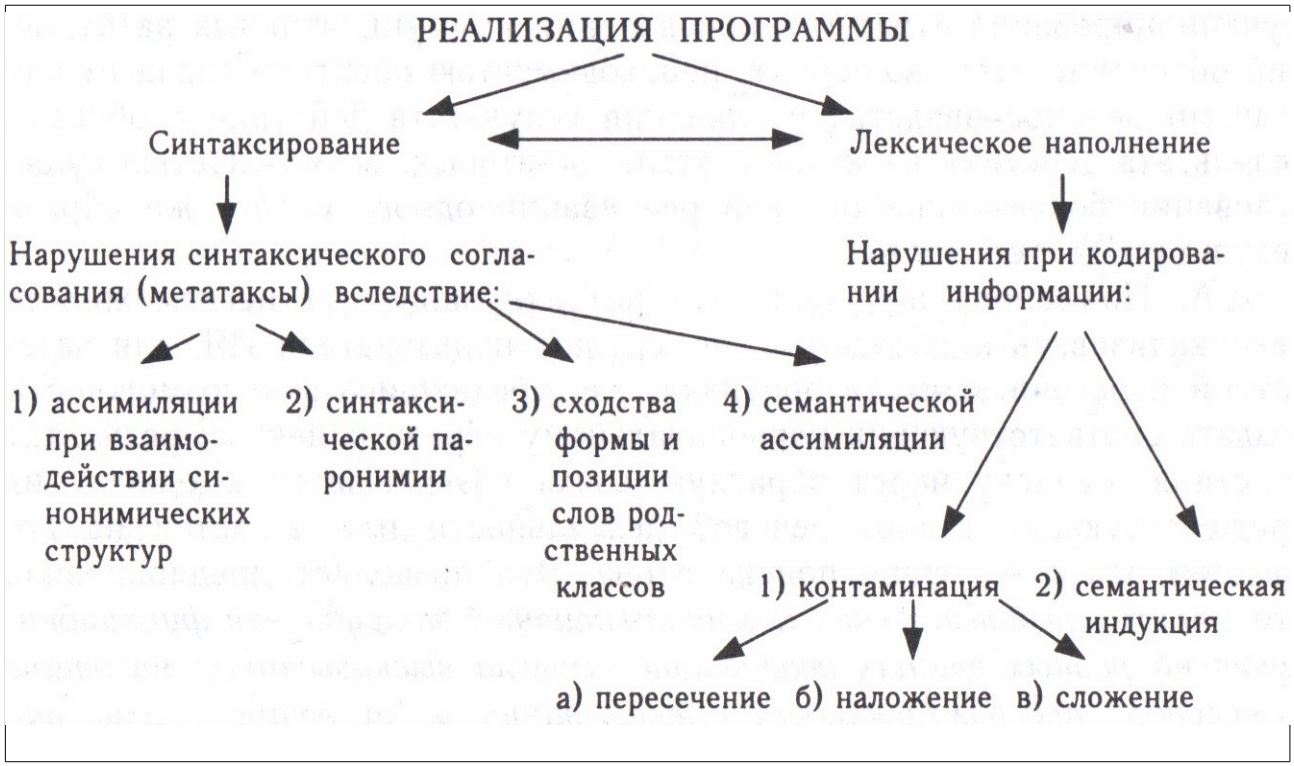
Предлагаемый нами термин	James Reason (и суть нарушения)	[Дормашев, Романов 1995: 257; Комарова 2002: 77]	[Дебренн 2006; Кочай 2012: 9]
“промах”	**slips** – неправильное исполнение запланированного действия	**оплошности** – ошибки, происходящие в результате нарушений когнитивных процессов на стадии выполнения запланированной последовательности действий	**неудачи**, или ляпсусы, происходящие из-за невнимательности, то есть из-за отсутствия контроля (возник отвлекающий момент, прервавший действие, или органы чувств получают нечеткую информацию)
“пропуск”	**lapses** – ошибочный пропуск запланированного действия	**пробелы** – относятся к мнемической стадии, то есть заключаются в погрешностях запоминания, хранения или восстановления намерения и плана деятельности	**ошибки, связанные с правилами**, возникающие в ходе решения житейских задач в различных случаях: при применении корректно построенного (в принципе) правила, не подходящего, однако, для данного случая
“ошибка”	**mistakes** – планирование действия, не достигающего цели	**ошибки** – обусловлены теми заблуждениями, упущениями или неосведомленностью субъекта, которые сказываются на результатах формирования намерения и планирования его реализации	**ошибки, связанные с декларативными знаниями**, также возникающие в ходе решения житейских задач, но происходящие оттого, что информация об условиях решения задач, которой мы располагаем, либо неполная, либо ошибочная: например, можно выделить не самые главные признаки ситуации, пропуская самые главные, использовать неправильные аналогии и т. п.

Прил. 2.1-3. ***Ошибки планирования***

По: [Залевская 1999: 226-227].



Прил. 2.1-4. ***Ошибки реализации программы***



Приложения к 2.3

Прил. 2.3-1. ***Интерпретация на основе двух допущений***

Иногда мы можем предполагать, что довольно регулярное диалектное отклонение в произношении слова может препятствовать правильной идентификации слова. Вероятно, причиной затруднения стала необходимость совмещения двух допущений: отвердение [р], совпадение твёрдого [л] с [w]. Каждое из допущений довольно широко распространено, но представить их совместное оказалось трудно: «**Аро́ў** (*orou*) ‘astur palumbarius’ <вид ястребов> <...>. Паходжанне няяснае» [ЭСБМ-1: 150]. Тетеревятник (Astur palumbarius Bechst.) – крупный вид ястребов – по нашему мнению, был назван словом *орёл*. Ср. выше там же белор. *аро́л*. Возможно, дополнительное затруднение вызвано отсутствием обозначения аканья в латинице.

Приложения к 3.1

Прил. 3.1-1. ***Таблица 30*****. Частота русских букв в процентах и др.**

№	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Буква	О	Е	А	И	Т	Н	С	Р	В	Л	К
%	11,01	8,73	7,51	7,44	6,49	6,45	5,5	4,77	4,53	4,2	3,37
№	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
Буква	М	Д	П	У	Я	Ы	Г	З	Б	Ч	Й
%	3,12	3,02	2,8	2,48	2,12	1,97	1,8	1,75	1,75	1,49	1,18
№	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33
Буква	Х	Ъ	Ж	Ь	Ю	Ш	Ц	Щ	Э	Ф	Ё
%	1,07	1,01	0,97	0,79	0,73	0,68	0,45	0,45	0,32	0,19	0,04

Частота английских букв в процентах

E	**T**	**A**	**O**	**I**	**N**	**S**	**H**	**R**	**D**	**L**	**C**	**U**
12,7	9,06	8,17	7,51	6,97	6,75	6,33	6,09	5,99	4,25	4,03	2,78	2,76
M	**W**	**F**	**G**	**Y**	**P**	**B**	**V**	**K**	**X**	**J**	**Z**	**Q**
2,41	2,36	2,23	2,02	1,97	1,93	1,49	0,98	0,77	0,15	0,15	0,7	0,01

Источник: http://en.wikipedia.org/wiki/English_alphabet.

Частота новогреческих букв в процентах

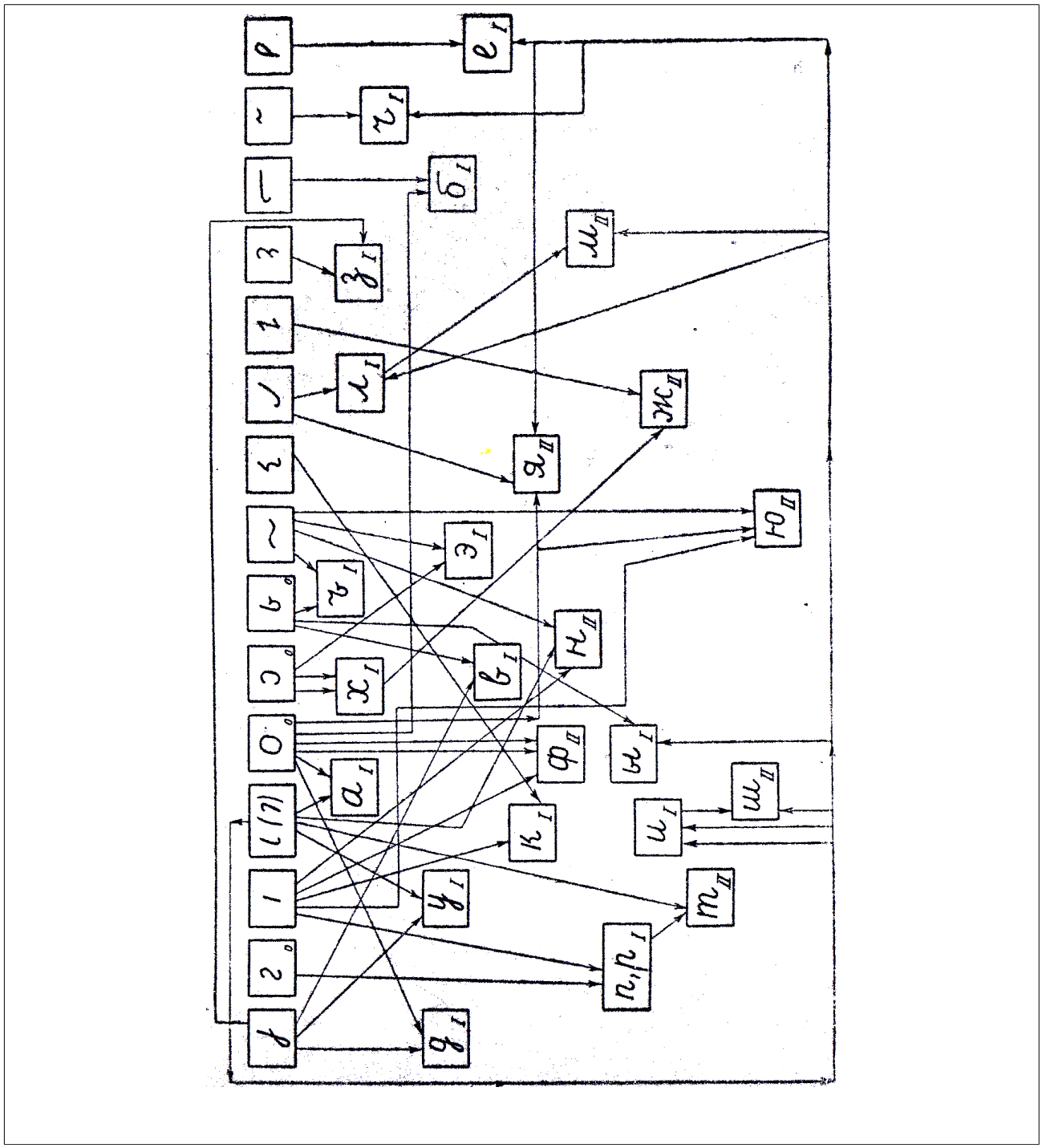
Α	12,63%	Η	4,56%	Ν	5,90%	Τ	7,61%
Β	0,64%	Θ	1,16%	Ξ	0,42%	Υ	3,91%
Γ	1,62%	Ι	8,80%	Ο	9,2%	Φ	0,72%
Δ	1,55%	Κ	3,59%	Π	3,95%	Χ	1,23%
Ε	8,95%	Λ	2,54%	Ρ	4,12%	Ψ	0,15%
Ζ	0,31%	Μ	3,27%	Σ	6,67%	Ω	1,94%

Источник: http://www.sttmedia.com/characterfrequency-greek.

Современные греческие прописи по: [*Хориков И.П., Малев М.Г.* Новогреческо-русский словарь [Текст] / И.П. Хориков, М.Г. Малев. – М., «Культура и традиции», 1993. – С. 10]; английские прописи по: http://inessa-goldberg.ru/newforum.

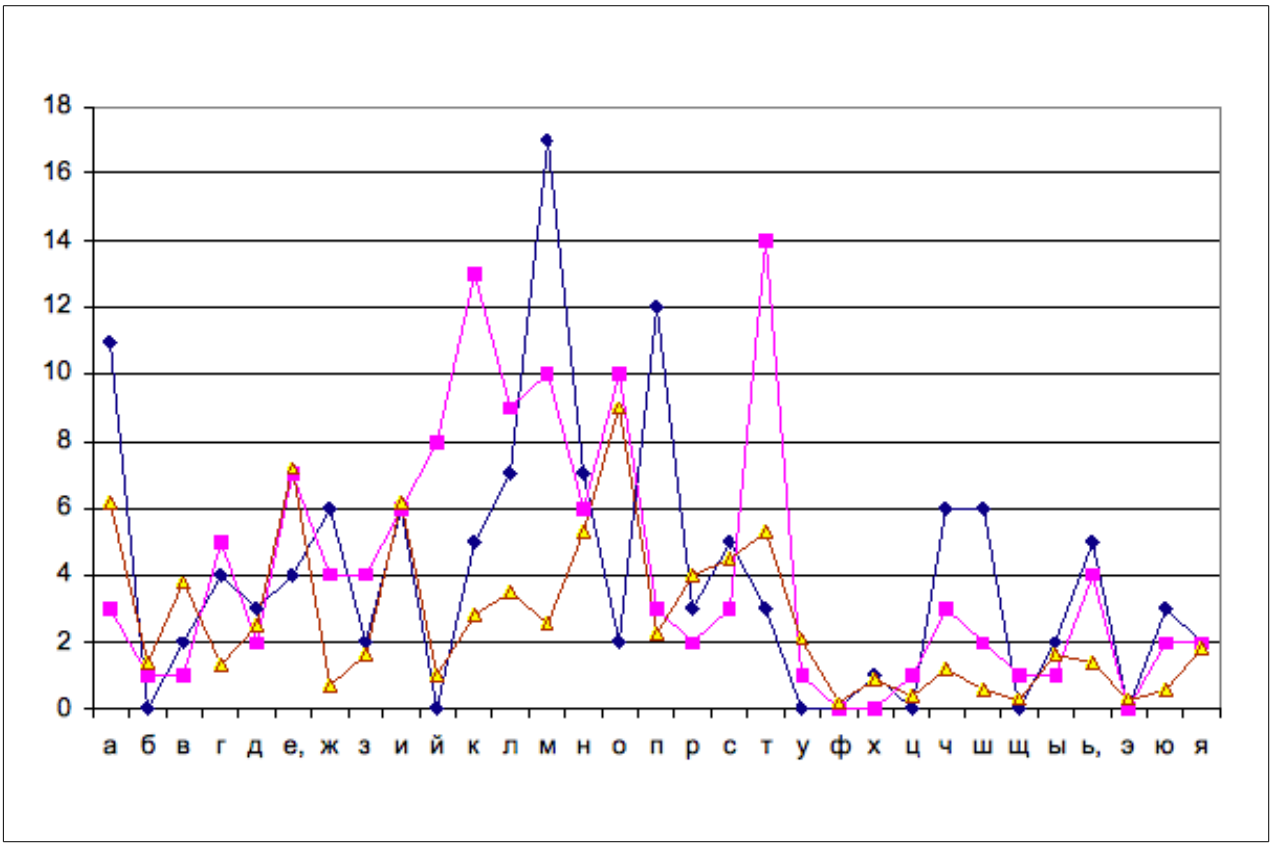
Прил. 3.1-2. ***Схема 6.*** **Строчные рукописные буквы. Порождение рангов**

Источник: [Волоцкая, Молошная, Николаева 1964: 18].



Приложения к 3.2

Прил. 3.2-1. *График 8*. Наложение графиков для ошибочных и исправленных букв на график частотности букв в русском алфавите



Пояснения к графику 8:

Линия с квадратами – количество неправильно прочитанных букв на месте других, например: 8 раз ошибочно распознана буква **й**.

Линия с ромбиками – количество исправленных букв на месте прочих, например: буква **в** 2 раза поставлена нами на месте неправильных.

Линия с треугольниками – средние показатели употребительности для букв русского алфавита (этот график масштабирован для наглядности).

Ограничимся несколькими примерами из массива проанализированного материала. Рассмотрим 8 исправлений неправильно распознанной на месте других букв буквы **й**, а именно: й = *съ*, *р*, *м*, *а́*, *и́* (2 раза), *п*, два элемента в середине графической группы *а́п*. Список слов с комментарием:

1. **Бру<u>й</u>** – случайно попавший в тюрьму [Потапов 1927: 19] < бру<u>съ</u>.

2. **Дейс** – серебряный рубль [Потапов 1927: 42] < **Дера(о)** – рублевый кредитный билет [Там же] < *дёра* ‘то же’ [Трахтенберг 1908: 21].

3. **Дуболой** – дворник, сторож [Потапов 1927: 46] < *дуболом ‘сторож’.

4. **Жирлей-беш** – четвертак [Потапов 1927: 50] < *жирма́-беш ‘20+5’.

5. **Жлей грубже** – прижимай плотней [Потапов 1927: 50] < *жми́ грубже ‘жми грубее’.

6. **Кайгук** – 100 руб. [Потапов 1927: 63] < *капчук ‘100 рублей < мешок, кошель’ (скорописное *п* похожее на *и*, но с дифференцирующим надчертом).

7. **Кейфл** – документ [Потапов 1927: 66] < *кси́фл(ъ) (идиш, уменьшительное от того же корня ‘письмо’, что и *ксива* ‘документ’).

8. **Чейчка** фуражка [Потапов 1927: 182] < *ча́пка (польское *czapka* ‘фуражка’).

Примечательно, что обратного ошибочного прочтения, при котором на месте правильной буквы **й** усмотрена другая буква, не встретилось.

Буква **в** 2 раза использована при исправлении неправильно прочитанных составителем словаря букв **к** и **з**: **Сикря** – крестьянин [Потапов 1927: 145], ср. там же: **Сивварь, жлоб_сявый** ‘то же’. **Схозировать** – схоронить [Потапов 1927: 160] < ранее *схавировать* ‘спрятать’ [Трахтенберг 1908: 58; Потапов 1927: 160].

Обратный случай, когда **в** возникает по ошибке, только один: **Заковроводить** – подговорить прислугу [Потапов 1927: 53]; это хорошо известное из романа Вс. Крестовского слово *захороводить* ‘подговорить на воровство прислугу’ [Смирнов 1899: 1071], ср. олонецкое *закорово́деть* ‘увлечь кого-либо, вскружить голову’ [СРНГ-10: 154].

Как видим, сравнение суммарных показателей только ошибочных и исправленных букв со среднеязыковыми показателями также не позволило выявить определённую зависимость.

Прил. 3.2-2. ***Проверка устойчивости отклонений по произвольным фрагментам словаря Потапова 1927 года***

В общем виде выявленная тенденция к более высокой употребительности отдельных букв (по сравнению с общеязыковыми показателями) в словнике словаря Потапова 1927 года устойчиво подтвердилась и на выборочных фрагментах данного словаря (А-Б, О-П, Ш-Я).

Фрагмент А- – Б- – 1114 знаков.

Фрагмент О- – П- – 3337 знаков.

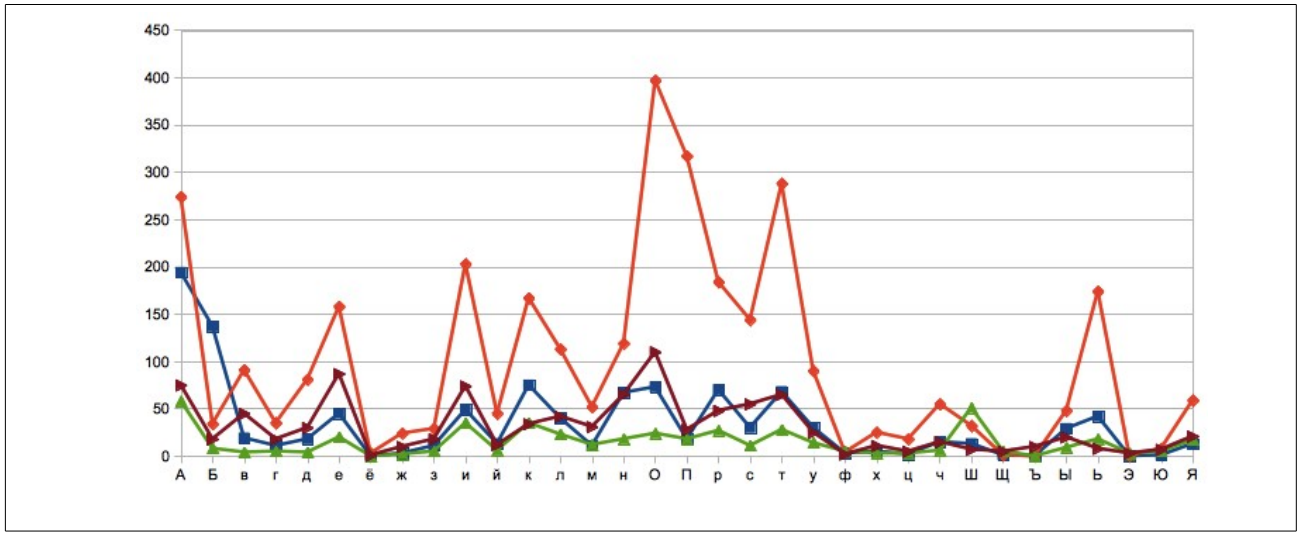
Фрагмент Ш- … Я- – 510 знаков.

Таблица 31. **Количество букв в выбранных фрагментах словаря (заглавные слова)**

Буквы	Слова на начальные буквы			русский язык (‰)
	А-Б	О-П	Ш-Я	
А	194	274	58	75
Б	137	34	8	18
в	19	91	4	45
г	11	35	5	18
д	18	81	4	30
е	45	158	20	87
ё	0	3	0	1
ж	3	24	2	10
з	11	29	5	18
и	49	203	35	74
й	13	45	6	12
к	75	167	35	34
л	40	113	23	42
м	11	52	12	31
н	67	119	18	65
О	73	397	24	110

П	18	317	18	28
р	70	184	27	48
с	30	144	11	55
т	68	288	28	65
у	30	90	14	25
ф	3	4	5	2
х	5	25	3	11
ц	2	18	3	5
ч	15	55	6	15
Ш	13	32	51	7
Щ	1	1	5	5
Ъ	0	0	0	10
Ы	29	48	9	20
Ь	42	174	18	8
Э	0	0	3	3
Ю	1	8	5	7
Я	13	59	17	21

***График 9*. Встречаемость букв в выбранных фрагментах словаря Потапова**



Пояснения к графику:

А-Б – линия с квадратами

О-П – линия с ромбиками

Среднее в русском – линия с трегольниками вершиной вправо

Ш-Я – линия с трегольниками вершиной вверх

Прил. 3.2-3. ***Таблица 32.*** **Количество нейтрализаций букв (на 400 случаев)**

	а	аг	аст	б	Б	в	г	Г	гн	гь	д	е	ем	ѣо	ж	з	и	ис	ит	й	к	
бг					1																	бг
в				2																		в
г	1			1																		г
д				8																		д
е	3					2																е
ег	1																					ег
ж																						ж
з						2	1				13											з
и	27																					и
ис															1							ис
ич													1									ич
й										1												й
к															2		1			1		к
л	1						1				1						1				6	л
м															4							м
ме																						ме
мь																						мь
н															1		2			2	20	н
о	5			4							1	6					1					о
ог	1																					ог
ой																			1			ой
ол															1							ол
ом		1																				ом
он															1							он
оп															1							оп
от			1																			от
	а	аг	аст	б	Б	в	г	Г	гн	гь	д	е	ем	ѣо	ж	з	и	ис	ит	й	к	
п							1										3			3	7	п
пс																						пс
р																					1	р
рР								1														рР
с				2		2	2					21										с
ст															1							ст
т				4			6								9				1			т
т											2					1						т
тв																						тв
тк																						тк
у											1						1					у
ус															1							ус
ў																				1		ў
ф																						ф
х															3	1					5	х
ц																						ц
ч							32															ч
ш									1						7			2				ш
щ															1							щ
ъ							1															ъ
ы	4																1					ы
ь				1		1																ь
ѣ	1													1								ѣ
э																						э
ю														5								ю
я	2																2					я
	а	аг	аст	б	Б	в	г	Г	гн	гь	д	е	ем	ѣо	ж	з	и	ис	ит	й	к	

	л	лз	ле	ли	м	н	ни	о	п	ск	сп	ср	т	ч	ь	ы	
бе																	бе
в																	в
г																	г
д																	д
е																	е
ег																	ег
ж																	ж
з																	з
и																	и
ис																	ис
ин																	ин
й																	й
к																	к
л																	л
м	1	1	1	1													м
ме				2													ме
мь				1													мь
н	1				1												н
о																	о
ов																	ов
ой																	ой
оп																	оп
ом																	ом
он																	он
ол																	ол
оп																	оп
	л	лз	ле	ли	м	н	ни	о	п	ск	сп	ср	т	ч	ь	ы	
п	3					25											п
						1											
р						3			2								р
рР																	рР
с	1																с
сп																	сп
т					11	1			2								т
т																	т
тв									1								тв
тк																	тк
у													1				у
ус																	ус
ў																	ў
ф												1					ф
х	3					3											х
ц	2																ц
ч																	ч
ш					17		1			1	1		30				ш
щ																	щ
ъ														1			ъ
ы																	ы
ь								2							1		ь
ѣ																2	ѣ
э																	э
ю																	ю
я																	я
	л	лз	ле	ли	м	н	ни	о	п	ск	сп	ср	т	ч	ь	ы	

Прил. 3.2-4. ***Таблица 33.*** **Показатели частотности (для случайной выборки, 400 случаев смешения букв) с разбивкой букв на группы по количеству элементов**

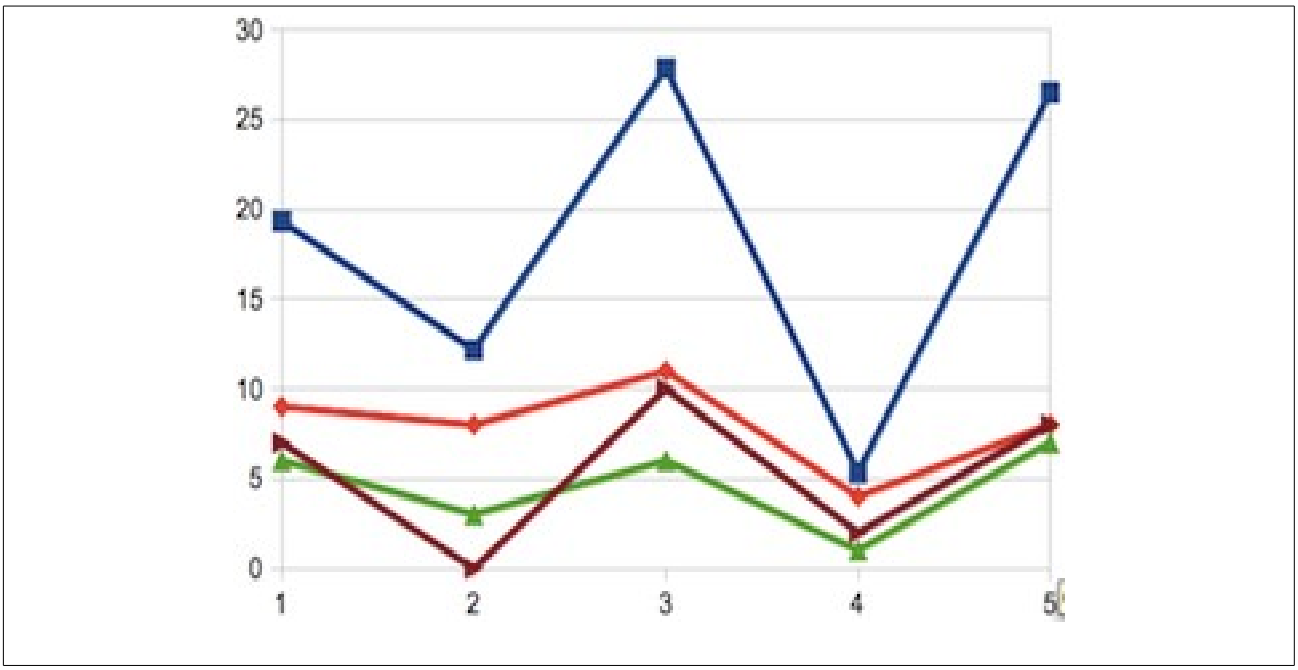
	одноэлементные		*двуэлементные*		*трехэлементные*	
			а - и	27		
	г - ч	32	*н - п*	25	*т - ш*	30
	е - с	21	*к - н*	20	*м - ш*	17
			д - з	13	*м - т*	11
195	**53**		**85**		**58**	
48,75%	13, 25%		21,25%		14,5%	
	б - д	8	*к - л*	6	*ж - т*	9
	г - т	6	*і^о - ю*	5	*ж - ш*	7
	е - о	6	*к - х*	5	*ж - м*	4
	б - о	4	*а - ы*	4		
	б - т	4	*и - п*	3		
			й - п	3		
			л - п	3		
			л - х	3		
			н - р	3		
			н - х	3		
	28 7%		**38** 9,5%		**20** 5%	
280 70%	**81**		**123**		**76**	
	20,75%		30,75%		19%	
	1-2 эл.		*2-3 эл.*			
	а - о	5	*ж - х*	3		
	а - е	3				
	8 2%		**3** 0,75%			
	11 2,75%					

Приложения к 3.3

Прил. 3.3-1. ***Таблица 34.*** **Нейтрализации графем по офенским материалам В.И. Даля**

1 – 1 эл.	1 – 2 эл.	2 – 2 элемента	2 – 3 эл.	3 – 3 и более
13	**3**	**16**	**3**	**15**
Из них исправления В.И. Даля с «?» перед словом [Бондалетов 2004: 240-350]				
6	**3**	**6**	**1**	**7**

Прил. 3.3-2. ***График 10.*** **Распределение нейтрализаций графем по офенским материалам В.И. Даля**



Квадраты – усреднённые данные (6 авторов)

Ромбы – «Толковый словарь» В.И. Даля (40 конъектур)

Треугольники *вверх* – исправления В.И. Даля в офенском материале (23 конъектуры)

Треугольник *вправо* – исправления других авторов в офенском материале (27 конъектур)

Как видим, пилообразный график выявлен и на офенском материале. Здесь уместно замечание касательно терминологии. Вместо описательного

обозначения *пилообразная линия*, кстати говоря, выбранного по образцу названия одного из графиков волновых колебаний в физике, мы не предлагаем интернациональных терминов типа *прионоидная линия* на основе греческого (πριονοειδή γραμμή) или на основе латинского *серратная линия* (*linea serrata*). Это, во-первых, целесообразно во избежание обфускации, во-вторых, это преждевременно по причине неопределённости степени универсальности выявленного феномена.

Прил. 3.3-3. ***Ошибки прочтения в латинице***

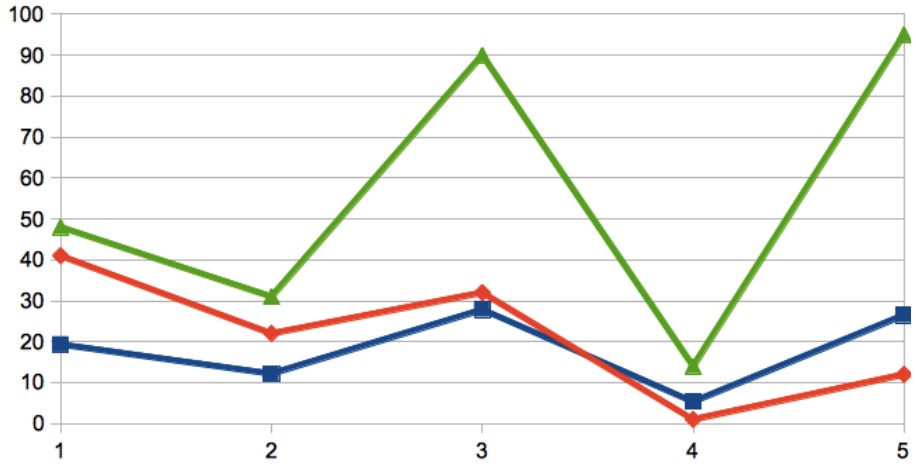
Для обогащения фона сопоставления представим ниже график 11 со списком из 103 английских слов-призраков [Skeat 1887: 373-374], включающих 108 ошибок прочтения. Как отмечалось, автор этой публикации президент Лондонского филологического общества Вальтер Уильям Скит (Skeat, 1835-1912), судя по всему, является и автором термина *ghost-word* ‘слово-призрак’.

Таблица 35. **Нейтрализации графем в английской латинице**

1 – 1 эл.	1 – 2 эл.	2 – 2 элемента	2 – 3 эл.	3 – 3 и более
41	**22**	**32**	**1**	**12**

График 11, расположенный ниже, показывает обратную зависимость частоты ошибок прочтения от длины нейтрализуемого сегмента. (В этом смысле перед нами зеркальная противоположность графика по материалам А.Ф. Журавлёва.) Это можно интерпретировать двояко: то ли британский автор в силу новизны привлечения текстологии на службу этимологии просто не видел некоторые типы ошибок, то ли английская латиница обладает такими качествами распределённой различимости, что чаще подвергаются нейтрализации одноэлементные буквы (трёхэлементных букв всего 2: *m, w*, но в игру входят и трёхэлементные группы букв *m – in – ni*).

***График 11*. Нейтрализация графем в английской латинице**



Пояснения к графику:

Квадраты – усреднённые данные 6 авторов

Треугольники вершиной вверх – материалы А.Ф. Журавлёва

Ромбы – материалы [Skeat 1887]

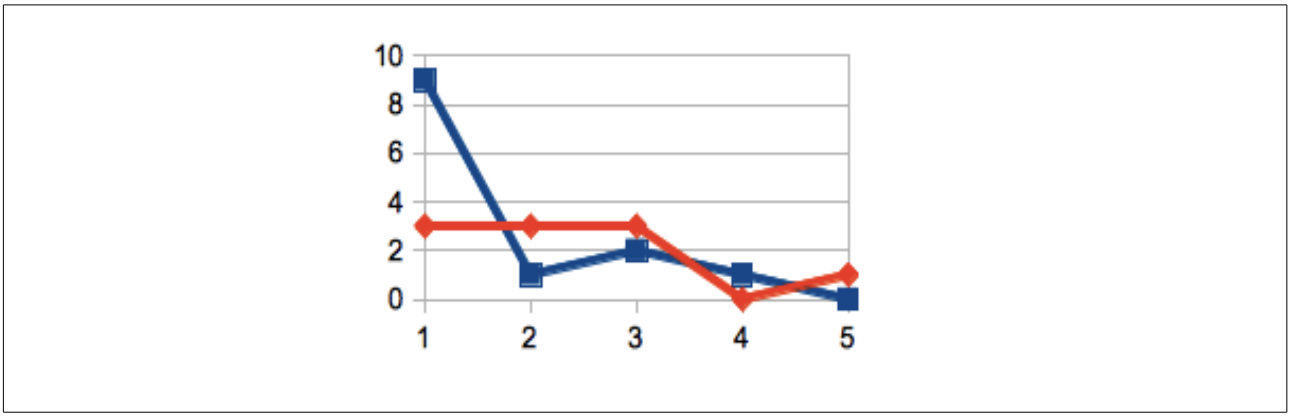
Смешение букв в словенско-хорватской (1578, 1584) и старофранцузской латиницах

Небольшие коллекции словарных фантомов с ошибками прочтения опубликованы для двух словенско-хорватских словарей (10 слов из 20) [Gjurin 1987] и старофранцузских источников (13 слов из 21) [Base]. Эти небольшие выборки позволяют подтвердить более явственно проявившееся в английской латинице [Skeat 1887: 373-374] незначительное присутствие нейтрализаций трёхэлементных букв и групп букв. Таким образом, этой особенностью в распределении ошибок прочтения могут характеризоваться и другие латиницы.

***Таблица 36.* Нейтрализации графем в словенско-хорватской и французской латиницах**

1 – 1 эл.	1 – 2 эл.	2 – 2 элемента	2 – 3 эл.	3 – 3 и более
3	**3**	**3**	**0**	**1**
9	**1**	**2**	**1**	**0**

***График 12*. Нейтрализация графем в в словенско-хорватской и французской латиницах**



Квадраты – французский

Ромбы – словенский и хорватский

Прил. 3.3-4. *Смешение букв латинской транслитерации при описании славянской мифологии*

Ошибки можно найти даже и в авторитетных и известных справочных изданиях. Так, в бесплодных поисках опечатки *odoroten* (вместо *оборотень*) по потерянной глухой отсылке попались другие опечатки, вызванные сходством рукописных букв *i* – ***r***, *b* – ***l*** в латинице в словарной статье «Славянская мифология» известного американско-хорватского исследователя З. Костельского (Z. Kostelski).

Dievana = +D**r**evana, от слав. *древо*, Kobiada = +Ko**l**iada, от слав. *коляда*, «Other gods were … Dievana (forests); Živana (fields) and many others» [SM (1946): 89].

«Thus the ancient Kobiada (New Year festival) is still preserved in the Sava Valley» [SM (1946): 90].

А обретший права гражданства призрачный *odoroten* обнаружился в ряде современных книг в жанре фантастического хоррора, например: [Djurin-Markovich 2013: 30, 83].

Приложения к 4.1

Прил. 4.1-1. ***Пример зависимости потенциальных нейтрализаций от состава букв в алфавите***

Если буква с «краткой» в алфавите одна (*й*), то её обычные смешения довольно ограничены. Редкое смешение *й* и другой буквы с «краткой» *ў* можно представить только в белорусском или транскрипции. Например, в следующем белорусском слове: «**Атэ́ўнік** ‘кацялок’ (Касп. <Каспяровіч 1927>*). Няясна» [ЭСБМ- 1: 204]. Вероятно, от ненормативного *тэй, тэя* (?) – ‘чай, гарбата’, взятого из какого-то западноевропейского языка. Скорее всего всё-таки на основе идиш א טיי [а тэй] ‘чай’ (с неопределённым артиклем *а*) [РЕС 1989: 637], א טייניק [а тэ́йник]. Неясное *ў* может быть результатом неправильного прочтения *й*. Разумеется, есть и армянское թեյնիկ [тэйник] = թեյաման [тэйаман] ‘чайник’. Кроме того, игровая трансформация *чайник – тэйник* возможна на базе русского и почти любого западноевропейского языка. Однако начальное *а* все же ограничивает объяснительные возможности таких дополнительных версий в пользу идиша.

* Каспяровіч, М.І. Віцебскі краёвы слоўнік. – Віцебск, 1927.

Прил. 4.1-2. ***Другие примеры смешения одноэлементных букв***

редкие слова в различных справочных изданиях:

в словаре иностранных слов Н.М. Яновского 1803 г. (персидское) *абаг̲и* ‘серебряная монета’ [Яновский 1803-1: 1], по нашему мнению, правильно: *абас̲и* ‘мелкая серебряная монета’, ср. в одном и том же словаре: «АБАГ̲И. Серебреная монета у Персовъ равняется 36 копѣйкамъ Россійскимъ и походитъ штемпелемъ на *Абасы*. Зри сіе слово» [Яновский 1803-1: 1]; «АБАС̲Ы, *Абассы*, или *Аббасы*...» [Яновский 1803-1: 3], а также: [СРНГ-1: 188];

в словаре для школьников устаревшее «*балия* – враг̲» [Андреева 2005: 4],

по нашему мнению, правильно: *балий* (род. п. *балия*) – врач;

обсценное «бля́ду сокр. =блядь буду, I'll be goddamned (if)…» <будь я проклят, если...> [Drummond, Perkins 1973: 7], правильно, по нашему мнению, со стяжением: +бля́бу (блядь буду);

слова из описаний территориальных диалектов (в общем алфавитном порядке исправляемых слов):

фольклорное *алабырь* 'камень, упоминаемый в заговорах' впервые представлено в словарике алтайского фольклориста Степана Ивановича Гуляева (1804-1888) [Гуляев 1848: 113], правильно, видимо: +ала́тырь, примечательно, что вариант записи *алабы́рь* не подтверждается текстами, хотя и повторяется в ряде словарей, начиная с 1848 года [Шаповал 2010b: 144-145];

донское *БУГ* 'чан', правильно: +бут 'то же' [Аникин-5: 25, 214];

псковское *бусра́га* 'сильный ветер' [СРНГ-3: 307], правильно: *буера́га* 'то же' [Журавлёв-1: 185];

архангельское *бурга́*[2] 'охотничья артель, занимающаяся промыслом морских зверей на Белом море' [СРНГ 3: 283], правильно: *бу́рса* 'артель (рыбаков и др.)'? [Аникин-5: 151];

тобольское *воро́сы* 'воробы <крестовина для намотки нити>': «**Воро́сы,** *мн.* [не воробы?]. То же, что воробы. "Мот поступает на воро́сы, с которых сматывается на тюри́к". Тюмен. **Тобол.**, Зобнин, 1894» [СРНГ-5: 117], слово описано со ссылкой на работу Зобнина 1894 года, где и была допущена опечатка в тексте, повторенная к вящему соблазну и под чертежом: «Мотъ поступаетъ на воро́сы, съ которыхъ сматывается на тюри́къ (черт. 7)» [Зобнин 1894: 58, рис. на стр. 57], правильно же, по нашему мнению, очевидно: +воробы, ср. именно такое написание в словаре, составленном при участии того же автора: «Воро́бы – см. снаряды» <при помощи которыхъ ленъ превращается въ нитки и холстъ> [Патканов, Зобнин 1899: 489, 510], а также: [СРНГ-5: 103];

новгородское *гуди́ть* 'соблазнять, обманывать' [СРНГ-7: 202], правильно: *чуди́ть?* 'то же' [Журавлёв-1: 188];

новгородское «**Дольежни́к**, а, *м*. Прозвище жителя города Новгорода. Тихв. **Новг**., 1857» [СРНГ-8: 115]; «Несомненное *долбежник*, см. *долбежни́к* ‘прозвище жителя г. Новгорода’, тихв. новг., 1848 [<СРНГ> вып. 8, с. 103], *долбежники* в знаменитом зачине «Истории одного города». Ошибочное чтение *ь* вместо *б* либо опечатка (по причине соседства литер *Б* и *Ь* на машинной клавиатуре)» [Журавлёв-1: 188]. Это исправление подтверждается источником 1857 г.: «Долбежни́къ (тихв.) *прозваніе*, присвоенное жителю города *Новгорода*» [Эрдман 1857: 119], иное ударение и неоговариваемое исправление [Страхов 2004: 272];

вятское «**Доревя́нный**, ая, ое. Доревя́нный халат. Гроб. **Вят**., 1892» [СРНГ-8: 123], «Правильно ли? Если так, то случай исключительно интересный» [Журавлёв-1: 188]. Карточку в картотеке ИЛИ РАН не удалось качественно скопировать, но запись именно такая. Скорее всего, визуальное смешение *о* – ***е***, если за записью с *дорё-? не скрывается приблизительная фиксация произношения вроде безударного [д’ор’о-];

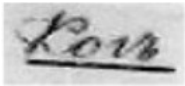
тобольское (со ссылкой на известного краеведа Хрисанфа Мефодиевича Лопарёва, 1862-1918) «**Забегник**, а, *м*. [удар.?|. Длинная веревка у верхних “ушей” невода. **Тобол.**, Лопарев, 1896» [СРНГ-9: 249], «Подозрительно нарушение в слове морфонологических норм. Вместо *г* читать *ч*? Но это не объясняет корня» [Журавлёв-1: 190]. Речь идёт о том, что *забегник* стоит, вероятно, на месте правильного *забежник.* Неясно, а может ли *забечник* быть произведено прямо от инфинитива *забечь*? Или же это вообще *затечник*? В списке источников СРНГ находим [Лопарёв 1894: 130]. Однако слово *забегник* известно по изданию 1896 г., не обнаруживаемого в списках источников СРНГ: «**Забѣгникъ**, длинная веревка у верхнихъ “ушей” невода» [Лопарёв 1896: 225]. Описание слова могло быть взято и из хрестоматии Н.А. Цомакион, где воспроизведён словарик из книги Лопарёва: «**Забегник** – длинная веревка у верхних “ушей” невода» [Лопарёв 1960 (1896): 115].

архангельское *зарогу́ть* ‘привязать снасть’ [Кузмищев 1848: 511],

правильно: *зароч<u>и</u>ть* ‘то же’ [Рейнеке и др. 1844: 119], ср. обратное *отрог<u>и</u>ть*, а также: «**РА<u>Г</u>(<u>Ч</u>?)АТЬ** *ленъ*, *нвг.-брон*. трепать и чесать» [Даль$_1$-IV: 3; $_2$-IV: 3; $_6$-IV: 7], отсылочного *рачать* у В.И. Даля нет, из чего можно понять, что вероятнее, по его мнению, было *рагать* [Шаповал 2009е: 165];

олонецкое / архангельское *ко<u>г</u>* ‘судно’, правильно: $^{+}$ко<u>ч</u> [Журавлёв-2: 97-98], рис. 11;

Рис. 11. Слово *Когъ* (*кочъ*) на карточке



кубанское *коро<u>ч</u>ва* ‘знамя, флаг’, правильно: [Ткаченко 1998: 119], по нашему мнению, это укр. *коро́гва* ‘хоругвь’;

енисейское в словаре известного врача Михаила Фомича Кривошапкина (1829-1900): «Ко<u>с</u>ва̀дни – прошедшій разъ» [Кривошапкин 1865-II: *50*], правильно: *ко<u>е</u>вадни* ‘то же’ [Журавлёв-2: 98];

енисейское *кот<u>ь</u>са́ть* ‘делать что-либо’ [СРНГ-15: 118], на основе: «Котьса́ть – дѣлать» [Кривошапкин 1865-II: *50*], стоит после «Коты́ – теплые сапоги», то есть ошибка, вероятно, вместо $^{+}$кото́сать уже закрепилась в бумагах и выставлена по алфавиту, как указывает А.Ф. Журавлёв, правильно: *кото́сать* ‘то же’ [Журавлёв-2: 99];

русское в Киргизии (1970) *<u>о</u>ерлинка* ‘сорт картофеля’ [СРНГ-23: 71], правильно, по нашему мнению: $^{+}$<u>б</u>ерли́нка ‘то же’ [СРНГ-2: 259];

архангельское *отро<u>г</u>и́ть* ‘отдать снасть’ [Кузмищев 1848: 511], правильно: *отро<u>ч</u>и́ть* ‘то же’ [Журавлёв-5: 383];

донское «скыр<u>г</u>а» ‘стог, скирда’ [Миртов 1930: 63], правильно, по нашему мнению: укр. *скир<u>т</u>а* ‘то же’;

орловское *сто́р<u>в</u>ица* ‘небольшая история, рассказик’ [СРНГ-41: 236], правильно, по нашему мнению: *сторьица* < исторь-иц-а [Афанасьев, Сказки-2: 291];

сибирское *<u>с</u>феля́* ‘откидные пески’ [СРНГ-43: 49], по нашему мнению,

правильно: *еφеля́* ‘то же’ [СРНГ-9: 45];

смоленское *сялибба* ‘место, занятое постройками’, правильно: +сяли́тба? [Добровольский 1914: 900, 825], если не отражение полной ассимиляции в произношении;

архангельское *Торбушка* ‘орудие, заменяющее косу’ [Боричевский 1850: 137], правильно, по нашему мнению: *Горбушка*, ср.: иркутск. *горбуша* ‘особого рода коса’ [Цомакион 1960: 8; СРНГ-7: 23-24].

слова из описаний социальных диалектов (сгруппированы по типам социолектов, расположенных по алфавиту их наименований):

жаргонное *балаба́в* ‘сало’ [Баранников 1931: 156], по нашему мнению, правильно: *балабас* ‘сало’ [Потапов 1927: 10] (из цыг.) [Шаповал 2011е: 21, 30];

жаргонное (русское арго) *безглавый* ‘беспаспортный’ [Грачёв 2003: 400], по нашему мнению, правильно: *безглазый* ‘то же’ [Трахтенберг 1908: 6];

жаргонное *бе́ре* ‘год’ [Мильяненков 1992: 84], по нашему мнению, правильно: цыг. +берс, *бэрш* (м. р.) ‘год’ [Шаповал 2011е: 101];

жаргонное *бимо* ‘золотые вещи без драгоценных камней’ [Александрова 2005], по нашему мнению, правильно (в словаре русского арго): *бимб*[1] ‘золотые вещи без драгоценных камней’ [Грачёв 2003: 76];

жаргонное *ено́фырь* ‘вор (из ларьков)’ [ББИ 1992: 75], правильно, по нашему мнению: +сно́фырь, ср. *шнифер* ‘взломщик’ [Мокиенко, Никитина 2000: 698];

жаргонное *гумь* ‘извозчик’ [Потапов 1927: 40], по нашему мнению, правильно: *гужъ, ср. *гуж* ‘извозчик’ [Потапов 1927: 40];

жаргонное (в словаре русского арго) *кине́зик* ‘карандаш’ [Грачёв 2003: 400], по нашему мнению, правильно: *кинвзик* ‘то же’ [Потапов 1927: 67];

жаргонное *когума́й* ‘уходи’, правильное же, по нашему мнению, написание представлено и в том же самом словаре Ивана Прокопьевича Вориводы: *кочума́й* ‘молчи’ [Воривода 1971: 39, 42];

жаргонное *мобать* ‘допрашивать; избивать’ [ББИ 1992: 142], правильно, по нашему мнению: +*мотать* (душу, кишки), в переносном значении;

жаргонное *могилово* – ‘бой (при игре в пейнтболл)’ [Зверев 1999: 212], по нашему мнению, правильно (в арго): *мочилово* ‘то же’ [Грачёв 2003: 553];

жаргонное: «**Перт** – портсигар» [ТСУЖ 1991: 131; Бронников (1990): 31], ранее, по нашему мнению, правильно: *порт* ‘бумажник, дамский кошелек, портсигар’ [Потапов 1927: 125];

жаргонное (в словаре русского арго) *погробо́к* ‘притон’ [Грачёв 2003: 685], по нашему мнению, ошибочно из контекста, где представлено общеупотребительное *погребо́к*: «**ПОГРОБО́К**, -бка́, м. Притон деклассированных элементов. «*В отличие от дорогого Артемиева погробка для избранных, сюда наряду с подпольной знатью допускались черные дельцы редких отраслей*» (Л. Леонов. Вор)» [Грачёв 2003: 685], вместо *погребок*: во второй (кардинально переработанной) редакции романа читаем: «В отличие от дорогого Артемиева п о г р е б к а для избранных, сюда наряду с подпольной знатью допускались черные дельцы редких отраслей, наиболее выдающиеся растратчики сезона, загулявшие б а б а и из провинции и посторонние вовсе уж с непроверенной рекомендацией» [Леонов 2009: 554 (ч. 3, XV)]. Видимо, отмеченное разрядкой слово *погребок* (как и жаргонное *бабай* ‘торговец, богач’) представляет собой вкрапление речи уголовных персонажей в авторскую речь. *Погребок* в этой функции мог показаться слишком тривиальным и был преобразован (прочитан по рукописной выписке самого лексикографа) под незаслуженным влиянием слова *гроб*. Смешение ***е*** – *о*, таким образом, является результатом вряд ли оправданной экзотизации. В первой редакции романа в этом месте слова *погребок* нет, судя по фрагменту, примерно соответствующему процитированному выше: «У пивной, где год назад... мотался на железной привязи фонарь...» [Леонов 1928: 393; 1936: 335 (ч. 3, XIII)];

жаргонное *полугалово круговое* ‘взаимные избиения по приказу’ [Балдаев

1997-I: 209], правильно, по нашему мнению: *получа́лово* ‘избиение’ (ср. выше *могилово*), от арготизма *получи́ть* ‘совершить расправу’ [Грачёв 2003: 710];

жаргонное (у мазуриков) *срусить* ‘украсть’ [Бондалетов 2004: 430], правильно, по нашему мнению, (во многих источниках): +сруби́ть ‘то же’ [Мокиенко, Никитина 2000: 561];

жгонское *сучан* ‘лук’, правильно, по нашему мнению, видимо: *суган* [Бондалетов 1980: 94, 95] ‘то же’ [там же], ср. ниже *шуган, шукан*;

жгонское *тукан* ‘лук’, правильно, по нашему мнению: +шукан?, *шуган* ‘то же’ [Бондалетов 1980: 98], при этом мы исходим из того, что более достоверны записи отражающие мену шипящего и свистящего в начале слова и мену звонкого и глухого заднеязычного в интервокальной позиции;

кубрацкое «Х*а*ндры – ночи» [Добровольский 1916: 11], правильно, по нашему мнению: ‘ноги’;

молодежное (компьютерное) *винг* ‘жесткий диск’ [Грачёв 2006: 104], правильно, видимо: *винч(естер)* ‘то же’ [Шаповал 2007f: 310];

молодежное (компьютерное) *фига* ‘особенность программы’, правильно, видимо: +фича ‘черта’, англ. *feature* ‘то же’ [Шаповал 2007f: 310];

молодежное *лудер* ‘лузер, неудачник’ [Грачёв 2006: 585, на *форум*], по нашему мнению, правильно: *лузер* ‘то же’, англ. *loser* ‘то же’ [Шаповал 2007f: 311];

нищих (в Белоруссии) условная речь: «скрипка – кутра́чка» [Приёмышева 2009-2: 324], по нашему мнению, правильно: кугра́чка [Сцепуро 1881: 195], от *гра, игра*;

офенское *еначить* ‘украсть’ [Бондалетов 2004: 159, 166], правильно, по нашему мнению: *с-нач-и-ть* ‘украсть’, как позднее в «блатной музыке» [Потапов 1927: 151];

«по-суздальски» *збью* ‘два’ [Паллас$_1$-II: 472], правильно, по нашему мнению: +здью, ср. офенское *здю* ‘два’ [Грачёв 1997: 86; Мокиенко, Никитина 2000: 222];

ремесленников (калужских) условная речь: *чамы́ра*, правильно, по нашему мнению: «Гам*ы*ра – водка» [Добровольский 1916: *3*, *2*], а также др.

Иногда привлечение дополнительных материалов позволяет отказаться от конъектуры, предлагавшейся исследователями ранее, и принять необычную запись как достоверную, например:

известное из «Опыта областного великорусского словаря» рязанское *волда́т* ‘солдат’ [Опд. 1858: 24], вряд ли ошибочно из *солдат*, как предполагал А.Ф. Журавлёв [Журавлёв-1: 186], скорее это, по нашему мнению, офенское слово *волдат* ‘то же’ [Бондалетов 2004: 201];

в словарике конца XVIII века академика В. Зуева записано (цыганское) *джанима́гкуру* ‘колдун’ [Зуев 1787: 179], правильно, видимо: +джан-им-а́с-кор-о ‘ведун, тот, кто обладает знанием’, однако в некоторых цыганских диалектах возможно чередование [с] / [х], ср., например, на стыке тех же самых морфем, образующих посессив от именной основы мужского рода: кэлдэрарское *ка́х-к-о* < *ка́с-к-о* ‘чей’ [Деметеры 1990: 81]; поэтому и в случае *джанима́гкуру* нельзя исключить использование *г* (как знака для передачи фрикативного [γ], оказавшегося в позиции оглушения перед [к]);

жаргонное *чируха* ‘старуха’ [ББИ 1992: 281; Балдаев 1997-I: 209], правильно, видимо: *гиру́ха?* ‘то же’, ср.: *гирший* ‘пожилой’, *дериха* ‘пожилая женщина’, ‘*ерик* пожилой человек’ [ББИ 1992: 55, 67, 75], начиная с «суздальского» *гиръ* ‘старъ’ [Паллас$_1$-II: 227], нищенского (в Белоруссии) *іорый* ‘старый’ [Сцепуро: XXX] и мн. др. (из греч.). Ср., однако, неожиданный диалектизм, который при ослаблении требований к семантической эквивалентности, может, видимо, заставить принять и начальное *ч*-: «**Чиру́шка** (Сольв.). Маленькая ростом женщина» [Дилакторский 2005: 558].

Прил. 4.1-3. ***Другие примеры смешения двуэлементных букв***

редкие слова в различных справочных изданиях:

в небольшом словарике при путевом отчете академика В. Зуева

(цыганское) «Да А<u>н</u>и» [Зуев 1787: 180], правильно: +а<u>х</u>и́ [ahи́?], с гортанной смычкой (?) между гласными на месте зияния, цыг. *аи́* [aʔи́] ‘да’;

белорусское *п<u>и</u>роги* ‘пороги’ [Шейн 1886: 299, № 351], по нашему мнению, правильно: +паро́ги ‘то же’;

белорусское *прыку́р* ‘приданое’ [ЭСБМ-10: 97-98], правильно: *прыку́п?* ‘то же’ [Антропов 2004: 148];

белорусское *ша<u>п</u>овать* ‘почитать’ [Шейн 1886: 258, 259], по нашему мнению, правильно: *ша<u>н</u>овать* ‘то же’;

белорусское диалектное *атэ́ўнік* ‘котелок’ [ЭСБМ-1: 204], по нашему мнению, правильно: идиш +а тэ́<u>й</u>ник (א טייניק) ‘чайник’;

белорусское диалектное *ашла́<u>н</u>* ‘бервяно, якое кладзецца ў апошнім вянку зруба’ [ЭСБМ-1: 237], по нашему мнению, правильно: *ашла́<u>п</u>* ‘то же’ [ЭСБМ-1: 237];

топоним ***Сад<u>н</u>овский овраг*** в Москве [Спивак, Щербакова 2006: 20], правильно: ранее Сад<u>к</u>овский [там же];

слова из описаний территориальных диалектов (в общем алфавитном порядке исправляемых слов):

орловское *<u>а</u>льмо́вка* [знач.?] [СРНГ-1: 245], по нашему мнению, возможно, правильнее: +ильмовка? ‘лесное дерево из семейства вязовых; ильм’: смешение букв *а* - *и* (если это не фонетическое явление в неприкрытом предударном слоге): «***А*льмо́вка**, и, *ж.* [знач.?]. *Привязывал ворона коня к зеленой альмовке* (песня). Карач. **Орл.,** Будде, 1904» [СРНГ-1: 245]. В источнике Е.Ф. Будде уже отмечена неясность: «Альмо́ўка – ? (Орл<овской>. губ. Карачев<ского>. у. Драгун<ской>. в. Д. Трыковка. В песне: “Привя́зъвал во́рона ко́ня | Г зилё́нӑй альмоўки”. У Даля нетъ)» [Будде 1904: 113]. *Альмоўка* воспроизведена в публикации дважды, что исключает опечатку. Слово, видимо, не было понятно уже исполнителю. Ср.: «**Ильми́на,** ы, *ж.* Лесное дерево из семейства вязовых; ильм. Тихв. **Новг.,** 1854. Холм. **Пск., Смол.**» [СРНГ-12: 186]. Очень похожее на слово *альмо́вка* производное от *ильм* вызывало вопросы

и в соседней Курской губернии: «**Ильмо́вочка**, и, *ж.* [Знач.?]. Обоян. **Курск.,** 1902», в песне оно соседствует с окказиональным глаголом: «**Ильмова́ть,** му́ю, му́ешь, *несов., перех.* [Знач.?]. *Обапола его ильмовочки ильмуют, Обапола его торговочки торгуют.* Обоян. **Курск.,** 1902» [СРНГ-12: 186]. Параллелизм образов, видимо, должен был изначально создавать такую картину: два мощных дерева стоят, шумя листьями, справа и слева от героя, а под ними расположились шумные торговки. Южнорусские процессы в начале слова типа [и]*гурцы* < [а]*гурцы* [Пожарицкая 2005: 71], по мнению С.В. Князева, консультировавшего нас в связи с анализом этого гапакса, всё же вряд ли могли вызвать обратную вариативность [и]*льмовка* > [а]*льмовка* в этом, судя по всему, забываемом слове. Это не позволяет отказаться от гипотезы о визуальном смешении букв в пользу отражения в записи «альмо́ўка» реального фонетического явления, ср. более расплывчатый вывод в: [Шаповал 2010b: 146].

курское *берку́шка* ‘?’ [СРНГ-2: 259], по нашему мнению, правильно: *бёрнушко* ‘брёвнышко’ [СРНГ-2: 260]; это пример того, как установка на нетривиальность и экзотичность прочтения записей прошлого иногда приводит к неоправданному выбору более необычного чтения на месте ординарного: значение слова *берку́шка* из контекста *«Постелю постелю. По краюшкам беркушки*» не выводится, но есть параллель: «*Я старому уважу: Постелюшку постелю: ..По краюшкам – бернушки, Одеяло – борона*» [СРНГ-2: 259, 260; Соболевский-II: 283-284 (№ 337)], – где ординарное чтение *бёрнушко* и толкование ‘брёвнышко’ обосновать можно [Шаповал 2010d: 166, прим. 10];

енисейское «Будàрка – козявка» [Кривошапкин 1865-II: 42], правильно: *букарка/бухарка* ‘то же’ [Журавлёв-1: 185], ср. архангельское слово, пропущенное в известном словаре А.И. Подвысоцкого: «**буха́рка** букашка» [Усачёва 1966: 108];

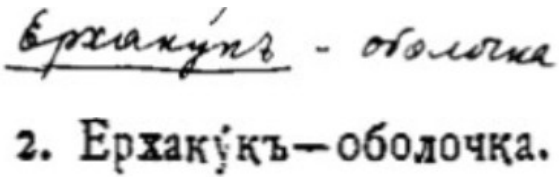
иркутское «**Гунужинкан,** *а, м.* [удар.?]. Успенский пост. *Жители. . строго исполняли посты. . великий. . Петров, «гунужинкан» (успенский) и Филиппов.* Тунк. **Иркут**., Гущина» [СРНГ-7: 234]. «Это странное слово есть,

вероятно, какое-то искажение субстантивации **госпожи́нкин* (пост), ср. «Госпожи́нкина неделя. Двухнедельный пост перед днем Успения богородицы. Кологр. **Костром**., 1896» [СРНГ-7: 155], – комментирует А.Б. Страхов [Страхов 2004: 270]. Действительно, в книге известной восточносибирской исследовательницы Шаповаловой (Гущиной) Софьи Федоровны (1903-1986) слово напечатано иначе: «Ещё не так давно жители Тункинского края строго исполняли посты. Соблюдались: Великий пост, Петров, «Гунужи́нкин»* и Филиппов или Рождественский», с подстрочным примечанием: «* Иначе – Успенский, “отрывок” от Великого. “Великий-то пос девять недель должо́н быть. Да тижало народу. Вот Восподь и велел Успенский пос зделать”. (У. К.)» [Гущина 1928: 5]. Несомненно смешение *а* – ***и***, вероятно и смешение *н* – ***п***, но в целом отношение с *Госпожинкин пост* остаётся непрояснённым;

донское «Гурт**а**виться – толп**и**ться с шумом» [Миртов 1929: 71; СРНГ-7: 239], по нашему мнению, фантомное слово, неправильно процитирован источник: где: *гуртова́ться* [Шолохов 1928: 223; БСДК 2003: 123];

костромское *ерхаку́к* ‘оболочка [!]’ [СРНГ-9: 36], правильно: *ерхалу́к* ‘одежда’ [Журавлёв-1: 189], см. рис. 12; на карточке с выпиской содержится ошибка, которая ранее была уже представлена и в публикации [Марков 1907: 133];

Рис. 12. Карточки со словом *ерхаку́къ*



алтайское, в словарике фольклориста Степана Ивановича Гуляева (1804-1888): «**Жизне́нокъ**, малый» [Гуляев 1848: 118], по нашему мнению, в толковании правильно: «милый» [СРНГ-9: 172];

новгородское *заку́ша* ‘причитальщица, плакальщица’ [СРНГ-10: 187], правильно: *зыку́ша* ‘то же’; «**Заку́ша**, и, *ж*. Старая дева, оплакивающая невесту за день до свадьбы. Черепов. **Новг.**, Герасимов» [СРНГ-10: 187], «В высшей

степени вероятно неправильное чтение слова *зыкуша*, производного от *зыкать* новг., волог., влад. ‘плакать в голос, навзрыд’» ([СРНГ-12: 35]) [Журавлёв-1: 190]; похоже на ошибочное расщепление одного свидетельства: «Зыку́ша, причитальница. Старая дѣвица, оплакивающая невѣсту за день до свадьбы» [Герасимов 1910: 42], в двух других словариках [Герасимов 1893, 1898] этого слова нет [Шаповал 2013а: 282];

донское *заропи́ть* ‘выронить’ [Миртов 1929: 108], других источников нет [БСДК 2003: 179], по нашему мнению, правильно: +*зарони́ть* ‘то же’ [Даль$_6$-I: 627];

донское *зашкри́бать* ‘заскрести’ [Миртов 1929: 111], других источников нет [БСДК 2003: 185], по нашему мнению, правильно: +зашкря́бать? ‘то же’;

русское в Латвии *цо́нич* ‘нынче’ [СРНГ-12: 206], правильно: +нон[и]ч(е) ‘то же’ [Журавлёв-2: 94; Страхов 2004: 282];

олонецкое «**Кеха**, ы, *ж.* [удар.?]. Узкая полоса. **Олон**., Куликовский [с вопросом к слову], 1885–1898» [СРНГ-13: 181]. Вероятный источник: «*Ляха*, и *кѣха* – узкая полоса» [Барсов-2: 324]. Без отсылки к Барсову: «**1. Ле́ха**, и и **леха́**, и, *ж.*1. Полоса земли, пашни шириною в один взмах при ручном посеве»; «**2. Ля́ха**, и, *ж*. Узкая полоса пашни» [СРНГ-17: 28, 285]. *Кѣха* явно ошибочно прочитано на месте *лѣха*, фонематического варианта диалектизма *ляха*;

ростовское «Кирнан**о**сый – курносый» [Миртов 1929: 136; СРНГ-13: 222], с другим примером: [БСДК 2003: 216], по нашему мнению, правильно: *кирпоно́сый* и *кирпа́тый* ‘то же’ [СРНГ-13: 224, 222];

тобольское «Куржанъ – изморозь» [Патканов и Зобнин 1899: 497], правильно *куржакъ* ‘то же’, ср. у тех же авторов спорное «Закуртевѣть», видимо, также обязанное своим появлением отсутствию авторской корректуры;

карельское *кянь* ‘приспособление для вязания рыболовных сетей’ [СРГК-3: 84], правильно, по мнению С.А. Мызникова: *кяпь ‘то же’ [Мызников 2010: 76];

читинское *ладу́шка* ‘бочка’ [СРНГ-16: 240] (однократно

зафиксированное), по нашему мнению, правильно: *кадýшка* ‘кадка небольшого размера’ [СРНГ-12: 301-302];

курское *дурта* ‘метель’ [СРНГ-16: 145], ср. *курта* ‘то же’;

брянское *манýха* ‘конопляный жмых’ [СРНГ-17: 365], по устному сообщению И.Г. Добродомова, правильно: *макýха* ‘жмых’ [СРНГ-17: 315];

воронежское *марко* ‘напрасно’ [СРНГ-17: 374], по нашему мнению, правильно: *мáрно* ‘то же’ [СРНГ-17: 375];

воронежское *мелéбек*, род. ед. *мелéбка* ‘молебен’ [СРНГ-18: 95], по нашему мнению, правильно: **мелéбен** и *мялéбен* ‘молебен’ [Поликарпов 1911: 615];

челябинское *нашнепáть* ‘нащипать (лучины)’ [СРНГ-19: 77], по нашему мнению, правильно: +нашкепáть, *наскепáть* ‘то же’;

воронежское *натика* ‘ботва’, по нашему мнению, правильно: *натина* ‘то же’ [СРНГ-21: 219];

тобольское (в материалах известного краеведа Хрисанфа Мефодиевича Лопарёва, 1862-1918): «ня́ша – тонкая глина по берегамъ рѣкъ» [Лопарёв 1894: 130], по нашему мнению, в толковании следует читать *топкая,* ср.: [СРНГ-21: 336; Лопарёв 1896: 228];

новосибирское *огапашиться* ‘обзавестить хозяйством’ [СРНГ-22: 39], по нашему мнению, правильно: +сг[а]н[а]шиться, *сгоношиться* ‘то же’;

олонецкое *папгаш* ‘(невзрачный) парень’ [Куликовский 1887: 735-736], по нашему мнению, правильно: *пайгаш* ‘то же’ [СРНГ-25: 153];

астраханское «П а ш к é ш ъ . Персидск. пишкàшъ – подарокъ» [Петров 1852: 89], правильно: *пешкéшъ* ‘то же’ [Korsch 1886: 662];

смоленское *на_пивучéнья* ‘на поучения’ [Добровольский 1905: 363], по нашему мнению, правильно: +на_павучéнья ‘то же’;

смоленское *прокáзая* [?] ‘шутка’ = пракáзня [Добровольский 1914: 732], ср. и смоленское *прокáзая* [?] ‘шутка’ = пракáзія [Добровольский 1914: 732];

орловское *свáта* ‘верхняя одежда’ [СРНГ-36: 216], по нашему мнению,

правильно: +сви́та, ср.: *2. свита* ‘разные виды одежды: ряса, сорочка, свитер, рваньё’ [СРНГ-36: 303];

костромское: «**вапу́й** ‘род лесного гриба’ костр. (Д<аль> 1: *164*; СРНГ 4: *39*) // Скорее всего, искаженное *валу́й* ° I, на что указано (со знаком «?») у Даля» [Аникин-6: 60];

донское *стоко́рить* ‘сварить на скорую руку’ [СРНГ-41: 193] ≈ *стопо́рить* ‘то же’ [СРНГ-41: 234], выбор между двумя однократными фиксациями затруднён;

вологодское «**Терпо**, *ср.* [Знач.?]. «Шаль драдедамовую, терпо или какая случится, длинную шубу, суконную или нанковую». Пошех. **Волог**., Этн. сб., 1854» [СРНГ-44: 83]. («**Волог**.» следует исправить на *Ярославской* губ.) В источнике стоит *терно* в описании зимней женской праздничной одежды [Архангельский 1854: 18], как и *терно* верно в: [СРНГ-44: 78]. «ТЕРНО́ (франц. ternaux) — шерстяная ткань саржевого переплетения, из которой делали шали (см. *кашемир*) и платки во Франции в период распространения стиля *Ампир*» [Власов 2008: 491]. Производное от название ткани *терно́* прилагательное *терно́вый* встречается в произведениях Н.С. Лескова [Гаева-III: 363];

донское *лу́па* ‘эхо’ [СРНГ-17: 197] < *луна* ‘то же’ [Журавлёв-3: 270, 271]. Однако обращение к первоисточнику усложняет картину. В еженедельной славянофильской газете «День», издававшейся в Москве И.С. Аксаковым, донской краевед А. Савельев употребил слово *лупа*: «Слышь! *лупа-то, лупа* (**) пошли отъ ружья!»; «(**) Эхо» [Савельев 1862: № 29 – С. 10, прим. (**)]. Конечно, автор мог и не держать корректуру, тогда вероятнее *луна* ‘эхо’ *пошла* (?). Но в цитате есть ещё одна сложность: *лупа́* (?) *пошли*. Может быть, это характерное для ряда южновеликорусских говоров множественное число от *луп* < *лупить*. Ср. «Л у п - ц у п . *Глаг. междом.,* означающее удары цепами при молотьбе» [СРНГ-17: 197];

курское *сторпи́вка* ‘солома для кровли’, по нашему мнению, правильно: +сторни́вка ‘то же’, укр. *сторні́вка* ‘сторновка’: «**Сторпи́вка,** *ср*. В

сторпи́вку. О способе покрытия крыш соломой. «Кровли повсеместно соломенные внакидку, редко взаческу, а еще реже в сторпивку». Новос. **Тул.,** Архив РГО» [СРНГ-41: 250]; та же цитата с отличиями в расстановке пробелов приведена ещё раз: «В зачёску крыша. О соломенной крыше, причесанной граблями. *Кровли повсеместно соломенные в накидку, редко в заческу, а еще реже в сторпивку.* Новос. **Тул.**» [СРНГ-11: 176]. Написание *в сторпивку* представляется ошибочным чтением украинизма *в сторнивку (у сторнiвку), ср. русск.: «**Сторно́вка,** *ж.* 1. Солома после обмолота цепами. «Приготовляется для корма скота». Нижнедев. **Ворон.,** Поликарпов, 1893. Дмитрящ. **Ворон.** <> Солома, годная для резки. **Ворон.,** 1905–1921. 2. Сторновка. Невымолоченная солома. **Курск.,** 1848. *Бывает у соломы зерно еще остается – это сторновка*. **Азерб. ССР.** 3. На (под) сторновку. О покрытии крыш соломой. Бурнашев. Россош. **Ворон.,** 1961» [СРНГ-41: 237]. Существенно, что для долговечной кровли требовалась неповрежденная солома, ср.: *старновка* ‘немятая солома’ [Сомов 2001 (2009): 446];

терское *стра̲жа́к* ‘молодой мерин’ [СРНГ-41: 277], по нашему мнению, правильно: *стри̲жа́к* (стр[ы]жа́к [Караулов 1900: 108]);

уральское *стригуно́й̲* ‘шустрый’ [СРНГ-41: 341], по нашему мнению, правильно: *стригуно̲к* ‘лошадь по второму году, после первой стрижки’;

тверское «*Хи̲рчь* – Говядина» [Дмитревский 1822: 259], ср. терское *ха̲рч* ‘мясо’ [Караулов 1907: 107]; кстати, -*ь* у Дмитревского показателен, это слово и в курских говорах женского рода, по А.С. Машкину: «съ блюдами пироговъ, блиновъ, ха́рчи (мяса)», «приносятъ ей водку, харчь» [Машкин 1862: 21, 23]; орловск. *лозбянiи* – «Кадушки съ крышками, а иногда и с замками, въ которыя кладутъ харчъ» [Иваненко 1905: 109].

слова из описаний социальных диалектов (сгруппированы по типам социолектов, расположенных по алфавиту их наименований):

жаргонное *а̲кря́ный* ‘богатый’ [Потапов 1927: 7], по нашему мнению,

вероятнее с *и*-, ср. диалектное *икря́ный* ‘богатый, имеющий много денег’ [СРНГ-12: 183];

жаргонное *антипка* ‘чемоданъ’ [Собрания 1859: 1129], нельзя исключить, что правильнее: +анта́[п]ка?, *антабка* ‘ручка, рукоятка’;

жаргонное (в словаре русского арго) *бахравешный* ‘двугривенный’ [Грачёв 2003: 63], по нашему мнению, правильно: *бакравереш*ный ‘то же’ [Дмитриев 1931: 169];

жаргонное *бракаться* ‘сопротивляться’ [Дубягина, Смирнов 2001: 277], по нашему мнению, правильно: *брыкаться* ‘то же’ [Дубягина, Смирнов 2001: 39];

жаргонное (у Ваньки Каина) “виногоръ” (огонь) [Мордовцев 1876: 37] и др., по нашему мнению, правильнее: +пиного́р; более детальное обоснование этой конъектуры таково: *в (*в скорописном начерте XVIII в. – □) могло не отличаться от ***п***: особые написания букв, принятые в скорописи конца XVIII века, позднее могли опознаваться неправильно. В ряде источников о Ваньке Каине встречается слово *виногор*: «Для этого вздуваютъ “виногоръ” (огонь), чтобъ сушить» (т.е. жечь купца) [Мордовцев 1876: 37; 1994: 39], ср. *сушить; вздуть виногъ / виногоръ* ‘пытать огнем’ [Сиповский 1902: 141, 154]. В «Словаре русского языка XVIII века» ничего нет по этому слову. Его позднейшие описания ничего не добавляют, кроме новых неточностей: «**ВИНОГО́Р**, а, м. Огонь (Максимов). [Основосложение: лит. *вино* + *гореть* с последующим переносом значения]» [Грачёв 2003: 143; 2006а: 84]; «**ВЗДУТЬ ВИНО́М** – пытать огнём (Максимов, Сиповский)» [Грачёв 2003: 137; 2006а: 79], ошибочно вместо *виноги*. Выражение, собственно, значит ‘раздуть огонь, предварительно выбив ударом об кремень искру из огнива на трут’. Ср. и: «**Пинаго́р** и **пиного́р**, *м*. Трут (березовая чага). **Костром.**, **Яросл.**, Даль. □ Пинаго́р. Кинеш. **Костром.**, 1846. □ Пиного́р. Козьмод. **Казан.**, 1852» [СРНГ-27: 35]; в СРНГ иначе, чем в словаре 1852 г., отнесена помета географическая и хронологическая: «**ПИНОГО́РЪ**, а, *с. м*. Трутъ. Костр.

Кинеш.» [Оп. 1852: 158]; «**Пина(о)го́ръ** м. *ярс. кстр.* огневая губка, трутъ, березовая губа» [Даль$_3$-III: 280]. Ранее: «**ПИНОГОРЪ** и **ПИНОГОРЬ**, *м. Кисет, сумочка (для трута, огнива)* (*?*). А в мешке тринадцат<ь> кремнев пищалных, два пиногоря, один суконнои, другои коженои, подвяски бобровые. Якут. а., карт. 1, № 1, сст. 454. 1640 г. Пиногоръ стѣнной цвѣтной шитъ розными шелками, ц<ѣна> рубль. Заб. Дом. быт, I, 554. 1677 г.» [Сл. XI-XVII-15: 47]. Таким образом, чтение ***п-*** оказывается заметно более обоснованным;

жаргонное (в словаре русского арго) *гарабчу́па* и *гарабчу́пка* ‘рука’ [Грачёв 2003: 187], по нашему мнению, правильно: *гарабчунка* ‘то же’ [Потапов 1927: 35];

жаргонное (в словаре русского арго) *голову́ха* ‘умывальная’ [Грачёв 2003: 203], по нашему мнению, неправильно скопировано фантомное слово *головуна* ‘рукомойник’ [Бронников (1990): 8];

жаргонное *гри* ‘лошадь’ [Потапов 1927: 39], правильно: цыг. *гра* ‘то же’ [Баранников 1931: 155; Шаповал 2011е: 31, 50];

жаргонное *джи* ‘идти’ [Потапов 1927: 44], по нашему мнению, правильно: цыг. *джа* ‘иди’ [Шаповал, Дьячок 1997: 63; Шаповал 2011е: 49];

жаргонное *зандан* ‘камера-клоповник в Средней Азии’ [Балдаев 1997-I: 146]; по нашему мнению, вероятно, иранизм: *зинда́н* ‘тюрьма’;

жаргонное (в словаре русского арго) *знакопы́рить* ‘узнавать’ [Грачёв 2003: 354], по нашему мнению, ранее правильнее: *знахопы́рить* ‘то же’ [Потапов 1927: 58]; но правильно: у калужских глинотопов «Знать – знахты́рить» [Добровольский 1899: 1392];

жаргонное *итюха* ‘пайка хлеба’ [Иковский 1991: 11], по нашему мнению, правильно: *птю́ха, тюха* ‘пайка хлеба’ [Мокиенко, Никитина 2000: 489; 606];

жаргонное «Камарить – спать» [Воривода 1971: 36], по нашему мнению, вероятно, правильно: *кимарить*, но ср. *покомарить* ‘переспать’ [Леонов 1932: 21];

жаргонное (в словаре русского арго) *кна́ин* ‘кабак’ [Грачёв 2003: 412], по

нашему мнению, правильно: +*кнайп* (возм., с искусственным вычленением именит. падежа на основе местного: *в кнайпе*), или, с другим разложением элементов на буквы: +*кнейпе*, ср. нем. *Kneipe* ‘то же’;

жаргонное *койсну́ть* ‘выпить’ [Росси-I: 157], по нашему мнению, всё-таки правильно с *п*: переосмысление офенского +*копсну́ть*? ‘ударить’;

жаргонное *комыл* ‘украл’ [Потапов 1927: 71], по нашему мнению, правильно: *помыть* ‘взять у спящего’ [Потапов 1927: 124], вопреки А.П. Баранникову [Баранников 1931: 153], не цыганское [Шаповал 2011е: 57];

жаргонное *куклам* ‘преступник, живущий по чужому паспорту’ [Александрова 2005], по нашему мнению, правильно ранее: «**Куклим** – преступник, живущий по чужому паспорту» [Потапов 1927: 77];

жаргонное «Лавирует – смотрит» [Воривода 1971: 45], по нашему мнению, правильно: «Ливерит – сторожит кого-либо» [Воривода 1971: 46];

жаргонное *ливер давать* ‘подхалимничать, ухаживать’ [Флегон 1973: 165], по нашему мнению, правильно: с *давить* [ТСУЖ 1991: 44, 98], ср. выше *ливерит*;

жаргонное *липця* ‘костюм’ [ББИ 1992: 128], по нашему мнению, правильно: +липня = *лепня* ‘костюм’ [Щербакова, Бруева 1994: 104];

жаргонное *мешакный гудок* ‘пассивный гомосексуалист’ [ТСУЖ 1991: 107; Бронников (1990): 25], по нашему мнению, правильно: *мешанный гудок* ‘пассивный педераст’ [Потапов 1927: 92];

жаргонное *моча́лово* ‘драка’ [Мокиенко, Никитина 2000: 359], по нашему мнению, правильно: *мочцлово* ‘то же’;

жаргонное *прокнути́ть* ‘обмануть’ [ТСУЖ 1991: 147], по нашему мнению, правильно в более раннем источнике: *прокрутить* ‘обмануть’ [Бронников (1990): 35];

жаргонное (в словаре русского арго) «**РА́ЙЗЕЛЬ**, -я, м. Ридикюль (Стратен)» [Грачёв 2003: 79], по нашему мнению, правильно: *ре́нзель* ‘то же’ [Стратен 1931: 145], после смешения *й – н* возникли условия для корректировки

немецкого слова в соответствие с чтением *ei* как [ай];

жаргонное *со́бзи* ‘патроны’ [ТСУЖ 1991: 165], по нашему мнению, возможно, правильно: +собза́ или *сабза́* ‘внутренности рыбы’ [СРНГ-36: 12], или же экзотизм из терминологии восточной кухни *сабзи́* ‘зелень, салат’, в узбекском ‘морковь’;

жаргонное (в словаре русского арго) *стан выдрынов* ‘полный набор отмычек’ [Грачёв 2003: 868], по нашему мнению, правильно *вытрыхов*: польск. *stan wytrychów* ‘набор отмычек’;

жаргонное *сумара* ‘будка’ [Потапов 1927: 160], по нашему мнению, правильное толкование: *сума́рь* ‘хлеб, будка’ [там же];

жаргонное (в словаре русского арго) «**УЭРБАЙД**, -а, м. Тюрьма (Пот<апов>.)» [Грачёв 2003: 947; 2006а: 594], по нашему мнению, правильно: «**Уэрбайу** – ардом» (арестный дом) [Потапов 1927: 170] «**Ардом** – арестный дом» [Карманный 1929: 19].

жаргонное *хохава́бе* ‘ложь’ [Мильяненков 1992: 269], по нашему мнению, правильно с *и*: *Hohavibe* ‘то же’ [Wolf 1956: 138];

жаргонное *ун* ‘возьми’ [Мильяненков 1992: 256], по нашему мнению, правильно: +уп ‘на’ (предлог *на* ‘сверху’, понятый как междометие *на* ‘бери’), это неудачная копия английского слова, выписанного из немецкого словаря: *ир* ‘auf’ <на, над> [Polzer 1922: 94];

жаргонное (в словаре русского арго) «**ЦИЙК**, межд. Условный пароль о появлении агента уголовного розыска (Пот.)» [Грачёв 2003: 1008], по нашему мнению, правильно ранее: *цыйк* ‘то же’ [Потапов 1927: 181];

жаргонное *цыйк* ‘сигнал опасности’ [Потапов 1927: 181], по нашему мнению, правильно ранее: *цынк* ‘помощник домушника <подающий «цинк»>‘ [Трахтенберг 1908: 65];

жаргонное *шату́к* ‘винный погреб’ [ТСУЖ 1991: 12], по нашему мнению, правильно: *шату́нъ* ‘то же’ (Даль) [Бондалетов 2004: 357];

жаргонное *шмакать* 1. Производить обыск. 2. Искать, разыскивать [ББИ

1992: 290], по нашему мнению, правильно: +шма<u>н</u>ать, *шмонать* ‘то же’;

жаргонное *ш<u>п</u>их* ‘окно’ [Потапов 1927: 192], вместо +ш<u>н</u>их, ср. *ш<u>н</u>ифт* ‘окно’ [Потапов 1927: 191];

жаргонное (в словаре русского арго) *штуль<u>п</u>* ‘юбка с широкими карманами’ [Грачёв 2003: 1074], по нашему мнению, правильно: *штуль<u>н</u>* ‘то же’ [Трахтенберг 1908: 67];

молодежное (?) *бурбу<u>л</u>а́йка* ‘(плохой) автомобиль’ [Грачёв 2006: 87], в источнике этой словарной статьи: *бурбу<u>х</u>а́йка* ‘то же’ [Рокотов 1990, № 10: 63], что правильно [Шаповал 2007f: 310];

нищих (калужских) условная речь: «Кугр*и*ть – играть на скрипкѣ», правильно с *а*: «Скугр*а*ть – сыграть» [Добровольский 1916: *4*, *7*], криптолалический префикс *ку-* + диал. южное *грать* ‘2. Играть на музыкальном инструменте’ [СРНГ-7: 117];

нищих (в Белоруссии) условная речь: «трезвый – нека́рный» [Сцепуро 1881: 196], по нашему мнению, правильно +неки́рный ‘трезвый’;

нищих (в Белоруссии) условная речь: «солнце – сся́<u>к</u>о» [Сцепуро 1881: 195], по нашему мнению, правильно: +сся́<u>н</u>о, ср. «свѣтъ – ся<u>н</u>ъ» [Сцепуро 1881: 194];

нищих (в Белоруссии) условная речь: *тру́<u>н</u>ить*: «слабѣть – тру<u>н</u>ить», но «слабый – тру<u>п</u>ящій» [Сцепуро 1881: 19], выбор между двумя фиксациями затруднён;

офенское «Свѣтл<u>ѣ</u>ха – комната» [Тихонравов 1857: 26], по нашему мнению, правильно: владимирское офенское: Свѣтлёха, Свѣтліоха ‘комната’ [Бондалетов 2004: 320, 380];

портных (калужских) условная речь: *ази́г<u>и</u>ры* ‘часы’ [Добровольский 1916: *10*], по нашему мнению, возможно, правильнее: +ази́г<u>а</u>ры?, ср. в идиш א זייגאר [а зэ́йгэр] ‘часы (малых размеров)’ (с неопределённым артиклем) [РЕС 1989: 639];

портных (калужских) условная речь: *стри<u>не</u>е́ц̣ъ* ‘стол’, по нашему

мнению, правильнее: *стрипе́цъ* ‘то же’ [Добровольский 1916: *12*], ср. также, видимо, первичное: *стропец, стропень* ‘то же’ [Приёмышева 2009-2: 637];

«по-суздальски»: *клюво* ‘хорошо’ [Паллас$_1$-II: 277], по нашему мнению, смешение **ю** и диграфа **iˆо** [ё], по нашему мнению, правильно: +**клiˆо́во**, клёво;

«по-суздальски»: шюнда ‘шесть’ [Паллас$_1$-II: 473], по нашему мнению, правильно: +**шiˆонда**, шёнда;

«по-суздальски»: *юной* ‘один’ [Паллас$_1$-II: 472], по нашему мнению, правильно: +**iˆо́ной**, ёный;

ремесленников (калужских) условная речь: *стину́ра* ‘печка’: Б*а*риться на стинури – нѣжиться на печкѣ» [Добровольский 1916: *1*], по нашему мнению, правильно: +стипу́ра ‘то же’;

швецов (симбирских) условная речь: *некорпать* ‘не знать’ [Симбирск 1868: 437], по нашему мнению, правильно с *н*, ср. одесское *корновать* ‘понимать’ [Horbatsch 1978: 18].

Иногда привлечение дополнительных материалов позволяет отказаться от конъектуры, предлагавшейся исследователями ранее, и принять необычную запись как достоверную, например:

жаргонное *аку́с* ‘презираемый человек’ [ТСУЖ 1991: 12]. Судя по распространённым мнениям, слово *акус* якобы является результатом последовательной перестановки букв в слове *сука*. Надо сказать, что описание семантики в жаргонных словарях, несмотря на некоторую расплывчатость, в общем не противоречит такой гипотезе о происхождении жаргонизма: «**АКУС**, а, *м. Угол. Презр*. Презираемый, униженный заключенный. ББИ, 17; Мильяненков, 77; Балдаев, I, 15» [Мокиенко, Никитина 2000: 33]. «АКУС – презренный человек» [Бронников (1990): 1]; «**Аку́с** – презренный человек» [ТСУЖ 1991: 12]; «**Акус** – презираемый человек» [Дубягин, Теплицкий 1993: 154, 53]. Следует вспомнить и мнение В.Б. Быкова, восстанавливавшего на месте *акус* чтение *анус*: «*А*НУС, -а, м. См. Пидор» [Быков 1994: 19], латинское (медицинское), ср. «*anus* …2) заднепроходное отверстие» [ЛРС 1976: 81]. Не

попадался словарь жаргона, в котором бы слова *акус* и *анус* сосуществовали в указанных значениях. Но, кроме того, *акус* может этимологически трактоваться, по всей вероятности, как הכוס / א קוס [а кус] ‘vulva’, в иврите/идише.

Выбор между двумя вариативными написаниями может быть объективно невозможен, например: нижегородское *валтру́нить* ‘лениться’ [Даль$_3$-I: 397], подтвержденное [Опд. 1858: 17], Бодуэн добавил в словарь Даля под *валить*, но не *валтрунъ* ‘лентяй’ [Опд. 1858: 17], стоящее рядом, но далевское написание *валтрупъ* ‘лентяй’ [Даль$_6$-I: 162], в отсылочной статье Бодуэна приобрело *-ь-* и имеет вид *вальтрупъ* [Даль$_3$-I: 400]. Отсылок к вышеприведенным словам не имеют: явно связанные с ними слова: также нижегородское *волтру́пъ* ‘валтруп, лежебок, лентяй, дармоед’, *волтру́пить* ‘валяться, спать, лениться’ [Даль$_3$-I: 581; Даль$_6$-I: 237]. Таким образом, несомненно, что непримиримые противоречия между двумя парами слов с *-н-* и *-п-* остаются. Даль, десятилетие живший в Нижнем Новгороде, мог, видимо, подкорректировать данные «Опыта», но добавления Бодуэна восстановили неясность. Надо ещё сказать, что на основании статьи Даля *волтру́пъ* ‘лежебок, лентяй, дармоед’ это слово описано как семинарское жаргонное слово [Анищенко 2007: 66], однако у Даля семинарским, похоже, названо лишь выражение «Мужикъ волтрупъ дубинородный».

Сравнение вероятности двух объяснений словообразовательных связей близких вариантов

«Въ назначенный день вечеромъ отецъ и мать жениха съ нѣкоторыми родными отправляются въ домъ невѣсты съ своимъ виномъ и снѣжею (кушаньями, приготовленными на этотъ случай)»; «Поѣвши кушанья, привезенныя жениховыми родителями, хозяева и ихъ гости встаютъ изъ за стола и усаживаютъ женихову родню, и также угощаютъ ихъ своею снѣжею и виномъ, а подруги продолжаютъ пѣть»; «Спустя недѣлю или двѣ послѣ свадьбы, новый зять съ женою и своими родными, запасшись гостинцами, виномъ и снѣжею, отправляется къ тестю; тамъ бываетъ у нихъ умѣстное

угощеніе <...>» [Машкин 1862: 25, 38, 80].

«Невѣста дѣлаетъ подарки жениху и близкимъ его роднымъ, а затѣмъ родители жениха сажаютъ невѣстиныхъ родныхъ и гостей за столъ и угощаютъ ихъ своею спѣжею и виномъ» [Машкин 1862: 33].

Между *снедь* и *снежанка* не представлено слова *снежа* [СРНГ-39: 98]. Есть только слово *спежа*: «**Спе́жа**, *ж*. 1. Приготовление пищи. *Там у них перед свадьбой идет спежа*. **Курск**., 1967. 2. Кушанье, готовое к употреблению. Курск., Даль [с вопросом к слову]. □ Собир. Обоян. **Курск**., 1858. ♦ Кушанья, приготовленные к определенному случаю (свадьбе и т. п.). *Приспела спежу к свадьбе. Приехали к невесте со своею спежею*. Обоян. **Курск**., 1859. ♦ «Кушанье». **Тул**., Архив. РГО» [СРНГ-40: 128].

Между *снѣда* и *снѣжина* нет слова *снѣжа в «Дополнении к Опыту» [Опд. 1858: 249], однако имеется: «**СПѢЖА**, и, с. ж. Кушанья, приготовленныя къ употребленію. Кур. *Обоян*.»» [Опд. 1858: 253]. С одной стороны, вопрос Даля явно адресован «Дополнению», но с другой, нельзя игнорировать и контекст *приспела спежу*, где figura etymologica указывает на производство от *приспеть*, что ослабляет позиции варианта *снежа*, связанного со *снедь* и под. Сосуществование двух написаний в тексте Машкина, скорее всего, является результатом опечатки.

Прил. 4.1-4. ***Другие примеры смешения трехэлементных букв***

редкие слова в различных справочных изданиях:

экзотизм, напечатанный с ошибочным смешением *т* – ***ш***: «В подавляющем большинстве случаев вожак, “вайда”, “баро тэро” – это мужчина <...>» [Пономаренков и др. 1998: 8], по нашему мнению, правильно: цыганское *баро́ шэро́* – «большая голова»;

слова из описаний территориальных диалектов (в общем алфавитном порядке исправляемых слов):

астраханское: «**Асла́ш**. То же, что асламщик <торговец>. **Астрах.,** Васильковский, 1856. – Ср. аслам, асламка, аслашка» [СРНГ-1: 285]. «Скорее всего, не более, чем искаженное *аслам*» [Аникин-1: 317]. Такого рода смешение букв широко распространено: буква *ж*, состоящая из трех одинаковых *і*-образных штрихов без различительного горизонтального перечеркивания посередине (или совпадающая с таким же начертанием *ш*) принята за букву *м*, для которой характерна «одинаковая высота основных штрихов» [Алесковский 2008: 204], такие *м* и *ж* обычны для упрощенного почерка петлевой конфигурации [Жижина 2006: 74]. Это прочтение могло быть подкреплено получившимся сходством с другими именами лиц на -*аш*: *торгаш, мордаш* [Шаповал 2010b: 145];

новгородское «Балжашъ – Шутникъ, озорникъ» [Герасимов 1893: 377], по нашему мнению, правильно: +ба́лмашъ ‘то же’ [Шаповал 2013a: 279];

костромское: «**Бгатшан** <...> [удар.?]. Единица веса в 10 фунтов, обычно для взвешивания соли <...>. Костром., Бурнашев [опечатка?]. — Ср. Батман (в 1-м знач.) ([вып. 2, с. 168]; здесь и далее первая цифра обозначает выпуск СРНГ, вторая — страницу; название данного словаря более не повторяется). Ср. *батман* ‘единица измерения веса различной величины’ [вып. 2, с. 143], среди прочего — «10 фунтов <...>. Костром.». Рукописное *м* прочитано как *ш*; наличие *г* непонятно» [Журавлёв-1: 184]; переразложение *Б – бг*;

пермское: «**Безреше́нье** <...>. То же, что безременье. Кунгур. Перм.

[<СРНГ> вып. 2, с. 198]. Ср. перм. *безреме́нье* ‘несчастье’, мезен. арх. *безреме́ньице* ‘то же’ [там же], перм. *безвреме́нье* ‘беда, несчастье или болезнь’ [вып. 2, с. 183], тамб., нижегор., перм., том., алт. *безвремя́нье* ‘то же’ [вып. с. 184]. Как и в предыдущем случае, рукописное *м* прочитано как *ш*» [Журавлёв-1: 184], ср.: «А стало добру молодцу безвременье», «Ей великое было безвремянье», «*безвременье* (44) | *безвремянье* (106) } невзгоды, несчастье» [Русские 1922: 27, 70, 249];

орловское: «**Билетеньки**, *мн*. [удар.?]. [Знач.?]. *Приказал мне милый Да рубашечку вымати Билетеньки вымать* (песня). Дмитров. **Орл.,** 1905» [СРНГ-2: 291]. В источнике так же: «Да рубашечку вымати | Билетеньки вымать» [Добровольский 1905: 361], значит ‘да рубашечку вымыти, белёшеньки вымыть’. Заударная редукция в *вымыти* привела к неопознанию ключевого глагола фразы, при повторенном глаголе (с предполагаемым сходством с *выимать*) существительное *рубашечку* и наречие *билетеньки* были восприняты как однородные прииннфинитивные прямые дополнения, отсюда при неясном значении и ударении возникает решение о *мн*ожественном числе. Если бы глагол *вымати* был опознан, его запись, по правилам, изменили бы на литературную *вымыть* [Шаповал 2011g: 248; Шаповал 2012e: 312];

камское: «**бука́шник** ‘лоцман на барках, которые тянули бурлаки’ (СРНГ 3: 264) // Возможно, искаженное *бука́тник* ‘лоцман’, см. *букатка*» [Аникин-5: 91];

новгородское: «**Бу́рмень**, я, *м*. Майский жук. Черепов. **Новг**., 1910» [СРНГ-3: 249]; «**Буршень**, я, *м*. [удар.?]. Майский жук. Черепов. **Новг**., Герасимов, 1853» [СРНГ-3: 301]. «Зная о частом смешении рукописных начертаний букв *м* и *ш* (особенно строчных), в одной из этих заголовочных форм можно заподозрить фантомное чтение. Однако выбор жертвы затруднен <...> Аргументами в пользу выбора второй формы как неошибочной могут служить арханг. *буршеть* ‘долго и надоедливо говорить что-л.<ибо>, ворчать, брюзжать, ныть’ <...> *бу́чень* ‘шмель’, ‘оса’, ‘слепень’» <[АОС-2: 184, 194]>

[Журавлёв-5: 387]. Таким образом, А.Ф. Журавлёв основывает свой вывод о предпочтении формы с *ш* на основе её более богатых словообразовательных связей, но есть и другие доводы в пользу этого решения. Из словарных описаний в СРНГ не видна ещё одна составляющая интриги: оба варианта записи уникальны и основаны только на записях М.К. Герасимова, однако в картотеке имеются лишь вырезки из публикаций. Более ранняя публикация с *ш*: «Буршень – Майскій жукъ» [Герасимов 1893: 376]. Позднейший повтор содержит вероятную ошибку: «Бу́рмень. Майскій жукъ» [Герасимов 1910: 20]. Не единственный раз публикация Герасимова 1910 года показывает накопление ошибок (ср. *Та́мка*). Однако в ней имеется и материал для исправления записи «Бу́рмень. Майскій жукъ» [Герасимов 1910: 22], это «Бурше́нокъ. Прозвище» [Герасимов 1910: 25], видимо, производное от *буршень*;

донское: «*Вахшур**е**я – вахтпарад. Старый воен. развод для караулов. *Ой! вы думчие мои сенаторушки! сделайте мне вахшуре́ю, поставте солдат, драгун во карею, а славных Донских казаков во линею*. Сав., 108» [Миртов 1929: 38]. Так и в источнике: «Шведский король Саксон: | “Ой! вы думчіе мои Сенаторушки! сдѣлайте мнѣ *вахшурею*, | Поставьте солдатъ, драгунъ во карею | А славныхъ Донскихъ казаковъ во линею”» [Савельев 1866: 108, № А, 33]. Видимо, рифма для *во карею* потребовала морфологической перестройки слова *вахтурея, образованного из *вахт-ур, ср. старинное слово нем. *Wachtuhr*, нов.-в.-н. *Wacht* “стража” [Фасмер-I: 280, под *вахта*]; М. Фасмер предлагал для *вахшурея*, как кажется, без полной уверенности более сложное объяснение: «Вероятно, сложение из нем. Wacht-, голл. wacht «стража» с голл. sjouwerij «шатание»?» [Фасмер-I: 280]; «Не убеждает толкование слова *вахшурея* у Фасмера» [Аникин-6: 135];

орловское: «**Верешёна** <...>. Насекомое [какое?]. Орл. Вят. [<СРНГ> вып. 4, с. 143]. Результат неверного чтения рукописного трехлинейного *т* как *ш*; следует: *веретёна* (может быть, множ. ч.), ср. севернорус., в том числе орл., вят., *веретено* ‘стрекоза’ [вып. 4, с. 137]» [Журавлёв-1: 186; Аникин-6: 301];

колымское *ве́тно* ‘сухой корм’ [СРНГ-4: 196], *ве́тненько* ‘сухая пища’ [СРНГ-14: 196], по мнению А.Е. Аникина и А.Ф. Журавлёва, правильно *ве́шно* ‘то же’ [Богораз 1901: 31], ср.: «*ве́шно*, *вешненько*» ‘весеннее, вешнее (скудное питание)’ [Аникин 1997: 15-16; Журавлёв-3: 277].

донское: «Гладымъ. Яйцо въ Ростовѣ на Дону. (Отъ А.И. Шмакова)» [Бурнашев-1: 143], по нашему мнению, правильно: «Гл**а**дыш – яйцо» [Миртов 1929: 60], «гладышъ – яйцо» [Лёвочкин 1914: 11];

воронежское, московское *гуш* ‘часть цепа [какая?]’ [СРНГ-7: 250], правильно: *гуж* ‘ремень, соединяющий бьющую часть цепа (било) с рукоятью’[СРНГ-7: 204; Журавлёв-5: 388];

свердловское: «**2. Заболо́шный** <...>. Отдаленный от крупных населенных пунктов; *Живешь тут в заболошной стороне.* Талицк. Свердл. [<СРНГ> вып. 9, с. 266]. Может быть, с чтением *ш* на месте рукописного *т, заболотный*? Ср. [вып. 9, с. 265] — ‘лежащий за болотом, по ту сторону болота’; тобол. *болотные татары»* [Журавлёв-1: 190];

тобольское «**Закуртеве́ть**, ею, еешь, *сов., неперех.* [удар.?]. Заиндеветь. **Тобол.,** Потанин и Зобнин, 1899» [СРНГ-10: 180], А.Ф. Журавлёв исправляет на «*закуржеветь,* с чтением рукописного *ж* как трехлинейного *т*» [Журавлёв-1: 190]: «З а к у р т е в ѣ т ь - заиндевѣть. Въ пословицѣ: “Не сохнетъ, не мокнетъ, не куртевѣетъ” (плохо живетъ)»; «К у р ж а н ъ - изморозь» [Патканов, Зобнин 1899: 493, 497] (последнее правильно *куржакъ*);

костромское, тверское *застре́ж* ‘водосточный желоб у крыши’ [СРНГ-11: 66], правильно: *застрешь*, жен. р.? [Журавлёв-3: 279], ср. орловское *застрешье* ‘то же’ [СРНГ-11: 67];

енисейское: *кала́ум* ‘охотничья сумка’ [СРНГ-12: 336], правильно: *кала́ус*, *кала́уш*, «*ш* воспринято как *м*» [Аникин 1997: 19; Журавлёв-3: 279].

архангельское *катала́ть* ‘ноша, кладь, поклажа’ [Даль$_3$-II: 236], правильно: $^+$катала*ш*ь/катала*ж*ь [СРНГ-13: 120];

вятское: «**Ко́чешок** <...>. Петух. *Дал мне панушко Кочешков за это.* Яран.

Вят., Слов. Акад. 1914 (<СРНГ> вып. 15, 132). Вместо *ш* скорее нужно читать *т (кочеток)*. Ударение на первом слоге тоже подозрительно: ритмическая структура фольклорного текста-иллюстрации его допускает, но предпочтительным кажется ударение на третьем слоге, что, кроме того, лучше согласуется с морфологическим строением слова» [Журавлёв-2: 100];

пермское: «**2. Кочешок** <...>. **То** же, что кочет (в 13-м знач.) <т. е. ‘ручка у косовища, за которую берутся правой рукой при косьбе’. — *А. Ж*>. *Кто кочешок называет, кто кочето.* Лысьв. Перм. (<СРНГ> вып. 15, 132). Случай, аналогичный предыдущему (за исключением ударения в слове). Иллюстрация достаточно наглядна» [Журавлёв-2: 100], т. е. вместо *ш* скорее нужно читать *т (кочеток)*;

сибирское «**Кулшу́к** [м. б. култук?], а, *м.* Узкий конец залива; узкий залив, примыкающий к концу более широкого. **Сиб.**, Буслаев», сомнительное и однократно записанное, ср.: «**1. Култу́к**, а, *м.* 1. Залив, губа, бухта. **Касп.**, **Аральск.**, **Байкал.**, Даль. **Камч.**» [СРНГ-16: 70, 72];

орловское *мале́ть* ‘2. Шалеть, глупеть’ [СРНГ-17: 324], «Похоже на то, что это и есть *шалеть*: рукописное *ш (/Ш)* с несколько укороченным начальным штрихом читается как *м (/М)*, а слово целиком объединено с гнездом *мал(ый)*, хотя бы при этом семантическая реконструкция ‘умаляться’ → ‘терять разум’ и выглядела натянутой» [Журавлёв-3: 271]. Указан единственный источник: «2. Шалеть; глупеть. **Орл.**, 1850» [СРНГ-17: 324];

олонецкое: «2. Мень. Пляски с песнями. **Олон**., 1885-1898» [СРНГ-18: 111], в словаре нет отсылки к Далю и, соответственно, корректирующей идеи Даля (от франц. *chaine* ‘цепь’): «**МЕНЬ** или ***менъ?*** (*мѣнъ*, от *мѣнять?*) *сѣв. ол.* пляска съ песнями: становятся дру́жками въ кругъ, дѣлая проходъ (шенъ, chaine)» [Даль$_1$-II: 915; $_2$-II: 324; -II: 318]. Альтернативные версии В.И. Даля изложены с непроясненной иерархией: неверное написание не через «ять» производного от *мѣнять*, или же ошибочное прочтение галлицизма *шенъ* ‘цепь’;

архангельское *ми́молость* ‘жимолость’ [СРНГ-18: 166], правильно: *жимолость* [Журавлёв-3: 274];

донское «Нитнуть - ?» [Миртов 1929: 204], правильно: *нищнуть* ‘молчать’;

владимирское *окая́тка* ‘бес, дьявол, черт’ [СРНГ-23: 117], правильно, вероятно: *окая́щка* ‘то же’ [Журавлёв-4: 276];

донское: «**Натекну́ть**, ну́, нёшь, сов., *неперех.* Намекнуть. **Дон.**, 1876» [СРНГ-20: 217]. Из другого источника: «Натекнуть – намекнуть. I-3а <х. Дубровский Кочетовской ст.>» [Миртов 1929: 200]; вопреки А.Ф. Журавлёву, склонному усматривають здесь русское слово с ошибочным смешением *м* – ***т***: «Или все-таки *намекнуть?* Рукописное *м* со слишком высоким начальным штрихом, особенно в середине слова, легко смешивается с небрежным “трехлинейным” *т*» [Журавлёв-4: 269], это устар., но реальный диалектизм, имеющий отношение к укр. *натяк* ‘намёк’ [Шаповал 2012f: 421];

северное *омеж* ‘снежный сугроб возле дома’ [Барсов-1: XII; СРНГ-23: 198], правильно: *омёт* ‘то же’ [СРНГ-23: 200; Журавлёв-4: 277];

вятское: «**Пакма́**, ы́, *ж*. Рука. **Вят.**, 1848. || Кисть руки [?]. Даль [без указания места, с примеч. «в Слов. Акад. Полагаю ошибочно п а к ш а»]» [СРНГ-25: 158]. А.Б. Страхов комментирует: «Составители клевещут на В.И. Даля. Даль не считал слово *пакша* ошибочным. В его *Словаре* в статье **Паки́ла**, **пакша́** читаем: “(**Пакма́**, в Слв. Акд., полагаю ошибоч. вм. *пакша́*)” (Даль 3, стлб. 14). Даль имел в виду один из тех случаев, когда, по его словам, “нечеткое письмо собирателей вводило в соблазн издателей, которые не подчиняли запасов этих никакому рассудительному разбору и оценке” (Даль 1, 5). Что ввело в соблазн составительницу этой статьи Н.И. Андрееву-Васину, выпустившую важное здесь сокращение “вм.”, неизвестно» [Страхов 2008: 233];

ульяновское *панкру́жство* ‘банкротство’ [СРНГ-25: 1971], правильно: *панкрутство* [Журавлёв-5: 385];

архангельское *перещишье* ‘затишье’ [СРНГ-26: 278], правильно: *перетишье* ‘то же’ [Журавлёв-5: 387];

томское и проч. «***Плитка***, *ж*. Птица трясогузка. Том., 1964. Краснояр., Енис. [<СРНГ> 27, *141*]. Неверно прочитанное *плищка* [Там же, *143*] – праслав. **plisьka*, **plišьka*; ср. варианты с иным корневым вокализмом вятск. *плéшка* ‘птица синица’, калуж. *плю́шка* ‘птица трясогузка’, ‘птица мухоловка’ [Там же, *138, 173*]. Усматривать в заголовочном слове утрату сибилянта – *плитка* из формы вроде *плистка* петерб., псков., томск. ‘трясогузка’ [Там же, *139*] – нереально [Журавлёв-6: 175];

новгородское *померсть* ‘эпидемия’ [Герасимов 1910: 67], правильно: *пошерсть* ‘то же’ [Журавлёв-7: 122];

беломорское *потихо́женьку* ‘потихонечку’ [СРНГ-30: 283], правильно: *потихо́шеньку* ‘то же’ [СРНГ-30: 284; Журавлёв-7: 128];

костромское *по́шка* ‘птица’ [СРНГ-31: 35], правильно: *по́тка* ‘то же’ [Журавлёв-7: 129];

казанское: «**Пыт**, *м*. Гречишная мякина. Тетюш. **Казан.**, 1854», но весьма примечательно, что и второе значение слова *пыш*, зафиксированного в том же сельском районе, указано как ‘мякина гречихи, конопли’: «**Пыш**, *м*. 1. Раскатанное тесто. *Пыш катаем, пышку, потом кладем эт яблоки на них, потом сверху еще пышку и закрываем, и сажаем на сковородку и пекем*. **Груз. ССР**, 1977. 2. Мякина гречихи, конопли. Тетюш. **Казан.**, 1858. 3. Пепел, зола. Ливен. **Орл.**, 1850 <…>« [СРНГ-33: 201]. По нашему мнению, правильно второе слово *пыш*, поскольку оно поддерживается наличием похожего диалектизма: «**Пы́шай**, *м*. Мякина. **Ворон.**, 1929-1937» [СРНГ-33: 205]. К третьему значению (или омониму) слова *пыш* также имеется вероятная параллель: «**Пы́сса**, *ж*. Зола. **Орл.**, 1940-1950» [СРНГ-33: 205];

новгородское: «Сумо́ра, с. ж. 1) Большая глыба льду, образующаяся при напорѣ одной массы льда на другую. 2) Человѣкъ, мѣшающій дѣлать что-нибудь, тотъ, кто толчется въ ногахъ»; «Суто́рить. гл. ср. Мѣшать дѣлу,

толкаться въ ногахъ, тереться межъ другими» [Кедров 1865/1898: 407; СРНГ-42: 240]. Хотя нет нарушения алфавитного порядка и иных признаков ошибки прочтения, из сопоставления соседствующих словарных статей видно, что составитель всячески стремился подчеркнуть связь между двумя словами. Исправление на **сутора* не вызывает сомнений, это особенно важно, поскольку из иных источников слово не вошло в СРНГ;

новгородское: «**2. Та́мка**, *ж*. 1. Мешок, котомка. Черепов. **Новг**., 1910. 2. Хозяйственная сумка. *Себе с городу нову тамку привезла, больша да мягка. Теперече с авоськой распрощаюсь*. Болотн. **Новосиб**., 1979» [СРНГ-43: 257]. Хотя формально две фиксации слова *тамка* в указанном значении, которыми мы располагаем, весят не так уж мало, слово *ташка* в том же или подобных значениях известна намного более широко [СРНГ-43: 316], имеются также варианты: «**Ташак**, *м*. Сумка. Белозер. **Новг**., Прогр. АН № 171, 1910» [СРНГ-43: 316]; «**Ташко**, *ср*. Небольшой мешок. Ишим., Тюмен. **Тобол.**, 1896» [СРНГ-43: 317], ср. устар. в русском (например, в гусарском снаряжении), в совр. украинском и проч.: *та́шка* ‘то же’, от нем. *Tasche* ‘сумка’ [Фасмер-IV: 30; ЕСУМ-5: 530]. Новгородское слово *тамка* по результатам сравнения источников исправляется на *ташка*: «Та́мка – Мѣшокъ, котомка за спиной» [Герасимов 1910: 86], но ср. ранее с правильным *ш* в словарных материалах того же самого автора: «Ташка – Мѣшокъ, котомка за спиной» [Герасимов 1893: 386]. Надо сказать, что распространённая ошибка прочтения *м* вместо *ш* могла возникнуть в записях этого слова дважды независимо. Изложим основания для скепсиса. Этот пример 1979 года из д. Мануйлово Болотнинского района Новосибирской области представлен в трёх словарях, однако с одним и тем же иллюстративным примером, хотя и с незначительными разночтениями в слове *теперича* (ср. выше СРНГ): «**ТА́МКА**, -и, *ж*. Хозяйственная сумка. – *Себе с городу нову тамку привезла, больша да мягка. Теперича с авоськой распрощаюсь* (Болотнин., Мануйлово)» [СРГНО: 532]; «**ТА́МКА**, -и, *ж*. Хозяйственная сумка. *Себе с городу нову тамку привезла, больша да мягка.*

Теперича с авоськой распрощаюсь. Новосиб., Болотнин.» [СРГС-5: 28]. Мы связались с участниками диалектологической экспедиции Новосибирского университета 1979 г., выяснилось, что она проходила в другом районе той же области (с. Чистоозерное). Значит, карточка из Мануйлова могла быть извлечена либо из материалов студенческой экспедиции Новосибирского пединститута под руководством доц. М.И. Стрельцовой, либо же из материалов, самостоятельно собираемых студентами-заочниками. Практика была такова, что в рамках сотрудничества с Картотекой СРНГ новосибирские материалы дублировались и периодически отправлялись в Ленинград. Наличие *м* на месте *ш* в СРНГ и сибирских словарях свидетельствует о том, что, скорее всего, уже студент-практикант, зафиксировавший этот яркий контекст, допустил одну и ту же ошибку в обоих экземплярах карточки, копируя запись из своей рабочей тетради. Таким образом, *та́мка*, будучи якобы дважды отмеченной в разное время в различных регионах, на поверку оказывается фантомным словом;

смоленское: «**Толча** – молча – исподтишка. Іонъ тибе падъѣдить моўча – моўча» [Добровольский 1914: 911], смешение *т – м*: по нашему мнению, ошибка в примере, вызванная непониманием структуры номинации надо: *толча-молча*; «Толча-молча мы смотались из привокзального буфета от греха подальше» (Светлана Малышева, http://www.proza.ru/2008/06/23/416);

енисейское: «**урут** “отчаянная драка”, енисейск. (ЖСт., 1903, вып. 3, стр. 304). Возможно, связано с *рутить*, *рютить*» [Фасмер-IV: 169], так и в печатном источнике: «Урутъ отчаянная драка» [Пейзен 1903: 304]; И.Г. Добродомов (устное сообщение) указывает в качестве правильного чтения этого местного заимствования *уруш;

слова из описаний социальных диалектов (сгруппированы по типам социолектов, расположенных по алфавиту их наименований):

жаргонное *адама* – ‘друг’ [Бронников (1990): 1]; **адама** [ТСУЖ 1991: 12; Мокиенко, Никитина 2000: 31], от тюркского *adaš* «тёзка» [Дмитриев 1931:

166]. Известно в болгарских говорах: «Ето как Богоров превежда някои от чуждите думи в своя словарник: *адаш* – ***едноимец*** <...>» (1844) [Вътов 1998: 3];

жаргонное *багущух* ‘кража ручной клади в поезде’ [Дубягина, Смирнов 2001: 30], ранее: *богащух* ‘кража ручной клади в поезд’ [ТСУЖ 1991: 21], по нашему мнению, правильно: *бо/а/гажуха* ‘кража в поезде’ [Потапов 1927: 16], от *бага́ж*;

жаргонное *бем* ‘25 коп.’ [Потапов 1927: 12], то есть ‘пять <пятаков>’, по нашему мнению, правильно: *беж*, *беш* ‘пять’ [Потапов 1927: 13], из тюрк.: турецк., азерб. *beş* и др.

жаргонное: «**БЛАГОДЕТЕЛЬ** – 1. Плешь на голове. 2. Плетка. 3. Резиновая милицейская дубинка. 4. Враг. 5. Палач» [ББИ 1992: 29], ошибка в толковании, по нашему мнению, правильно: ‘1. Плеть’: «**Благоде́тель.** Кнут, нагайка, хлыст» [Трахтенберг 1908: 7];

жаргонное *гейт* (ин<оязычное>) ‘убийство’ [ББИ 1992: 55; Балдаев 1997-I: 86]; вместо *гейм* ‘то же’ [там же]; «**ГЕЙМ**, -а, м. Убийство (Пот.). [Англ. *game* – «игра»]» [Грачёв 2003: 190; 2006а: 118], «**Гейм** – убийство» [Потапов 1927: 36], *гейменник* ‘убийца’ [Трахтенберг 1908: 17]. Ср. нем.: «**heimgehen** [2126] sterben» <умирать, букв.: ‘идти домой’> [Wolf 1956: 135: Polzer 1922: 22].

жаргонное *гитарка* ‘притон воров’ [ТСУЖ 1991: 39], также повторено: [Мокиенко, Никитина 2000: 126; Грачёв 2003: 193]; источник: ***гитара***, ***гитарка*** = «**Гитара/ка/** – воровской лом “фомка”, притон воров» [Потапов 1927: 36]. Сокращенная запись из последнего источника полностью не учтена: *гитара* и *гитарка* в нем наделены одними и теми же значениями. Касательно значения ‘притон (воров)’ следует решительно заявить, что оно относится к неверно прочитанному вследствие смешения букв слову **гимарка*, ср. ранее: *гимарить*, см. *кимарить* [Потапов 1927: 36], то есть ‘спать, ночевать’;

жаргонное *гу**мь*** ‘извозчик’ [Потапов 1927: 40], из *гу**жъ**, ср. *гуж* ‘извозчик’ [Потапов 1927: 40];

жаргонное *загатать* ‘скрыть краденое от соучастников’ [ББИ 1992: 82;

Балдаев 1997-I: 137], ранее: [Потапов 1927: 52] и др.; вместо *загамать* ‘то же’ [там же], ранее только: *загамáть* ‘то же’ [Трахтенберг 1908: 24] и др.

жаргонное «Куклиш – болтун» [Воривода 1971: 43], по нашему мнению, правильно: «**Куклим** – преступник, живущий по чужому паспорту» [Потапов 1927: 77];

жаргонное «ЛАКМОВКА – проститутка» [ББИ 1992: 124; Балдаев 1997-I: 222], по нашему мнению, правильно: *лакшóвка* ‘проститутка’, образованное от *локш* ‘неудача, плохо’ [там же], ‘неправда’ [ТСУЖ 1991: 99], которое от *локша* ‘лапша’ (укр.);

жаргонное *лактúть* ‘играть в карты или другие азартные игры на «интерес»‘ [ТСУЖ 1991: 96; Бронников (1990): 22], ср. *лакшúть* ‘1. играть в карты; 2. понимать’ [ТСУЖ 1991: 96; Бронников (1990): 22];

жаргонное *лакшóвка, лактóвка* ‘проститутка, пользующаяся успехом’ [ТСУЖ 1991: 96; Бронников (1990): 22], второе сомнительно, по нашему мнению, правильно: *лакшóвка* ‘проститутка’;

жаргонное *матина* ‘револьвер’ [Потапов 1927: 90], по нашему мнению, правильно там же: *машина* ‘револьвер’, *машинка* ‘револьвер’ [Потапов 1927: 90];

жаргонное: «**ПЕРШ**, -а, *м. Угол.* Портсигар. ТСУЖ, 131» [Мокиенко, Никитина 2000: 430], ср. *перт* ‘то же’ [ТСУЖ 1991: 131; Бронников (1990): 31], ранее правильно: *порт* ‘бумажник, дамский кошелек, портсигар’ [Потапов 1927: 125];

жаргонное «ПЕТ – внутренний карман» [Бронников (1990): 31], по нашему мнению, правильно: «**Пеж** – внутренний карман» [ТСУЖ 1991: 130];

жаргонное *пинтá* ‘пять’ [Мокиенко, Никитина 2000: 436], по нашему мнению, правильно: *пинжá* ‘то же’ [Мокиенко, Никитина 2000: 436];

жаргонное *светать* ‘приговорить к длительному сроку лишения свободы’ [Грачёв 1991: 89], у В.М.Попова: *свѣшать* ‘приговорить к продолжительному заключению’ [Попов 1912: 76];

жаргонное *утлый* – ‘осторожный’ [Грачёв 2003: 943, 947], вместо *ушлый* – ‘умный’, ср. с той же ошибкой в СРНГ в идентичной морфеме *дотлый*; ср.: [Страхов 2004: 272];

жаргонное: «**ФАЛЕШО** (ин.) – работник по дому, двору» [ББИ 1992: 99; Балдаев 1997-I: 177; Мокиенко, Никитина 2000: 620], из: «**Valeto** [6022] *m* Knecht <слуга> – Zig. *waléto* Dinner, Knecht <цыг. ‘слуга’>» [Wolf 1956: 337], от франц. *valet* ‘слуга’ [Pott 1845-II: 82], транслитерация *фалето возникла из-за неверного чтения *v*– «по-немецки», а после смешения *т* – *ш* была прочитана как *фалешо;*

жаргонное: «**Шатать** – есть» [Воривода 1971: 95], но в том же источнике правильное: «**Шамать** – есть» [Воривода 1971: 94];

жаргонное *шлюшка*, в выраж.: *надрючить шлюшку с баландой* ‘надеть на голову неугодному <...> миску со щами’ [Балдаев 1997-I: 267], вместо *шлюмка* ‘миска’ [там же];

жаргонное: «**Шимбала** – мелкие воры» [Потапов 1927: 188], **ШИМБА́ЛА** *и* «**ШИБША́ЛА**, -ы, м. 1. Уличный вор-карманник (Поп., Пот., Дмитриев)» [Грачёв 2003: 1050]. Ранее также: [Баранников 1931: 154]. Сомнение вызывает как форма фиксации жаргонного слова у акад. А.П. Баранникова, так и способ аргументации, представленный в следующем пассаже: «шибшала ‘уличный карманный воришка’» из «ши или под ударением ша (‘тише, молчи’) + цыганское pšala ‘братья, братцы’, nominativus pluralis от *пшал* ‘брат’» [Баранников 1931: 154]. Ср. взаимно дискредитирующие друг друга написания с графической метатезой и смешением *м* – *ш*: *шибшало, шишбало, шимбала*, возникшие в словаре 1927 г. [Потапов 1927: 187, 188] на месте исходного *шишбала́* с тем же значением [Трахтенберг 1908: 66] (тюркизм [Дмитриев 1931: 178]);

жаргонное *штырь* ‘сторож’ [ББИ 1992: 294; Балдаев 1997-II: 169], по нашему мнению, правильно: *шмырь* ‘то же’ [там же]. Не исключена и реальная игра слов, но актуальная скорее лишь для лексикографа: “торчит на месте, как

штырь”. *Шмырь* – гебраизм, по Б.А. Ларину [Ларин 1931: 127], по М.М. Фридману: «*Шмира* ‘ночная стража’, *шмирник* ‘сторож’; древнееврейский корень (schomar) ‘стеречь’. Находим это слово и в польском воровском жаргоне: szmir ‘сторож’» [Фридман 1931: 135]. Для русского языка в Израиле актуально ударение на окончании *шмира́*;

молодежное: «**МА́РТРА,** -ы, *ж.* Маршрутное такси. *Мужики на* ***мартре*** *хотели карманника линчевать* <…> (Зап. 1999). МАРШ, -а, *м. Целых сорок минут ждала* ***марша****!* (Зап. 1997)» (с. 304-305) [Грачёв 2006: 304-305]; в качестве разговорных усечений от *маршрутка* (маршрутное такси) ожидается **марш*ра* (ж. р.) и *марш* (м. р.). В первом случае можно заподозрить неточность, вызванную визуальным смешением букв *т* и ***ш*** [Шаповал 2007f: 310];

швецов (симбирских) условная речь: Условный язык швецов: «Дѣвица Карьянъ или инфарь, типакъ» [Симбирск 1868: 437]. Ср. *шипак* – ‘то же’ и проч. однокоренные во многих условных языках [Приёмышева-2: 682].

Иногда привлечение дополнительных материалов позволяет отказаться от конъектуры, предлагавшейся исследователями ранее, и принять необычную запись как достоверную, например:

м – ***ш*** *(?)*: забайкальское *курму́шка* ‘прозвище: коротышка’ [СРНГ-16: 133], А.Ф. Журавлёв предполагает, что правильно – *куртушка*: «Не спутано ли с *м* реальное трехлинейное строчное *т?* Ср.: *куртыга* Воронеж, ‘хромой человек’, зарайск. ряз. ‘прозвище сутуловатого человека’, судог. влад. *куртыжный* ‘короткий; оборванный’, зарайск. ряз. *куртаня* ‘прозвище’, хакас, краснояр. *куртуко́м* ‘перевертываясь с боку на бок’ (<СРНГ> вып. 16, 146). Однако многократно свидетельствуемое сибирск., прибайкал. 1. *курмушка* ‘пальто’, ‘короткая женская верхняя одежда’, ‘куртка’, ‘мужской пиджак’ и т. п. (вып. 16, 133) наряду с *куртушка* ‘куртка’ (в том числе прибайкал.), ахтуб. астрах, *куртушка* ‘теплая женская кофта’ (вып. 16, 146) заставляет делать такое предположение более осторожно» [Журавлёв-3: 280]; этимологически обосновывается реальность слова *курмушка*, от монголизма *курма* [Аникин

2000: 330, 331];

оренбургское «**МЕРЁ<u>Г</u>А**, и, *с. ж*. Вязанье или тканье рѣдкое. О р е н б.»; «**МЕРЁ<u>Д</u>А**, ы, *с. ж*. Рыболовная снасть, сплетенная изъ ивовыхъ прутьевъ. В л а д и м . *Владим*.» [Оп. 1852: 113], тверское «**МЕРЁ<u>Т</u>А**, и, *с. ж*. Рыболовная снасть. Т в е р.» [Оп. 1852: 113], как и нижегородское [СРНГ-18: 116], вызывают вопросы; видимо, правильно: *мере́<u>ж</u>а* и *мерёж<u>а</u>* ‘1. Рыболовная сеть’ [СРНГ-18: 116, 113]; Журавлёв-3: 273-274]; «трехлинейное рукописное *т* могло быть воспринято как *ж*. Однако это наше гипотетическое суждение остужается предшествующей словарной статьей **Мерёт** («Рыболовная снасть, сплетенная из прутьев; верша. Мещов. Калуж.»), которая сопровождена иллюстрацией *Попался в мерет - ни взад, ни вперед,* где чтение, предположенное выше, полностью дезавуируется рифмой» [Журавлёв-3: 273]. Осторожная формулировка оправдана не только наличием *мерёт*, а также: «**Мерёта**, ы, *ж*. 1. Рыболовная снасть – мережа. **Твер**., 1852. **Нижегор**. 2. Рыболовная снасть, сплетенная из прутьев; верша. Дмитряш. **Ворон**., 1952» [СРНГ-18: 116].

Колебания между двумя версиями. «**Вы́ру<u>т</u>ить** <...>. Выбросить седока из седла (о коне). <...> **Олон**., Рыбников [СРНГ-6: 14]. Рукописное *ш* прочитано как *т*. Ср. онеж. олон. *вырушить* ‘выбросить (из седла)’ из записей Гильфердинга [там же]. Lapsus legendi перенесен сюда из словаря Даля (см.: [Даль$_6$-I: 311]). Ср. *рушить,* помимо прочего – ‘ниспровергать. <...> низвергать’ [Даль$_6$-IV: 116], *рухнуть*» [Журавлёв-1: 187]. Думается, *рушить* в данном контексте – случайность. «**Вы́ру<u>ш</u>ить** <...>. 2. Выбросить (из седла). *Чтобы добрый конь-от с-под седла не выскочил, Добра молодца в чистом поле не выру<u>ш</u>ил.* Онеж. **Олон.,** Гильфердинг» [СРНГ-6: 14]. Источник этого *вырушил* – «Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года», а именно: «Чтобы добрый конь-отъ съ-подъ сѣдла не выскочилъ, | Добра молодца въ чистомъ полѣ̀ не вы́ру<u>ш</u>илъ» [Гильфердинг 1873: 752, № 149] («Добрыня и Алеша Поповичъ»). Однако там же есть и более обычное для былин *вырутил*: «Чтобы добрый конь-отъ съ-подъ сѣдла не выскочилъ, | Добра молодца въ

чисто́мъ полѣ́ не вырутилъ» [Гильфердинг 1873: 747, № 148] («Добрыня и змѣй»). Последний фрагмент Н.П. Андреев цитирует как типичный уже в новой орфографии: «Чтобы добрый конь-от с-под седла не выскочил, | Добра молодца в чистом поле не вырутил» [Андреев 1938: 20]. Почти так же он выглядит в позднейшем издании: «Чтобы добрый конь___ с-под седла не выскочил, | Добра молодца в чистом поле не вырутил» [Былины 1988: 51, 526]. Там воспроизведён и № 149, но под другим названием, в общем тоже соответствующим содержанию: «Неудавшаяся женитьба Алеши Поповича. *Гильфердинг*, II, № 149. Записано от А.Е. Чукова», а интересующий нас фрагмент изменён так, что никакого *вырущил* не осталось: «Чтобы добрый конь ___ с-под седла не выскочил, | Добра молодца в чистом поле не вырутил» [Былины 1988: 537, 224]. Видимо, и здесь правка было проведена по более частому образцу.

В пользу *вырутить* свидетельствует не только былинный материал: «**Вырутить**, гл. д. (отъ корня рыть, бросать). *Выбросить*. Добра молодца со добра коня не вырутилъ. I, 24, 19. III, 15, 19» [Рыбников-3: VII]; «... съ добра...» [Рыбников-1: 122, No 24, строка 19; -3: 60, No 15, строка 19]. Ср. олонецкое *срути́ть* (Челмужи) ‘уронить’ [Куликовский 1898: 112]. Здесь трудно доказать ошибку прочтения *т – ш*. Ср. также этимологически тождественное редкому русскому *рютить* ‘толкать, пихать’ [СРНГ-35: 328], ‘толкать, бросать’ [Фасмер-3: 533], (*r’utitь) польское *rzucić* ‘бросить’.

Приложения к 4.2

Прил. 4.2-1. Опечатка *пиро́й* ‘пирог’

Анализ опечатки с учётом показаний всего текста книги. «***Пирой***, *м*. Пирог из ржаной и овсяной муки с рыбой. Майков, Поездка в Обонежье и Корелу, 1877 [<СРНГ> 27, 43]. Напрашивается догадка о том, что мы имеем дело со словом *пирог*; ошибочное чтение *й* – вместо *гъ* (начальный штрих буквы ъ мог быть воспринят как значок краткости над *й*). Несколько смущает, однако, что *пирогом* называется не ‘пирог’ вообще, а конкретно ‘рыбник’» [Журавлёв-6: 173]. Фамилия автора копируется с ошибкой, надо: Майнов Владимир Николаевич. Ошибка наборщика, один раз представленная в *пирой* [Майнов 1877: 279], противостоит двум написаниям *пироги* [Майнов 1874: 52-53; 1877: 73]. Ещё два контекста отсутствуют в первом издании [Майнов 1877: 236]. Прочтения с *-й пирой* в СРНГ взято из из второго издания, а в списке источников указано первое издание: «Майнов В.Н. Поездка в Обонежье и Карелу. СПб., 1874. [С. 89-90 – 23 местных слова]» [СРНГ-1: 58]. В этом кратком списке курьёзов нет яркого (если оценивать его в качестве регионализма) слова *пирой* [Майнов 1874: 89-90; 1877: 127]. Это дополнительно подтверждает правильность чтения *пирогъ* [Шаповал 2013а: 280].

Прил. 4.2-2. *Восприятие перестановок в печатном тексте*

Интернет даёт копии забавного текста: «По рзелульаттам илссеовадний одонго анлигйсокго унвиертисета, не иеемт занчнеия, в кокам пряокде рсапожолены бкувы в солве...» = По результатам исследований одного английского университета, не имеет значения, в каком порядке... Это отголосок исследования о восприятии перестановок в печатном тексте: *Rayner, K., White, S.J., Johnson, R.L., & Liversedge, S.P.* (2006). Raeding wrods with jubmled lettres // Psychological Science, 17, 192-193. – https://lra.le.ac.uk/bitstream/2381/3897/1.pdf.

Прил. 4.2-2. ***Границы заглавного слова***

Иногда призрачное слово возникает из-за неправильной сегментации высказывания при записи. Смешение тире и дефиса в поздней, даже электронной версии текста привело к ошибочному семантическому отождествлению слова *саватейка* ‘1. Выпечное изделие в виде лепешки или ватрушки’ [СРНГ-36: 14]. В реальности имеем: «**Саватейку сорва́ть.** Выполнить случайную, дополнительную работу. *Когда сорвет муж саватейку, тогда и деньги бывают*. Рыб. **Яросл.,** 1990» [СРНГ-40: 328]. Слово саватейка пронято за синоним соседнего субстантива *православный*: **савотейка** – тот, кто подает милостыню беглым преступникам (Крестовский) [Грачёв 2003: 805]. Пунктуация в иллюстративном примере: *православные-савотейки*. “И ежели украсть или же – чего хуже – ограбить, так свои же бродяги, не токма что селенцы, убьют беспременно, потому – идешь не ты один, а и за тобою кажинное лето много народу ходит, и, стало быть, из-за тебя все другие пристанища и хлеба куска должны решиться. Поэтому мы в Сибири оченно смирны, и любят нас за то <u>православные-савотейки</u>, и деньгу подают, и в избу к себе примут, а ты им за это на покосах аль на жнитве помогаешь, да бабы еще колдовать просят и подарки за то носят– мы там за колдунов слывем – и все много довольны” (Ч. IV, гл. VII) [Крестовский]. Однократно представленное *саватейка* ‘2. Распутная женщина’ (**Иркут**., 1873) [СРНГ-36: 14] также не согласуется с этим контекстом. В журнальной первой публикации знаки препинания не создавали двусмысленности: «Поэтому мы въ Сибири оченно смирны и любятъ насъ за то православные, савотѣйки и деньгу подаютъ» [Крестовский 1865: 42], т. е. ‘лепешки и денежки подают’. Однако уже в первом посмертном собрании Вс. Вл. Крестовского (1840-1895) представлена такая расстановка знаков препинания, что неправильное понимание стало неизбежным: «...православные-савотѣйки, и деньгу подаютъ...» [Крестовский 1898: 194]. Эта неправильная расстановка знаков препинания сохраняется по

сей день [Крестовский 2011: 377].

А.Н. Оленин ещё в начале позапрошлого века обращал внимание на случай неверного выделения слова в древнем тексте (заечьими ловцы > заечьи ми+ловцы), вызванное неопознанием формы творительного падежа множественного числа и приведшее к непонятому слову-фантому *миловцы* [Оленин 1814: 17-18; Лихачёв 2001: 156].

Границы слова иногда из-за утраты пробела определяются неправильно: «Масклёвый – симпатичный» [Добровольский 1916: *13*]. У тверских коновалов, «**масклёвый**, симпатичный – *ТверскКонвл*» [Приёмышева-2: 560]. Возможно, не отражена сегментация офенского *мас _ клёвый* - буквально: ‘я хорош(еньк)ий’ / ‘друг хорош(еньк)ий’.

шкарытар, -а?, *м*.? – нары (Росси) [Грачёв 2003: 1056], нет в указанном источнике Росси. В доступной нам публикации Олексы Горбача 1978 г. обнаруживается ошибка в разбивке слова и его грамматической характеристики: «шкарытар – нары», ср.: «шкеры, шкер – брюки» [Виноградов 1927: 26], очевидно, в рукописи было что-то вроде «+шкары,~кар – нары» или «+шкары/-ар – нары».

И.Г. Добродомов отмечает и случай неоправданного введения в текст пробела: *съ ирпомъ* вместо *сырпомъ* ‘сетью в виде мешка’ [Добродомов 1983: 53-54]: «**ИРПЪ**, *м. Рыболовная снасть* (?). И ту де онъ рыбу ловилъ ѣздя по рѣкѣ Иргенѣ съ ирпомъ. А. кунгур., 2. 1668 г.» [Сл. XI-XVII-6: 250].

А.Ф. Журавлёв анализирует подобный случай реинтеграции: «**Виринье** <...> [удар.?]. [Знач.?]. *Возьму колосовать* <‘молотить’. – *А.Ж.*>, *дак только и виринья полетят*. Петрозав. Олон. (<СРНГ> вып. 4, 293). В диалектологической записи не опознано слово *иверенье,* +*ивиренье* ‘мелкие клочья, ошметки, щепки и проч.’, ср. новг., олон. *и́веренье* (вып. 12, 58). О словах *ивер, иверень* см.: Трубачев 1972» [Журавлёв-2: 102; Страхов 2004: 260].

Переразложение нередко вызывается действием народной этимологии. Например, цыг. «Х а н в д ы р е , несомненно, вместо х а н д ы р и , так как по-

цыгански понятие ‘церковь’ выражается словом kxand’ir’í в южноцыганском диалекте и kxang’ir’í – в северноцыганском диалекте (московском, ленинградском и т.д.)» [Баранников 1931: 146]. Точнее не -*ды*-, а -*ди*- (-*гы*- в -*ды*- не переходит): на месте *kxand’ir’í* было услышано укр. *хан в дірі́*, а не русск. *в дыре* [Шаповал 2008е: 507]. Сходные процессы в цыганском диалекте Испании на базе каталанского языка окружения отмечает И. Адьего: *Rot de Bel* /rroddəbél/ ‘God’ < CR *mro devel* litter. ‘my God’ [Adiego 2012: 309]. Последнее осмыслено через каталанские слова **rot** *noun m* burp / belch <отрыжка>, **bell** *adjective* beautiful <красивый> [DACCO: 22, 212].

Приложения к 4.3

Прил. 4.3-1. ***Раскрытие сокращений***

Далеко не очевидны, например, белорусское падежные формы, скрытые за многоточиями: «Поповы дочки | Шили чоботочки | Зъ холявины, | Зъ посконины, | Зъ ср<аки>... пирадочки» [Шейн 1886: 552, № 705]. «Дзѣдъ бабу сѣче | Лозовымъ дубцомъ, | По ср<ацы>... концомъ» [Шейн 1886: 552, № 706].

Иногда такие пропуски восстановить не удаётся, поскольку число потенциальных заполнений очень велико: «Ох. . . . . | Ты дварянскай сынъ дуракъ!» [КС-3: 53]. «Расе . . . . ъ сынъ прусачо́къ, прусачо́къ: | Праѣлъ Дони сундучо́къ, сундучо́къ, | Расе . . . . ъ сынъ тараканъ, тараканъ: | Праѣлъ Донинъ сарахванъ, сарахванъ» [КС-3: 21, 2-й паг.]. «– У тебя была спаечка (*такъ*) серебряна? – | . . . . . *» – «*) Тутъ пѣвицы застыдились и пропустили цѣлое мѣсто» [Гильфердинг 1873: 856].

Прил. 4.3-2 ***Цитирование этимологического комментария немецкого словаря в качестве русского жаргонизма***

З. Вольф не считает цыг. *budara* (м. р.) ‘дверь’ <точнее: мн. ч. *удара́*, *вудара́* ‘двери’ – *В.Ш.*> словом немецкого жаргона, но приводит его исключительно в качестве этимологической параллели. Так что русское *будара* ‘дверь’ не может считаться даже переводом немецкого жаргонизма, а его спорная трансформация *будра* – тем более [Шаповал 2011d: 102].

Минимальный контекст, заметно повышающий вероятность письменного заимствования, восстанавливается и в другом случае: «*ma* nicht» <не>; «*ma pehen* sage nicht» <не говори> [Polzer 1922: 53]; «**Ма** (*мн.*) – нет» [Мильяненков 1992: 161; БСЖ 2000: 327; Ломтев, Истомин 2004: 136]; «**Ма пен** (*мн.*) – не говори» [Мильяненков 1992: 161]. < «**ma** [3336] nicht <не ‘нет’, а ‘не’>: 1922 Po. – Zig. *ma* nicht, überhaupt: Prohibitivpartikel. <цыг. ‘не’, в основном запретительная частица> *Ma pehen!* <*pchen [пхэн]? – *В.Ш.*> sage nicht!: 1922 Po. – Zig. *ma pen!* sage nicht! <цыг. ‘не говори’>» [Wolf 1956: 203; Pott-II: 434]. *Ма пен* воспроизводит не запись жаргонного немецкого *Ma pehen!*, а игнорирующую придыхание запись *ma pen!* [ма́ пхэн] из этимологической справки [Шаповал 2011d: 127].

«**Цик** (*мн.*) – грязь» [Мильяненков 1992: 270]; «**ЦИК** (ин.) – грязь, распутица» [ББИ 1992: 275; Балдаев 1997-II: 135; БСЖ 2000: 661]. < «**Tschick** [5943] *f* Zigarren- oder Zigarettenstummel <сигарный или сигаретный окурок>: 1922 Po <...> *Czik* <Kautabak ‘жевательный табак’>: 1922 Po. – Zig. *tsik m* Kot, Schmutz <цыг. ‘грязь, нечистоты’>…» [Wolf 1956: 334; Pott-II: 177]; «*Czik* Kot, Schmer, Butter; Kautabak» <грязь, смазка, масло; жевательный табак> [Polzer 1922: 17], судя по значениям ‘смазка, масло’, имело место смешение с *čiken* ‘жир, топленое сало’. Толкование *цик* ‘грязь, распутица’ взято из этимологической справки? [Шаповал 2011d: 97].

Приложения к 5.1

Прил. 5.1-1. ***Анализ слова с не определяемой по контексту семантикой***

В следующем случае рассматривается и уточняется запись прилагательного *скромкий*, но его значение не детализируется: «В статье **Скро́мкий** находим “2. Тихий, слабый (оголосе). *А скричал Михайло гласом скромнием*. **Онеж.**, Киреевский” (<СРНГ> вып. 38, 151). Недоумение здесь вызывает и несогласие в буквах *-к-* и *-н-* в иллюстрирующем и заглавном словах, и предположенное составителями значение. Та же цитата с единственным разночтением *-ы-/-и-* (“А скрычал Михайло гласом скромнием. **Онеж.**, Киреевский”) иллюстрирует словосочетание *скрыча́ть гласом* <...> (ib., 144). Если объединить эти толкования, то выйдет, что былинный богатырь Михайло Потык “Вскричал тихим, слабым голосом”, – несколько странно, не правда ли?» [Страхов 2008: 260]. Так и в источнике, где повтор прилагательного снижает вероятность ошибки в записи, но установить, каким именно был «робячий» голос богатыря в точности, на столь шатком фактическом основании трудно: «А скрычал Михайло гласом скромкием, | Ишше скромкием он гласом, да робечьием», комментарий к былине: «25. *Михайло Данилович*. Киреевский, III, стр. 41-51. Записано в Онеге Верещагиным со слов каменского крестьянина Ив. Пахомова» [Былины 1938: 212, 558]. Ср. описание того же с несомненно подчеркнутой зычностью: «Да скрычал-зычал Михайло во всю голову, | Во всю силочку скрычал он бога́тырскую» [Беломорские 2002: 553]. Скорее – ‘громкий, зычный’.

Иногда бедность данных не даёт возможности снять противоречия и выбрать между противоположными толкованиями: жаргонное «**Халявый** – негодный» [Потапов 1927: 176] и калужское «нехаля́вый паршивый» [Никольский 1903: 333].

Прил. 5.1-2, п. 1. ***Дополнительный пример с ошибкой в одной букве толкования***

Чрезвычайно сложный случай: **ер(ец)* – ‘земля’ (?) [Wolf 1956: 89] (иврит אֶרֶץ [эрэц] [Меергус 2000]), а не *ер* – ‘земля<u>к</u>’ [Мильяненков 1992: 118]. При этом надо признать, что включение данной записи в число цитат из немецкого словаря при таких искажениях затруднено: «*Erez* Erde, Land» <земля> [Polzer 1922: 22].

Прил. 5.1-2, п. 2. ***Дополнительный пример с ошибками в нескольких буквах толкования***

Встречаются толкования, которые были искажены при копировании по причине сходства нескольких рукописных букв в слове: в учебном словаре для школьников *вретище* – ‘корзно’ (старинная одежда), а не ‘корз<u>ина</u>’ [Андреева 2005: 4]; в статье *ППД (ППШ)* – ‘автоматы’ (оружие), а не ‘автома<u>шин</u>ы’ [Филин 1944: 9], в словарике при публикации фольклорных текстов *засапо́жникъ* – ‘<u>н</u>о<u>ж</u>ъ’ [СРНГ-11: 19], а не ‘<u>п</u>о<u>яс</u>ъ’ [Гуляев 1848: 119] (последнее широко известно из «Слова о полку Игореве»).

Прил. 5.1-2, п. 4. ***Дополнительные примеры с утратой частей толкования***

См. также: *вретище* – якобы ‘мешок’ [Андреева 2005: 4], а не ‘одежда в форме <u>мешка</u>’, *проба* – якобы ‘<u>фальшивые</u> деньги’ [ТСУЖ 1991: 146], а не ‘<u>настоящие</u> деньги, выдаваемые фальшивомонетчиком за своей выделки качественные <u>фальшивые</u>’.

Прил. 5.1-2, п. 7. ***Дополнительные примеры толкований с нарушением границ между соседними словарными статьями***

См. также: «**ШАВАН**[1] – рабочий армяк» [Грачёв 1991: 110], ср. соседство двух слов: «**Шаван** – чай»; «**Шифтан** – армяк [Потапов 1927: 189]. «**Шлю́мка** – проститутка» [ТСУЖ 1991: 202], вместо двух слов: «ШЛЮМКА – суп», «ШЛЮПКА – проститутка» (+шлюшка?) [Бронников (1990): 51].

На основе опыта верификации случаев непреднамеренного создания «нового значения» слова в результате контаминации соседних словарных статей можно предположительно реконструировать путь возникновения ряда сомнительных словарных статей: *бильярд* – якобы «1. Моча. 2. Слабый чай» [Флегон 1973: 35].

Прил. 5.1-2, п. 8. ***Дополнительный пример толкования равного толкуемому***

Такие ошибки случаются и в публикациях фольклорных текстов. Можно предположить, что сначала в подстрочные примечания были вынесены трудные слова, а потом они менялись на толкования из «Словаря малоупотребительных и областных слов» в конце книги, но в какой-то момент эта работа была остановлена, а сборник вышел в свет с тавтологическим примечанием: «Невестушка моя милая <...> сходи к моей родной матери и попроси у нее мне берды – я хочу кросны[2] ткать» – «[2] Кросны. – *К.К.*» [СП: 125]. Судя по другим подстрочным примечаниям, *кросны* должны быть снабжены толкованием: «**Кросны** – ткацкий стан и крестьянский холст, новина целой трубой» [СП: 396].

Прил. 5.1-3. ***Ограничения объёма как причина ошибочного толкования***

Анна Вежбицка утверждает: «For years, I have argued that semantics as a scholarly discipline must prove itself in lexicography» [Wierzbicka 1990: 259] <На протяжении многих лет я утверждала, что семантика как научная дисциплина должна проверять себя в лексикографии>. Далее она отмечает: «Theoretical lexicographers tend to maintain that to adequately describe one word one needs a great deal of space (many pages, if not many dozens, scores, or even hundreds of pages). <...> In a sense this is true – but if so, then of course a practical lexicographer does not have the room to do justice to even a single word, let alone to the thousands of words with which he or she usually has to deal» [Wierzbicka 1990: 259] <Теоретические лексикографов, как правило, утверждают, что для адекватного описания одного слова нужно очень много места (много страниц, десятки, если даже не сотни страниц). <...> В каком-то смысле это правда, но если так, то практический лексикограф, разумеется, не имеет достаточного объёма, чтобы сделать описание хотя бы одного слова, не говоря уже о тысячах слов, с которыми обычно имеет дело>.

Лексикограф при работе с диалектным и жаргонным материалом оказывается в зоне чуждой ему коммуникации, как и иностранец при работе с разговорной речью, что приводит к приблизительности решений: «**ЗАКУСОНЧИК** – вечеринка» [Флегон 1973: 73] (скорее ‘закуска’); «**МАЛЫШКА –** низкорослый мальчик» [Флегон 1973: 196] (обычно ‘девочка’, цитата не приведена); «**НАДЕВКА** – надевание» (обычно ‘вещь, предмет верхней одежды’, а не ‘процесс её надевания’); «**ОХЕРАЧИТЬ** – достать» [Флегон 1973: 224] (цитата не приведена, но *охерачить* синонимично *достать* только в значении ‘чувствительно ударить’), возможно, имелось в виду, что ‘удар достиг цели’, а вовсе не в смысле «Где бы дефицит *охерачить?»

Прил. 5.1-3, п. 3. ***Дополнительные примеры ошибочного сдвига толкования с сохранением пересечения между прежним и новым***

Сохранение пересечения значений (относящихся к названиям бахчевых культур): в московском словаре 1938 г. цыганское смоленское *балму́зо* незаслуженно толкуется как ‘арбуз’ [ЦРС 1938: 11]: «Хая́ одо́й балму́зо тхудэ́са» – Ел (он) там (во дворце) га́рбуз с молоком [Добровольский 1908: 3]. Ошибка по причине паронимичности белорусского *гарбуз* ‘тыква’ и русского *арбуз* [Шаповал 2012d: 82]. Тыква и арбуз похожи, но не тождественны.

Случаи ошибочного изменения толкований на основании ложного вывода по неполным или неточным логическим основаниям, например: «***Воляпюк*** ‘название контактного русско-китайского языка’ (*Ведь это воляпюк, смесь русских, китайских слов* <...>)» [Оглезнева 2008: 130]. Писатель Арсеньев отвечал на вопрос, знает ли он китайский. Он сообщил, что знает лишь контактный язык (пиджин), который является искусственным, как и *волапюк*. Воляпюк и дальневосточный контактный язык похожи, но не более.

Другой пример: «**Сильфи́ды** (Ник.) Прозванiе дѣвокъ, поющiхъ во время свадебнаго стола. (Баженовъ)» [Дилакторский 2005: 457; СРНГ-9: 315; Дементьев 2010: 77]. Видимо, всё-таки авторское словоупотребление Баженова, а не цитата из крестьянской речи. Так песенниц можно назвать, но это не самоназвание.

Явно переосмысленное книжное слово: «**абырвалг** – сбивчивый доклад дневального матроса при появлении высокого начальства <...> Силится что-то доложить, но получается только “абырвалг”, как говорят на флоте» [Бойко 2003: 334]. Источник слова *абырвалг* (М. Булгаков, «Собачье сердце», 1925) и его происхождение от «Главрыба» не указан. Можно принять в качестве метафоры, доклад дневального столь же неразборчив, как речь очеловеченного пса, но вопрос в том, насколько возможно распространение слова *абырвалг* во флотском значении и без опоры на образность, предполагающую связь с

литературным источником.

«**СТРАВА** – **плохая, недоброкачественная** пища» [ББИ 1992: 235; Балдаев 1997-II: 63]. Это толкование не вызывает полного доверия, оно возникло под давлением созвучия с *отрава*: «**Стра́ва** – пища» [Мильяненков 1992: 241]. Ср.: «**СТРА́ВА** ж. польск. *зап. пск. юж. орл. нврс*. пища, ѣжа, кушанье, яство, блюдо, особ.<енно> жидкое, похлебка, варево» [Даль$_6$-IV: 334]. Склонность к энантиосемии проявляют производные от праславянских корней *-jěd- и *-trav-: «Еда является основой жизни, но еда может стать и причиной отравления, смерти» [Маркова 2005: 149-150]. Так что это негативное переосмысление в принципе вероятно именно для русского восприятия, как случалось наблюдать и автору этих строк в Польше.

Прил. 5.1-3, п. 4. ***Дополнительные примеры ошибочного сдвига толкования без сохранения пересечения между прежним и новым***

Ошибка понимания описанного значения слова читателем может быть вызвана неразличением значений идентичных в их графическом оформлении единиц (разных значений многозначного слова, омонимов и даже омографов из разных языков). Многозначность весьма опасна для малоосведомленного читателя. Проспер Мериме в переводе «Пиковой дамы» Пушкина не учел многозначность глагола: “Томский закурил трубку, затянулся” > *ressera sa ceinture* ‘затянул кушак’ [Владимирский 1939: 353].

Неверный выбор значения многозначного слова в словарном толковании – это читательская ошибка. Но она возникает под влиянием выбора составителя словаря. Толкование из словарей прошлого сегодня иногда представляется не вполне ясным и однозначным: «*Хайло́*. О<лонецкое, в целой губ.>. – пустой горланъ» [Рыбников 1864: 23]. Тип горшка? Или всё-таки ‘горлан’ = ‘пустой крикун’, а не тип горшка с так и не определёнными функциями? Ср. олонецкое, также неоднозначное: «*Хайло* – пустой горланъ» [Шеломов 1846: № 25, 8], а

позднее явно отнесенное к человеку: «Хайло́ – глупецъ, полоротый, ротозѣй: “эй, ты, хайло́ пустое!”» [Филимонов 1891: 687]. «*Ху́тить*. К<аргопольское>. – хоронить» [Рыбников 1864: 23]. Исключительно о покойнике? Или всё-таки ‘хоронить’ = ‘прятать’ что-либо? Ср.: «*Хутить* – хоронить покойника» [Шеломов 1846: № 25, 8]. Вряд ли вопросы такого рода возникали у автора, в противном случае он избежал бы лаконичности, ставшей для нас уже неоднозначной.

См. также: *гаубист* – ‘гобоист’ [Otten 2000: 151], а не якобы ‘артиллерист, стреляющий из гаубицы’ [Сл. XVIII-5: 93]; *дрочёна* (ед.) – ‘запеканка’, а не якобы *дрочёна* (мн.) – ‘сперма’ [Drummond, Perkins 1973: 11]; *неприглаженный* – ‘непричесанный’ [Пильщиков 1998: 13], а не тот, кто ходит якобы “в неотглаженном платье, костюме” [Редкие сл. 1997: 262]; *ночевая* ‘выезд с ночевкой на охоту или рыбалку’ [Воробьева 2002: 91], а не якобы ‘ночное (пастьба лошадей)’ [Елистратов 2001: 211]; *окормление* – “направление на путь праведный” [Пильщиков 1998: 13], связано с *кормчий, корма*, а не якобы “прокорм, прокормление” [Редкие сл. 1997: 287]; *поверение* – ‘сообщение кому-либо сокровенного, секретного’ [Пильщиков 1998: 13], а не якобы ‘убежденность’ [Редкие сл. 1997: 309]. Ошибочно приняты за однокоренные: *эрский* якобы “живущий на берегах реки Эры во Франции” [Редкие сл. 1997: 429] и устаревшее *эрский* (ирландский) [Пильщиков 1998: 13]; *светки* – ‘священнослужители’ [Вельтман 1992: 132] (якобы от *святой*), а не ‘свидетели’.

Прил. 5.1-3, п. 5. *Дополнительный пример использования в толковании непонятного слова*

В толковании могут быть использованы, например, малоупотребительные, устаревшие слова: вологодское *квиты* с архаизмом ‘просты = квиты, в расчете’ в качестве толкования [Суровцов 1822: 243]); в сводном словаре в таких случаях толкование воспроизводится в кавычках: «Просты» [СРНГ-13: 168].

Прил. 5.1-4, п. 1. ***Абсолютизация данных единственного контекста***

Вычленение значения отдельного слова из контекста может производиться на неясных основаниях, например: слово *бохи* в ряду названий плодов *изюмъ, черносливы, масличные* *бохи*, *орѣхи* [Тронх. разг.: 226] получает толкование «маслины» [СОРЯМР XIV-XVII-1: 252]. Проверка его путем обратного приложения к контексту *ма́сличные бо́хи* даёт тавтологию ‘масличные маслины’: +боби? Ср. «жаргонное» *фезаво* – якобы ‘хромой’ [Мильяненков 1992: 259], видимо, на основе контекста со значением ‘плохие ноги’, т. е. ‘хромые’: английско-цыганское «***Vasavo*** Bad» <плохой> [Pott-II: 85]. См. об этом толковании также примечание к 5.1.3, п. 1.

Прил. 5.1-4, п. 3. ***Противоречие между толкованием и иллюстративным примером***

«**Вы́ступец**, пца, *м.* Выступ, выдавшийся мысок. Даль [без указ. места]. *Как из матушки да из сырой земли Нет ни выходцев, да нет ни выступцев.* Чердын. **Перм**., 1926» [СРНГ-6: 35]. «Слово *выступец* в фольклорной цитате синонимично слову *выходец* и значит ‘выход’, а не ‘выступ’. Кстати, статья **Выходец**, материал к которой даёт эта цитата, почему-то отсутствует в СРНГ» [Страхов 2004: 267].

Прил. 5.1-4, п. 4. ***Неправильная реконструкция синтаксических отношений***

«Возьмем, к примеру, существительное *гофкригсрат* (нем. *Hof|kriegs|rat*) <...> так назывался придворный военный совет австрийского императора. У этого слова неожиданно обнаружилась ещё одно значение: “военный советник в Австрии” ([Редкие сл. 1997] с. 134). В основу дефиниции лег неправильно понятый пассаж Толстого: «<...> план, который был передан Кутузову в его бытность в Вене австрийским гофкригсратом» (речь здесь идёт не о том, что Кутузов был “гофкригсратом” в Вене, а о том, что стратегический план был передан Кутузову австрийским военным советом)» [Пильщиков 1998: 13].

«**Вершала́**, *мн.* Колья, вбитые в дно озера или реки для просушки невода. Рост. **Яросл.,** 1902. – Доп. [Знач.?] *И вершала берут теперь да бритвы вострые, И оны бреют у его да кудри желтые*. **Север.,** Барсов.» [СРНГ-4: 172]. «Думаю, что барсовские *вершала́* – это дальнейшее искажение уже искажённого народного (мн.) *фершала́* < *фельдшера́*» [Страхов 2004: 258; Аникин-6: 352]. Это, как и ожидается, песня при обряде проводов рекрута, которого забривают в солдаты *фельдшера́*: «И вершала̀ берутъ теперь да бритвы вострыи, И оны брїютъ у его да кудри жолтыи, И волоса его падутъ да на дубовый полъ, И подбирае волоса̀ да родна матушка» [Барсов-2: 264]. Интерпретация усеченного контекста вызвала трудности, поскольку, вероятно, сегмент «*вершала ... да бритвы*» был понят как содержащий однородные прямые дополнения. А кто берет эти якобы два вида предметов или инструментов, стало непонятно.

Приложения к 5.2

Прил. 5.2-1. ***Примеры грамматических ошибок (часть речи)***

«**2. Опа́кишь**, *нареч. Фольк*. Назад. *Смотрючись на красоту Чурилову, Старицы по кельям опакишь дерут*. **Олон.**, Рыбников» [СРНГ-23: 230]. Думается, второй омоним (наречие?) *опакишь* целесообразно сопоставить с первым омонимом: «**1. Опа́кишь** и **опо́кишь**, и, *ж*. 1. «Выворот, изнанка, ничка». **Твер.**, **Сиб.**, Даль. □ Опо́кишь. «Переворот». *Ишь ты, какая опокишь!* **Иркут.**, Опыт 1852» [СРНГ-23: 230], ср. также *на опокишь* ‘в противном смысле’ и ‘ничком, навзничь’ [Оп. 1852: 142]. Кашинское (твер.) «наопоки́шъ (Ч<енцы>.) и напаки́шу (К<ашинъ>. Кар<а́бузино>. Г<ри́горово>. С<ывороткино>.) = совсѣмъ не такъ, обратно» [Смирнов 1904: 143]. По всей вероятности, существительное женского рода *опакишь* в данном контексте использовано для обозначения нижней (изнаночной) стороны ткани. Более богатый диалектный и славянский материал к этому трудному слову с этимологическими соображениями см.: [Герд 2008: 217-236].

Интерпретация контекста – процесс индивидуальный. «При единичных фиксациях слова встречаем произвольные толкования значения. Например, *абым, союз. То же, что абы*. (<СОРЯМР XVI-XVII-1> с. 35). Цитата следующая: Ксендзъ Воевоцкий принес до мене *абым* въ него купилъ мунстрацыю. *Сл. Смол., 22. 1668 г.* Судя по контексту, *абым* – какая-то вещь, предмет, с помощью которого можно купить “мунстрацыю”» [Судаков 2005: 134; 2010: 297]. Католический полонизм (из латинского) *monstra<n>cja* ‘дароносица’ повышает вероятность в деловом стиле вкраплений «западнорусской» глагольной морфологии, например, форм сослагательного наклонения при целевом союзе *аби*м, польск. *żeby*m ‘чтобы я’ и др. с окончанием -м в 1 лице ед. ч. (исторически остатком глагола связки *jesmь), известных на территории Литовской Руси.

Прил. 5.2-2. ***Примеры грамматических ошибок (именные формы)***

Иногда неточности в образовании начальных форм довольно легко исправляются: «БОЧ*А*Т, а (*чаще мн.*). *То же, что бочка*[1]» [СБГ-1: 75], мн. ч. *бочáты* (ср. р.), от правильногйо *бочонок*? Тюменское (и др.) *бал* ‘приспособление для сгибания санных полозьев’ («Жив. старина, 1894, 1, с. 55») [СРНГ-2: 65], со ссылкой на существительное среднего рода *бáло*, «вокруг которого загибается полоз» [Зобнин 1894: 55].

Прил. 5.2-3. ***Примеры грамматических ошибок (глагольные формы)***

Вид глагола довольно часто не учитывается при подборе иллюстративных примеров, как, напр., в «Полном церковно-славянском словаре» Г. Дьяченко [Дьяченко 1900], как указывал рецензент [Живанович 1900: 150].

Отдельного внимания заслуживает и употребление особых видовых форм не только в территориальных, но и в социальных диалектах, например, в школьном жаргоне прошлого: *фискалить* ‘ябедничать, жаловаться’ [Анищенко 2007: 288-289], вариативность совершенного вида демонстрируют формы: «– Неужели сфискалишь?» [Станюкович 1893: № 1, 39]; «– Про кого ж он… профискалил?» [Куприн-IV: 97].

Приложения к 5.3

Прил. 5.3-1. ***Ошибки в различных пометах***

Ошибочно приписанные географические пометы: М. Фасмер, цитируя Даля, для слова «**пешкéш**, **пишкéш** “подарок”, “взятка”, астрах., сиб. (Даль). Через тюрк. (тур. päškäš “подарок”) или непосредственно из перс. pīškāš – то же» [Фасмер-III: 257] даёт помету “сиб.” вместо “орнб.” [Добродомов, Шаповал 2011: 99]. Смешение полных записей *сибирский* и *оренбургский* маловероятно, а

вот их сокращения в рукописной форме могли подвергнуться смешению, особенно, если из-за дефицита места “орнб.” писалось плотно над строкой.

Дополнение к казусу *клеву*, литературная цитата в диалектном словаре. Картотека собиралась долгие десятилетия, за это время назначение некоторых карточек, написанных для себя, могло и забываться, поскольку менялся состав коллектива, например: «На значение “1. Пыль; сор” в статье **Порох** (<СРНГ> вып. 30, 83) приведено: “По́роси, *мн. Земля тутнет, реки мутно текут, пороси поля прикрывают. С*лов. Акад. 1847”. Удивительно, как это в академическом Ленинграде (виноват, Санкт-Петербурге), этой цитадели изучения *Слова о полку Игореве*, не смогли опознать цитату оттуда, совершенно неуместную в собрании диалектной лексики» [Страхов 2004: 306].

Прил. 5.3-2. ***Хронологические рамки бытования редкого слова***

Ошибка *восприятия.* Иногда расшифровка старого сокращения, произведённая при опоре на контекст, имеет приемлемую точность, например: «в русском языке соврем.<енного?> вр.<емени?>» [Кривко 2010: 69] примерно соответствует исходному «соврем.<енное> в<елико>р.<усское> верста» (*Потебня А.А*. Из записок по русской грамматике. Т. I/II. Москва, 1958. С. 15) (указано И.Г. Добродомовым), после «в русском» трудно выбрать чтение *вр.* как «великорусское». Однако это не отменяет, а подчеркивает масштаб проблемы неоговоренных сокращений.

Ошибка *интерпретации.Неверно* описаны время и место бытования якобы воронежского слова: «**Одын**, а, *м*. “Сруб для покойника”. **Заволжье, Ворон.,** Бломквист» [СРНГ-23: 70], – с загадочными кавычками в толковании. Запись этого сомнительного воронежского диалектизма вызвала оживленную дискуссию (см. подробнее: [Страхов 2005; Добродомов, Шаповал 2005; 2005а]). А.Б. Страхову удалось определить источник – капитальную работу Е.Э. Бломквист о восточнославянских постройках: «Ценный материал по

древним срубам на территории восточных славян дали срубные погребения различных периодов, например, памятники срубной культуры бронзового века (около середины II тысячелетия до н. э.), встречающиеся на огромной территории от Днепра и Азовского моря до Оки и Урала, с центром на среднем течении Дона (Воронежская обл.). Носители этой культуры, исследованной наиболее детально на Харьковщине и Заволжье, хоронили своих покойников в срубах, покрытых сверху плахами и бревнами. Широко известны срубные погребальные камеры скифов (VI в. до н. э.). Особенно интересны курганные погребения <…> (например, гробницы IX-X вв. в Киеве, срубленные “в обло” из дуба; срубы в курганах XI-XIII вв. на Волынщине и др.). Эти рубленые дома для мертвых назывались *одын*, т.е. постройка» [Бломквист 1956: 13, прим. 1]. В цитате выделены подчеркнутой разрядкой те элементы, которые процитированы в СРНГ. Сомнительное воронежское *одын* соответствует древнерусскому **бъдынъ** [Страхов 2005], то есть является опечаткой, возникшей на месте *бдын*. Но и последнее в цитате соотносится с серединой II тысячелетия или, в лучшем случае, VI в. до н. э., при этом остаётся неясным, называли ли «воронежские» скифы бдын *бдыном* (как древнерусские источники) или как-то иначе, не прояснены до конца также вид и ритуальное назначение этого сруба. Таким образом, здесь явный анахронизм не позволяет говорить об актуальной для воронежских великорусских крестьянских говоров XIX-XX веков диалектной лексеме *одын* / **бдын*. Кроме того, (восточное, саратовское [?]) Заволжье не входит в территорию «Ворон.», даже если понимать её расширительно в границах прежней предреволюционной губернии [Шаповал 2010: 68].

«**Измеде́ть**, е́ет, *сов., неперех. Фольк*. Стать похожим на медь. *Во дни Ахава царя не бысть дождя на землю три годины и шесть месяц, земля же измедела, небеса ожелезнеша*. Майков, Великорусские заклинания [без указ. места]» [СРНГ-12: 143]. Не столь категорично можно признать анахронизм в данном описании, на которое также указал И.Г. Добродомов. Источник XVII в.,

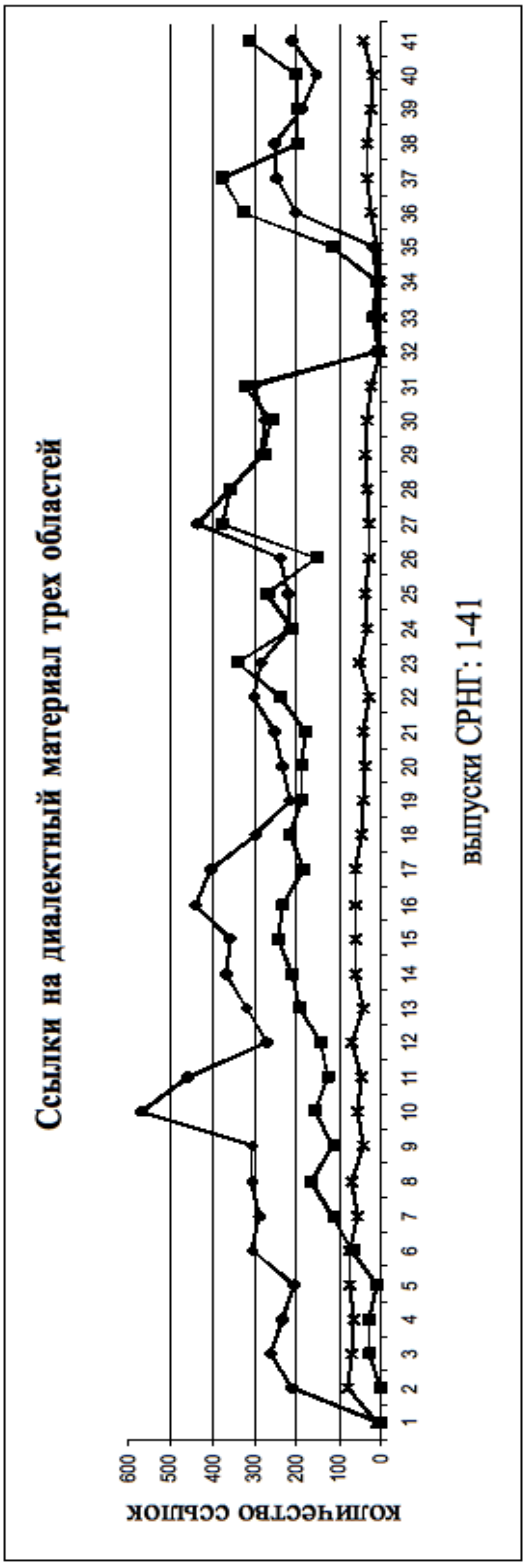
процитированный в XIX в., даёт оправдательную цитату для описания данного глагола. Ср. в публикациях: «(170) Аще у кого кровь потечетъ носомъ, шепчи, зря въ очи ему, рече сіе: Во дни Ахава царя не бысть дождя на землю три годины и | шесть мѣсяцъ, земля же измѣдѣла, небеса ожелѣзнѣша, источницы замыкашася, – и ты, кровь, стани, а не кани. (Изъ Лѣчебника XVII в., ркп. Синодальн. Библ., No 481, л. 126, извл. Ѳ. Буслаевъ, О народной поэзіи въ др. р. литер., прилож., стр. 27)» [Майков 1869: 68-69]. Ф.И. Буслаев в речи о данном предмете передаёт соответствующий фрагмент в русском переводе: «Чтобъ остановить теченіе крови из носа, заговоръ припоминаетъ Ахава Царя: «во дни Ахава царя не было дождя на землю три года и шесть мѣсяцевъ: земля измѣдѣла, небеса ожелѣзнѣли, источники замыкались: и ты, кровь, стани, а не кани (6)», «(6) Ibid. Л. 126» <т. е. ссылка на тот же лист рукописного Лечебника> [Буслаев-II (I): 46]. Отсутствие в СРНГ глаголов *ожелезнеть* ‘стать похожим на железо’ и *замыкаться* ‘пересыхать, иссушаться’ (применительно к водным источникам), представленных в том же контексте, свидетельствует о выборочном характере пополнения дифференциального словаря материалом XVII века, восходящим к церковнославянской Библии [Библия 1900; 3-я Царств: XVII-XVIII], где однако же в описании засухи нет глаголов, производных от *мѣдь* и *железо*. Таким образом, фольклорное *измедéть* [СРНГ-12: 143] (в библейской цитате по неопределённому церковнославянскому переводу) восходит к заговору XVII в., процитированному учёными в XIX в. [Майков 1869: 68-69; Буслаев-II (I): 46].

Прил. 5.3-3. ***Различные ограничительные пометы***

Народная непрофессиональная лексикография повторяет ошибки прошлого, в Азбуковниках пометы тоже могли приобретать специфическое значение: «глагол *доконати* имеет помету «*ла*»(тинское), помета называет язык литературного источника, в славянском переводе которого встретилось толкуемое слово» [Ковтун 1975: 21].

Приложения к 6.1

Прил. 6.1-1. ***График 13*****. Ссылки на диалектный материал трёх областей в СРНГ**

Воронежская: ромбики – автоматический поиск по сегментам: “Ворон.”, “Во-рон.” **Новосибирская: – квадратики** – “Новосиб.”, “Ново-сиб.”, “Но-восиб.” **Челябинская**: – **крестики** – “Челяб.”, “Че-ляб.”	

Приложения к 6.2

Прил. 6.2-1. ***Таблица 37.*** **Распределение слов по признакам цитирования**

(с детализацией по спискам слов)

Группы слов	*Ошибка описания из нем. сл.*	*Ошибка в записи из нем.*	*Смешение букв латиницы*	*Ошибка чтения латиницы*	*Ошибка копир. загл. слова*
цыганизмы	24	7	4	45	5
остальные	1	3	6	2	34

цыганизмы: 1) Блока Вохин Вуравель Деца Ладс Лако Мерибен Мерла Муради Небуди Осуня Паро Село Тато Уцло Херами Хова Цамерта Церо Цулимо Цунгало Цури Цуто Шорин 2) Бафен Бильбальдо (бильбольдо) Бреко Глитшин Край Пипольте Пор 3) Граль Иаг Иаро Тасоваф 4) Буль Гако Девель Епас Зуб Зунг Ис Кава (каво) Кор Лиль Мако Маль Минц Моль Насадо Нинко Руф Сор Суб Сунг Удар Фаласо Фалешо Фареко Фасдель Фаст Фермо Филамо Фоди Фодро Фудар Фуз Цак Цализен Цанг Цеппо Церво Ци Цик Цобиханен Цувли Цукер Цулей Цуци Чор 5) Бере Гланда Хохавабе (хоха_вабе) Буд(а)ра

остальные: 1) Ве́терхан 2) Ца́кин Цусим Юс 3) Ахро́ш Бицикер (бРицкер) Кутиш Ле́ек Соин (сион) Юсфар 4) Шакер Шалер 5) Абрунгерн Абфильькельн Бе́змен Блатекич Бле́стцен Бос Бу́дмент Ви́ден Ви́льтерн Дерх Евек И́ниш Карбо́ле (карбом) Ла́фум Ле́ме Ли́ппер Мароха Мать Меаниес Мегера Накес Насе Пашеш Пump Рофиг Сахин Старбер Струбе Тале Тимеф Шаххад (шахход) Шацман Шнайдерлинг Шофе

Группы слов	*Ошибка описания из нем. сл.*	*Ошибка в записи из нем.*	*Смешение букв латиницы*	*Ошибка чтения латиницы*	*Ошибка копир. загл. слова*
цыганизмы	6	7	7	5	14
остальные	5	19	6	5	74

цыганизмы: 6) Алав Вудер Гав Лабарди Ланга Ланго 7) Вальши Мат

Мукле Пламена Ун Хартас Харум_паша 8) Каро Курав Лен Лоли Пушум Харал Харо 9) Падрес Тан Тувало Туло Тхван 10) Бар Биби Дром Дроме Ек Еквар Ма Ма_пен Мусе (муси) На Пелики Пело Рат Рани

остальные: 6) Е́хе Манд Пе Таубен Юд 7) Берг Бонум Вегва́йсер Го́а Е́рле Ко́хмор Ку́во Леф Нерог Оссер Сах Сикне Фледер Цайес (цайс) Шибен Шибес Шрац Шуб Шланге 8) Абцуг Аггель Гиль Даг Ер Зи́лан 9) Гене́ва Сархан Сироп Штус Эми 10) Абха́льтен Бар Барисра́ел Бла́сиус Блю́дте Вайсес Ва́лен Вальди́верн Га́мор Га́нев Гипс Говр Драт Иа́хе И́льтис Иом Иохам (иохим) Иш Иша Кайс Ка́лле Кау́ли Кассибер Ке́ле Келе́семо Ке́сав Клеза́мен Кле́мен Клемм Кранк Кроне Крёне Ку́вре Кюхе Лав Ла́у Лау́фер Ли́нзен Ло Маке Мантель Массель Массель_тоф Мелькерин Месс Метер Мис Мурфель Мусе Муфен Пегер Пех-Пих Путц Пуфф Пфайфер Раммо Рамш Рамшконе Фершто(с)сен Фихте Фукс Хаут Хевель Цавер Цинк Цирлих Цопфен Шварц Швестер Шмирлинг Шосса Шумель Шунд Юнге

Группы слов	*Ошибка описания из нем. сл.*	*Ошибка в записи из нем.*	*Смешение букв латиницы*	*Ошибка чтения латиницы*	*Ошибка копир. загл. слова*
цыганизмы	13	20	18	13	более 11
остальные	1	1	109	2	более 23

цыганизмы: 11) Драо Ефта Кариоло Лило Мури Народос Пердас Пирано Про Рандар Сасос Фезаво Цакло 12) Ак Амен Бали Бинг Бино Букло Густрин Даб Ирет Кедо Мирго Надо Нико Паки Пату Стана Талпа Фало Федело Хинтова 13) Баро Бахт Бут Гад Гив Дад Дай Дар Каар Кам Кар Лове Ме Паш Пер Ром Руп Форо 14) Кабни Кало Карик Маро Муло Мурдало Нанго Пани Пиро Ракли Чай Чукел Шаби 15) Ангрусти Бревуль Вучко Дамук Кекерашка Коро Курко Мушнав Пафарт (пафорт) Пои Сап

остальные: 11) Бре 12) Патика 13) Анше́ Ба́рлен Безу́ля Бланке Бле́мбель Ви́пер Гала́х Глит Го́ле Го́лле Даль Да́льмер Дефус Дец Ди́ле Ди́льмич Иас И́нне Ио́фе Ка́ан Ка́зер Калль Ка́льхес Ка́рлес Ка́рнет Каст Ка́ут Каф Ке́йбе

Кейм Кен Кесс Ке́тель Ке́фар Ки́бес Ки́битц Кильм Кир Китт Кла́пер Кла́фта Кнас Кну́пер Ко́берн Ко́деш Ко́тен Ко́фель Ко́хем Ла́бина Лабо́на Ла́вен Ла́йле Ла́кер Лау́ра Ле́ер Ле́йне Лекс Линц Луфт Мелохе Нафке Некеф Неле Нер Нефель Орас Ори Орон Перец Падде Пеца Пецира Пильмерн Рош Ручен Сам Сасерн Серф Суф(ф) Табель Танер Тантель Тафель Типель Тоф Тофель Трефе Унбляхтер Файшель Фем Хенас Хехтлинг Хон Царфес Цвик Цон Цофон Шаб Шибес Шее Шем Шмаль Шму Шнут Шоно Штике Штиё Шук Шуре 14) Вирф Хинд 15) Адда Боди Га́вер Гавро́ш Галте́ Грац Иа́не Ке́мель Кле_зо́хов Кле_ке́сеф Ней Репелинг Рехем Сиро Сиуган Соль Сохре Уаннабиз Фош Хем Цафлер Цолобель Юнк

Приложения к 6.3

Прил. 6.3-1. ***Список из 362 жаргонных слов, которые могут восходить к цитатам из словаря Даля***

Абаим	обманщик	Д<аль>
Абас	бестолковый (толкование от др. слова)	Д [Шаповал 2001: 32] [Шаповал 2002: 30] [Шаповал 2003а: 303]
Абодье	время удачи (толкование от др. слова)	Д [Шаповал 2002: 29] [Шаповал 2003а: 303]
Абрек	беглец; бандит (толк. правлено по Далю)	Д [Шаповал 2002: 22]
Абцуг	метка (не мѣтка)	Д [Шаповал 2001: 26, 30][Шаповал 2002:]
Аводь	клятва	Д
Агач	полуторный пай (знач. взято из Даля)	Д [Шаповал 2002: 20]
Аггель	черт (смешение Ъ – ь)	Д [Шаповал 2002: 24]
Агрегат	слёжка (не слѣжка)	Д [Шаповал 2001: 31]

		[Шаповал 2002:]
Алакарь	оскорбление (смешение к – х, толкование от др. слова)	Д [Шаповал 2002: 29] [Шаповал 2003а: 303]
Алашить	шуметь	Д
Алодь	объект (толкование от др. слова)	Д [Шаповал 2002: 30]
Алыра	обманщик	Д
Алыргать	мошенничать (алыр<u>ни</u>**ч**ать, смешение г – ч, пропуск -ни-)	Д [Шаповал 2002: 26]
Алырить	мошенничать	Д [Шаповал 2002: 25]
Алюсник	нищий	Д
Аман	сдаюсь	Д
Аманья	льстец (смешение м – н)	Д [Шаповал 2002: 25]
Андрогин	женоподобный (метатеза)	Д [Шаповал 2002: 26]
Андромеда	бесплодная (фантомное слово)	Д [Шаповал 2001: 32] [Шаповал 2002: 27]
Апирексия	период между арестами (криминализация толкования)	Д [Шаповал 2002: 31]
Аред	выживший из ума (неверное толкование)	Д [Шаповал 2002: 31]
Арина	оскорбление	Д
Аркуш	лист	Д
Атама	сонливость (от наркотиков?)	Д
Бажить	желать	Д
Бакса	украшение (баса)	Д [Шаповал 2002: 26]
Бакшиш	подарок	Д
Бармица	бусы (архаизм, неверное толкование)	Д [Шаповал 2002: 34]
Батас	нож большого размера	Д
Бахмур	головокружение	Д
Бензоль	художник (смешение е – о, толкование от др. слова)	Д [Шаповал 2002: 30]
Бет	недобор	Д

Бетить	арестовывать (криминализация толкования)	Д [Шаповал 2002: 31]
Бистури	нож небольшой	Д
Блицы	грибы	Д
Бобыня	спесивый	Д
Боршать	сердиться	Д
Бужи	свечи (мн.)	Д [Шаповал 2002: 27]
Булга	склока	Д
Бусла́й	разбитной, разгульный (о человеке) [М: 90]	Д
Бутор	бред	Д
Ва́бить	соблазнять обещениями [М: 91]	Д
Валоха	рубашка	Д
Вахлачка	мужеподобная?	Д [Шаповал 2002: 27]
Вздонжить	сделать на зло	Д
Волога	жир	Д
Во́роп (воропай)	грабеж, нападение [М: 97]	Д
Всхизать, Всхезать	1. Переживать, горевать. 2. Сердиться, злиться, проявлять недовольство [ББИ: 49]	Д
Втапоры	тогда	Д
Вызлунь	глупец	Д
Вылукать	выбросить	Д
Вынь	пояс	Д
Выропать	передать (мнимое слово, выразить?)	Д [Шаповал 2002: 26]
Выслов	проговорка (смешение Ъ – ь)	Д [Шаповал 2002: 24]
Вытва	яд (знач. расширено, из Даля)	Д
Вычадок	ребенок, не похожий на родителей [ББИ: 52]	Д
Гагри	обед (знач. расширено, из Даля)	Д
Газить	ломать	Д

Галей	рыба (знач. расширено, из Даля)	Д
Галить	высмеивать (толкование от др. слова)	Д [Шаповал 2002: 30] [Шаповал 2003а: 303]
Гапить	кричать	Д
Гарасить	бить	Д
Гармала	еда не по вкусу (толкование ложное)	Д [Шаповал 2002: 30]
Гезель	ученик, помощник вора (криминализация толкования)	Д [Шаповал 2002: 31]
Гиль	мятеж (архаизм)	Д [Шаповал 2002: 34]
Гирший	дряхлый	Д
Глеча	жемчуг (толкование от др. слова)	Д [Шаповал 2001: 32] [Шаповал 2002: 30] [Шаповал 2003а: 304]
Гмара	дым от наркотика (криминализация толкования)	Д
Гобзить	совершать половой акт (толкование ложное)	Д [Шаповал 2002: 30]
Говеть	голодать в карцере (криминализация толкования)	Д
Голутва́	отдельные члены развалившейся шайки [М: 105]	? Д
Гоно́ша	скупец, **жадный** [М: 106]	Д
Гоношить	собирать, копить; сколачивать группу для чего-либо [М: 106]	Д
Го́рлянка	женщина [М: 106] (горлинка?)	Д
Гребта	опасность (неверное толкование)	Д
Гри́вна	медальон, ладанка [М: 108]	Д
Гро	плотная шелковая ткань	Д
Гуда	завод	Д
Гуза́ть	трусить, **не выполнять обещаний**	Д

	[М: 108]	
Гуляф	роза	Д
Гуна	обноски (знач. взято из Даля)	Д [Шаповал 2002: 20]
Гунак	теленок	Д
Гу́рий	условный опознавательный знак [М: 109]	Д
Гуриться	раскаиваться	Д
Гутин	геморрой	Д
Гы́ля	неуклюжий, долговязый человек [М: 109]	Д
Гы́ча	голова [М: 109]	? Д
Дедер	черт	Д
Дедюлить *Дидюлить*	воровать по мелочи	Д
Дёма	обманщик; плут [М: 112]	Д
Дефтер	документ (архаизм)	Д [Шаповал 2002: 34]
Дибет	работа (смешение Ъ – ь, мнимое слово)	Д [Шаповал 2002: 24]
Доба	время	Д
Доро́дно	много [М: 115]	Д
Драчи́ть	нежить, тешить себя [М: 116]	Д
Дрян	труп (смешение Ъ – ь, криминализация толкования)	Д
Дудора	дрянь [М: 116]	Д
Ды́ля	нога [М: 117]	Д
Дыля́ть	ходить [М: 117]	Д
Дю́ндик	прыщ; человек маленького роста [М: 118]	Д
Дябеть	выжидать жертву для грабежа (криминализация толкования)	Д
Ега́ться	дать слово, пообещать [М: 118]	Д
Ела	лодка (смешение е – ё)	Д [Шаповал 2002: 23]

Елака / Елаха	брага, пиво (смешение к – х)	Д [Шаповал 2002: 25]
Елоп	глупец (смешение е – ё)	Д [Шаповал 2002: 23]
Ерила	ярмарка	Д
Е́ркнуть	ударить [М: 118]	Д
Ерник	осторожный, хитрый человек [М: 118]	Д
Ерусалим	место хранения ценностей	Д
Ерутина	любимый, милый	Д
Ехнуть	позвонить (смешение е – ё, неверное толкование)	Д [Шаповал 2002: 24 26]
Жа́лоба	траур; сожаление [М: 119]	Д
Жаргон	драгоценный камень	Д
Жах	испуг	Д
Жгода	грусть	Д
Жемжу́ра	бойкая, вертлявая женщина (знач. правлено по Далю)	Д [Шаповал 2002: 22]
Жени́ровать	беспокоить; **надоедать**; стеснять [М: 120]	Д
Жень	стремянка	Д
Жех	карманный вор; плут, мошенник [М: 119]	Д
Жижка	поросенок	Д [Шаповал 2002: 28]
Жи́зточка	**возлюбленный**, милый [М: 120]	Д
Жико́вина	перстень [М: 120]	Д
Жи́чить	наказывать [М: 121]	Д
Жуда	беда	Д
Забара́бать	**арестовать** [М: 121] (криминализация толкования)	Д
Забомлы́ть	удушить сонного человека [М: 123] (*затомлять* у Даля – заморить... до смерти)	Д
Завирова́ть	задержать; подкупить [М: 122]	Д

	(задарить)	
Заврить	заснуть (засунуть)	Д [Шаповал 2001: 32] [Шаповал 2002: 26] [Шаповал 2003a: 303]
Зага́ить	**уличить** [М: 122] (толк. от *заганивать*)	Д
Загомзить	скрыть	Д
Загрева	опасность (криминализация толкования)	Д [Шаповал 2002: 31]
Загу́бный	наркотик [М: 122] (криминализация толкования)	Д
Заевый	лишний	Д
Зазло́бно	обидно, оскорбительно [М: 123	Д
Зазной	страсть	Д
Заклон	запад; солнечный ветер [М: 123]	Д
Залаза	завистник	Д
Заму́лить	клянчить; просить что-либо [М: 124] (несовершенный вид вырван из толкования Даля)	Д
Зано́за	лошадь [М: 124] (толкование с соседней строки)	Д [Шаповал 2003a: 303][Шаповал 2003b: 198]
Занури́ть	погрузить в воду; пустить ко дну [М: 124]	Д
Запрандова́ть	браковать что-либо с пристрастием; усиленно действовать с какой-либо целью [М: 125] (несовершенный вид вырван из толкования Даля)	Д
Запука	примета, суеверие	Д

Зару́чная	деловая бумага; подписанный договор [М: 125]	Д
Заскуратать	заболеть (заскуртать)	Д [Шаповал 2002: 26]
Засоби́ть	купить; присвоить [М: 125]	Д
Заспа́	крупа [М: 125]	Д
Затазить	убить (криминализация толкования)	Д [Шаповал 2002: 32]
Затя́мить	позабыть [М: 126]	
Заха́рлить	присвоить; утаить чужое [М: 126]	Д
Зе́мко	внимательно [М: 127]	Д
Зень	земля; пол [М: 127]	Д
Зепать	громко кричать, шуметь [Б: 92	Д
Зепь	карман	Д
Зилан	змея	Д
Змеевец	свеча (неверное толкование)	Д [Шаповал 2002: 27]
Зник	отдых после тюрьмы (криминализация толкования)	Д [Шаповал 2002: 32]
Зной	крик, скандал, шум; рана [М: 128] (толк. от *зой*)	Д
Знос	терпение	Д
Зоил	завистник, злодей	Д
Золок	заря	Д
Зори́ть	предостерегать [М: 128] (вм. *подстерегать*)	Д
Зотка	хвастун, всезнайка	Д
Зю́кать	разговаривать; рассуждать [М: 128]	Д
Исад	базар (архаизм)	Д [Шаповал 2002: 34]
Кам	солнце	Д
Катули	багаж	Д
Кудло	пепел (неверное толкование)	Д [Шаповал 2002: 26]
Куша	временное жилье (смешение ш – щ)	Д [Шаповал 2002: 25]

Ла́йда	**<u>безденежье</u>** [М: 153] (переосмысление слова *мель*)	Д
Локошник	зависимый (смешение т – ш, мнимое слово), если не от *локш*	Д [Шаповал 2002: 25, 27]
Немелое	законно приобретенное (шутливое переосмысление и трансформация слова немилое?)	Д [Шаповал 2002: 37]
Ня́ша	**<u>непроходимое место</u>** [М: 179]	Д
Пада́ра	<u>вьюга</u> [М: 188]	Д
Пасть	провал, пропасть	Д
Па́ха	залив [М: 191	Д
Перелаз	брод (неверное толкование)	Д
Понос	сильный ветер (толкование от соседнего словосочетания)	Д? [Шаповал 2003а: 304]
Путник	тропинка в лесу	Д
Пухтарь	врач, фельдшар	Д
Рagóза	<u>ссора; брань</u> [М: 217]	Д
Разбитно́й	<u>ловкач</u>, хитрый; ищущий выгоду для себя [М: 217]	Д
Разлу́ки, Разлу́ка	перекресток [М: 218]	Д
Размо́деть	раскиснуть, ослабеть [М: 218]	Д
Разнужить	разжалобить	Д
Разобуртело	рассвело (метатеза)	Д [Шаповал 2001: 32] [Шаповал 2002: 26]
Раить	советовать	Д
Ракса	монисто (неверное толкование)	Д [Шаповал 2001: 32] [Шаповал 2002: 27]
Рамжа	непроданное краденое (криминализация толкования)	Д [Шаповал 2002: 32]
Рамо	сила, власть	Д
Растаг	день отдыха	Д

Растепеля	неряха	Д
Рахова́ть	считать [М: 220]	
Рачить	усердно работать. 2.желать, хотеть (омонимы)	Д
Ревень	колодец	Д
Ревка	лес	Д
Редрый	рыжий (архаизм)	Д [Шаповал 2002: 34]
Ремеса́	перевод денег [М: 221]	Д [Шаповал 2003] [Шаповал 2006а]
Ри	болото	Д
Рига	беда (знач. взято из Даля)	Д [Шаповал 2002: 20]
Рота	кличка [ББИ: 212] (вм. *клятва*?)	
Ро́ча	притон в лесу [М: 223]	Д
Рта	лыжи (мн.?)	Д [Шаповал 2002: 28]
Рундук	магазин (неверное толкование)	Д
Ру́пас	хлам, дрянной **товар** [М: 223]	Д
Рупить	опасаться	Д [Шаповал 2002: 28]
Рыжить	гадать, испражняться (смешение а – и, неверное толкование)	Д [Шаповал 2002: 24]
Рым	дом (независимо от Даля)	Д
Ры́нда	телохранитель; лицо, подающее **сигнал** [М: 224]	Д
Рюха	засада	Д
Ряд	деревня (неверное толкование)	Д
Ряса	тундра	Д
Сайва	тайник запасов для побега (криминализация толкования)	Д [Шаповал 2002: 32]
Сакать	советоваться (знач. взято из Даля)	Д [Шаповал 2002: 21]
Салады́чить	сплетничать; **наговаривать** [М: 225] (смешение д – л)	Д
Сбатовать	связать (знач. расширено, из Даля)	Д [Шаповал 2002: 20-21]

Сбивка	плут, мошенник	Д
Сбузыкать	столкнуть	Д
Сверц	прокол (напр., в билете)	Д
Свигать	прогуливаться, ходить без дела	Д
Свирон	склад	Д
Сви́тка	козырь [М: 228]	Д
Святик	родник	Д
Сгнета́ть	сдавливать, сжимать [М: 228]	Д
Сго́лдить	убедить [М: 228]	Д
Сгоноши́ть	собрать [М: 228]	Д
Сгумить	украсть	Д
Себер	соучастник (криминализация толкования)	Д [Шаповал 2002: 32]
Серёга	кляча, дохлятина [М: 230], ср.: **СЕРЕГА́**?	Д
Сеун	хорошая новость (смешение Ъ – ь, мнимое слово)	Д [Шаповал 2002: 24]
Сзавару	сгоряча	Д
Сиковать	сердиться, браниться, психовать [Б: 223]	Д
Сипу́ха	метель [М: 231]	Д
Сиуган	стыд (смешение Ъ – ь, неверное толкование)	Д
Ска́ра	кожа, шкура [М: 232] (архаизм)	Д
Скес	черт (знач. взято из Даля)	Д [Шаповал 2002: 21]
Скомля	болезнь, недуг	Д
Сконать	убить	Д
Скопа	воровка-цыганка (шутливая трансформация толкования Даля?)	Д
Скотц	индивидуалист» [М: 233] (*ско**пе**ц*, «все страсти их обратились в корысть и стяжание»)	Д

Скрин	ночка (толкование ошибочное)	Д [Шаповал 2001: 29] [Шаповал 2003b: 199]
Слызить	струсить	Д
Слюнда	пьяница	Д
Смага	жар (архаизм)	Д [Шаповал 2002: 34]
Снага	здоровье (толкование от др. слова)	Д [Шаповал 2002: 30] [Шаповал 2003a: 304]
Снафида	богато (?) одетая женщина	Д
Сни́тить	уничтожить [М: 235] (от *нѣтъ*)	*Д*
Снота	умение	Д
Согра	незнакомая, непроходимая дорога (неверное толкование)	Д
Соло́щий	жадный [М: 236]	Д
Сохутить	украсть (криминализация толкования)	Д
Спафей	бродяга	Д
Спочка́ть	поймать врасплох [М: 238]	Д
Степка	кладовая (смешение е – ё)	Д [Шаповал 2002: 24]
Стижь	погоня	Д
Страва	плохая еда (знач. сужено, из Даля)	Д [Шаповал 2002: 21]
Съе́тить	свести кого-то с кем-то [М: 244]	Д
Сю́ва	кладбище мусульман [М: 244]	Д
Ся	сестренка [М: 244]	Д
Ся́бер	товарищ, одноделец [М: 244]	Д
Тайстра	мешок	Д
Талагай	тунеядец	Д
Танак	делец (неверно понятое толкование)	Д [Шаповал 2002: 27]
Тандит	сбытчик (толкование от др. слова)	Д [Шаповал 2002: 30] [Шаповал 2003a: 304]
Тартыга	пьяница	Д
Тезево	живот	Д

Темяшить	запоминать	Д
Тиро	удар в лоб (шутливая трансформация толкования Даля?)	Д
Тоня	– большая прибыль; притон [Ми 248]	Д
Треф	недозволенное	Д
Тула	притон	Д
Тулпе́га	фригидная женщина [М: 252]	Д
Турту́шка	осужденный, носящий спецодежду [М: 252] **ТУРУ́ШКА** ж. *колывн*. завд. чугунная доска съ дырой, чрезъ которую выпускается расплавленный веркблей [Даль-IV: 444]	? Д
Тута	уныние (смешение г – т)	Д [Шаповал 2002: 25]
Ты́нда	неряха; периферия [М: 253]	Д
Тюшка	щель	Д
Тяхать	бить (пропуск буквы в заглавном слове, криминализация толкования)	Д
Увет	ласка (неточное толкование)	Д [Шаповал 2002: 28]
Увя	новорожденный	Д [Шаповал 2002: 28]
Углан	нелюдимый (знач. взято из Даля)	Д [Шаповал 2002: 21]
Угола	физический изъян	Д
Уйта	безлесное болото	Д
Ука	смесь молока с водкой (шутливая трансформация толкования)	Д [Шаповал 2002: 37]
Умрить	успокоить (пропуск буквы, толкование от др. слова)	Д [Шаповал 2002: 29] [Шаповал 2003а: 303]
Упудить	запугать	Д
Ура́бить	сделать отметку; ударить чем-то,	Д

	оставляющим шрам, след на теле [М: 256]	
Урнуть	исчезнуть	Д
Уснуть	выкупаться в ванной (смешение букв д – н, толкование по догадке?)	Д? [Шаповал 2003а: 303]
Урса	куча	Д
У́халка	бойкая женщина [М: 259]	Д
Ухетать	убить (криминализация толкования)	Д [Шаповал 2002: 32]
Фаля	разиня	Д
Фая	хвойный лес	Д
Форель	псих (ср. *февраль*, шутливая трансформация толкования Даля?)	Д [Шаповал 2002: 37]
Фоска	ничтожная по игре карта [Мильяненко 1992: 261], *фоска* – ‘мелкая карта; незначительный человек’ (Б. Акунин, «Статский советник», М., 2000. С. 136)	Д [Шаповал 2003b: 198]
Фу́за	притон для торговли краденым [М: 262]	Д
Фурсик	человек небольшого роста	Д
Хак	слабохарактерный человек [М: 264] (толкование от др. слова: *Халабру́й*, разгильдяй)	Д
Халту́га	взяточник; непостоянный человек [М: 264]	Д [Шаповал 2003а: 304]
Халять	брести	Д
Харал	место (неверное толкование)	Д [Шаповал 2002: 27]
Харатка	завистливая женщина	Д
Хирка́	девушка [М: 267]	Д
Хита	несчастье	Д

Хлуба́	хлам; мусор; болезнь [М: 267] (смешение б – д)	Д
Хриза	высокая, худощавая женщина	Д
Хруш	скупщик (жук)	Д [Шаповал 2002: 24]
Хрять	идти	Д
Худук	колодец	Д
Хуповый	опытный (смешение а – о)	Д [Шаповал 2002: 25]
Ца́ца	золотая монета [М: 270] (толкование от др. слова)	Д [Шаповал 2003а: 303]
Цвай	чай	Д
Цвелить	дразнить (архаизм)	Д
Цвик	гвоздь (смешение к – н?)	Д [Шаповал 2002: 25]
Цмыга	голод	Д
Цолнер	таможенный досмотр (архаизм, неверное толкование)	Д
Чабун	деньги в монетах	Д
Чаж	носки (мн.?)	Д [Шаповал 2002: 28]
Чака	мясо	Д
Чамови́тый	спесивый; гордый [М: 272]	Д
Чан	голова [М: 272] (неверное толкование)	Д
Чапить	подносить	Д
Чвирц	женщина легкого поведения [М: 272]	? Д
Чвирь	водка	Д
Чере́п	надежное укрытие [М: 273]	Д
Чит	дождь	Д
Читый	трезвый	Д
Чукле́ть	приносить в жертву [М: 276]	Д
Чуко́вый	умный, сообразительный [Б: 282]	Д
Чуча	глупый	Д
Шар / Шара	вываренный чай	Д

Шиба́рта	смелость, дерзость [М: 279]	Д [Шаповал 2003а: 304]
Шибарт-ный	1. Дерзкий. 2. Смелый, отважный [Б: 287]	Д [Шаповал 2003а: 304]
Шида	шелк (архаизм)	Д
Шира	мышь	Д
Шихан	бугор	Д
Шка́па	крупная женщина; лошадь [М: 280]	Д
Шкиль	монета (архаизм)	Д
Шни	вздор	Д
Шобоны	обноски	Д
Шойда	тайный беспошлинный провоз чая [М: 282]	Д
Шопа	сарай	Д
Шор	соль	Д
Штитка	шестерка (архаизм)	Д
Шушпан	бездельник (толкование от др. слова)	Д [Шаповал 2002: 29] [Шаповал 2003а: 303]
Щабный	больной (смешение б – д)	Д [Шаповал 2002: 25]
Юша	промокший	Д
Ягать	кричать	Д
Яглить	гореть нетерпением [М: 287]	Д
Ягодица	щека [Б: 301]	Д
Я́гра	провалившаяся квартира, место сходок [М: 287]	Д
Ядало	рот	Д
Ялыман	наглый мошенник	Д
Ярило	грабитель (толкование ложное)	Д [Шаповал 2002: 32]
Ярлычить	1. Нищенствовать. 2. Жаловаться [Б: 302]	Д
Ярмо́	срок наказания [М: 287]	Д
Яру́г	ключ, отмычка [М: 288]	Д

Ярыжник	развратник [М: 288]	Д
Яса	тревога (архаизм)	Д
Ясырь	проигравшийся картежник	Д
Ячать / Ячить	жаловаться	Д
Яшка	похлебка	Д [Шаповал 2002: 28]

ХАРАКТЕРИСТИКА ВАЖНЕЙШИХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аникин 2000 – *Аникин, А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков / А.Е. Аникин. – 2-е изд., доп. – Новосибирск: Наука, 2000. – 765 с. По прикидочным подсчетам В.Ш. – около 6000 позиций.

Аникин Александр Евгеньевич (род. 10 декабря 1952, Новосибирск) – д.ф.н., советский, российский лингвист, специалист в области этимологии, теории языковых контактов, славяно-русского языкознания и литературоведения. Член-корреспондент РАН с 22 мая 2003 по Отделению историко-филологических наук (секция языка и литературы).

2. Аникин- – *Аникин, А.Е.* Русский этимологический словарь / А.Е. Аникин. – Вып. 1-3. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007-2009; Вып. 4-6. – М.: Знак, 2012; Вып. 7. – М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2013; Вып. 8-9. – М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Ин-т филологии Сибирского отделения РАН, 2014-2015.

Рец.: [Добродомов 2010а: 262-275; Добродомов 2012: 320-335].

3. Анищенко 2007 – *Анищенко, О.А.* Словарь русского школьного жаргона XIX века / О.А. Анищенко. – М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2007. – 368 с. По прикидочным подсчетам В.Ш. – около 1040 позиций.

Анищенко Ольга Александровна, д.ф.н., проф. – Центр науки Кокшетауского государственного университета имени Ш. Уалиханова. Участник лексикографического проекта «Словарь русского языка XIX» (Институт лингвистических исследований РАН, Россия, Санкт-Петербург).

Рец.: [**Шаповал 2007е**: 296-312].

4. Балдаев 1997- – *Балдаев, Д.С.* Словарь блатного воровского жаргона /

Д.С. Балдаев. – В 2-х тт. – М.: Кампана, 1997. По прикидочным подсчетам В.Ш. – более 13680±300 позиций.

Данциг (или *Данцик* [ББИ 1992: 528]) *Сергеевич Балдаев* (1925 – 2005) – российский сотрудник правоохранительных органов, полковник милиции, художник. Родился в 1925 году в семье богатого бурятского фольклориста и этнографа Сергея Петровича Балдаева. После окончания с отличием Кавказской школы милиции в 1957 году – работал в Ленинградской криминальной милиции. В 1981 году вышел на пенсию. Вплоть до своей смерти занимался сбором и систематизацией тюремного фольклора, татуировок, составлением словаря уголовного языка (фени). «Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона» (ББИ), составивший основное содержание книги Д.С. Балдаева, В.К. Белко, И.М. Исупова «Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона: речевой и графический портрет советской тюрьмы» [ББИ 1992: 15-302], вышел вторым изданием в 1997 г. с незначительными дополнениями и под авторством одного Д.С. Балдаева [Балдаев 1997-I/II]. Оценка автора настоящего исследования при помощи подсчета среднего количества слов на странице и объёма, занятого словарём, показывают, что ББИ содержит больше слов, чем объявлено, а второе издание показывает несколько меньший результат. Может быть, это недостаток оценки, поскольку просмотр показывает отсутствие пропусков и потерь.

5. ББИ 1992 – *Балдаев, Д.С.* Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона / Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов. – Одинцово: Края Москвы, 1992. – 526 с.

«Словарь содержит около 11 тыс. лексических единиц, причем в большинстве своём это активная лексика» [ББИ 1992: 3; Дубичинский 2008: 261]. По прикидочным подсчетам В.Ш. – 15030±400 позиций. Число 11000 слов могло быть выбрано как показатель превосходства над ТСУЖ.

Рец.: [Плуцер-Сарно 1998: 5].

6. Бец, Ванька. Босяцкий словарь. Опыт словотолкователя выражений,

употребляемых босяками. Сост. по разным источникам Ванька Бец. – Одесса, 1903. – 8 с. [**Репринт:** 1) Horbatsch 1978: 18-19; 2) СРВС. – Т.1. – С. 55-62].

Бец Ванька – псевдоним И.К. Авдеенко. Около 100 слов и выражений: по подсчетам О. Горбача, 4 арготизма одесских босяков, 10 – московских, 11 – тюремных, 73 – без точной локализации [Horbatsch 1978: 16].

7. Бронников (1990) – [*Бронников, А.Г.*] 10 000 слов: Словарь уголовного жаргона / А.Г. Бронников. – [Пермь: без изд-ва, 1990]. – 52 с. Указано 10 000 слов. По оценке В.Ш. – 7120±200 позиций.

Бронников, Аркадий Григорьевич. Того же автора: Татуировки у осужденных, их классификация. Криминалистическое значение [Текст]: пособие-альбом / А.Г. Бронников. – М.: МФЮЗО при Академии МВД СССР, 1980. В качестве второго автора словаря «10 000 слов» с теми же выходными данными, но с грифом ДСП, назван Ю.П. Дубягин [Дубягина, Смирнов 2001: 6, прим. 1]. В предисловии к словарю «10 000 слов» генерал-майор милиции В.И. Федоров сообщил, что ранее словари того же автора с грифом «Для служебного пользования» содержали 1540 слов и выражений (первый, в 1977 г.), 5000 слов и выражений («последний», в 1983 г.). Такое особое акцентирование в качестве достижения именно объёма словаря не позволяет трактовать выявленное расхождение между декларируемым и реальным объёмом словника как недоразумение. «Последующие же составители, как правило, пользовались словарями Попова (1912), Потапова (1927) и некоторыми другими» [Плуцер-Сарно 2000: 209].

8. Бурнашев- – *Бурнашев, В.Н.* Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного / В.Н. Бурнашев. – Т. I – СПб.: тип. К. Жернакова, 1843. – XII, 487 с.; Т. II. – СПб.: тип. К. Жернакова, 1844. – 415 с.

Бурнашев, Владимир Петрович (1809 – 1888) – литератор. В конце жизни переписывался с Н.С. Лесковым [РГАЛИ. Ф. 207. Оп. 1. Ед. хр. 4, 12, 209],

который довольно откровенно характеризовал Бурнашева как человека слабого.

О нём: *Лесков, Н.С.* Первенец богемы в России // Исторический вестник. – № 6. – 1883. – С. 534–564.

Рец.: *Некрасов, Н.А.* Полное собрание сочинений и писем в 15 томах. – Том 11. Книга 1. Критика. Публицистика (1840–1849). – Л.: Наука, 1989. (Впервые опубликовано: ЛГ, 1844, 29 июня, No 25, с. 430-431, без подписи.)

9. Быков 1994 – *Быков, В.Б.* Русская феня. Словарь современного интержаргона асоциальных элементов / В.Б. Быков. – Смоленск: ТРАСТ-ИМАКОМ, 1994. – 223 с. «Содержит около 3500 слов и выражений». С иллюстративными примерами из художественых текстов.

Быков, Владимир Борисович, д.ф.н., проф. (1953-2006) – закончил Смоленский государственный педагогический институт, где и начал трудовую деятельность. В период с 1989 по 2003 г. возглавлял кафедру славистики Берлинского университета им. Гумбольта.

10. Бычков 1872 – *Бычков, А.Ф.* Слова Валдайского уезда и Владимирской губернии, извлеченные из доставленных в Отделение материалов / А.Ф. Бычков // Сборник ОРЯС. – 1872. – Т. 8. – С. XLIII-XLVII.

Бычков, Афанасий Фёдорович (1818-1899) – русский историк, археограф, библиограф, палеограф, академик Петербургской Академии наук (1869 год), директор Императорской публичной библиотеки (1882–1899 годы), член Государственного совета (с 1890 года).

11. Вальтер, Мокиенко, Никитина 2005 – *Вальтер, Х.* Толковый словарь русского школьного и студенческого жаргона: ок. 5000 слов и выражений / Х. Вальтер, В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 364 с.

Вальтер, Харри (*Harry Walter, Prof. h.c. Dr. Dr. h.c.*). Эрнст-Моритц-Арндт Университет г. Грайфсвальда: Философский факультет, Институт славистики.

Мокиенко Валерий Михайлович, д.ф.н., проф. (род. 16.02.1940) – профессор кафедры славянской филологии филологического факультета Санкт-

Петербургского университета; главный научный сотрудник Института филологических исследований СпбГУ; профессор Института славистики Эрнст-Моритц-Арндт-Университета г. Грайфсвальд (Германия).

Никитина, Татьяна Геннадьевна, д.ф.н., проф., заведующая кафедрой теории и методики гуманитарного образования, доктор филологических наук, профессор; в 1985 году защитила кандидатскую диссертацию (ЛГУ), в 1995 году – докторскую диссертацию (СПбГУ).

Рец.: [Шаповал 2006: 750-757].

12. Вахитов 2001 – *Вахитов, С.В*. Словарь уфимского сленга / С.В. Вахитов. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2001. – 262 с.

Вахитов, Салават Венерович (род. 06 июня 1961). Башкирский Государственный Университет, филологический факультет, выпуск 1987 года. Кандидат филологических наук. Директор издательско-полиграфического комплекса «Вагант» (БГПУ им. М. Акмуллы).

13. Вахитов 2007 – *Вахитов, С.В*. Карточная терминология и жаргон XIX века: Словарь / С.В. Вахитов. – М.: А Темп, 2007. – 296 с.

14. Виноградов 1927 – *Виноградов, Н.Н*. Условный язык заключенных Соловецких Лагерей Особого Назначения / Н.Н. Виноградов // Из работ Криминологической секции. Соловецкое общество Краеведения. Материалы. – Вып. XVII. – Соловки, 1927. – С. 29-46. [**Репринт:** 1) Horbatsch 1978. – S. 19-26; 2) СРВС. – Т. III. – С. 43-72]. «Слова, записанные во Владимирской тюрьме» [С. 29-30] – 51 позиция. «Словарь соловецкого условного языка. Собрал Н. Виноградов» [С. 31-46] – 439 позиций, по подсчету О. Горбача [Horbatsch 1978: 14-15].

Виноградов, Николай Николаевич (1876–1938) – историк, этнограф, фольклорист. Заведующий музеем Соловецкого общества краеведения. С 1932, после разорения Соловецкого музея, работал в Карельском НИИ культуры в Петрозаводске. Расстрелян 8 янв. 1938 в урочище Сандармох. Реабилитирован 1 июня 1963 ВС КарелАССР.

О нём: [*Лихачев, Д.С.* Статьи ранних лет. – Тверь: Тверское обл. отд. Российского фонда культуры, 1993. – С. 28, 29].

15. Воривода 1971 – *Воривода, И.П.* Сборник жаргонных слов и выражений, употребляемых в устной и письменной речи преступным элементом / И.П. Воривода; ред. Н.И. Дураев. – Алма-Ата: <МВД Казахской ССР>, 1971. – 100 с. [**Репринты:** 1) СРВС. – Т. IV. – С. 155сл. 2) *Воривода, И.П.* Сборник жаргонных слов и выражений, употребляемых в устной и письменной речи преступным элементом / И.П. Воривода. – М.: Красный матрос, 2009. – 100 с. (Серия «Репринт», книга 10.)].

Воривода, Иван Прокопьевич. Редактор является автором статьи: *Дураев Н.И.* Роль стенной печати в исправлении и перевоспитании осужденных // Актуальные проблемы исправительно-трудовой науки и практики в свете решений XXIV съезда КПСС. – Алма-Ата: Изд-во Караганд. ВШ МВД СССР, 1972. – С. 303-310.

16. Воробьева 2002 – *Воробьева, И.А.* Словарь диалектизмов в произведениях В.М. Шукшина / И.А. Воробьева. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. Ун-та, 2002. – 109 с.

Воробьева, Ида Александровна (1929–1996). Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор филологических наук, проф. Алтайского государственного университета с 1973 по 1990 год. И.А. Воробьевой – исследователь географических названиях Западной Сибири.

17. Герасимов 1893 – *Герасимов, М.К.* О говоре крестьян южной части Череповецкого уезда Новгородской губернии / М.К. Герасимов // Живая старина. – 1893. – Вып. III. – Отд. 2. – С. 374-388.

Герасимов, Михаил Кондратьевич. Земский фельдшер: родился в г. Весьегонске, окончил Санкт–Петербургскую военно–фельдшерскую школу, шесть с половиной лет прослужил военным фельдшером. С 1882 г. М.К.Герасимов служит фельдшером в Уломской волости Череповецкого уезда Новгородской губернии.

18. **Герасимов 1898** – *Герасимов, М.К.* Материалы лексикографические по Новгородским говорам. Слова Череповецкие / М.К. Герасимов // Живая старина. – 1898. – Вып. III-IV. – Отд. 2. – С. 393-399.

19. **Герасимов 1910** – *Герасимов, М.К.* Словарь уездного Череповецкого говора / М.К. Герасимов // Сборник ОРЯС. – 1910. – Т. 87. – № 3. – С. 1-111.

20. **Грачёв 1991** – *Грачёв, М.А.* Словарь дореволюционного арго / М.А. Грачёв. – Нижний Новгород: Жеко, 1991. – 128 с.

Грачев М. А., д.ф.н., проф. зав. кафедрой русской филологии и общего языкознания (Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова).

21. **Грачёв 1992** – *Грачёв, М.А.* Язык из мрака. Блатная музыка и феня / М.А. Грачёв. – Нижний Новгород: Флокс, 1992. – 196 с.

22. **Грачёв 2003** – *Грачёв, М.А.* Словарь тысячелетнего русского арго / М.А. Грачёв. – М.: Рипол Классик, 2003. – 1120 с.

23. **Грачёв 2006** – *Грачёв, М.А.* Словарь современного молодежного жаргона / М.А. Грачёв. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – 672 с. – (Школьные словари).

24. **Грачёв 2006а** – *Грачёв, М.А.* Толковый словарь русского жаргона / М.А. Грачёв. – М.: ЮНВЕС, 2006. – 703 с. (Серия «Словарная классика».) Более 6000 жаргонизмов.

Рец.: [**Шаповал 2007f**: 306-314].

25. **Грачёв, Мокиенко 2000** – *Грачёв, М.А.* Историко-этимологический словарь воровского жаргона / М.А. Грачёв, В.М. Мокиенко. – СПб.: Фолио-Пресс, 2000.– 256 с. (Серия «Каждому обо всем».)

26. **Грачёв, Мокиенко 2009** – *Грачёв, М.А.* Русский жаргон. Историко-этимологический словарь воровского жаргона / М.А. Грачёв, В.М. Мокиенко. – М.: АСТ-Пресс, 2009. – 336 с. (Серия «Малые настольные словари русского языка».)

27. **Даль, офенские материалы:** *Даль, В.И.* Офенско-русский словарь

[Бондалетов 2004: 240-350] (включает около 3850 единиц, по подсчетам В.Ш.).

Русско-офенский словарь [Бондалетов 2004: 351-439] (около 5000 единиц). Второе издание, исправленное: [Бондалетов 2005].

Даль Владимир Иванович (1801-1872) – занимался по поручению графа Л.А. Перовского условными языками русских ремесленников, офеней, преступников, результатом чего явились «Офенско-русский словарь» [Бондалетов 2004: 240-350] (1854 г.) и «Русско-офенский словарь» (1855 г.) [Бондалетов 2004: 28-35].

Рец.: [**Шаповал 2004b**: 97-99].

28. Деметеры 1990 – *Деметер Р.С., Деметер П.С.* Цыганско-русский и русско-цыганский словарь (кэлдэрарский диалект) / Р.С. Деметер, П.С. Деметер, под ред. Л.Н. Черенкова. – М.: Русский язык, 1990. – 336 с.

Деметер, Роман Степанович (1920 — 1989) — цыганский поэт, фольклорист, этнограф, педагог, кандидат педагогических наук. Сын Ишвана Деметера.

Деметер, Пётр Степанович (1910-1995) – цыганский композитор, автор песен и романсов.

Черенков, Лев Николаевич (род. 3 июня 1936) — советский и российский этнограф, лингвист. Специалист в области цыгановедения.

29. Добровольский 1897 – *Добровольский, В.Н.* О дорогобужских мещанах и их шубрейском или курбацком языке / В.Н. Добровольский // Изв. отд. русск. яз. и слов. имп. Акад. наук. – СПб, 1897. – Т. II. – Кн. 1-2. – С. 320-352 (словарь – С. 343-352).

Добровольский, Владимир Николаевич (1856-1920) – крунейший этнограф, исследователь обычаев и языка смоленских, орловских и калужских крестьян. Член-сотрудник Географического общества. Автор Смоленского Этнографического сборника, Смоленского областного словаря, множества статей.

30. Добровольский 1899 – *Добровольский, В.Н.* Некоторые данные условного

языка калужских рабочих / В.Н. Добровольский // Известия ОРЯС. – М., 1899. – Кн. 4. – С. 1386-1410.

31. **Добровольский 1914** – *Добровольский, В.Н.* Смоленский областной словарь / В.Н. Добровольский. – Смоленск: Тип. П.А. Силина, 1914. – 1022 с.

32. **Добровольский 1916** – *Добровольский, В.Н.* Некоторые данные условного языка дорогобужских мещан, калик перехожих, портных и коновалов, странствующих по Смоленской земле. Данные языка Кубрацкого или Шубрейского Дорогобужских мещан / В.Н. Добровольский // Смоленская старина. – Т. III. – Вып. 2. – Смоленск, 1916. – С. 1-13 (1-й пагинации); *1-9* (2-й пагинации); *10-12* (2-й пагинации); *13* (2-й пагинации). Вторая пагинация дана *курсивом*.

33. **Дубягин, Теплицкий 1993** – *Дубягин, Ю.П.* Краткий англо-русский и русско-английский словарь уголовного жаргона / Ю.П. Дубягин, Е.А. Теплицкий = Concise English-Russian and Russian-English dictionary of the underworld. – М: ТЕРРА, 1993. – 288 с. Оценка объёма словника – около 1000 позиций.

«Последний словарь был издан в Москве в 1993 году … но, понятно, в нём нашли свое отражение лишь слова, которые имели аналог в американском сленге, и практически весь тираж ушел на Запад, где он пользовался большим спросом у полицейских, работающих с “русской преступностью” у себя на родине» [Дубягина, Смирнов 2001: 6].

34. **Дубягина, Смирнов 2001** – *Дубягина, О.П.* Современный русский жаргон уголовного мира: Словарь-справочник / О.П. Дубягина, Г.Ф. Смирнов. – М.: Юриспруденция, 2001. – 352 с.

В составе издания имеется несколько словарей: Уголовный жаргон – литературный язык [28-186] – около 7000 позиций, Литературный язык – уголовный жаргон [187-293] – около 3200 позиций, Жаргон наркоманов – литературный язык [298-302] – 153 позиции, Жаргон нищих – литературный

язык [308-312] – 126 позиций, Жаргон проституток – литературный язык [315-319] – 96 позиций.

Рец.: [Шаповал 2001b].

35. Дубягина и др. 2006 – *Дубягина, О.П.* Средства коммуникации преступного мира. Словарь-справочник / О.П. Дубягина, Ю.П. Дубягин, А.Г. Горелов, О.И. Гречишников. – М.: Политбюро, 2006 – 366 с. Практически идентичное первому издание.

36. Ермакова, Земская, Розина 1999 – *Ермакова, О.П.* Слова с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона: Ок. 450 слов / О.П. Ермакова, Е.А. Земская, Р.И. Розина. Под общим руководством Р.И. Розиной. – М.: Азбуковник, 1999. – 273 с.

37. Иковский 1991 – *Иковский, П.П.* Феня. Слова и выражения, употребляемые в преступной среде / П.П. Иковский. – Курган: Изд-во МП «Арго», 1991. – 29 с. [В надзаг.: Информационное агентство Курганского отд. «Алекс» для деловых людей.]

38. Караулов 1900 – *Караулов, М.А.* Говор станиц бывшего Моздокского полка Терского казачьего войска / М.А. Караулов // Русский филологический вестник. – Варшава, 1900. – Т. XLIV. – С. 86-115.

39. Караулов 1902 – *Караулов, М.А.* Материалы для этнографии Терской области. Говор гребенских казаков / М.А. Караулов // Сборник ОРЯС. – СПб., 1902. – Т. 71. – № 7. – С. 1-112. Словарь – 45-112.

40. Караулов 1907 – *Караулов 1-й, Н.А.* Говор гребенских казаков. Слова, заимствованные с турецко-татарских наречий / Н.А. Караулов // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Вып. 37. – Отд. 3. – Тифлис: Изд. Управления Кавказского Учебного Округа, 1907. – С. 103-109.

41. Копорский 1929 – Копорский, С.А. О говоре севера Пошехонско-Володарского уезда / С.А. Копорский. – Ярославль: ЯрГПИ, 1929. – 129 с. (Труды Ярославского пединститута. – Т. II. – Вып. 3.). Около 80

арготизмов, по подсчетам О. Горбача [Horbatsch 1978: 7].

Копорский, Сергей Алексеевич (1899-1967) – доктор филологических наук, профессор, известный советский лингвист, видный исследователь языка художественной литературы, признанный специалист по русским народным говорам, лексиколог и историк русского языка.

42. Коровушкин 2000 – *Коровушкин, В.П.* Словарь русского военного жаргона: нестандартная лексика и фразеология вооруженных сил и военизированных организаций Российской империи, СССР и Российской федерации XVIII-XX веков / В.П. Коровушкин. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. – 372 с.

Рец.: [Шаповал 2002c: 76-78; 2002d: 39].

43. Кривошапкин 1865 – *Кривошапкин, М.Ф.* Енисейский округ и его жизнь / М.Ф. Кривошапкин. – Т. I-II. – СПб.: Тип. В. Безобразова и К., 1865. – 6, VIII, 378; 2, 188 с.

44. Лебедев 1909 – *Лебедев, В.* Словарь воровского языка / В. Лебедев // Вестник полиции. – 1909. – № 22. – С. 456-458 (а-к); № 23. – С. 477-478 (л-п); № 24. – С. 499-500 (р-я). Около 400 позиций, по подсчету О. Горбача [Horbatsch 1978: 3]. [**Репринт:** СРВС. – Т.1. – С. 197-208].

Лебедев В.И. – начальник Московской полиции.

«Традиции плагиата в области лексикографии были заложены именно в 1910-1920 гг. Словарь В. Лебедева (1909) – это незначительно дополненный “Трахтенберг"; пристав В.М. Попов (1912) все позаимствовал у Лебедева, а С.М. Потапов (1923) – у Попова» [Плуцер-Сарно 2000: 209].

45. Малеча- – *Малеча, Н.М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков. В 4 тт. [Текст] // Н.М. Малеча. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002-2003.

46. Мильяненков 1992 – *Мильяненков, Л.А.* По ту сторону закона. Энциклопедия преступного мира / Л.А. Мильяненков. – СПб.: Дамы и господа, 1992. – 320 с.

47. Миртов 1929 – *Миртов, А.В*. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков / А.В. Миртов. – Ростов-на-Дону, 1929. – 415 с. (Труды Северо-Кавазской ассоциации научно-исследовательских институтов. № 58. Н.-и. институт изучения местной экономики и культуры при Северокавказском государственном университете. Вып. 6.).

48. Миртов 1929а – *Миртов, А.В*. Из лексикона ростовских беспризорников и босяков [Электронный ресурс] / А.В. Миртов // *Миртов, А.В*. Донской словарь. – Ростов-на-Дону, 1929. – Стб. 409-416. – Режим доступа: www.argotism.ru›materials.htm (дата обращения: 22.09.2015). [**Репринт:** СРВС. – Т. III. – С. 137-148].

49. Мокиенко, Никитина 2000 – *Мокиенко, В.М*. Большой словарь русского жаргона / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – СПб.: Норинт, 2000. – 717 с.

50. Никитина 2003 – *Никитина, Т.Г*. Молодежный сленг. Толковый словарь: Более 12 000 слов; свыше 3000 фразеологизмов / Т.Г. Никитина. – М.: Астрель; АСТ, 2003. – 912 с.

Рец.: [Шаповал 2006: 750-757].

51. Никитина 2005 – *Никитина, Т.Г*. Толковый словарь молодежного сленга / Т.Г. Никитина. – М.: АСТ; Астрель; Транзиткнига, 2005. – 256 с.

Рец.: [Шаповал 2006: 750-757].

52. О.К. 1913 – *О.К*. Арестантский словарь / О.К. // Тюремный вестник. – Март. – СПб., 1913. – С. 530-566. [**Репринт:** СРВС. – Т. II. – С.105-138].

«Результаты сравнительного анализа словарей Лебедева и Попова даны в “Арестантском словаре” (О.К., 1913)» [Плуцер-Сарно 2000: 209].

53. Оп. 1852 – Опыт областного великорусского словаря / [ред. А.Х. Востоков]. – СПб.: Тип. ИАН, 1852. – [4], XII, 275 с.

54. Опд. 1858 – Дополнение к Опыту областного великорусского словаря / [ред. А.Х. Востоков]. – СПб.: Тип. ИАН, 1858. – [2], 328 с.

55. Отин 2004 – *Отин, Е.С*. Словарь коннотативных собственных имен / Е.С. Отин. – Донецк: ООО «Юго-восток, Лтд.», 2004. – 412 с.

Отин Евгений Степанович (13 апреля 1932, г. Днепропетровск – 14 января 2015) – д.ф.н., проф., известный украинский учёный-лингвист, специалист в области ономастики.

Рец.: [**Шаповал 2005а**: 107-110].

56. Отин 2006 – *Отин, Е.С.* Словарь коннотативных собственных имен / Е.С. Отин. – Москва – Донецк: ООО «А Темп», 2006. – 440 с.

57. Паллас$_1$- – *Паллас, П.С.* Сравнительные словари всех языков и наречий / П.С. Паллас. – Ч. I-II. – СПб.: Тип. Шнора, 1787-1789.

58. Паллас$_2$- *Паллас, П.С.* Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный / П.С. Паллас. – Ч. 1-4. – СПб.: [без изд-ва], 1790-1791.

59. Попов 1912 – *Попов, В.М.* Словарь воровского и арестантского языка / В.М. Попов. – Киев: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1912. – 127 с. С указанием в надзаголовке на титуле «Перепечатка воспрещается». По подсчетам В.Ш. – 1740 позиций. По подсчетам О. Горбача – около 1700: 400 взяты из словаря Лебедева, с локализацией и указанием носителей: 65 – сибирских, 90 «южных» (из Украины), 36 «западных», 17 московских и 8 петербургских единиц [Horbatsch 1978: 17]. [**Репринт:** 1) Horbatsch 1978. – S. 27сл.; 2) СРВС. – Т. II. 5-101].

«В.М. Попов (1912) все позаимствовал у Лебедева, а С.М. Потапов (1923) – у Попова» [Плуцер-Сарно 2000: 209].

60. [**Потапов** С.М.] Блатная музыка. Словарь жаргона преступников/ Сост. С.М.Потапов. – М: [Типография ГПУ, Б. Лубянка, 18]. 1923 – 80 с. [**Репринт:** СРВС. – Т. II. – С. 161-226]. Словарь – 1776 слов.

Потапов, Сергей Михайлович (1873–1957) – советский юрист, профессор (http://criminalistics.clan.su/index/0-7). В 1896 г. окончил юридический факультет Московского университета. В 1911 г. в составе группы юристов был командирован в г. Лозанну (Швейцария) на двухмесячные курсы к профессору Р.А. Рейссу. С 1914 по 1919 гг. руководил Киевским кабинетом научно-судебной

экспертизы. С 1920 по 1922 гг. работал старшим техником в Одесском кабинете научно-технической экспертизы. С 1922 по 1934 гг. руководил научно-техническим отделом Управления уголовного розыска ГУРКМ НКВД. 1949 г. стал доктором юридических наук (без защиты диссертации).

О нём: «знаток судебной фотографии», идентифицировавший портрет Лермонтова [И.Л. Андроников. Рассказы литературоведа. – М.: Изд-во «Детская литература», М., 1962. – С. 3-36].

61. Потапов 1927 – *Потапов, С.М.* Словарь жаргона преступников (блатная музыка) / Сост. по новейшим данным С.М. Потапов. – М.: [без изд-ва], 1927. – 196 с. По подсчетам В.Ш. – 3627 позиций. [**Репринт:** СРВС. – Т. III. – С. 73-148].

62. Редкие сл. 1997 – Редкие слова в произведениях авторов XIX века. Словарь-справочник / отв. ред. Р.П. Рогожникова: Около 3 500 единиц, сост. Р.П. Рогожникова, К.А. Логинова, С.А. Пономаренко и др. – М.: Русские словари, 1997. – 572 с.

Рец.: [Пильщиков 1998: 13].

63. Рогожникова, Карская 2005 – *Рогожникова, Р.П.* Словарь устаревших слов русского языка: По произведениям русских писателей XVIII-XX вв. / Р.П. Рогожникова, Т.С. Карская. – М.: Дрофа, 2005. – 832 с.

64. Смирнов 1899 – *Смирнов Н.А.* Слова и выражения воровского языка, выбранные из романа Вс. Крестовского «Петербургские трущобы» // Известия ОРЯС. – Т. IV. – Кн. 3. – СПб., 1899. – С. 1065-1087. Около 280 арготизмов, по подсчетам О. Горбача [Horbatsch 1978: 9]. [**Репринт:** СРВС. – Т.1. – С. 27-54].

65. Собрания 1859 – Собрания выражений и фраз, употребляемых в разговоре С<анкт>-Петербургскими мошенниками // Северная пчела. Газета политическая и литературная. – СПб., 1859. – Четвертокъ, 24-го Декабря. – № 282. – С. 1129-1130. Около 130 слов и выражений. [**Репринт:** СРВС. – Т.1. – С. 19-26].

66. СРВС- – Собрание русских воровских словарей: В 4-х тт. / Сост. Влад. Козловский. – New York: Chalidze Press, 1983. – Т. 1 (225 с.), Т. 2 (230 с.), Т. 3 (246 с.), Т. 4 (200 с.).

«Таким образом, вся традиция составления словарей русского воровского жаргона восходит к В.Ф. Трахтенбергу (1908). Значительная часть этих ранних воровских словарей была переиздана В. Козловским в Нью-Йорке в 1983 году» [Плуцер-Сарно 2000: 209].

67. Трахтенберг 1908 – *Трахтенберг, В.Ф.* Блатная музыка («жаргон» тюрьмы) / В.Ф. Трахтенберг; под ред. и с предисл. проф. И.А. Бодуэн-де-Куртенэ. – По материалам собранным в пересыльных тюрьмах: Петербургской, Московской («Бутырки»), Виленской, Варшавской, Киевской и Одесской; в тюрьмах: в «Крестах», в «Доме предварительного заключения», в «Дерябинских казармах» (Петербург), в «Каменщиках» (Москва). Под редакцией и с предисловием профессора И.А. Бодуэн-де-Куртенэ. – СПб., типография А.Г. Розена, 1908. XX, 116 с. По подсчетам В.Ш. – 753 позиции. Около 760 арготизмов, из них: 20 петербургских, 12 московских, 10 «западных», 16 «южных», 20 сибирских, 17 шулерских, 5 тюремных, 3 конокрадских, 2 мошеннических (Betrüger und Schmuggler); около 240 позиций – выписки из [Брейтман 1901] <сделанные редактором Бодуэном>, по подсчетам О. Горбача [Horbatsch 1978: 7]. [**Репринт:** СРВС. – Т.1. – С. 77-194].

Трахтенберг Василий Филиппович (? – 1940). «Но бум лексикографирования воровской речи в России начался в 1908 году с выходом словаря В.Ф. Трахтенберга, который не был профессиональным лексикографом, но зато был профессиональным мошенником, «которого печать Европы называла “авантюристом XX века”» (П. Северянин. Авантюрист века. Цит. по: В. Козловский I, 223)» [Плуцер-Сарно 2000: 209]. В 1908 находился в Таганской тюрьме, осужденный за мошенничество.

Бодуэн де Куртенэ, Иван Александрович (или Ян Нецислав Игнаций Бодуэн де

Куртенэ; польск. Jan Niecisław Ignacy Baudouin de Courtenay, 1845 – 1929) – российский и польский языковед. Доказал, что сущность языка – в речевой деятельности, а значит, необходимо изучать живые языки и диалекты.

68. ТСУЖ 1991 – Толковый словарь уголовных жаргонов / Сост. колл. авт.: Ю.П. Дубягин (руководитель) и др. – М.: Интер-ОМНИС, РОМОС. – 207 с.

«В подготовленный Ю.П. Дубягиным и А.Г. Бронниковым словарь в алфавитном порядке включены около 10 тысяч слов и выражений» [ТСУЖ 1991: 11]. Оценка объёма словника – 8125±325 позиций. В литературе упоминается служебное издание словаря с теми авторами и названием, но с грифом «только для работников органов внутренних дел», вышедшее в свет в Перми в 1993 году. Там же имеется и оценка словаря 1991 г.: «И только однажды в 1991 году Ю.П. Дубягину удалось найти в Москве издателя, который опубликовал в открытой печати “Толковый словарь уголовных жаргонов” (авторы А.Г. Бронников, Ю.П. Дубягин), но он за прошедшие 10 лет успел устареть» [Дубягина, Смирнов 2001: 6, прим. 1].

69. Тупиков 1903 – *Тупиков, Н.М.* Словарь древнерусских личных собственных имен / Н.М. Тупиков. – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1903. – 863 с. [**Репринт:** *Тупиков, Н.М.* Словарь древнерусских личных собственных имен / Н.М. Тупиков. – М.: Языки слав. культур, 2005. – 1032 с.].

Тупиков, *Николай Михайлович* (1869 - 1901) — российский филолог, исследователь русского языка и культуры. После окончания историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета и защиты магистерской диссертации был назначен преподавателем Ялтинской женской гимназии. Занимался научными исследованиями в области русской антропонимики.

70. Тупиков 2005 – *Тупиков, Н.М.* Словарь древнерусских личных собственных имен / Н.М. Тупиков. – М.: Языки слав. культур, 2005. – 1032 с.

71. Флегон 1973 – *Флегон, А.* За пределами русских словарей (Дополнительные

слова и значения с цитатами Ленина, Хрущева, Сталина, Баркова, Пушкина, Лермонтова, Есенина, Маяковского, Солженицына, Вознесенского и др.) = Beyond the Russian Dictionnary / А. Флегон. – 3-е изд. – London: Flegon Press, [1973]. – 408 с. По оценке В.Ш. – 4000-5000 позиций.

Флегон Алек (Олег Васильевич Флегонт; 1924-2003) — британский издатель (Flegon Press). До 1956 учился на лит. ф-те Института им. Горького в Москве. Работал на румынской службе Би-Би-Си.

72. ЦРС 1938 – Цыганско-русский словарь: около 10 000 слов с приложением грамматики цыганского языка / сост. А.П. Баранников, М.В. Сергиевский; под ред. Н.А. Панкова / – М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1938. – 191 с.

Баранников, Алексей Петрович (1890—1952) — советский филолог и индолог, основатель школы изучения современных индийских языков в СССР. С 1922 года профессор ЛГУ, с 1939 года академик Академии наук СССР. Директор Института востоковедения АН СССР в 1938—1941 годах.

Сергиевский Максим Владимирович (1892-1946), советский филолог-романист, заслуженный деятель науки РСФСР (1945). Окончил Московский университет (1916). Профессор МГУ (1925–46). Исследовал происхождение, историю, проблемы грамматики, диалектологии, языковых смешений и контактов.

Панков, Николай Александрович (1895-1959), цыганский поэт и переводчик. Учился в церковно-приходском училище. С 1931 — литработник в цыганской секции Центриздата и Учпедгиза. Член Союза писателей СССР с 1944 г. [Калинин 2005: 213].

О нём: Лит. энцикл.: В 11 т. — Т. 8. — М.: ОГИЗ РСФСР, гос. словарно-энцикл. изд-во «Сов. энцикл.», 1934. — Стб. 425; Краткая лит. энцикл. — Т. 5. – М.: Сов. энцикл., 1968. — Стб. 572—573.

73. Шанхай 1994 – Русско-китайский толковый словарь сленга. – Шанхай: Изд-во переводов, 1994. – 317 с. (ISBN 7-5327-1140-4/Z 062). Повторяет

материал словаря А. Флегона со значительными дополнениями авторов.

74. Щербакова, Бруева 1994 – *Щербакова, О.И.* Социально-корпоративная лексика. Словарь жаргона преступников. Уч. пособие / О.И. Щербакова, Е.Т. Бруева. – Минск: Акад. милиции Республики Беларусь, 1994. – 212 с.

Щербакова, Оксана Игоревна.

Бруева, Екатерина Тимофеевна.

75. Элиасов 1980 – Словарь русских говоров Забайкалья / Л.Е. Элиасов. – М.: Наука, 1980. – 472 с.

Элиасов Лазарь Ефимович (1914-1976), фольклорист, доктор филологических наук, профессор. Руководил научным советом по фольклору народов Сибири и Дальнего Востока при СО Академии Наук СССР. Автор монограннного исследования «Русский фольклор Восточной Сибири» в 3 частях (1958, 1960, 1973).

76. Эрдман 1857 – *Эрдман(н), Ф.И.* Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря по Новгородской губернии» / Ф.И. Эрдман(н) // Учёные записки Казанского ун-та. – 1857. – Кн. 2. – С. 106-167.

Эрдман Фёдор Иванович (собственно Франц Эрдман, нем. Friedrich Franz Ludwig Erdmann; 1793 – 1862) – российский востоковед немецкого происхождения.

77. Югановы 1997 – *Юганов, И., Юганова, Ф.* Словарь русского сленга: Сленговые слова и выражения 60-90х годов / И. Юганов, Ф. Юганова; под ред. А.Н. Баранова. – М.: Метатекст, 1997. – 304 с.

Юганов, Игорь Флавьевич (1956-1999) – российский философ, писатель, поэт, прозаик, эссеист.

Юганова, Фрида Семеновна. Учитель русского языка и литературы. Отличник просвещения Российской Федерации. Соавтор монографии «Образовательная сессия – новая форма учебной деятельности» (М., 2012. – 332 с.).

Баранов, Анатолий Николаевич, д.ф.н., проф. – профессор кафедры русского языка факультета теоретической и прикладной лингвистики Института

лингвистики РГГУ. Заведующий отделом экспериментальной лексикографии Института русского языка РАН.

Рец.: [Лернер, эл. ресурс; Хан-Пира 1998: 231-234].

78. Horbatsch 1978 – *Horbatsch, Olexa*. Russische Gaunerschprache / Hg. von Olexa Horbatsch. – Frankfurt am Main: Auslieferung: Kubon & Sagner, München, 1978. – 140 S. (Specimina Philologiae Slavicae. Bd. 16.).

Горбач Олекса Теодорович (1918-1997) – филолог (славист, украинист), педагог, издатель. Профессор университета в Франкфурте-на-Майне, Украинского вольного университета в Мюнхене, Украинского Католческого университета в Риме.

79. Polzer 1922 – *Polzer, Wilhelm*. Gauner-Wörterbuch für den Kriminalpraktiker / W. Polzer. – München, Berlin, Leipzig, 1922. – VII, 100 S.

Польцер Вильгельм – в 1922 г. комиссар криминальной полиции в Вене, ассистент университета в Граце, широкий специалист, невероятно продуктивный автор разнообразных пособий для криминалистов, например: *Polzer, Wilhelm*. Praktischer Leitfaden für kriminalistische Tatbestandsaufnahmen. Für Kriminal- und Sicherheitsbeamte. – München u.a., Schweitzer, 1921. 3. vermehrte Auflage. XII, 136 S. (3-е расширенное издание: Практическое пособие для криминалистической схемки места происшествия. Для уголовных и розыскных служб); *Polzer, Wilhelm*. Handbuch für den praktischen Kriminaldienst: Ein Lehrbuch für Gendarmerie- und Polizeischulen, ein Lern- und Nachschlagebehelf für jeden Kriminalbeamten. – München; Berlin; Leipzig: J. Schweitzer Verl., 1922. – XII, 261 S. (Руководство для практических криминалистов: учебник для жандармских и полицейских академий, учебное и справочное пособие для каждого детектива). В словаре имеется посвящение д-ру Людвигу Гюнтеру (приват-доценту, потом профессору юридического ф-та университета в Гиссене, автору словаря жаргона: *Günther, Ludwig*. Das Rotwelsch des deutschen Gauners von Dr. L[udwig] Günther, Prof., Gießen. – Leipzig: Fr. Wilh. Grunow, 1905. – XXI, 101 S.).

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ К ПРИЛОЖЕНИЯМ

1а. Научные труды*

723. Бломквист 1956 – *Бломквист Е.Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) [Текст] / Е.Э. Бломквист // Восточнославянский этнографический сборник: Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. М., 1956. С. 3-458 (Тр. Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Нов. сер. Т. XXXI).

724. Будде 1904 – *Будде, Е.Ф.* О говорах Тульской и Орловской губерний. Материалы, исследование и словарь. (Отчет о поездке в 1902 г. II Отделению Академии наук) [Текст] / Е.Ф. Будде // Сборник Отделения русского языка и словесности ИАН. – Т. 76. – № 3. – СПб., 1904. – С. 1-148.

725. Буслаев-II (I) – *Буслаев, Ф.И.* I. О народной поэзии в древней русской литературе [Текст] / Ф.И. Буслаев // *Буслаев, Ф.И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – Т. II. – СПб.: Изд. Д.Е. Кожанчикова, 1861. – С. 1-63.

726. Владимирский 1939 – *Владимирский, Г.Д.* Пушкин-переводчик [Текст] / Г.Д. Владимирский // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. – Вып. 4-5. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. – С. 312-356.

727. Вътов 1998 – *Вътов, Върбан.* Лексикология на българския език: Лексемика. Ономастика. Фразеология. Лексикография [Текст] / В.Д. Вътов. – Велико

* «Дополнительный список литературы к приложениям» включает 141 позицию и также содержит три раздела, каждый из которых имеет свою алфавитную расстановку: «1а. Научные труды» – 59 позиций (№№ 723-791), «2а. Лексикографические источники» – 41 (№№ 792-832) и «3а. Текстовые источники» – 41 (№№ 833-873).

Търново: Абагар, 1998. – 183 с.

728. Добродомов 2010а – *Добродомов, И.Г.* [Рец.:] Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. Вып. 1 (а – аяюшка). М., 2008 [Текст] / И.Г. Добродомов // Этимология: сб. науч. ст. / 2006 – 2008 / ред. Ж.Ж. Варбот. – М.: Наука, 2010. – С. 262-275.

729. Добродомов 2012 – *Добродомов, И.Г.* [Рец.:] Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. Вып. 2 (б – бдынъ). М., 2008, Вып. 3 (бе – болдыхать). М., 2009 [Текст] // Этимология: б. науч. ст. / 2009 – 2011 / ред. Ж.Ж. Варбот. – М.: Пробел, 2012. – С. 320-335.

730. Добродомов, Шаповал 2005 – *Добродомов, И.Г.* О призрачных словах у лексикографов [Текст] / И.Г. Добродомов, В.В. Шаповал // Ogród nauk filologicznych. Księga Jubileuszowa poświęcona Profesorowi Stanisławowi Kochmanowi.– Opole: Un-t Opolski, 2005. – S. 147-149.

731. Добродомов, Шаповал 2005а – *Добродомов, И.Г.* О призрачных словах у лексикографов [Текст] / И.Г. Добродомов, В.В. Шаповал // Palaeoslavica. International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology. – Vol. XIII. – №. 1. – Cambridge – Massachusetts, 2005. – P. 331-337.

732. Живанович 1900 – *Живанович, Йован*. [Рец.:] Дьяченко Г., свящ. Полный церковно-славянский словарь. М., 1899 [Текст] / Й. Живанович // Богословский вестник. – 1900. – II. – № 5. – С. 147–157 (2-я паг.).

733. Зобнин 1894 – *Зобнин, Ф.К.* Из года в год. (Описание круговорота крестьянской жизни в с. Усть-Ницынском Тюменского округа) [Текст] / Ф.К. Зобнин // Живая старина. – 1894. – Вып. I. – С. 37-64.

734. Иваненко 1905 – *Иваненко, Н.П.* Сватанье. Деревья Веретякина Орловской губернии [Текст] / Н.П. Иваненко // Живая старина. – 1905. – Вып.1-2. – С. 107-140.

735. Кислицына 1928 – *Кислицына Т.С.* Описание говора д. Выставки Котлас, д. Тупачеловской, д. Антоново Котласской Слободы Котласского района

Северо-Двинской губ. // Труды Вятского педагогического института им. Вл. Ил. Ленина. – Вятка, 1928. – Т. 3. – Вып. 2. – С. 65-80.

736. Ковтун 1975 – *Ковтун Л.С.* Славянизмы и инославянские слова в русских азбуковниках [Текст] / Л.С. Ковтун // Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии. – Вып. 1. – М., 1975. – С. 20–23.

737. Комарова 2002 – *Комарова Т.К.* Психология внимания. Учебно-методическое пособие по курсу «Общая психология» для студентов специальности Г 07.01.00 «Психология» [Текст] / КТ. Комарова. – Гродно: ГДУ, 2002. – 124 с.

738. Кривко 2010 – *Кривко, Р.Н. Сверстница* супруга и *верста* пара [Текст] / Р.Н. Кривко // Лингвистическая герменевтика. – Вып. 2. Сборник научных трудов к 75-летию проф. И.Г. Добродомова. – М.: МПГУ, 2010. – С. 66-72.

739. Куликовский 1887 – *Куликовский, Г.И.* Олонецкие провинциализмы [Текст] / Г.И. Куликовский // Олонецкие губернские ведомости. – 1887. – № 81. – С. 725-726; № 82. – С. 734-736.

740. Маркова 2005 – *Маркова, Е.М.* Обобщённость семантики этимона как фактор развития энантиосемии [Текст] / Е.М. Маркова // Седьмые Поливановские чтения. – Ч. 1. – Смоленск: СГПУ, 2005. – С. 146-152.

741. Миртов 1930 – *Миртов, А.В.* Украинцы на Дону [Текст] / А.В. Миртов. – Ростов-на-Дону, 1930. – 72 с. (Труды Северокавказской ассоциации научно-исследовательских институтов, № 90, Научно-исследовательский институт экономики и культуры при Северокавказском университете, вып. 9).

742. Оглезнева 2008 – *Оглезнева, Е.А.* Дальневосточный регионолект русского языка: особенности формирования [Текст] / Е.А. Оглезнева // Русский язык в научном освещении. – 2008. – № 2 (16). – С. 119-136.

743. Оленин 1814 – *Оленин, А.Н.* Краткое рассуждение о издании Полного собрания русских дееписателей [Текст] / А.Н. Оленин // Сын Отечества. – 1814. – Ч. II. – № 7. – С. 3-19.

744. Плуцер-Сарно 2000 – *Плуцер-Сарно, А.Ю.* Русский воровской словарь как культурный феномен [Электронный ресурс] / А.Ю. Плуцер-Сарно // Логос. – 2000. – № 2. – С. 209-217. – Режим доступа: http://www.aferizm.ru (дата обращения: 22.09.2015).

745. Сиповский 1902 – *Сиповский, В.В.* Из истории русского романа XVIII в. (Ванька Каин) [Текст] / В.В. Сиповский // Известия Отделения русского языка и словесности ИАН. – Т. VII. – Кн. 2. – СПб., 1902. – С. 97-191.

746. Страхов 2005 – *Страхов, А.Б.* О мнимой призрачности др.-русск. **бдынъ** [Текст] / А.Б. Страхов // Palaeoslavica. – Vol. XIII. – No. 1. – Cambridge – Massachusetts, 2005. – P. 338-341.

747. Судаков 2005 – *Судаков, Г.В.* Иллюстрации в историческом словаре [Текст] / Г.В. Судаков // Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии. – СПб.: Наука, 2005. – С. 129-136.

748. Судаков 2010 – *Судаков, Г.В.* История русского слова / Г.В. Судаков. – Вологда: ВГПУ, 2010 – 333 с.

749. Усачёва 1966 – *Усачёва В.В.* Некоторые данные о лексическом составе двух говоров Архангельской области [Текст] / В.В. Усачёва // Славянская лексикография и лексикология. – М.: Издательство «Наука», 1966. – С. 106-125.

750. Филин 1944 – *Филин Ф.П.* О языке Великой Отечественной войны [Текст] / Ф.П. Филин // Диалектологический сборник под ред. А.С. Ягодинского. – Вып. 3. – Вологда, 1946. – С. 3-9.

751. Фридман 1931 – *Фридман, М.М.* Еврейские элементы “блатной музыки” [Электронный ресурс] / М.М. Фридман // Язык и литература. – Т. VII. – Л., 1931. – С. 131-138. – Режим доступа: http://www.philology.ru /linguistics2/fridman-31.htm (дата обращения: 22.09.2015).

752. Хан-Пира 1998 – *Хан-Пира, Э.* [Рец.:] Сленг, в азбучном порядке расположенный: И. Юганов, Ф. Юганова. Словарь русского сленга: сленговые слова 60-х – 90-х годов. – М., 1997 [Текст] / Э.И. Хан-Пира //

Знамя. – 1998. – № 7. – С. 231-234.

753. Цомакион 1960 – *Цомакион, Н.А*. Историческая хрестоматия по сибирской диалектологии [Текст] / Н.А. Цомакион. – Ч. I. – Красноярск: [б. и.], 1960. – 322 с.

754. Цомакион 1974 – *Цомакион, Н.А*. Историческая хрестоматия по сибирской диалектологии [Текст] / Н.А. Цомакион. – Ч. II. – Вып. I. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ин-т, 1974. – 208 с.

755. Шаповал 2001b – *Шаповал, В.В*. [Рец.:] О.П. Дубягина, Г.Ф. Смирнов. Современный русский жаргон уголовного мира: словарь-справочник (М., 2001. – 352 с.) [Электронный ресурс] / В.В. Шаповал. – Режим доступа: http:/www.philology.ru/reviews/ dubyagina-smirnov-rev.htm; http:/www.classes.ru/philology/dubyagina-smirnov-rev.htm (дата обращения: 22.09.2015).

756. Шаповал 2002c – *Шаповал, В.В.* Коровушкин В.П. Словарь русского военного жаргона: нестандартная лексика и фразеология вооруженных сил и военизированных организаций Российской империи, СССР и Российской федерации XVIII-XX веков. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. – 372 с. [Текст] / В.В. Шаповал // Сибирский лингвистический семинар. Научн. журнал по теор. и прикл. языкознанию. – Новосибирск, 2002. – № 1. – С. 76-78.

757. Шаповал 2002d – *Шаповал, В.В.* [Рец.:] Коровушкин В.П. Словарь русского военного жаргона. – Екатеринбург, 2000. [Текст] / В.В. Шаповал // *Дьячок М.Т., Шаповал В.В.* Opuscula glottologica professori Cyrillo Timofeev ab discipulis dedicata. – М.: Спутник, 2002. – С. 39.

758. Шаповал 2004b – *Шаповал, В.В.* [Рец.:] Бондалетов В.Д. Даль и тайные языки в России [Текст] / В.В. Шаповал // Русский язык в школе. – 2004. – № 4. – С. 97-99.

759. Шаповал 2008e – *Шаповал, В.В.* Переоцінка внеску українського циганського діалекту до російського злодійського жаргону у світлі

критики сумнівного джерела 1927 р. [Текст] / В.В. Шаповал // Наукові записки Інституту української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського. – Т. 15. “Роми України: із минулого в майбутнє”. – Київ, 2008. – С. 504-516. – 0,75 п.л.

760. Шаповал 2010b – *Шаповал В.В*. Выявление ошибочных написаний заглавных слов в словаре [Текст] / В.В. Шаповал // Вестник Челябинского государственного университета. Научный журнал. – № 17 (198). – Филология. Искусствоведение. – Выпуск 44. – Челябинск: ЧГУ, 2010. – № 17 (198). – С. 144-148.

761. Шаповал 2012e – *Шаповал В.В.* Исторический комментарий к народной песне и отражение её специфического лексикона в словаре [Текст] / В.В. Шаповал // Текст и контекст и интертекст: мат. Междун. науч. конф. XII Виноградовские чтения. – М.: МГПУ, 2012. – С. 307-313.

762. Шаповал 2012f – *Шаповал В.В.* Ошибки словаря и личность автора [Текст] / В.В. Шаповал // Українська і слов’янська тлумачна та перекладна лексикографія. Леонідові Сидоровичу Паламарчукові [Текст] / Інститут української мови НАН України; відп. ред. І. С. Гнатюк. – Київ: КММ, 2012. – С. 417-423. (Серія «Не все сплива рікою часу...»).

763. Шаповал 2013a – *Шаповал, В.В*. Уровни верификации словарной фиксации редкого слова [Текст] / В.В. Шаповал // Человек и язык в коммуникативном пространстве. Сб. науч. статей. – Вып. 4. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2013. – С. 278-283.

764. Шаповал, Дьячок 1997 – *Шаповал В.В.* О цыганизмах в русских арготических словарях первой трети XX века [Текст] / В.В. Шаповал, М.Т. Дьячок // Русское слово. Материалы межвузовской конференции (Орехово-Зуево, 14-15 ноября 1997 г.). – Орехово-Зуево, 1997. – С. 62-63.

765. Adiego 2012 – Adiego, I.-X. Catalan Romani (caló català) in the work of Juli Vallmitjana: an initial appraisal [Текст] / Ignasi-Xavier Adiego // Zeitschrift für Katalanistik. – 2012 – No 25. – P. 305-320.

766. Atkins, Kegl, Levin 1988 – *Atkins, B.T.* Anatomy of a verb entry: From linguistic theory to lexicographic practice [Текст] / B.T. Atkins, J. Kegl, B. Levin // International Journal of Lexicography. – 1988. – 1. – 2. – 84-126.

767. Botha 2004 – *Botha, W*. Die impak van kritiek op die samestelling van die Woordeboek van die Afrikaanse Taal (WAT) [Текст] / W. Botha // Lexikos. – 2004. – No 14. – P. 1-16.

768. Considine 2009 – *Considine, J*. Rippe, rippe you kitchinstuffe wrangler: Nashe and a ghost word in OED [Текст] / J. Considine // Notes and Queries. – 2009. – 56. – No 4. – P. 619-621.

769. Kern 1923 – *Kern, J.H*. A Ghostword [Текст] / J.H. Kern // Neophilologus. – 1923. – Vol. 8. – Issue 1. – P. 301-303.

780. Korsch 1886 – *Korsch, Th*. [Rez.:] Fr. Miklosich. Die türkische Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen… Wien, 1884 [Текст] / Th. Korsch // Archiv für slavische Philologie. – B. IX. – No 4. – Berlin, 1886. – S. 653-682.

781. Kraus 2013 – *Kraus, T.J*. Hapax legomena: Definition eines terminus technicus und Signifikanz für eine pragmatisch orientierte Sprachanalyse [Текст] / Thomas J. Kraus // New Testament Studies. – 59. – 2013. – October. – Issue 04. – P. 545-564.

782. Krivko 2014 – *Krivko, R*. Zur Bedeutung kirchenslavischer Übersetzungen für die historische Lexikographie des Griechischen: Das hapax legomenon gr. λιμβίς vs. **гривьна** ‘Halskette’ [Text] / R. Krivko // Die Welt der Slaven. – Jahrgang LIX (2014). – Heft 1. – S. 82-94.

783. Kuiper 1981 – *Kuiper, F.B.J*. A Tamil ghost-word: Pahtu ten [Text] / F.B.J. Kuiper // Indo-Iranian Journal. – 1981. – 23. – No 4. – P. 289-292.

784. Malinowska 2013 – *Malinowska, I*. Artykuły hasłowe wykrzykników w różnych rosyjsko-polskich i polsko-rosyjskich słownikach. Krytyka i próba definicji [Текст] / Iwona Malinowska // Slavia Orientalis. – 2013. – 62. – No 3. – P. 475-482.

785. Otten 2000 – *Otten, F*. Wie neue russische Wörter entstehen [Текст] / Fred

Otten // Слова, слова, слова... – Смоленск: СГПУ, 2000. – С. 142-153.

786. Popescu, Altmann 2008 – *Popescu, I.-I.* Hapax legomena and language typology [Текст] / I.-I. Popescu, G. Altmann // Journal of Quantitative Linguistics. – 2008. – 15. – No 4. – P. 370-378.

787. Porter 1998 – *Porter, D.W.* Dogs that won't hunt and old english ghost words [Text] / D.W. Porter // Notes and Queries. – 1998. – 45. – No 2. – P. 168-169.

788. SM (1946) – Slav mythology [Текст] // The Encyclopedia Americana / Ed. in chief A.H. McDannald, B.L. In 30 volumes. – New York – Chicago: Am. Corporation, [1946]. – Vol. XXV. – P. 88-90.

789. Smith 1987 – *Smith, M.W.A.* Hapax Legomena in prescribed positions: An investigation of recent proposals to resolve problems of authorship [Text] / M.W.A. Smith // Literary and Linguistic Computing. – 1987. – Vol. 2. – No 3. – S. 145-152.

790. Stama 2014 – *Stama, F.* Phryn. Com. ‘fr’. K.-A.: Un Esempio Di Ghost-Word [Text] / F. Stama // Rivista di Filologia Classica. – 2014. – 142. – No 1. – P. 27-43.

791. Wiegand 2002 – *Wiegand, H.E.* Equivalence in bilingual lexicography: Criticism and suggestions [Text] / H.E. Wiegand // Lexikos. – 2002. – 12. – P. 239-255.

2а. Лексикографические источники и справочные издания

792. Андреева 2005 – *Андреева, Р.П.* Этимологический словарь для школьников [Текст] / Р.П. Андреева. – СПб.: Литера, 2005. – 480 с.

793. БАС$_1$ – Словарь современного русского литературного языка: В 17 тт. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948-1965.

794. БАС$_2$ – Словарь современного русского литературного языка: В 20 тт. – Т. I-VI. – М.: Рус. яз., 1990-1991.

795. БАС$_3$ – Большой академический словарь русского языка. Т. 1-9. – М.; СПб.:

Наука, 2004-2007.

796. Бойко 2003 – *Бойко, Б.Л.* Военно-морской жаргон экипажа корабля (штрихи к коллективному речевому портрету) [Текст] / Б.Л. Бойко // Массовая культура на рубеже XX – XXI веков: Человек и его дискурс. Сб. научн. трудов [Текст] / Под ред. Ю.А. Сорокина, М.Р. Желтухиной. – М.: Азбуковник, 2003. – С. 317-339.

797. Власов 2008 – *Власов, В.Г.* Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства: В 10 т. [Текст] / *В.Г. Власов.* – Т. IX: Ск-У. – СПб.: Азбука-классика, 2008. – 768 с.

798. Герасимов 1898 – *Герасимов, М.К.* Материалы лексикографические по Новгородским говорам. Слова Череповецкие [Текст] / М.К. Герасимов // Живая старина. – 1898. – Вып. III-IV. – Отд. 2. – С. 393-399.

799. Герд 1995-2009 – *Герд А.С.* Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров [Текст] / А.С. Герд // Севернорусские говоры, – Вып. 6. – СПб., 1995. – С. 85-108; Там же. – Вып. 7. – СПб., 1999. – С. 117-139; Там же. – Вып. 8. – СПб., 2004. – С. 173-235; Там же. – СПб., 2008. – С. 209-262; Там же. – Вып. 10. – СПб., 2009. – С. 144-176.

800. Грачёв 1991 – *Грачёв, М.А.* Словарь дореволюционного арго [Текст] / М.А. Грачёв. – Нижний Новгород: Жеко, 1991. – 128 с.

801. Грінченко- – *Гринченко Б.Д.* Словарь украинскаго языка [Текст] / Словарь української мови [Текст] / Б.Д. Гринченко [Текст] / Борис Грінченко. – Т. I-IV. – Киев: Киевская старина, 1907-1909.

802. Деметеры 1990 – *Деметер Р.С.* Цыганско-русский и русско-цыганский словарь (кэлдэрарский диалект) [Текст] / Р.С. Деметер, П.С. Деметер. – М.: Русский язык, 1990. – 336 с.

803. Дмитриев 1931 – *Дмитриев, Н.К.* Турецкие элементы в русских арго [Текст] / Н.К. Дмитриев // Язык и литература. – Т. VII. – Л., 1931. – С. 161-179.

804. Добровольский 1899 – *Добровольский, В.Н.* Некоторые данные условного

языка калужских рабочих [Текст] / В.Н. Добровольский // Известия Отделения русского языка и словесности ИАН. – СПб., 1899. – Кн. 4. – С. 1386-1410.

805. Дьяченко 1900 – *Дьяченко, Г.М.* Полный церковно-славянский словарь [Электронный ресурс] / Г.М. Дьяченко. – СПб.: Тип. ИАН, 1900. – 1158 с. – Режим доступа: www.slavdict.narod.ru (дата обращения: 22.09.2015).

806. Иковский 1991 – *Иковский, П.П.* Феня. Слова и выражения, употребляемые в преступной среде [Текст] / П.П. Иковский. – Курган: Изд-во МП «Арго», 1991. – 29 с. [В надзаг.: Информационное агентство Курганского отд. «Алекс» для деловых людей.]

807. Кедров 1865/1898 – *Кедров Н.* Материалы лексикографические по Новгородским говорам. Слова Ладожские [Текст] / Н. Кедров // Живая старина. – 1898. – Вып. III-IV. – Отд. 2. – С. 400-408.

808. Киттары 1854/1856 – *Киттары, М.Я.* Материалы для русского заводско-фабричного словаря [Текст] /М.Я. Киттары // Записки Казанского экономического общества. – 1854. – Ч. I. – Кн. 1. – Отд. III. – С. 29-36; Кн. 2. – Отд. III. – С. 53-60; Кн. 3. – Отд. III. – С. 80-86; Кн. 4. – Отд. III. – С. 92-96; – Ч. 2.. – Кн. 5. – Отд. III. – С. 15-19; Кн. 6. – Отд. III. – С. 36-38; Кн. 7. – Отд. III. – С. 65-69; Кн. 8. – Отд. III. – С. 99-102; Кн. 9. – Отд. III. – С. 43-46; Кн. 10. – Отд. III. – С. 79-84; Кн. 11. – Отд. III. – С. 108-114; Кн. 12. – Отд. III. – С. 143-147; 1855. – Кн. 12. – Отд. III. – С. 143-144; 1856. – Кн. 2. – Отд. III. – С. 58-60; Кн. 3. – Отд. III. – С. 83-85; Кн. 4. – Отд. III. – С. 111-112; Кн. 5. – Отд. III. – С. 18-19; Кн. 6. – Отд. III. – С. 41-42; Кн. 7. – Отд. III. – С. 71-72; Кн. 8. – Отд. III. – С. 110-112; Кн. 9. – Отд. III. – С. 23-25; Кн. 10. – Отд. III. – С. 53-54.

809. Копылова 2002 – *Копылова, Э.В.* Словарь рыбаков Волго-Каспия. Изд. 2-е, перераб. и доп. [Текст] / Э.В. Копылова. – Томск; М.: Изд-во «Водолей», 2002. – 192 с. (Серия: «Редкие словари».)

810. Кузмищев 1848 – *Куз[ь]мищев, П. [Ф.]* Дополнение к собранию

беломорских слов [Текст] / П. [Ф.] Куз[ь]мищев // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. – СПб., 1848. – Ч. VI. – С. 505-515.

811. Куликовский 1898 – *Куликовский Г.И.* Словарь областного Олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении [Текст] / собрал на месте и составил Г. Куликовский. – СПб.: изд. Отд-ния рус. яз. и словесности Императ. Акад. Наук, 1898. – VII, 151 с.

812. Лёвочкин 1914 – *Лёвочкин, П.А.* Образцы Черкасского говора [Текст] / П.А.Лёвочкин // Варшавские университетские известия. – Варшава, 1914. – VII [Изданы 1 октября]. – Варшава, 1914. – С. 3-16 (отд. 5).

813. Лопарёв 1894 – *Лопарев Х.М.* Заметка о некоторых словах, употребляющихся в с. Самарове Тобольской губернии и округа [Текст] / Х.М. Лопарев // Живая старина. – 1894. – Вып. I. – Отд. IV. – С. 130.

814. ЛРС 1976 – *Дворецкий, И.Х.* Латинско-русский словарь. Около 50 000 слов. Изд. 2-е, перераб. и доп. [Текст] / И.Х. Дворецкий. – М.: Русский язык, 1976. – 1096 с.

815. Никольский 1903 – *Никольский, А. [А.]* Народные говоры Жиздринского уезда Калужской губернии [Текст] / А.А. Никольский // Русский филологический вестник. – 1903. – Т. XLIX. – №№ 1-2. – С. 322-335.

816. Патканов, Зобнин 1899 – *Патканов, С.К.* Список тобольских слов и выражений, записанных в Тобольском и Тюменском, в Курганском и Сургутском округах и приведенных в алфавитный порядок И. Николаевым [Текст] / С.К. Патканов, Ф.К. Зобнин // Живая старина. – 1899. – Вып. IV. – С. 487-518.

817. Петров 1852 – *Петров, Н.Я.* Список некоторых великорусских слов, сродных или сходных с восточными [Текст] / Н.Я. Петров // Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. – 1852. – Т. I. Труды. – Стб. 81–91.

818. Подвысоцкий 1885 – *Подвысоцкий, А.И.* Словарь областного

архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении [Текст] / собр. на месте и сост. А.И. Подвысоцкий. – СПб.: Изд. 2-го Отд-ния Акад. наук, 1885. – 197 с.

819. Расторгуев 1973 – *Расторгуев П.А*. Словарь народных говоров Западной Брянщины [Текст] / П.А. Расторгуев. – Минск: «Наука и техника», 1973. – 296 с.

820. СБГ- – Словарь брянских говоров [Текст]. – Вып. 1-5. – Л.: Ленинградский гос. пед. ин-т, 1976-1988.

821. Симбирск 1868 – [Условный язык швецов] // Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Симбирская губерния. – Книга 32: Т. XX: *Липинский, В., Скрябин, М*. Симбирская губерния: Часть 2 [Текст] / В. Липинский, М. Скрябин. – СПб.: Военная тип., 1868. – С. 437-438.

822. СОРЯМР XVI-XVII – Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. – Вып. 1-4 [Текст] / под ред. О.С. Мжельской. – СПб.: Наука, 2004-2011.

823. Спивак, Щербакова 2006 – *Спивак, А.А.* Историко-краеведческий топонимический словарь района Ясенево [Текст] / А.А. Спивак, Н.С. Щербакова; под. ред. В.А. Бокарева. – Москва, 2006. – 44 с. (Центр образования № 1694 «Ясенево» Юго-Западного окружного управления образования департамента образования города Москвы).

824. Суровцов 1822 – *Суровцов, Николай*. Список слов особливых Вологодской губернии, составленный Николаем Суровцовым // Труды общества любителей российской словесности при Имп. моск. университете. Сочинения в прозе и стихах. – М., 1822. – Ч. I (21). – С. 231-245.

825. Толль 1863- – *Толль, Ф*. (ред.) Настольный словарь для справок по всем отраслям знаний (Справочный энциклопедический лексикон) [Текст] / ред. Ф. Толль. – Т. I-III. – СПб.: тип. В. Безобразова и Комп., 1863-1864.

826. Тронх. разг. – The Trondheim Russian-German Ms Vocabulary [Текст] / Ed. by

S.S. Lunden. Oslo; Bergen; Trömso, 1972. – V, 347, 150 p.

827. Шанхай 1994 – Русско-китайский толковый словарь сленга. – Шанхай: Изд-во переводов, 1994. – 317 с. (ISBN 7-5327-1140-4/Z 062).

828. Шеломов 1846 (1852) – *Шеломов, П. [П.]* Сборник слов каргопольских [Текст] / П. [П.] Шеломов // Олонецкие губернские ведомости. – 1846. – № 11 (14 марта). – Ч. неоф. – С. 8-9; № 12. – С. 6-8; № 13. – С. 7-8; № 14. – С. 8-9; № 16. – С. 9-10; № 17. – С. 5-6; № 18. – С. 9-10; № 21. – С. 8-9; № 25. – С. 8-9; 1852; № 20. – С. 5-7.

829. Эрдман 1857 – *Эрдман(н), Ф.И.* Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря по Новгородской губернии» [Текст] / Ф.И. Эрдман(н) //Учёные записки Казанского ун-та. – 1857. – Кн. 2. – С. 106-167.

830. Яновский 1803-1 – *Яновский, Н.М.* Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту... [Текст] / Н.М. Яновский. – Ч. 1. – СПб.: При императорской Академии наук, 1803. – 868 стб.

831. DACCO – DACCO: The Open Source English-Catalan Dictionary. 252 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.catalandictionary.org/eng/printed/Catalan_English_with_notes_for_English_Speakers.pdf (дата обращения: 22.09.2015).

832. Drummond, Perkins 1973 – *Drummond, D.A.* (eds.) A Short Dictionary of Russian Obscenities, 2nd ed. rev. [Текст] / D.A. Drummond, G. Perkins. – Berkeley, Cal.: Berkeley Slavic Specialities, 1973. – 34 с.

3а. Текстовые источники

833. Андреев 1938 – *Андреев Н.П.* Былины: [Вступительная статья] // Былины: Русский героический эпос / Вступ. ст., ред. и примеч. Н. П. Андреева. – [Л.]: Совет. писатель, 1938. – С. 5-36.

834. Архангельский 1854 – *Архангельский, А.* Село Давшино, Ярославской губернии Пошехонского уезда [Текст] / А. Архангельский //

Этнографический сборник, издаваемый Императорским Русским Географическим Обществом. – Том 2. – СПб.: тип Э. Праца, 1854. – С. 1-80.

835. Афанасьев, Сказки- – *Афанасьев, А.Н.* Народные русские сказки [Текст] / А.Н. Афанасьев: В 3 т. – М.: Наука, 1984–1985. – (Лит. памятники).

836. Барсов- – *Барсов, Е.В*. Причитанья северного края [Текст] / Е.В. Барсов. – Ч. I. Плачи погребальные, надгробные и надмогильные. – М.: Тип. «Современ. Изв.», 1872. – XXX, 327, XXXIII с.; Ч. II. Плачи завоенные, рекрутские и солдатские. – М.: Унив. тип., 1882. – [10], LVI, 335, [2] с.; Т. III. Плачи свадебные, рукобитные, разлучные, баенные и предвенечные // Чтения Московского общества истории и древностей российских». – М.: Унив. тип., 1885. – Кн. III. – С. 1-160 (отд. паг.); Кн. IV. – С. 161-256 (отд. паг.).

837. Беломорские 2002 – *Марков, А.В*. Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А.В. Маркова. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. – 1080 с. – (Памятники русского фольклора).

838. Былины 1938 – Былины: Русский героический эпос / Вступ. ст., ред. и примеч. *Н.П. Андреева*. – [Л.]: Совет. писатель, 1938. – 576 с. – (Б-ка поэта).

839. Былины 1988 – Былины [Текст] / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф.М. Селиванова. – М.: Сов. Россия, 1988. – 576 с. (Б-ка русского фольклора).

840. Гильфердинг 1873 – *Гильфердинг, А.Ф*. Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года [Текст] / А.Ф. Гильфердинг. – СПб.: Тип. ИАН, 1873. – LVI, 1335 с.

841. Гуляев 1848 – *Гуляев, С.И*. Этнографические очерки Южной Сибири [Текст] / С.И. Гуляев // Библиотека для чтения. – 1848. – Т. XC. – Отд. III. – С. 1-142.

842. Гущина 1928 – *Гущина С.Ф*. Материалы по народной кулинарии (Русское

население Тункинского края) [Текст] / С.Ф. Гущина. – Иркутск: Вост.-Сиб Отдел ГРГО, 1928. – 26 с.

843. Дементьев 2010 – *Дементьев, В.В*. Вологда и вологжане [Электронный ресурс] / В.В. Дементьев. – Вологда: [без изд-ва], 2010. – 272 с. – Режим доступа: http:/www.booksite.ru/ recollection/37.htm#13 (дата обращения: 22.09.2015).

844. Добровольский 1908 – *Добровольский, В.Н*. Киселевские цыгане. – Вып. 1. Цыганские тексты [Текст] / В.Н. Добровольский. – СПб.: Тип. ИАН, 1908. – VIII, 82 с.

845. Крестовский 1865 – *Крестовский, Вс. Вл*. Петербургские трущобы [Текст] / Вс. Вл. Крестовский // Отечественные записки. – 1865. – Т. CLX. – № 5. – С. 1-70; № 6. – С. 335-364; №. 10. – С. 475-510.

846. Крестовский 1898 – *Крестовский, Вс. Вл*. Собрание сочинений Вс. Вл. Крестовского. – Том 1. Петерб. трущобы. Ч. 1-4 [Текст] / Вс. Вл. Крестовский. – СПб.: Изд. т-ва Общественная польза, [1898]. – 345 с.

847. Крестовский 2011 – *Крестовский В.В*. Петербургские трущобы: книга о сытых и голодных [Текст] / Вс. Вл. Крестовский. – М.: Альфа-Кн., 2011 – 1213 с.

848. Крестовский – *Крестовский В*. Петербургские трущобы [Электронный ресурс] / Вс. Вл. Крестовский. – Режим доступа: http://az.lib.ru/k/ krestowskij_w_w/text_0010.shtml (дата обращения: 22.09.2015).

849. КС-3 – Курский сборник. – Вып. 3. – Курск: Типография Губернского Правления, 1902. – 2, XIV, 70, 123, 15 с. (Материалы по этнографии Курской губернии. Пригот. к печати В.И. Резанов, XIII.)

850. Леонов 1928 – *Леонов Л*. Вор. Роман в 4 частях [Текст] / Л.М. Леонов. – М.; Л.: ГИЗ, 1928. – 542 с.

851. Леонов 1932 – *Леонов, Леонид*. Белая ночь [Текст] / Л.М. Леонов. – М.: Огонек, 1932. – 64 с. (Биб-ка «Огонек». – № 29 (682)).

852. Леонов 1936 – *Леонов Л.* Вор. Роман в 4 частях [Текст] / Л.М. Леонов. – М.: Гослитиздат, 1936. – 459 с.

853. Леонов 2009 – *Леонов, Л.М.* Вор. Роман [Текст] / Л.М. Леонов. – М.: Эксмо, 2009. – 636 с.

854. Лопарёв 1896 – *Лопарев Х.М.* Самарово (село Тобольской губернии и округа). Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом [Текст] / Лопарёв Х.М. – СПб.: Тип. ИАН, 1896. – VII, 246 с.

855. Лопарёв 1960 (1896) – *Лопарёв Х.М.* Самарово (село Тобольской губернии и округа). Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. СПб., 1896 [Текст] / Х.М. Лопарёв // *Цомакион Н.А.* Историческая хрестоматия по сибирской диалектологии. – Красноярск: [б. и.], 1960. – С. 113-119.

856. Майков 1869 – *Майков, Л.Н.* Великорусские заклинания [Текст] / Л.Н. Майков. – СПб.: Тип. Майкова, 1869. – 164 с.

857. Майнов 1874 – *Майнов, В.Н.* Поездка в Обонежье и Корелу [Текст] / В.Н. Майнов. – СПб: Тип. В. Демакова, 1877. – 164 с.

858. Майнов 1877 – *Майнов, В.Н.* Поездка в Обонежье и Корелу [Текст] / В.Н. Майнов. – СПб: Тип. В. Демакова, 1877. – 318 с.

859. Машкин 1862 – *Машкин А.С.* Быт крестьян Курской губернии, Обоянского уезда [Текст] / А.С. Машкин // Этнографический сборник РГО. – 1862. – Вып. V. – С. 1-119.

860. Мордовцев 1876 – *Мордовцев, Д.Л.* Ванька Каин. Исторический очерк [Текст] / Д.Л. Мордовцев // Древняя и новая Россия. Ежемесячный иллюстрированный сборник. – Год второй. – № 9. СПб., 1876. – С. 19-37 (Гл. I и II); № 10. – С. 119-135 (Гл. III и IV); № 11. – С. 233-244 (Гл. V).

861. Мордовцев 1994 – *Мордовцев, Д.Л.* Канька Каин. Царь Петр и правительница Софья. Царь и гетман [Текст] / Д.Л. Мордовцев. – М.: Планета, 1994. – 624 с.

862. Пейзен 1903 – *Пейзен, Г.* Этнографические очерки Минусинского и Канского округов Енисейской губернии. Из путевого журнала 1857 г.

[Текст] / Г. Пейзен // Живая старина. – 1903. – Вып. III. – С. 297-357.

863. Пономаренков и др. 1998 – *Пономаренков, В.А*. Традиционные способы совершения правонарушений лицами цыганской национальности [Текст] / В.А. Пономаренков, А.В. Орлов, С.А. Курушин. – Самара: ООО НВФ «Сенсоры, Модули, Системы», 1998. – 32 с.

864. Рокотов 1990 – *Рокотов, С*. Карточный домик [Текст] / С.Г. Рокотов // Аврора. – 1990. – № 9. – С. 52-90; № 10. – С. 40-80.

865. Русская 1987 – Русская историческая песня [Текст] / 3-е изд. – Л.: Советский писатель, *1987*. – 518 с. (Библиотека поэта. Большая серия.)

866. Савельев 1862 – [*Савельев, А.*] (Семитараторец). Заметки о жизни донских казаков [Текст] / А.М. Савельев // День. – 1862. – № 28. – С. 9-13; № 29 – С. 9-11; № 49. – С. 7-9; № 50. – С. 17-18.

867. Савельев 1866 – *Савельев, А*. Сборник донских народных песен [Текст] / А.М. Савельев. – СПб., 1866. – 174, VIII с.

868. СП – Старая погудка на новый лад: Русская сказка в изданиях конца XVIII века [Текст] / Б-ка Рос. акад. наук. – СПб.: Тропа Троянова, 2003. – 399 с. (Полное собрание русских сказок; Т. 8. Ранние собрания).

869. Станюкович 1893 – *Станюкович, К.М. (Костин, М.)* Маленькие моряки [Текст] / К.М. Станюкович // Русская школа. – 1893. – № 1. – С. 29-45; № 2. С. 21-34; № 3. С. 32-46; № 4. С. 34-48.

870. Шейн 1886 – *Шейн, П.В*. Белорусский сборник [Текст] / П.В. Шейн // Сборник Отделения русского языка и словесности ИАН. – Т. 41. – СПб., 1886. – С. 3-585.

871. Шолохов 1928 – *Шолохов, М.А*. Тихий Дон. Роман [Текст] / М.А. Шолохов. – 2-е изд. – Книга первая. – М.; Л.: Мос. рабочий, 1928. – 464 с.

872. Шустиков 1892 – *Шустиков А. [А.]*. Троичина Кадниковского уезда. Бытовой очерк [Текст] / А.А. Шустиков// Живая старина. – 1892. – Вып. II. – С. 71–91; Вып. III. – С. 106-138.

873. Djurin-Markovich 2013 – *Djurin-Markovich, Daniel*. Wurdulac (1) [Текст] //

Daniel Djurin-Markovich. – Berlin: AAAVAA Verlag, 2013. – 286 S.

Указатель примеров

Основные примеры, анализируемые в тексте диссертации. Количественная характеристика

В работе проанализировано более 2190 позиции, из них 1370 впервые предложены или кардинально пересмотрены автором настоящего исследования.

Итого: обработано статистически – 718 позиций (из них 111 конъектур предложено и обосновано автором исследования), рассмотрено в тексте работы – 472 позиции (из них впервые предложены или кардинально пересмотрены автором настоящего исследования 302 позиции), впервые опознано неоправданных цитат из немецких словарей 489, из «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля – 52.

Список «Основные примеры» включает 633 позиции (описания слова, лексикографического решения), из них впервые предложены или кардинально пересмотрены автором настоящего исследования 438 позиции (отмеченных *). В том числе разобранных в Приложении (вне списков, «россыпью», помеченных «П.») 152 позиции, из которых впервые предложены или кардинально пересмотрены автором настоящего исследования 132 позиции.

В Приложении дано дополнительно в списках (4.1.2.2) дано 50 примеров смешения одноэлементных букв, 95 двуэлементных, 65 трёхэлементных, а также дополнительно более 300 слов, попавших в жаргонный словарь из словаря Даля (6.3.3.5.).

Алфавитный список рассмотренных слов с указанием раздела диссертации

Примечание. **Астериск** (*) в правом столбце маркирует те единицы, в которые принципиальные исправления внесены автором настоящено исследования. «**Прил.**» – см. Приложения.

абас	5.1.2, п .7 6.3.3, п. 8	*
а́бвер = *А*БВЕР	4.1.2.4	
абитуриент ‘выпускник учебного заведения’, не ‘поступающий в вуз’	1.1.3.2, п. 1	
абодная	6.3.3	
абодье	6.3.1 6.3.2	*
або́ртник ‘конокрад’	4.2.1	*
абротник ‘конокрад’	3.2.1	
абфи́лькельн	6.2.3	*
абцу́г	6.2.3	*
абым	Прил. 5.2-1.	
абырвалг	Прил. 5.1-3, п. 3.	*
абы́чать	3.3	
авария	5.1.1	
аводь	6.3.2	*
авыльно ‘довольно’	4.3.1	*
агач	6.3.1 6.3.2	
ага́шка	5.2	
аггрегат	5.1.1	
аддула (белор.)	Прил. 1.1-8.	*
адепе́рить	5.1.4 п. 2.	*
ажы́шша = ожы́шша (ежище)	4.1.2.2	
азха ‘тулуп’	4.2.1	*

актодыша	3.2.1	*
а́лав – не ‘платье’	6.2.3 5.1.2, п. 2.	*
ала́ша́	5.2.3	
а́лодь	6.3.1	*
а́марам	4.1.2.4	*
ангрусти	6.2.4	*
андромеда	5.1.3, п. 3.	*
анено́ль	4.1.3.1	*
анте́ки	2.3.1.3.	*
аптекарша	5.2	
арестант(ское)	5.3.3	*
аро́ў [*orou*] (белор.)	Прил. 2.3-1.	*
арх.-шн., арх.-шнк.	5.3.1	
а́рхилин	6.3.2	*
ата́ма	6.3.2	*
атом	1.1.2	
атэ́ўнік (белор.)	Прил. 2.3-1.	*
ахалкетинец	4.2.1	*
ахта́п [к метатезе]	4.2.1	*
ачи́н ‘плечо’ – *г, äгін*	2.2.1	
бал	Прил. 5.2-2.	*
балия – не ‘враг’	Прил. 4.1-2.	*
балму́зо (цыг.)	Прил. 5.1-3, п. 3.	*
ба́нда м.	5.2	*
банзан ‘осужденные японцы’ = *банза́й*	4.1.2.2	*
бара́ба	4.2.1	*
барба	4.2.1	*
бариться	1.1.3.2, п. 5.	*

барма – брама	2.1.1	*
барсетка	1.1.3.2, п. 5	*
баста́нда	6.3.4	*
бата́с	6.3.2	*
батмак ‘вес в 10 фунтов’	4.1.2.1	*
батмин	4.1.2.1	*
ба́хмур	6.3.4	
бачина – не ‘странница’	5.1.2, п. 1.	*
башенный	2.3.1.3.	*
Б г а т ш а н ъ < +*Батман*	4.1.2.1	*
безбабье	4.1.2.4	*
беземертной [осканирка]	4.2.4	*
*безмен = *безамен*	4.2.1 5.2.1	*
безневестный, греч. ἄνυμφος	1.1.3.2, п. 2.	
безреше́нье = безврем́енье ‘беда’	2.2.1 3.2.1	
беккеме́дь	4.1.2.1	*
беле́с	Гл. 4	*
бели́са	Гл. 4	*
бендожник	3.2.1	
бе́нзоль	6.3.4	*
бе́ре	6.2.2 6.2.3	*
берку́шка	5.2.2	*
беспло́дная смоко́вница	5.1.3, п. 3.	*
беспло́дница	5.1.3, п. 3.	
бешпан	4.1.2.2	*
бикасы	3.2.1	
бике	6.2.2	
бильярд	Прил. 5.1-2, п. 7.	*
бисту́ри	5.1.3, п. 3.	*

блокшип(ф)ъ	4.3.1	
бо́ба	5.2.3	*
Бог Б-г	1.1.3.2, п. 2	
бода́ст – бода́сто	5.2.1	
бода́стая	5.2.1	
бо́ди	6.2.3	*
бока́ с паутиной	5.3.3	*
болько	4.1.2.1	
бонум	6.2.3	*
борсетка	1.1.3.2, п. 5	*
борша́ть	6.3.2	
бохи	Прил. 5.1-4, п. 1.	*
бочат	Прил. 5.2-2.	*
брак	5.1.3, п. 1.	*
браконеискусомужьный	1.1.3.2, п. 2	
браконеискусьный	1.1.3.2, п. 2	
брауни́нг	4.2.4	
бре	6.2.3	*
бренгалки [осканирка?]	4.2.4	*
брыкать	5.2.2	*
бубна	5.2.3	
будынка	5.2.2	*
буерга	2.2.1	
буером	2.2.2	*
бужи	5.1.3, п. 3.	*
була́натый [к метатезе]	4.2.1	*
булатный	4.2.1	
бурбон	1.1.3.2, п. 5.	
буржуа-жантильом	5.1.4.	*

бурылье < *будылье*	4.1.2.1	
бусинка	5.1.4, п. 3.	*
буха́	5.2.1	*
быго́к – ч	4.1.2.2	
быки – ‘кусочки мяса’	5.1.2	*
быть на мели ‘быть без денег’	6.3.1	
вайдот/войдот ‘плач’, не ‘палач’	1.2.3	*
валамекі (белор.)	4.1.3.2.	
Валд.	5.3.1	
ва́ндыш	6.2.3	
вантаж	4.2.1	*
варнат ‘вечеринка, пьянка’ = *вариант*	4.1.2.1	*
васьминуса < +*восьминжа* ‘восемь’	1.2.2	*
ватли́ть	5.2.2	*
вато́латься	5.2.2	*
вёдра	5.2.2	*
велегли́вый	4.3.1	
венера	5.1.2, п. 6.	*
вера́нда	5.1.3	
вершала́	Прил. 5.1-3, п. 3.	
ве́тер, ветр	1.1.3.2, п. 5	*
ветерхан	6.2.2 6.2.3	*
вечеринка [опечатка]	4.2.1	*
взаигры	5.2.1	*
вздо́нжить	6.3.2	*
видко	4.1.2.1	
виж ‘визг изда́ли (двери)’, не ‘и́здали’	1.3.2	*
винегрет	1.1.3.2, п. 1	
виринье	Прил. 4.2-3.	*

Влад.	5.3.1	
воздуся́	5.2.2	*
волдат ‘солдат’	2.3.1.3.	*
воляпюк	Прил. 5.1-3, п. 3.	*
вопу дать	4.2.1	
воро́сы – б	3.2.2	
восемжа́ ‘8’	1.2.2	*
воскрытие < *воскрылие*	4.1.2.1	
вотеть = *вопи́ть*	4.1.3.1	*
во́чник ‘сыпь на губах и лице’	2.1.3	
вретище – не ‘корзина’	Прил. 5.1-2, п. 2. Прил. 5.1-2, п. 4.	*
ву́дер – не ‘зверь’	5.1.1 6.2.2	*
вуравель	6.2.2 6.2.3	*
вши́варь	6.3.3	
Вшивая горка	1.1.3.2, п. 2	
вы́ватия ‘сваха’	2.2.3 2.3.1.1.	*
вы́злунь	6.3.2	*
вынь	6.3.2	*
выпас	5.2.1.	*
вы́ступец	Прил. 5.1-3, п. 3.	
выступец ‘выход’	5.1.1	
вытаго́ньвать	5.1.4, п. 2.	*
вы́тва	6.3.2	*
вьецериться	4.1.2.4	*
вѣтюгъ вутюг – утюг [окодирка]	4.2.4	

вэр	6.2.2	
гав – не ‘деревья’	5.1.2, п. 1.	*
га́гри	6.3.2	*
га́зить	6.3.2	*
гайта́н	5.1.3, п. 4.	*
гали́ник ‘тайник’ = гашник	4.1.3.2	*
га́лустница – золовка? – ‘селёдка’	5.1.2	*
гамока = *галюка* ‘ветка дерева’	2.2.2 3.2.2	
гане́льник = +*чапельник*	4.1.2.1	*
гапельник = +*чапельник*	4.1.2.1	
гапка = *чапка*	1.1.3.2, п. 1	*
гаубист	Прил. 5.1-3, п. 4.	
гаши́рпа	4.2.3	*
гирший	6.3.1 6.3.2	*
гланда	6.2.2	*
гле́ча	6.3.2	*
глечик	6.3.3	
гли́тшин	6.2.3	*
глубонька	3.1.3	*
гма́ра	6.3.2	*
гнуть дугу	4.3.1	*
голец – см. *гольчиха*	5.1.2, п. 3.	*
голо́ва	6.3.3	
голоко́ст, греч. ὁλοκαύστος	1.1.3.2, п. 5.	
голубок	5.2.2	*
гольчи́ха	5.1.2, п. 3.	*
гомыра [к метатезе]	4.2.1	
гонять быков	5.1.2	
горуни	4.1.2.1	*

Господь, см. *Бог*		
гофкригсрат	Прил. 5.1-3, п. 3.	
гре́бта	5.1.3	*
граль	6.2.2	*
гранд мокрый	5.1.3, п. 2.	*
грант	5.1.3, п. 2.	*
г̲руни́ть – т?	2.3.2.1	
г̲рунца́ – т?	2.3.2.1	
гуна́к̲	6.3.2	*
гуначи́къ	6.3.3	
гу́рий	6.3.1	*
гури́ться	6.3.2	*
гусп̲е́лый	2.3.1.2 2.3.2.3	*
гу́тин	6.3.2	*
дадо́н	6.3.2	*
девя́нжа ‘9’	1.2.2	*
де́дер	6.3.2	*
дё́ма	6.3.2	*
дёмка	6.3.3	
депе́риться	5.1.4, п. 2.	*
ди́кенький	2.3.1.1.	*
диле	6.2.2	
дне́сить	5.1.3, п. 3.	*
доконати	Прил. 5.3-3.	*
дол̲г̲ъ < *+до̲м̲ъ* (толк. к *рымъ* у Даля)	4.3.1	
дольежник = долбежник	Гл. 3	
до̲м̲она́льно – ск	2.3.2.1	*
до́т̲лый	3.1.3	
дочи́ть	5.2.2	*

дрёмово задать ‘убежать от кого-либо’ – *а́л*	2.2.3	*
дрочёна	Прил. 5.1-3, п. 4.	*
дуби = *дуёк* ‘два рубля’	4.1.2.4	*
дуель ‘метель’	1.2.3	*
духтъ	4.2.2	*
душеприка́зчик, душеприка́зчица ‘тот, кто приказывает кому-то’	1.1.3.2, п. 3	
евек	6.2.2	*
е́дрый ‘желтый с красным, бурым оттенком’	4.2.1	*
ела = *ёла* ‘лодка’	4.1.2.4	*
еле = *ёлс* ‘леший, черт’	2.3.2 Гл. 3	*
ель = *ёль* ‘ручей в лесу, лесная речка’	4.1.2.4	*
епу́тный [опечатка]	4.2.1	*
ер(ец) – не ‘земляк’	Прил. 5.1-2, п. 2.	*
ермак ‘яблоня?’	2.2.2	
ерути́на	6.3.2	*
ерхаку́к	2.3.1.3.	*
железный нос	5.1.3	*
желе́зный фра́ер	5.1.2	*
железоклюй	5.1.3	*
жидъ	1.1.3.2, п. 2	
жирлюпа	4.1.3.1	*
жпо́дка	3.1.3	
жумга́рь – самолет < *’самогон’	5.1.2	*
завирова́ть	6.3.2	*
загаить	5.1.2, п. 7.	*
заделье	5.1.3, п. 2.	*
задобный	Гл. 4	

за́евый	6.3.2	*
зажирная вода ‘подпочвенная вода’	5.1.1	
закуртеветь – ж	2.1.3	
закусончик – вечеринка	Прил. 5.1-3.	*
замарчить	5.1.3	*
заместить [опечатка]	4.2.1	*
замо́к – серьги	5.1.2	*
заничогнуть	1.1.3.2, п. 1	*
заноза	5.1.2, п. 7.	*
зарки́ ‘зрачки’, не ‘блюдечки’	1.1.3.2, п. 3	*
засапо́жникъ – не ‘поясъ’	Прил. 5.1-2, п. 2.	*
*затра*али* ‘надоели, утомили’	1.1.3.2, п. 2	
затянуться	Прил. 5.1-3, п. 4.	*
захво́й	6.1.1	*
зачары́гать	6.1.2	*
зачелебарить	3.1.3	*
заяпе́рить	5.1.4, п. 2.	*
зграбно	5.1.3	*
зибить боли – наморочить голову *(забить баки)*	3.2.1	
змеевец	5.1.3, п. 3.	*
золотая тырка	5.1.3, п. 3.	*
золоту́ха	5.1.4, п. 3.	*
зо́тка	6.3.2	*
иас	6.2.3	*
иахе	5.1.3, п. 7	
играющий	5.1.3	
из (за?) часта́ куста́	3.3.2	
измеде́ть	Прил. 5.3-2.	

Илион	5.3.2	
ин.	6.2.2	*
йо́гурт	1.1.3.2, п. 1	
ирпъ	Прил. 4.2-3.	
ист. = «Ист.	5.3.1	*
ихтиандр	5.1.3, п. 1.	*
ишчан = +жиган	2.1.3	*
кабни	6.2.2	*
казаки́ ‘казахи’	2.1.2	*
Казан.	5.3.1	*
кайгун = капчук, капшук ‘мешок, кошель / 100 руб.’	2.3.1.1.	*
кайсаки ‘казахи’	2.1.2	
кака-никака	5.2.1.	*
кал(ужское)	5.3.1	*
кала́ум	2.1.3	
калач ‘висячий/навесной замок’	1.1.3.2, п. 4	
кале	6.2.2	
кальмот ‘кусок / 1000’	1.2.3	*
камень	5.1.4	*
кампошка < каплюшка	1.1.1.3	
камышевка	5.1.2	*
кара́ндаш	6.3.3	
ка́рик	6.2.3	*
Каролина Ивановна	6.1.1	*
квартирант	5.1.3	
квиты ‘просты’	Прил. 5.1-3, п. 5.	*
кейбе	6.2.2	
КиматЪ	4.1.2.4	*
кириц	2.1.3	

кле́вый	5.1.3	
климовство́	5.1.3	*
клякспапир	5.3.3	*
кля́нец	2.1.3 3.2.1	
ко́га	5.1.3	*
койсну́ть	5.1-3, п. 5.	*
кокотки́ ‘наружные сгибы пальцев’ < +казанки	4.1.3.1	*
кол ‘один <рубль>’	5.1.2	
колёса	5.2.2	*
колобрежцы	5.3.2	*
колодка	5.1.3, п. 3.	*
коржи́на	5.1.4	
КосатЪ	4.1.2.4	
костур ‘полка’ – *а*	4.1.2.1	*
кот	5.1.2, п. 7.	*
красавчег	1.2.3	
краснуда ‘поезд с контейнерами’ < *красну́ха*	4.1.2.2	*
креатифф	1.2.3	
крестовый дом	5.1.3	
кросны	Прил. 5.1-2, п. 8	*
круглый дом	5.1.3	*
крэса́ло	Прил. 5.1-3, п. 3.	*
ксандрейка	5.1.4	
кувура, швура ‘вера’ [окодирка]	4.2.4	*
ку́годзина	1.2.3	*
ку́гровина	5.1.3	
кудсе́ть	5.2.2	
кужите_клы [опечатка]	4.2.1	*

куклеван	4.2.1	*
куколевана	4.2.1	*
кума́точекъ	1.2.3	*
ку́пец	6.3.3	
куропа́шка	4.1.2.1	
кусушник	4.1.2.4, 4.2.4	*
ку́часто	1.2.3	
ла́йда	6.3.1	*
ланга – не ‘платье’	5.1.2, п. 2.	*
ласо – масло < ‘мало’	5.1.2	*
ла́со ‘мыло’ < ‘мало’	5.1.2	*
легерсы	5.1.3	
ловь ‘олово’	2.1.3	*
локо́шник	6.3.4	
лоорь ‘олово’	2.1.3	*
лоша́нок	4.1.2.4	
лудь ‘луг’	4.1.2.3	
луна́	5.2.2	*
лупа́ть	1.2.2	*
лупе́ликой ‘о картошке в мундире’ – *ш*	2.2.3 3.2.1	
лурта – хурта (пурга)	2.3.1.2 Гл. 3	*
лытдыбр	4.2.3	*
мазет ‘сверток, узелок с деньгами’ (מזל) = *мазет*	4.1.2.3.	
майонтка	5.2.2	*
макса	5.1.4	
малышка – низкорослый мальчик	Прил. 5.1-3.	*
мана́тка	1.2.2	*
манд	6.2.3	*
ману́фта	5.1.3, п. 2.	*
маргафон [к метатезе]	4.2.1	*

масклёвый	Прил. 4.2-3.	*
мат	6.2.3	*
маяк ‘условный знак’	6.3.1	*
мерзу́лька ‘мерная стопка’ < *мензурка, мерзавчик*	1.1.3.2, п. 5.	
местник ‘мститель’	5.1.1	
метáтка ‘рубаха’ < *манáтка*	1.2.2	*
мимолость	3.1.3	
мн.	5.3.3 6.2.2	*
мозель ‘полный карман’ (מזל) = *мазет*	4.1.2.3.	
монтреза ‘мать’ – франц. *mon trésor* ‘моё сокровище’	1.3.4	*
Мсещов.	5.3.1	
мус(ш)карáдный	4.3.1	*
мусе	6.2.2	*
му́сить	6.1.1	*
му́челка ‘мученица?’	2.2.2	
мѣшокъ > *мушокъ* [окодирка]	4.2.4	*
навли́хк	2.3.2.2	*
надевка – надевание	Прил. 5.1-3.	*
накля́мка	Прил. 4.2-3.	*
накуряться ‘намокнуть, накупаться, погружаясь в воду с головой’, не ‘накуриться’	1.1.3.2, п. 3	
намо́рдник	5.1.3	*
нарачи́ ‘нароком’	5.1-3, п. 5.	*
нафке	6.2.2	
нахлебник	5.1.3	
нашаромыжку	5.2.1	
нашнепáтъ	6.1.2	*
не́буди, Nébudy, Národy	1.2.2 4.2.1 6.2.2, п. 3	*
неклéво саскла́вить	5.2.1	*

н е н е в е́ с т н а я	1.1.3.2, п. 2	
непотаго́нить	5.1.4, п. 2.	*
неприглаженный	Прил. 5.1-3, п. 4.	
несов.	5.3.3	
неталь	4.1.2.3	*
нефе́ля	5.2.2	*
нивизать	4.1.2.1	*
низби́ка = *низбинка* ‘низинка’	4.2.1	*
нико́нто	5.1.2, п. 3.	*
ночевая	Прил. 5.1-3, п. 4.	*
обвагривать < +*обваживать* ‘обвешивать’	1.2.2	*
овриг, овринг	1.3.2	*
огуня́ть ‘выздороветь’ – *ч*	2.2.3	
один ‘кол’	5.1.2	
одын	Прил. 5.3-2.	
ожеле́нщица	2.3.1.3.	*
окиган = +*жиган*	2.1.3	*
окоём ‘горизонт’, ‘отщепенец’	1.1.3.2, п. 5.	
окормление	Прил. 5.1-3, п. 4.	
олигарх	1.1.2	
омеж	3.1.3	
омихну́ться	5.1.2	*
опакишь	Прил. 5.2-1	
охерачить – достать	Прил. 5.1-3.	*
охло́н	6.1.2	*
падлая	5.2.1.	*
пакма	3.1.3	

паля́ны	6.1.1	*
панисади́ло ‘паникадило’ *ис – ек*	4.1.3	*
паритель – пиритель (др.-рус.)	5.1.1	
пасти поляну ‘стоять на страже’	6.3.1	
па́тика	6.2.3	*
перела́з	6.3.4	*
перечица [к метатезе]	4.2.1	*
пешке́ш	Прил. 5.3-1.	
пику́шка	5.2	
пиро́й ‘пирог’ [опечатка]	4.2.1	*
пите́льийе	2.1.1	
підка́стінг (укр.)	1.1.3.2, п. 5	*
пкетой	4.1.2.1	
пла́мена	5.1.3, п. 4. 6.2.2 6.2.3	*
пмогавить < *плюгавить*	1.1.3.1	
пмогавый < *плюгавый*	1.1.3.1.	
поверение	Прил. 5.1-3, п. 4.	
пове́рся	5.2.1	*
погурка	5.2.2	*
подлачить ‘подметить’, не ‘подметать’	5.1.1	*
подн =понд ‘очередь, толпа’ [к метатезе]	4.2.1	*
подъярок	5.2.2	*
по́игры	5.2.1	*
покрывало	5.1.4, п. 3.	*
полетить = полстить	2.2.1	
ползегар	1.3.2 5.1.3, п. 3.	*
политзактырка	4.2.1	*

полова (+голова?) – ‘чердак’	5.1.2, п. 5.	*
половинка	5.1.3, п. 1.	*
полоумный (παλαβώμενος ‘сумасшедший, дурашливый’)	1.1.3.2, п. 5	
помоги = подмочи [опечатка]	4.2.1	
понравица	1.2.3	
порох	Прил. 5.3-1.	
порция ‘порча’	1.2.3	*
почбранюшечка	4.2.1	
пошурать ‘потереть’, не ‘потерять’	2.3.3	*
поясные цены	5.1.1	
ППД (ППШ) – не ‘автомашины’	Прил. 5.1-2, п. 2.	*
православные-савотѣйки,	Прил. 4.2-3.	*
привёрток ‘педаль (прялки)’	1.3.2	*
примкнуться = приткнуться	2.3.2.3	*
прихватизация	1.1.3.2, п. 5	
пришадь	2.3.2.2	*
проба	Прил. 5.1-2, п. 4.	*
проныра (πονηρός ‘злой, лукавый’)	1.1.3.2, п. 5.	
проталить	5.1.2, п. 7.	*
профискалить	Прил. 5.2-3.	*
пуг-а, пуж-к-а	2.3.1.2.	
пух	5.1.3, п. 4.	*
пхень	5.1.2, п. 3.	*
пшер [осканирка?]	4.2.4	
разволочная изба	5.1.2	*
ракан	4.1.2.1	
ракло, рокло	4.1.2.4	*
рамазáн	6.3.3	

ра́миша	6.3.3	
рат	6.2.3	*
ре́вка	6.3.2	*
ремса = ремеса́	4.2.1	*
ри	6.3.2	*
ри́га	6.3.2	*
ром ‘цыган’	4.1.2.4	*
ронкопмгл = прекрасно (опечатка)	4.2.2	
роскульници	Прил. 5.1-3, п. 3.	*
рром ‘цыган’	4.1.2.4	*
рым	6.3.1	
са́кать	6.3.2	*
санечкар ‘саночник’	2.3.1.3.	*
сап	6.2.3	*
сапу́н ‘мало’ < ‘мыло’	5.1.2	*
светки	Прил. 5.1-3, п. 4.	*
свечки	5.1.3, п. 3	
святой дождь	5.1.4	*
сгу́мить	6.3.2	*
се́легень ‘селезень’ [опечатка]	4.2.1	*
семжа́ ‘7’	1.2.2	*
серёга	6.3.2	*
серые щи	5.1.1	*
серьга ‘висячий/навесной замок’	1.1.3.2, п. 4 5.1.2	
сеун	4.1.2.2	*
си́вгород	5.1.3, п. 1.	*
си́деть	4.2.4	

сиковать	6.3.2	*
сикта́ть	6.3.3	*
сильфи́ды	Прил. 5.1-3, п. 3.	*
скес	6.3.2	
скрену́ха “кошик”	4.1.2.1	*
скрин ‘ночь’	6.3.1	*
скро́мкий	Прил. 5.1-1.	*
скрути́ться	5.2.2	*
скруча́ться	5.2.2	*
скрыбаки́	5.3.1.	
см. = См. <у.>	5.3.1	*
смутли́вый	5.3.1.	*
снафи́да (снофида)	5.1.3, п. 4.	*
сно́та	6.3.2	*
сон = сок	2.3.1.2.	
спафе́й	6.3.2	*
спечеик = спенёчек	3.3.2	
спобо́чить	5.1.2, п. 8.	
сполстично	2.1.1	
спосишбать [к метатезе]	4.2.1	*
стегня	5.2.2	*
сте́шки	4.3.1	*
стинура п	1.1.3.2, п. 5	
стокъ	5.2.2	
стол ‘чернила?’ (Sfteaul, Dinte)	2.1.3	*
стома	5.2.2	
стомах	5.2.2	
страва	Прил. 5.1-3, п. 3.	*

страусить – ж	1.2.2	*
стрѣла > *струла* [окодирка]	4.2.4	*
стыгун [опечатка]	4.2.1	*
сувалки	4.3.2	*
сударцы (дат. пад. ж. р.)	5.2.2	*
судятъ = *суда-то*	3.3.2	
супир ‘перстень’	1.3.2	
сфискалить	Прил. 5.2-3.	*
схизать ‘толковать’ = тосковать	4.1.2.2	*
счастливить	5.1.3	*
сябер	5.1.3, п. 2.	*
тагáнить	5.1.3, п. 2.	*
тазал	5.2.2	*
танáк	6.3.4	*
тандит	6.3.2	*
тандитчик	6.3.3	
тарбачанъ	4.1.2.1	*
тасоваф	6.2.3	*
таубеное	1.2.3 2.2.3	*
Теблешковский	4.1.3.1	*
титька	1.1.3.2, п. 2	
Трал	5.3.1	
тренóза	5.2.1	*
трóитЪ	4.1.2.4	*
троснка ‘лодка’	2.3.1.2.	*
трощить	5.1.4	*
тýта	6.3.2	*
тхилъ ‘мыло’ < ‘масло’	5.1.2	*
тяхтáть	6.3.2	*
увёрт = *уверт* ‘игра с открытыми картами’	4.1.2.4	

у́вя	5.2.2	*
угол	Прил. 5.1-3, п. 4.	*
уксус	5.1.2, п. 7.	*
ун	5.1.3, п. 4.	*
Унарелия [осканирка]	4.2.4	
упа́сувать	5.2.2	*
усекти, усечь	5.2.2	
ухета́ть	5.1.1	*
фармазон	4.2.1	
фа́я	6.3.2	*
Феба	5.2.2	
фезаво	Прил. 5.1-4, п. 1	*
фефе́ра	5.2.3	*
фиш	5.1.2, п. 7.	*
фольк.	6.1.2	
фо́ро	6.2.3	*
фо́ска	6.3.4	
фрей	Прил. 5.1-3, п. 3.	*
фуз	6.2.3 6.2.4	*
фу́за	5.1.3, п. 2.	*
хайло́	Прил. 5.1-3, п. 4.	*
халявый	Прил. 5.1-1.	*
халя́ть	6.3.2	*
хами	6.2.2	
характерны́й	4.2.4	
харал	6.3.3	*

ха́ратка	6.3.2	*
ха́ре	6.3.3	
хваршировaи	1.1.3.2, п. 5	
хипесница, хиписница	4.1.2.4.	
хмариться	5.1-3, п. 5.	*
хохавабе	6.2.2	*
хриза́	6.3.4	*
ху́тить	Прил. 5.1-3, п. 4.	*
цу́лей ‘мужчина’	2.3.1.3.	*
цаца	5.1.2, п. 7.	*
цвинтар	5.1.4, п. 1.	*
цело	Гл. 4	
цепочка – ‘паутина’	5.1.2, п. 5.	*
цикорий – не ‘эксперименты’	Прил. 5.1-2, п. 2.	*
цирлы	5.1.3, п. 4.	*
цобиханен	6.2.2	*
цоло	Гл. 4	
цувли	6.2.2	*
цырлы – см. *цирлы*	5.1.3, п. 4.	
чабун	5.1.2, п. 7 6.3.3, п. 8.	
чайник	5.1.2, п. 6.	*
ча́ка	6.3.2	*
чакчи́ры	5.1.3, п. 3.	*
чалдон	5.1.3, п. 4.	*
чамови́тый	6.3.2	*
чапка, чейчка	1.1.3.2, п. 1 Прил. 3.2-1.	

чарома ‘чарочка’	1.1.3.2, п. 4	*
чвирц	6.1.1	*
чейчка	Прил. 3.2-1.	
че́реп	5.1.3, п. 4.	*
чикчи́ры	5.1.3, п. 3.	*
чрма́къ ‘чуман (сосуд)’	4.1.2.1	*
чукавый ‘сметливый’	6.3.1	
чу́коч	5.2.2	
шаван	Прил. 5.1-2, п. 7.	*
шагъ – ку́разъ ступо́рить	5.2.1	*
ша́лер	6.2.3	*
шалото ‘болото’, не ‘долото’	5.1.1	*
шалютра = шамо́тра	4.1.3.1	*
ша́ньга	5.1-3, п. 5.	*
шара – см. *ашар*	4.3.1	*
шарёш	5.1-3, п. 5.	*
шатаный	5.1.2	*
шателен	5.1.2, п. 7.	*
шатрова мельница – часть?	4.3.2	*
Швейная горка	1.1.3.2, п.	
шемизе́тка	5.1.4	*
шигач = +шепа́ч	4.1.3.1	*
шкарытар	Прил. 4.2-3.	*
шкатула – шкатулка	5.1.2, п. 5.	*
шкафъ, шкапъ	5.1.2, п. 5.	*
шлю́мка	Прил. 5.1-2, п. 7.	*
шмирлинг	5.1.2, п. 1	*
шнажъ	3.1.3	

шниво ‘около’ – *н*	4.2.4	*
шоссе́	5.1.4, п. 4.	*
шпафъ = *шпаеръ*	4.1.3.1	*
штани́ть [к метатезе]	4.2.1	
щупова = *глупова* ‘глупого’	2.2.1	
шутл.	5.3.3	
шушпан	5.1.2, п. 7.	*
эйнгер / эйгер ‘висячий/навесной замок’ (הענגער)	1.1.3.2, п. 4	*
эрский	Прил. 5.1-3, п. 4.	
юма	5.1.3, п. 4.	*
я́перить	5.1.4, п. 2.	*
Яран. = *Ярен.*	5.3.1	
яруг	5.1.3, п. 4. 5.1.4, п. 3.	*
я́рус = *ясырь* [опечатка]	4.2.1	
ясна	5.1.2, п. 8	
calixrama	2.1.1	*
Doré = *«Doré», «Dorй», «Doré»* [окодирка]	4.2.4	*

Список рисунков и графиков

Рис. 1. Выписка из [Буслаев 1852: 43-44] 116

Рис. 2. «Домонально – обстоятельно» [Несколько 1853: 330] 118

Рис. 3. Карточка СРНГ, почерк В.И. Чернышёва 135

Рис. 4. Прописные печатные буквы 142

Рис. 5. Различимость заглавных букв А и Л разных гарнитур 143

Рис. 6. Слово изданія (А.А. Аракчеев) 156

Рис. 7. Разрывы внутри слов у А.А. Блока и Н.С. Гумилёва 157

Рис. 8. Начертание прописного «Б» у В.П. Бурнашева 215

График 1. Частотность букв в жаргонных словах словаря 1927 г., совпадающих с общеупотребительными словами 165

График 2. Частотность букв в специфических словах словаря 1927 г. 166

График 3. Частотность букв в цыганском слое словаря 1927 г. 167

График 4. Частотность букв в восточнославянских языках 168

График 5. Сводный график трёх выборок 182

График 6. Распределение ошибок прочтения по 5 группам у 6 авторов 193

График 7. Распределение ошибок прочтения по 5 группам: усреднённые данные 6 авторов, материалы Л.Л. Крючковой и 2 выборки по материалам XI – XVII вв. 195

Рис. 9. Карточка СРНГ, почерк В.И. Чернышёва 313

Рис. 10. Выписки из статьи А.Ф. Бычкова 1872 г. имеют стандартный штамп 336

Рис. 11. Слово *Когъ* (кочъ) на карточке 547

График 8. Наложение графиков для ошибочных и исправленных букв на график частотности букв в русском алфавите 533

График 9. Встречаемость букв в выбранных фрагментах словаря Потапова

536
График 10. Распределение нейтрализаций графем по офенским материалам В.И. Даля 540
График 11. Нейтрализация графем в английской латинице 542
График 12. Нейтрализация графем в в словенско-хорватской и французской латиницах 543
Рис. 12. Карточки со словом ерхакýкъ 554
График 13. Ссылки на диалектный материал трёх областей в СРНГ 601

Список таблиц и схем

Таблица 1. Структура металексикографии 24

Таблица 2. Сравнение трактовок понятий внутренняя и внешняя критика 55

Таблица 3. Количество глаголов *тереть(ся)* и *терять(ся)* 125

Таблица 4. Сопоставление особенностей графики (прописей) русского, английского и новогреческого языков 137

Таблица 5. Встречаемость трёх групп букв в русском алфавите и тексте в сопоставлении с двумя другими 138

Таблица 6. Список исходных элементов, образующих рукописные строчные буквы в русском языке 146-148

Таблица 7. Нейтрализации строчных рукописных графем (взрослый почерк) 149

Схема 1. Нейтрализации при прочтение трёхэлементного сегмента 153

Таблица 8. Примеры нейтрализаций, приводящих к различным прочтениям сегмента из трёх элементов типа *ı ı ı* или *е е е* 153

Таблица 9. Количество нейтрализаций элементов графем по конъектурам В.И. Даля в «Толковом словаре»: поэлементный анализ 154

Таблица 10. Сводные данные по трём выборкам 178

Таблица 11. Показатели частотности (для случайной выборки, 400 случаев смешения букв) 179-180

Таблица 12. Визуальные нейтрализации букв с количественными показателями для наиболее распространённых пар (на 400 случаев) 181

Таблица 13. Визуальные нейтрализации букв по количеству графических элементов (на 400 случаев) 184

Таблица 14. Сводные данные по конъектурам 6 авторов 192

Таблица 15. Сравнение усреднённых данных по конъектурам 6 авторов с

древнерусским материалом и материалом Л.Л. Крючковой 194
Схема 2. Типы ошибок в написании заглавного слова 205
Схема 3. Традиционные и новые объекты текстологии 207
Таблица 16. Некоторые современные начертания строчных букв 210
Таблица 17. Клавиатура ЙЦУКЕНГ: частотные пары соседних клавиш 250
Таблица 18. Клавиатура ЙЦУКЕНГ: частотные тройки соседствующих клавиш 251-252
Схема 4. Типы ошибок в толковании 279
Таблица 19. Фрагмент таблицы омонимичных флексий 320
Таблица 20. Список омонимичных флексий 322-230
Таблица 21. Распределение слов по признакам цитирования 368
Таблица 22. Представленность новых «цыганизмов» 1992 г. и других выписок из немецкого словаря в ряде позднейших словарей 371
Таблица 23. Распределение слов со знаком «?» по томам в словаре Даля 394
Таблица 24. Суммарная оценка 44 слов по критериям 400-402
Таблица 25. Представленность 44 слов списка в позднейших словарях 406
Таблица 26. Суммарная оценка слов по критериям (ядро) 409
Таблица 27. Суммарная оценка слов по критериям (периферия) 411
Таблица 28. Фрагмент таблицы для оценки слов по критериям (периферия – меньше 2,5 баллов) 411-412
Схема 5. Модель человеческой деятельности 527
Таблица 29. Соотношение терминов в области теории ошибок 528
Таблица 30. Частота русских букв в процентах и др. 531
Схема 6. Строчные рукописные буквы. Порождение рангов 532
Таблица 31. Количество букв в выбранных фрагментах словаря (заглавные

слова) 535
Таблица 32. Количество нейтрализаций букв (на 400 случаев) 537-538
Таблица 33. Показатели частотности (для случайной выборки, 400 случаев смешения букв) с разбивкой букв на группы по количеству элементов 539
Таблица 34. Нейтрализации графем по офенским материалам В.И. Даля 540
Таблица 35. Нейтрализации графем в английской латинице 541
Таблица 36. Нейтрализации графем в словенско-хорватской и французской латиницах 542
Таблица 37. Распределение слов по признакам цитирования (с детализацией по спискам слов) 602